СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

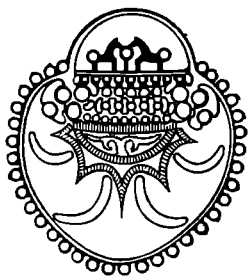
1

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, Е. И. Крупнов,
Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Ответственный секретарь *Р. М. Мунчаев*

Адрес редакции:
Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-02625. Подписано к печати 4/I-1965 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 11,0
Печ. л. 30,8. Уч.-изд. л. 32,5. Тираж 2035 экз. Заказ 1382

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Статьи

В. И. БИБИКОВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МЕЗИНСКОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОРНАМЕНТА

Всемирно известные костяные изделия из Мезинской палеолитической стоянки, украшенные великолепным геометрическим орнаментом, вновь обратили на себя внимание. Известно, что помимо браслета из бивня мамонта, найденного Ф. К. Волковым, здесь были собраны им, а потом и другими исследователями орнаментированные гравировкой фигурки «птиц-женщин», подвески и иные изделия[1]. В последнее время при раскопках Мезина И. Г. Шовкопляс нашел здесь «шумящий» браслет, обломок бивня мамонта с геометрическим узором и, наконец, лопатку и нижние челюсти мамонта с живописным рисунком сложных зигзагообразных построений[2].

Зигзагообразный узор встречается в памятниках палеолита и на других территориях. Его можно видеть на кости из стоянок Костенки I[3], Авдеево[4], Супонево[5], Елисеевичи[6], Романково[7], Клинец[8], Пшедмост[9] и др. Создается впечатление, что основной областью распространения зигзагообразного узора является главным образом территория Восточной и Средней Европы. В памятниках Западной Европы зигзаг встречается редко и проявляется в иных построениях.

---

[1] Хв. Вовк. Палеолітичні знахідки в с. Мізині на Чернігівщині. Зап. УНТК, Київ, IV, 1909; Ф. К. Волков. Палеолитическая стоянка в с. Мезине Чернит. губ. Тр. XIV АС, III, М., 1911, «Мізин». Визначніші серії кістяних виробів Мізинської палеолітичної стації в освітленні Федора Вовка. Київ, 1931; М. Я. Рудинский. Краткое сообщение о раскопках в Мезине в 1930 и 1932 гг. Рукопись в Архиве Ин-та археол. АН УССР, 1932; З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, А 4—3, М.— Л., 1962.

[2] И. Г. Шовкопляс. Жилища Мезинской стоянки. КСИА, 6, 1956, стр. 8; его же. Некоторые итоги исследования Мезинской палеолитической стоянки в 1954—1956 гг. СА, 1957, 4, стр. 104—106, рис. 5—8.

[3] П. П. Ефименко. Костенки I. М.— Л., 1958, стр. 259—296.

[4] М. В. Воеводский, А. Е. Алихова. Авдеевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, XXXI, 1950; М. Д. Гвоздовер. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 году. КСИИМК, XXXI.

[5] І. Г. Шовкопляс. Кістяні вироби Супоневської палеолітичної стоянки. Археологія, VI, 1952.

[6] К. М. Поликарпович. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг. СА, V, 1940; его же. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. СА, V, стр. 81—87, 285—290; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 32—37.

[7] И. Я. Абрамов. Резная орнаментированная кость из с. Романкова. КСИА, 10, 1960.

[8] В. А. Месяц. Новая находка орнаментированного бивня мамонта. КСИА, 6, 1956.

[9] H. Köhn. Künst und Kultur der Vorzeit Europas. Berlin, 1929, табл. 56.

Обратимся к разбору гравюры и рисунка из Мезинской стоянки, передающих зигзагообразные построения и производные от них композиции. Прежде всего несколько слов о волковском браслете. Напомню, что очень известная композиция рисунка на браслете передает вертикально поставленный плотный параллельно построенный зигзагообразный орнамент, стоящий рядом с меандровым узором. Каждое поле, заполненное «зигзагом» и «меандром», составляет свой метоп. На браслете четко видны два метопа «зигзага» и два метопа сложного меандра (рис. 1). Создается определенное орнаментальное разнообразие при сохранении ритма кругового рисунка.

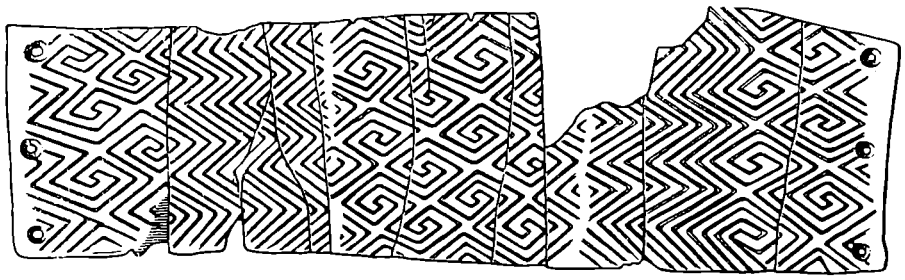


Рис. 1. Широкий «волковский» браслет из Мезина (развертка)

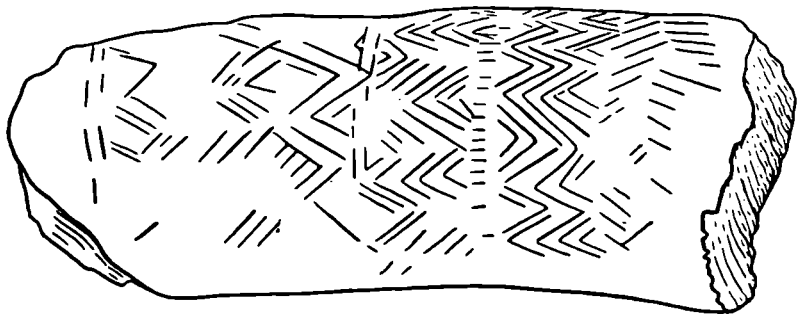


Рис. 2. Мезин. Гравюра на бивне мамонта. Эскиз орнамента для широкого браслета

Простое сопоставление волковского браслета с гравюрой на бивне, найденном И. Г. Шовкоплясом, позволяет установить тождество рисунков [10]. Обломок бивня мамонта с орнаментом из последних находок в Мезине является как бы эскизом, предварительным наброском будущего браслета. Видимо, оба эти изделия выполнены одним и тем же мастером. Не только художественный почерк объединяет эти рисунки, но еще больше сама ритмика построений и смена метопов. На рисунке можно видеть наметку четырех метопов: зигзаг — меандр — зигзаг — меандр (читая рисунок слева направо; рис. 2).

На других мезинских предметах с художественными гравированными изображениями или даже цветной росписью мы видим тот же зигзагообразный сюжет, то несколько упрощенный, как, например, на «шумящем» браслете, то несколько усложненный, как на «птичках-женщинах» или на разрисованных лопатке и челюстях мамонта [11].

Восстанавливая последовательность нанесения рисунка на волковском браслете, т. е. рассматривая самый сложный из мезинских узоров, нетрудно убедиться в том, что здесь простой, вертикально поставленный параллельно построенный зигзаг, данный сначала в правом, а затем в левом направлении, составляет два основных метопа. Это та канва, на которой путем простейших дополнительных линий образуется с виду сложный, оригинальный мотив меандра двух других метопов.

---

[10] И. Г. Шовкопляс. Жилища Мезинской стоянки, стр. 8.

[11] «Мізин», табл. XI—XIX; И. Г. Шовкопляс. Некоторые итоги..., рис. 5—8.

Технически это можно представить следующим образом. Строятся две полосы простого зигзага с противоположно направленными вершинами углов каждая. Образовавшиеся между этими полосами «чистые» квадраты заполняются разорванными линиями того же зигзага. После самых простых соединений этих линий возникает первичный элемент сложного меандра (рис. 3). Предлагаемая схема дает статическое изображение процесса создания меандра. Чтобы получить характерную для Мезина динамичность орнамента, достаточно сдвинуть обе половины схемы по отношению друг к

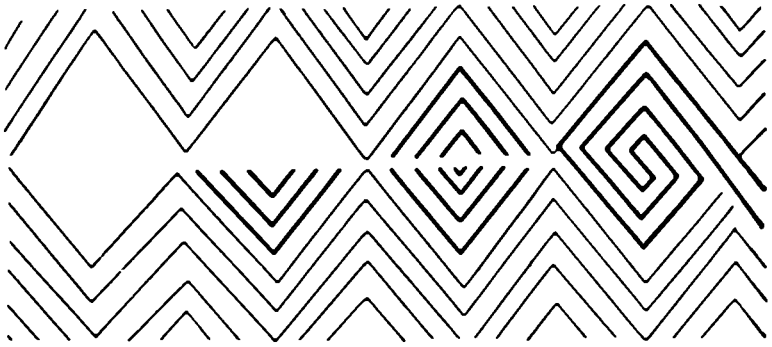


Рис. 3. Схема построения меандра

другу на один просвет зигзага. Тотчас же из внутреннего статического ромба возникает текучий меандр с заворотом по часовой стрелке, а при зеркальном изображении его — с заворотом в противоположную сторону. Процесс построения меандра из зигзага хорошо прослеживается на ряде резных изделий из Мезина [12].

Из предложенного краткого рассмотрения мезинского орнамента можно сделать следующие выводы. Основным и наиболее распространенным является узор зигзага. Позднее на основе зигзага возникает меандр. Палеолитический мастер хорошо ощущал, по крайней мере, две плоскости симметрии и четырехтактность распределения орнамента.

Как же возник этот своеобразный геометрический стиль в древнем искусстве?

Общеизвестно, что мадленское время дает иногда поразительные по своей реалистичности примеры изобразительного искусства в гравюре и скульптуре. Тема животного занимает центральное место в искусстве мадлена. Вспоминаются в связи с этим образцы западноевропейской скульптуры, гравюры и живописи, наши восточноевропейские и сибирские палеолитические изображения (Авдеево, Костенки, Мальта и др.).

Мезинские изделия, украшенные геометрическим орнаментом, как-то выпадают из характерного для мадлена стиля искусства. Это тем более заметно, что во всей пластике Мезина нет слишком ощутимых примеров реалистических изображений, на что уже обращалось внимание [13]. Правда, раздавались голоса и о том, что в геометрическом стиле мезинского искусства отражена техника первобытного плетения [14]. Однако нет никаких прямых доказательств о наличии в палеолите столь сложного домашнего производства. И все же мезинский художник оставался тем же тонким наблюдателем, сумевшим воплотить в искусстве реально наблюдаемые им явления, перерабатывая их в орнаментальную схему.

---

[12] Коллекция Киевского исторического музея, № а 1/7; «Мізин», табл. XIII, *1*; XIV, *1*; XV; XVII; XVIII, *1*, *2*; XIX, *1*; З. А. Абрамова. Ук. соч., стр. 33, фигурки птичек № 1—5, табл. XXXI, *1—5*; стр. 34, изделие 8, табл. XXXII, *5*.

[13] М. Грушевський. Техніка і умілість палеолітичної добы в знахідках Мізинського селища. УАН. Історична серія, 1928; П. П. Ефименко. Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 456—566.

[14] Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 52—55.

Обращусь к вопросу, на первый взгляд не имеющему никакого отношения ни к искусству, ни к археологии вообще. Известно, что бивни мамонта — это непременная находка почти на всех позднепалеолитических поселениях, где сохранился культурный слой. Известно также, что бивни служили разным целям, в том числе являлись и строительным материалом. М. М. Герасимов установил поразительные по совершенству приемы обработки бивня, этого очень плотного материала, при подготовке его к изготовлению пластических изображений [15]. Интересные наблюдения по обработке и орнаментировке кости были сделаны М. Д. Гвоздовер [16]. Бивень мамонта распиливался, разрезался, даже шлифовался; из него изготовляли подчас и очень сложные фигурные скульптуры — человека, животных, какие-то условные изображения, украшения, художественно отделанные бытовые предметы и т. д. Бивни мамонта были всегда под рукой у древнего человека, и он великолепно знал свойства их при разделке и тончайшей обработке. Конечно, столь же хорошо знал первобытный художник и структуру бивня. И вот здесь-то и проявилась острая наблюдательность древнего художника, приведшая его к созданию своеобразного геометрического стиля.

Вглядываясь в детали строения бивня мамонта на срезе, можно заметить даже невооруженным глазом, что процесс нарастания дентина идет не гладкими кольцами (как, скажем, нарастание годовых колец у дерева), а иначе.

Вещество любого зуба, в том числе и бивня, нарастает тончайшими пластинками, обращенными под углом к продольной оси зуба. Поэтому на продольном разрезе бивня структура дентина вырисовывается в виде острых углов. На поперечном же срезе четко выявляются плотные, ритмично расположенные зигзагообразные построения, очень похожие на зигзагообразные орнаментальные мотивы мезинских изделий (рис. 4, 5; фотографии выполнены Н. Я. Местечкиным). Этот зигзагообразный узор виден на срезах бивня, сделанных под разными углами к продольной оси бивня. Причем с увеличением угла среза рисунок зигзага становится все резче. Особенно четко зигзаг выявляется на поперечном срезе, т. е. под углом в 90° к продольной оси бивня. В этом случае наблюдается почти полное совпадение углов перелома зигзага на рисунке бивня с углами зигзагообразного орнамента на широком браслете из Мезина. В обоих случаях углы колеблются в пределах 70—85°. Эти зигзагообразные построения, выступающие на поперечном разрезе бивня, и явились исходными для создания зигзагообразного орнамента. На срезе бивня, сделанном под углом около 45° и несколько ближе к середине зуба, в структуре дентина проступают ромбовидные и меандрообразные узоры (рис. 6).

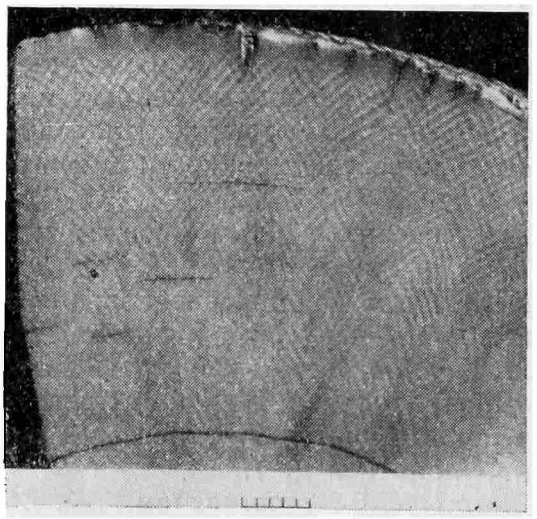


Рис. 4. Структура дентина на поперечном срезе бивня мамонта (фото увеличено в 2 раза)

---

[15] М. М. Герасимов. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта, МИА, 2, 1941.

[16] М. Д. Гвоздовер. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки. МИА, 39, 1953.

Постоянно имея дело с бивнями мамонта, мезинский резчик по кости не мог не заметить проступающего под резцом четкого ритмичного узора. Наблюдая это естественное явление, он заимствовал его, перенес на свои изделия и со свойственным ему чувством ритма и эстетики создал своеобразную орнаментальную систему.

Взяв за основу наиболее часто наблюдаемый на срезах бивня узор зигзага, мезинский мастер вписал в него виденные им на бивне же меандровидные построения, органически связав эти два основных мотива мезинского орнамента.

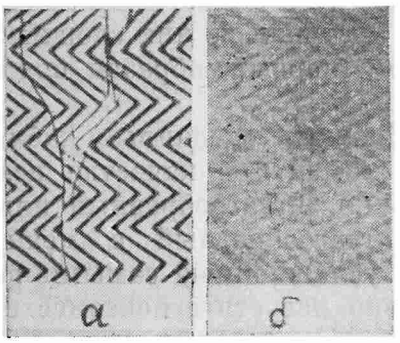


Рис. 5. Мезин

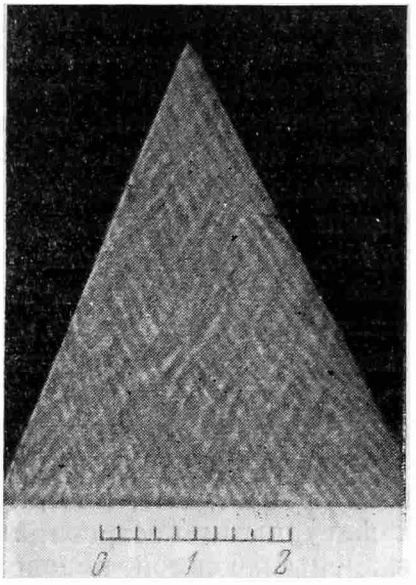


Рис. 6

а — зигзагообразный метоп на браслете Волкова (прорись); *б* — строение дентина на поперечном срезе бивня мамонта (фото увеличено в 2 раза)

Рис. 6. Структура дентина бивня мамонта на срезе под углом 45° (заметно меандровое построение пластинок)

И не только этими наблюдениями воспользовался древний мастер. На срезе бивня, проведенном почти по продольной оси (под углом около 5—10°), в периферической зоне дентина проступает мелкая ромбовидная сетка. В зависимости от угла среза ромб по очертаниям то приближается к квадрату, то становится более вытянутым. Особенно четко эта сетка вырисовывается на крупных бивнях. Сетка напоминает орнаментальный мотив на фрагментах бивня, известных по находкам в Тимоновке [17], Елисеевичах [18], Юровичах, на мотыгах, сделанных из рога оленя на стоянке Боршево I [19].

Весьма вероятно, что и этот орнаментальный узор, трактуемый как изображение чешуи рыб, пчелиных сот, сетей или какой-то иной плетенки, также заимствован из структурного рисунка дентина бивня мамонта.

На некотором расстоянии от периферии бивня на срезе, близком к продольному, ромбовидная сетка постепенно переходит в параллельно расположенные, ориентированные по длине зуба волнистые линии. Подобный рисунок слабого зигзага встречается на многих поделках из кости, например в Елисеевичах [20] и других стоянках.

Показательно сопоставление частоты встречаемости разных узоров. Наиболее часто на бивнях мамонта встречается зигзаг; реже выявляются ме-

---

[17] В. А. Городцов. Социально-экономический строй древних обитателей Тимоновской стоянки. СЭ, 1935, 3, стр. 10—11.

[18] Сб. «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.» стр. 32—37: К. М. Поликарпович. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. стр. 285—286.

[19] П. И. Борисковский. Раскопки Боршевской второй палеолитической стоянки в 1936 г. СА, V, 1940.

[20] К. М. Поликарпович. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг.

андровидный узор и ромбическая сетка. Зигзагообразные мотивы среди геометрических построений на верхнепалеолитических изделиях встречаются тоже наиболее часто.

Имел ли какое-нибудь смысловое значение геометрический орнамент? Это вопрос, на который должны дать ответ археологи и искусствоведы. Думаем, однако, что и меандровый и зигзагообразный узор на бивне мамонта семантически восходил к представлениям о мощи, силе и удаче на охоте.

Таким образом, в основе мезинских геометрических орнаментальных мотивов лежит простейший, построенный природой «узор» дентина бивня мамонта. Однако древний художник не слепо копировал то, что наблюдал на срезе бивня. Будучи наделенным чувством ритма и эстетики, он искусно усложнил виденное им — зигзаг и меандр, построил из них сложный орнаментальный фриз, создав, таким образом, первый образец подлинного классического орнаментального мотива.

Конечно, было бы упрощенчеством обобщать сделанные наблюдения и ставить узор строения дентина бивня мамонта в качестве исходного элемента, из которого возник геометрический зигзагообразный или меандровый стиль вообще. Геометрический зигзагообразный и меандровый узоры и их производные, иногда и очень усложненные самыми разнообразными фигурными построениями, широко известны повсеместно. Они распространены в южной половине Евразии и на территории американского континента, причем в обществах, не знавших ни условий ледникового века, ни развивших у себя обработки слоновой кости, а тем более скульптуры из этого пластичного материала. Геометрический стиль в виде зигзагообразных и меандровых узоров мог возникнуть на разных основах и в разных местах под влиянием различных факторов — производственных, смысловых, художественных.

Нами поставлен совершенно конкретный вопрос о происхождении мезинской орнаментики зигзагообразного и меандрового построения, распространенной на сравнительно ограниченной территории, видимо, связанной с определенной этнографической средой, но, возможно, передававшей свои художественные традиции и на сопредельные территории. Следовательно, наше изложение не претендует на объяснение происхождения геометрического зигзагообразного узора как элемента изобразительного искусства в целом. Однако оно касается и далеко не частного вопроса о мезинском меандре, известного всем, кто обращался к палеолитическому искусству.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА, В. М. МАССОН, В. И. САРИАНИДИ, И. Н. ХЛОПИН

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГЕОКСЮРСКОГО ОАЗИСА (1956—1962 гг.)

Геоксюрский оазис энеолитических поселений, расположенный к востоку от районного центра Теджен, близ станции Геоксюр Ашхабадской железной дороги, представляет собой объект, особенно благодарный для естественно-исторического и археологического исследования. Остатки девяти поселений, образовывавших в древности компактную группу, находятся в районе, где отсутствуют памятники более позднего времени и пустынный характер которого способствовал сохранению природной среды эпохи энеолита и оплывших руин древних поселков.

Комплексное изучение этой группы памятников позволяет поставить ряд вопросов, касающихся истории раннеземледельческих племен. Полевые исследования проводились в трех направлениях:

1) установление стратиграфии культурных напластований;

2) раскопки (в широких масштабах) построек верхних слоев поселений с целью их изучения как древних общественно-хозяйственных организмов;

3) изучение природных условий, в которых протекало развитие культуры, как одного из важнейших факторов в истории общества, особенно на ранних этапах его развития.

За период с 1956 по 1962 г. были проведены раскопки на всех памятниках Геоксюрского оазиса и на поселении Хапуз-Тепе, расположенном к югу от оазиса, но тесно связанном с его историей и эволюцией культуры. Раскопанная площадь достигает 8 тыс. $м^2$, причем на ряде памятников вскрыто несколько строительных горизонтов. На шести поселениях были заложены стратиграфические шурфы глубиной от 3 до 10 *м*. Проведена аэрофотосъемка [1] оазиса на площади, приблизительно равной 400 *км*. Заложено свыше 20 разрезов через древние русла в разных участках оазиса.

В ходе проделанных работ был собран значительный материал, как частично опубликованный, так и подготавливаемый к печати. До настоящего времени, как правило, археологические работы на раннеземледельческих памятниках в Южной Туркмении, да и на всем Ближнем Востоке ограничивались раскопками отдельных поселений. Работы, проведенные в Геоксюрском оазисе, показывают, как много может дать изучение группы памятников, образовывавших в древности замкнутую культурно-хозяйственную общность.

В истории Геоксюрского оазиса, культура которого отличается от культуры более западной области (Анау, Кара-Тепе, Намазга-Тепе), можно

[1] Аэрофотосъемка проводилась сотрудником Института этнографии АН СССР Н. И. Игониным с помощью отдела охраны памятников Министерства культуры ТуркмССР.

выделить три больших периода[2]. Первый из них, дашлыджинский, соответствует времени позднего Намазга I, второй, ялангачский,— времени раннего Намазга II и третий, геоксюрский,— времени позднего Намазга II и раннего Намазга III. Четвертый период в истории геоксюрских племен характеризуется материалами поселения Хапуз-Тепе и относится уже к эпохе бронзы (время Намазга IV и Намазга V).

Дашлыджинский период — время освоения восточной части древней дельты Теджена выходцами из районов подгорной равнины Копет-Дага (рис. 1). К этому периоду целиком относится трехслойное поселение Дашлыджи-Тепе и нижние слои поселений: Геоксюр 1 (10—8-й горизонты), Ялангач-Тепе, Айна-Тепе, Геоксюр 7 и Акча-Тепе.

Находки этого периода наиболее полно представлены на Дашлыджи-Тепе. Остатки древней архитектуры особенно хорошо сохранились во втором и третьем строительных горизонтах. Поселение состояло из 8—10 жилых комплексов, причем многие из них были окружены хозяйственными пристройками. Ядром такого комплекса служил отдельно стоящий однокомнатный дом, размеры которого не превышали 8—10 $м^2$. Дома не были одинаковы, но в основе их наблюдался единый принцип планировки. В углу помещения находился крупный очаг, сооруженный из поставленных на ребро кирпичей. Сами дома возведены из формованного сырцового кирпича размером 38 × 24 × 10 *см*. Кладка стен аккуратная, с тонкой, хорошо заглаженной штукатуркой. Дверные проемы имеют пороги, но почти везде отсутствуют подпяточные камни. Пол тщательно выровнен и имеет следы многочисленных глиняных подмазок. Весь облик поселения говорит о том, что первые поселенцы принесли с собой старую и прочную традицию домостроительства, корни которой уходят в джейтунскую культуру.

Находки, относящиеся к описываемому этапу, невелики, поскольку поселение было оставлено жителями. В основном это керамика, представленная обломками корчаг, горшков, чаш, мисок и котлов. Первые четыре группы обычно украшены росписью: силуэтные треугольники и лопасти; контурные треугольники, геометрические фигуры с сетчатым заполнением, шевроны и зигзаги, ленточные мотивы и в единичных случаях рисунки деревьев и животных.

Наиболее интересны силуэтные треугольные фигуры в виде лопасти, которые довольно точно позволяют датировать начало освоения человеком Тедженской дельты. На Дашлыджи-Тепе черепков с названной росписью найдено всего несколько штук. Такие же мотивы на керамике XXVI—XXVII ярусов шурфа № 1 с Намазга-Тепе и из двух верхних горизонтов Яссы-Тепе, но найдены они там также в ограниченном количестве. Это позволяет считать, что дельта Теджена стала осваиваться в период, синхронный времени образования слоев указанных поселений. По-видимому, это произошло в начале IV тысячелетия до н. э. Другим интересным моментом является то, что для времени позднего Намазга I отмечаются как общие для всей Южной Туркмении мотивы (силуэтные треугольники), так и характерные лишь для восточных районов (контурные треугольники, шевроны) [3].

Комплекс находок с Дашлыджи-Тепе позволяет считать, что основой хозяйства было земледелие, наряду с которым существовало вполне сформировавшееся скотоводство. В состав стада входил крупный и мелкий рогатый скот, соотношение которого между собой составляло 1 : 3. По-видимому, скот использовался не только для получения мяса и молочных продуктов, но также шерсти и кожи. Кости животных употреблялись для

[2] К. А. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТССР, СОН, 1960, 2; Г. Н. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 44—47.

[3] И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, Б-3-8, ч. I, 1963.

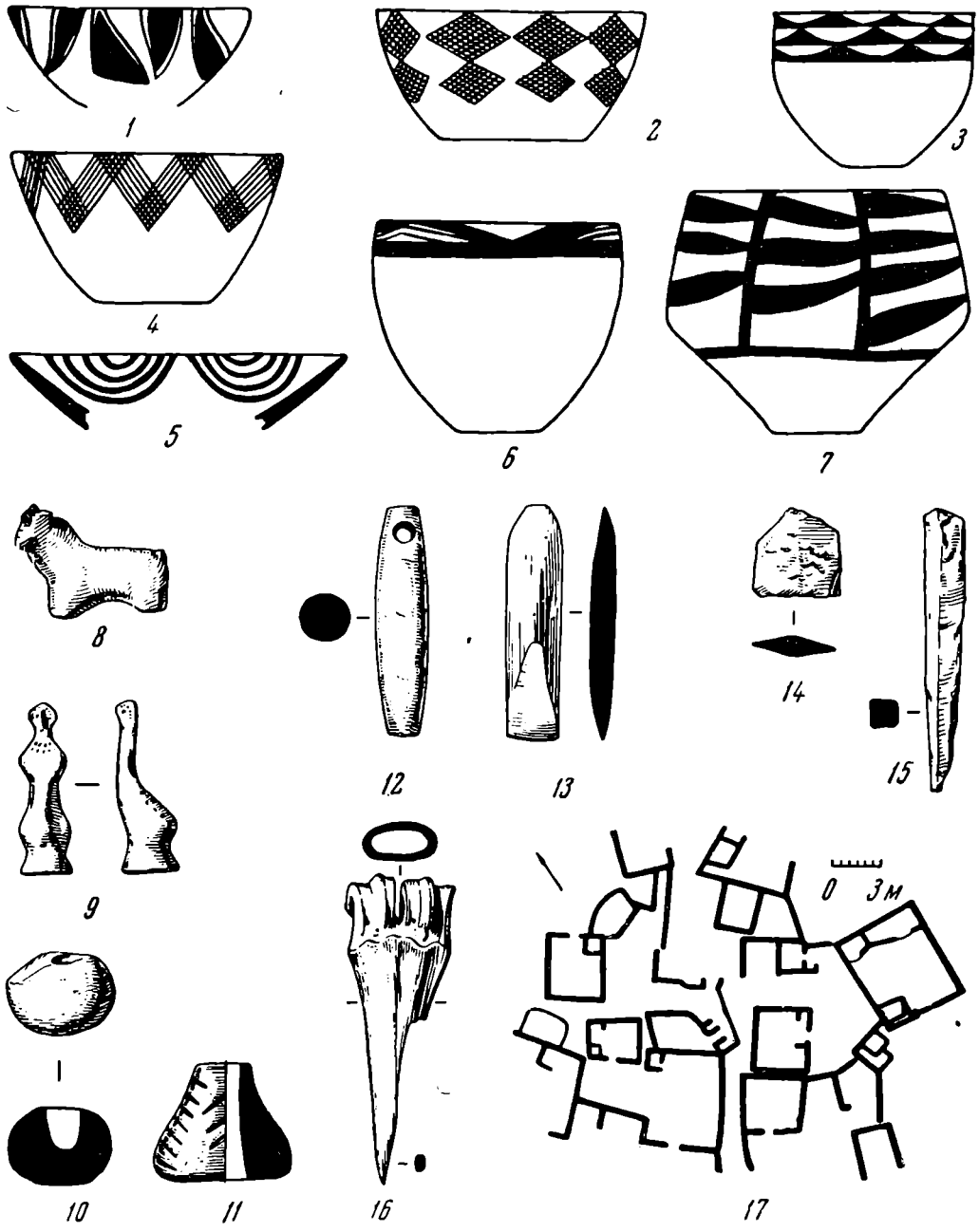


Рис. 1. Дашлыджинский период

1—7 — глиняные сосуды; *8* — статуэтка бычка из необожженной глины; *9* — женская терракотовая статуэтка; *10, 11* — изделия из терракоты; *12, 13* — изделия из камня; *14, 15* — изделия из меди; *16* — кость; *17* — план поселения Дашлыджин-Тепе

изготовления различного рода инструментов. Для пополнения запасов мяса практиковалась охота на крупную дичь (кабан, джейран, кулан). При пересчете остеологических остатков на вес мяса оказывается, что охота давала около 20% всего количества мяса. Жители поселков этого периода вели, по-видимому, натуральное хозяйство, обеспечивая себя всем необходимым.

О некоторых чертах идеологии древних колонистов можно судить по терракотовым женским статуэткам и фигуркам животных из необожженной глины. Женских статуэток известно всего три; две из них весьма своеобразны. Торс одной увенчан небольшой головкой; руки и груди отсутствуют. Сильно стилизованные седалищные части покрыты массой мелких вдавлений, тонкими вдавлениями также изображены брови и бусы на шее. Вместо ног — цилиндрическая подставка, причем спереди, в средней ее части проткнуто глубокое отверстие. Фигурки животных

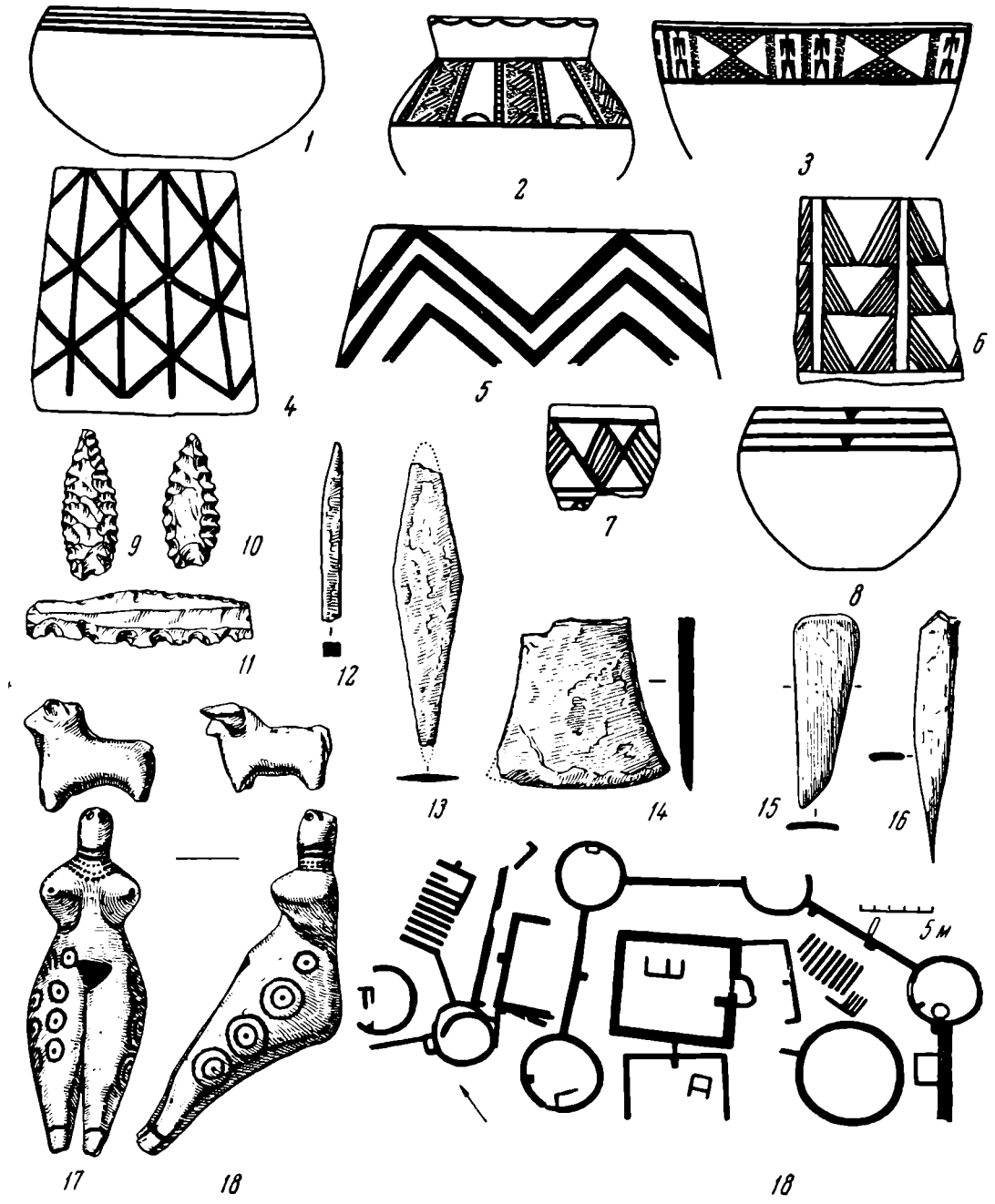


Рис. 2. Яланғачский период

1—8 — глиняные сосуды; *9—11* — изделия из кремня; *12—14* — изделия из меди; *15, 16* — изделия из кости; *17* — глиняная женская статуэтка; *18* — план яланғачского поселения

преимущественно мелкие (козлы), но попадаются и более крупные экземпляры (бычки?).

В целом в дашлыджинский период облик культуры первых поколений жителей Геоксюрского оазиса почти не отличается от облика культуры населения подгорной полосы Копет-Дага, хотя намечается ряд локальных особенностей. Отчетливое пережиточное джейтунских домостроительных традиций позволяет предполагать сохранение общественных отношений, характеризующих эпоху неолита. Однако определенный прогресс в области производства сравнительно с неолитическим дал стимул к зарождению в недрах прежних производственных отношений новых форм. В дальнейшем на Яланғачском и особенно Геоксюрском этапах эти зародыши нового получают свое материальное выражение.

Яланғачский период — время наибольшего обживания Геоксюрского оазиса (рис. 2). К этому периоду относятся слои восьми поселений,

кроме Дашлыджи-Тепе, оставленного жителями в конце предыдущего периода. Пять поселений (Ялангач-Тепе, Муллали-Тепе, Айна-Тепе, Акча-Тепе и Геоксюр 9) были раскопаны на значительной площади. Все они состояли из нескольких жилых домов, преимущественно однокомнатных. Кроме них раскопаны здания нежилого характера, определяемые как общественные дома, и оборонительные стены с включенными в их периметр круглыми в плане помещениями. Наиболее крупным поселением этого периода являлся Геоксюр 1. Комплексное изучение находок с этих поселений позволило дать детальную и разностороннюю характеристику ялангачского периода.

Укрепленное поселение этого времени состоит из построек различного назначения: жилых домов трех разновидностей, общественных зданий, круглых домов и оборонительных сооружений.

Наибольший интерес представляет третья группа зданий, которая, кроме жилого помещения, имеет пристройки. Кроме обычного бытового очага, в этих домах обнаружена оригинальная двухчастная жаровня-подиум, свойственная общественным домам.

Планировка поселений ялангачского периода показывает не только дальнейшее развитие древних домостроительных традиций, но и представляет собой существенный шаг вперед сравнительно с Дашлыджинским периодом. Что касается отмечаемой дифференциации жилищ, то она, по-видимому, отражает значительное усложнение общественных отношений их обитателей.

Среди построек ялангачского периода имеется группа зданий, по-видимому, общественного назначения. Они выделяются длительностью существования, более крупными размерами (22—37 *м*^{2}), фундаментальностью всей постройки, входом (в большинстве случаев) на юго-восток, отсутствием бытовых очагов и наличием на определенном месте прямоугольного подиума. Кроме того, в одном случае (Ялангач-Тепе) на стене такого здания был обнаружен тамгаобразный налеп, вероятнее всего магического характера. По-видимому, на небольших поселениях в ялангачское время существовал по крайней мере один общественный дом, во многом сходный по своим функциям с хорошо известными по этнографическим параллелям «мужскими домами», в частности с «алау-хона» горных таджиков и некоторых других земледельческих народов Средней Азии [4].

Большой интерес представляет открытие оборонительных сооружений. Это обводные стены толщиной 50—60 *см*, сложенные из сырцовых кирпичей. Они состоят примерно из равных по длине отрезков (8,5—10 *м*), в местах стыка которых построены круглые помещения 3—4 *м* в поперечнике. Входы их обращены во внутрь огражденного участка, наружные стены часто имеют двойную толщину. Внутри гладкий глинобитный пол и в ряде случаев небольшой открытый очаг. Вероятно, эти постройки использовались для жилья.

Керамический комплекс ялангачского периода весьма своеобразен и состоит из нескольких компонентов. По количеству первое место занимает продукция местных гончаров. Она украшена скупым линейным орнаментом, истоки которого восходят к орнаментации посуды предшествующего, дышлыджинского периода. На втором месте стоит посуда лучшей выделки с сочными полихромными узорами типа Намазга II. По всей вероятности, эта группа керамики отражает реальную инфильтрацию населения из подгорной полосы в Геоксюрский оазис. Кроме того, она служит основным критерием для установления относительной хронологии ялангачского периода. Третья группа керамики весьма незначительна. Однако ее формы и орнаментация, не имеющие параллелей в известных южнотуркменистанских материалах, наряду с некоторыми другими элементами культуры (круглые дома и некоторые особенности коропластики)

[4] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у таджиков Вахио-Боло. ТИИАЭА, X, М.—Л., 1963, стр. 115—119.

свидетельствуют о связях населения Геоксюрского оазиса с ираномесопотамским миром [5]. Если в период раннего энеолита (Намазга I) есть основания предполагать определенную культурно-историческую общность населения Южной Туркмении, то, начиная с ялангачского периода, наблюдается обособление юго-восточной части Туркмении. Это особенно наглядно прослеживается в резком различии соответствующих керамических комплексов, начиная со времени Намазга II (посуда ялангачского типа) [6]. Вместе с тем уже в раннем энеолите можно выделить несколько локальных групп, по-видимому, этнографического порядка. Это обособление особенно усиливается в пору развитого и позднего энеолита, когда складываются две крупные этно-культурные группы, одну из которых составляли племена Юго-Восточной Туркмении.

Хозяйство ялангачского периода получает дальнейшее развитие. Обработка земли, возможно, производилась палками-копалками с каменными грузилами; в скотоводстве отмечается тенденция к относительному увеличению мелкого рогатого скота.

Существенный технологический прогресс, особенно к концу ялангачского периода, наблюдается в некоторых отраслях домашнего производства, в частности в гончарстве и металлургии. Отмечается улучшение качества обжига посуды, что может быть связано с введением в практику обжигательных печей; для более раннего времени печи пока неизвестны. В металлургии уже практикуется литье меди с последующей холодной отковкой изделия. Для возвращения готовому предмету прежней пластичности металла его отжигали в течение 1—2 час. при температуре не более 327° С. Такое знание свойств металла могло прийти лишь после длительного знакомства с медью вообще [7].

Значительное место среди находок в ялангачских слоях поселений занимает глиняная скульптура, которая насчитывает около 50 экземпляров. В основном это изображение сидящей женщины с пышными формами и условно трактованной головой. У большинства статуэток руки не вылеплены, а имеются лишь небольшие выступы у плеч. Однако уже можно отметить появление фигурок с руками, которые становятся обычными на статуэтках следующего культурно-исторического периода.

В ялангачское время хорошо прослеживается тенденция к объединению однокомнатных жилищ в многокомнатные, появление особых общинных домов типа алау-хона и сооружение оборонительных стен. Не приходится сомневаться в высоком уровне общественного развития населения Геоксюрского оазиса ялангачского периода, однако конкретный характер общественных отношений еще недостаточно ясен. Было высказано предположение, что небольшие поселки ялангачского этапа служили местом обитания ряда парных семей (до 10), объединенных в большесемейную общину, или небольших семей, составляющих в совокупности отдельные общины [8].

Если для неолита и раннего энеолита наличие материнского рода не вызывает возражений, то коренное отличие культуры позднего энеолита, выраженное прежде всего в облике поселения, позволяет выдвинуть положение о становлении патриархально-родовых отношений [9]. Что касается ялангачского периода, то здесь мы имеем, по всей вероятности, последние

---

[5] В. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 3—12.

[6] В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, Б-3-8, ч. II, М.— Л., 1962.

[7] Е. Н. Черных. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. КСИА АН СССР, 91.

[8] В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. СА, 1962, № 3, стр. 173; В. И. Сарианиди. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. КСИА АН СССР, 91, стр. 17.

[9] В. М. Массон. Кара-Тепе у Артыка. ТЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960 (1961), стр. 398; В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, X, стр. 299.

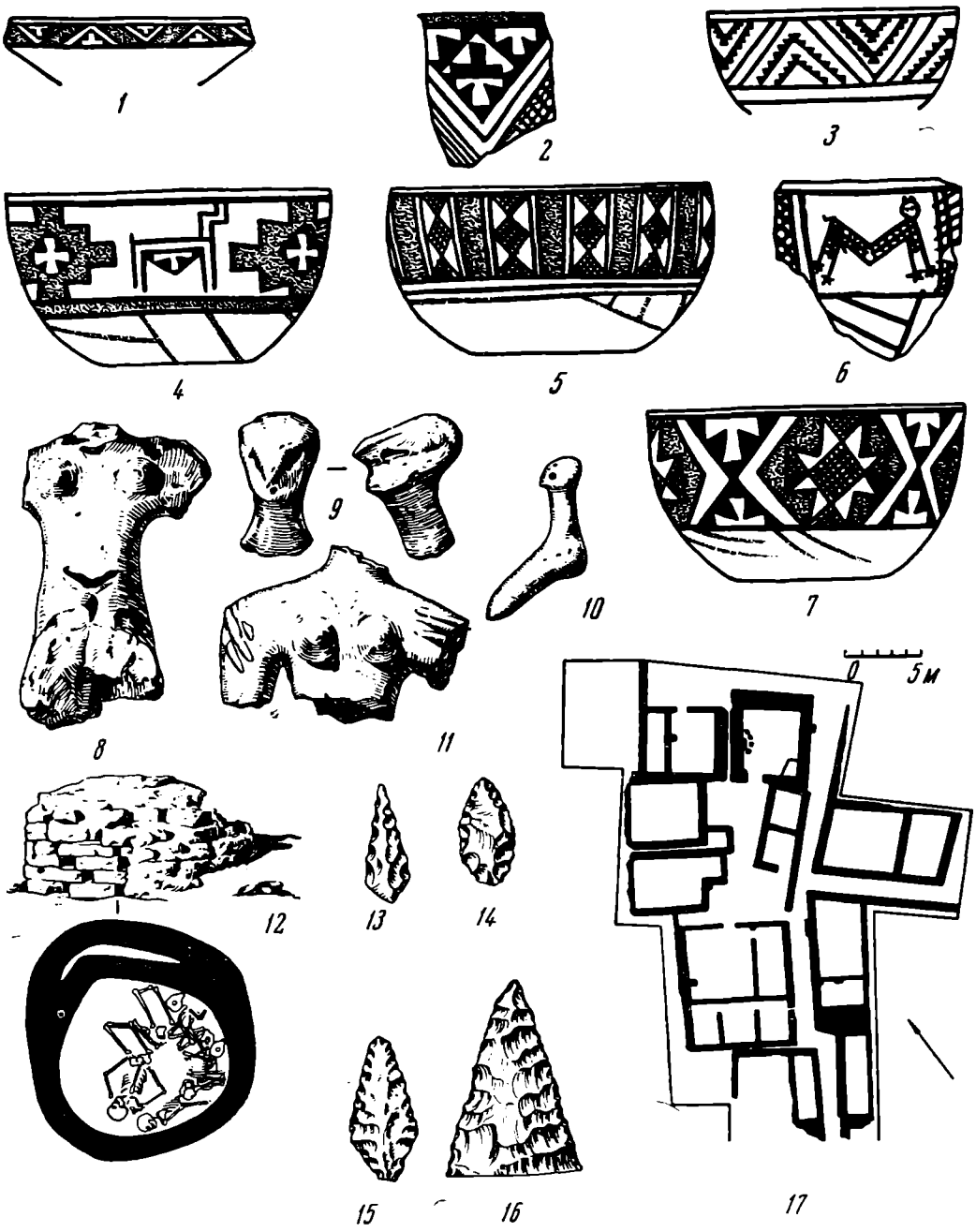


Рис. 3. Геоксюрский период

1—7 — глиняные сосуды; *8—11* — женские терракотовые статуэтки; *12* — погребальная камера на поселении Геоксюр 1; *13—16* — кремневые наконечники стрел; *17* — план поселения Геоксюр 1

этапы существования материнского рода, в недрах которого уже вызрели предпосылки для перехода к патриархально-родовым отношениям [10].

В Геоксюрский период (рис. 3) наблюдается дальнейший прогресс хозяйства и культуры и вместе с тем происходит постепенное угасание оазиса, видимо, в первую очередь в силу естественно-географических причин. Число поселений значительно сокращается: слои геоксюрского времени отмечены на поселениях Геоксюр 1, Чонг-Тепе (Геоксюр 5) и частично Муллали-Тепе (Геоксюр 4). Таким образом, пять поселений ялангачского периода были заброшены и пришли в запустение. Этот процесс, возможно, начался еще в ялангачское время, поскольку позднеялангачские слои отсутствуют на поселениях Ялангач-Тепе и Айна-Тепе. Обратимся к характеристике геоксюрских памятников.

[10] В. И. Сарианиди. Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении в эпоху энеолита и бронзы. М., 1963, стр. 17.

На Муллали-Тепе в это время существовал лишь один многокомнатный дом с двориком, располагавшийся на восточной окраине поселения. Обнаруженная при раскопках керамика в основном красноангобированная, лишенная росписи и иногда имеющая серые пятна на поверхности. Одиночные черепки с полихромной сетчатой росписью позволяют отнести весь комплекс к раннегеоксюрскому времени.

Поселение Геоксюр 1 продолжало оставаться, как и в ялангачское время, одним из крупнейших центров ранних земледельцев Южного Туркменистана. Характерная керамика геоксюрского типа с яркой полихромной орнаментацией, включающей фигуры крестов, полукрестов, пиловидных линий и стилизованные изображения животных, встречается на всей поверхности древнего поселения. Раскопки показали, что Геоксюр 1 состоял из многокомнатных домов-массивов, разделенных узкими улочками на отдельные кварталы, часть которых была вскрыта в ходе раскопок 1956—1957 гг.; изучение материалов аэрофотосъемки позволяет считать подобную застройку типичной для всего поселения в целом. В состав домов входили жилые помещения, хозяйственные постройки, кухня и, видимо, небольшой внутренний дворик. Особый интерес представляет наличие в каждом из таких домов своеобразного домашнего святилища. Это небольшая комната, в центре которой находился вмазанный в пол керамический диск диаметром до 70 *см*, с отверстием в центре и невысоким бортиком по краю. Судя по имеющимся материалам, этот диск играл роль своеобразного жертвенника-алтаря наподобие античных эсхар [11]. Подобные диски-жертвенники из необожженной или слабообожженной глины встречались на поселениях уже в ялангачский период.

Большой интерес представляют захоронения, обнаруженные в ходе раскопок на поселении Геоксюр 1. Здесь в ряде мест встречены одиночные захоронения в ямах, выкопанных прямо в культурном слое, обычные для земледельческих памятников Южной Туркмении и аналогичных культур. Но вместе с тем здесь открыты и погребальные сооружения совершенно иного типа. На юго-восточной окраине поселения обнаружена огороженная стенами из сырцового кирпича площадка, на которой располагалось несколько погребальных камер, овальных (в одном случае прямоугольная) в плане. Одна из камер сохранила ложносводчатое перекрытие. В каждой камере содержалось от шести до восьми разновременных погребений, причем, как правило, при поздних захоронениях нарушалось положение ранее погребенных скелетов [12]. В 1962 г. остатки аналогичной погребальной камеры, в которой находилось четыре скелета, были обнаружены на юго-западной окраине поселения.

В двух местах на поселении Геоксюр 1 раскопаны двухкамерные прямоугольные печи для обжига керамики, у которых топка располагалась рядом с обжигательной камерой. Видимо, подобные печи включались непосредственно в состав домов-кварталов.

Третье поселение геоксюрского времени, Чонг-Тепе, расположено на крайнем юго-востоке оазиса. Верхний слой его содержит полихромную керамику геоксюрского типа, роспись которой несколько огрублена по сравнению с посудой, происходящей из поселения Геоксюр 1. Судя по этому обстоятельству и по находкам фрагментов керамики типа Намазга III, его верхний слой относится к несколько более позднему времени, чем описанные выше дома и погребальные камеры поселения Геоксюр 1. Так же как Геоксюр 1, Чонг-Тепе было застроено многокомнатными домами, разделявшимися узкими улочками, площадями или глухими стенами. В каждом жилом комплексе находилось помещение, аналогичное геоксюрскому святилищу, с диском-жертвенником в центре. Всего открыты остатки по меньшей мере пяти таких комплексов. В наиболее полно

[11] В. И. Сарианиди. Культовые здания поселений анауской культуры. СА, 1962, 1, стр. 49—51.

[12] В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение..., стр. 284—295.

раскопанном комплексе выделяется помещение, использовавшееся в качестве кухни. В ряде мест отмечены одиночные захоронения без вещей.

Население оазиса в рассматриваемый период, подобно своим предшественникам, занималось земледелием и скотоводством. В хозяйственных помещениях обнаружены зерна пшеницы и ячменя, а найденные в культурных слоях кости животных [13] позволяют отметить увеличение процента мелкого рогатого скота по сравнению с ялангачским периодом. На Чонг-Тепе найдены кости домашнего верблюда.

Производственный инвентарь геоксюрского периода мало чем отличается от орудий предшествующего времени. Почти все медные изделия представлены различными украшениями, особенно типичны медные «лопаточки» — длинный стержень, один конец которого уплощен. На поселении Геоксюр 1 собрана значительная коллекция кремневых наконечников стрел, часть из которых, по определению Г. Ф. Коробковой, является не стрелами, а сверлами, употреблявшимися при изготовлении каменных украшений и сосудов. Такие сосуды, в том числе крупные и довольно сложные по форме, с гофрированными стенками, нередки для слоев геоксюрского времени.

Значительным числом образцов представлена мелкая терракотовая скульптура, состоящая в основном из целых и фрагментированных женских статуэток. Встречаются и крупные массивные статуэтки, напоминающие фигурки ялангачского периода. На бедрах статуэток иногда изображены схематичные фигуры животных, выполненных в том же стиле, что и на расписной керамике. Вместе с тем в мелкой скульптуре появляется ряд новых черт по сравнению с ялангачским периодом. Таковы небольшие изящные фигурки сидящих женщин с плавной линией бедер и ног. Претерпевает изменение и сама трактовка фигуры. Широко распространены статуэтки с прямыми подпрямоугольными плечами и опущенными вниз отрезками рук. На плечах спереди и сзади наносятся налепы. Руки иногда сложены под грудью, пальцы их тонко моделированы (Чонг-Тепе). Одна из фигурок держит у груди ребенка. Эти новые иконографические черты в значительной мере можно рассматривать как результат влияний со стороны южного Убейда [14]. Правда, геоксюрские статуэтки как будто сохраняют сидящую позу, в то время как южноубедийские фигурки изображаются стоящими.

В геоксюрский период появляются и статуэтки мужчин, близкие фигуркам, обнаруженным на Кара-Тепе у Артыка. Так, на Чонг-Тепе найдена головка с шапочкой и узкой бородой, разделенной на две пряди. Распространены, как и раньше, фигурки животных, среди которых следует отметить реалистически выполненную голову быка с поселения Геоксюр 1. Статуэтки животных из необожженной глины, найденные на Чонг-Тепе, имеют глубокие проколы на туловище — возможно, следы каких-то магических действий и обрядов.

Как уже отмечалось выше, геоксюрская керамика характеризуется яркой полихромной орнаментацией и в этом отношении резко отличается от основной массы бедно орнаментированной посуды ялангачского времени. Это обстоятельство сразу же обратило на себя внимание, и были высказаны предположения, что геоксюрская посуда неместного происхождения или что на ее орнаментацию оказали влияние рисунки плетеных и тканых изделий. В настоящее время, когда керамические комплексы всех периодов характеризуются большим количеством образцов, следует говорить о многообразии путей сложения керамики геоксюрского типа. Нерасписная керамика этого времени в значительной мере продолжает сохранять старые местные традиции. Орнаментация расписной керамики складывается на основе двух компонентов: мотивов орнамента,

[13] Определение остеологического материала осуществлено проф. В. И. Цалкиным и А. И. Шевченко.

[14] В. М. Массон. Восточные параллели..., стр. 8—9.

характерных для керамики типа Намазга II, и мотивов (в первую очередь крестов), имеющих более отдаленные ирано-месопотамские прототипы. Местные для геоксюрского оазиса ялангачские традиции играют значительно меньшую роль, хотя полностью отрицать их не приходится. Интересно отметить, что появлению полихромной керамики геоксюрского стиля непосредственно предшествует период, когда производство какой бы то ни было расписной посуды вообще было сведено до минимума (третий строительный комплекс Геоксюр 1; V ярус шурфа на Чонг-Тепе).

Приведенная краткая характеристика памятников геоксюрского времени свидетельствует, что продолжалось дальнейшее развитие местных, более ранних традиций. Окончательно складывается тип многокомнатного дома, зарождающийся еще в ялангачское время; определенную генетическую связь можно наблюдать в керамике и в мелкой терракоте. Вместе с тем в ряде областей культуры отмечается воздействие ирано-месопотамских комплексов. Так, погребальные камеры Геоксюра находят прямые параллели в Эламе и Месопотамии [15]. Одиночные захоронения в ямах и коллективные в толосах свидетельствуют о сосуществовании двух традиций: древней местной и новой приносной. Ирано-месопотамские аналогии расписной керамике и терракотовым статуэткам отмечались выше.

В конце IV — первой половине III тысячелетия до н. э., времени, к которому следует относить геоксюрский период, совершенно определенно устанавливается проникновение в район Кара-Тепе группы населения из центрального Ирана, которая в значительной степени ассимилировалась аборигенами. Вполне вероятно, что аналогичное явление, может быть даже в большей степени, следует усматривать в Геоксюрском оазисе [16]. Окончательно решить этот вопрос поможет получение новых материалов по антропологии [17].

Геоксюрский период был последним в истории земледельческой культуры на территории Геоксюрского оазиса. Слои позднегеоксюрского времени отмечены лишь на наиболее южном памятнике — Чонг-Тепе. Остальные поселения в это время уже пришли в запустение. Уход большей части населения на юг подтверждают раскопки поселения Хапуз-Тепе, расположенного в 18 *км* к югу от Геоксюрского оазиса.

Нижний слой Хапуз-Тепе (около 1 *м*) содержит керамику позднегеоксюрского стиля и, судя по привозным черепкам, несомненно относится ко времени Намазга III. В этом слое пока не найдено керамики с наиболее распространенным геоксюрским орнаментом из крупных контурных крестов, что, возможно, объясняется сравнительно небольшим объемом работ.

Основная толща культурных слоев Хапуз-Тепе (до 5 *м*) содержит керамику, орнамент которой дает пример дальнейшего развития рисунков на посуде позднегеоксюрского стиля в сторону их измельчения и большей дробности. (Этот комплекс можно отнести ко времени Намазга IV.) Наиболее распространенным орнаментом становится композиция из пиловидных полос с центральным картушем в виде ромба, внутрь которого вписан маленький мальтийский крест. Наряду с этим продолжают существовать некоторые мотивы, встреченные на Чонг-Тепе в единичных экземплярах, а также совершенно новые рисунки, представляющие собой отдельные элементы геометрического орнамента. Сравнительно с геоксюрской посудой резко снижается количество полихромной керамики, причем двухцветной росписью украшаются в основном только крупные сосуды.

В южной части поселения крашеная посуда в верхних слоях постепенно

---

[15] В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение..., стр. 299.

[16] В. И. Сарианиди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, 1, стр. 150; В. М. Массон. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до н. э. КСИА АН СССР, 93, 1962, стр. 21.

[17] Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита. ТЮТАКЭ, X.

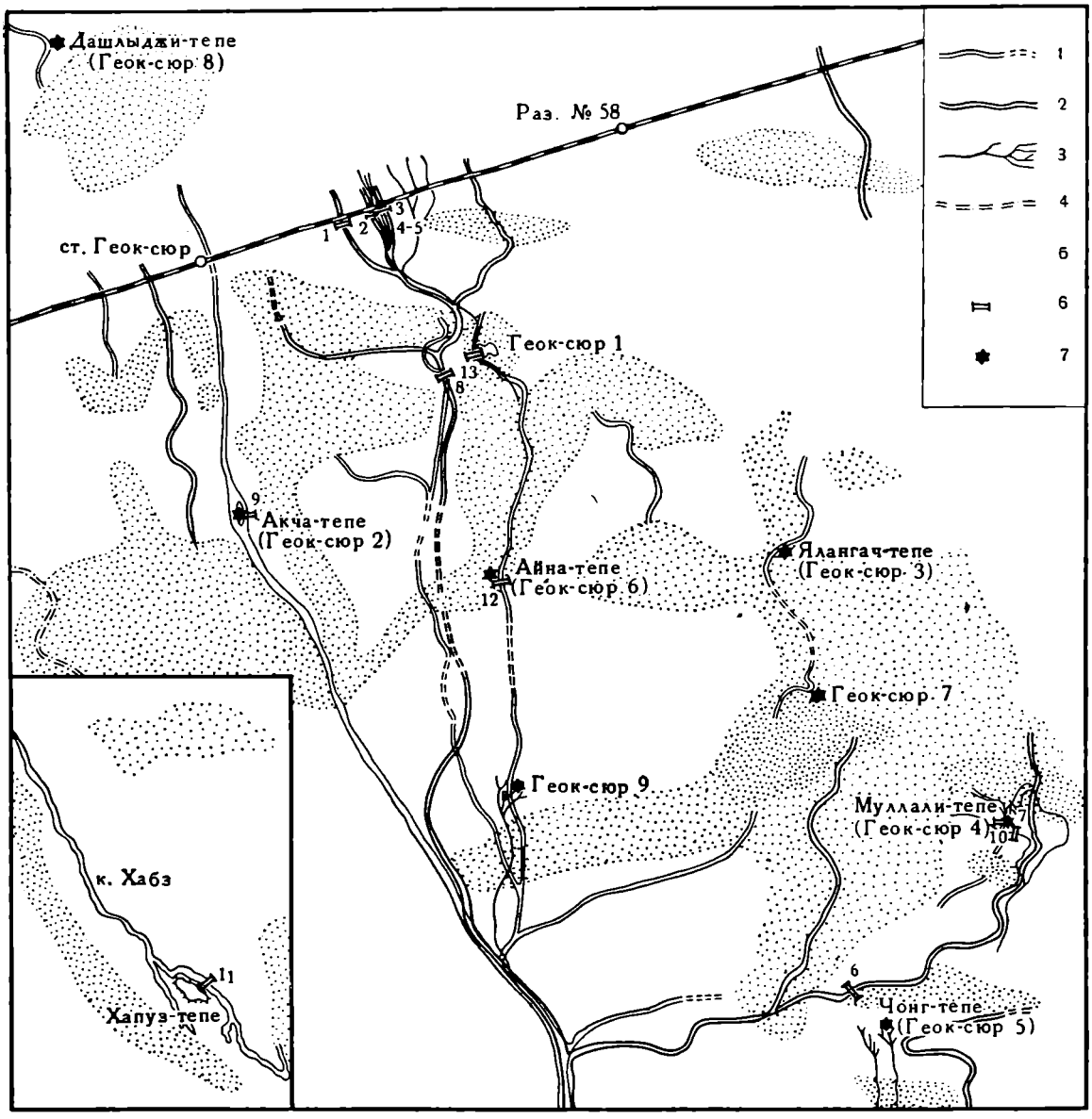


Рис. 4. Схема древней ирригации Геоксюрского оазиса

1 — русла яланғачской фазы; *2* — русла I геоксюрской фазы; *3* — русла II геоксюрской фазы; *4* — русла Кара-Кель; *5* — скопление песков; *6* — траншеи; *7* — поселения

заменяется нерасписной, сделанной на гончарном круге, зарождение которого намечается в предшествующее время. Этот комплекс нерасписной посуды соответствует аналогичной керамике типа Намазга V (первая половина II тысячелетия до н. э.), так что существование предшествующей расписной посуды Хапуз-Тепе полностью падает на III тысячелетие до н. э.

На краю поселения вскрыты две гончарные печи: круглая с опорным столбом в центре и подпрямоугольная с продольной стенкой. Обе они относятся к типу сложных двухъярусных печей и аналогичны горнам с поселения Намазга-Тепе [18].

Как видно, наибольший расцвет поселения Хапуз-Тепе падает на III тысячелетие до н. э., когда обживается вся площадь памятника (около 10 *га*). В начале II тысячелетия до н. э. обжитая площадь резко сокращается, и бóльшая часть населения, видимо, уходит. Жизнь продолжается лишь на южной окраине поселения, а несколько позднее весь памятник полностью забрасывается.

[18] В. И. Сарианиди. Керамическое производство древнемаргианских поселений. ТЮТАКЭ, VIII. Ашхабад, 1958, стр. 336—338.

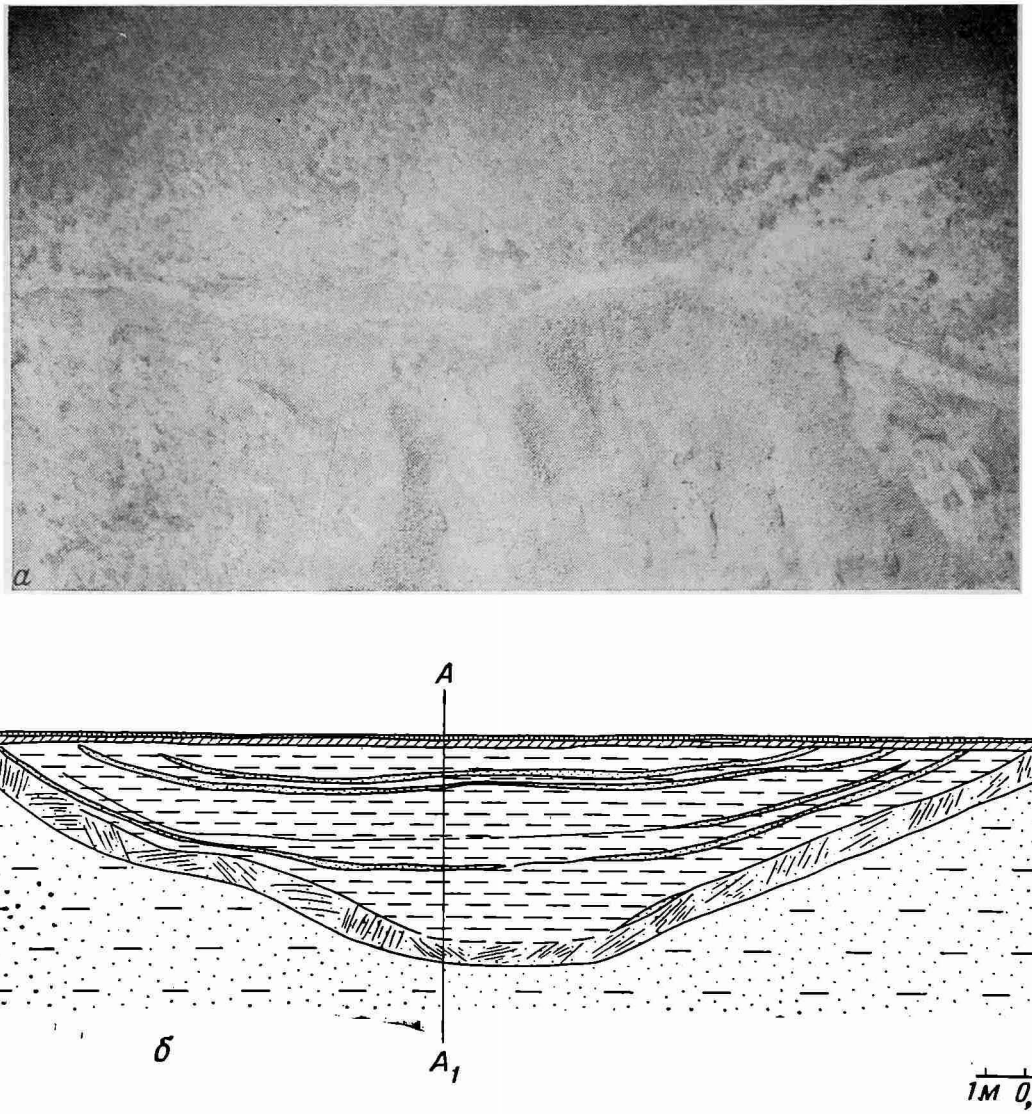


Рис. 5. Разрез через русло у поселения Чонг-Тепе

а — аэрофотосъемка древнего русла у Чонг-Тепе; *б* — поперечный разрез у Чонг-Тепе

Как уже указывалось, Геоксюрский оазис энеолитических поселений расположен в юго-восточных Кара-Кумах, на территории западной части Теджен-Мургабского междуречья. Район этот является частью древней дельты р. Теджен, в настоящее время занятой обширными площадями такыров, чередующихся с эоловым мелкобугристым и грядовым рельефом.

Древняя гидрографическая сеть этой восточной периферии тедженской дельты совершенно не выражена в рельефе, будучи полностью заилена, и прослеживается лишь частично в виде затакыренных руслообразных участков. Наземное знакомство с территорией Геоксюрского оазиса не позволило даже в самых общих чертах представить характер ее былой обводненности. Только материалы специальной аэрофотосъемки дали возможность пока еще очень схематично восстановить рисунок древней гидрографической сети на территории оазиса (рис. 4).

Для выяснения возраста древних русел и характера заполняющего их аллювия в разных точках оазиса были заложены траншеи, вскрывшие русловые линзы в поперечном сечении (рис. 5). Полученные геологические данные в совокупности с материалами аэрофотосъемки позволили выявить три возрастные категории русел.

К более древней системе протоков относятся русловые линзы, погребенные на глубине до одного метра под пойменными аллювиальными, а близ памятников под аллювиально-делювиальными наносами. Образова-

ние такого достаточно мощного аллювиального перекрытия объясняется активным паводковым осадконакоплением, имевшим место наряду с быстрым заиливанием русел. Интенсивное накопление отложений в периоды паводков шло в это время на всей изученной части дельтовой равнины. С этой погребенной сетью связаны памятники ялангачского времени, что до известной степени определяет ее возраст (ялангачская фаза).

Наряду с указанной выше была обнаружена и изучена сеть более молодых сухих русел, перекрытых только слоем такырной почвы мощностью 15—20 *см*, связанная с памятниками геоксюрского периода.

В эволюции гидрографической сети геоксюрского времени четко выделяются два этапа: более ранний, с которым были связаны крупные русловые потоки, достигавшие ширины от 12 до 30 *м*, при глубине от 1,5 до 3 *м* (I геоксюрская фаза), и более поздний и последний, названный в предыдущих работах периодом «вторичного обводнения» (II геоксюрская фаза) [19], последний оставил самостоятельные заиленные мелкие промывы до глубины 45—65 *см* от уровня современной дневной поверхности и промывы такой же глубины, вложенные в русловые линзы более раннего этапа.

По характеру отложений, выполняющих русловые линзы древних водотоков, аллювий может быть разделен на: а) более сложный по механическому составу, что свидетельствует о довольно значительной энергии отложившего его потока, и б) сравнительно однородный, отложенный регрессивными, затухающими водотоками. Все вскрытые русла II геоксюрской фазы заполнены однородным по механическому составу аллювием, что наряду со сравнительно небольшой глубиной промывов позволяет считать этот последний этап обводнения оазиса слабым и недолгим.

Глубоко погребенная сеть протоков ялангачского периода исключает возможность полного восстановления ее рисунка, хотя именно в этот период древняя дельта Теджена была, по-видимому, наиболее обводнена.

Как хорошо видно на поперечных разрезах через древние русла геоксюрского времени, от линз, выполненных аллювиальными отложениями, в их борта вклиниваются аллювиальные глинистые прослои от 3 до 10 *см* мощностью, по составу идентичные русловым аллювиальным отложениям. Эти прослои, обнаруживающиеся только близ русел и имеющие с ними непосредственную связь, могут рассматриваться как фации разливов, отлагавших тонкий плодородный илистый материал. Именно фации разливов являлись тем субстратом, на котором развивалось первобытное земледелие. В условиях равнинных участков древней дельты первоначально, особенно в ялангачское время, сильно обводненных в периоды паводков, предпосылки для развития земледелия были весьма благоприятны и не требовали от человека большой затраты труда. Поэтому на ранних этапах древнеземледельческой культуры можно предполагать «лиманное орошение», как это в свое время сделал Д. Д. Букинич для памятников подгорной зоны Копет-Дага [20].

Как видно из предшествовавшего изложения, в геоксюрский период существования оазиса происходит резкое сокращение количества поселений и жизнь сосредоточивается по существу всего на двух памятниках — Геоксюр 1 и Чонг-Тепе (на Муллали-Тепе существует лишь один дом). Это объясняется тем, что обводненность восточной части древней дельты Теджена к этому времени уже заметно сокращается, в результате чего часть поселений оказалась без воды и была покинута. Уже в это время человек остро ощущал недостаток воды и вынужден был прибегнуть к некоторым мерам по искусственному ее задержанию и созданию мелких

---

[19] Г. Н. Лисицына. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса. КСИА АН СССР, 93, стр. 71.

[20] Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Журн. «Хлопковое дело», 1924, 3—4.

ирригационных сооружений. Об этом свидетельствуют обнаруженные во время полевых работ 1962 г. полуискусственный водоем у Муллали-Тепе и небольшой арык у Геоксюр 1, а в 1963 г.— целая сеть оросительных каналов у поселения Геоксюр 1.

Водоем имеет площадь, приблизительно равную 1000 $м^2$, и глубину в центральной части свыше 3 *м*. Его питание на поздних этапах происходило за счет потоков вторичного обводнения, т. е. он мог существовать вплоть до позднегеоксюрского времени, что подтверждается и керамикой,

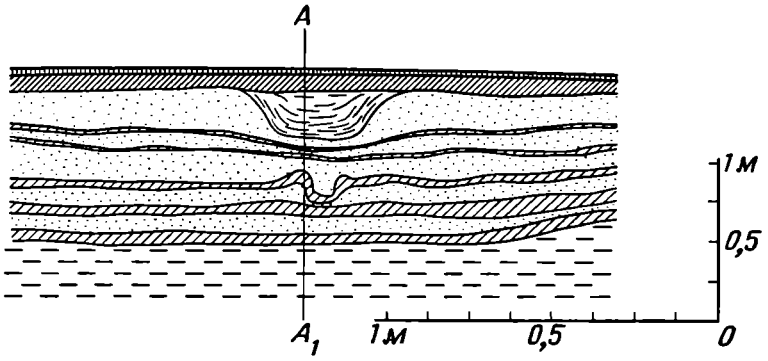


Рис. 6. Поперечный разрез через русло у поселения Геоксюр 1

найденной в заполняющих его отложениях. Такой резервуар, наполненный водой, первоначально представлял собой полноценный источник питьевой воды, обеспечивающий нужды населения в засушливое время года, но постепенное обмеление бассейна и сокращение его объема привело к тому, что жизнь на Муллали-Тепе полностью прекратилась. Бассейн существовал и использовался, по-видимому, значительно дольше, возможно, для водопоя скота, принадлежащего населению Чонг-Тепе, которое было расположено всего в 4 *км* к югу.

Арык, вскрытый траншеями у памятника Геоксюр 1, представляет искусственное сооружение небольших размеров — 1 *м* в ширину (по поверхности) и 30 *см* в глубину (аналогичные по размерам самотечные арыки встречаются до сих пор). По его краям слабо заметны валики, сохранившиеся от выбросов при прокопке или очистке (рис. 6). Арык проходит на месте погребенного русла яланғачского времени и врезан в перекрывающие яланғачский русловый аллювий делювиально-аллювиальные наносы. Вполне возможно, что он не был выкопан специально, а естественно образовался на месте небольшого бокового протока, который систематически поддерживался и очищался жителями. Характер слоистости заполняющих его отложений свидетельствует о том, что он не был заилен, как обычные русла, а заплыл после прекращения тока воды благодаря делювиальному смыву. Исследование сети небольших оросительных каналов, обнаруженных здесь в 1963 г., еще не закончено. Несомненно, что эти каналы являются древнейшими оросительными сооружениями в Средней Азии.

Наличие сооружений искусственного характера свидетельствует о значительном недостатке воды уже в геоксюрское время и особенно на позднегеоксюрском этапе. Постепенное полное прекращение сброса воды в эту часть дельты привело к тому, что население оазиса было вынуждено покинуть обжитые места и двинуться к югу.

Отмирание восточной части древнетедженской дельты шло постепенно, отступая с севера на юг, поэтому крупные южные дельтовые притоки еще продолжали существовать в течение долгого времени после того, как Геоксюрский оазис был заброшен. В южной части одного из таких крупных дельтовых протоков было основано новое поселение Хапуз-Тепе. Ширина русла, на котором оно базировалось, непосредственно у памятника достигает 60 *м*, и оно настолько хорошо выражено в рельефе, что

и в настоящее время в периоды весенних дождей наполняется водой. К северу русло постепенно сливается с окружающей равниной; на территории Геоксюрского оазиса его продолжение прослеживается в виде не выраженного в рельефе затакыренного русла.

В результате изучения процесса последовательного регрессивного развития древней дельты Теджена становится очевидным, что гибель поселений Геоксюрского оазиса произошла вследствие прекращения сброса воды в ее восточную часть и общей миграции дельты на северо-запад, происходившей, по-видимому, по причине неравномерных тектонических движений предгорных районов Туранской низменности.

Чтобы составить более полное представление о характере ландшафта, в условиях которого протекала жизнь энеолитических земледельцев, помимо работ, связанных с восстановлением рисунка древней гидрографической сети и изучением возможностей первобытного орошаемого земледелия, были использованы другие методы палеогеографического анализа, в частности палеоботанические, результаты которых позволили составить общее представление о растительном покрове. Для этих целей применялся метод определения углей, находимых во время археологических раскопок, а также спорово-пыльцевой анализ аллювиальных отложений, вскрытых траншеями [21].

Среди определенных углей встречены: тополь, берест-карагач, клен и тамариск. Все эти породы в настоящее время входят в состав растительности тугаев, развитых по берегам водотоков. Результаты спорово-пыльцевого анализа позволили выделить комплекс пыльцы местных растений, состоящий из водных и травянистых растений. В составе последних были определены злаки, солянки, полыни и другие сложноцветные. Совокупность этих данных позволяет считать, что растительные ландшафты были представлены сочетанием тугайных и пустынно-степных растительных группировок, что и сейчас типично для равнинных районов Средней Азии. Водная растительность, представленная рогозами, осоками и тростниками, обильно произраставшая в заводях дельты, широко использовалась (особенно тростник) для хозяйственных нужд наряду с древесной растительностью тугаев. В частности, древесина тополя и тростники служили для перекрытия крыш домов.

Полученные палеоботанические данные также свидетельствуют о том, что природные условия западной части Теджен-Мургабского междуречья за последние шесть тысячелетий не претерпели существенных изменений. Характер ландшафта изменялся исключительно за счет перестройки гидрографической сети, в результате чего жизнь в оазисе не прекратилась.

---

[21] Г. Н. Лисицына. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным. КСИА АН СССР, 98, 1964.

Б. А. РЫБАКОВ

КОСМОГОНИЯ И МИФОЛОГИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЭНЕОЛИТА

Одной из самых ярких и увлекательных страниц истории первобытного искусства Старого Света является орнамент расписной керамики энеолита.

Вспышка тонкой художественной мысли и совершенной, изощренной формы знаменует собой глубокий перелом в мировоззрении и особую мудрость новой эпохи в истории человечества. Новое было в расцвете земледелия, в овладении секретами литья меди, в обращении древнего земледельца к тайнам небесного круговорота и смены сезонов на земле.

Рождение расписной керамики как комплекса сложных и многообразных идеологических представлений было важным историко-культурным событием, быть может еще не в полной мере оцененным нами.

Из всех европейских культур расписной керамики наиболее богатой и полнокровной представляется трипольская культура IV—III тысячелетий до н. э. [1].

Исследования трипольской культуры советскими учеными раскрыли перед нами характер поселений, эволюцию хозяйства, абсолютную хронологию керамики и отчасти идеологию трипольцев [2].

В неисчерпаемом богатстве материалов трипольской культуры меньше всего внимания уделялось семантике орнамента; он изучался или со стороны формально-эволюционной (спираль и «распадающаяся спираль») или его характеристика ограничивалась лишь указанием на наличие в нем

---

[1] Список основной литературы, использованной для подбора иллюстраций в этой статье, см. в приложении. Из большого количества исследований советских и зарубежных ученых, посвященных Триполью, можно отметить несколько работ (часть их не вошла в указанный список), рассматривающих вопросы, близкие к теме данной статьи: Л. А. Динцес. Прочерченный трипольский орнамент культуры А. (Аспирантский сборник ГАИМК, 1, Л., 1929); Б. Л. Богаевский. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья. Л., 1931; T. Passek. La céramique Tripolienne. М.—Л., 1935. Первая работа рассматривает только ранний этап культуры; книга Б. Л. Богаевского посвящена только одному сюжету (и то ошибочно определенному). Книга Т. С. Пассек, крупнейшего специалиста по Триполью, дает типологическую и отчасти хронологическую классификацию обширного музейного материала.

Наиболее подробным исследованием земледельческой идеологии на основе мелкой пластики является глава «Некоторые идеологические представления древних земледельческо-скотоводческих племен юго-востока Европы» в кн.: С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре, МИА, 38, 1953.

Сжатая характеристика всей истории пластики дана в статье: Т. Г. Мовша. К вопросу о развитии трипольской антропоморфной пластики. КСИА, 2, 1953, стр. 85—87. Интересный этюд об изображениях человеческих фигур написан Гортензией Думитреску. Г. Думитреску. Антропоморфные изображения на сосудах из Траяна (Materiale şi cercetari arheologice. III. Bucureşti, 1957). Отдельные соображения о семантике трипольского орнамента рассеяны в ряде общих работ.

[2] Пользуюсь случаем поблагодарить специалистов по трипольской культуре, указавших мне ряд ценных фактов: Т. С. Пассек, В. И. Маркевича, Е. К. Черныш, Т. Г. Мовша.

солярных знаков, следов культа змеи. Несколько больше внимания было уделено изображениям животных.

Данная статья, не претендующая на полноту охвата, является попыткой проникновения в систему тех представлений, которые выражены пиктограммами керамической росписи. Раскрытие этой системы представляет интерес как для понимания идеологии самих трипольских племен, так и для уяснения глубоких корней позднейших языческих представлений античности и средневековья, объединенных с энеолитической древностью одинаковостью мировоззрения земледельцев.

Пространство между Карпатами и Днепром, занятое в свое время трипольскими племенами, рассматривается современными лингвистами как северо-восточная часть индоевропейской «прародины» неолитической эпохи. Вероятно, поэтому через тысячелетия тянутся нити связей от трипольского искусства к наиболее архаичным пластам фольклора индийцев, иранцев, славян, молдаван и литовцев, нити, помогающие нам в расшифровке орнаментальной символики [3].

Трипольский орнамент очень многообразен и сложен, и при его разгадывании нужно отыскать несколько ключей. Одним из ключей является этнографический материал по народному искусству, содержащий много таких элементов, которые впервые родились в трипольскую эпоху. Другим ключом является индоевропейская мифология, священные гимны Ригведы и Авесты. Третий ключ — научная реконструкция древнейшей индоевропейской лексики, очерчивающая круг отвлеченных понятий, при помощи которых древний человек определял мир и свое понимание мира. Круг этот, оказывается, был достаточно широк; первобытные земледельцы могли выразить многое; смену дня и ночи, света и тьмы, смену времен года; в их лексиконе были небо и земля, солнце, заря и луна, холод и жар, дождь и ветер, понятия времени, последовательности событий, направления, причинной связи и т. д. Они могли рассказать не только о пахоте и посеве, о стадах и о хлебе, но и о празднестве, о верховном божестве («Deiwo») и даже о росписи на сосудах [4].

Но самым главным ключом, открывающим нам область древней символики, является, конечно, мировоззрение и психология земледельцев, хорошо известные нам по позднейшим мифам, этнографическим языческим обрядам и церковным поучениям.

Земледелие было известно и в культурах, предшествующих триполью (культура линейно-ленточной керамики, Буго-Днестровский неолит и др.). К трипольской эпохе относится расцвет сложного хозяйственного комплекса, в котором ведущее место принадлежало земледелию, возделыванию (очевидно, при помощи рала) пшеницы и ячменя.

На раннем этапе триполья еще очень велика роль охоты (олень, лось и др.), и это сказалось на орнаментике. На позднем этапе в хозяйстве трипольцев возрастает роль скотоводства, появляется лошадь, и все это тоже отразилось в орнаменте, сказавшись не только на появлении новых сюжетов, но и на изменении самой системы.

С переходом к земледелию жизнь и благоденствие людей стали в прямую зависимость от капризов природы, от переменчивости стихий,

[3] Не считая возможным прямолинейно связывать древних трипольцев с каким бы то ни было исторически известным индоевропейским народом, я считаю вполне допустимым использование разных индоевропейских параллелей. Преобладание в последующем тексте ссылок на славянский фольклор объясняется не тем, что только славян можно счесть прямыми потомками трипольцев, а большей близостью славянской тематики к интересам и компетенции автора.

Впрочем, можно думать, что в глубинных пластах этногенетического процесса украинцев, русских, молдаван и болгар, вероятно, в качестве субстрата принимали участие и трипольские энеолитические племена.

[4] См. Giacomo Devoto. Origini indoeuropee. Firenze, 1962, стр. 440—444, 457—468, 488—499. Интересную попытку связи трипольского археологического материала с индоевропейской языковой общностью сделал Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, стр. 31—35.

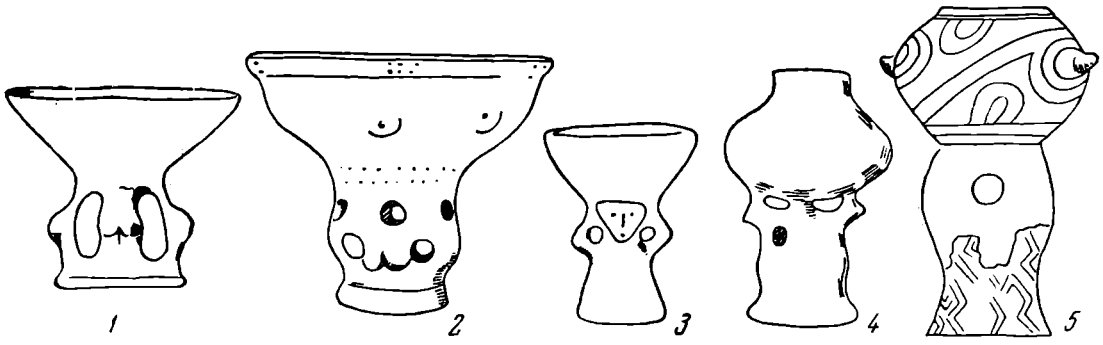


Рис. 1. Сосуды, возносимые к небу

1 — Лука-Врублевецкая; *2* — Греновка; *3* — Лука-Врублевецкая; *4* — Извоар; *5* — Хэбэшешти

в конечном счете — от неба, от солнца, от небесной влаги — дождя. По окончании пахоты и сева земледелец был уже бессилен вмешаться в процесс вызревания урожая: засуха или ливни, гроза или град на протяжении трех летних месяцев держали древних земледельцев во все возраставшем страхе. Небо могло обеспечить «обильем», т. е. зерном. Небо же могло и обречь на голодную смерть.

Из этого бессилия перед природой рождались две серии заклинательных аграрных обрядов: одна серия (наиболее спокойная) связана с плодоносящей силой зерна, плодородием земли и охраной посевов. Другая серия состоит из напряженно-драматических обрядов, обращенных к небу, из молений о дожде и вёдре, кровавых жертвоприношений, отвращающих грозу, могущую уничтожить почти созревший урожай. Небо с его «запасами» небесной влаги, смена сезонов, круговорот времени — круговорот жизни — вот что стоит в центре мировоззрения земледельцев.

Первые чародейки (рис. 1, 2, 3, 4). Общеизвестно, что главными молениями земледельцев тех областей, где не применялось искусственное орошение, были моления о воде. Все важнейшие весенне-летние обряды были связаны с магией небесной воды: бросание чучел в воду, пускание венков по реке, жертвоприношения родникам и источникам, «русальная неделя», «Купала» и т. п.

В трипольской пластике раннего периода мы видим ряд своеобразных ритуальных сосудов: три или четыре женские фигуры вздымают к небу огромную чару. Обнаженные фигуры сильно стилизованы, голов и рук у них не видно, особенно подчеркнуты древним скульптором средние части корпуса; фигуры образуют круг (см. рис. 1, *1, 2*).

Иногда встречается одиночная женская фигура, поднимающая чару над головой (рис. 1, *3, 4*). Позднее мы видим сильную стилизацию этого сюжета — широкая чаша сосуда-жертвенника стоит на высоком полом цилиндрическом поддоне, сохранившем лишь отдаленное сходство с женской фигурой (рис. 1, *5*).

Поднимание сосуда к небу широко известно в обрядах многих народов и всегда связано с магией плодородия. У болгар сохранился такой новогодний обычай: когда творят тесто для «богача», священного новогоднего хлеба, то три старшие женщины в семье трижды вздымают к небу квашню с тестом. Древние славяне, по свидетельству Ибн-Русте, поднимали к небу ковш, наполненный зерном; этот обряд перешел и в православную церковь как возношение артосного панагиара.

Мы не можем определить, какой именно обряд имели в виду трипольские скульпторы, изображая группу женщин, возносящих к небу сосуд с чем-то. Есть два соображения о содержимом сосудов: во-первых, на них часто бывают изображены рельефно две женские груди (не относящиеся к возносящим женщинам), а это ведет нас к архаическому ряду понятий: великое женское божество — молоко — дождь (небесная вода). Во-вторых, нельзя игнорировать интересное наблюдение С. Н. Бибикова: внут-

ренняя поверхность сосудов часто носит на себе следы огня [5]. Кажущееся противоречие легко устраняется, если мы вспомним, что важнейший праздник язычников — летнее солнцестояние («Купала») — объединял оба эти элемента — и воду, и огонь (бросание венков в воду и возжигание костров). Сосуд мог быть использован для огня, но не мог быть для него предназначен.

Чаши, изображаемые на подставках из женских фигур, нередко имеют усеченно-коническую форму, которая хорошо известна в трипольской керамике как чаши (или мисы) для воды.

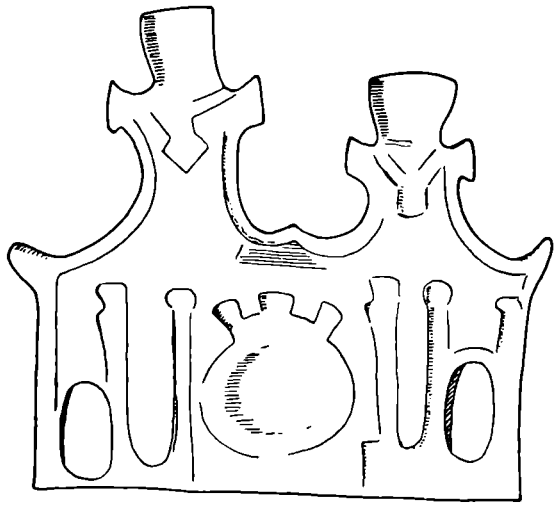


Рис. 2. Алтарь в виде двух стилизованных фигур с чашами на головах
1 — Трушешти. Румыния

Каково бы ни было наполнение сосудов, для нас они драгоценны тем, что изображают обряд обращения женщин к Великой матери, находившейся, по их представлениям, на небе. К ней, к небу и поднимали трипольские женщины свои огромные чаши, украшенные изображениями грудей [6].

Трипольская пластика дает нам и более определенные следы культа воды. В Незвисках обнаружен крайне интересный комплект миниатюрных глиняных предметов: креслице, предназначенное для статуэтки, изображающей сидящую женщину, сама сидячая фигурка, модель сосуда для воды, воспроизводящая упомянутый тип усеченно-конической чары, и миниатюрный черпачок с зооморфной ручкой [7]. На Балканах в Бечее найдена относящаяся примерно к этому же времени глиняная статуэтка, разъясняющая смысл незвисского набора,— на орнаментированном стульце сидит обнаженная женщина; на коленях у нее типичная коническая чара для воды. Женщина держит чару обеими руками и откинула корпус назад, чтобы не заслонять небо над сосудом [8]. Такого типа сидячие статуэтки с откинутым назад корпусом встречаются и в трипольской культуре; такова приведенная выше фигурка из Незвисок. Из восточной Приднепровской области трипольской культуры известны сидячие женские фигуры, изображающие не юных женщин, как все обычные статуэтки, а старух с отвислыми грудями (рис. 3).

Перед нами, по всей вероятности, один из видов обряда заклинания воды.

Магические манипуляции над чарой с водой (то, что на древнерусском языке называлось «чародейством») имели целью или предугадывание судьбы, как это мы видим в новогодних обрядах с чашей (блюдом) воды, наливаемой из 12 колодцев, или же заклинание будущего благополучия (новогодняя «слава хлебу»), или еще более конкретно — призыв дождя.

---

[5] С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 140.

[6] Большой интерес представляет найденный в Трушешти глиняный алтарь с изображением двух предельно стилизованных фигур, у которых головы завершаются чашами (рис. 2). О том, что эти идолоподобные фигуры — женские, можно догадаться только по четко вылепленным амулетам на шее; такие амулеты известны нам на женских статуэтках. У подножья этих двух идолов с чашами на головах обозначены шесть схематичных антропоморфных фигур. Чаши на головах идолов выражают ту же идею возношения воды к небу. См. каталог выставки Expoziţia arheologică. Bucureşti, 1953, стр. 13, рис. 3.

[7] Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье. МИА, 102, 1962, стр. 47, рис. 7—8.

[8] Miodrag Grbič. A Neolithic Statuette from Bečej in Banat. Archaeologia Jugoslavica, I, Belgrad, 1954, стр. 16—17, рис. 1—4.

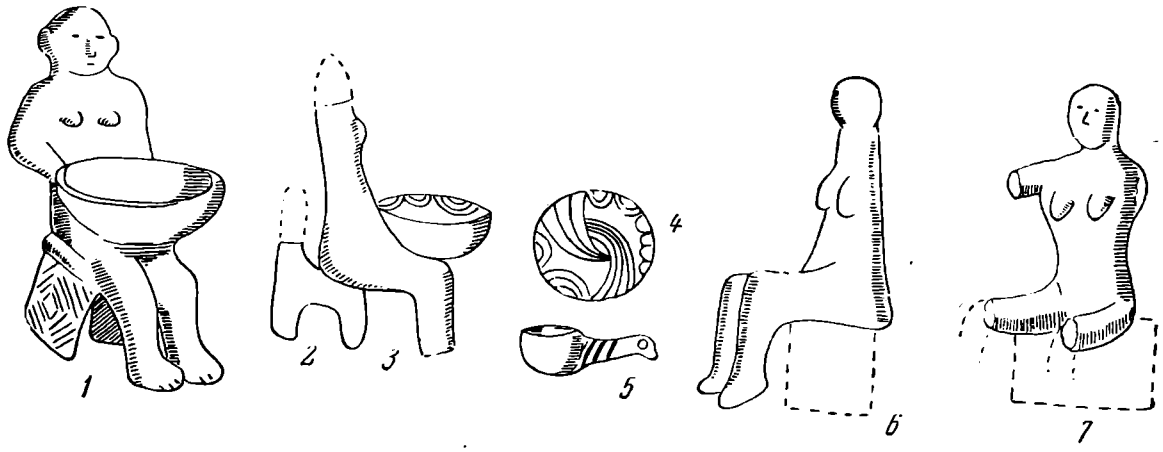


Рис. 3. Заклинание воды

1 — Бечей. Югославия; *2—5* — Незвиско; *6* — Кошиловцы; *7* — Киевщина

Последний смысл явствует из древнерусского словоупотребления XI—XII вв., когда в тексте рядом ставились «чаровники» и «облакопрогонники», т. е. колдуны, повелевающие облаками, когда «чаровать тайными словесами» приравнивалось к понятию «волховать водою»[9] (Изборник 1073 г.).

Очевидно, что первоначальный архаичный смысл глагола «чаровать» заключался в том, чтобы над чарой с водой произносить заклинания и сделать эту воду «живой», могущей призвать облака, вызвать настоящий дождь и действительно оживить поля.

Глиняные изображения «чародеек» из Бечея и Незвисок знакомят нас именно с таким обрядом — женщина сидя держит на коленях чару с водой, обращенную к небу, и, очевидно, произносит «тайные словесы».

В дальнейшем изложении мне придется вернуться к орнаменту на конических мисах, подтверждающему связь этих сосудов с небесной водой (рис. 4). Особой темой могли бы быть черпаки, которыми черпали из колдовских чар «живую воду». Их антропоморфные и зооморфные ручки составляют интересный раздел трипольского ритуального искусства.

«Рожаницы» (рис. 5). Многообразная и содержательная трипольская пластика яснее и проще, чем орнаментальные композиции, раскрывает перед нами многие разделы мировоззрения и вытекающей из него магической обрядности трипольцев.

Обилие женских статуэток давно уже получило истолкование как проявление культа божеств плодородия. Особый интерес представляют изученные С. Н. Бибиковым глиняные фигурки с зернами пшеницы в составе глины, относящиеся к раннему этапу трипольской культуры. Прежде чем лепить фигурку божества плодородия, глину замешивали на зернах (и муке?), выражая тем самым всю суть своих пожеланий. С. Н. Бибиков очень остроумно приурочил изготовление таких фигурок к новогоднему циклу заклинательных земледельческих обрядов[10]. Идея зерна, семени, как начала новой жизни пронизывает всю трипольскую пластику среднего и позднего периодов.

Женские фигурки, как правило, изображают не дебелых матрон, знакомых нам по скульптуре палеолита, а стройных дев, с едва обозначенной грудью, но нередко с признаками начинающейся беременности.

Это — та же идея семени, новой зарождающейся жизни, но выраженная в иной форме.

На животах некоторых фигурок мы видим то оттиск зерна, то неболь-

[9] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, III, СПб., 1903, стр. 1471—1474.

[10] С. Н. Бибиков. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен юго-восточной Европы. СА, XV, 1951, стр. 135.

шой бугорок, обозначающий беременность, то изображение растения (колоса?) (см. рис. 5, *1—8*).

Иногда живот женщины прикрыт магическим рисунком из четырех квадратов, с точками в каждом из них (символ поля с семенами?). Иногда две змеи охраняют живот молодой матери.

Невольно возникает ассоциация с христианским божеством плодородия — богородицей, девой-матерью, изображаемой нередко так, что на ее животе показан не родившийся еще ребенок Иисус Христос (рис. 5, *9*). Мы знаем, что в древней Руси культ богородицы слился с местным культом рожаниц, древних божеств плодородия, рождения «обилия».

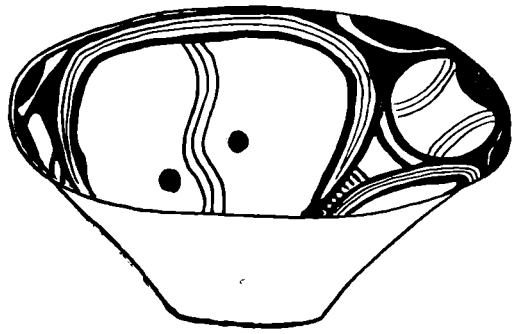


Рис. 4. Коническая чара. Петрены

Трипольские статуэтки юных матерей были, по всей вероятности, одними из ранних предшественниц христианской богородицы, выразительницами идеи бессменного круговорота жизни, идеи рождающей силы зерна. Мы знаем, как тесно магия плодородия полей переплетена с магией человеческого плодородия. Трипольские «рожаницы» — одно из проявлений этого [11].

Символические знаки (рис. 6, 7, 8). Трипольская пластика раскрыла перед нами две основные идеи древних земледельцев — испрашивание небесной влаги у неба и желание усилить плодовитость зерен.

При переходе к орнаменту на посуде мы должны учесть, что каждый вид посуды имел свою специфику прочерченного или расписного узора.

Наиболее сложные и запутанные композиции мы встречаем на сосудах, служивших, по всей видимости, для хранения зерна, муки и, может быть, семенного запаса. На известной модели трипольской хаты из Попудни около печи изображена приступка, на которой женщина растирает зерно, а рядом стоят два сосуда тех самых форм, которые обычно несут на себе сложный символический орнамент (рис. 6, *2*). Это дает нам право

---

[11] Будущим историкам трипольской пластики нужно будет установить причины резкого типологического различия ритуальных фигурок в ранний период, с одной стороны, и в средний и поздний,— с другой. Фигурки раннего периода — более массивны, пышно татуированы и почти полностью лишены рук и головы; вместо головы у них иногда бывает заостренный штырь, как бы предназначенный для того, чтобы на него что-то насаживалось. Ноги их тоже даны обобщенно, как один узкий конус.

Безголовые, безногие и безрукие женские статуэтки с щедро орнаментированными средними частями корпуса одновременны скульптурным поддонам ритуальных сосудов, где к зрителю обращены эти самые части тела, а головы, ноги и руки тоже отсутствуют.

Возникает мысль — не являются ли раннетрипольские статуэтки этого типа тоже какими-то подставками? Их могли втыкать по три-четыре фигурки «ногами» в землю, а на головы-штыри накалывать что-либо мягкое, например хлеб?

Земля в этом случае могла рассматриваться как источник жизни, как среда, рождающая «обилие» (т. е. зерно).

Орнамент на татуированных бедрах фигур-подставок (если они были таковыми) довольно устойчив и состоит из двух элементов: квадрат с точкой (семя на поле?) и змеи (может быть, символ воды?).

В среднетрипольское время этот тип исчезает, появляются фигурки «рожаниц» с головой и большим количеством дырочек для подвешивания; количество отверстий (до 10) значительно превышает необходимое при подвешивании. Нельзя ли допустить, что эти богини прорастающих зерен служили своеобразными магическими замка́ми, оберегами при обвязывании сосуда с зерном (семенным запасом)? Что эти сосуды обвязывались, мы знаем по многочисленным ушкам на самих сосудах и на их крышках. В раннетрипольское время (как увидим ниже) место завязок охранялось двумя змеями. В среднетрипольское время змеи исчезают, но появляется совершенно новый тип женских статуэток, явно предназначенных для обвязывания. Если это допущение когда-либо подтвердится, то мы получим еще одно доказательство связи трипольских «рожаниц» с идеей зерна-семени.

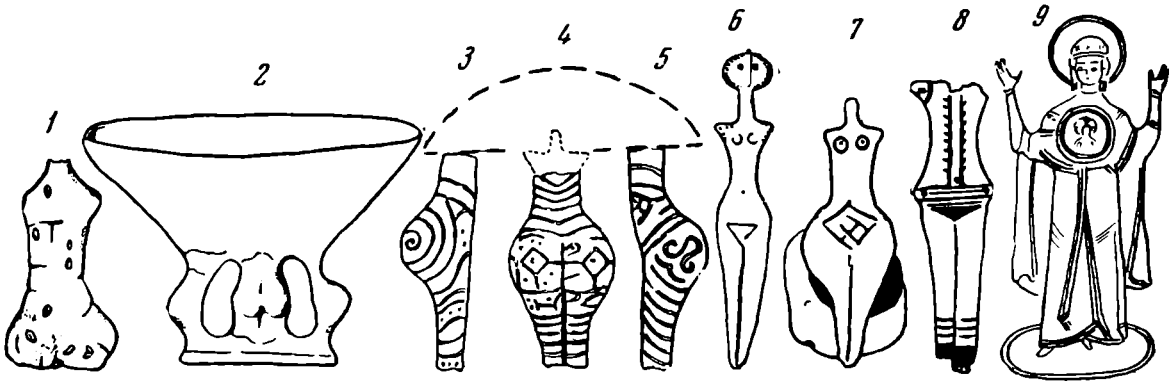


Рис. 5. «Рожаницы» — божества плодородия

1—2 — Лука-Врублевецкая; *3* — Сабатиновка; *4—5* — Лука-Врублевецкая; *6* — Выхватинцы; *7* — Берново-Лука; *8* — Кошиловцы; *9* — изображение богородицы XIII в.

подойти к расшифровке семантики орнамента с тех же позиций земледельческой идеологии.

В составе сложных композиций мы можем выделить несколько десятков отдельных элементов, большинство которых, родившись в эту отдаленную эпоху, начинает многовековую длительную жизнь в орнаменте разных племен и народов, доживая в этнографическом материале вплоть до наших дней, что нередко облегчает задачу определения семантики.

Трипольский орнамент настолько многообразен и сложен, что с какой бы искусственно выделенной части его не начать анализ, все равно пришлось бы забегать вперед, а иногда и возвращаться назад. Анализ отдельных элементов орнамента может быть доведен до конца лишь после того, как будет рассмотрена и понята вся система орнамента. Однако начинать разгадывание системы лучше всего с этих отдельных элементов, так как их долговечность позволяет нам ретроспективно, отправляясь от более поздних символов, смысл которых нам известен, угадывать смысл трипольских пиктограмм.

На рис. 7 собрана часть отдельных знаков трипольского орнамента. Их можно подразделить по степени читаемости на три категории: 1) понятные знаки; 2) знаки, смысл которых угадывается по связи с другими элементами орнамента; 3) знаки, смысл которых лишь предположительно угадывается. Часть знаков остается за пределами всех трех категорий и не поддается расшифровке. Большинство изображенных знаков встречается многократно.

К первой категории нужно отнести солярные и лунарные знаки и изображения растений (рис. 7, *1—12, 18—21*). Знаки солнца чаще всего представляли собою круг (или несколько концентрических кругов) с крестом внутри. Стороны креста часто состояли из двух или трех тонких параллельных линий; часто встречается косой крест. Особо следует отметить появившийся довольно поздно знак солнца в виде колеса с шестью спицами, так называемое «колесо Юпитера», а в русской этнографии — «громовый знак». Лунные знаки — обыкновенные полумесяцы, обращенные рогами вверх. Интересна одна чара для воды из Кошиловец, где нарисовано 12 лун. Знаки растений четырех видов: деревце с поднятыми ветвями, «елочка», колос и крестообразно расположенные листья, напоминающие весенние ростки подорожника. Символика всех изображений растений ясна — жизнь, рост, плодоносящая сила земли.

Во вторую категорию можно включить знаки (рис. 7, *14, 15*), помещаемые обычно внутри спиралей, на традиционном месте солярных знаков. Считать их изображением солнца нет оснований. Возможно, что древние художники, выражая графически идею движения времени (см. ниже), заменяли одно светило — солнце — другим — луной; оба они служили для

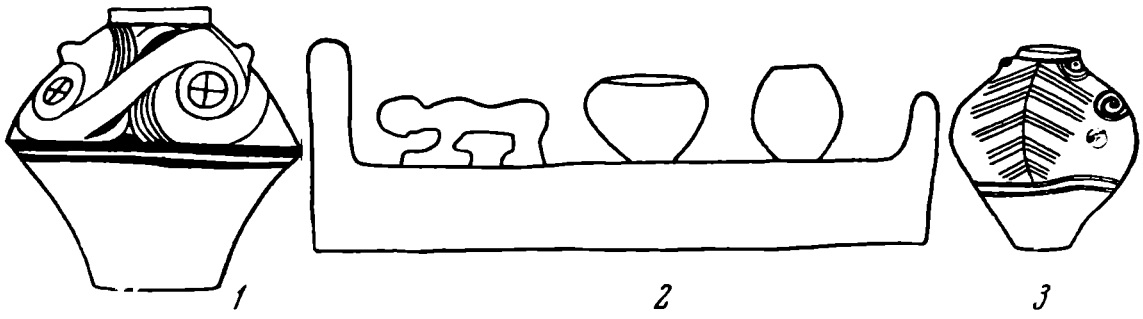


Рис. 6. Сосуды для хранения зерна (?)
1 — Петрены; *2* — Попудня (модель жилища); *3* — Халепье

измерения времени. Дуги в левой и в правой сторонах диска, быть может, выражают фазы луны и тем еще более подчеркивают идею движения.

Большой интерес представляет знак (рис. 7, *17*) — косо поставленный квадрат, разделенный на четыре части с точками внутри каждой ячейки. Этот орнамент дожил до XX в. на свадебных рубахах и поневах. Мы уже видели его на трипольских «рожаницах», где он тоже обозначал, что «она понесла во чреве». Есть он и в культурах балканского неолита, встречается на керамике бронзового века, известен на архаической родосской керамике, на жертвеннике первых веков нашей эры (Золотая Балка, Нижний Днепр), на русских средневековых тканях и серебряных изделиях XI—XII вв., на множестве других вещей разных эпох [12] (рис. 8).

На протяжении шести тысячелетий этот сложный знак сохранил не только форму, но и свое смысловое значение, применяясь в свадебной обрядности. Интересное дополнение дает белорусская этнография XIX в.: когда строился новый дом, то предварительно на земле чертился такой квадрат, а затем глава семьи отправлялся на четыре поля, окружавшие усадьбу, и с каждого поля приносил на голове камень, который и клал в центре каждой четверти квадрата. В результате на месте будущего дома (обычно строящегося для новой семьи) оказывался наш трипольский квадрат с четырьмя ячейками и с камнем — точкой в каждой из них. Предположенная выше связь этого знака с полем и семенами получает подтверждение.

В третью категорию можно отнести знаки рис. 7, *29—31*, а также рис. 7, *33*, *34*, в которых следует видеть еще один важный для земледельцев эпохи матриархата символ плодородия — женский половой орган [13].

Отметим, что фаллического элемента в таком абстрагированном виде в трипольском орнаменте еще нет.

Знак рис. 7, *25*, вероятно, является схемой бараньих рогов. Но нужно отметить узко-локальный его характер.

Знак рис. 7, *28*, возможно, является схематичным изображением вымени — сюжета, довольно распространенного в Триполье (сосуды в форме вымени, модели жилищ, нижняя часть которых напоминает вымя, и др.).

Ряд знаков остается для меня неясным.

Четыре стороны света (рис. 9). Только в керамике земледельческих племен энеолита впервые появляется и утверждается на тысячелетия принцип четырехкратности. Узловые знаки орнамента располага-

---

[12] Паола Корошец. Подела Славонске културе ньено порекло и релативна хронологиа. «Нови Сад», 1959, стр. 14, рис. 14; М. Г. Вязьмітіна. Золота Балка. Київ, 1962. стр. 209, рис. 86; Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси, II, М., 1951, стр. 402—405, рис. 195.

[13] Такие знаки Б. Л. Богаевский считал изображениями раковин, полагая, что съедобные моллюски играли важную роль в жизни трипольцев (Б. Л. Богаевский. Ук. соч., стр. 69, стр. 71, рис. 36). С этими выводами трудно согласиться.

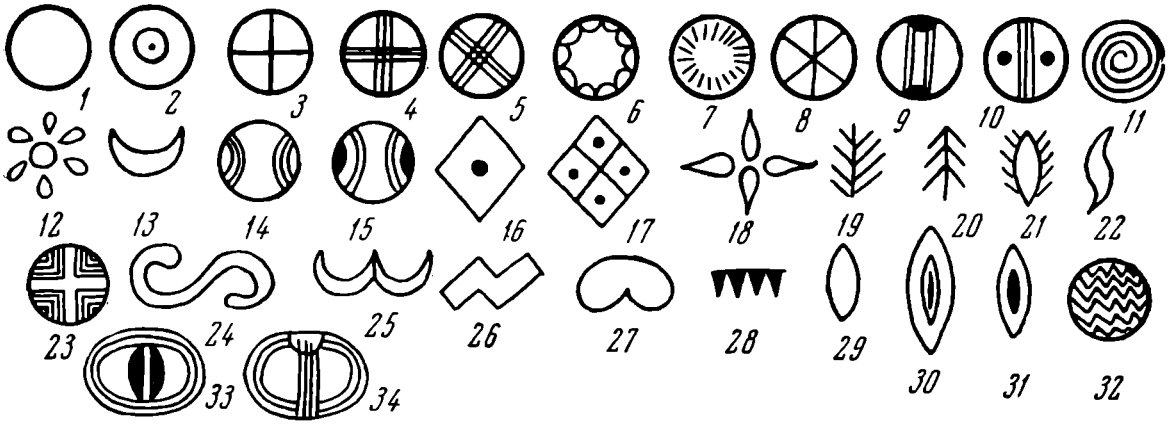


Рис. 7. Символические знаки

лись на боках сосудов таким образом, что они смотрели «на все четыре стороны» (рис. 9). Трипольские четырехчастные жертвенники были точно ориентированы своими четырьмя крестовинами по странам света, даже если это направление резко расходилось с ориентировкой стен дома.

Крестообразны были не только жертвенники — знак четырехконечного креста вписывался в солнечный диск; крестообразно располагались четыре листа в орнаменте, четыре солнца на сосуде и т. д. (см. рис. 7). Число четыре занимает очень важное место в трипольском орнаменте, но не столько само по себе, сколько в качестве обозначения четырех направлений.

Судя по данным языка, в это время уже сформировались понятия: «впереди», «позади», «налево», «направо» и, очевидно, определились понятия юга и севера, востока и запада.

Вполне понятно, почему мысль трипольских художников постоянно возвращалась к четырехчастной композиции, к распределению главных элементов орнамента по «всем четырем сторонам»: ведь для земледельца эти четыре направления были не только сторонами света — полуднем, полночью, заходом и восходом, но и сторонами его прямоугольного поля.

Поле вспахивалось в двух направлениях (борозда в одну сторону, борозда в противоположную сторону), а затем боронилось в двух направлениях, перпендикулярных бороздам. Так ежедневный ритм основной земледельческой работы создавал представление о движении вперед и назад, влево и вправо, к которому добавилось представление о постоянных географических координатах (тоже очень привычных для земледельца) — север — юг, запад — восток. Отсюда — идеограмма поля (рис. 7, *17*) — квадрат, пересеченный крест-накрест с точками-семенами, и идеограмма солнца в виде диска, пересеченного крестом, так как земные координаты определялись по солнцу.

Внимание к четырем сторонам света видно в той тщательности, с какой ориентировали трипольцы среднего периода свои жертвенники [14].

Родившись в представлениях энеолитических земледельцев, принцип четырехкратности прошел через все эпохи и дожил в этнографии до близкого нам времени [15].

В народном искусстве мы видим стремление обезопасить магическим рисунком со всех четырех сторон, в заговорах предписывается обращаться «на все четыре стороны», в сказках враги могут грозить герою «со всех четырех сторон» и т. п.

---

[14] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.). МИА, 16, 1949, стр. 82—83, рис. 38, а.

[15] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 406—409, рис. 197

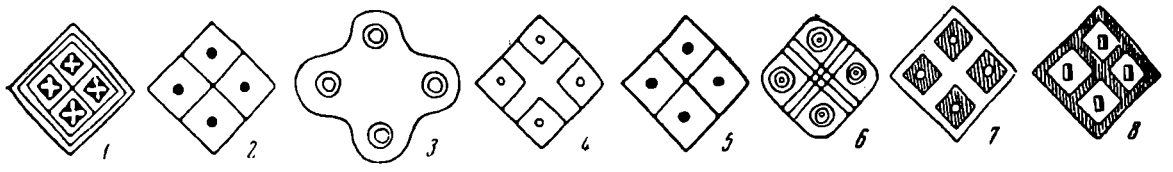


Рис. 8. Устойчивость орнаментального сюжета

1 — Балканы IV тысячелетия до н. э.; *2* — трипольская культура IV тысячелетия до н. э.; *3* — трипольский жертвенник III тысячелетия до н. э.; *4* — срубная культура II тысячелетия до н. э.; *5* — греческая керамика I тысячелетия до н. э.; *6* — Нижний Днепр (Золотая Балка), I тысячелетие н. э.; *7* — средневековые русские ткани XI—XII вв.; *8* — русская этнография (Вщиж), XX в.

Принцип четырех сторон был важной вехой в познании мира, и неудивительна долговечность как самих представлений, так и тех графических форм, в которые древние земледельцы сумели облечь свои новые понятия о пространстве.

После беглого обзора трипольской пластики и ряда (далеко не полного) отдельных элементов орнамента можно сделать два предварительных вывода: во-первых, трипольское искусство действительно выражало прежде всего магические воззрения древних земледельцев и, во-вторых, очень многие элементы энеолитической символики (даже будучи взяты изолированно) оказываются тоже звеньями того же земледельческого мировоззрения, и в силу этого они на тысячи лет стали заклинательными идеограммами у разных земледельческих народов, выражая такие понятия, как «солнце», «луна», «колос», «поле» и др. Дальнейший анализ значительно пополнит этот предварительный список.

Невидимая Великая Мать (рис. 10, 11). Группа женщин, возносящих огромную чашу к небу (рис. 1), явилась как бы эпиграфом к этой статье, потому что раскрывает перед нами самую главную, самую существенную и устойчивую сторону земледельческого мировоззрения — просьбу воды, обращенную к небу.

Но к кому были обращены эти просьбы, в каком образе воплощалось то верховное божество, от воли которого зависело вовремя оросить нивы древних индоевропейцев?

Был ли это Зевс Громовержец, повелевавший тучами, или более архаичный бог неба Уран, индийский двойник которого, Варуна, был богом неба и небесных вод?

И Уран и Варуна известны нам из очень ранних пластов индоевропейской мифологии (очевидно, до середины II тысячелетия до н. э., когда, судя по крито-микенским надписям, устанавливается культ Зевса), но и у них есть предшественница — мать Варуны, богиня неба Адити («Бесконечная»), гимны в честь которой составляют самый архаичный пласт Ригведы.

Адити — мать богов, прародительница всего сущего.

«В первом веке богов из Не-сущего возникло Сущее
Затем возникло Пространство Мира,
Оно (возникло) из Прародительницы,
Из Земли возникло Пространство Мира...» [16]

Ригведа X. 72

В то же время Прародительница Адити имеет прямое отношение к водам небесным и земным, так как

«Вода — первооснова всего Сущего.
Вначале это (все Сущее) было водами» [17].

---

[16] Древнеиндийская философия. Переводы с санскрита В. В. Бродова. М., 1963, стр. 30.

[17] Там же, стр. 187.

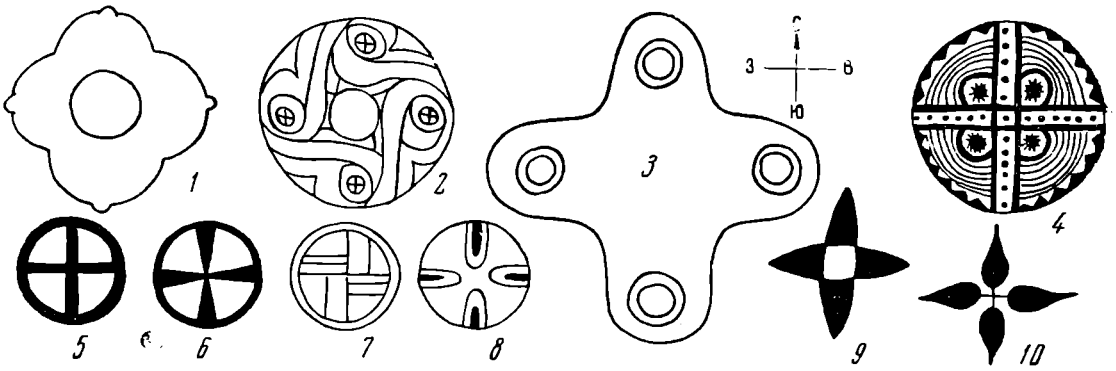


Рис. 9. Четырехчастные композиции

1 — Карбуна (вид сосуда сверху); *2* — Петрены (вид сосуда сверху); *3* — Владимировка (жертвенник); *4* — Кукутени; *5—7* — Кошиловцы; *8* — Поливанов Яр; *9—10* — Кошиловцы

Кодифицированная уже после прихода индоевропейцев в Индию, Ригведа сохранила очень туманную память о Прародительнице Мира. Даже ее имя не дошло до нас (быть может, из-за табу). Иранская Авеста, записанная много позже, знает богиню плодородия и воды Ардви, «сильную и непорочную», но не говорит о том, что она родоначальница мира.

Геродот сообщает о скифской богине Апи («Вода»), супруге Папая (Зевса), но сопоставляет ее с греческой Геей, богиней земли.

Нам было бы очень трудно разобраться в противоречивых источниках по индоевропейской мифологии, если бы не было археологического материала. Во множестве земледельческих культур Европы от неолита до бронзового века включительно мы встречаем в качестве одного из важнейших сюжетов орнамента мотив женской груди, который является одним из самых устойчивых элементов трипольского искусства, начиная с раннего его этапа.

Большие сосуды лепились так, что со всех четырех сторон выступают четыре массивные груди, выполненные рельефно и натуралистично; они образуют все тулово сосуда, являясь его главной конструктивной формой. Сосуд не антропоморфен, никаких других признаков женской фигуры нет, кроме этих четырех огромных грудей, заставляющих вспомнить палеолитические статуэтки (рис. 10).

Иногда встречаются парные изображения грудей, изредка рядом с рисунком грудей помещается овальный знак плодовитости.

Изображения женских грудей переходят и в развитое Триполье, где выполняются и рельефом и живописью; позднее этот мотив схематизируется до двух круглых точек, обозначающих соски.

На поставленный в начале этого раздела вопрос — какому божеству возносят чашу женские фигуры из Греновки — можно дать ответ, «написанный» на самой чаше (где, как мы помним, вылеплены две груди),— великой богине неба и дождя.

Исследователи уже сто лет назад отмечали, что «уподобление дождя молоку заставило видеть в тучах женские груди или коровье вымя» [18].

Богиня неба и воды, изображаемая только одним символом — ее сосцами,— это и есть, очевидно, та архаичная Прародительница, которую уже три тысячи лет назад считали первоначальной основой Сущего и матерью всех позднейших богов.

Крито-микенский мир знал богиню Ма — Дивию, приравниваемую к Артемиде, Диане и Матери богов Кибеле. Авестийская Ардви и Адити Ригведы, ближневосточная Иштарь — Астарта — все это разновидности

---

[18] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, I, стр. 671, см. также стр. 435.

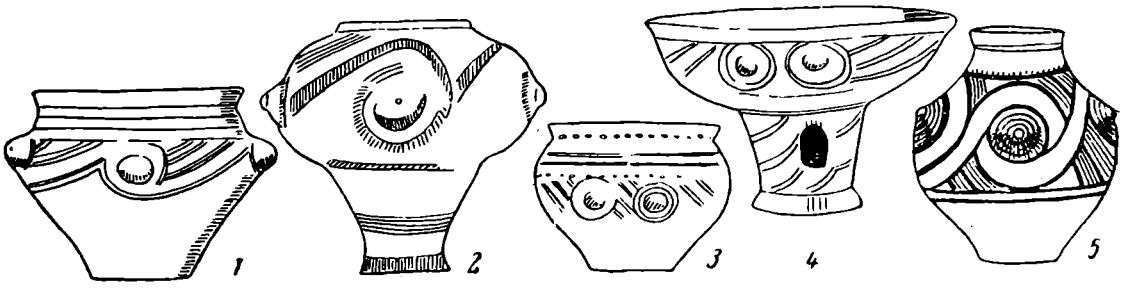


Рис. 10. Груди Великой Матери
1 — Голерканы; *2* — Карбуна; *3* — Лука-Врублевецкая; *4* — Солончены; *5* — Петрены

древнего женского божества, девы-матери, прародительницы мира, подательницы плодородия и владычицы неба, дождевых туч и всей живой природы. В более позднее время, в эпоху патриархата, мужские божества оттеснили Великую Мать на землю, лишили ее первичного всеобъемлющего характера, но для IV — III тысячелетий до н. э. археологический материал убедительно показывает, что для людей той эпохи верховным божеством, которому возносились моления, было женское божество.

Богиня Вселенной первоначально не имела определенного облика (он появился лишь на этапе В/П). Она была действительно «беспредельной». Трипольские художники могли только обозначить ее тем или иным количеством грудей — ее основного признака.

Позднейшим отзвуком представлений о многогрудой богине является культ Артемиды Эфесской. У западных соседей трипольцев на Дунае известно антропоморфное изображение, являющееся прообразом Дианы — женская статуэтка с несколькими парами массивных грудей, воплощение материнства, расточающего свои блага во все стороны (рис. 11, *1*).

Любопытно, что и животное, посвященное Артемиде,— медведь — тоже нашло отражение в искусстве древних земледельцев: и в культурах дунайского круга и в трипольской (Шипеницы) встречены ритуальные сосуды в виде медведя (рис. 11, *2*). Очевидно, корни греческого мифа уходят в глубокую индоевропейскую древность.

У энеолитической Владычицы Вселенной могло быть много различных имен и эпитетов, следы которых мы встретили впоследствии у разных далеко разошедшихся индоевропейских народов, что может свидетельствовать о древности этих имен.

Уж - «домовик» (рис. 12, 13). Одной из характерных черт трипольской орнаментики является змеиный узор, особенно ярко выступающий на раннем этапе, но продолжающий существовать и позднее. К сожалению, эта тема, затронутая впервые еще К. В. Болсуновским, не получила дальнейшего развития [19].

Змеиный узор почти повсеместен: спирали змей обвивают массивные груди Великой Матери, змеи есть и на сосудах и на крышках к ним, змеи составляют основу татуировки «рожаниц», змеи являются одним из элементов, рождающих знаменитую трипольскую спираль (рис. 12). Иногда на сосуде на видном месте помещается четкое изображение змеи как отдельного символа; часто мы видим парные изображения змей (см. рис. 9).

Первый вопрос, без ответа на который мы не можем двинуться дальше в анализе змеиного орнамента,— это характер отношения этих змей к человеку. Злые они или добрые?

Ответ мы получаем очень определенный. В раннетрипольское время известно много сосудов и крышек с ушками для завязывания. И вот около отверстий ушек художник прочерчивает на глине змею, охраняющую завязки, т. е. охраняющую целость содержимого сосуда. Иногда в этом от-

[19] К. В. Болсуновский. Символ Змия в трипольской культуре. Киев, 1905.

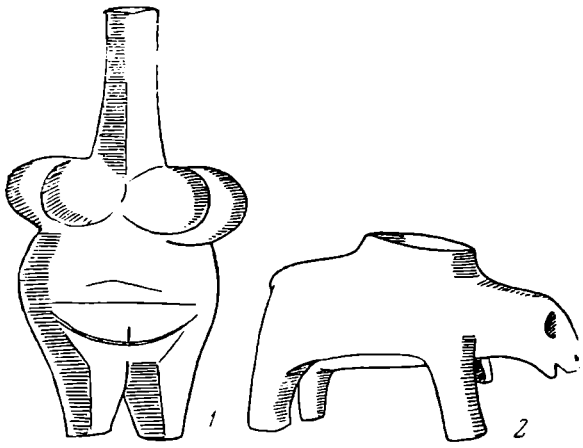


Рис. 11. Многогрудая Артемида. Медведь
1 — культура моравской крашеной керамики;
2 — Шипеницы

ветственном месте изображали двух змей голова к голове, так что отверстие ушка приходилось на месте глаза каждой змеи [20].

На раннетрипольских статуэтках такая же пара змей изображалась в области живота, где змеи выступали охранительницами чрева, вынашивающего плод (рис. 13).

Итак, ответ получен: трипольские змеи — носители добра, охранители всего самого ценного.

Фольклор всех народов раскрывает перед нами обширную область сказаний о злых змеях и добрых безвредных ужах. Очевидно, и трипольских оберегающих змей мы должны считать именно ужами.

У греков, армян, украинцев, белорусов, литовцев, болгар и сербов мы встречаем древний культ ужа. Ужей держат в домах, поят молоком, почитают как священное существо, покровителя дома, огорода и полей.

Интересны названия ужа: «домовик» (русские), «стопанин» — хозяин (болгары), «домакин» (сербы), «гад-господарик» (чехи), «чувар» — страж и «чуваркуча» — охранитель семьи и дома (сербы) [21].

Быть может, этот ряд названий прольет свет на близость таких русских слов, как «уж» и «ужики» — родственники.

Есть много поверий о двух змеях, живущих в одном доме; это покровители хозяина и хозяйки. Любопытной иллюстрацией к этому является глиняная модель дома, близкого к трипольскому (Болгария) (рис. 12, *б*), где каждое окно охраняется двумя змеями.

Поверье о том, что ужи часто сосут молоко женщин, оказывается, тоже восходит к энеолитической древности — на трипольских сосудах с изображением грудей небесной богини очень часто показаны змеи (ужи), обвивающие каждую грудь спиралью и прикасающиеся головой к соску. Здесь мы подходим ко второму важному вопросу о причинах почитания ужей. Думаю, что решающим здесь была неразрывная связь ужей с водой; ужи гнездятся во влажных, сырых местах, близ ручьев и источников, которые сами по себе были священными. Ужи связаны с дождем — они выползают во время дождя на луга. Связь змеи с водой широко известна в фольклоре и изобразительном искусстве разных эпох и разных народов.

Уж, живущий у воды и выползающий во время падения небесной воды, тем самым уже был связан в сознании первобытного земледельца с непонятным механизмом появления дождя. А это связало его и с подательницей небесной влаги, груди которой так тщательно моделировались трипольскими керамистами. Неразрывная связь в раннетрипольской керамике сюжета Великой Небесной Матери и ужей, обвивающих ее груди, позволяет считать оба ряда символов взаимосвязанными.

---

[20] Позднее в расписном орнаменте сохраняется этот же сюжет, но весь полностью выполненный живописью — и змеи, и отверстия, и даже завязки (!) рисуются на тулове сосуда краской, что говорит о важности этого сюжета (см. рис. 9). Для анализа формальной стороны орнамента важно отметить, что постепенно появляется как бы негативное изображение двух змей — змеей является не сама прочерченная или нарисованная линия, а пространство между изгибами непрерывной линии. Утолщение непрерывной линии в отдельных местах создает на «негативе» рисунок голов двух змей.

[21] А. Н. Афанасьев. Ук. соч., II. М., 1868, стр. 538—551. У латышей существовал устойчивый культ ужа. Известны каменные мотыги в форме змеиной головы, что указывает на связь образа ужа с земледелием (любезно сообщено мне Я. Я. Граудонисом).

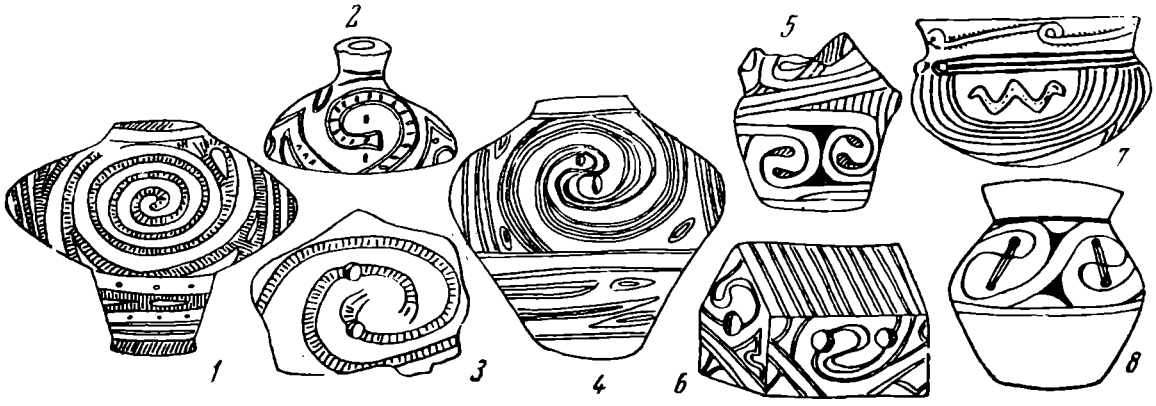


Рис. 12. Добрые змеи (ужи), охраняющие содержимое сосуда и жилище
1 — Ленковцы; *2* — Сабатиновка; *3* — Лука-Врублевецкая; *4—5* — Незвиско; *6* — Болгария; *7* — Тыргу-окна Подеи; *8* — Петрены

Уж представлялся, очевидно, посредником между землей, по которой он ползал и в толще которой прятался в нору, и небом, откуда он мог вызвать дождь, как бы высасывая его из сосцов Матери Неба.

Картина мира (рис. 14, 15). По мере того как от отдельных элементов мы переходим к определению более сложных сюжетов, перед нами раскрывается мудрая система первобытной символики, находящая объяснение в фольклоре и древних религиозных текстах.

Необычного расцвета трипольское искусство достигает на среднем этапе (В/П по Пассек), когда рождается много новых элементов и яснее обозначается появившееся ранее.

Поражает сложность и запутанность полихромных композиций, где мы видим одновременное применение различных символов на одном сосуде: спирали, солярные знаки, груди богини, деревья, зигзаги воды, капли, змеи, гусеницы, козлы, олени, собаки, огромные лики и многое другое.

И все же в пестроте многообразия сюжетов можно уловить наличие определенной системы, организующей это обилие заклинательных идеограмм.

Такой системой является трехчленное деление всей орнаментируемой поверхности на три горизонтальных яруса.

1. Верхний ярус (у горла сосуда) обычно содержит идеограмму воды — горизонтальную волнистую линию.

2. Средний ярус, наиболее широкий, заполнен спиралями, солнечными и лунными знаками, косыми линиями и вертикальными струйчатыми линиями, напоминающими дождь.

3. Нижний ярус очень узок; он образован двумя параллельными линиями, между которыми часто не бывает никаких рисунков. На верхней линии этого яруса иногда растут деревья, стоят человеческие фигуры или животные (рис. 14).

В качестве гипотезы можно допустить, что эти три горизонтальных яруса росписи отражают членение мира на небо и землю, причем небо в свою очередь подразделяется на верхнее (с запасами воды над ним) и обычное небо (средний ярус), по которому совершает свой бег солнце и сквозь которое дожди падают на землю, орошая растущие на ней растения (третий ярус).

Трехчленное деление появляется еще в раннем триполье, но четкости оно достигает позднее.

Не для всех видов композиции обязательно такое трехчленное деление, но каждое исключение всегда объяснимо именно как отступление от правила — то происходит удвоение «земли» и в верхнем небе мы видим явно земные элементы вроде колосьев или животных, то удваивается «среднее небо» с его солнечными спиралями, то упраздняется верхнее небо с его обязательной линией воды (рис. 15). Все это отражало разви-

Рис. 13. Ужи, охраняющие чрево
1 — Кукутени; *2* — Лука-Врублевецкая; *3* — Сабатиновка

тие космогонических представлений, которое, как мы знаем, нередко приводило то к слиянию обоих небес, то к перенесению на небо всех элементов земной жизни (возникновение идеи небесного рая с его флорой, источниками и фауной).

Подтверждение гипотезы о трехчленном делении мира мы находим в древнейших индоевропейских текстах — гимнах Ригведы (примерно II тысячелетие до н. э.).

1. «Свах» — верхнее небо с запасами воды.

2. «Бхувах» — воздушное пространство со звездами, солнцем и луной.

3. «Бхух» — земля, почва [22].

Важно отметить, что на трипольских расписных сосудах ниже полосы «земли», как правило, ничего не изображалось. Это как бы говорит об отсутствии представлений об особом подземном мире. Ведическая космогония тоже не знает (в древнейшей своей части) подземного мира, подобного Аиду.

Рассмотрим порознь заполнение каждого из трех ярусов мира.

Земля (рис. 16, 17, 18). Подтверждением того, что одна или две линии, обрамляющие снизу орнаментированную часть сосуда, являются изображением земли, почвы, может служить сосуд из области моравской культуры расписной керамики, где из этих двух линий выступают наружу человеческие ступни. Трудно было первобытному художнику более определенно и ясно пояснить свою мысль — «здесь нарисовано то, по чему мы ходим, на что наступает ступня человека».

Над верхней линией узкой полосы, обозначающей почву, на трипольской керамике нередко изображаются растения, в которых трудно угадать, что это — деревца или колосья (рис. 16). Растение рисуется иногда на сегментовидном возвышении. Очень часто над растением сверху от линии неба нависает черный полукруг или сегмент, от которого иногда идут вниз, к земле частые косые линии, напоминающие дождь. На сосуде из Томашевки орнамент разделен на четыре метопы, во всех четырех есть наверху сегменты «туч», в двух (не соседних) — колосья на возвышении, а в метопах между колосьями — косые линии дождя, заполняющие все пространство (рис. 17—18).

В разных местах встречаются сосуды с одним и тем же рисунком: на земле нарисован полукруг и прикрыт сверху как бы холмиком земли. Быть может, это следует толковать как изображение семени, прикрытого распаханной землей. Часто именно к этой идеограмме семени с неба направляется пучок тонких линий, символизирующих дождь (рис. 18).

В некоторых случаях мы видим, что две линии, образующие «землю», расширяются для того, чтобы дать возможность нарисовать между ними, так сказать, в толще почвы, круглые или овальные пятнышки. Иногда от этих пятнышек отходят вбок тонкие линии. Все это, очевидно, надо понимать как изображение семян в земле, иногда уже прорастающих семян.

Подтверждением этой мысли является то, что к семенам с неба спускаются прямые или струйчатые потоки дождя.

Изредка на земле (или в земле, т. е. между линиями) рисовалась идео-

---

[22] Древнеиндийская философия, стр. 187.

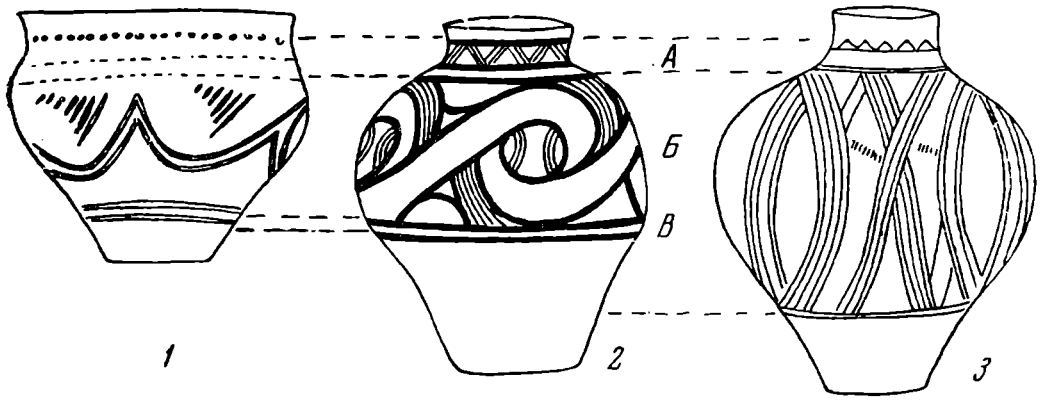


Рис. 14. Представление о трехъярусности мира

А — небо «свах»; *Б* — воздушное пространство «бхувах»; *В* — земля «бхух»; *1* — Ленковцы; *2* — Петрены; *3* — Усатово

грамма воды — горизонтальная волнистая линия, что соответствует понятию «Мать-Сыра-Земля».

Главными идеями при изображении земли были те же, что и при изготовлении ритуальных фигурок,— идея семени и идея «живой воды», идущей к семени с неба. Рисунки колосьев свидетельствовали уже о победе животворящей силы, заключенной в семенах, но они тоже сплетались с идеей дождя.

Вполне возможно, что сосуды с рисунками семян и сосуды с рисунками колосьев предназначались для разных обрядов в разные календарные сроки.

Очень часто земля изображалась только двумя близко нарисованными линиями в наиболее широкой части сосуда без семян в ее толще и без растений на ее поверхности.

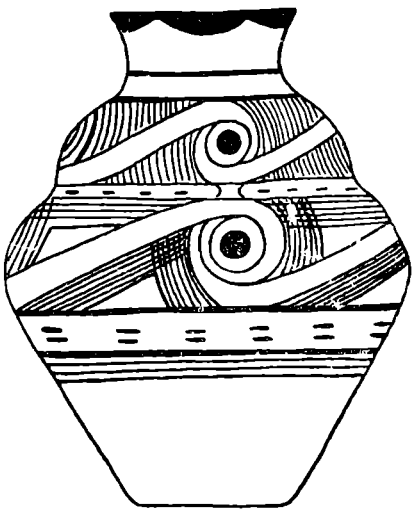


Рис. 15. Удвоение неба

1 — Тыргу-окна Подеи

Твердь небесная (рис. 19, 20). Самый верхний пояс тоже не особенно широк, не всегда ограничен двумя линиями, но всегда насыщен идеограммами воды в виде пояса капель, вертикальных рядов капель, волнистой горизонтальной линии, косых струящихся линий. Большинство этих изображений ясно говорит о стремлении выразить идею воды (рис. 19).

Одним из наиболее устойчивых видов рисунка в верхнем поясе являются двойные и тройные гирлянды дуговых линий, провисающие вниз; от них иногда идут вниз вертикальные ряды капель, нередко сердцевина такой гирлянды заполняется сплошным полукругом краски. Нередко верхний пояс целиком образован темными полукругами, обращенными выпуклой стороной к земле. Мы уже видели такие полукруги, изливающие дождь на колосья, на рис. 17—18.

В ряде случаев верхний пояс представлен в виде горизонтальной полосы с тонкими горизонтальными же линиями, но в двух местах этот пояс под прямым углом устремляется к «земле» и его середина заполняется вертикальными струйчатыми или зигзагообразными линиями. Это мы встречаем на сосудах среднетрипольского времени.

Следует отметить, что такие парные потоки, низвергающиеся с неба на землю, как бы приходят на смену изображениям грудей более раннего периода, но выражают ту же самую идею — Великая Мать Неба поит землю своими двумя сосцами.

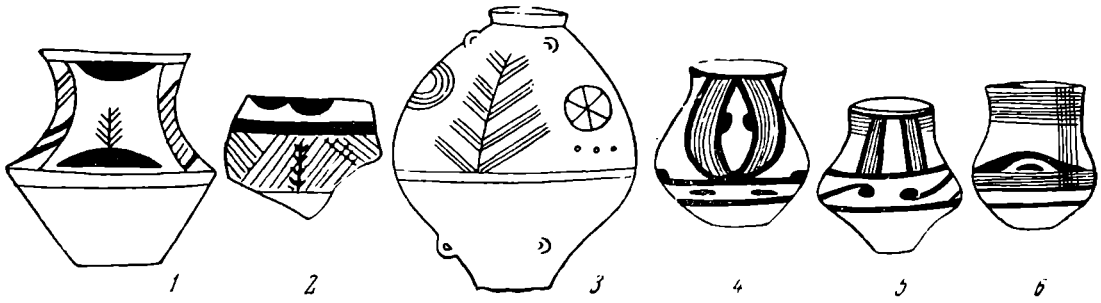


Рис. 16. Земля и земное (растения и семена)

1 — Томашевка; *2* — Кошиловцы; *3* — Киевщина; *4* — Владимировка; *5* — Петрены; *6* — Незвиски

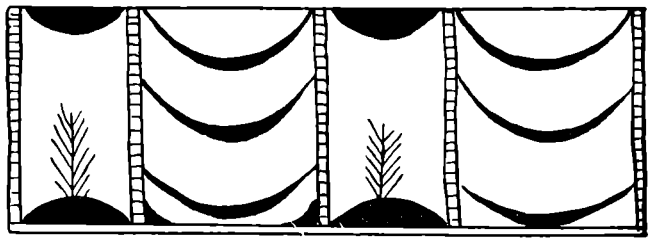


Рис. 17. Растения и дождь

1 — Томашевка

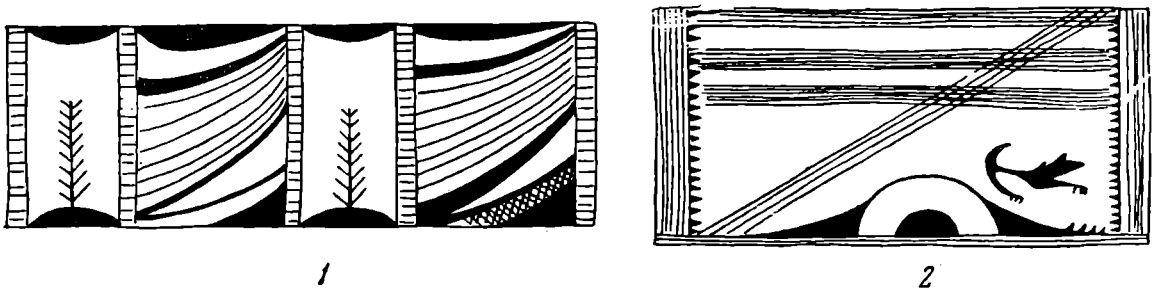


Рис. 18. Колосья и дождь. Семя и дождь

1 — Томашевка; *2* — Шипеницы

Итак, верхний пояс орнаментируемого пространства на сосудах, далеко не всегда предназначенных для воды, изображает в большинстве случаев воду в виде каких-то запасов (горизонтальные волнистые линии), воду, изливающуюся вниз (вертикальные ряды капель или вертикальные волнистые линии), и облака, и тучи (нависающие над землей гирлянды полукругов с темной серединой).

Эти представления о небесной воде появляются на раннем этапе Триполья, становятся очень выразительными и многообразными на среднем и устойчиво держатся на позднем этапе. Они соответствуют хорошо известным нам позднейшим представлениям о «тверди небесной», находящейся над небом звезд и солнца. Там, в надзвездной вершине мира и находятся живительные запасы воды, которые по воле божества могут в облике туч спуститься к земле и излить дождь.

Очевидно, у первобытных земледельцев не было еще представления о том, что облака и тучи формируются из земной воды; все это считалось даром небес, а небеса представлялись неисчерпаемой сокровищницей воды, расположенной в верхнем небе, над «твердью». Даже в нашем слове «небеса» отразилось представление о нескольких небах.

В гимнах Ригведы неразрывная связь неба с водой выражена в том, что сын Адити-Прародительницы — Варуна был не только богом неба (как в Греции), но и богом вод.

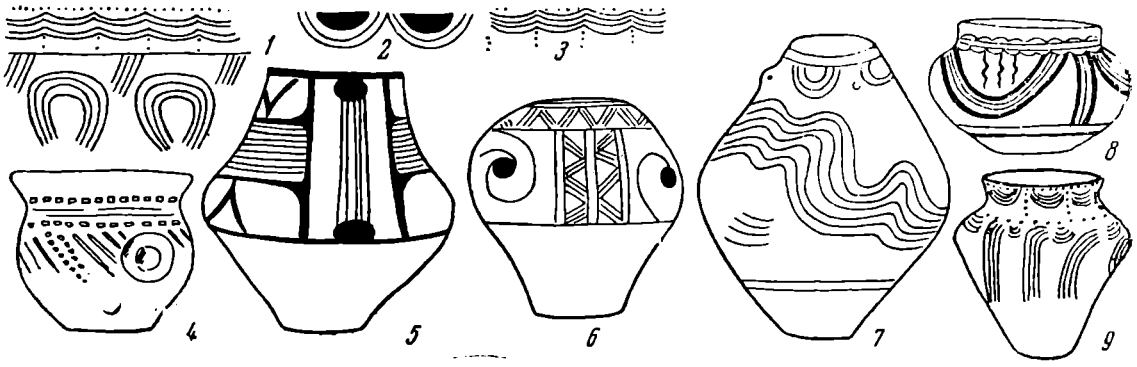


Рис. 19. Верхнее небо и небесная вода, изливающаяся на землю

1 — Коломийщина; *2* — Незвиско; *3* — Халепье; *4* — Лука-Врублевецкая; *5* — Петрены; *6* — Кошиловцы; *7* — Халепье; *8* — Тирасполь; *9* — Халепье

Вода соединяла небо с землей, давала жизнь земле, и небесно-водный Варуна в более позднее время превратился в верховное божество Вселенной.

«Воздушное пространство». Дождь (рис. 18, 19, 20). Средний, самый широкий, наиболее пышно украшенный пояс, находящийся между верхним небом и землей, заполнен в основном двумя группами изображений: во-первых, это идущие сверху вниз вертикальные или наклонные линии и полосы, а во-вторых,— пересекающие их спиральные ленты, обегающие весь сосуд в горизонтальном направлении; в завитках спиралей размещены обычно знаки солнца.

В этих двух группах рисунков следует, очевидно, видеть два основных небесных явления, более всего интересовавших первобытного земледельца: вертикально идущий дождь и идущее поперек небосвода солнце.

О дожде уже приходилось говорить в связи с «верхним небом». Его изображали наклонными линиями, линиями капель, подковообразными дугами (концами вниз), вертикальными зигзагами, плавными волнами в несколько линий, струйчатыми вертикальными линиями, широкими искривленными в разных направлениях полосами, идущими сверху вниз, иногда пересекающимися, иногда образующими нечто вроде буквы «О».

При всем многообразии способов выражения идеи дождя трипольские художники всегда стремились отразить переход воды из небесной сокровищницы в воздушное пространство и далее к земле, растениям на ней и семенам в ее толще. При этом они изгибали верхние горизонтальные потоки книзу, связывали линиями капель «облака» с пространством. Помнили они (как мы видели) и о богине, поившей землю молоком дождя, изображая на некоторых типах сосудов две (и только две) отчетливые и ясные вертикальные полосы, как бы сводящие с неба на землю волнистую струю воды (рис. 19, *6*).

Иногда дождь изображался четырьмя тонкими прямыми линиями, идущими от тучи к холмику на земле, но расшифровку этого интересного сюжета мы отложим до ознакомления с другой группой представлений о небе и дожде (рис. 20).

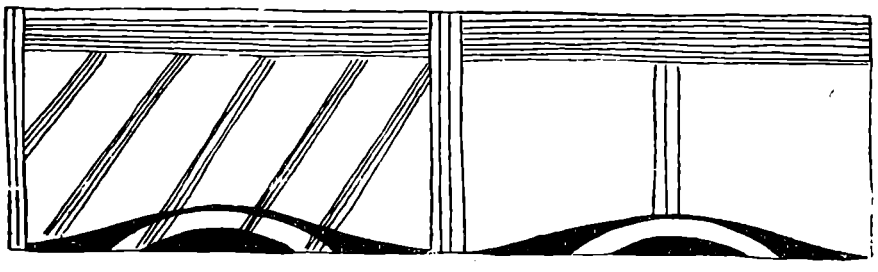


Рис. 20. Дождь, поливающий семена

1 — Шипеницы

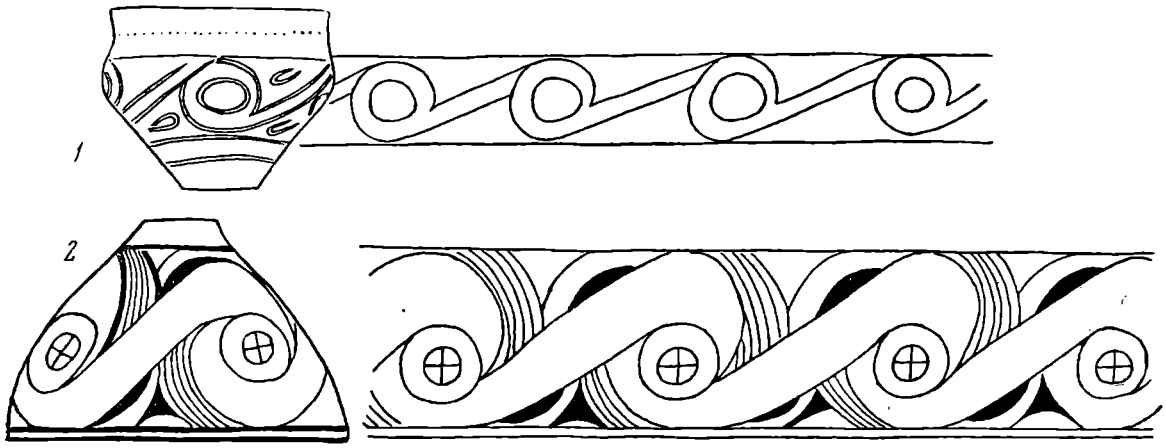


Рис. 21. Непрерывный бег солнца

1 — Ленковцы; *2* — Петрены

Бег солнца — бег времени (рис. 21, 22). Самым заметным и самым устойчивым элементом трипольского орнамента, идущим от начала этой культуры и почти до ее конца, является знаменитая «обегающая спираль».

Важное значение спирального орнамента в идеологии древних земледельцев явствует из того, что он широко распространен во всех культурах расписной керамики Европы. Спиральный орнамент прочно держится в бронзовом веке, в культурах гальштатского и скифского типа и широко распространен в средневековье. Мы видим его на керамике, на жертвенниках из святилищ и на ритуальных предметах. Повсеместность и устойчивость спирального орнамента, рожденного в земледельческом неолите, заставляет нас отнестись к нему с особым вниманием,

На широких трипольских сосудах спиральный узор занимает самое видное срединное положение, составляя основу всей орнаментальной композиции. Трипольские спирали следует разделить на две группы, отличные по своей графике, но объединенные, как мы увидим, единством семантики: группу с солнечными символами и группу со змеями. Рождение спирали первого типа хорошо видно, например, на раннетрипольском сосуде из Ленковцев: на тулове сосуда над «землей» изображены четыре круга; от одного к другому прочерчены двумя линиями наклонные полосы, идущие снизу вверх направо (рис. 21, *1*).

В развитом Триполье эта схема слегка усложняется: основой композиции остаются четыре солярных знака (обычно круг со знаками креста), но наклонно идущие ленты становятся шире и концы их как бы обвиваются вокруг каждого солнца. Направление лент тоже снизу вверх направо. Каждая лента начиналась под знаком солнца и кончалась над знаком соседнего солнца, и так как четыре солнца были размещены равномерно на четырех боках сосуда, то все четыре ленты создавали впечатление непрерывности и бесконечности (рис. 21, *1*). У этого спирального узора не было ни начала, ни конца (рис. 22).

Прочная связь светлых спиральных лент, пересекающих вертикальные дождевые полосы, с солнечными знаками позволяет подойти к вопросу их смыслового значения.

Направление полос снизу вверх направо — это направление бега солнца по небосводу с востока (снизу из-под земли) направо вверх к зениту и затем далее направо, но уже вниз, к закату. Именно эта траектория солнца и помещена на трипольских сосудах; здесь особенно подчеркнута начальная, утренняя стадия восходящего солнца, а в зените помещен и сам солнечный диск с крестом или лучами. Стадия заката показана схе-

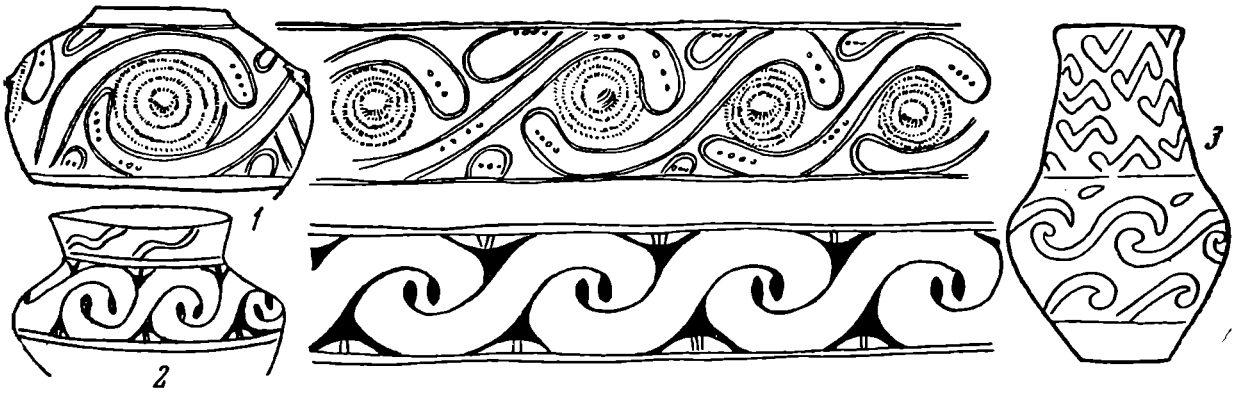


Рис. 23. Круговорот времени, выраженный посредством уползающих и выползающих змей

1 — Хэбэшешти; *2* — Старая Буда; *3* — Хэбэшешти

матично. Это вполне в духе земледельческого искусства, выдвигающего всегда на первое место стадию роста, развития [23].

Исследователи, попутно касавшиеся семантики трипольского орнамента, нередко писали о культе солнца. Почитание солнца, как источника живительного тепла, не подлежит сомнению, но следует сказать, что солнце не было у трипольцев и их современников главным божеством, как не было оно главным и в древних ведах, где оно расценивалось как светильник, освещающий вселенную, где Митра — бог солнца выступил на видное место много позже, чем его брат Варуна, не говоря уже об их матери Адити.

Солнце в трипольском спиральном орнаменте было лишь п р и з н а к о м неба, но не господином мира. Наряду с солнцем в центре спиралей, как мы помним, оказывалась и луна.

Главной идеей энеолитического спирально-солнечного орнамента с его ритмичным многократным повторением бега н е с к о л ь к и х солнц, с его мастерским показом н е п р е р ы в н о с т и этого бега, я считаю идею Времени.

Солнце и луна использовались здесь как измерители и показатели времени: день за днем, месяц за месяцем.

Мы поочередно рассмотрели все ярусы древнеземледельческой картины мира и выяснили, что трипольский орнамент, как ранний прочерченный, так (в большей степени) и поздний расписной, очень полно и ярко выражает трехчленную структуру мира, известную нам по Ригведе: земля предстает не как граница двух миров — надземного и подземного, а лишь как почва, на которой растут колосья и деревья, в толще которой вызревают семена.

Над землей раскинулось огромное «Воздушное Пространство» — небосвод, по которому непрерывно движется обогревающее солнце, а сверху вниз, посылаемые Великой Матерью Неба, льются желанные потоки дождя из неистощимых запасов верхнего неба, отделенного твердью от видимого небесного пространства. Картина мира, нарисованная трипольскими художни-

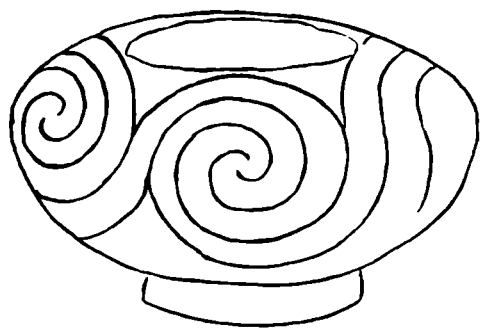


Рис. 22. Спиральный орнамент

1 — Бутмир

[23] На некоторых трипольских сосудах мы видим обратную спираль, идущую сверху направо вниз (Владимировка, Попунда, Карбунь). Иногда с этим связано «черное солнце». Судя по позднейшим материалам, здесь может быть отражено представление о ночном подземном ходе солнца от запада к востоку.

ками, отражала сложный комплекс представлений о плодовитости, о двух небесах, содействующих этой плодовитости, и о движении Времени, которое становится важным фактором в идеологии земледельцев, ожидающих смены сезонов, дождя, созревания урожая.

Змеиный счет времени (рис. 23, 24, 25). Спиральный обегающий орнамент образуется в трипольском искусстве не только схемой солнечного пути по небосводу. Вторым (и, очевидно, вторичным) способом рисования «спирали времени» является изображение змей, изгибающихся точно так же, как и спиральные ленты вокруг солнечного диска.

В ряде случаев знак солнца отсутствует, и змеи, изогнутые как лежачее латинское S, следуют одна за другой вокруг всего сосуда в непрерывном круговом чередовании (рис. 23, 24).

В более изощренных видах среднетрипольской росписи мы видим сложные спиральные клубки из двух змей, почти соприкасающихся головами. В более раннее время такие парно расположенные змеи охраняли завязки сосудов; теперь они воспроизводят солнечные спирали, сохраняя тот же принцип: змея выползает снизу и направляется направо вверх, как бы воспроизводя бег солнца (рис. 25).

Широко применяется «негативный» способ изображения змей, когда рисованный краской контур разной толщины образовывал не туловища их, а лишь пространство между ними. Сами же змеи образованы оконтуренным светлым фоном глины сосуда, расширяющимся около голов; черные точки обозначают глаза. Иногда образуется два непрерывных ряда змей — один позитивный, а другой — негативный.

Непрерывные цепи эсовидных змей (называемые иногда «распадающейся спиралью») покрывают нередко почти все тулово сосуда, а сплетения двух змей и змеиные спирали иногда занимают весь средний пояс росписи, тот, что по предложенной выше схеме должен был соответствовать «воздушному пространству». Не противоречат ли змеиные клубки самой схеме; почему сплетению змей отведено такое почетное место в росписи, место, которое в иных случаях было занято солнцами или лунами?

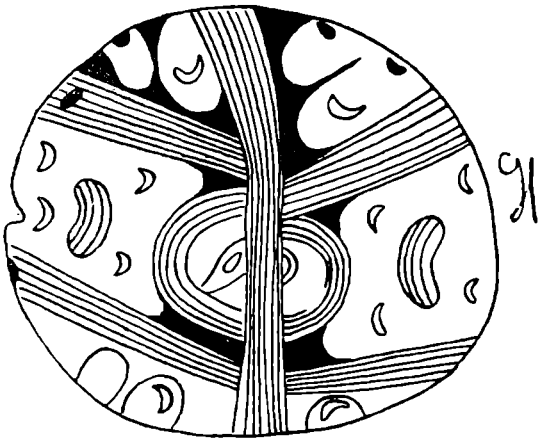


Рис. 24. Чаша для заклинаний воды с изображением змеи и 12 полумесяцев

1 — Кошиловцы

Обращение к фольклору снова помогает нам. Широчайшее распространение и древность культа добрых ужей — вестников дождя и охранителей влаги заставляет нас внимательнее отнестись к известным в этнографии змеиным праздникам.

Ужи, как и все змеи той полосы, где располагались трипольские племена, половину года проводили на земле, а на зиму зарывались в земляные норы, как бы умирая, откуда выползали лишь весной в связи со всеобщим оживлением.

У славян известны два змеиных праздника в году, делящие год на две почти равные части: один из них связан с уходом змей под землю (14 сентября), а другой — с весенним появлением их на земле (25 марта). После чего они как бы начинали участвовать в сельскохозяйственном цикле человека, помогая ему вымаливать дождь [24].

С сезонным «умиранием» и оживанием змей в фольклоре разных народов связано много поверий и сказок. К ритму осенне-зимней спячки и

[24] А. Н. Афанасьев. Ук. соч., стр. 548.

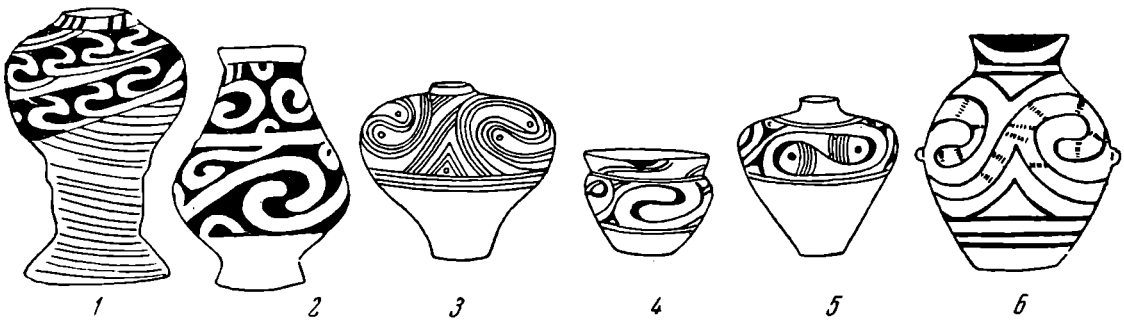


Рис. 25. Варианты змеиного орнамента

1 — Кадиевцы; *2* — Кукутени; *3—4*-Владимировка; *5* — Старая Буда; *6* — Тыргуокна Подеи

весеннего пробуждения змей следует добавить и ритм ежесуточного пребывания в норах и выползания на поверхность.

Ужи — покровители дома, посредники между небом и землей, кроме того, так же как и солнце, являлись показателем времени. Непрерывные цепи маленьких змеек, бесконечной лентой огибающие весь сосуд, или сложные спиральные клубки, внутри которых как бы встречаются две змеи, наравне с непрерывной лентой из четырех солнц выражали другими средствами ту же важную для земледельцев идею Времени. Поэтому и отводилось змеям основное среднее поле в орнаменте между землей и верхним, «водяным» небом. К идее времени добавлялись и те свойства, которыми издревле наделяли змей,— уменье вызывать дождь. В одних случаях в среднем поясе изображали дождь, в других — его предполагаемую причину: змей, ужей. Противоречия здесь нет.

(Продолжение статьи см. в № 2 «Советской археологии» 1965 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

К рис. 1.
1. С П. Бибиков. Ук. соч., стр. 135, рис. 55, *3*.
2. М Л. Макаревич. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури. АП, IV, 1952, стр. 90, табл. 1, *15*.
3. С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 135, рис. 55, *а*.
4. Там же, рис. 55, *б*.
5. Vladimir Dumitrescu si colaboratori «Hăbăşeşti». Bucureşti, 1954, табл. CIII, *1*.

К рис. 2.
1. Expozitia arheologică. Bucureşti, 1953, стр. 13, рис. 3.

К рис. 3.
1. Miodrag Grbič. Ук. соч., стр. 16—17, рис. 1—4.
2. Е. К. Черныш. Ук. соч., стр. 47, рис. 27.
3. Там же, рис. 6, 7 и 8.
4. Там же, рис. 12.
5. Там же, рис. 11.
6. Ch. Hadaczek. La colonie industrielle de Koszylowce de l'époque énéolithique. Léopol — Krakow, 1915, табл. XXIX, *265—266*.
7. В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI, АС, 1, М., 1901, табл. XXII, *2*.

К рис. 4.
3. Э. Штерн. Догреческая культура на юге России. Тр. XIII АС, 1, М., 1907, табл. XII, *10*.

К рис. 5.
1. С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 369, табл. 77.
2. Там же, стр. 135, рис. 55, *3*.
3. Т. С. Пассек, Ук. соч., стр. 51, рис. 19, *1*.
4—5. С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 401, табл. 109.
6. Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, стр. 172, рис. 46, *а*.
7. Раскопки Т. С. Пассек в Бернова Лука. Вещи в Гос. Эрмитаже.
8. Ch. Hadaczek. Ук. соч., табл. XXV, *235*.

К рис. 6.
1. Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. XI, *1*.
2. В. В. Хвойко. Ук. соч., стр. 122, рис. 68.
3. Там же, рис. 67, *1*.

К рис. 9.
3. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 83, рис. 38, *б*, стр. 85, рис. 40, *1*.
4. H. Schmidt. Cucuteni in der Obern Moldau Rumänien. Berlin, 1932, табл. XIX.
5—7. Там же, табл. LV.
8. Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.
9—10. Ch. Hadaczek. Ук. соч., табл. XI, *87* и *88*.

К рис. 10.
1. Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 76, рис. 17, *10*.
2. Г. Н. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963, № 1, рис. 1, стр. 136.
3. С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре, табл. 38, *в*.
4. Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 64, рис. 13, *6*.
5. Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. X, *12*.

К рис. 11.
1. D. Bercin. Le «couple» de la civilisation de Hamandia, стр. 430, рис. 8, *3*.
2. Oleh Kandyba. Schipenitz. Kunst und Geräte eines neolitischen Dorfes. Leipzig — Wien, 1937, стр. 147, рис. 5, *в*.

К рис. 12.
1. К. К. Черныш. Ранньотрипільске поселення Ленківці на Середньому Дністрі. Київ, 1959, стр. 61, рис. 24.
2. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 51, рис. 19, *7*.
3. С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре, стр. 354, табл. 62, *г*.
4. Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье. МИА, 102, 1962, стр. 35, рис. 22, *16*.
5. Там же, стр. 34, рис. 21, *7*.
6. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 78, рис. 33, *3*.
7. C. Matasă. Asezarea eneolitică Cucuteni B de la Tîrgu Ocna-Podei. Arheologica Moldovei, II—III, Яссы, 1964, стр. 27, рис. 12, *2*.
8. Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. IX, *3*.

К рис. 13.
1. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, рис. 11 (Кукутени А-10).
2. С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре, табл. 92, *а*.
3. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений..., стр. 51, рис. 19, *1*.

К рис. 14.
1. К. К. Черныш. Ранньотрипільске поселення Ленківці на Середньому Дністрі, табл. VI, *1*.
2. Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. X—XI.
3. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, рис. 97, *5*.

К рис. 15.
C. Matasă. Ук. соч., рис. 27, *1*.

К рис. 16.
1. T. Passek. La céramique tripolienne, табл. XXXI, *6*.
2. Ch. Hadaczek. Ук. соч., табл. XVI, *142*.
3. В. В. Хвойко. Ук. соч., табл. XXV.
4. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 105, рис. 60, *2*.
5. Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. VII, *8*.
6. Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье, рис. 27.

К рис. 17.
T. Passek. La céramique tripolienne, табл. XXXI, *7*.

К рис. 18.
1. T. Passek. La céramique tripolienne, табл. XXXI, *5*.
2. Oleh Kandyba. Ук. соч., стр. 75, рис. 80.

К рис. 19.
1. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 73, рис. 28, *4*.
2. T. Passek. La céramique Tripolienne, табл. VIII, *1*.
3. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, рис. 67, *3*.
4. С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре, стр. 330, табл. 38, *а*.
5. Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. VI, *2*.
6. Ch. Hadaczek. Ук. соч., табл. XV, *130*.
7. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, рис. 67, *2*.

8. Там же, рис. 100, *6*.
9. Там же, рис. 67, *3*.

К рис. 20.

Oleh Kandyba. Ук. соч., стр. 80, рис. 100.

К рис. 21.

1. В. В. Хвойко. Ук. соч., табл. VI, *10*.
2. Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. X, *1*.

К рис. 22.

1. Giacomo Devoto. Origini indoeuropee. Firenze, 1962, стр. 91, рис. 17.

К рис. 23.

1—3. Vladimir Dumitrescu şi colabóratori «Hăbăşeşti». Bucureşti, 1954, табл. LXVII; LXXXV.
2. T. Passek. La céramique tripolienne, табл. XX, *8—9*.

К рис. 24.

Ch. Hadaczek. Ук. соч., табл. IX, *62*.

К рис. 25.

1. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, рис. 11, *1*.
2. H. Schmidt. Ук. соч., табл. VIII, *2*.
3. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, рис. 34. *3*.
4. Там же, рис. 34, *5*.
5. Там же, рис. 61, *1*.
6. C. Matasă. Ук. соч., рис. 26, *3*.

С. Н. БИБИКОВ

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РАЗВИТОГО ТРИПОЛЬЯ

(Опыт изучения первобытной экономики) *

На фоне общей изученности трипольской культуры вопросы исследования хозяйства триполья кажутся наиболее разработанными. На самом же деле наши представления о трипольском хозяйстве по существу отражают, притом далеко не полно, только состояние отдельных отраслей хозяйства, но не значимость их в экономическом комплексе как жизненной основы существования самого общества. В самых общих чертах трипольское хозяйство выглядит следующим образом. Для земледелия характерно культивирование злаковых и волокнистых растений. В области животноводства — разведение крупного и мелкого рогатого скота, а также свиней. На всем протяжении триполья наблюдаются малозаметные изменения в земледелии и животноводстве. В позднем триполье осваивается лошадь, а на юге, в Причерноморье, видимо, получает распространение разведение овец. Подобная закономерность прослеживается во всей энеолитической Европе. Что касается охоты, то роль ее постепенно угасает.

Такова общая тенденция развития хозяйства в трипольском обществе, установленная по археологическим, зоологическим и ботаническим данным. Столь обобщенные, а следовательно, схематические представления о роде занятий или суммарном состоянии отдельных отраслей хозяйства в основном остаются и сейчас [1].

Между тем имеющийся уже довольно большой материал и некоторые соображения по его интерпретации позволяют на комплексной основе изучения хозяйства осветить вопросы экономики трипольского общества.

Классической областью распространения трипольских памятников является Среднее Поднепровье в пределах от с. Триполье до г. Ржищева Киевской обл. Здесь на правом берегу Днепра на площади примерно в 400 *км*^{2} проводил свои полевые исследования В. В. Хвойко [2]. Позднее тут же работало три поколения археологов. Наиболее обширные и разносторонние исследования произвела экспедиция, работавшая под руководством Т. С. Пассек [3]. В результате этих работ многое было дополнено к тому, что сделал Хвойко, многое было и видоизменено, особенно в обла-

* Доклад на 12 археологической конференции Института археологии АН УССР в марте 1964 г., Киев.

[1] С. Магура. Питання побуту на підставі залишків трипільської культури. Сб. «Трипільська культура на Україні», I, Київ, 1926; К. Коршак. Землеробство давніх родових громад Середнього Подніпров'я. «Наукові записки Інституту історії матеріальної культури», 5—6, Київ, 1935; Е. Кричевский. О процессе исчезновения Трипольской культуры, МИА, 2, 1941; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949; С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врубловецкая на Днестре. МИА, 38, 1953, стр. 281 сл.

[2] В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI АС, I, М., 1901.

[3] Сб. «Трипільська культура», I, Київ, 1940; Т. С. Пассек. Ук. соч.

сти периодизации памятников, определения их функционального назначения и т. д. Но сама исследовательская база, т. е. количество памятников, на которых производили свои работы археологи, в основном осталась почти такой же, какой была при Хвойко. Объясняется это доступностью памятников, широкими связями В. В. Хвойко со своими корреспондентами-крестьянами и просвещенной частью сельской интеллигенции, постоянно извещавших его о новых археологических находках.

Итак, те 14 достаточно хорошо выраженных и довольно полно исследованных памятников развитого триполья, обнаруженных Хвойко и Пассек, расположенных между с. Триполье и Ржищевым, вероятно, отражают истинное число поселений, бывших здесь в период развитого триполья (этапа В).

Одной из больших заслуг Хвойко следует считать и установленный им факт расположения трипольских построек, которые он считал погребальными сооружениями, по кругу или овалу, иногда концентрическими кругами. Там, где Хвойко не мог назвать количества построек, составляющих круг, он все же указывал приблизительные размеры диаметров — кругов или овалов, очерченных следами глинобитных сооружений.

По сводным, уточненным и дополненным данным трипольские поселки развитого этапа состояли: Жуковцы из 29 глинобитных сооружений, Триполье, Стайки, Щербанивка имели по 30 домов; Гребени — 38 сооружений, Коломийщина I — 39, Табурище — 22 постройки [4]. Поселение Попудня в бассейне Южного Буга имело 30 жилищ [5]. Таким образом, трипольские поселки развитого этапа в Поднепровье, сохраняя единство планировки, имели по 30—40 домов.

При унифицированности формы домов, приемов строительной техники и внутренней планировки их в каждом поселении имеются некоторые отличия в деталях планировки, убранстве и размерах домов.

Е. Ю. Кричевский и Т. С. Пассек разработали классификацию трипольских жилищ, в основу которой положены размеры. Так, в Коломийщине I по их данным открыто 6 малых площадок (до 30 $м^2$), 12 средних (до 90 $м^2$) и 10 больших (до 140 $м^2$) [6]. Подобные подсчеты труднее сделать для других поселений развитого этапа вследствие их недостаточной сохранности или недоследованности. Тем не менее общее впечатление от подсчетов площади домов на других поселениях, в том числе и в Гребенях, дает аналогичную Коломийщине I картину.

Как правило, большие и средние дома имеют внутренние перегородки, расчленяющие их на две-пять секций. В домах находится от одной до пяти печей.

Если подсчитать число печей на Коломийщине I, то окажется, что на 26 хорошо сохранившихся площадках обнаружено 72 печи [7]. Допустим, что в восьми плохо сохранившихся домах их было минимальное число — по одной. Тогда на всем поселении было 80 печей. Распределяются они следующим образом: в больших домах было 38 печей, т. е. одна печь на 33 $м^2$, в средних на 882 $м^2$ — 29 печей или одна печь на 30 $м^2$, в малых на 121 $м^2$ — пять печей или одна печь на 24 $м^2$. На поселении Коломийщина I в среднем одна печь приходится на 28 $м^2$ площади дома. Можно считать, что около $^2/_3$ площади в домах оставалась свободной от внутренних глинобитных сооружений. Впрочем, показатель этот не всегда устойчив.

Планировка поселений по кругу или овалу является очень древним строительным приемом, известным также в культуре линейно-ленточной

---

[4] В. В. Хвойко. Каменный век..., стр. 768, 769, рис. 67; стр. 772, 778, 785, 788, 791, 795, 796; Т. С. Пассек. Ук. соч., стр. 128, 134, 149.

[5] Étude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de le Mer Noire d'aprés des fouilles personnelles. «Swiatowit», XIV, 1930/31, 1933.

[6] Т. С. Пассек. Трипільське поселення Коломийщина. Сб. «Трипільська культура», стр. 20—21.

[7] Там же.

керамики (Кельн-Линденталь)[8], в культурах рубежа и первых веков нашей эры (например многослойное поселение Феддерзен Вирде — горизонты III, IV и V в Германии[9]) и даже в славянском мире северо-восточной Европы (по данным О. Бальцера).

Расположение домов по кругу предполагало лучшую организацию защиты поселка. Принимая во внимание относительно большие расстояния между домами — 10—15 *м* и более, можно допустить, что трипольский поселок был окружен тыном или забором, усиливающим оборону поселка и оберегающим скот от хищников. Между домами, возможно, находились загоны для скота.

Можно думать, что сооружение поселков с расположением домов по кругу на правобережье Среднего Поднепровья отражало недружественные отношения их обитателей со своими соседями, занимавшими степи Левобережья.

Кажется бесспорным, что строительство поселка по кругу предполагало возведение построек единовременно; иначе терялся смысл планировки поселения по замкнутой кривой. Такую же мысль высказывает и О. Бальцер применительно к раннеславянским памятникам[10].

В отношении трипольских поселений это правило касается прежде всего первого пояса или круга построек, которые и составляли своеобразный детинец. Дома, обнаруженные внутри круга на поселениях Халепье, Табурище, Коломийщина I, Гребени и др., вероятно, одновременны и относятся к начальному периоду строительства поселка. Дома, окружающие иногда концентрическими кругами центральный круг или детинец, отражают постепенный рост поселка. Это тем более вероятно, что внешние круги не всегда замыкаются по окружности (Жуковцы, Гребени).

Таким образом, трипольский поселок можно относить не только к одному историческому этапу, но и считать весь комплекс составляющих его жилищ практически одновременным. Сказанное вполне подтверждается археологическим материалом, его составом и степенью сохранности.

Важно отметить, что в поселениях развитого этапа в Среднем Поднепровье количество домов оставалось относительно постоянным, т. е. от 30 до 40 домов. Это, конечно, нельзя рассматривать как случайное обстоятельство. Такое относительно численное постоянство обусловливалось общим уровнем развития производительных сил — формами землепользования, техникой земледелия, организацией животноводства, средствами передвижения, социальным укладом и т. д.

Однако сейчас уже оказывается возможным пойти несколько дальше и установить хронологические соответствия в их практическом значении между поселениями этапа В (В-II, С-I по Т. С. Пассек). Вновь обращает на себя внимание поразительное сходство в топографическом размещении памятников этапа В, планировке поселений и устройстве домов. Но самое существенное — это иногда абсолютное совпадение отдельных деталей в бытовом и производственном инвентаре из разных памятников этапа В. Имеются в виду не столько аналогии в формах сосудов, составе теста, характере обжига или в сходстве каменных и роговых орудий. Эти элементы сходства, отражающие утилитарную целесообразность, могут бытовать длительное время. Другое дело все то, что не связано с практическим использованием в хозяйстве, а следовательно, в первую очередь, орнаменты на сосудах, особенно в их сложных композициях.

Известно, что основной чертой для памятников этапа В является малый процент расписной керамики. Причем сюжеты рисунков и располо-

---

[8] F. Schlette. Die ältesten Haus- und Siedlungsformen des Wenschen. Сб. «Ethnographisch-Archäologische Forschungen», 5, Berlin, 1958, стр. 76, табл. 39.

[9] W. Haarnadel. Die Ergebnisse der Feddersen Wierde in Jahre 1961. «Germania» 2, 1963.

[10] O. Balzer. Chronologia najstarsych kształtów wsi słowianskej i polskej. «Kwartalnik Historyczny», XXIV, Lwów, 1910, стр. 382.

жение их на сосудах довольно устойчивы, а часто и однотипны. Столь же повторимы и некоторые сюжеты лепной или углубленной орнаментики. Так, налепы на сосудах с полосчатым сглаживанием в виде редуцированных рогов «фотографически» воспроизводятся во многих памятниках этапа В. То же можно сказать о развернутых спиралевидных построениях, групповых ямочных узорах, насечках, орнаменте в виде вертикально поставленных отрезков лент, обрамленных ямками, полуокруглых свисающих фестонах, шалашевидных узорах с завитками на «шпице» и т. п. Такая унифицированность орнаментики, не говоря о полной и частой повторяемости форм сосудов и технике их изготовления, свидетельствует о каких-то специализированных центрах, где изготовлялась посуда по определенным технологическим канонам и художественным традициям. Один из таких центров существовал в Гребенях, где обнаружены руины двух мастерских с остатками мощных обжигательных сооружений.

Широкое распространение бытовых и хозяйственных предметов с одинаковыми культурно-хронологическими признаками может говорить о практической одновременности всех или почти всех поселений этапа В в Среднем Поднепровье. Во всяком случае, накануне гибели эти поселки (или накануне ухода из них населения) были обитаемы и находились в тесных взаимоотношениях.

Сейчас значительно четче вырисовываются и связи среднеднепровского населения развитого этапа с другими ареалами трипольской культуры — от Днепра до бассейна Быстрицы и от Верхнего Поднестровья до северопричерноморской полосы.

В давнее время Л. Чикаленко с некоторым оттенком удивления заметил, что в Бильче-Золотом найден сосуд, принесенный из Приднепровья [11]. Хвойко приписывал появления расписной посуды с лощением по оранжевому фону мастерам из западнотрипольских поселений [12]. Г. Чайльд обстоятельно определил хронологическое соответствие, в основном по керамическим формам и орнаментике, между Шипенцами, Кукутенами II, Петренами, Попудней, Трипольем В и др. [13].

Сейчас можно значительно полнее определить связи трипольцев Поднепровья этапа В. (Впрочем, это специальная большая тема, поэтому мы только упомянем о некоторых фактах.) В Гребенях, например, были найдены сосуды с петренской росписью и обнаружен кубок, видимо, принесенный из Владимировки. Небольшие сосудики с зооморфными лепными деталями связывают поселения южного и западного трипольского ареала с поднепровскими поселениями.

Однако рассчитывать на слишком большое пополнение таких свидетельств ввиду хрупкости глиняной посуды и трудностей ее транспортировки едва ли приходится. Следовательно, нужен и другой, не менее надежный источник для установления связей между трипольскими ареалами. Таковым является орнаментика и скульптура малых форм. Хорошо прослеживается стилистическая и сюжетная связь между териоморфной росписью на трипольских сосудах во всем Поднестровье. Устанавливается безусловная общность своеобразного «звериного стиля» между западнотрипольскими и поднепровскими памятниками. Отличие в стиле заметно здесь только в нарастании схематизации рисунков в направлении с запада на восток. Интересно, что на западе столь схематизированных изображений, как на днепровских сосудах, не установлено; в свою очередь, в Поднепровье нет условно-реалистических изображений на сосудах. Тем не

---

[11] Л. Чикаленко. Нарис розвитку української неолітичної мальованої кераміки II Бильче-Золоте. «Трипільська культура на Україні», стр. 116.

[12] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 20—21; его же. Каменный век..., стр. 808.

[13] G. Childe. Schipenitz a Late Neolithic Station with Painted Pottery in Bucowina. «Journal of the K. Anthropological Institute of Great Britain and Irland», VIII, 1923, стр. 286.

менее сюжетная и стилистическая связь зооморфных рисунков Поднестровья, Побужья и Поднепровья очевидна.

Таким образом, на археологическом материале можно установить практическую одновременность существования поселений и связи между населением в пределах очень широкого ареала трипольских племен развитого этапа. Сказанное имеет непосредственное отношение к рассмотрению вопроса об экономике триполья. Следовательно, сейчас определены те условия, на фоне которых можно рассматривать экономику трипольского общества развитого этапа.

Прежде всего рассчитаем число жителей в трипольском доме и поселке. Не ставя себе специальной задачей, Т. С. Пассек определила число обитателей одного дома для Коломийщины I в 20—30 человек, а во всем поселке около 500 человек [14]. Предлагаемый ниже расчет дает примерно ту же цифру, основанную на совокупности показателей, построенных на средних величинах. Принимаем за среднее 35 домов для каждого трипольского поселка. С учетом средней величины жилищ и свободного от внутренних сооружений пространства в доме могло обитать 15 человек. Практически же в трипольских домах обитало от одной до пяти семей, занимавших соответственно жилые помещения со своей печью, бытовым и хозяйственным инвентарем. В поселении типа Коломийщина I проживало до 80 семей (из шести-семи членов в каждой), составляющих поселок численностью до 500 человек.

Допустим, что на отрезке Триполье-Ржищев существовало не 14, а 15 поселений, одно из которых предположительно не разыскано. Тогда на этом отрезке площадью около 400 *км*^{2} проживало не менее 7500 человек, что соответствует 27 *км*^{2} на одно поселение, или 19 человек на 1 *км*^{2}. Этот элементарный демографический расчет, по-видимому, близок к действительности. Следовательно, определено первое и главное слагаемое для характеристики трипольского общества, т. е. численность населения.

Другое слагаемое производное и производящее, т. е. хозяйство. Не опасаясь впасть в модернизацию и помня о том, что естественная среда и биология животного мира почти не изменились, определим экономическое состояние основных видов хозяйства в развитом трипольском обществе — земледелие и скотоводство.

Как нам представляются формы землепользования и возделывания земли в триполье? Вопросы эти не новы и еще недавно решались в пользу примитивного мотыжного земледелия, применявшегося на участках до полного истощения почвы. В последнее время на основании ряда данных для триполья была установлена полевая, пашенная форма земледелия с применением тягловой силы крупного рогатого скота [15].

Что касается форм использования земли, то и здесь было предложено решение в пользу перелога или залежи. Такая точка зрения тоже стала уже довольно распространенной [16].

В последние годы к уже известным прибавились новые археологические находки на трипольских или близких к ним по времени памятниках. Это статуэтки бычков в упряжке и рог оленя (из пос. Русешти в Молдавии; последний истолкован В. И. Маркевичем как древнейшее рало), повозка в пецельской (баденской) культуре [17] и т. д., которые подтверждают использование в трипольском земледелии бычьих упряжек.

Мы возвращаемся к вопросу о форме земледелия и системе землепользования в триполье вследствие того, что пашенное земледелие ста-

---

[14] Т. С. Пассек. Периодизация..., стр. 150.

[15] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая..., стр. 181—186.

[16] Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах. СА. 1959, № 4.

[17] S. Soproni. A Budakalászikosci Folia Archeologica, VI, Budapest, 1954, стр. 29—36, резюме на франц. яз., стр. 198—199, табл. VII; Die Geschichte der Völker ungarns Ungarisches Nationalmuseum. Budapest, 1963, стр. 24, табл. 4; стр. 25, табл. 5.

новится для нас отправным условием для рассмотрения важнейших экономических тем.

Прежде всего для решения вопроса о состоянии экономики трипольского общества важно определить, какое количество продукта необходимо было произвести для поддержания жизни общества, а затем уже сколько и какими техническими средствами можно было произвести этот продукт.

Как говорят археологические факты, пшеница являлась основной сельскохозяйственной культурой. С помощью ретроспективного перерасчета нормы потребления злаковых культур на потребную посевную площадь мы можем выяснить примерную экономическую емкость земледельческого хозяйства.

По историческим данным минимальная норма потребления зерна в экстенсивных крестьянских хозяйствах начиная с XVI—XVII вв. и позднее определялась как один пуд в месяц на человека. Следовательно, биологическая потребность в зерне на год составляла не менее 12 пудов на человека. Этот показатель биологической нормы может быть применен к потреблению зерна в трипольском поселке. Таким образом, трипольский поселок, состоящий из 500 человек, должен был произвести около 6000 пудов зерна в год, а пятнадцать поселений, расположенных между Трипольем и Ржищевом, около 90 000 пудов зерна. Сделав перерасчет произведенного зерна на посевную площадь, опять-таки по данным экстенсивного пашенного земледелия получим выходные показатели, близкие к земледельческому производству в Триполье.

Урожай пшеницы — 50 пудов с десятины — считается средним для лесостепной полосы Поднепровья с ее легкими лессово-черноземными почвами. Для того чтобы вырастить урожай одному трипольскому поселку, необходимо было засеять минимум 120 десятин или, округляя, 125 *га*. К этому нужно добавить посевной запас из расчета по 8—10 пудов зерна на гектар, т. е. около 1000 пудов.

Итак, один трипольский поселок должен был засевать около 150 *га*, или по 1,8 на семью, т. е. по 0,3 *га* на человека. Таков реальный и минимальный расчет количества потребной земли для производства злаковых зерновых культур, сделанный по среднему коэффициенту урожайности пшеницы в зоне Среднего Поднепровья. Это и будет второе слагаемое в экономике трипольского общества — объем земледелия.

Третье слагаемое принадлежит животноводству. Сам по себе подсчет количества костей и числа особей животных, сделанный палеозоологами для трипольских поселений, дает материал для выяснения состава сельскохозяйственных животных, изменений в составе стада по этапам триполья, биологические характеристики домашнего скота и т. д. Однако для выяснения экономического состояния животноводства нужен иной подход.

Для начала приведем количественные соотношения сельскохозяйственных животных, исчисленные В. И. Бибиковой на материалах девяти памятников развитого триполья (Солончены, Стена, Поливанов Яр, Сабатиновка, Незвиско (два трипольских слоя), Владимировка, Коломийщина, Гребени). Подсчет показывает, что быку принадлежит 44,6%, свинье 34%, овце-козе 18,2%, лошади 3,2% (последняя причислена к домашим формам условно). Примерные весовые категории для первых трех видов животных в пудах выражаются в пропорции 30 : 4 : 2.

Прежде всего определим те возможности, которыми располагало хозяйство одного трипольского поселка для содержания основного богатства земледельца — крупного рогатого скота. Для этого возвратимся опять к перерасчету потенциала урожайности полей, но не на зерно, а на вторичный или побочный продукт — солому, опираясь на нормы экстенсивного земледелия. Подсчет показывает, что поселок, засевавший до 150 *га*, мог собрать около 11 тыс. пудов соломы, или около 75 пудов с гектара. Такова могла быть кормовая база для крупного и отчасти мелкого рогатого скота, содержавшегося в трипольском поселке. Ориентируясь на этот

показатель, можно примерно определить, какое количество скота содержалось в трипольском поселении.

При принятых нормах содержания крупного рогатого скота, рассчитанных одним из основоположников и крупнейшим авторитетом в области научного животноводства проф. Еллием Анатольевичем Богдановым, норма запаса грубых кормов (сена, соломы) на одну корову при стойловом, более чем шестимесячном содержании составляет 235 пудов [18]. Отсюда урожай соломы со 150 *га* трипольского поля мог прокормить в течение 6 месяцев около 50 голов крупного рогатого скота, или одно животное на 10 человек.

Полученные данные можно значительно приблизить к действительным, бытовавшим в триполье, принимая во внимание уровень развития сельскохозяйственного производства и утилизацию продуктов, обращавшихся в хозяйстве.

Здесь оказывается полезным применить перерасчет на кормовые единицы, предложенный проф. Е. А. Богдановым [19]. По его данным пуд яровой соломы равен 13 кормовым единицам. Поддерживающий корм (биологически необходимый) 30-пудовой коровы (взят средний вес коровы серой украинской породы, с которой зоологи и сближают трипольский скот) должен состоять из нормы 9,7 кормовых единиц в сутки, т. е. почти 11 *кг* яровой соломы (озимой больше). Значит, на 6 месяцев требовался запас в 120 пудов, что вместе с потерями и весенне-осенними подкормками (11—20 пудов) должно было составить около 150 пудов. Тот же расчет, сделанный на 30-пудового вола при поддерживающем, только грубом корме в зимнее время (яровая солома), указывает на необходимость запаса около 235 пудов [20].

Предполагая рабочее использование коров в трипольском хозяйстве и особенно в пахоте, доставке урожая, перевозке строительных материалов и пр., количество кормовых единиц должно быть выражено средней величиной между молочным и рабочим скотом, т. е. где-то в пределах необходимости заготовки соломы около 200 пудов (дано в расчете на шестимесячное домашнее содержание одной коровы). Таким образом, зимний запас соломы, полученной одним трипольским поселком, давал возможность прокормить до 55 голов взрослых особей крупного рогатого скота, не считая молодых особей, обеспечивающих воспроизводство животных в хозяйстве.

Приведенный расчет показывает внешнее экономическое соответствие земледелия и животноводства, биологическое созвучие их в хозяйственном балансе человека.

Выпас скота в теплое время года требовал значительных пастбищных угодий на плато или в пойменных лугах Днепра и его притоков. По нормам практического учета на каждую голову крупного рогатого скота приходится до 0,75 *га* хороших пастбищных угодий и до 1,5 *га* средних [21]. Следовательно, каждый трипольский поселок, чтобы содержать 55 голов крупного рогатого скота, должен был располагать по меньшей мере 50—60 *га* пастбищной земли.

В действительности пастбищных угодий должно было быть больше, если учесть необходимость выпаса овец-коз и свиней.

Количество овец, как показывают подсчеты по костным остаткам, было не слишком большим. Вероятно, содержание овец-коз преследовало цель не столько разведения их для мяса, сколько для получения шерсти и овчин.

---

[18] Е. А. Богданов. Спутник техника животновода по кормлению с.-х. животных. М., 1922, стр. 29; его же. Техника откорма крупного рогатого скота. М.—Л., 1928.

[19] Е. А. Богданов. Спутник..., стр. 8—9, 29.

[20] Там же, стр. 43.

[21] Е. А. Богданов. Спутник..., стр. 34

В рацион кормления овец обязательно входит, кроме мякины и соломы, сено. Заготовлять последнее, пользуясь серпом с кремневыми вкладышами, было особенно трудно.

Если учесть, что каждая овца потребляет больше 3 *кг* грубых кормов в сутки (например грубошерстная бессарабская), то за период кошевого зимнего содержания, скажем, 500 овец на поселок, т. е. по одному животному на человека, нужно было заготовить не меньше 1700 пудов сена и соломы.

Помимо крупного и мелкого рогатого скота в хозяйстве трипольцев широкое распространение получило свиноводство. По статистическим данным костных подсчетов и весовой категории, разведение свиней стояло после быка на втором месте. Это характерно также для энеолита Европы.

Содержание свиньи имеет свою специфику и зависит не столько от заготовленной на корм соломы, сколько от использования дикорастущих трав, плодов и пр. (выпас свиней и подкормка их продуктами собирательства — желудями, собранными в приречных дубравах, моллюсками Unio и т. д.).

Большинство костей свиньи в кухонных отбросах принадлежит молодым особям в возрасте до года. Факт этот может быть объяснен теми экономическими возможностями, которые обеспечивали содержание и воспроизводство домашнего стада при наименьшей затрате кормов.

Простейшие способы откорма свиней в дореволюционном крестьянском хозяйстве предполагали сохранение маточного поголовья в самых минимальных размерах и не в каждой семье.

Можно предположить, что в трипольской семье обычно содержалось по одной свиноматке, обеспечивающей с весны достаточное воспроизводство мясного резерва, содержащегося до зимы или следующей весны. Свиноматка приносила от четырех до восьми поросят. При низком уровне содержания скота, вероятно, выживало около половины приплода, т. е. четыре особи. Каждое животное в возрасте 8—10 месяцев достигало 3—4 пудов.

Годовой запас мяса от молодняка мог быть не менее 12 пудов на семью, или по 2 пуда свиного мяса на человека. Учитывая определенную цикличность возрастной обращаемости в хозяйстве домашних животных, мясной баланс составлялся, кроме того, из убоя одной особи крупного рогатого скота на три семьи и примерно по $^1/_2$ особи мелкого рогатого скота на человека. В суммарном исчислении в трипольской семье в год забивался бык (на три семьи) весом до 30 пудов, 4 свиньи по 3 пуда, 3 овцы по пуду. Охотничья добыча составляла примерно 4 пуда [22].

Таким образом, каждая семья получала около 30 пудов мяса в живом весе. На человека приходилось около 5 пудов мяса в год, или около 7 *кг* в месяц (в перерасчете на убойный вес с максимальным использованием туши — около 3—3,5 пудов в год, или около 4 *кг* в месяц).

Находки в трипольских поселениях чешуи и костей рыб, створок Unio указывают на занятия рыболовством и прибрежным собирательством. Однако данных, которые говорили бы о широком использовании трипольцами рыбных ресурсов Днепра и его притоков,— нет. Само расположение трипольских поселений, часто вдали от водных артерий, отсутствие прямых доказательств сетьевой ловли позволяют определить рыболовство как эпизодический, сезонный род занятий.

Ставя целью выяснить основные хозяйственные слагаемые трипольского общества, я привел здесь идеальные расчеты по главным отраслям воспроизводящего хозяйства. На самом же деле в практике сельскохозяйственного производства, вероятно, количество обрабатываемой и исполь-

[22] В экономическом балансе охота и возможное разведение лошадей не занимало слишком большого места. В период развитого триполья охота, например, представлена костями диких животных, составляющих только 15% по отношению к остаткам домашних животных, а лошади всего 3%.

зуемой земли было больше, чем это показано в средних идеальных расчетах. В эти подсчеты не вошли потребности в зерновых подкормках крупного рогатого скота в рабочий период и период лактации, подкормка свиней перед убоем, прикорм мелкого рогатого скота зерном.

Осталась неучтенной площадь, занятая посевами волокнистых культур, скорее всего льна, из которых изготовлялись тонкие ткани полотняного и репсового плетения. Нельзя не учитывать также немалые потребности в утилизации соломы в быту — строительном деле, плетении циновок, а может быть, и в качестве топлива.

Наконец, нужно внести поправку и в самую методику приведенных расчетов применительно к техническому уровню орудий труда в трипольском обществе.

В основу наших расчетов положены биологические потребности в растительной и мясной пище, переведенные на потенциал урожайности полей в экстенсивном древнем и старорусском земледелии. Однако это было пашенное земледелие с использованием сохи с железным сошником. Применение такого орудия создавало лучшие предпосылки для получения более высокого урожая, чем неглубокая вспашка с помощью деревянного рала [23], возможно, даже без каменного наконечника. Следовательно, относительно худшая подготовка почвы приводила к меньшим урожаям на единицу площади.

Произвести биологически необходимое количество сельскохозяйственной продукции трипольцы могли только за счет увеличения посевных площадей. К тому же некоторое увеличение посевных площадей имело значение и для обеспечения минимального урожая в неблагоприятные для земледельца годы.

Примерные дополнительные расчеты дают некоторое основание для увеличения обрабатываемой площади населением одного трипольского поселка до 250 *га* и почти такого же количества земли, находящейся в залежи или перелоге. Урожай соломы с такой площади мог обеспечить содержание около 90 голов крупного рогатого скота. Кроме того, трипольский поселок должен был располагать 100—150 *га* пастбищной земли.

Произведя раскладку пахотной земли, получаем надел на семью немного более 3 *га*, или 0,6 *га* на человека.

Как же согласовать приведенные расчеты количества необходимой для возделывания земли с трудоемкостью и цикличностью сельскохозяйственных работ? С помощью того же ретроспективного метода и принимая во внимание не только то, что можно было выработать тем или иным орудием, но и сколько необходимо было получить продукта для поддержания жизни, обратимся к источникам.

По данным старорусского земледелия, перенесенным с поправками В. И. Довженком на древнерусское земледелие, древнерусский селянин мог выполнить в день следующие виды работ: вспахать $^1/_5$ десятины или забороновать $^1/_2$ десятины, засеять 4 десятины или сжать $^1/_9$ десятины, обмолотить $^1/_5$ десятины.

Крестьянская семья, состоящая из шести-семи душ, за время весенних и осенних работ затрачивала только на вспашку почти 40 дней. Семья, таким образом, могла освоить 8 десятин пахотной земли [24]. Пахота и жатва были наиболее трудоемкими процессами и должны были выполняться в короткие сроки.

В триполье повторные вспашки и без того легких для обработки почв, к тому же с помощью парных упряжек крупного рогатого скота, едва ли сколько-нибудь значительно отклонялись от норм, практически установленных для древнерусского земледелия, т. е. $^1/_5$ десятины в день, хотя глу-

[23] В. Й. Довженок. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961; І. Д. Бойко. Селянство України. Київ, 1963; Н. А. Крюков. Россия в сельскохозяйственном отношении. Россия, ее настоящее и прошедшее. СПб., 1900, стр. 231—250.

[24] В. Й. Довженок. Ук. соч., стр. 183—185.

бина вспашки могла быть несколько меньшей, чем, скажем, для старорусской пахоты сохой (от 1 до 5 *см*). Следовательно, на вспашку 3 *га*, необходимых для посева одной семье, нужно было затратить 15 рабочих дней. Такой срок для исполнения пахоты согласуется с цикличностью сельскохозяйственных работ.

Однако этот расчет не согласуется с возможностями применения тягловой силы, которой располагала каждая трипольская семья.

Как было отмечено, наиболее оптимальным показателем засеваемой земли одним трипольским поселком является 250 *га*. Урожай соломы с такой площади мог обеспечить кормами около 90 голов крупного рогатого скота. При таком расчете на каждую трипольскую семью приходилось несколько больше одной особи тяглового скота.

Из сказанного следует заключить, что трудоемкие земледельческие работы и в первую очередь пахота осуществлялись усилиями рабоче-молочного стада, содержавшегося в поселке и находившегося в коллективном пользовании.

Можно рассчитать в пределах реальных приближений, что поселковое стадо, состоящее из 90 особей крупного рогатого скота, имело $^2/_3$ взрослых особей и $^1/_3$ молодняка, обеспечивающего воспроизводство поголовья. Разделив число взрослых особей по парным упряжкам, получаем 30 упряжек на поселок. Каждая такая упряжка могла вспахать 0,5 *га* в день или тридцать упряжек — 6 *га*. На исполнение пахотной работы на 250 *га*, следовательно, необходимо было затратить около 42 рабочих дней. Срок этот не согласуется с длительностью и очередностью сельскохозяйственных работ при вспашке под яровые.

Таким образом, возникает своего рода барьер, за которым скрывается кажущаяся непознаваемость экономического соответствия земледелия и животноводства в трипольском обществе.

Определяя минимальное, биологически необходимое количество сельскохозяйственного продукта для содержания людей и сельскохозяйственных животных, неправильно понижать потребление до критических норм. Вследствие относительно низкого развития сельскохозяйственного производства в трипольском обществе, а также неустойчивости урожаев, особенно пшеницы, в южных засушливых районах Восточной Европы такие критические годы были, вероятно, нередким явлением [25].

С другой стороны, преувеличение сельскохозяйственных возможностей, например, в размерах засеваемых площадей при общем низком техническом уровне производства ведет к разрыву между практическими возможностями земледелия и животноводства.

Другими словами, понижая нормы биологически необходимого потребления сельскохозяйственных продуктов, мы тем самым искусственно снижаем жизнедеятельность общества. Наоборот, повышая без достаточных к тому оснований нормы сельскохозяйственного производства, мы приводим к несоответствию развития земледелия и животноводства, нарушаем практически сложившуюся экономическую гармонию двух жизненно необходимых отраслей хозяйства; в конечном же счете искажаем подлинное состояние производительных сил, обусловленное потребительскими закономерностями. Так, в сущности и произошло в подсчете необходимой для посевов площади в трипольском поселке и возможностями обработать ее в необходимые сроки с помощью того количества тяглового скота, которое было определено для поселка, не нарушая сельскохозяйственной цикличности.

Какой же выход может быть предложен для приведения в соответствие основных частей сельскохозяйственного производства со сроком исполнения пахотных работ?

---

[25] Л. Н. Маресс. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. I, СПб., 1897, стр. 55—56.

Несмотря на экстенсивность трипольского сельского хозяйства, его относительно малую продуктивность, все же нельзя отказать ему и в прогрессивных началах. В трипольском хозяйстве культивировались два вида пшеницы — мягкая и твердая, ячмень, просо, возможно бобовые. Животноводство представлено всеми основными сельскохозяйственными видами, и, судя по остеологическим остаткам и скульптурным изображениям, сельскохозяйственные животные находились не в угнетенном состоянии. Таким образом, обращение в хозяйстве разновидовых злаковых и широкое распространение различных других сельскохозяйственных культур позволяет допустить, что трипольскому земледельцу были известны, кроме яровых посевов, также и озимые [26]. В житейской практике постоянно можно было наблюдать весенние всходы от случайно оброненных зерен, проросшие зерна оставшиеся после уборки на пашне и т. д.

Если признать возможным распространение в трипольском земледелии озимых посевов, то время, затраченное на вспашку 250 *га* имеющимся тягловым поголовьем, вполне укладывается в сроки весенней и осенней пахоты, даже если допустить при этом возможность распространения в древнем земледелии частично и перекрестной вспашки.

Что касается жатвы, то, несмотря на трудоемкость этого процесса, массовое количество участников уборки обеспечивало исполнение жатвенных работ в необходимые сроки. Напомню, кстати, что кремневые вкладыши для серпов находились в позднетрипольских могильниках в погребениях женщин, мужчин и подростков [27].

Нами не приведены сейчас материалы, дополняющие характеристику трипольского хозяйства, например, в части объемов и способов водоснабжения некоторых поселков, а также экономического значения домашних промыслов и т. д. Но из того, что изложено, вырисовывается сложный, гармонично слаженный экономический комплекс, составлявший жизненную основу трипольского общества.

Остается очень коротко сказать о наиболее трудной части работы: о тех возможных формах социального уклада, которые соответствовали экономическому состоянию трипольского общества. К этому вопросу не раз обращались исследователи, полагаясь на планировку поселений, устройство домов и на этнографические параллели, в особенности из быта североамериканских индейцев.

Можно считать вероятным, что поселок развитого триполья принадлежал роду. Каждый дом занимала, как полагают, большая семья, в которую входили отдельные парные семьи.

Следуя дальше, можно предположить, что одновременные памятники развитого триполья в Поднепровье входили в одну племенную организацию. Племя трипольцев развитого этапа (В), как это подтверждается фактами, находилось в тесных и прямых связях с племенами Южного Побужья, Поднестровья и более западным ареалом триполья.

В пределах широкой области, занятой трипольскими племенами, возможно, существовали какие-то межплеменные центры, может быть, построенные на фратриальных началах. Они служили средоточием экономического, социального и религиозного общения между трипольскими племенами.

Хочется думать, что одним из таких центров могло быть поселение Владимировка, содержащее более 200 домов, расположенных концентрическими кругами. Поселение это находится в центре трипольского мира и в остатках материальной культуры сохраняет следы культурного синкретизма, смешанности элементов местных и привнесенных из западных и восточных районов, заселенных трипольскими племенами.

---

[26] Аналогичную догадку высказал при обсуждении этой работы и В. Н. Даниленко.

[27] С. Н. Бибиков. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. СА, 1962, № 3, стр. 20—21.

Пытаясь глубже проанализировать другие важные стороны общественной жизни трипольцев (формы общественного производства и собственности, организация распределения продуктов, формы семьи и других социальных институтов, содержание межплеменных отношений и т. д.), сталкиваемся с крайней ограниченностью материалов. Вместе с тем оставлять их рассмотрение на прежнем уровне или попросту не касаться их кажется нецелесообразным даже потому, что сейчас экономика трипольского общества предстает в другом свете.

Едва ли подлежит сомнению, что земля являлась коллективной собственностью или была в общественном пользовании, принадлежала роду. Но каково было отношение к земле каждой семьи, населявшей дом, каково было отношение к средствам производства и распределению продуктов — эти вопросы требуют ответа хотя бы в конспективном изложении.

Недавно вышла книга М. О. Косвена, посвященная семейной общине и патронимии [28]. Это обобщающее исследование крупного научного плана помогает разобраться в экономических и социальных вопросах родового строя.

М. О. Косвен, привлекая широчайший круг этнографических источников, устанавливает за патронимией исторически универсальное явление со своими чертами изменчивости форм во времени. Автор показывает, что патронимия — это порождение патриархального строя, следовательно, образование относительно позднее, связанное, во всяком случае, с распадом первобытнообщинных отношений.

По М. О. Косвену патронимия — это общественно-экономическое объединение родственных семей, живущих на определенной территории, ведущих совместное хозяйство на основе патриархального общественного уклада.

Определяющими признаками патронимии является хозяйственное единство, основанное на коллективном владении и пользовании землей, иногда с разделами по дворам-семьям. Урожай в таком обществе собирается сообща и распределяется по семьям. Рабочий и домашний скот находится в общем пользовании. Общими были также орудия обработки земли.

Наряду с производственным коллективизмом потребление в патронимии было посемейным. Обособление малой семьи шло первоначально только по линии потребления и предполагало возникновение пристроек к основному жилищу или даже отдельных жилищ на одной усадьбе. Патронимия, таким образом, могла состоять из больших и малых семей, существовавших одновременно. Причем процесс распада патронимии и выражается в индивидуализации отдельных семей. Патронимия, как правило, экзогамна. Ставя проблему рода в плоскость теоретического рассмотрения и понимая под родом не хозяйственное объединение коллективов, а сообщество, признающее родство от одного предка, М. О. Косвен, конкретизируя взаимоотношения между родом и патронимией, считает естественным вхождение патронимии в состав рода. Таким образом, родовая организация в ее чистом, архаическом виде несколько шире патронимии и сохраняет больше коллективистических, первобытнообщинных черт, чем патронимия. Чаще всего патронимия занимает одно селение. Передвижения патронимии при освоении новых земель происходят крупными группами.

Таковы главные черты патронимии, и мы не случайно обратились к ним при рассмотрении трипольского общества. Пользуясь другими, собственно археологическими источниками, а также иными данными, мы пришли к выводам о хозяйстве и общественном укладе трипольского общества, очень созвучным с этнографическими фактами и обобщениями, приведенными М. О. Косвеном о патронимии. В одной из своих работ мы вопреки прочно установившейся традиции, которую разделял и М. О. Косвен [29], отрицая

---

[28] М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963.

[29] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 43.

мотыжное земледелие и матриархат в триполье, пришли к заключению, что даже в раннетрипольском обществе четко определились патриархальные отношения. Этому очень способствовало пашенное земледелие и скотоводство, выдвинувшее мужской труд на передовое место в системе хозяйства. Накопление богатств и необходимость защиты их еще больше укрепило общественное положение мужчины [30]. И сейчас, отдавая дань старым представлениям о доживании матриархального родового строя до очень поздних ступеней развития человеческого общества, М. О. Косвен не решился заглянуть в историю обществ, предшествовавшую сложению древнерусской народности. Именно поэтому от него оказались скрытыми те возможности, которые открывают памятники неолита и раннего металла, в том числе и трипольские, для исследования избранного М. О. Косвеном научного сюжета о патронимии.

Между тем именно здесь, в памятниках, относящихся еще к первобытности, черты патронимии вырисовываются необычайно отчетливо.

Все исследованные трипольские поселения этапа В представляют собой совокупность жилых и хозяйственных сооружений, построенных по единому плану, т. е. по кругу или концентрическим кругам, отражающим определенную целеустремленность, присущую единому, прочно спаянному коллективу.

Планировка домов, разделенных на отдельные помещения или не имеющих перегородок, свидетельствует о том, что большие и малые дома принадлежали членам одного большого родственного объединения, в них содержался вполне аналогичный хозяйственный и бытовой инвентарь.

Почти во всех трипольских домах обнаруживаются печи. Около печей и очагов обычно находится множество сосудов, производственные места и другие следы хозяйственной жизни. Сосуды чаще всего группируются в помещениях с печами и в камерах, где, предполагается, хранились припасы. Число сосудов в соответствии с размерами площадок по полным подсчетам доходит до 100 и больше на один дом.

Сам факт группировки сосудов у печей заставляет признать, что каждая печь служила семейным очагом. Следовательно, в трипольском поселке типа Коломийщина I обитало до 80 семей. По средним расчетам каждая малая семья состояла из шести человек.

Оказывается возможным даже проследить топографию размещения семей в Коломийщине I в соответствии с заселенностью отдельных домов. В Коломийщине I было 5 (+8?) односемейных домов, 7 домов занимали по 2 семьи, по 3 семьи жили в 5 домах, по 4 семьи обитало в 5 домах и, наконец, по 5 семей располагалось в 3 домах. Такова возможная структура поселка, состоящего из больших и малых семей, проживающих под одной крышей кровных родственников или живущих отдельно на той же усадьбе и составляющих один поселок.

Парная ли семья или моногамная в ее становлении были господствующими в трипольском обществе — сказать трудно. Но о том, что основной хозяйственной единицей была не парная, а большая семья, видимо, говорить можно.

Прежде всего из приведенных выше расчетов трудно представить себе раздельное, посемейное содержание крупного рогатого скота, даже распределив его по паре на каждую малую семью, а также мелкий рогатый скот и свиней. Это потребовало бы увеличения численности скота для обеспечения воспроизводства, больших затрат на содержание, охрану, заготовку кормов, пастьбу, сооружение загонов и т. п. А главное, такое решение лишает всякого смысла объединение большесемейного коллектива под одной крышей.

И все же при коллективном пользовании землей и скотом имеет место и семейная индивидуализация в потреблении. Об этом красноречиво гово-

[30] С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая на Днестре, стр. 285 сл.

рит разделенность трипольского дома на семейные помещения со своими печами, домашним хозяйственным и бытовым инвентарем. В тенденции к семейной обособленности, несомненно, проглядывают черты распада прочных общинных отношений. Именно в этом и проявляется один из важных признаков патронимии.

Можно уверенно говорить применительно к триполью, что односемейные, малые дома появились в результате сегментации большой семьи, ведущей к утверждению малой семьи как самостоятельной хозяйственной единицы. На сложность экономической и социальной организации в трипольском обществе указывают и другие факты. Укажем, например, что в триполье уже началось выделение керамического ремесла из сферы домашнего производства с его сложнейшими производственными процессами, требующими большого ремесленного мастерства, сноровки и художественного вкуса. Сейчас известны крупные керамические мастерские, например: в Валя Лупул (Румыния), Варваровке (Молдавия), Гребенях (Украина).

Тот же процесс выделения ремесла происходил и в области кремневого и металлообрабатывающего производства. Мастерских по обработке металлов в триполье пока неизвестно, и о развитии мастерства можно судить только по образцам прекрасно выработанных изделий (оружия, витых браслетов, различных украшений). Что же касается камнеобрабатывающего производства, то кроме специальных мест выработок кремня, известных, например, в Подолии, стали не менее известными и мастерские по обработке кремня на поселениях. К последним, например, может быть отнесена большая кремнеобрабатывающая мастерская в Поливановом Яру, исследованная Т. С. Пассек. Впрочем, специализированные мастерские обнаруживаются и на других поселениях. Изучая поселение в Цвикловцах, что в устье Смотрича в Подолии, Т. Г. Мовша обнаружила жилище мастера, употреблявшего в работе множество кремневых сверл. Очень возможно, что производство различных сельскохозяйственных орудий в триполье тоже определилось в специальную общинно-ремесленную отрасль производства.

Самого пристального внимания заслуживает изучение кладов, напоминающих о начале внутриродового имущественного расслоения. Не имея в виду спрятанных кремневых пластин-ножей или серпов, например, в Халепье (В. В. Хвойко) или Сандраках (Е. Ф. Лагодовская), укажем на подлинные клады, составлявшие, видимо, большую ценность для их владельцев. Такие клады, содержащие медные и каменные изделия, а также украшения из редких морских и речных раковин стали обнаруживаться уже довольно часто.

Хороший набор предметов найден в Хабашешти (Румыния). Он состоит из медного диска, двух медных витых браслетов и ожерелий из зубов оленя и раковин моллюсков [31]. Не менее интересный клад обнаружен и в Городнице II на Западной Украине. Он состоял из медных предметов: секирок, острия и украшений [32]. Там же в Новоселицком районе Черновицкой обл. у с. Рынгач, по словам Б. А. Тимощука, был найден сосуд, в котором находилось восемь медных, по определению В. Г. Збеновича, трипольских секирок [33].

Очень интересный клад был случайно обнаружен при земляных работах в с. Цвикловцы (Подолия). Он содержал медные украшения и раковины моллюсков. Клад этот изучен Т. Г. Мовшей.

И, наконец, особенно драгоценен Карбунский клад из Молдавии, состоящий из 852 предметов, из которых 444 сделаны из меди [34]. В составе Кар-

---

[31] Hăbăşeşti. Monografie archeologică. Bucureşti, 1954, стр. 435—441.

[32] T. Sulimirski. Copper Hoard from Gopodnica of the Dniester. «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», XCI, 1961, стр. 91—97, табл. I.

[33] Материал хранится в Черновицком историко-краеведческом музее.

[34] Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963, № 1

бунского клада находятся медные топоры, спиральные браслеты, диски, пластины, бусы, антропоморфные фигурки и т. п. Из камня, белого и цветного мрамора сделаны топоры, бусы и другие предметы; из рогов оленя и морских раковин изготовлены ожерелья и т. д. Карбунский клад бросает яркий луч света на сложность социальных отношений даже в раннетрипольском обществе.

Трипольское общество не может представляться сейчас как идиллическое сообщество мирных земледельцев с матриархальным укладом. Это было крупное, этнически единое объединение, состоящее из племен, занимавших обширные пространства между Днепром и Прутом и далее на запад в бассе́йны Серета и Быстрицы. Между племенами установились тесные взаимоотношения, укреплявшиеся обменом культурными приобретениями и, конечно, продуктами хозяйства. Каждое племенное образование занимало определенную территорию и состояло из родовых поселений. Каждый род имел свой поселок и находился в самых тесных взаимоотношениях с другими родами одной племенной организации.

Планировка поселений и устройство домов указывают на прочные межсемейные связи внутри поселка, основанные на патронимии. Поселки состояли из большесемейных и односемейных домов. Такое сочетание жилых построек говорит о сегментации больших семей и выделении малых семей, сохраняющих экономическую связь с родовой (патронимической) организацией поселка. Выделение малых семей внутри одной родовой общины указывает на начало распада первобытнообщинных отношений внутри рода.

Это явление подчеркивается также семейной индивидуализацией потребления продуктов коллективного труда трипольского земледелия и животноводства.

На сложность социальных отношений, начало разрушения первобытнообщинных устоев в трипольском обществе указывают также раскрывающиеся частнособственнические тенденции, проявлявшиеся, например, в накоплении богатств, составивших трипольские клады.

Важной чертой трипольского общества является также выделение ремесла из области домашнего производства, что само по себе ведет к производственному расслоению внутри общества и способствует обособленности ремесленных групп не только в пределах рода, но и в масштабе племени.

И все же несмотря на то, что в социально-экономической структуре трипольского общества и наблюдаются черты распада первобытнообщинных отношений, коллективистические начала остаются господствующими. Как показал экономический анализ состояния трипольского общества, в основе его хозяйственной организации — земледелия и животноводства — прочно удерживаются коллективные формы обработки земли и общинное содержание скота. Разрушение коллективного хозяйствования в этих областях могло произойти только на следующем этапе развития производительных сил, где созревали более совершенные технические условия, связанные с обработкой почвы и содержанием скота, и складывались другие социальные отношения под воздействием развития частнособственнических тенденций.

В целом же материальная и духовная культура трипольской племенной организации отличалась строгой унифицированностью как в сфере производства, так и идеологических представлений. Общественные институты, возникшие на базе первобытнообщинных отношений, построенные, конечно, на патриархальных началах, регулировали и определяли нормы общественной жизни внутри родов и способствовали поддержанию тесных контактов между племенами.

Эти родовые и межплеменные связи в пределах большой этнографической общности, основанные не только на нормах бытовавших тогда социальных институтов, например, патронимии, экзогамии и эндогамии, но и на экономических взаимоотношениях, имеют первостепенное значение для понимания экономики трипольского общества.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

ОСНОВЫ ХРОНОЛОГИИ ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА

В позднем бронзовом веке почти весь юг Восточной Европы был заселен оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами срубной культуры, полнее всего освещенной в трудах О. А. Граковой.

По ее данным, эта культура представлена в степях Поволжья и Дона памятниками двух периодов: первого (раннего) и второго (хвалынского), а в Северном Причерноморье, куда она продвинулась с востока,— только памятниками второго периода. Памятники первого периода срубной культуры на основании наличия в них бронзовых наконечников копий сейменского типа О. А. Гракова датировала XV—XIII вв. до н. э., а второго периода — XII—VIII вв. до н. э., считая, что смена срубной культуры скифской происходит на рубеже VIII—VII вв. до н. э. [1]. Эти выводы можно признать в основном правильными, и они прочно вошли в науку. Лишь в результате новейших исследований появились возможности несколько уточнить, а отчасти и лучше обосновать абсолютную хронологию различных ступеней срубной культуры. Более всего такие уточнения касаются позднесрубной культуры в Причерноморье, которая была разделена О. А. Граковой на ранний этап, названный ею белозерским, и поздний этап, получивший название сабатиновского [2], тогда как в действительности оказалось, что памятники сабатиновского этапа являются ранними, а белозерские — более поздними [3].

Для памятников первого периода срубной культуры в Поволжье, отчетливее всего выделившихся по материалам из Покровских курганов около г. Энгельса, О. А. Гракова считает типичными следующие изделия: остроребериые и баночные сосуды, бронзовые литые и кованые наконечники копий и кремневые наконечники стрел сейменских типов, бронзовые ножи с намечающимся перекрестием, тесла, каменные шлифованные топоры, втульчатые и черешковые костяные наконечники стрел, бронзовые височные кольца с загнутыми концами и браслеты из массивного стержня и из желобчатой пластины [4]. Их комплекс, как установил К. Ф. Смирнов, дополняют костяные желобчатые псалии и круглые бляхи от узды [5].

Наконечники копий из Покровских курганов поставили этот период в один хронологический ряд с Бессарабским кладом и многочисленными

---

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955, стр. 7.

[2] Там же, стр. 117 сл.

[3] Д. Я. Телегін. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. Археологія, XII, Київ, 1961, стр. 3 сл.

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 26 сл.; P. Rykov. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. ESA, I. Helsinki, 1927, стр. 51 сл.

[5] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 46 сл., рис. 1; 13, *1*.

памятниками сейменского типа [6]. Воспользовавшись такого же рода наконечником копья из кургана на р. Илеке, К. Ф. Смирнов доказал, что алакульская ступень андроновской культуры одновременна первому периоду срубной культуры [7]. В самом Алакульском могильнике оказался роговой дисковидный псалий, одинаковый по форме с роговыми же псалиями культуры Фюзешабонь в Венгрии [8], очевидно, существовавшими в течение короткого времени. Отсюда следует, что Алакуль и памятники покровского типа являются одновременными с культурой Фюзешабонь. Таким образом, если датировка названных памятников основывалась ранее только на Бессарабском кладе, то она получает ныне опору и в хронологии дунайских культур бронзового века.

В Бессарабском кладе отчетливо проявляются влияния эгейской культуры времени шахтовых гробниц в Микенах, на основании чего и принято определять его возраст. По уточненным данным Г. Милонаса, время шахтовых гробниц Микены I относится к 1580—1500 гг. до н. э. [9]. При датировке Бессарабского клада обычно исходят из предположения, что в его вещах отразилась лишь запоздалая традиция микенской культуры. Именно потому клад этот относят не к XVI в. до н. э., а к значительно более позднему времени. Так, О. А. Гракова датирует Бессарабский клад XIV в. до н. э., а М. Гимбутас — 1450—1350 гг. до н. э., тогда как связанные с ним по находкам однотипных наконечников копий памятники сейменского типа и Покровские курганы срубной культуры они одинаково относят к XV—XIII вв. до н. э. [10]. Все это закономерно влекло за собой необходимость значительного изменения дат памятников и культур позднего бронзового века вплоть до непосредственного сближения их со скифским периодом. Новый подход к хронологии Бессарабского клада в нашей археологии прокладывает Н. Я. Мерперт. Выяснив, что эгейские заимствования еще очень свежи в вещах этого клада, он датировал его, а вместе с ним и Покровские курганы XV в. до н. э. [11]. А. Можолич, руководствуясь такими же соображениями, отнесла Бессарабский клад непосредственно ко времени шахтовых гробниц в Микенах, т. е. к XVI в. до н. э. [12].

Действительно, клад этот очень ранний, что подчеркивается сохранившимися в нем элементами катакомбной культуры или признаками связей с ней. Например, в типичной катакомбной гробнице кургана на р. Молочной у совхоза «Аккермень» был найден каменный топор, совершенно одинаковой по форме с простым топором Бессарабского клада [13]. Обломок топора, подобного наиболее изящному топору из того же клада, происходит с поселения катакомбной культуры близ с. Большая Андрусовка Кировоградской обл. [14]. Подтверждается мысль О. А. Граковой, что в пору ран-

---

[6] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 23 сл.; О. Н. Бадер. Новые раскопки Турбинского I могильника. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, I, М., 1959, стр. 63 сл.

[7] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 57, рис. 8.

[8] Там же, стр. 60 сл., рис. 9, *1*.

[9] G. E. Mylonas. Ancient Mycenae, the Capital City of Agamemnon. Princeton, 1957.

[10] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 7; ее же. Бессарабский клад. М., 1949, стр. 28; M. Gimbutas. Borodino, Seima and their Contemporaries. PPS, нов. сер., XXII, Cambridge, 1957, стр. 143 сл.

[11] Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии. МИА, 111, 1962, стр. 16 сл.

[12] A. Mozsolics. Ein Beitrage zur Chronologie der ungarischen Frühbronzezeit. Kommission für das Äneolithikum und die ältere Bronzezeit. Nitra, 1958, стр. 183.

[13] А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на строительстве Молочанского водохранилища. КСИА, 1, 1952, стр. 17; О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад, стр. 15, табл. IV, VIII, XIII.

[14] Е. А. Петровская, Е. В. Максимов. Археологические памятники в окрестностях с. Большая Андрусовка на Тясмине. КСИА, 8, 1959, стр. 23, 24, табл. 1, *4*; О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 16 и 17, табл. XI, XVI.

ней срубной культуры и соответственно Бессарабского клада в Северном Причерноморье продолжала еще развиваться катакомбная культура [15].

Венгерский бронзовый век III (BIII—Tocer C), время культуры Фюзешабонь, датируется ныне А. Можолич не 1450—1200 гг. до н. э. по Томпа, а XV—XIV вв. до н. э. Исходя из анализа типичной для Фюзешабонь резной кости с орнаментом в виде волны и кружочков, хорошо известного для памятников эгейской культуры времени шахтовых гробниц в Микенах, она колеблется лишь в том, относить ли начало BIII к концу XVI в. до н. э. или на несколько десятилетий позже [16]. Чешские археологи относят ветровскую культуру конца унетицкого периода в Моравии, для которой характерна такая же резная кость, к середине II тысячелетия до н. э. [17].

Руководствуясь Бессарабским кладом и памятниками дунайских культур, находившихся под эгейским влиянием, первый период срубной культуры можно датировать началом XVI—XIV в. до н. э. Весьма важно, что XIII век до н. э. при определении времени этого периода должен быть исключен. Такое заключение подтверждается тем, что в памятниках XIII в. орудия сейменских типов не встречаются.

Большинство поселений срубной культуры в Причерноморье было долговременным, так что сабатиновские и белозерские материалы на них бывают сильно перемешаны и почти не поддаются расчленению. К собственно сабатиновскому времени, кроме Сабатиновского поселения, увереннее всего относятся нижний ярус культурного слоя на Ушкальском поселении, а также поселения Волошское, Перисадовское, Преславское на р. Обиточной, Сазоновка на Керченском полуострове. В материалах с таких поселений преобладают глиняные сосуды баночной формы, зачастую украшенные под краем валиком с насечками или ямками и другими простыми орнаментами (рис. 1, *8*, *9*). Остроребериая керамика встречается на них в небольшом количестве и известна пока только по обломкам. Целые остроребериые сосуды в Причерноморье имеются лишь в находках из погребений (рис. 1, *10*) [18]. Малочисленную серию находок с поселений составляют и обломки лощеных двуручных сосудов, появившихся здесь, по-видимому, под влиянием культур Дунайского бассейна. Почти целый такой сосуд имеется в Сазоновке (рис. 1, *11*) [19]. Другой инвентарь с поселений представлен роговыми и костяными круглыми и граненными втульчатыми наконечниками стрел, тупиками из челюстей крупного рогатого скота, зубчатыми скреблами из лопаток больших животных (рис. 1, *3—6*), каменными шлифованными орудиями и изделиями из бронзы. На Сабатиновском селище были найдены бронзовая булавка кипрского типа [20] и костяной псалий (рис. 1, *1*, *2*), из Перисадовского поселения происходит архаический бронзовый нож (рис. 1, *7*) [21].

Сабатиновская ступень отмечена сильным развитием бронзолитейного производства. Наиболее полное представление о типичных для нее бронзовых изделиях дает Красномаяцкий клад литейных форм (рис. 2). При-

---

[15] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 110 сл.

[16] A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 182—183; ее же. Die Herkunftsfrage der ältesten Hirschgeweihtrensen. AAH, 1960, стр. 125 сл.; ее же. Einige Probleme der Ungarische Spätbronzezeit. «Swiatowit», XXIII, 1960, стр. 437.

[17] J. Filip. Pravěcé Československo. Praha, 1948, стр. 187 сл., рис. 42; Evžen a Jiři Neustupny. Nastin pravěkych dějin Československa. Sborník Národniho musea v Prahe, XIV, 3—5, Praha, 1960, стр. 30 и 44.

[18] О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної. АП, VIII, Київ, 1960, рис. 14, *2*; 38; 101, *2*.

[19] И. Т. Кругликова. Исследования сельской территории Европейского Боспора. СА, 1957, 1, стр. 221, рис. 3.

[20] А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. АП, IV, Київ, 1952, стр. 84, табл. II, *17*. Ошибочно описана как раннетрипольская.

[21] Н. Н. Погребова. Перисадовское поселение на Ингуле. СА, 1960, 4, стр. 88, рис. 7, *4*.

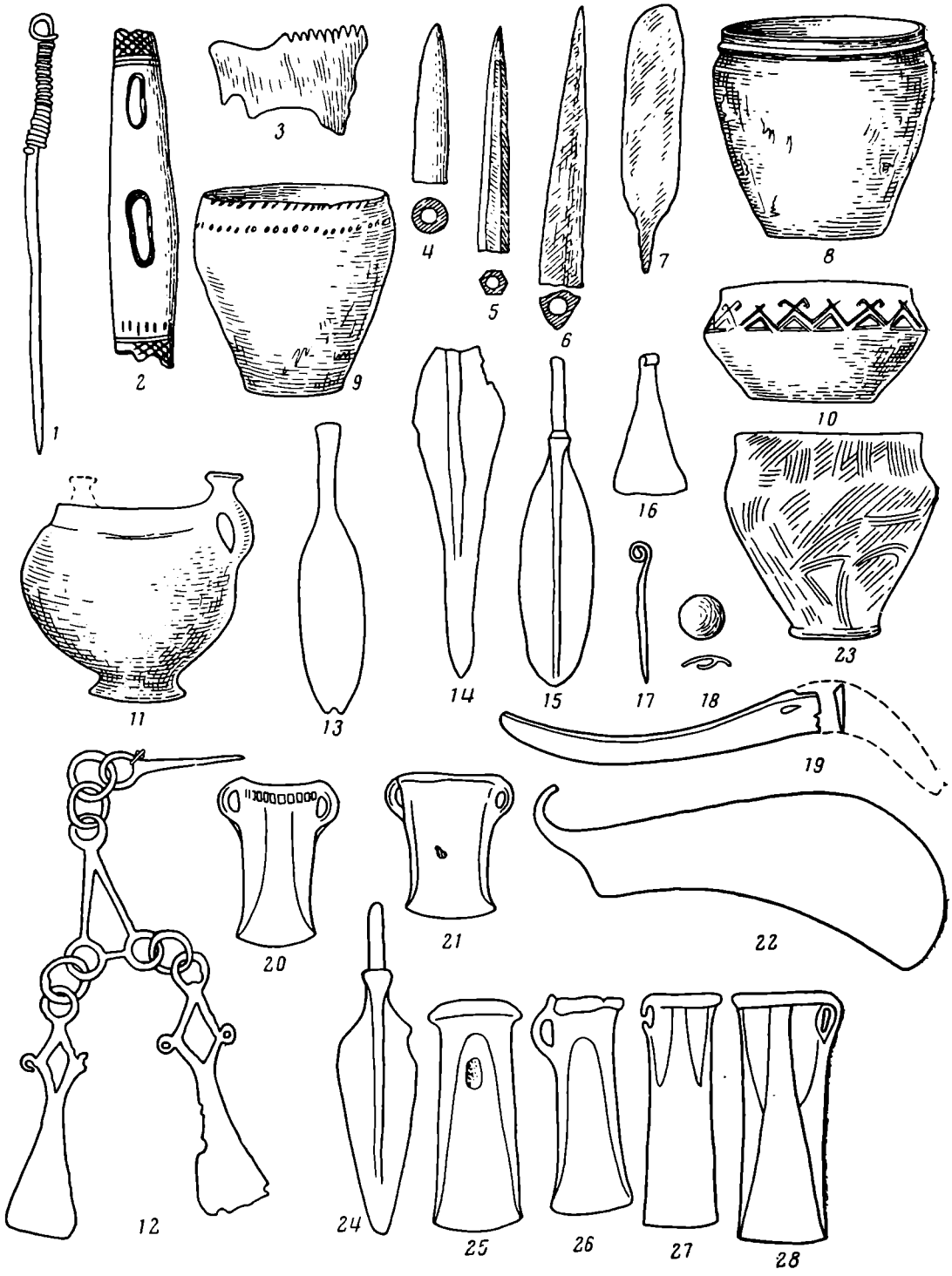


Рис. 1. Вещи сабатиновского этапа срубной культуры в Северном Причерноморье

1, 2, 4 — Сабатиновка; *3, 5, 8, 9* — Ушкалка (по Д. Я. Телегину); *6,7* — Перисадовка (по Н. Н. Погребовой); *10* — Ново-Филипповка; *11* — Сазоновка (по И. Т. Кругликовой); *12—19* — основные находки из погребения у с. Солонца; *20—24* — Кобаковский клад близ устья Орели (по М. Я. Рудинскому); *25—28* — из клада у с. Маячки (по О. А. Граковой); *1, 7, 12—22, 24—28* — бронза; *2—6* — кость; *8—11, 23* — глина

ведем полный их перечень, потому что до сих пор он не был опубликован [22]: короткий черешковый меч с большим упором — *1*, четыре черешковых кинжала с упорами — *2—5*, дротик и наконечник копья — *11, 12*, бракованная незаконченная форма кинжала и обломок кинжала — *13, 21*, кельты — двуушковый — *6*, одноушковый — *26*, с ушком на широкой стороне — *16, 18*, обломки кельтов — *9, 14*, два или три долота — *15, 24, 29*.

[22] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 122 сл., рис. 30.

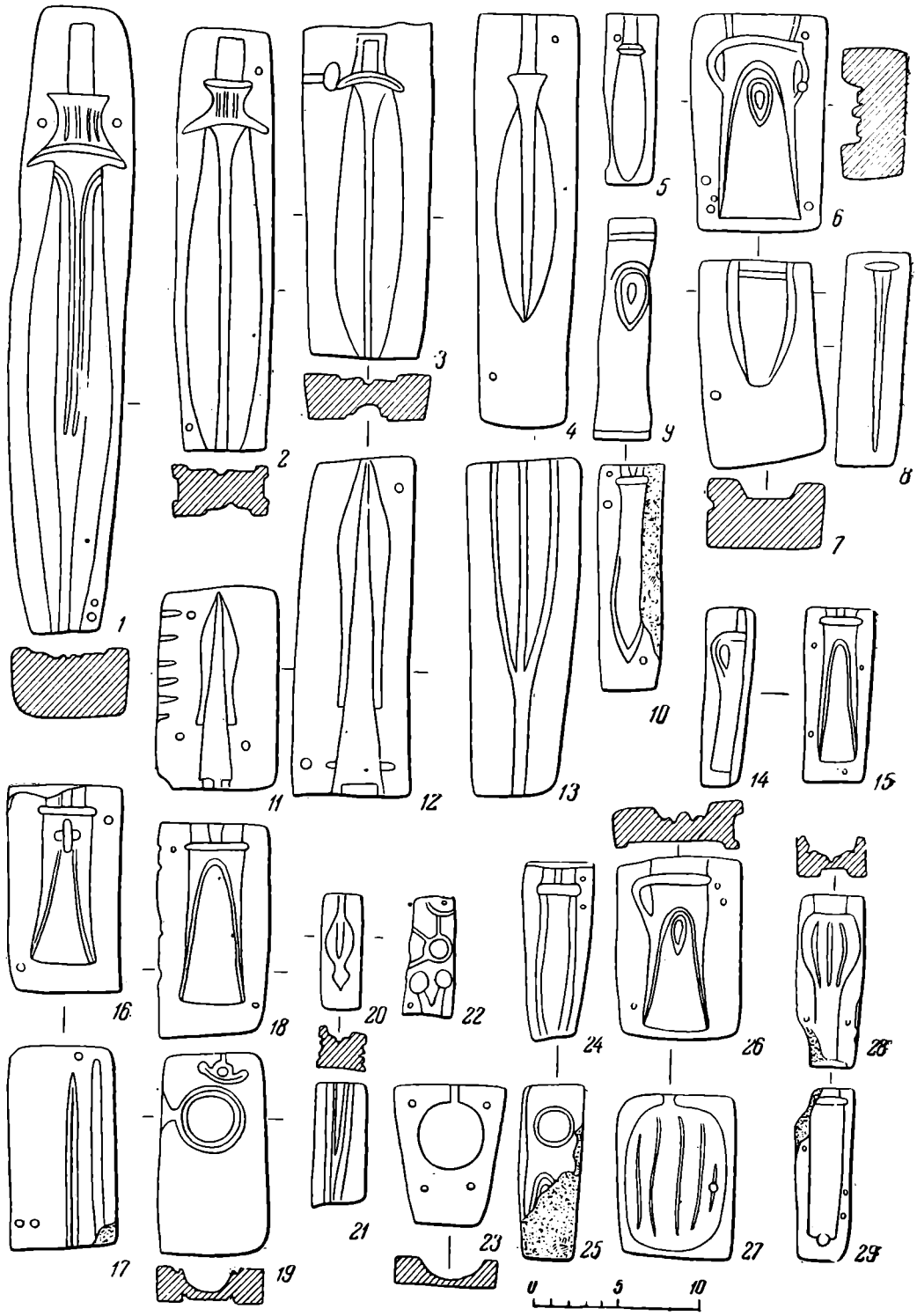


Рис. 2. Красномаяцкий клад литейных форм

мотыга — *7*, верхняя часть ручки кинжала — *28* [23], гвоздевидная булавка, четырехгранное шило и круглый стержень — *8*, *17*, овальный щиток — *27*, полушарная бляха, такая же бляха с ребром по краю и дуговидная подвеска — *19*, *23*, овальная подвеска, два шарика и часть рамки с кольцами от булавки с шумящими подвесками — *20*, *22*, кольцо и часть дужки от украшения — *25* [24].

[23] Такое назначение этой литейной формы установлено И. Т. Черняковым (Одесса), о чем он любезно сообщил автору. О. А. Граковой предмет этот описан как навершие, подобное скифскому (О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч, стр. 135, рис. 30, *6*). В. А. Ильинская также ошибочно описала его как булаву (В. А. Іллінська. Про скіфські навершники. Археологія, XV, Київ, 1963, стр. 59, рис. 11.

[24] По зарисовкам автора в Одесском археологическом музее в 1960 г.

Сабатиновские металлические изделия уже утратили сейменские формы, но они все же достаточно древние. Так, среди бронзовых вещей из случайно открытого у с. Солонец близ Цюрупинска Херсонской обл. погребения оказались совместно черешковые ножи катакомбного типа (рис. 1, *13*), кавказские кинжалы типа Рутхи (рис. 1, *14*), черешковый сабатиновский кинжал с упором (рис. 1, *15*), серпы (рис. 1, *19*), булавка с кольцевидной головкой и шумящими подвесками, пластинчатая подвеска, булавка с закрученной головкой и бляшка (рис. 1, *12*, *16—18*) [25]. Интересен Кобаковский клад бронзовых орудий, найденный в глиняном сосуде (рис. 1, *2*), который, судя по форме и обработке гребенчатой штриховкой, не моложе сабатиновского времени. Он состоит из пяти крюкастых серпов, черешкового с упором кинжала и трех двуушковых кельтов, из которых один украшен еще в духе сейменской традиции рельефным ободком по краю в виде лесенки (рис. 1, *20—23*) [26]. Кельты эти по типу, очевидно, старше красномаяцких.

Первым указанием на то, что сабатиновский этап относится к раннему времени, послужил костяной псалий из Сабатиновки (рис. 1, *2*), близкий морфологически к роговым псалиям типа Тосег С в Венгрии [27]. Задача датировки сабатиновского этапа значительно облегчилась после того, как А. И. Мелюковой удалось блестяще доказать, что он одновременен с культурой Ноа в Румынии и в Поднестровье. В обеих культурах имеются одинаковые двуручные сосуды и существовавшие короткое время скребла из лопаток быка (рис. 1, *3*, *10*) [28]. В кладе культуры Ноа из Ульми-Литени в Ясской обл. оказались обломки от булавки с подвесками, серп и бляшка с крючковидной петлей, аналогичные находкам из Солонца (рис. 1, *12*, *18*, *19*) [29]. В кладе из с. Маячки Днепропетровской обл. [30], кроме кельтов типа Красномаяцкого клада (рис. 1, *25*, *26*), имеются кельты старшего семиградского типа культуры Ноа (рис. 1, *27*, *28*) [31].

До недавнего времени культура Ноа датировалась концом II — началом I тысячелетия до н. э. [32], а ныне М. Петреску-Дымбовица отнес ее к XIII—XII вв. до н. э. [33].

А. Можолич, за которой в этом вопросе следует М. Петреску-Дымбовица, обосновала датировку культуры Ноа на богатом материале из давно раскопанного погребения с трупосожжением в большом кургане близ Ньиркарас-Дьюлхаза в северо-восточной Венгрии. Этот курган позволил установить, что многие археологически неприуроченные клады бронз из этой части Венгрии относятся к фельшесечской культуре, которая на западе оказалась одновременной культурам пилинской и Эдек, а на востоке, что для нас особенно важно, по наличию в кургане булавки с радиальными выступами и кельта старшего семиградского типа она оказа-

[25] А. И. Тереножкин. Погребение бронзового века у с. Солонец Херсонской области. Археология, 16, 1964.

[26] М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю музею. Полтава, 1928, стр. 41, 42, табл. IV, *5—15*.

[27] А. И. Тереножкин. Бронзовый псалий с городища Кюзели-Гыра в Хорезме. КСИЭ, XXX, М., 1958, стр. 38, рис. 4.

[28] А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 96, 1961, стр. 20 сл.

[29] M. Florescu. Depozitul de obiecte de bronz de la Ulmi-Liteni. Arheologia Moldovei, I, Iasi, 1962, стр. 120, рис. 3, *1—4*, *13*, *14*; рис. 4, *3*, *9*, *10*, *15*.

[30] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 149, рис. 32, *11—14*. Подобный же состав бронз имеется из Коблева (там же, рис. 32, *3—7*, *21—24*), но, по сведениям И. В. Фабрициус, они происходят из разновременных сборов.

[31] M. Petrescu-Dâmboviţa. Contributii la problema sfârşituluii epocii bronzolui şi începutului epocii fierului in Moldova. SCIV, IV, 3—4, 1953, стр. 467—468, рис. 14, *3*.

[32] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 34; Е. А. Балагурі. Могильник культури Ноа на Станіславщині. Археологія, XIII, Київ, 1961, стр. 152—154.

[33] М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало железного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. Dacia, IV, нов. сер., Bucureşti, 1960, стр. 139 сл.

лась связанной хронологически с культурой Ноа. Фельшесечская культура безупречно датируется исследователем IV периодом бронзового века в Венгрии (BIV), соответствующим ВД по П. Рейнеке [34]. Применительно к территории Средней Европы этот период по Г. Мюллер-Карпе датируется XII в. до н. э. В Италии он характеризуется порой наибольшего распространения бронзовых изделий типа пескьеры [35]. Кстати, такую же хронологию культуры Ноа можно обосновать и на материалах из весьма богатого местонахождения бронзовых орудий и украшений близ Блучина к югу от Брно в Моравии, среди которых имеется типичный для Ноа кельт старшего семиградского типа. По И. Ржиговскому, специально исследовавшему эти древности, они относятся к переходу от среднего к младшему периоду бронзового века в Чехословакии, к периоду D по П. Рейнеке, т. е. также к италийскому веку пескьеры [36].

По аналогии с культурой Ноа, сабатиновский этап можно в основном датировать XIII в. до н. э. Такая его дата будет нуждаться в некоторых поправках, что вполне закономерно. Не исключено, что начало его восходит к XIV в. В пользу необходимости внесения такого исправления говорит многое. Показательно наличие в Солонце ножей катакомбной культуры (рис. 1, *13*) и кинжалов типа Рутхи (рис. 1, *14*). Сабатиновский псалий (рис. 1, *2*) морфологически стоит ближе всего к роговым венгерским псалиям типа Тосег С, относящегося к бронзовому веку III (BIII). Существенный интерес представляет и булавка кипрского типа из Сабатиновки (рис. 1, *1*), так как наибольшее распространение их в Западной Европе падает на время унетицкой культуры, хотя они встречаются там и несколько позднее [37]. Кабаковский клад (рис. 1, *20—24*) выглядит старше Красномаяцкого и вместе с ним вполне соответствующим сабатиновскому этапу. Начало белозерского этапа, о котором речь будет ниже, восходит к XI в. до н. э., и, следовательно, время Сабатиновки заканчивается не позднее XII в. до н. э. На основании изложенного можно сделать вывод, что сабатиновская ступень датируется приблизительно XIV—XII в. до н. э.

В степном Поволжье к числу памятников второго, позднего периода срубной культуры относятся поселения Ивановское около Хвалынска и Грачев сад близ Куйбышева [38], селище и курганы у с. Кайбелы [39]. Памятники этого рода, для которых особенно типична глиняная посуда с валиками, до сих пор датировались X—VIII или X—VII вв. до н. э. О необходимости пересмотра таких поздних датировок этих памятников ныне самым решительным образом высказался в печати Н. Я. Мерперт.

К этой же поре было принято относить и клад бронзовых орудий из с. Сосновая Маза близ Хвалынска; такое общепринятое среди археологов положение оставалось ничем не подкрепленным. Кинжалы, массивные кельты и косари этого клада [40] определеннее всего сопоставляются с Кабаковским и Красномаяцким кладами (рис. 3, *4—8* и рис. 2, *5*, *9—12*), а не с бронзовыми изделиями белозерского времени в Причерноморье. Кельт сосново-мазинского типа с двумя ушками на боку и широкой стороне (рис. 3, *9*) имеет вдоль края втулки рельефную полоску в виде не-

---

[34] A. Mozsolics. Der Tumulus von Nyirkarász-Gyulháza. AAH, XII, стр. 113 сл. табл. LXIX—LXXII.

[35] H. Müller-Karpe. Beitrage zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959, рис. 64.

[36] Řihovsky. Počátky velatické kultury na Moravé. SA, IX, 1—2, Bratislave, 1961, стр. 111, рис. 3, *3*.

[37] J. Filip. Ук. соч, стр. 183, табл. 18, *10—12*.

[38] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 38 сл., рис. 8 и 9.

[39] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958, стр. 146 сл., рис. 24—26.

[40] А. Спицын. Некоторые находки медного века. ИАК, 29, СПб., 1909, стр. 67, рис. 4—16.

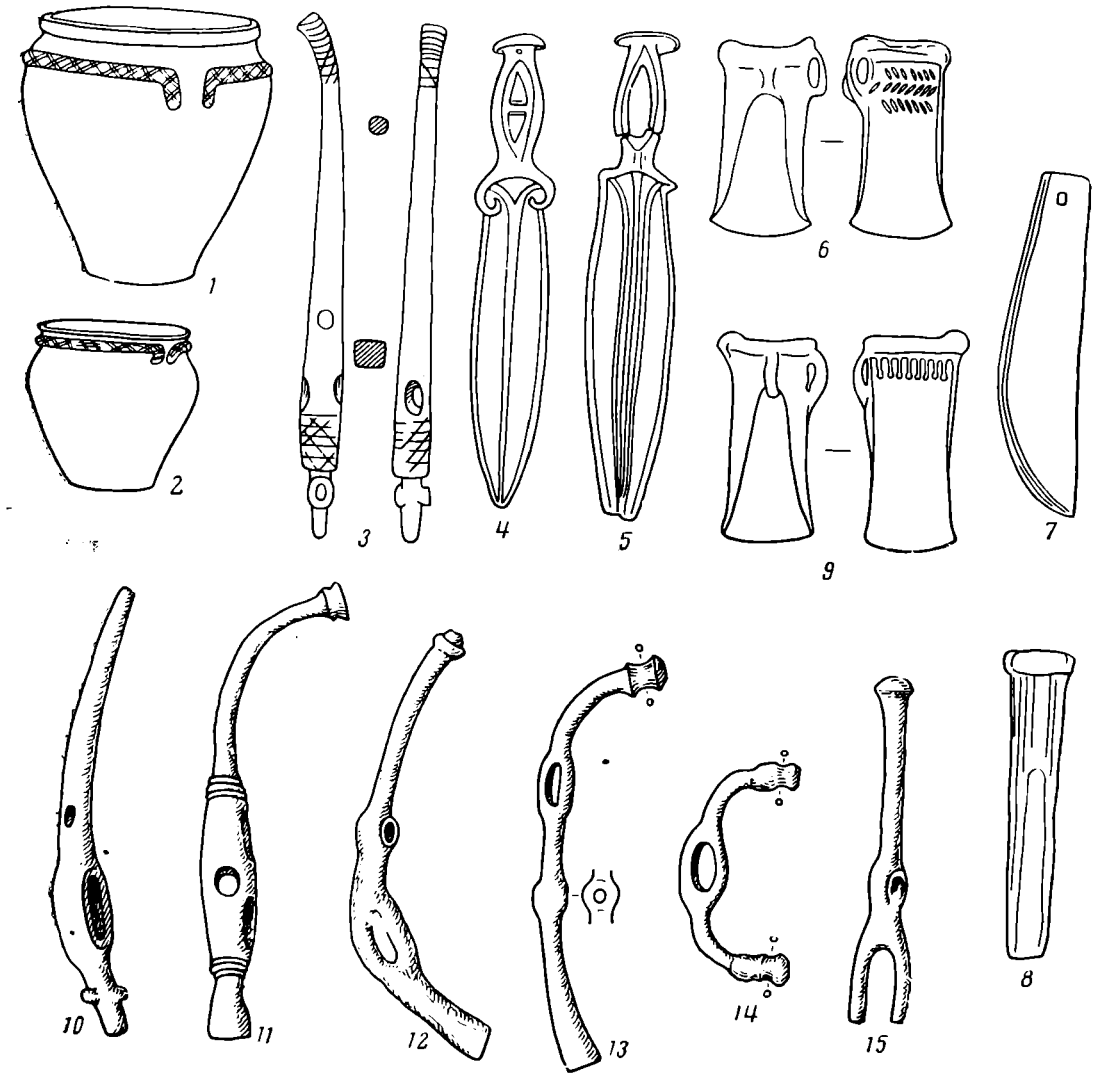


Рис. 3

1—9 — вещи второго периода срубной культуры в Степном Поволжье: *1, 2* — поселение у Ивановки (по О. А. Граковой); *3* — Сусканское I поселение (по Н. Я. Мерперту); *4—8* — из клада у Сосновой Мазы; *9* — Сосновая Маза (по Е. К. Максимову).
10—15 — бронзовые псалии: *10* — Воршах, Австрия (по Р. Питтиони); *11* — Старое Седло, Чехословакия (по О. Китлицовой); *12* — Сант Сульпице, Швейцария (по О.Китлицовой); *13, 14* — Шанц-Родна-Ноуэ, Семиградье, Румыния (по М. Русу); *15* — городище Кюзели-Гыр в Хорезме.
1, 2 — глина; *3* — кость; *4—15* — бронза

полной «сейменской» лесенки [41]. По находке обломков каменной формы для косарей поселение Грачев сад твердо связывается во времени, как об этом пишет О. А. Гракова, с Сосново-Мазинским кладом [42]. Н. Я. Мерперт видит аналогии вещам из этого клада в Талыше и в Трое VII и датирует его ныне временем не позднее XII в. до н. э. [43]. Судя по приведенным параллелям с кладами из Северного Причерноморья, клад из Сосновой Мазы и связанные с ним поселения относятся ко времени памятников сабатиновского этапа.

Большой интерес представляет роговой стержневидный псалий с тремя отверстиями в двух планах (рис. 3, *3*), найденный Н. Я. Мерпертом при раскопках I Сусканского поселения срубной культуры в Куйбышевской обл. [44]. По форме ближе всего к нему стоит бронзовый псалий из могильника Воршах в Австрии (рис. 3, *10*), который Р. Питтиони относит

[41] Е. К. Максимов. Материалы из Хвалынского музея. СА, 1962, 3, стр. 283, рис. 2, *4*.
[42] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 45.
[43] Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии. МИА, 111, стр. 21.
[44] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, стр. 121, рис. 14, *9*; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 63 и 64, рис. 9, *2*.

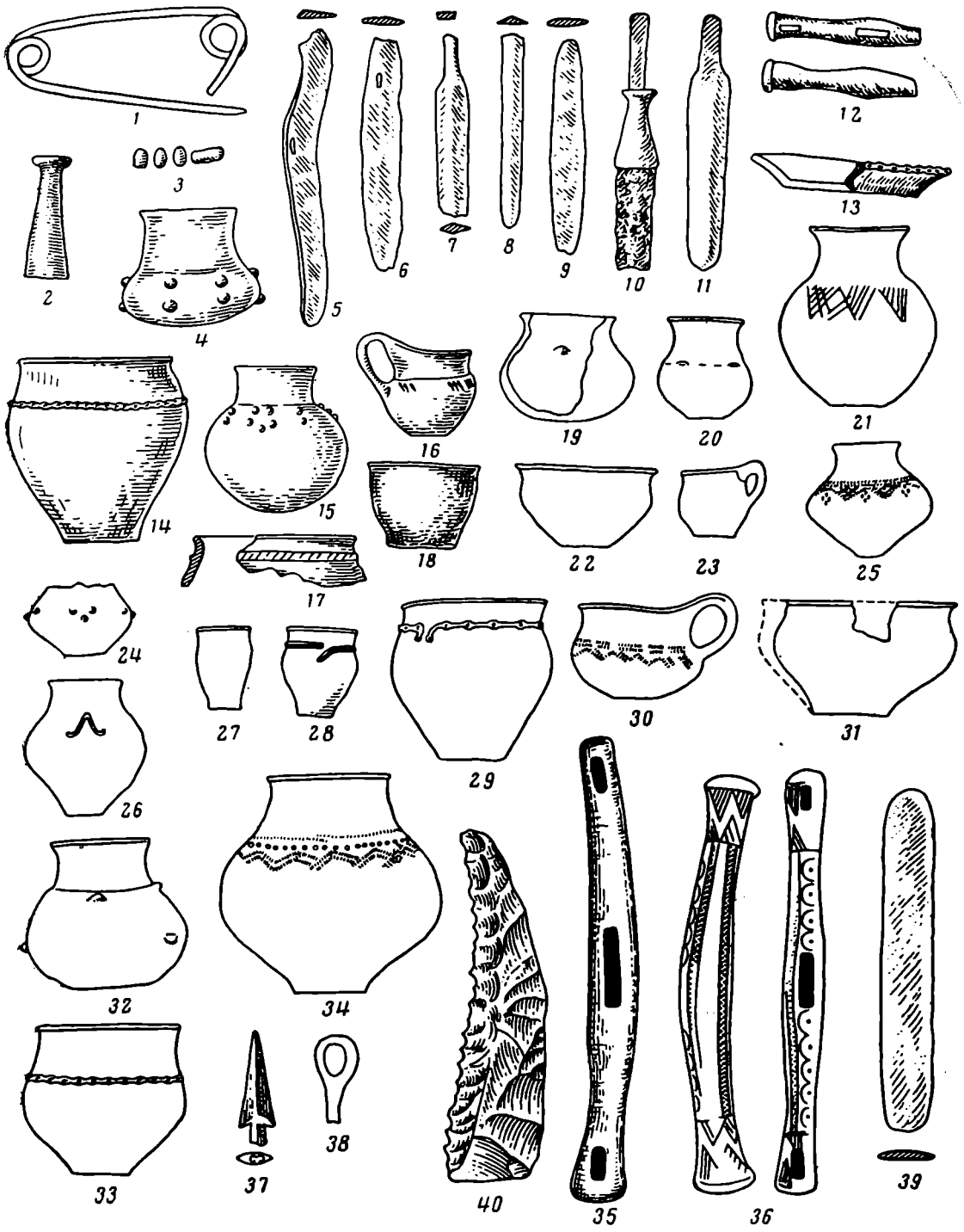


Рис. 4

1—18 — изделия белозерского этапа срубной культуры из Северного Причерноморья: *1—4* — Лукьяновский курган; *5, 6* — поселение Белозерский лиман (по О. А. Граковой); *7, 8* — Змеевское поселение (по А. В. Буракову); *9, 13, 15, 17* — поселение у Бабино (по В. А. Ильинской); *10, 11* — Широкий курган, Малая Лепетиха; *12* — Усатово; *14* — Каиры (по Д. Я. Телегину); *16—18* — могильник у Федоровки (по А. В. Бодянскому).

19—40 — изделия первой ступени чернолесской культуры: *19—29, 35—37, 39, 40* — Субботовское городище; *30—34, 38* — поселение Инбек (по Е. Ф. Покровской и Е. А. Петровской). *1, 2, 5—9, 11, 38, 39* — бронза; *3* — стекло и янтарь; *4, 13—34* — глина; *10* — железо и бронза; *35—37* — кость и рог; *40* — камень

к гальштатскому периоду А (НА) [45]. Он отлит по роговому образцу и определенно входит в серию старейших бронзовых псалий Западной Европы, выделенных О. Китлицовой. Производя такого рода псалии (рис. 3, *11, 12*) от древнейших роговых псалий типов Тосега и Ватин, описанных А. Можолич, она датирует их младшим бронзовым веком Чехословакии

[45] R. Pittioni. Urgeschichte des Österreichischen Raumes. Wien, 1954, стр. 474—476, рис. 338, *5*; 339, *7*.

(ВД и НА по П. Рейнеке) [46]. В кладе бронзовых изделий из Шанц-Родна-Ноуэ в Семпградье оказались подобные же стержневидные псалии и дуговидные псалии более совершенной конструкции (рис. 3, *13*, *14*). М. Русу относит этот клад к гальштату А, а не к гальштатским периодам В или С, как считалось раньше [47]. С псалиями из Сускан и Воршаха сходнее других бронзовые псалии, происходящие из Сант Сульпице в Швейцарии и из Хорезма (рис. 3, *12*, *15*) [48]. По Г. Мюллер-Карпе, период бронзы Д (ВД) соответствует XIII в. до н. э., а гальштатский период А (НА) — XII—XI вв. до н. э. Следовательно, и Сусканское поселение можно приблизительно датировать XIII—XI вв. до н. э. К этому времени с бóльшей уверенностью, чем раньше, можно отнести и хорезмийский псалий тазабагъябской культуры. Нужно надеяться, что Сусканское поселение, давшее прекрасный по составу и сохранности комплекс керамики, сыграет еще бóльшую роль при дальнейшем уточнении периодизации и хронологии срубной культуры. Особенно важно было бы сейчас выяснить состав керамики, металлических вещей позднейшего времени срубной культуры в Поволжье, дать уточненное представление о ступени, соответствующей Белозерке в Причерноморье. Несомненно, к белозерскому времени относится лощеный узкогорлый сосуд из кургана у станции Норки, близ г. Камышина Саратовской обл. [49]. Для выяснения особенностей позднейшей срубной культуры на востоке, кажется, могут сыграть большую роль памятники типа Кобякова городища в области нижнего течения Дона, остающиеся пока малодоступными при исследовании вопроса из-за неполноты публикации имеющихся археологических материалов [50]. Если отвлечься от не вполне ясного для нас Кобякова, то на основании других памятников можно уже уверенно сказать, что существование срубной культуры на Дону и в Поволжье заканчивается не позднее IX в. до н. э., так как в них не встречаются вещи, типичные для VIII—VII вв. до н. э.

Белозерский этап срубной культуры в Причерноморье известен по поселениям у Белозерки, Бабино IV, Змеевского, Тудорова и верхнего культурного слоя в Ушкалке. Для его освещения также важны Широкий и Лукьяновский курганы и Федоровский могильник. А. М. Лесков в 1961 и 1962 гг. раскопал замечательный могильник этого времени около с. Широкое близ г. Скадовска.

Для белозерского этапа характерны сосуды с обозначенным горлом, украшенные валиком с ямками и насечками, баночные сосуды, кубки, украшенные мелкими налепами, одноручные черпаки, прямостенные миски (рис. 4, *13—18*) [51], однолезвийные и двулезвийные бронзовые ножи (рис. 4, *5—9*). Из Широкого кургана у с. Малая Лепетиха близ Каховки происходят известные кинжал с железным клинком и бронзовым черешком с упором и полностью бронзовый черешковый кинжал (рис. 4, *10*, *11*) [52]. В Лукьяновском кургане были найдены кубок, стеклянные и ян-

[46] O. Kitličova. Hromodny náles bronzů od Starého Sedla. PA, XLVL, 1955, стр. 64 сл., рис. 7, *3—7*.

[47] М. Русу. «Докиммерийские» детали конской сбруи из Трансильвании. Dacia, нов. сер., IV, стр. 164, рис. 1, *1*, *12*.

[48] А. И. Тереножкин. Бронзовый псалий с городища Кюзели-Гыра в Хорезме, стр. 34, рис. 1.

[49] H. Müller-Karpe. Ук. соч., стр. 64.

[50] Э. С. Шарафутдинова. Кобяковское поселение эпохи бронзы. В сб.: «Археологические раскопки на Дону». Ростов, 1962, стр. 40 сл.

[51] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 117 сл.; ее же. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 76 сл.; Д. Я. Телегин. Ук. соч., стр. 9—11, рис. 5, 7; В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино. КСИА, 5, 1955, стр. 20 сл.; А. И. Мелюкова. Работы в Поднестровье в 1958 году. КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 116, рис. 43—45; О. В. Бодянський. Розкопки Мар'ївського та Федорівського могильників у Надпоріжжі. АП, VI, Київ, 1956, стр. 181, рис. 3; А. В. Бураков. Поселення епохи бронзи біля с. Зміївка. АП, X, Київ, 1961, стр. 26 сл.

[52] Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР. СА, 1958, 4, стр. 5, рис. 1.

тарные бусы, бронзовые ворварки и субмикенская фибула (рис. 4, *1—4*) [53]. В Усатове найден в 1932 г. костяной псалий с тремя прямоугольными отверстиями в утолщениях (рис. 4, *12*), который я отношу к белозерскому этапу.

К одному времени с белозерским этапом ныне можно отнести памятники первой ступени чернолесской и бондарихинской культур и фракийского гальштата типа поселений у Кишинева и Корлэтень в Молдове (Румыния).

Ранняя чернолесская культура известна по материалам из нижнего культурного слоя на Субботовском городище и из поселения Инбек на Тясмине [54]. Для нее типичны тюльпановидные горшки с гладким и расчлененным валиком на плечиках (рис. 4, *27—29*, *33*), лощеные кубки, кубковидные сосуды и корчаги с орнаментом зубчатым чеканом и налепами и миски с отогнутыми наружу краями (рис. 4, *19—26*, *30—32*, *34*). Среди находок имеются каменные топоры, кремневые вкладыши от серпов, костяные и роговые псалии с узкими прямоугольными отверстиями, черешковый наконечник стрелы (рис. 4, *35—40*). Возможно, что к этой ступени относятся бронзовые ножевидная пластина из Субботова и кольцевидная головка от булавки из сборов в Инбеке (рис. 4, *38*, *39*).

В левобережной лесостепи, как это выяснила В. А. Ильинская, средний бронзовый век представлен марьяновской культурой, от которой берут начало малобудковская и сменяющая ее бондарихинская культура, известные только по материалам поселений [55]. Малобудковская керамика украшалась сплошь рядами ямок, выпуклин-горошин и мелкозубчатым чеканом (рис. 5, *1*, *2*). Судя по отсутствию лощеной керамики, культура эта старше Белозерки, но она моложе памятников сейменского типа, в пользу чего говорят найденные на поселении Студенок V в бассейне Северного Донца песчаниковая форма для овального одноушкового кельта, трехгранный черешковый кремневый наконечник стрелы и бронзовая ворварка (рис. 5, *3—5*) [56]. По-видимому, ее можно датировать временем сабатиновской ступени, т. е. приблизительно XIV—XII вв. до н. э.

Простые сосуды бондарихинской культуры украшались в верхней части рядами и фестонами из разных ямок (рис. 5, *13—15*). На некоторых поселениях вместе с ними встречаются лощеные кубки и корчаги (рис. 5, *16*, *17*). Имеются кремневые вкладыши от серпов и костяные шилья (рис. 5, *6*, *10*). На Оскольском селище были найдены клинок бронзового кинжала и черешковый железный нож, а на Бондарихинском поселении — две каменные литейные формы для двуушковых шестигранных кельтов с вертикальной нервюрой и железное шило (рис. 5, *7—9*, *11*, *12*). Судя по распространению в памятниках Белозерки первой ступени чернолесской и бондарихинской культур сравнительно одинаковой лощеной керамики, они относятся к одному и тому же времени. Правильность этого вывода для бондарихинской культуры подтверждается находкой на поселении у Оскола бронзового клинка, однотипного с кинжалом из Широкого кургана (рис. 4, *11*).

А. И. Мелюкова разделила восточные памятники культуры фракийского гальштата на ранние, лучше всего представленные поселением около Кишинева, и поздние, изученные в результате раскопок поселения и могильника у с. Шолданешты Резинского района Молдавской ССР.

Для памятников кишиневского типа [57] характерны традиционные для

---

[53] Літопис музею, червоні роки 1917—27. Херсон, 1927, стр. 8 и 9, рис. 1.

[54] А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 56 сл.; Е. Ф. Покровська, Е. О. Петровська. Поселення кінца эпохи бронзи біля с. Велика Андрусівка. Археологія, XIII, Київ, 1961, стр. 129 сл.

[55] В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, 1, стр. 26 сл.

[56] Д. Я. Телегин. Оскольская экспедиция 1955—1956 годов. КСИА, 8, 1959, стр. 76, рис. 4.

[57] А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода. ., стр. 35 сл., рис. 15—17.

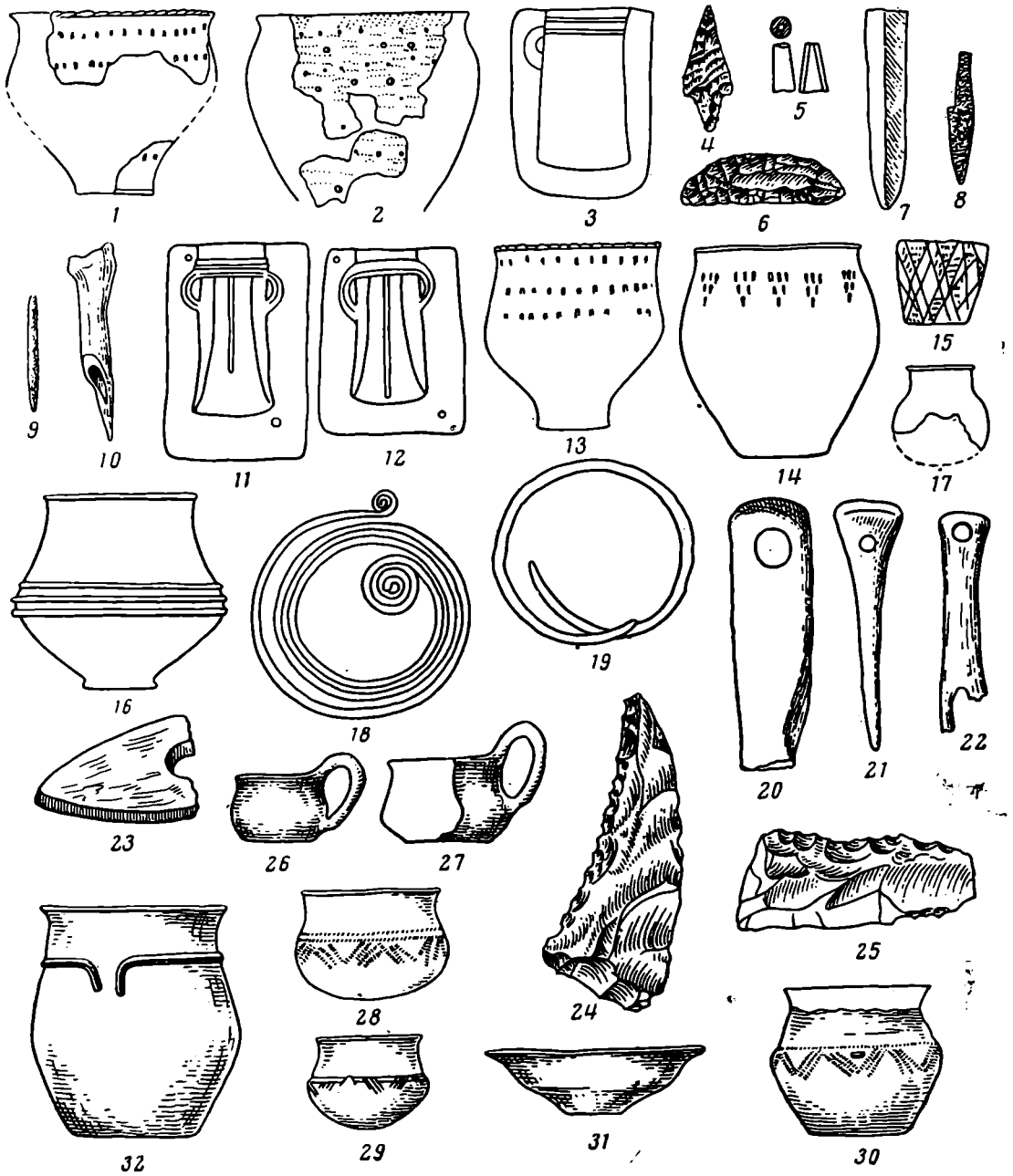


Рис. 5

1—17 — вещи малобудковской и бондарихинской культур из лесостепи к востоку от Днепра: *1* — Малые Будки (по В. А. Ильинской); *2—5* — Студенок V (по Д. Я. Телегину); *6, 9—12, 15* — Бондариха (по Д. Я. Телегину и В. А. Ильинской); *7, 8, 14, 16, 17* — с. Оскол (по В. А. Ильинской); *13* — Большие Базы (по Д. Я. Телегину).
18—32 — изделия белогрудовской культуры из района Умани: *18, 19, 26—32* — Собковка (по С. С. Березанской); *20—22* — Белогрудовский лес у с. Пиковцы; *23—25* — Синицкий лес (*1, 2 13—17, 26—32* — глина; *3, 4, 6, 11, 12, 23—25* — камень; *5, 7, 18, 19* — бронза; *8, 9* —железо; *10, 20—22* — кость)

днестро-дунайских культур сосуды баночной формы с валиком, расчлененными ямками, и с выступами-упорами. Наряду с ними в материалах из поселений широко представлены корчаги, миски с прямым и вогнутым краем, черпаки с петлевидной ручкой и двуручные сосуды. Это время соответствует расцвету каннелированной керамики, не типичной для культуры Ноа. Среди бронз в находках преобладают узкие пилки и ножевидные пластины, хорошо известные по семиградским кладам. На Кишиневском городище был найден бронзовый черешковый кинжал с параллельными лезвиями, одинаковый по форме с кинжалом из Широкого кургана (рис. 4, *11*), и роговой псалий с тремя продолговатыми прямоугольными отверстиями, одинаковый с псалиями Усатова и Субботовского городища (рис. 4, *12, 35*), а в раннем гальштатском слое на Лукашевском городи-

ще — бронзовая фибула лукьяновского типа с двумя завитками по концам (рис. 4, *1*).

А. И. Мелюкова сопоставила во времени памятники раннего гальштата Молдавии с поселениями белозерского типа в Причерноморье [58] и установила, что бронзовые кинжалы из Кишиневского поселения и Широкого кургана имеют аналогии в литейных формах из Кардашинки около Цюрупинска [59]. Специальное изучение таких кладов литейных форм, в которых имеются матрицы для черешковых кинжалов [60], несомненно, сильно расширит наше представление о белозерском этапе.

Время памятников белозерского и кишиневского типов, а также памятников первой ступени чернолесской и бондарихинской культур определяется на основании находок фибул в Лукьяновском кургане и в Лукашевском городище. Весьма интересно отметить, что такая же фибула оказалась и в могильнике у с. Широкое близ г. Скадовска [61]. Они, очевиднее всего, ведут свое происхождение от бронзовых италийских смычковых фибул типа пескьеры и являются предметами импорта из Восточного Средиземноморья. Фибулы родственных им форм можно указать, например, в материалах из субмикенских могильников ступеней Панталича II и III в Сицилии, которые Г. Мюллер-Карпе датирует XI—IX вв. до н. э. [62].

Относя изучаемые памятники в общем к этому же времени, приходится иметь в виду, что датировка каждой из культур в отдельности должна быть уточнена. Так, фракийскому гальштату в Молдавии предшествует непосредственно не культура Ноа, а какая-то промежуточная культурная фаза, известная пока только по результатам небольших раскопок в Голерканах. Отсюда происходят обломки простых горшков с расчлененным ямками валиком, лощеных черпаков с петельчатой ручкой, украшенных резным и каннелированным орнаментом, каменных булавы и молота; бронзовая булавка с биконической головкой [63]. Очевидно, Голерканы и ранний фракийский гальштат можно датировать лишь совместно без уточнения XI—IX вв. до н. э.

То же самое следует сказать и относительно первой ступени чернолесской культуры, которой в лесостепи к западу от Днепра предшествует белогрудовская культура [64]. Для последней характерны тюльпановидные горшки с гладким валиком, блюда с отогнутыми наружу краями, приземистые кубки, черпаки и небольшие биконические корчажки (рис. 5, *26—32*), каменные шлифованные топоры, кремневые вкладыши от серпов (рис. 5, *23*, *24*), костяные проколки. Литейные формы для кельтов и кинжалов известны только по обломкам, не позволяющим точно восстановить их формы. Важны находки большого двуспирального височного кольца из бронзовой проволоки, фрагментированных костяных удил и малых трехдырчатых псалий (рис. 5, *18—22*). Бронзовые орудия и украшения из случайных находок, которые предположительно относятся к белогрудовской культуре, еще нельзя уверенно использовать для ее датировки.

Белогрудовская культура старше памятников первой ступени чернолесской культуры. Однако костяной псалий с тремя отверстиями из Белогрудовского леса никак не позволяет ставить эту культуру в хронологический ряд с Сабатиновкой и Ноа. Так как у нас нет таких материалов, которые позволяли бы разделить во времени памятники белогрудов-

[58] А. И. Мелюкова. Работы в Поднестровье в 1958 году, стр. 121.

[59] А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода..., стр. 43.

[60] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 136, рис. 33; 34, *9—16*.

[61] Упоминаю об этой важной находке с любезного разрешения А. М. Лескова.

[62] H. Müller-Karpe. Ук. соч., стр. 23—25, рис. 32, *7*, табл. 4, *П2*, табл. 6, *9*.

[63] Т. С. Пассек. Раскопки многослойного поселения у с. Голерканы на Днестре в 1954 г. Изв. Молд. ФАН СССР, 4(31), 1956, стр. 19, рис. 1; А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода..., стр. 35; ее же. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958, стр. 52 сл., рис. 10.

[64] А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 50 сл.

ской и первой ступени чернолесской культуры, то и их приходится датировать вместе, руководствуясь хронологией белозерского этапа, XI—IX или XII—IX вв. до н. э.

В конце IX или в начале VIII в. до н. э. социально-бытовая обстановка на юге Восточной Европы претерпела большие изменения. Особенно сильно они коснулись степных пространств, где оседлый земледельческо-пастушеский мир срубной культуры начинает уступать место кочевым скотоводческим племенам. С той поры в степи получают распространение могилы воинов-всадников. Эти важные по историческому значению перемены объясняются начавшимся передвижением киммерийских племен и вторжением в Причерноморье скифов с востока. Несколько иная обстановка складывалась на ее периферии, где в качестве преобладающего элемента стойко сохранилось оседлое автохтонное население. Важнейшие центры такой оседлости в VIII и VII вв. до н. э. находились на Северном Кавказе, в Среднем Поднепровье и в лесостепи к западу от Днестра.

Начало научному освещению данной эпохи на юге Европейской части СССР было положено Е. И. Крупновым, исследовавшим Каменномостский могильник в Кабарде, и А. А. Иессеном, опубликовавшим замечательный клад 1939 г. из Новочеркасска.

В Центральном Предкавказье, как установил Е. И. Крупнов, названная пора соответствует расцвету кобанской культуры. Из области ее распространения в составе хорошо документированных комплексов, зачастую вместе с типичнейшими кобанскими топорами, кинжалами и другими изделиями, имеются следующие важные для изучения последней предскифской ступени на нашем юге находки: бронзовые удила с двукольчатыми концами и изогнутые трехпетельчатые псалии, лунницы и бляшки, большие кольца с подвесками от узды [65], железные кинжалы с бронзовыми крестовидными рукоятями [66] и наконечники копий, бронзовые клепаные сосуды со звериными ручками [67] и литые котлы с кольцевидными ручками сибирского типа [68].

Крайне интересен протомеотский могильник около с. Николаевского к востоку от Краснодара, в котором найдены бронзовые и железные наконечники копий, однолезвийные ножи, бронзовые однокольчатые удила, псалии с тремя отверстиями в утолщениях, подобные происходящим из Кобанского могильника и из Черногоровского кургана, железный кинжал с бронзовой крестовидной рукоятью, каменные молотки и керамика [69].

Главную достопримечательность Новочеркасского клада 1939 г., как известно, составляет сочетание в одной находке таких вещей, как бронзовый рабочий топор кобанского типа, изогнутые псалии с тремя петлями и бронзовая же форма для длинновтульчатых наконечников стрел с листовидной плоской головкой [70].

К названному кладу непосредственно примыкает курган у хутора Обрывского в нижнем течении Дона, из которого происходят бронзовые двукольчатые удила, изогнутые трехпетельчатые псалии и длинновтульчатые наконечники стрел с ромбическими головками [71].

Группа таких степных памятников недавно весьма обогатилась. А. А. Щепинский открыл в кургане около Симферополя погребение раннего кочевника, которое сопровождалось уздечным набором, состоящим

[65] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XXXIV, *1—6*; А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВВСА. М., 1954, стр. 117, 118, рис 7.

[66] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 201 сл., табл. XXXV.

[67] Там же, стр. 128 сл., табл. XV.

[68] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 124, рис. 13, 15.

[69] Н. В. Анфимов. Протомеотский могильник у с. Николаевского. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II, Майкоп, 1961, стр. 103 сл.; его же. Доклад на сессии Отд. обществ. наук АН СССР в Москве, март, 1962.

[70] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 49 сл., рис. 1, *29*.

[71] Там же, стр. 65, рис. 10.

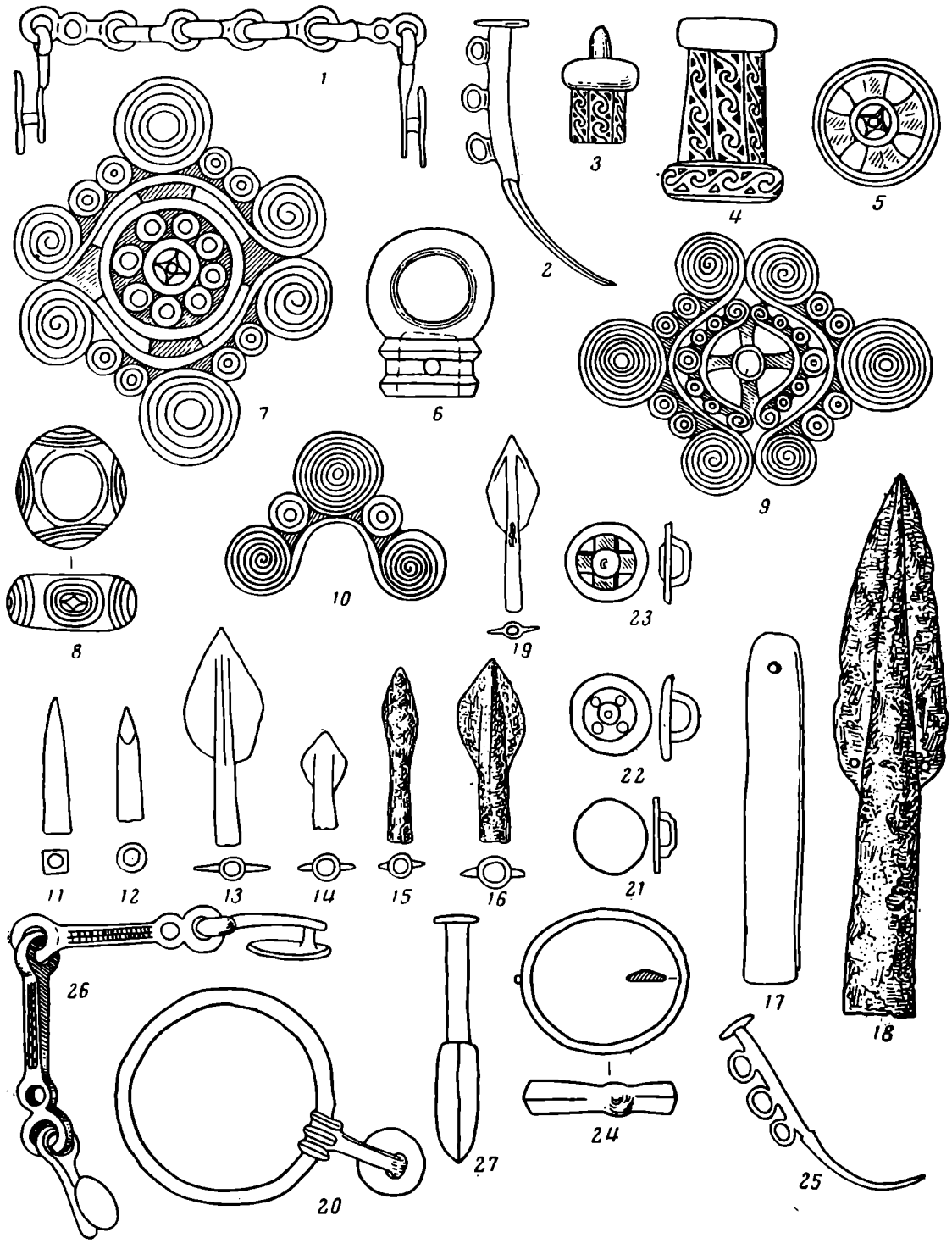


Рис. 6

1—17 — основные вещи из погребения раннего кочевника в кургане у Симферополя (по А. А. Щепинскому); *18—27*—основные вещи из погребения в Бутенки (по Г. Т. Ковпаненко); *1, 2, 13, 14, 19—27* — бронза; *3* — кость и железо; *4—12* — кость; *15, 16, 18* — железо; *17* — камень

из бронзовых удил с двукольчатыми концами, трехпетельчатых псалий, великолепных костяных блях и других изделий со спиральной и волнистой орнаментацией (рис. 6, *1—10*), железным акинаком, набором бронзовых, железных и костяных наконечников стрел в колчане и каменным оселком (рис. 6, *11—17*) [72]. В Бутенках, на юге Полтавской обл., в грунтовой могиле с трупосожжением (возможно, чернолесской культуры), кроме обычных бронзовых удил кобанского типа, изогнутых трехпетельчатых псалий,

[72] А. А. Щепинский. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА, 12, 1962, стр. 57 сл.

бляшек, большого кольца с подвеской от узды и длинновтульчатых ромбических наконечников стрел, оказались два крупных железных наконечника копий с маленькими отверстиями в нижней части пера и бронзовый браслет чернолесского типа [73].

Несколько отличную группу памятников составляют степные курганы Черногоровский, Камышевахский, Малая Цимбалка и погребение в Петрово-Свистуново в области Днепровских порогов. Они в известной степени объединены между собой наличием одинаковых бронзовых удил со стремечковидными концами. Обращает внимание отсутствие в их комплексах бронзовых длинновтульчатых ромбических наконечников стрел.

Исходной точкой при определении абсолютного возраста памятников типа Каменномостского могильника и Новочеркасского клада А. А. Иессену и Е. И. Крупнову служат скифские Келермесские курганы, достаточно точно датированные К. Шефольдом и М. И. Максимовой первой половиной VI в. до н. э. А. А. Иессен в качестве первой предкелермесской группы выделяет памятники типа Моздокского могильника, для которого характерен еще такой архаический набор скифских вещей, которых нет в Келермесе. Более древнюю группу у него составляют интересующие нас памятники круга Новочеркасского клада, в которых отчетливо присутствует поздний комплекс кобанской культуры со свойственным ему наличием железных изделий, что отличает его от более ранней кобанской культуры без железных изделий. Относя раннюю Кобань к X—IX вв. до н. э., А. А. Иессен датирует Новочеркасский клад VIII — первой половиной VII в. до н. э. [74]. Е. И. Крупнов, устанавливая, что расцвет кобанской культуры падает на VIII в., относит к этому времени памятники типа Каменномостского и Николаевского могильников. Главное подтверждение этому он получил в результате изучения Жемталинского клада бронзовых вещей кобанской культуры из Кабарды, связанного наличием в нем клепаных сосудов с ушастыми ручками с закавказскими могильниками начала железного века, в одном из которых были найдены урартские печати VIII—VII вв. до н. э. [75].

Заслуживают внимания железные наконечники копий из Бутенок (рис. 6, *18*, *19*), имеющие параллели не на востоке, а на западе. Так, в кладе из Адерно́ в Сицилии оказались бронзовые наконечники копий, у которых, подобно бутенковским, в нижней части пера имеются два маленьких отверстия. Клад этот относится к ступени Финоччито-Терменцано раннего железного века и датируется у Г. Мюллер-Карпе VIII в. до н. э. [76]. Из Кум близ Неаполя происходят бронзовые наконечники копий тоже с маленькими отверстиями в основании пера. Могильники, в которых они найдены, относятся ко II предэллинистической ступени. Уточненная датировка могильников основывается на наличии в них импортных греческих сосудов геометрического стиля времени, непосредственно предшествующего великой греческой колонизации. Такого рода материалы из Керамикоса датируются концом IX — началом VIII в. до н. э., в соответствии с чем Г. Мюллер-Карпе относит II предэллинистическую ступень в Неаполе к VIII в. до н. э. [77]. Кроме того, Г. Т. Ковпаненко указывает в качестве аналогии копьям из Бутенок железный наконечник копья с малыми отверстиями в листе из клада в Восточной Германии, в котором имеются еще три бронзовых наконечника с богато орнаментированными втулками. Клад этот датируется V периодом бронзового века (900—700 гг.

---

[73] Г. Т. Ковпаненко. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне Ворсклы. КСИА, 12, стр. 67 сл.

[74] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, стр. 113, 127—129.

[75] Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952, стр. 28; Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. ВГМГ, XIII-B, Тбилиси, 1944, стр. 62, 68.

[76] H. Müller-Karpe. Ук. соч., стр. 25—30, рис. 54, *10*; табл. 8, *1*, *2*.

[77] Там же, стр. 38—42, рис. 55, *2*, табл. 16, *A3* и *B1*, *5*.

до н. э.), т. е. также временем не позднее VIII в. до н. э. По-видимому, наконечники копий с такими отверстиями применялись недолговременно и могут подтверждать правильность принятой датировки изучаемых памятников с кобанскими элементами VIII — первой половиной VII в. до н. э.

Здесь нет необходимости приводить все доводы, которые позволили автору датировать курганы Камышевахский, Черногоровский и Малую Цимбалку VIII — первой половиной VII в. до н. э.[78]. Решается этот вопрос в основном по форме псалий. А. А. Иессен установил, что изогнутые псалии с большой шляпкой в Камышевахе имеют западное происхождение[79]. На месте изготовлены, но, вероятно, по западным образцам, псалии из Малой Цимбалки. Псалии того и другого рода находят широкие аналогии в памятниках фрако-киммерийского круга в Подунавье. Западные археологи обоснованно относят такого типа памятники ко времени, которое предшествует распространению гальштатского меча с колоколовидным навершием: в Австрии до начала могильника в Гальштате, а в Венгрии к соответствущим по культуре могильникам типа Доба[80]. Например, псалии из Камышевахи имеют аналогию в вещах из погребения в Гаслау-Регельсбруне, а из Малой Цимбалки — в составе Штильфридского клада в Австрии[81]. Фрако-киммерийский период в бассейне Дуная относится к концу гальштата В, что хорошо согласуется с принятой нами датой рассматриваемых курганов.

Основываясь на находке бронзовой кольцевидной пряжки срубного типа, автор был готов относить Черногоровский курган к более раннему времени, чем курганы Камышевахский и Малая Цимбалка[82]. Однако Б. Н. Гракову, как он сообщил мне лично, удалось по архивным материалам установить, что названная пряжка была ошибочно включена в состав инвентаря Черногоровского кургана. Следовательно, датировать его можно только по псалиям. Псалии — бронзовые, местной формы, с отверстиями в утолщениях. Судя по находкам таких же псалий в Николаевском могильнике близ Краснодара, о которых упоминалось выше, курган этот можно также датировать VIII — первой половиной VII в. до н. э., что все же не исключает для него и более раннюю дату, поскольку нам известны очень близкие по форме костяные псалии из Кишиневского поселения и из раннего культурного слоя на Субботовском городище (рис. 4, *35, 36*).

К последней предскифской ступени в степях к востоку от Дона относятся лишь малочисленные и разрозненные находки. Так, П. Д. Рау выделил из сборов на дюнах Поволжья бронзовые наконечники стрел доскифского периода, среди которых имеются и срубные[83]. Из с. Благодаровки Бузулукского уезда Самарской губ. происходят бронзовые удила с двукольчатыми концами, близ ст. Марычевки Куйбышевской обл. были найдены бронзовые однокольчатые, по-видимому, протомеотские удила, а в кургане у с. Кише Черноярского уезда Астраханской губ. — бронзовые удила (утрачены) и трехпетельчатые псалии[84]. В кургане у хутора Жирноклеевского Волгоградской обл. при погребении оказались роговые псалии с тремя отверстиями и костяные бляхи от узды VIII — первой половины VII в. до н. э.[85]. В с. Демкино близ Вольска был найден железный кинжал с бронзовым крестовидным эфесом[86], а в с. Навки Нижнеломовского уезда Пензенской губ. — подобный же кинжал, но с тремя отвер-

[78] А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 191 сл.

[79] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, стр. 91.

[80] J. Gallus, T. Horvath. Un peuple cavalier préscythique et Hongrie. «Dissertationes Pannonicae», сер. II, 9, Budapest, 1939, табл. LXII и LXIII.

[81] R. Pittioni. Ук. соч., стр. 494 сл., рис. 355 и 356.

[82] А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 188.

[83] К. Ф. Смирнов. Вооружение сарматов. МИА, 101, 1961, стр. 37 сл.

[84] Там же, стр. 77, 78, рис. 43, *3, 5, 6*.

[85] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско Уральских степей, стр. 65 сл., рис. 12, *1, 2*; 13, *3—11*.

[86] Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 288, рис. 5.

бляшек, большого кольца с подвеской от узды и длинновтульчатых ромбических наконечников стрел, оказались два крупных железных наконечника копий с маленькими отверстиями в нижней части пера и бронзовый браслет чернолесского типа [73].

Несколько отличную группу памятников составляют степные курганы Черногоровский, Камышевахский, Малая Цимбалка и погребение в Петрово-Свистуново в области Днепровских порогов. Они в известной степени объединены между собой наличием одинаковых бронзовых удил со стремечковидными концами. Обращает внимание отсутствие в их комплексах бронзовых длинновтульчатых ромбических наконечников стрел.

Исходной точкой при определении абсолютного возраста памятников типа Каменномостского могильника и Новочеркасского клада А. А. Иессену и Е. И. Крупнову служат скифские Келермесские курганы, достаточно точно датированные К. Шефольдом и М. И. Максимовой первой половиной VI в. до н. э. А. А. Иессен в качестве первой предкелермесской группы выделяет памятники типа Моздокского могильника, для которого характерен еще такой архаический набор скифских вещей, которых нет в Келермесе. Более древнюю группу у него составляют интересующие нас памятники круга Новочеркасского клада, в которых отчетливо присутствует поздний комплекс кобанской культуры со свойственным ему наличием железных изделий, что отличает его от более ранней кобанской культуры без железных изделий. Относя раннюю Кобань к X—IX вв. до н. э., А. А. Иессен датирует Новочеркасский клад VIII — первой половиной VII в. до н. э. [74]. Е. И. Крупнов, устанавливая, что расцвет кобанской культуры падает на VIII в., относит к этому времени памятники типа Каменномостского и Николаевского могильников. Главное подтверждение этому он получил в результате изучения Жемталинского клада бронзовых вещей кобанской культуры из Кабарды, связанного наличием в нем клепаных сосудов с ушастыми ручками с закавказскими могильниками начала железного века, в одном из которых были найдены урартские печати VIII—VII вв. до н. э. [75].

Заслуживают внимания железные наконечники копий из Бутенок (рис. 6, *18*, *19*), имеющие параллели не на востоке, а на западе. Так, в кладе из Адерно́ в Сицилии оказались бронзовые наконечники копий, у которых, подобно бутенковским, в нижней части пера имеются два маленьких отверстия. Клад этот относится к ступени Финоччито-Терменцано раннего железного века и датируется у Г. Мюллер-Карпе VIII в. до н. э. [76]. Из Кум близ Неаполя происходят бронзовые наконечники копий тоже с маленькими отверстиями в основании пера. Могильники, в которых они найдены, относятся ко II предэллинистической ступени. Уточненная датировка могильников основывается на наличии в них импортных греческих сосудов геометрического стиля времени, непосредственно предшествующего великой греческой колонизации. Такого рода материалы из Керамикоса датируются концом IX — началом VIII в. до н. э., в соответствии с чем Г. Мюллер-Карпе относит II предэллинистическую ступень в Неаполе к VIII в. до н. э. [77]. Кроме того, Г. Т. Ковпаненко указывает в качестве аналогии копьям из Бутенок железный наконечник копья с малыми отверстиями в листе из клада в Восточной Германии, в котором имеются еще три бронзовых наконечника с богато орнаментированными втулками. Клад этот датируется V периодом бронзового века (900—700 гг.

---

[73] Г. Т. Ковпаненко. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне Ворсклы. КСИА, 12, стр. 67 сл.

[74] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, стр. 113, 127—129.

[75] Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952, стр. 28; Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит. ВГМГ, XIII-B, Тбилиси, 1944, стр. 62, 68.

[76] H. Müller-Karpe. Ук. соч., стр. 25—30, рис. 54, *10*; табл. 8, *1*, *2*.

[77] Там же, стр. 38—42, рис. 55, *2*, табл. 16, *A3* и *B1*, *5*.

до н. э.), т. е. также временем не позднее VIII в. до н. э. По-видимому, наконечники копий с такими отверстиями применялись недолговременно и могут подтверждать правильность принятой датировки изучаемых памятников с кобанскими элементами VIII — первой половиной VII в. до н. э.

Здесь нет необходимости приводить все доводы, которые позволили автору датировать курганы Камышевахский, Черногоровский и Малую Цимбалку VIII — первой половиной VII в. до н. э.[78]. Решается этот вопрос в основном по форме псалий. А. А. Иессен установил, что изогнутые псалии с большой шляпкой в Камышевахе имеют западное происхождение[79]. На месте изготовлены, но, вероятно, по западным образцам, псалии из Малой Цимбалки. Псалии того и другого рода находят широкие аналогии в памятниках фрако-киммерийского круга в Подунавье. Западные археологи обоснованно относят такого типа памятники ко времени, которое предшествует распространению гальштатского меча с колоколовидным навершием: в Австрии до начала могильника в Гальштате, а в Венгрии к соответствущим по культуре могильникам типа Доба[80]. Например, псалии из Камышевахи имеют аналогию в вещах из погребения в Гаслау-Регельсбруне, а из Малой Цимбалки — в составе Штильфридского клада в Австрии[81]. Фрако-киммерийский период в бассейне Дуная относится к концу гальштата В, что хорошо согласуется с принятой нами датой рассматриваемых курганов.

Основываясь на находке бронзовой кольцевидной пряжки срубного типа, автор был готов относить Черногоровский курган к более раннему времени, чем курганы Камышевахский и Малая Цимбалка[82]. Однако Б. Н. Гракову, как он сообщил мне лично, удалось по архивным материалам установить, что названная пряжка была ошибочно включена в состав инвентаря Черногоровского кургана. Следовательно, датировать его можно только по псалиям. Псалии — бронзовые, местной формы, с отверстиями в утолщениях. Судя по находкам таких же псалий в Николаевском могильнике близ Краснодара, о которых упоминалось выше, курган этот можно также датировать VIII — первой половиной VII в. до н. э., что все же не исключает для него и более раннюю дату, поскольку нам известны очень близкие по форме костяные псалии из Кишиневского поселения и из раннего культурного слоя на Субботовском городище (рис. 4, *35, 36*).

К последней предскифской ступени в степях к востоку от Дона относятся лишь малочисленные и разрозненные находки. Так, П. Д. Рау выделил из сборов на дюнах Поволжья бронзовые наконечники стрел доскифского периода, среди которых имеются и срубные[83]. Из с. Благодаровки Бузулукского уезда Самарской губ. происходят бронзовые удила с двукольчатыми концами, близ ст. Марычевки Куйбышевской обл. были найдены бронзовые однокольчатые, по-видимому, протомеотские удила, а в кургане у с. Кише Черноярского уезда Астраханской губ. — бронзовые удила (утрачены) и трехпетельчатые псалии[84]. В кургане у хутора Жирноклеевского Волгоградской обл. при погребении оказались роговые псалии с тремя отверстиями и костяные бляхи от узды VIII — первой половины VII в. до н. э.[85]. В с. Демкино близ Вольска был найден железный кинжал с бронзовым крестовидным эфесом[86], а в с. Навки Нижнеломовского уезда Пензенской губ. — подобный же кинжал, но с тремя отвер-

[78] А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 191 сл.

[79] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, стр. 91.

[80] J. Gallus, T. Horvath. Un peuple cavalier préscythique et Hongrie. «Dissertationes Pannonicae», сер. II, 9, Budapest, 1939, табл. LXII и LXIII.

[81] R. Pittioni. Ук. соч., стр. 494 сл., рис. 355 и 356.

[82] А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 188.

[83] К. Ф. Смирнов. Вооружение сарматов. МИА, 101, 1961, стр. 37 сл.

[84] Там же, стр. 77, 78, рис. 43, *3, 5, 6*.

[85] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско Уральских степей, стр. 65 сл., рис. 12, *1, 2*; 13, *3—11*.

[86] Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 288, рис. 5.

стиями в рукояти[87]. Из с. Заплавное Волгоградской обл. происходит бронзовый литой котел сибирского типа с кольцевидными ручками[88], аналогичный бештауским котлам. Несмотря на малочисленность таких вещей, которые уверенно относятся к VIII — первой половине VII в., все же ни одна из них не связана с памятниками срубной культуры.

В настоящее время можно внести некоторые поправки в датировку чустской культуры в Фергане и ряда родственных ей памятников с расписной керамикой, интересных для нас по находкам конской узды.

Ак-Тамский могильник, знакомящий нас с одной из поздних фаз культуры Чуста, был датирован V—III вв. до н. э. в основном по найденным в нем трехлопастным наконечникам стрел со скрытой втулкой[89]. Ему во времени предшествует Нади-Али в Афганистане, где в раннем слое оказались также бронзовые скифские трехлопастные наконечники стрел, но с выступающей втулкой, опираясь на которые, Р. Гиршман отнес этот памятник к VIII в., а В. М. Массон — к VII в. до н. э.[90]. Ввиду того что такие наконечники стрел известны в большом количестве из хорошо датированных скифских курганов конца VII—VI в. до н. э. на Кубани и в Причерноморье[91], очевидно, и Нади-Али II нужно датировать этим, а не более ранним временем. Сама чустская культура, как это доказано Ю. А. Заднепровским, одновременна с некрополем В в Сиалке к югу от Тегерана. В Сиалке были найдены как бронзовые, так и железные удила с кольчатыми концами, а в памятниках чустского типа такие же, но только бронзовые удила[92]. С Дальверзинского поселения чустской культуры происходит форма для отливки бронзового псалия[93], одинакового по форме с бронзовым псалием с тремя отверстиями в стержне из некрополя В в Сиалке[94]. Псалии эти морфологически очень близки к бронзовым псалиям из кургана № 524 около с. Жаботина, относящегося к концу VII — началу VI в. до н. э.[95]. Ю. А. Заднепровский, в соответствии с датой Р. Гиршмана для некрополя В в Сиалке, датирует и культуру Чуста X—IX вв. до н. э.[96], т. е. слишком ранним для нее временем. Находки псалий, близких к жаботинским, а также и обычность для этих памятников бронзовых и железных удил с кольцевидными концами определенно указывают на их более поздний возраст. Кажется, увереннее всего их можно было бы датировать VII в. до н. э., однако, учитывая возможность появления псалий жаботинского типа на востоке раньше, чем в Среднем Поднепровье, я считаю, что чустскую культуру и некрополь В в Сиалке пока следует отнести к VIII—VII вв. до н. э.

В Среднем Поднепровье последний предскифский этап хорошо представлен памятниками второй ступени чернолесской культуры, главное сосредоточение которых находится в лесостепи к западу от Днепра. В Левобережье в течение этого времени происходит угасание бондарихинской культуры, которая в бассейне р. Ворсклы, как удалось установить Г. Т. Ковпаненко, сменяется проникающей из Правобережья чернолесской культурой[97]. В общих чертах для второй ступени чернолесской куль-

[87] А. А. Спицин. Археологический альбом. ЗРАО, XI, Птрг., 1915, стр. 232, рис. 15.

[88] В. А. Филипченко. Бронзовые котлы Астраханского музея. СА, 1962, 1, стр. 278, рис. 1, *3*.

[89] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИИМК, 69, 1957, стр. 86 сл.

[90] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 60, рис. 12.

[91] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 44.

[92] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962, стр. 67, табл. XXI, *18*; R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, II, Paris, 1939.

[93] Ю. А. Заднепровский. Ук. соч., стр. 67, 68, табл. XX, *3*.

[94] R. Ghirshman. Ук. соч., табл. LVI, *588*.

[95] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 86, рис. 24.

[96] Ю. А. Заднепровский. Ук. соч., стр. 69, 70.

[97] Г. Т. Ковпаненко. Пам"ятки скіфського часу в басейні р. Ворскли. Археологія, XIII, Київ, 1961, стр. 62 сл., рис. 1, 2.

туры характерны простые тюльпановидные сосуды с проколами по краю и расчлененным ямками валиком на плечиках, богато орнаментированные кубки с цилиндрическим горлом, узкогорлые корчаги, одноручные черпаки и миски с вогнутым внутрь краем. Это время отмечено в Поднепровье первым появлением в местной культуре больших корчаг вилановского типа с каннелированным орнаментом. Собственно чернолесскими по типам изделиями являются большие бронзовые браслеты со спиральным и другим орнаментом, маленькие односпиральные височные кольца, булавки с боковой петлей, бронзовые одноушковые кельты с елочным орнаментом. Двукольчатые бронзовые удила и биконические спиральные пронизи из Залевок имеют кавказское происхождение. На Северном Кавказе имеют наибольшее число аналогий железный меч и кинжал с бронзовыми крестовидными рукоятями. Втульчатые чернолесские наконечники стрел из кости и рога одинаковы с костяными наконечниками из курганов Малая Цимбалка и Симферопольского (рис. 6, *11*). Роговые и костяные псалии с тремя отверстиями являются воспроизведениями различных бронзовых местных и импортных образцов. Дуговидный псалий с большим отверстием в середине и двумя поперечными малыми отверстиями по концам, может быть, относится к более раннему времени, так как он очень похож на бронзовый дуговидный псалий из клада гальштатского периода А (НА) из Шанц-Родна-Ноуэ (рис. 3, *14*). Псалий этот был найден вне определенного комплекса на Субботовском городище; очевидно, он относится еще к первой ступени чернолесской культуры и важен для ее характеристики.

Наша датировка второй ступени чернолесской культуры VIII — первой половиной VII в. до н. э. опирается на большое число аналогий для относящихся к ней вещей в материалах хорошо датированных памятников последней предскифской ступени в степях Причерноморья и на Северном Кавказе. При этом в качестве эквивалентных между собой по времени нами рассматриваются памятники предкелермесской, моздокской групп на Северном Кавказе и ранней жаботинской ступени в Среднем Поднепровье, начало которых одинаково относится приблизительно к середине VII в. до н. э., т. е. времени, после которого на юге Восточной Европы получает широкое распространение собственно скифская материальная культура и появляется древнейший доколонизационный греческий импорт.

Памятники второй ступени фракийского гальштата в Молдавской ССР выделены А. И. Мелюковой на основании изучения поселения и могильника у с. Шолданешты в Резинском районе [98]. Керамика этого времени отличается от более ранней меньшим богатством каннелированного орнамента и появлением корчаг вилановского типа с налепами на плечиках. В материальной культуре значительное распространение получает железо. По наличию в находках бронзовых удил с двукольчатыми концами кавказского происхождения и железной дуговидной фибуле исследователь датировал эту ступень фракийского гальштата VIII в. до н. э. Переходное время к скифскому периоду в Молдавии освещено в результате изучения памятников возле сел Сахарна, Солончены и Цахнауцы [99].

Пока нет возможности уточнить предварительную датировку второй ступени фракийского гальштата, намеченную А. И. Мелюковой. То же самое можно сказать и о хронологии ранней кизил-кобинской культуры в Крыму, бедно представленной археологическими материалами, но в их свете хорошо датированную А. М. Лесковым и Х. И. Крис второй половиной IX—VII в. до н. э. [100]

Остановлюсь на возражениях, высказанных В. Д. Рыбаловой против

---

[98] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени..., стр. 55 сл., рис. 14—22.
[99] Там же, стр. 76 сл., рис. 24—29.
[100] А. М. Лесков. Таврская культура в Горном Крыму. Автореф. канд. дис. М., 1961, стр. 6, 7; Х. И. Крис. К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры. СА, 1961, 1, стр. 66 сл.

моей хронологии предскифского периода. Сделаю при этом оговорку, что вопросы датировок комаровской культуры, которым она уделяет сравнительно много внимания, я вынужден здесь опустить, так как они мною нигде специально не рассматривались, преимущественно вследствие крайне недостаточной публикации фактических материалов по этой культуре, и поныне остающихся для нас малодоступными. Что же касается полемики В. Д. Рыбаловой, направленной против моих дат предскифского периода, то она в большинстве случаев носит какой-то странный характер, в частности, мне приписываются такие высказывания, каких я не делал. Например, В. Д. Рыбалова сообщает следующее: «Датируя начало белогрудовской культуры XI в. до н. э., А. И. Тереножкин, естественно, приходит к выводу, что начало железного века в Среднем Поднепровье должно быть отнесено к концу II тыс. до н. э.» [101]. Это далеко не так. В статье, на которую она ссылается, я пишу о начале железоделательного производства в названное время, а никак не железного века [102], начало которого мною там же определенно связывается с чернолесской культурой [103]. Кстати, в другой работе, затронутой ее критикой, я пишу: «Относительная хронология предскифского периода определяется тем, что белогрудовская культура отвечает еще бронзовому веку, тогда как с чернолесской начинается уже железный век» [104].

Я датировал белогрудовскую культуру X—IX вв. до н. э. и предполагал, что своим началом она уходит в XII в., а обе ступени чернолесской культуры относил к VIII — первой половине VII в. до н. э. [105] В. Д. Рыбалова считает эти датировки слишком ранними и рекомендует вносить в них исправления в соответствии с хронологическими системами Н. Оберга, К. Шумахера и М. Гернеса [106]. Совет этот нами не может быть принят, так как он ориентирует на устаревшие ныне взгляды, а не на то новое в археологии Запада, чему следуют в своих трудах Г. Чайльд, А. Можолич, Г. Мюллер-Карпе и другие ученые, исходящие из уточненной абсолютной хронологии Средиземноморья, требующей значительного удревнения дат бронзового и начала железного века.

В. Д. Рыбалова думает, что нет никаких данных о принадлежности бронзовой раннеиталийской бритвы к Гончаровскому могильнику. Сведения о ее происхождении из этого могильника имеются в статье А. Шланковны [107], так что у нас нет причин для игнорирования этой достаточно ценной находки при датировке первой фазы высоцкой культуры, а косвенно и белогрудовских памятников, хотя с этим и не согласна В. Д. Рыбалова [108].

Не так давно В. Д. Рыбалова еще считала белогрудовскую и чернолесскую культуры одновременными и датировала их VIII—VII вв. до н. э. [109] Однако ныне она уже вынуждена писать о белогрудовской как о старшей культуре и датировать ее 850—725 гг., а чернолесскую — 725—625 гг. до н. э. [110]. В этом случае В. Д. Рыбалова пытается отодвинуть начало жа-

[101] В. Д. Рыбалова. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», 2, Л., 1961, стр. 11.

[102] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, 2, стр. 55.

[103] Там же, стр. 62.

[104] А. И. Тереножкин. Предскифский период в днепровском лесостепном Правобережье. Автореф. докт. дис. М., 1958, стр. 17.

[105] Там же.

[106] В. Д. Рыбалова. Ук. соч., стр. 11.

[107] A. Szlankówna. Kilka importów staroitalskich i zachodnio-europejskich z Południowo-Wschodniej Polski i Ukrainy. «Swiatowit», XVII, 1938, стр. 300—301, рис. 5.

[108] В. Д. Рыбалова. Ук. соч., стр. 10, 20, 21.

[109] В. Д. Рыбалова. К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе правобережной Украины. В сб.: «Доклады VI научной конференции Института археологии». Киев, 1953, стр. 224—226.

[110] В. Д. Рыбалова. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников..., стр. 24.

ботинской ступени к самому концу VII в. до н. э. Обломок расписного греческого сосуда, найденный на Жаботинском поселении, действительно относится к этому времени, но это не означает, что и саму жаботинскую ступень можно начинать только с момента, которым датируется данная находка. Считая, что хронологическая грань между чернолесской культурой и жаботинской ступенью проходит посредине VII в. до н. э., можно представить, что дата эта приблизительная, но все же ее нельзя передвигать в зависимости от личных желаний исследователей. Запас ее прочности обеспечивается, помимо отмечавшейся уже параллели между Жаботином и Моздоком, материалами по длительной эволюции керамических форм от чернолесской к жаботинской керамике, а также находками на Жаботинском поселении двух клепаных бронзовых сосудов с ушастыми ручками кавказского производства доскифского времени, т. е. вещей, которые в археологии используются чаще всего для подтверждения более ранних дат, чем середина VII в. до н. э.[111]

Время белогрудовской культуры В. Д. Рыбалова попыталась определить с помощью Печерских курганов в Винницкой обл., которые она называет раннебелогрудовскими. Для бронзовой бляхи из кургана № 2/7 она нашла аналогии в бляхах клада из Нешавы близ Слупи в Великопольше, датированных В. Шафранским V периодом бронзового века (900—700 гг. до н. э.). Ради осторожности, как пишет В. Д. Рыбалова, она отнесла названный курган даже к несколько более раннему времени — к X в. до н. э.[112] Однако в том же труде В. Шафранского, на который она ссылается, в другом месте сообщается, что аналогичные бронзовые бляхи хорошо известны по находкам не только в кладах V, но IV и даже III периодов бронзового века[113], т. е. для весьма длительной исторической эпохи, начинающейся с 1300 и заканчивающейся около 700 г. до н. э. В. Д. Рыбалова и в этом случае допустила явный недосмотр: ее датировка кургана № 2/7 X в. до н. э. оказалась необоснованной.

Относительно датировки других Печерских курганов (№ 3/10; 1/5; 5/8), в которых были найдены бронзовые кольца и браслеты, В. Д. Рыбалова пишет, что «названные находки встречают аналогии в памятниках быланского и платеницкого типов в Чехословакии». Отсюда она делает вывод, что так как «нижняя дата всех перечисленных групп памятников не выходит за пределы начала V периода бронзы, т. е. IX в. до н. э.», то упомянутые Печерские курганы, а вместе с тем и белогрудовскую культуру (имеются в виду памятники Уманщины) следует датировать IX—VIII вв. до н. э.[114]

Здесь произошло какое-то недоразумение: памятники быланского и платеницкого типов в Чехословакии относятся к VII—V вв. до н. э.[115] и, очевидно, не могут быть использованы в качестве одновременных белогрудовской культуры для датировки ее IX—VIII вв. до н. э.

Как это видно из произведенного разбора, замечания В. Д. Рыбаловой не дают ничего позитивного для решения вопросов хронологии предскифского периода в Среднем Поднепровье.

В своем исследовании вопросов хронологии памятников позднего бронзового и начала железного века на юге Восточной Европы я следовал аналогиям и их связям с культурами Центральной Европы, особенно Подунавья, для которых разработана наиболее обоснованная на сегодня система археологической периодизации и абсолютной хронологии инте-

[111] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 17, 18, табл. V, *4*; С. Магура. Дві мідні посудини з Черкащині. «Хроника...», I, Київ, 1930.

[112] В. Д. Рыбалова. Ук. соч., стр. 22, рис. 11, *1*; W. Szafrański. Skarby brązowe z epoki wspólnoty pierwotnej (IV i V okres epoki brązowej) w Wielkopolsce. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 151, табл. XXVI, *344—354*.

[113] W. Szafrański. Ук. соч., стр. 94 сл.

[114] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., табл. XII, *2*.

[115] Pravěk Československa. Praha, 1960, стр. 266 сл.; J. Filip. Pravéké Československo, стр. 231 сл.; Evžena Jiři Neustupny. Ук. соч., стр. 176 сл.

Таблица культур бронзового и начала железного века на юге Восточной Европы

Время	Греция	Италия		Средняя Европа		Венгрия	Восточная Румыния, Молдавия	Причерноморье	Степное Поволжье	Сред. Поднепровье	
										Правобережье	Левобережье
XVI	MI Шахтовые гробницы			BAII		BII	Монтеору	Катакомбная культура	Полтавкинская	Катакомбная	Марьяновская
XV	MII Купольные гробницы			Средний бронзовый век	BB	BIII Тосег С Фюзешабонь		Бессарабский клад	Срубная первого периода (Покровские курганы)	Комаровская	
XIV	Позднеэлладская IIIA	Террамары			BC			Сабатиновка	Срубная второго периода (Сосново-Мазинский клад, Ивановка)		Малые Будки
XIII	IIЭ IIIB	Пескьеры		Младший бронзовый век	BД	BIV	Ноа				
XII	IIЭ IIIC	Протовиллановский	Панталича I		HA1	BV	Галерканы				
XI	Субмикенский		Панталича II		HA2						
X	Протогеометрический	Виллановский	Панталича II	Поздний бронзовый век	HB1	BVI	1-й фракийский гальштат (Кишинев, Корлэтень)	Белозерка	(Кайбелы)		Бондариха
IX	Геометрический		Панталича III		HB2					1-я черноле-сская ступень	
VIII	Позднегеометрический		Финоччтито-Терменцано		HB3		2-й фракийский гальштат (Шолданештаты)	Новочеркасский клад 1939 г.		2-я чернолесская ступень	
VII 650				IIC							

ресующего нас периода, опирающаяся на уточненную хронологию культур Восточного Средиземноморья. Недостатки ее известны, их не скрывают и западные исследователи. Все же она является лучшей, а вместе с тем и более доступной по имеющимся в нашем распоряжении источникам. Особый аспект должна в дальнейшем составить разработка вопросов хронологии культур юга Восточной Европы в свете их контактов с миром древнего Востока через посредство Кавказа.

Главный недостаток принятой у нас ранее хронологии предскифского периода заключался в том, что между ним и культурами Западной Европы существовали большие расхождения в датировках. Памятники нашего юга чаще всего относились к такому позднему времени по сравнению с западными, что между ними нельзя было производить почти никаких сопоставлений, а это отрицательно сказывалось на развитии археологических знаний как у нас, так и за рубежом.

Некоторым итогом произведенного исследования может служить хронологическая таблица культур позднего бронзового и начала железного века на юге нашей страны. Из нее видно, несмотря на всю условность такого рода схем, как могут согласовываться во времени основные культуры юга Восточной Европы с культурами Дунайского бассейна, а отчасти и Средиземноморья.

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ МОТИВЫ РАННЕСКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Скифское искусство представляет одну из наиболее сложных и спорных сторон скифской проблемы. Сложность ее в значительной мере определяется тем, что с раннего времени и на протяжении всего последующего периода это искусство оказалось подверженным непрерывному воздействию внешних влияний, идущих из нескольких различных центров.

В раннюю пору (VII—VI вв. до н. э.) для скифского искусства характерно проникновение древневосточных элементов и тесная связь с искусством Ионийской Греции. Несколько позже определяющим фактором становится прочный и длительный контакт с греческими колониями Северного Причерноморья, результатом чего явилось сложное переплетение древнескифских мотивов с традициями и навыками греческого искусства и появление нового оригинального художественного стиля, характерного для Скифии V—IV вв. до н. э.

В позднескифское время наряду с греческим воздействием большое значение приобретает влияние, идущее со стороны фракийского запада и сарматского востока. Не может быть оставлен без внимания и постоянный контакт скифского мира с Кавказом, кочевыми и оседлыми народами Поволжья, Урала, Западной Сибири, Алтая.

Скифское искусство представляет, таким образом, сложный сплав многих разнородных элементов. Различные ученые придают решающее значение той или иной из выделяемых ими сторон и в зависимости от этого приходят к самым противоречивым и взаимоисключающим выводам относительно древнейших корней и истоков скифского искусства.

Так, Г. Боровка и Э. Миннз считали, что скифский звериный стиль происходит от сибирского, корни которого, в свою очередь, восходят к более древнему искусству народов северной лесной полосы Европы и Центральной Сибири [1]. Близкую к этой точку зрения высказывал Д. Н. Эдинг [2].

Б. В. Фармаковский и К. Шефольд решающую роль в формировании скифского искусства отводили искусству Ионийской Греции [3].

М. И. Ростовцев в своих более ранних работах особенно подчеркивал древневосточные и специально иранские элементы скифского искусства [4]. Несколько позднее он отошел от мысли, что родиной скифского искусства были искусства Ближнего Востока и Персии, и пришел к выводу, что скиф-

---

[1] G. Borovka. Scythian Art. London, 1928, стр. 74 сл.; E. Minns. The Art of the Northern Nomades. London, 1944; его же. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 261.

[2] Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала, Тр. ГИМ, 10, 1940.

[3] Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России, МАР, 34, СПб., 1914, стр. 35—37; K. Schefold. Der Skythische Tierstil in Südrussland. ESA, XII, Helsinki, 1938, стр. 70—71.

[4] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Птг., 1925, стр. 337, 340; M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1929, стр. 193.

ский и сибирский звериные стили вышли из одного общего центра, находившегося где-то в Центральной Азии или Горном Алтае [5].

Оживленная дискуссия по этому вопросу возродилась за последние годы в связи с находкой клада Зивие. На основании этой находки некоторые ученые вновь возвращаются к мысли о восточном, в частности мидийскоманейском, происхождении скифского звериного стиля [6].

Таков далеко не полный перечень разноречивых представлений о корнях и истоках скифского искусства.

Скифское искусство не только сложно по составу, но и очень изменчиво во времени. Каждому из основных этапов развития скифской культуры свойствен свой особый аспект художественного стиля. С течением времени происходит исчезновение одних и появление других художественных образов. Один и тот же мотив может воплощать в себе различные качества и свойства, и наоборот, одна и та же художественная схема может заключать в себе различные художественные образы. Так, архаический мотив свернувшегося в кольцо льва (?) в V в. заменяется переданным в той же схеме изображением хищника волчьей породы, неизвестного в искусстве VI в. до н. э.

Обобщенное определение свойств скифского звериного стиля весьма трудно, так как характеристика скифского искусства, составленная по материалам памятников V в. до н. э., оказывается неприемлемой для искусства архаического и более позднего периодов и наоборот.

Поэтому важной задачей является выделение художественных образов в рамках основных этапов развития скифской культуры с учетом их последующего развития и видоизменения. Основным недостатком в трудах по скифскому искусству, с нашей точки зрения, является именно обобщенность и отсутствие исторического подхода к разновременным его проявлениям.

Особый интерес представляет анализ раннескифского искусства и выделение в нем наиболее чистой и оригинальной группы изображений свободных от осложняющего воздействия греческой или восточной среды. Это важно для понимания первоначальных основ скифского искусства, его эволюции, а также определения тех древнейших элементов, которые влились в него в результате культурных связей и заимствований.

Нам могут сказать, что такая постановка вопроса не является новой. В основу работы Шефольда, как известно, положен принцип последовательного рассмотрения основных образов скифского звериного стиля от ранних к более поздним, по памятникам, твердая датировка которых определена на основании вещей греческого импорта.

Боровка, Миннз и Ростовцев также начинают свои характеристики с группы ранних произведений скифского искусства. О важности выделения «туземного элемента» в отличие от греческого и восточного писал Г. Боровка [7]. Миннз подчеркивал, что скифское искусство характерно само по себе, и если исключить из него все иноземные влияния, останется нечто ни на что не похожее, что составляет основу всего его развития [8]. Шефольд связывает самобытные основы скифского искусства с предметами из резной кости, найденными в раннескифских курганах [9].

«Если нам случается,— писал Ростовцев,— найти в этих (т. е. скифских.— *В. И.*) могилах предметы, которые украшены в особом стиле, который не может быть объяснен как импорт или подражание, мы можем

---

[5] M. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China. Leipzig — London, 1929, стр. 63.

[6] A. Godard. Le trésor de Ziwiye. Haarlem, 1950; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифского искусства. Сб. «Omagiu lui George Opresçu», Bucureşti, 1962.

[7] G. Borovka. Ук. соч., стр. 5—6.

[8] E. Minns. Scythians and Greeks, стр. 261.

[9] K. Schefold. Ук. соч.

с уверенностью сказать, что мы имеем поразительное искусство, которое может быть названо скифским искусством» [10].

Однако далее правильной постановки задачи никто из упомянутых авторов не пошел. В результате ошибочной датировки раннескифских памятников в число их Ростовцевым включалась лишь небольшая группа произведений искусства из комплексов, датированных на основе вещей греческого или восточного импорта.

В качестве классических эталонов раннескифского искусства фигурируют обычно келермесская пантера и олень из кургана у станицы Костромской; особое место отводится всей серии келермесских и мельгуновских находок с их замечательными золотыми украшениями. К характеристике раннескифского искусства неизменно привлекаются навершия и псалии из кургана № 2 у Ульского аула (1909 г.), хотя по существу они относятся не к архаической поре, а к V в. до н. э. и отражают новые черты в развитии скифского звериного стиля. Такие же произведения подлинной скифской архаики, как костяные головки из Серогоз и Темир-Горы, а также жаботинские пластины используются лишь в качестве иллюстраций без специального изучения.

За пределами внимания исследователей осталась, таким образом, основная масса произведений искусства из кости, бронзы, реже из золота, происходящих из курганов лесостепи, которые по отсутствию в них импортных вещей и неумению определить время на основании типологии скифских предметов были ошибочно отнесены к позднескифской и даже к сарматской поре. В то же время именно этот материал имеет первостепенное значение для изучения основ раннескифского искусства, вопросов его происхождения и дальнейшего развития.

Особенно большое количество предметов раннескифского искусства происходит из курганов Посульской группы скифских памятников. Курганы Посулья дали наиболее полную, разнообразную и богатую серию предметов раннескифского искусства, выполненных в оригинальном самобытном художественном стиле, свободном от воздействия культуры Востока и Греции. По стойкости и чистоте скифских форм эта группа изделий имеет явные преимущества по сравнению с драгоценными, но сильно ориентализованными художественными изделиями из Мельгуновского и Келермесских курганов.

Искусственное сужение круга источников привело к тому, что в специальных работах о скифском искусстве оказался невыясненным основной состав образов раннескифского звериного стиля и не дана его общая характеристика. Это послужило причиной ряда серьезных недоразумений и ошибочных выводов. Так, С. И. и Н. М. Руденко с удивлением замечают, что изображение коня занимает весьма скромное место в скифском искусстве, и объясняют это тем, что «скифское искусство сложилось и оформилось со всеми его основными мотивами еще на раннем этапе сложения скифской культуры, предшествующей табунному скотоводству, когда конь занимал такое видное место в скифском быту» [11]. А Ростовцев говорит о том, что мотив быка и барана является редким в скифском искусстве, и делает заключение, что создателями скифского стиля были охотничьи племена [12].

Общепризнано, что скифские изображения формировались на основе резьбы по кости и дереву, что и обусловило стилистические особенности большинства раннескифских изделий из металла. Именно раннескифские изделия из резной кости составляют наиболее самобытную группу произведений скифского искусства. В настоящей работе мы коснемся в первую очередь тех скифских мотивов, которые в наибольшей степени связаны с

---

[10] M. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China, стр. 23.
[11] С. И. и Н. М. Руденко, Искусство скифов Алтая, М., 1949, стр. 85.
[12] M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia, стр. 192.

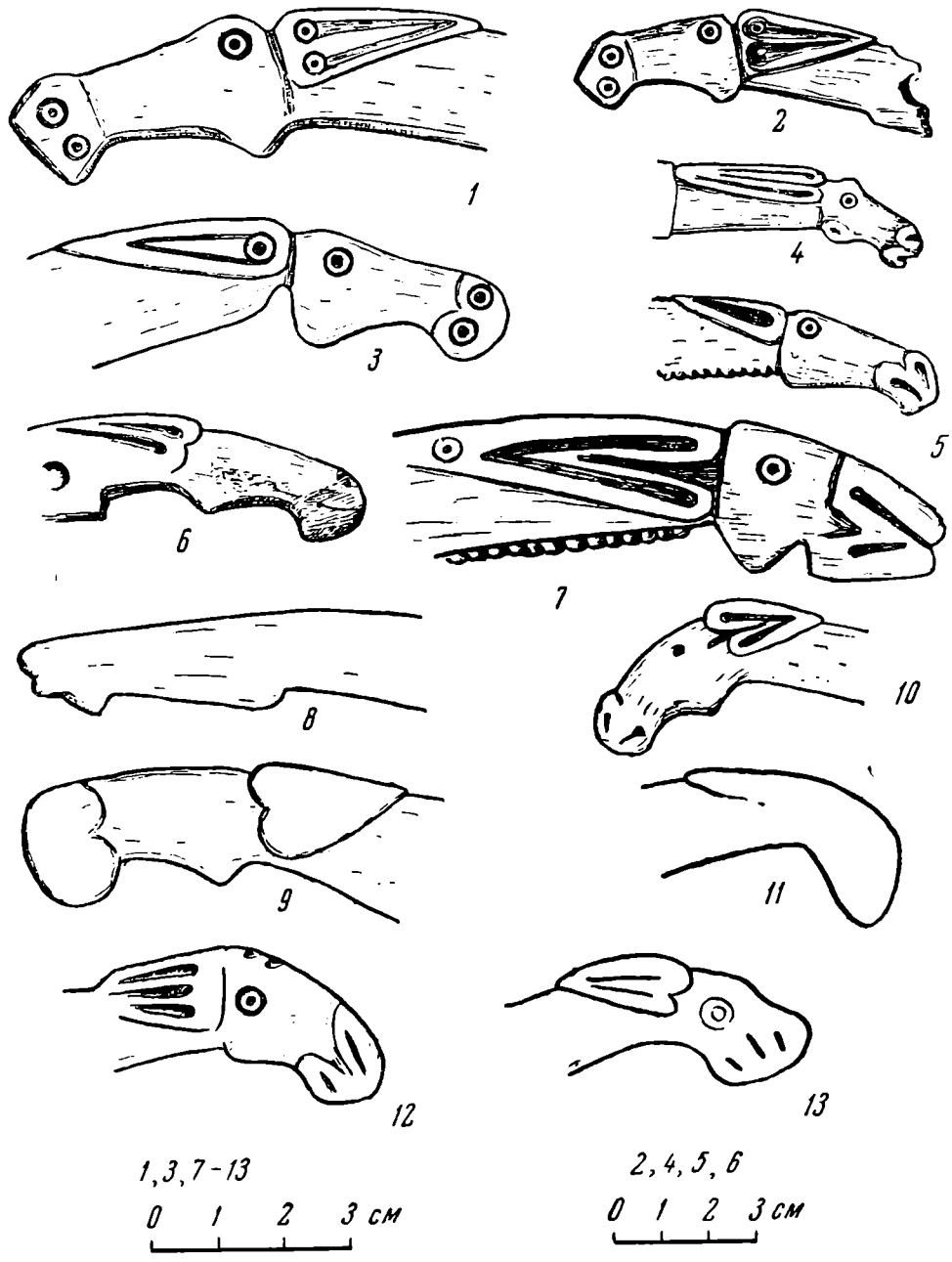


Рис. 1. Головки коней на костяных псалиях VI в. до н. э. (первая группа)

1, 3 **— из кургана у с. Будки;** ***2, 4—6*** **— из кургана у хут. Шумейко;** ***7*** **— из** кургана у с. Великие Будки, урочище Провалье; *8—11, 13* — из курганов у с. Волковцы; *12* — из кургана № 2 у с. Волковцы

искусством резьбы по кости, а именно мотивов коня, барана, грифо-барана и хищной птицы.

Изображения коня. Образ коня является одним из наиболее характерных для раннескифского искусства. Несмотря на это, он остается наименее изученным. Скифские мастера использовали изображения головок коня для украшения псалий, пряжек конской упряжи, наверший, вотивных бронзовых секирок. Нижний конец костяных псалий в подавляющем большинстве случаев бывает украшен изображением конского копыта.

Изображения головок коней на разных костяных псалиях подразделяются на две основные группы. Первую составляют головки, передающие бегущее животное с вытянутой вперед мордой и прижатыми к затылку ушами. На второй изображены головки коней в спокойном состоянии, с опущенной мордой и торчащими вперед или вверх ушами. Головки первого рода встречаются обычно на крупных псалиях с дуговидно изогнутой

спинкой, вторые — на псалиях прямых. Многие из них отличаются высокими художественными достоинствами и принадлежат, несомненно, к числу лучших образцов скифского звериного стиля. Такова, например, пара костяных псалий из кургана у с. Будки (рис. 1, *1*).

Детали конской головы переданы условно. Глаза исполнены в виде циркульного кружка. Двумя такими же кружками переданы ноздри и пасть животного. Ухо имеет вид равнобедренного треугольника с углублением посередине, разделенным рельефной линией с двумя кружками в основании.

Псалии из кургана у хут. Шумейко (рис. 1, *4*) имеют такой же контур с выпуклым возвышением на месте глаза. Ноздри и рот головки выделены двумя рельефными полуовалами. Длинное ухо разделено тремя продольными врезами. Во многих других случаях ухо коня имеет вид удлиненно-вытянутой сердцевидной фигуры с углубленным рельефом в средней части (рис. 1, *2*). По-разному, передаются контуры нижней части морды (рис. 1, *3*, *10*).

Несмотря на условность, изображения проникнуты духом реализма, прекрасным знанием натуры и умением передать наиболее выразительные черты образа при помощи наиболее лаконичных средств.

Стилизация изображений идет по пути придания контуру угловатости, гиперболизации некоторых деталей, опущения некоторых из них. Имеется ряд изображений, в которых условная манера подавляет реалистические черты. В одном случае мастер изобразил непомерно огромное ухо сердцевидной формы (рис. 1, *7*), в другом — чрезмерно расширенные ноздри (рис. 1, *9*).

Манера передачи глаза сводится к условной точке (рис. 1, *10*), пасть и ноздри передаются легкими насечками (рис. 1, *12*, *13*). На одной паре псалий из кургана у хут. Шумейко (рис. 1, *6*) не намечен нижний контур уха, не изображен глаз. В другом случае (рис. 1, *8*), ухо не выделено вовсе, и признаком образа служит лишь характерный контур нижней части морды.

Таким образом, в рассмотренной нами серии изображений наблюдаются две тенденции: с одной стороны, умение передать реалистическую сущность изображения при помощи условных приемов, а с другой — условность, подавляющая реализм, приводящая к появлению схем, в которых конкретные черты совершенно утрачиваются и сохраняется какой-то один отличительный признак, позволяющий определить содержание образа.

Определение сущности таких условных изображений, взятых изолированно, бывает весьма затруднительно, и лишь сопоставление со всей последовательно связанной серией, от более реалистических к чисто условным, позволяет раскрыть значение образа.

Обе эти тенденции в VI в. существуют одновременно, не составляя каких-то особых хронологических ступеней.

Это заставляет предположить наличие многовековой предшествующей истории развития искусства, идущей в направлении от реалистической основы к условной стилизации. В процессе бесконечного повторения одного и того же мотива, как бы откристаллизовываются те основные признаки и приемы, которые позволяют лаконично передать наиболее существенные черты образа. С другой стороны, изображаемый мотив был настолько определен и хорошо известен, что даже отдаленного намека оказывалось вполне достаточно, чтобы выразить его существо. Это вело к символике и разложению мотива.

Необходимо отметить также, что при массовом изготовлении псалий наряду с высокохудожественными образцами встречается также немало грубо и небрежно сделанных экземпляров (рис. 1, *13*).

Вторая группа изображений (рис. 2), передающая головки коня с опущенной мордой и торчащими ушами, более многочисленна. Одной из лучших в этой серии является пара костяных псалий из Шумейковского кургана (рис. 2, *1*).

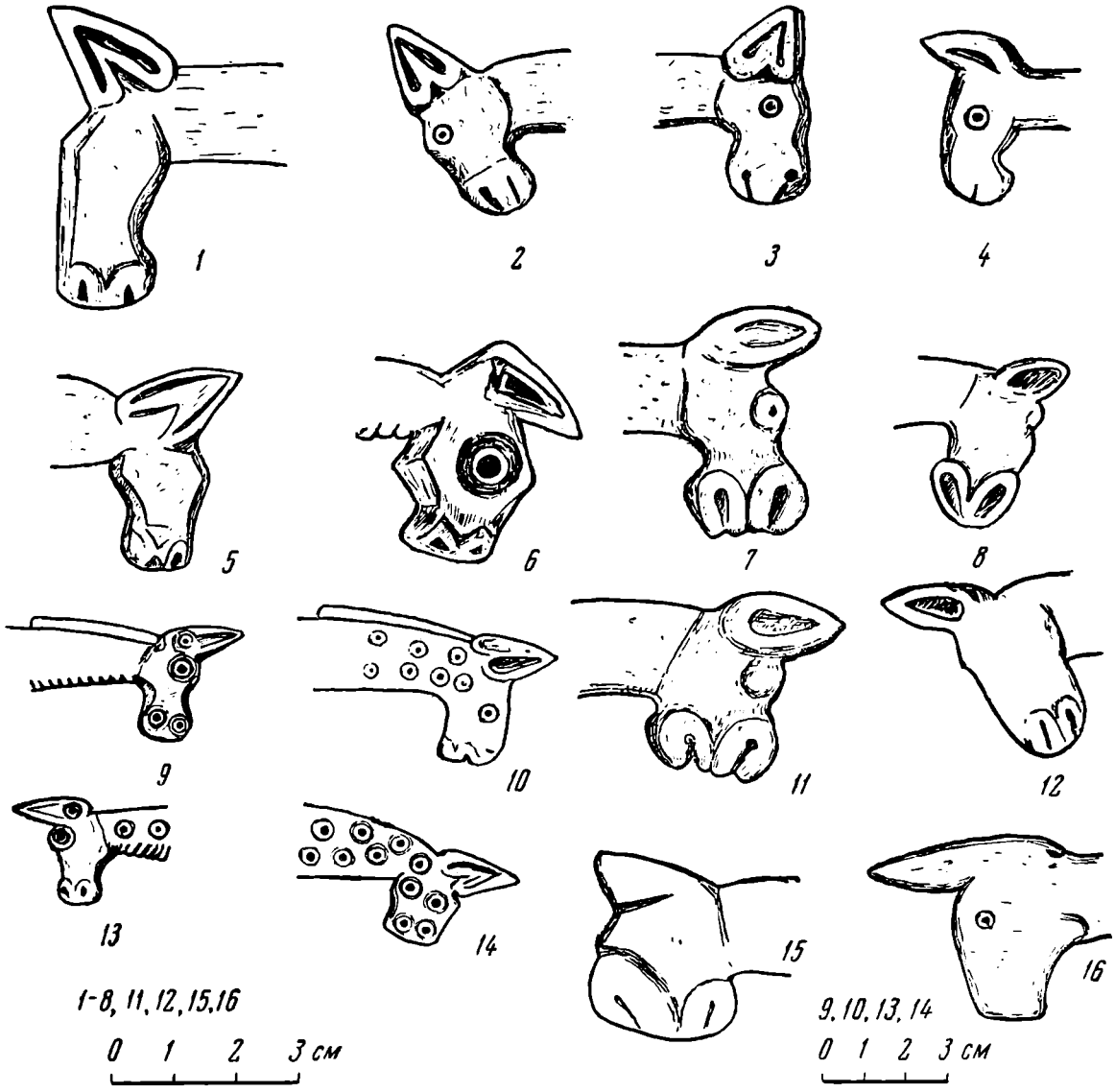


Рис. 2. Головки коней на костяных псалиях VI в. до н. э. (вторая группа)

1, 2, 3, 9, 10, 13, 14 — из кургана у хут. Шумейко; *4, 16* — из кургана № 9 у с. Волковцы, *5* — из кургана у с. Волковцы; *6, 8* — из кургана № 2 у с. Аксютинцы; *7, 11, 15* — из кургана № 2 у с. Волковцы; *12* — из кургана № 2 у с. Аксютинцы

Головка коня опущена перпенкидулярно пластине псалия с торчащим несколько вперед и вверх остроконечным ухом с сердцевидным основанием.

На псалиях этой серии детали в передаче уха, глаза, пасти и ноздрей выполнены так же, как и на псалиях первой группы.

Псалии из кургана у с. Волковцы (рис. 2, *5*) отличаются от шумейковских только несколько укороченной мордой. На псалиях из кург. № 2 у с. Аксютинцы (рис. 2, *6*) симметричное расширение у места глаз и выступа нижней челюсти придает средней части морды ромбовидные очертания.

Среди шумейских псалий имеются и такие, у которых детали и изображения выделены более подробно. У одной пары (рис. 2, *9*) ухо сильно выдвинуто вперед, а глаза, пасть, ноздри, основание уха выделены традиционными кружками; продолговатым невысоким выступом обозначена грива.

Следующая пара псалий из этого кургана (рис. 2, *10*) заканчивается тупыми, прямоугольных очертаний мордами. На видовую принадлежность головок указывает продолговатый выступ гривы, такой же, как у приведенного выше псалия, сохранившего реалистические черты.

Следующий шаг ведет к появлению малопонятной схемы тупорылого животного с остроконечным, торчащим вперед ухом (рис. 2, *14—16*). От всего образа сохраняется лишь один условный признак.

Сравнивая изображения обеих выделенных нами групп, легко заметить определенные различия в направлении их стилизации.

В первом случае, как правило, подчеркивается удлиненная вытянутость морды и чрезмерная длина прижатого к спине уха. Во втором случае стилизация идет главным образом за счет расширения нижней части морды — пасти и ноздрей.

Различия эти легко объясняются особенностями формы псалий того и другого рода. На изображениях первой серии морда и ухо коня не выделены из продолговатой пластины псалия, они как бы вписаны в него. Длина уха и вытянутость морды в этом случае определяются в основном художественным вкусом мастера.

Что касается второй серии, то торчащее вверх ухо и опущенная морда представляют уже особые детали, выступающие из контура пластины. Удлинение их нецелесообразно для формы предмета. Кроме того, оно всегда ограничено шириной пластины, из которой резался псалий.

Присущее искусству этого времени стремление к стилизации сказалось в чрезмерном расширении пасти и ноздрей. Развитие этой тенденции приводит к появлению тупорылых малопонятных звериных головок с торчащим вперед остроконечным ухом и огромными, выделенными обычно в виде двух смежных полуовалов, ноздрями и пастью (рис. 2, *11, 15*). В отношении подобных сильно стилизованных и схематичных взятых изолированно из общей серии изображений, всегда может возникнуть сомнение, не заключают ли они образ какого-то иного животного. Это имеет большое значение для уточнения состава художественных образов в раннескифской резной кости.

Рассмотрим возможные варианты и сопоставим направление стилизации этих образов в скифском искусстве с описанными выше.

В первом случае, наряду с лошадью иногда можно предположить наличие изображений лося, мула или осла. Однако мы сразу же сталкиваемся с рядом существенных возражений.

Изображения лося в раннескифском искусстве сравнительно редки. С полной определенностью можно говорить лишь о резных костяных бляшках с изображением самки и детеныша лося и гравированных пластинках с изображением лося-самца из второго жаботинского кургана (рис. 3, *1—4*). Видовыми признаками животных в данном случае являются: короткий хвост, рога лося-самца, и горбатый, резко опущенный вниз конец морды. Именно этот последний признак, горбатая, переломленная почти под прямым углом морда (рис. 3, *6, 7*) составляет главный признак условно стилизованной головки лося в скифском иксусстве, наряду с изображением коротких рогов лося-самца.

Что касается серии рассмотренных нами псалий, то здесь мы не находим ни одного реалистически переданного образа лося, с которым можно было бы сопоставить более условные изображения.

Еще меньше оснований определять длинноухие стилизованные головки, как изображение ослов или мулов. Из сообщений Геродота известно, что мулы и ослы не водились в Скифии. Один вид и крик этих животных, находившихся в обозе войска Дария, пугал скифских лошадей.

Совершенно очевидно, что малоизвестные или совсем неизвестные скифскому резчику животные не могли занимать сколько-нибудь заметное место в скифском искусстве. Кроме того, динамичная поза с вытянутой шеей и прижатыми к спине ушами совершенно не характерна для ослов и мулов.

Что касается укороченных головок с тупорылой мордочкой, торчащим вверх или вперед ухом, подчеркнуто крупными ноздрями и пастью, то следует отчетливо представить себе их отношение к изображению головок

хищников кошачьей породы, хорошо известных в раннескифском искусстве.

Образ хищника кошачьей породы в скифском искусстве, по мнению многих ученых, имеет древневосточное переднеазиатское происхождение [13]. Изображения эти в раннее время встречаются чаще всего на золотых предметах (келермесская пантера, фигурки на рукояти келермесской секиры, одна из фигур келермесского зеркала, изображение на ножнах шумейковского меча, золотые бляшки Ульского кургана и Витовой могилы) и в бронзе (бляхи из Цукур-Лимана, Келермеса, Гуляй-Города,

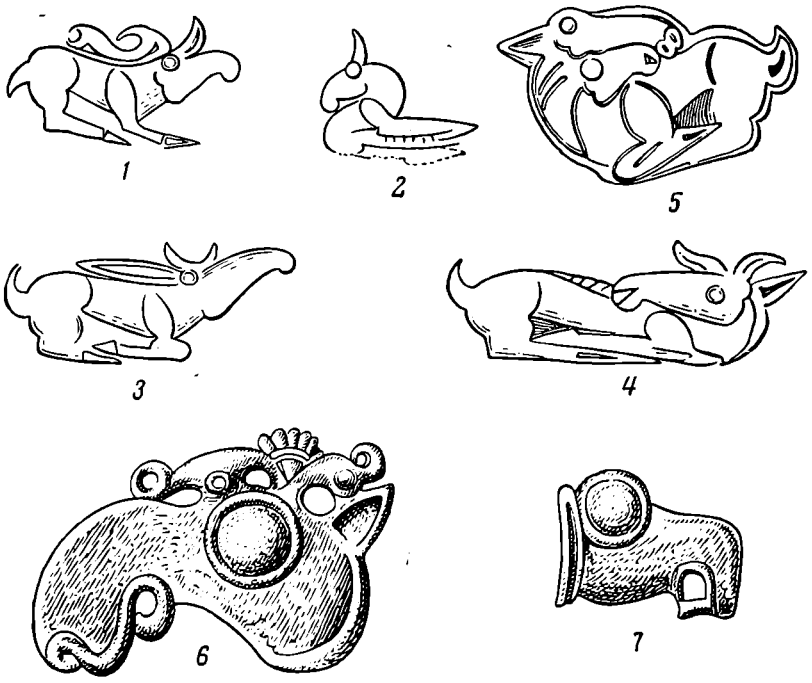


Рис. 3. Изображения лося в скифском искусстве VI—V вв. до н. э.

1—4 — изображения лося на костяных пластинах из кургана № 2 у с. Жаботин; *5* — на костяной бляхе оттуда же; *6* — бронзовая бляха из малого Семибратного кургана; *7* — бронзовая бляха из кургана № 505 у с. Броварки

рукоятка ножа из кургана № 6 у с. Берестняги) и очень редко из кости. В качестве единственного достоверного примера можно привести только костяную пряжку-пронизь из Келермеса, украшенную фигуркой свернувшегося хищника, точно такого же, как и на лапах келермесской пантеры.

Большинство раннескифских изображений кошачьих хищников происходит из сильно орентализованных комплексов. Более поздние изображения этого рода выполнены для скифов в мастерских греческих городов-колоний (ножны шумейковского меча, рукояти бронзовых зеркал [14]). Очевидно, этот образ, имея восточное происхождение, был развит затем греческими мастерами в античных центрах Причерноморья.

Не разбирая всех вариантов изображений хищника кошачьей породы в скифском искусстве, остановимся лишь на приемах стилизации головок этого животного и сравним их с рассматриваемой нами серией костяных изображений.

В оформлении головок этих хищников мы встречаемся с двумя вариантами. Первый — это изображения на рукояти келермесской секиры и близкие к ним изображения на пекторали Саккыского клада (рис. 4, *1*). Основную часть головки занимают лобная часть и большой круглый глаз, ухо

---

[13] K. Schefold. Ук. соч., стр. 60; M. Rostovtzeff. The Animal Style, стр. 26; С. И. и Н. М. Руденко. Ук. соч., стр. 26, 52—53.

[14] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., табл. XII, *2*.

треугольное, торчащее вверх. Ноздри и пасть у головок из Зивие сделаны в виде цветка лотоса, а на келермесских — в виде двух очковидно соединенных спиралей или кружков.

Этот прием стилизации не получил сколько-нибудь существенного распространения. Гораздо более обычным оказался другой способ изображения, классическим образцом которого может служить келермесская пантера (рис. 4, *2*). Признаками образа являются: слабо выступающее из

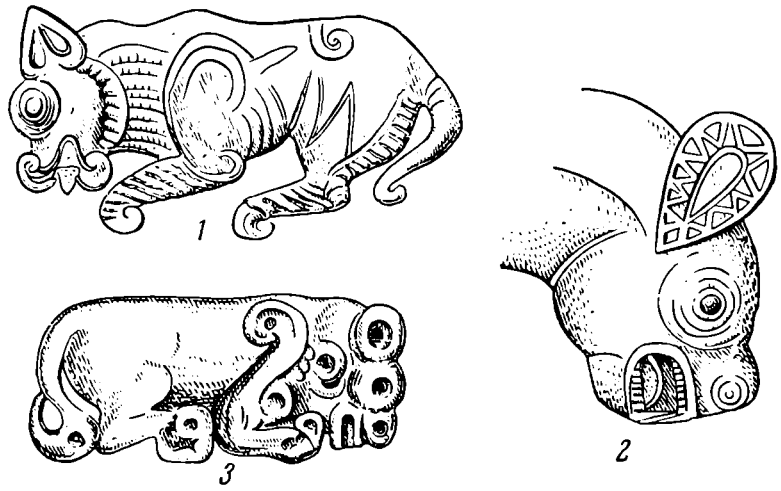


Рис. 4. Изображения хищников кошачьей породы

1 — на золотой пекторали из клада Зивие; *2* — келермесская пантера; *3* — золотая бляха из Витовой могилы

контура головы закругленное ухо, большой лоб, глаза и ноздри, выделенные концентрическими кружками, пасть в виде открытого полуовала, в который вписаны зубы, клыки, язык.

В дальнейшей стилизации головка хищника кошачьей породы обычно передается при помощи сочетания трех кружков (на месте — уха, глаза и ноздрей) и полуовала, изображающего пасть (рис. 4, *3*). Таковы головки на костяной бляшке из Келермеса, на золотых бляхах Ульского аула, Витовой Могилы, ножнах шумейковского меча и проч.

Все эти элементы совершенно чужды рассмотренной нами серии костяных стилизованных головок, в которых подчеркивается расширение пасти и ноздрей, острота или длина торчащего вверх или вперед уха.

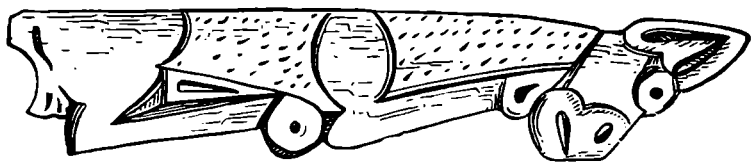


Рис. 5. Костяная накладка из Малгобека в окрестностях Моздока

Очевидно, образ хищников кошачьей породы был действительно мало знаком скифским резчикам по кости. Это подтверждает и костяная накладка из Малгобека в окрестностях Моздока [15] (рис. 5), на которой мастер воспроизвел фигуру хищника по восточным образцам, отчетливее всего представленным в изображениях верхнего ряда на блюде из Зивие. В то же время здесь имеется ряд необычных для этого образа отклонений. Ухо, торчащее вперед, непомерно острое и длинное. Лобная часть небольшая,

[15] Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен. Моздовский могильник, Л., 1940, табл. IX, *3*.

морда удлиненно вытянутая, ноздри и рот переданы в виде двух смежных полуовалов с черточками внутри, что совершенно не характерно для изображений хищников кошачьей породы. На передней ноге, вместо опущенного вниз кружка, передающего мягкую округлость лапы, изображено треугольное конское копыто. Воспроизводя чуждый, мало знакомый образ, резчик, помимо воли, подчинил его более привычной и знакомой ему схеме коня.

Очевидно, рассмотренные выше неопределенные тупорылые головки животных с торчащим ухом представляют собой условно стилизованные головки коней.

На многих бронзовых предметах, таких, как навершия, вотивные топорики, рукоятки ножей, имеются украшающие их конские головки, повторяющие изделия из резной кости. В отличие от костяных они сделаны двусторонними или в круглой скульптуре.

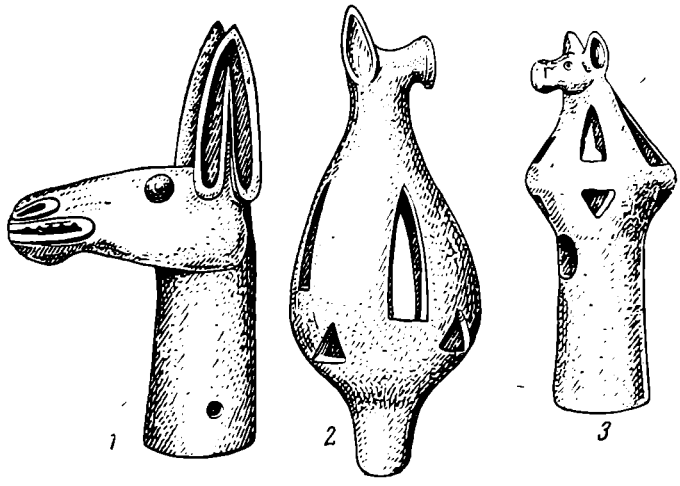


Рис. 6. Изображения конских головок на скифских навершиях VI в.

1 — из кургана № 1 станицы Келермесской; *2* — из кургана № 476 у с. Волковцы; *3* — из кургана у с. Межирички близ Балты

Навершия в виде головок коня из келермесского кургана имеют такой же контур профиля, как и костяные головки (рис. 6, *1*). Длинные, торчащие вверх остроконечные уши сделаны в виде удлиненной, разделенной по середине сердцевидной фигуры. Ноздри и рот даны в виде двух смежных рельефных овалов. Новыми по сравнению с резьбой по кости являются глаз в виде выпуклой шишечки и пять округлых выступов с внутренней стороны верхней половины пасти, передающие, очевидно, зубы.

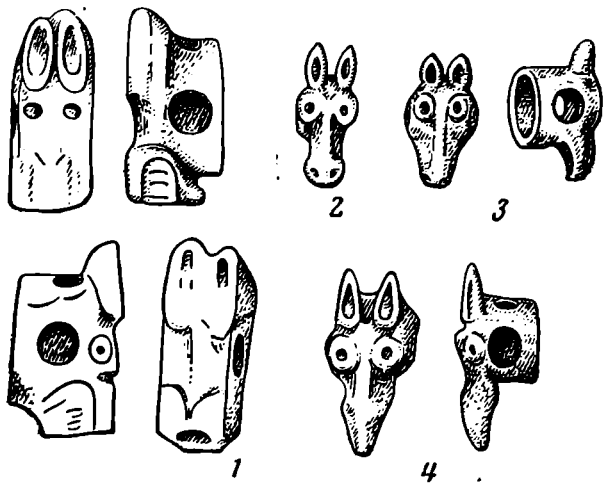


Рис. 7. Изображения конских головок в фас на пряжках-пронизях

1 — из кургана у с. Будки, кость; *2* — из кургана у с. Волковцы; *3* — из кургана у хут. Поповка; *4* — из кургана у хут. Шумейко, бронза

Конские головки на навершиях из кургана № 476 у с. Волковцы и у с. Межиричка (рис. 6, *2, 3*) близки к упрощенным схематизированным головкам коней на псалиях второй группы. Признаками образа являются торчащие вверх остроконечные уши, характерное сужение средней части морды и расширение ее у конца.

Изображения конских головок, подражающие костяным, имеются на бронзовых топориках-скипетрах из курганов Роменщины [16].

На пряжках-пронизях конские головки обычно изображены в фас. Признаками изображения являются удлиненно-треугольная или овально-яйцевидная морда, заостренные, торчащие вверх уши. Средняя линия морды выделена продольной линией с выпуклым рельефом или небольшими углублениями на месте ноздрей (рис. 7).

---

[16] В. А. Іллінська. Скіфскі сокири. Археологія, XII, Київ, 1961.

Описанная нами серия изображений головок коней встречается чаще всего в изделиях из кости, реже в бронзе (где обнаруживается их зависимость от костяных образцов), но никогда этот мотив не повторяется в изделиях из золота, в частности на предметах, носящих очевидные следы влияния древневосточного или греческого искусства.

Имеется лишь один вариант изображений коня, который, в отличие от всех прочих, встречается преимущественно на золотых украшениях; реже в бронзе и никогда в кости.

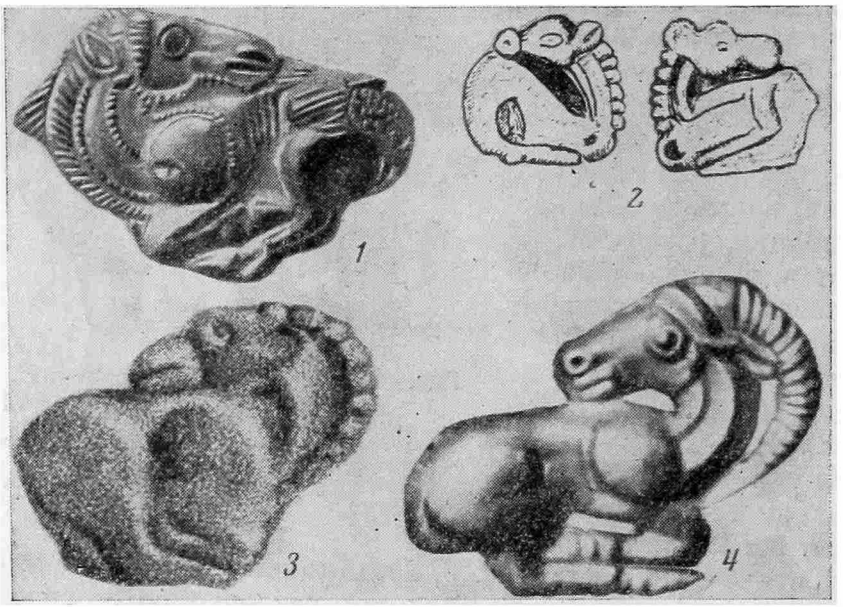


Рис. 8. Изображения фигурок коней и горных козлов

1 — на золотой пластине из кургана № 1 у с. Жаботин; *2* — на бронзовых пряжках-пронизях из Старшой Могилы; *3* — на бляхе центральной ручки бронзового зеркала из курганов Роменского уезда; *4* — на золотой бляхе из Витовой Могилы

Мы имеем в виду бляхи в виде фигурок коня с поджатыми ногами и повернутой назад мордой. Такие изображения известны на золотых бляхах головного убора из кургана № 35 у с. Бобрица, в кург. № 1, у с. Жаботин (рис. 8, *1*), на бляхе из кургана «Роменского уезда», на лицевой стороне бронзовых пряжек-пронизей из Старшой Могилы (рис. 8, *2*).

Совершенно очевидна связь этих изображений с мотивом горного козла, хорошо известным в раннескифском искусстве. Характерно, что в публикациях и в специальных работах по скифскому искусству они определяются то как изображения лошади, то как изображение козла.

Остановимся на сопоставлении двух этих мотивов. Изображения горного козла, животного, отсутствующего в фауне Северного Причерноморья, в позе с поджатыми ногами и повернутой на спину мордой, отягченной сзади большим крутым рогом, так же как и мотив хищника кошачьей породы, принадлежит, по мнению специалистов, к числу мотивов переднеазиатского, древневосточного происхождения [17].

Характерно, что во многих случаях горный козел и хищник, напоминающий льва, фигурируют вместе в украшении одних и тех же предметов восточного или греческого производства (келермесское зеркало и секира, шумейковский меч, колчан Витовой Могилы).

Мотив горного козла — один из наиболее излюбленных в древневосточном искусстве. Горный козел с повернутой назад мордой, изображенный

[17] Д. Берчу. Фрако-скифский меч-эмблема из Меджидии. «Dacia», нов. серия, II, 1958, стр. 115 сл.; K. Schefold. Ук. соч., стр. 46.

в момент движения, поднимающимся на передние ноги, выполнен на детском кресле Тутанхамона [18]. Два горных козла на задних лапах с повернутой назад мордой по сторонам дерева жизни имеются на золотой пекторали из Зивие [19]. Козлы, лежащие с поджатыми ногами и повернутой назад мордой, изображены во многих случаях на сиро-хеттских печатях [20]. В аналогичной позе изображена вырезанная из слоновой кости фигурка горного козла, найденная в Эфесе, в слое, относящемся к концу VII в. [21]

В скифском искусстве наиболее ранние изображения горных козлов встречаются на предметах из Келермеса и Мельгунова. Здесь представлен ряд вариантов изображений козлов, известных в древневосточном искусстве. Козлы, стоящие на задних лапах возле дерева жизни (келермесская секира), козел с повернутой назад мордой, поднимающийся на передние ноги (келермесское зеркало), с поджатыми ногами и повернутой назад мордой (келермесская секира, мельгуновский меч). Этот последний образ прочно вошел в раннескифское искусство. Он встречается часто в памятниках конца VI — начала V в. до н. э., в ту пору, когда греческое искусство начинает оказывать сильное влияние на искусство скифов.

Несмотря на сходство изображений коня и козла рассматриваемой нами серии предметов, они отличаются существенными различиями, не позволяющими смешивать два эти образа.

Главным отличительным признаком горных козлов (рис. 8, *3, 4*) является огромный дугообразный рог, украшенный поперечными рубчиками. Между внутренней стороной рога и шеей всегда имеется отчетливо выраженный промежуток. Морда козла значительно скошена от лба вниз. Ухо небольшое, размещено между затылком и внутренней стороной рога.

Иными чертами передано изображение коня (рис. 8, *1, 2*). Головка животного сливается с контуром тела. Морда удлиненная, вытянутая вперед. Угол падения от лба к носу значительно меньше. Грива, намеченная косыми насечками, не поднимается вверх от вершины головы, а идет вдоль контура шеи и спины и сливается с ними. Ухо треугольное, сравнительно крупное. Оно во всех случаях пересекает насечку гривы, что абсолютно невозможно при исполнении мотива горного козла. На бляхах Бобрицкого кургана передано характерное для изображений коня сужение средней части морды.

Приведенное сопоставление указывает, что одна и та же схема могла содержать изображение различных животных, а также и то, что в скифском искусстве имеется группа изображений коня, сделанных по типу древневосточного мотива горного козла. Известно, что в такую схему могли вкладываться и другие образы, например лося. Сочетание заимствованных и местных элементов здесь налицо. Заимствованная схема изображения горного козла начинает использоваться местными мастерами для воплощения других более знакомых и близких им образов.

То, что такая двойственность культурных начал для одного и того же образа не является случайной, а наоборот, весьма обычна, можно проследить на том же мотиве горного козла. В раннескифское время известна еще одна, сравнительно небольшая группа изображений горного козла, существенно отличающаяся от первой и не имеющая никаких связей с искусством Древнего Востока. Мы имеем в виду бронзовые бляхи конской уздечки, найденные в курганах Посулья (рис. 9), оформленные в виде фигурок горных козлов с прямыми, соединенными внизу ногами, опущенной вниз мордой и круто загнутым на спину рогом. Близкими к этой группе являются изображения горных козлов на ручках келермесского

---

[18] Г. Картер. Гробница Тутанхамона, М., 1959, табл. 47.

[19] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, табл. LVI.

[20] Б. В. Фармаковский, Ук. соч., стр. 39; Schaffer, Sceaux et cylindres hittites. «Ugaritica», III. Paris, 1959, стр. 35, рис. 46.

[21] K. Schefold. Ук. соч., стр. 67.

котла [22]. Аналогии этой серии изображений ведут в Западную Сибирь, Казахстан, на Памиро-Алай [23], где этот мотив является одним из наиболее ранних и широко распространенных.

Таким образом, совершенно очевидно, что в раннескифском искусстве встречаются две трактовки горного козла, одна из них восходит к древневосточной традиции, другая связана с искусством Средней Азии и Сибири. Обе они, вероятнее всего, заимствованы извне и не имеют себе прототипов в местном искусстве резьбы по кости.

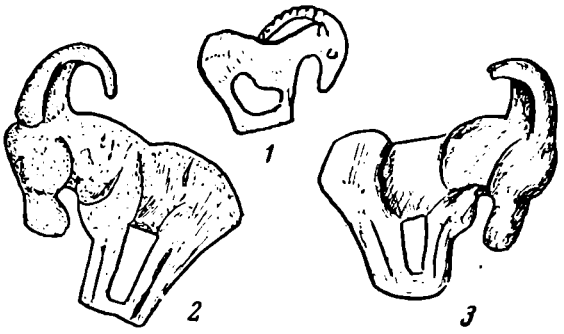


Рис. 9. Изображения горных козлов на бронзовых бляхах VI в. до н. э.

1 — из раскопок Т. В. Кибальчича в курганах у с. Аксютинцы; *2*, *3* — из кургана № 10 у с. Поповка

Изображение горного козла с поджатыми ногами и повернутой назад мордой доживает в скифском искусстве вплоть до начала V в. до н. э. Что же касается изображений коня, то, несмотря на огромное значение коневодства, в V в. до н. э. этот мотив почти полностью выходит из употребления. Встречаются редкие отдельные экземпляры бронзовых псалий, украшенных головкой коня [24], но эти единичные находки буквально тонут в массе других, более характерных для этой поры изображений. Сами головки носят черты вырождения и утраты прежних художественных традиций. В IV в. до н. э. получают распространение бляхи конского убора в виде свастики, загнутые концы которой оформлены в виде головок коней [25]. Художественный стиль этих блях указывает на сильное воздействие, идущее со стороны фракийского запада [26].

Изображения барана представляют широко распространенный в скифской архаике мотив. Резные из кости изображения головок баранов постоянно встречаются в украшении костяных псалий и пряжек пронизей VI в. до н. э. В оформлении их наблюдаются те же черты условной стилизации, умело передающей реалистические свойства животного, подчеркнутость отдельных деталей и наличие совершенно условных изображений, суть которых определяется лишь по одному признаку.

Головка барана на псалиях из кургана № 2 у с. Аксютинцы (рис. 10, *1*) имеет удлиненную морду с гротескно преувеличенными ноздрями и пастью, выделенными при помощи двух смежных овалов с углублениями посередине. От затылка начинается сделанный в выпуклом рельефе рог. Глаз показан концентрическим кружком, ухо маленькое треугольное. У большинства других изображений головок барана ухо отсутствует вовсе.

На псалиях из кургана № 467, 468 у с. Аксютинцы хорошо передана горбоносая морда животного (рис. 10, *4*). Пасть и ноздри в ряде случаев переданы врезными линиями.

---

[22] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, ВССА, стр. 116.

[23] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 243, табл. XX, *3*; XXIV, *6*; М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, 61, 1956, стр. 8; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, 1952, стр. 298.

[24] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. II, СПб., 1894, табл. XXII, *9*; III, СПб., 1901, табл. X, *11*.

[25] А. А. Спицын. Серогозские курганы. ИАК, 19, СПб., 1906, стр. 162, рис. 5; Краснокутский курган. ДГС, табл. XXIII, *7*; С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии, МИА, 50, 1956, стр. 186, рис. 25.

[26] Ср. клад из Крайовы. PZ, XVIII, 1927.

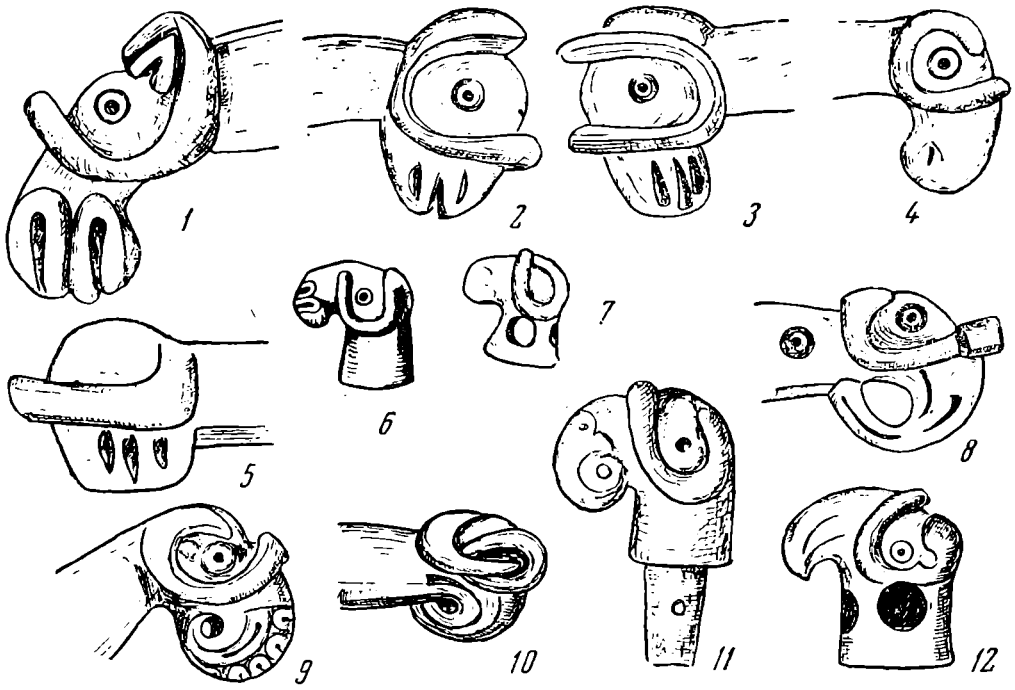


Рис. 10. Изображения головок барана и грифо-барана на предметах конского снаряжения VI в. до н. э.

1, 5 — на костяных псалиях из кургана № 2 у с. Аксютинцы; *2, 3* — из Старшой Могилы; *4* — из кургана № 467 у с. Аксютинцы; *6* — костяной наконечник псалия из Келермеса; *7* — бронзовая пряжка-пронизь из кургана № 10 у с. Поповка; *8* — на костяном псалии из Старшой Могилы; *9* — на костяном псалии из кург. № 2 у с. Аксютинцы; *10* — из кургана № 4 у Гуляй-Города, *11* — костяной наконечник и псалия из Кармир-Блура; *12* — костяная пряжка из Келермеса

Главным признаком образа является круто загнутый рог, идущий полукругом от затылка, огибающий снизу глаз. Передний конец его выступает из контура рисунка. Подобно торчащему остроконечному уху коня, переломленной вниз морде лося, рог барана является тем главным условным признаком, который позволяет определить содержание образа даже на самой аморфной головке (рис. 10, *5*).

Головки баранов на металлических псалиях, пряжках-пронизях, вотивных топориках копируют образцы из резной кости (рис. 10, *6*, *7*).

Характерные для раннескифской поры изображения барана не получили сколько-нибудь существенного развития в скифском искусстве V в. до н. э. Правда, этот мотив начинает использоваться греческими мастерами для украшения предметов, предназначенных для сбыта на скифском рынке, но при этом он подвергается решительной переработке. Это видно, например, в украшении бронзовых зеркал ольвийской работы, типа найденного в кургане № 38 у Гуляй-Города [27].

На бронзовом зеркале из кургана № 2 у с. Сутулмаре в Западной Подолии [28] отход от скифской традиции и орнаментальная переработка образа греческими мастерами еще очевиднее. На крестовидной бронзовой бляхе из Ольвии [29] дано развернутое изображение головки барана с вытянутой мордой и декоративно изогнутым рогом. В чисто греческой манере выполнено изображение головы барана на рыбе из Фетерсфельде.

На этих примерах отчетливо видно, как проникновение греческого влияния приводит к разрушению традиций раннескифского искусства и замене его новыми декоративно-орнаментальными формами.

Интересную и самобытно-оригинальную группу составляет серия изображений фантастического существа — грифо-барана, соединяющего в себе черты двух раннескифских образов — барана и орла. Такие головки

[27] А. Бобринский. Ук. соч., I, СПб., 1887, табл. VIII, *3*.
[28] T. Sulimirski. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936, стр. 48—50.
[29] С. И. Капошина. Ук. соч., стр. 173, рис. 16.

встречаются на костяных псалиях, пряжках-пронизях и костяных наконечниках псалий в Посулье, Правобережье, Келермесе и Кармир-Блуре (рис. 10, *7—10*). Передний конец морды барана сделан в виде клюва хищной птицы. Раздвоение клюва передано одним или несколькими резными линиями, идущими параллельно изгибу клюва. Нередко такая разделительная полоса бывает охвачена выделенной в выпуклом рельефе овальной фигурой в виде запятой. На некоторых головках надклювье бывает отделено косой поперечной черточкой. Роговица верхней половины клюва бывает украшена орнаментом в виде нескольких обращенных открытой стороной наружу полуовалов с углубленной черточкой внутри.

Описывая головки грифо-барана из Кармир-Блура, Б. Б. Пиотровский замечает: «По-видимому, образ грифона в скифском искусстве появился под влиянием древневосточного искусства и искусства Малой Азии. В Ассирии и Урарту грифон определенно выступает одним из мифических и художественных образов, вероятно, через Закавказье он проникает и к скифам» [30]. В скифском искусстве, по мнению автора, он претерпел формальные изменения — непонятные длинные загнутые уши были заменены рогами, и рогатый грифон стал типичным образцом скифского искусства.

Это замечание в целом довольно правильно намечает путь проникновения восточного грифона в скифское искусство, однако оно вряд ли применимо к данному конкретному образу грифо-барана, объединяющего черты двух основных раннескифских мотивов.

В древневосточном и раннегреческом искусстве известны львиные и орлиные грифоны, но отсутствуют образцы, в которых сочетались бы признаки орла и барана. Этот образ чужд восточному искусству не только по сюжету, но в еще большей степени по особенностям изображения. Он воплощает совершенно иную идею и состояние, нежели восточный грифон. Здесь нет ничего пугающего, подчеркнуто свирепого, нет особо выраженных признаков мощи, что составляет основное содержание образов орлиных и львиных грифонов Востока.

Торчащие вверх большие звериные уши, поднятый гребень, свирепо раскрытый клюв с жаловидно торчащим языком — таковы основные признаки головы грифона в восточном и греческом искусстве.

Скифский грифо-баран изображен в спокойном состоянии с закрытым клювом, в такой же манере, как и другие раннескифские изображения животных. В нем нет ни одного из перечисленных выше элементов, характерных для образа грифона.

Принимать рог грифо-барана за видоизменение ушей восточного грифона совершенно невозможно, поскольку эта черта просто перенесена из классического раннескифского изображения головки барана.

То, что этот образ вполне самостоятелен и не является преобразованием восточного мотива, занесенного на скифскую почву, хорошо доказывается последующей историей развития этого образа и сравнением его с группой восточных и греческих изображений грифона, известных в скифском искусстве VI—V вв. до н. э.

Как отмечает Н. Н. Погребова, в раннескифском искусстве Северного Причерноморья отмечается проникновение образа восточного грифона в двух основных его аспектах — ориентализующем, переднеазиатском, примером которого могут служить грифоны на ножнах келермесского и мельгуновского мечей, и ионийско-греческом, образцом которого является грифон келермесского зеркала. Оба эти варианта, по мнению Н. Н. Погребовой, решительно отличаются от изображений скифской хищной птицы — орла, являющейся образом вполне самостоятельным, уходящим своими корнями в далекое прошлое [31].

---

[30] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, I, Ереван, 1950, стр. 96—97.

[31] Н. Н. Погребова. Грифон в искусстве Северного Причерноморья. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 62, 67.

Голова архаического греческого грифона украшает налобную часть золотой келермесской диадемы (рис. 11, *1*). Точно такие же головки имеются на четырех бронзовых навершиях, найденных в этом же кургане (рис. 11, *2*). Данный случай особенно интересен, поскольку образ восточного грифона в его греческой трактовке оказался здесь на предмете, относящемся «к наиболее негреческой части погребального инвентаря» [32].

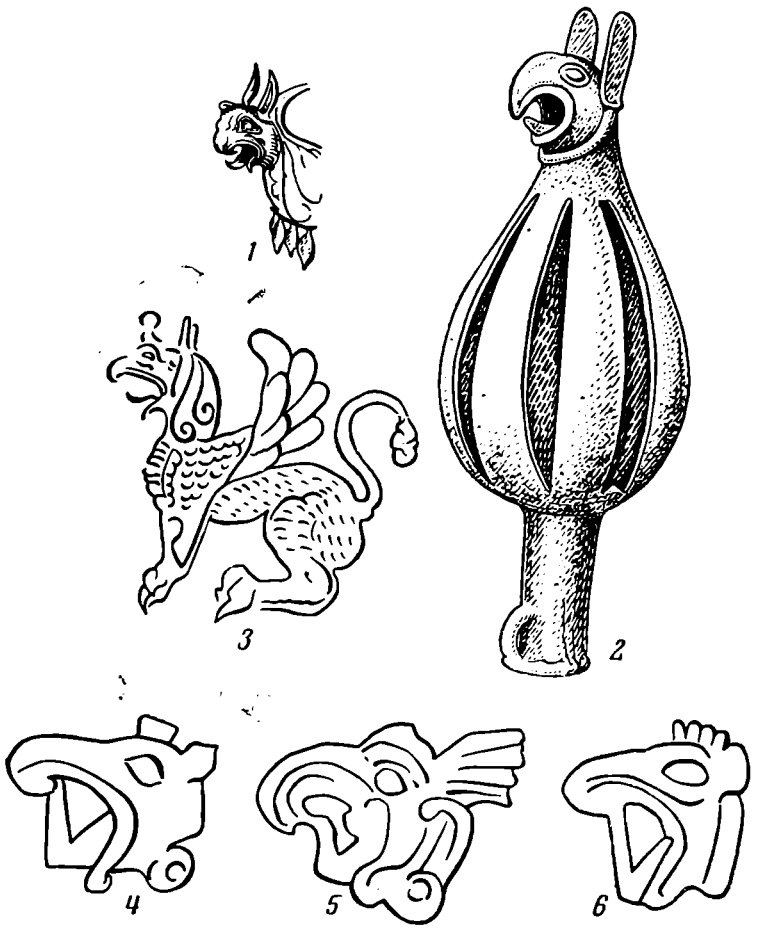


Рис. 11. Изображения восточного грифона из скифских курганов VI—V вв. до н. э.

1, 2 — на золотой диадеме и на бронзовом навершии из кургана № 3 у станицы Келермесской, раскопки Шульца; *3* — на келермесском зеркале; *4—6* — на бронзовых бляхах конского убора из курганов V в. до н. э.

Признаками образа являются длинные прямые закругленные у верхнего конца уши, хищно раскрытый крючковатый клюв, торчащий язык. На данном примере можно убедиться, что перенесение этого мотива на скифскую почву не привело к превращению ушей грифона в рога барана.

Имеется несколько раннескифских наверший, украшенных головками странных фантастических зверей, сочетающих черты скифских образов с элементами восточного грифона. Механическое смещение тех и других черт породило довольно уродливые образы.

Одно из наверший Роменского уезда (рис. 12, *1*) в схеме своей повторяет традиционную головку коня. Однако при этом здесь имеется открытая пасть, высунутый наружу язык, торчащий между ушами гребень — характерные признаки грифона. У другого из роменских наверший (рис. 12, *3*) головка напоминает в профиль барана или грифо-барана. Но при этом отсутствуют рога, торчат вверх длинные прямые уши грифона, посередине имеется гребень. На третьем из роменских наверший

[32] Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 65.

(рис. 12, *2*) — морда зверя с оскаленной, полной зубов пастью, высунутым языком и длинными торчащими ушами.

Таким образом, проникновение восточного грифона не привело к появлению образа грифо-барана, а породило смешенные изображения, сочетающие заимствованные элементы с традиционными мотивами.

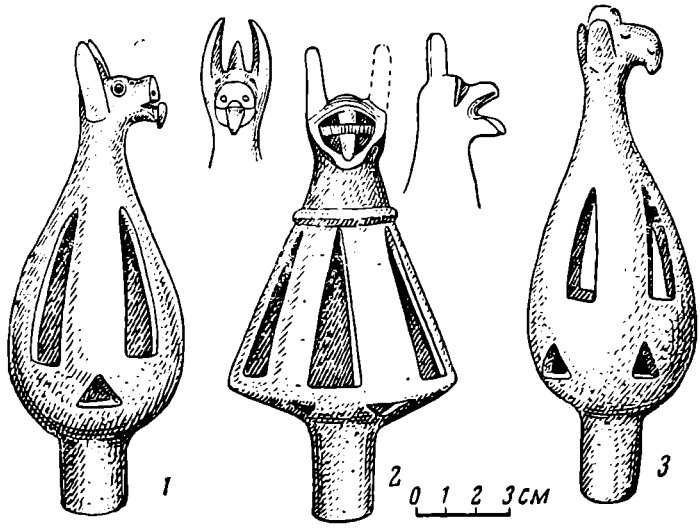


Рис. 12. Изображения головок фантастических существ на бронзовых навершиях из курганов Посулья

Пытаясь проследить дальнейшую историю этого образа, легко заметить, что изображения грифо-барана не переходят в скифское искусство V в. до н. э. Этот мотив присущ только архаике. Позднее он полностью и бесследно исчезает, вытесняется образом орлиного грифона, ведущего свое происхождение от восточногреческого прототипа. В V в. до н. э. ста-

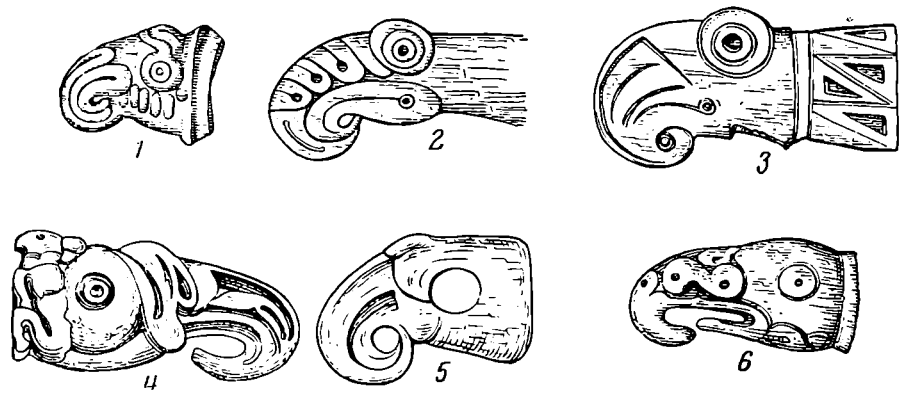


Рис. 13. Изображения орлиных головок на скифских предметах VII—VI вв. до н. э.

1, 4, 6 — на костяных наконечниках псалий из Жаботина, Темир-Горы и Серогоз; *2, 3* — на костяных псалиях из кургана у хут. Грушевки близ Запорожья и кургана № 2 у с. Жаботин; *5* — на костяной пряжке-пронизи из кургана у с. Поповка на Суле

новятся обычными бронзовые ажурные бляхи в виде головок грифонов с большими звериными ушами, торчащим гребнем, хищно открытым клювом с вертикально торчащим языком (рис. 11, *4—6*), подобных изображению грифона на навершиях Ульского аула [33]. Особенности отделки этих блях, изображение гребня и уха в виде рубчатой пальметты, указывают на связь их с греческим искусством.

[33] ОАК за 1908 г., стр. 118.

С образом грифо-барана тесно связан распространенный в раннескифское время мотив хищной птицы. Основную массу изображений орлиных головок представляют изделия из резной кости: псалии, костяные наконечники псалий, пряжки-пронизи. Изображения орлиных головок в бронзе на навершиях, пряжках-пронизях, вотивных топориках подражают костяным.

Рис. 14. Изображения головок хищных птиц на скифских предметах V в. до н. э.

На костяных псалиях и наконечниках псалий головка птицы бывает вытянута вперед, в направлении пластины псалия (рис. 13). Большой круглый глаз иногда выделяется округлым выступом (псалии из Жаботина и Грушевки, рис. 13, *2, 3*), но чаще бывает вписан внутрь головки (рис. 13, *1, 4, 6*). На пряжках-пронизях месту глаза часто соответствует сквозное отверстие (рис. 13, *5*). Важным признаком архаических изображений головок хищных птиц, в отличие от более поздних, является то, что восковица у них не бывает выделена в качестве самостоятельной детали в контуре профиля головки, а лишь намечена поперечной черточкой в рисунке. Роговица верхней половины клюва часто бывает украшена резным рисунком. Орнамент и оформление клюва такие же, как и на головках грифо-барана.

В отличие от предыдущих раннескифских мотивов, представленных в изделиях из кости, изображение орлиной головки получило широкое распространение в скифском искусстве последующего периода, особенно в изделиях из золота, претерпев при этом, однако, весьма существенные изменения.

С конца VI — начала V в. до н. э. этот мотив используется греческими мастерами для украшения скифских вещей. Примером тому может служить ольвийское зеркало из кургана у с. Басовка (рис. 14, *1*). Верхний конец рукоятки украшен ионийской капителью, а нижний — двумя обращенными навстречу друг другу орлиными головками, которые, воспроизводя известные раннескифские образцы, в то же время, существенно отличаются от них. Клюв приобрел вид круглого спирального завитка. Восковица выделена в особую часть в контуре рисунка и украшена косыми поперечными черточками. Совершенно необычна для скифского искусства орнаментальная композиция из двух обращенных навстречу друг другу головок.

Аналогичные орлиные головки имеются на бронзовой крестовидной бляхе, найденной в Ольвии [34], три выступающих конца которой оформлены в виде головок хищной птицы. Восковица сделана в виде прямой украшенной косыми насечками планочки. Клюв со спиральным завитком. В пропорциях головки достигнуто удивительное равновесие и гармоническое сочетание отдельных частей. И в то же время скифская стилизация образа хищной птицы здесь уже оказалась разрушенной, превращенной в орнаментальный мотив.

Сравнивая эти изображения с орлиными головками на костяном гребне из курганов Посулья (рис. 14, *2*), легко убедиться, что они сделаны совершенно в той же манере, что и на ольвийских изделиях, в подражание последним. Клюв также имеет вид кольца со спиральным завитком, восковица в виде пластинчатой накладки с косой насечкой. На нижней части клюва имеется спиральный завиток. Приведенные аналогии указывают, что данный гребень не может быть датирован временем ранее начала V в. до н. э.

Среди материалов, найденных в Ольвии, имеется костяная пластина в форме птичьей головы [35]. Глаз птицы окаймлен насечкой. В основании низа клюва имеется спиральный завиток, сделанный такой же насечкой. Надклювье выделено в виде пластинчатого выступа. Два ряда зубов изображены в виде обращенных вершинами друг к другу треугольников. Как отмечает С. И. Капошина, аналогии этому изображению дает серия золотых пластинок из скифских курганов у с. Яблоновки [36], Берестняг [37]. Развитие образа идет в направлении нарастания орнаментально-декоративных элементов. На золотой пластине из Яблоновки глаз сделан в виде многолучевой розетки. На некоторых бронзовых бляхах сзади птичьей головы или же в основании спирального завитка клюва имеется дополнительный мотив греческой пальметты [38].

Разложение образа приводит к появлению декоративной схемы в виде круглого глаза, выступающей пластины восковицы и расположенного ниже спирального завитка клюва. Этот мотив встречается как орнаментальный элемент в оформлении ряда скифских изделий V—IV вв. до н. э. Таковы бронзовые налобники из кургана № 4 у с. Волковцы [39], золотые

---

[34] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., табл. XII, *1*.

[35] С. И. Капошина. Памятники звериного стиля из Ольвии. КСИИМК; XXXIV, 1950, стр. 43, рис. 51.

[36] Там же, стр. 45.

[37] А. Бобринский, табл. XVIII, 1.

[38] А. А. Бобринский, отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. ИАК. 14, стр. 9—17, СПб., 1905.

[39] В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы. КСИИМК, 54, 1954, стр. 35, рис. 13.

пластинки из Журовки и Карагодеуашха, где при помощи таких головок переданы ветви рогов оленя [40], и пр.

Мы остановились несколько подробнее на характере развития мотива хищной птицы в скифском искусстве, поскольку он дает особенно наглядный пример разрушения древнескифского мотива под влиянием искусства греческих городов Северного Причерноморья, перерождение древнего образа в чисто декоративную схему. В этом отношении мы полностью разделяем точку зрения Н. Н. Погребовой, отмечающей, что «Греческие мастера своим непониманием художественного стиля скифов сыграли не положительную, а отрицательную роль в его развитии, создавая гибридные произведения, чисто механически сочетающие элементы скифского звериного стиля с греческими формами, лишая скифский стиль его своеобразия, искажая целостность его мироощущения и способствуя его упадку» [41].

Помимо головок хищной птицы, в раннескифском искусстве изредка встречаются изображения полной фигуры хищной птицы с распростертыми крыльями и повернутой в профиль головой. В отличие от описанных выше в раннюю пору они встречаются исключительно в золоте среди украшений Келермесского и Мельгуновского курганов. Таковы фигурки на золотой диадеме Келермеса и бляхи Мельгуновского кургана. Следует отметить, что этот мотив не повторяется в резной кости.

Изображения хищной птицы в такой же или близкой к этой трактовке, с распростертыми крыльями и обращенной в профиль головой широко известны в искусстве переднеазиатского востока, начиная с глубокой древности и вплоть до ахеменидской поры. Серия подобных изображений имеется на капподокийских печатях [42], на золотой пластинке ахеменидского времени [43].

Представляется вполне возможным, что этот вариант изображения хищной птицы в скифском искусстве заимствован из стран Древнего Востока. Описывая аналогичное изображение орла из второго Башадарского кургана в Горном Алтае, С. И. Руденко отмечает, что этот образ восходит к древнеассирийским прототипам [44].

Продолжение развития этого мотива наблюдается в изделиях греко-скифского мастерства V в. до н. э. Таковы орлиные фигурки на бляхах из Золотого Симферопольского кургана, кургана «Г» у с. Журовки, золотом налобнике из Журовского кургана и пр. [45].

Таким образом, для изображений хищных птиц в скифском искусстве конца VII — начала VI в. имеется два начала. Одно из них представлено орлиными головками в резной кости, тесно связанными с изображениями грифо-барана. Другое идет из глубин искусства Древнего Востока. Этот последний вариант послужил основой для дальнейшей разработки мотива орлиной головки в греко-скифском искусстве V—IV вв. до н. э.

Древнейшие из известных нам предметов скифского искусства относятся к концу VII — началу VI в. до н. э. Наиболее ранними являются находки из Темир-Горы, Кармир-Блура, Серогоз, кургана № 2 у с. Жаботин. Как отмечает Б. Б. Пиотровский, временем не позднее начала VI, а возможно конца VII в. до н. э. следует датировать комплексы Мельгуновского и Келермесского курганов с золотыми вещами [46]. Близко к этому

---

[40] K. Schefold. Ук. соч., стр. 47 и 55.

[41] Н. Н. Погребова. К вопросу о скифском зверином стиле. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 140.

[42] G. Contenau. La civilisation des hittits. Paris, 1948, стр. 99, рис. 4, 36, 139; Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 23, рис. 1.

[43] A. Poppe. SPA, IV, 116.

[44] С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы, М., 1952, стр. 199.

[45] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, 37, Птг., 1918, рис. 24; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках..., стр. 27, рис. 65. K. Schefold. Ук. соч., стр. 47, рис. 44.

[46] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, стр. 248.

времени (конец VII в.) относятся и предметы с украшениями скифского типа из клада Зивие [47].

Изделия аналогичного художественного стиля продолжают бытовать на протяжении VI в., его середины и второй половины, вплоть до той поры в конце VI в., когда ольвийские ремесленные мастерские начинают наводнять скифский рынок изделиями своего производства.

В этот ранний «догреческий» период скифское искусство выступает уже как весьма сложное образование, в котором могут быть выделены два основных различных начала. Одну группу ранних изображений составляют образы, связанные с искусством Древнего Востока и Закавказья. Это хищник, напоминающий льва, с поджатыми или подогнутыми ногами, горный козел с поджатыми ногами и повернутой назад мордой, птица с распростертыми крыльями, восточный грифон. Как уже упоминалось выше, все эти мотивы наиболее отчетливо выступают на золотых предметах из наиболее сильно ориентализованных комплексов.

Вторую группу составляют изображения, которые не могут быть выведены из древневосточного искусства. Основу этой группы составляют изделия из резной кости: головки коня, барана, грифо-барана, хищной птицы. К этой же группе, вероятнее всего, следует отнести ранние изображения оленя и лося.

Помимо этих двух основных групп, в раннескифском искусстве может быть отмечено проникновение некоторых других отдельных элементов. Выше мы упоминали бронзовые бляхи с изображением «сибирского» козла. Изредка встречающееся на навершиях и некоторых золотых бляхах изображение водоплавающей птицы — «уточки» вероятнее всего заимствовано из искусства гальштатта, а образ быка и оленя на ранних скифских навершиях из Старшой Могилы и станицы Мохошевской тесно связан с аналогичной группой изображений на навершиях Кавказа [48].

В скифском искусстве VI в. до н. э. все эти образы не только сосуществуют параллельно, но тесно сплетаются между собой. В классическую для восточного искусства позу горного козла вкладываются местные мотивы коня и лося, появляются фантастические существа, сочетающие элементы восточного грифона с местными образами коня и барана. Имеются случаи переосмысления и переработки местными мастерами восточных мотивов.

С другой стороны, скифские мотивы не только преломляют восточные элементы, но и сами проникают в восточную среду. Изображения птичьих голов и скифского оленя имеются на боковом выступе келермесского меча, остальные украшения которого выполнены в восточно-урартийском стиле. На отдельных предметах Саккызского клада восточные мотивы сочетаются с изображениями головок хищных птиц и сделанных в скифской манере пантер. Б. Б. Пиотровский усматривает в этом скифское влияние на мидийско-манейское искусство [49].

Несмотря на сложность состава, скифское искусство раннего этапа в целом выступает не как механическая смесь отдельных разнокачественных элементов, а как органический сплав, в котором все его стороны объединены единством художественных средств и приемами передачи образа животного.

В литературе широко распространено мнение о скифском художественном стиле как о стиле «хищно-зверином», в котором специально подчеркнуты боевые качества животных. Считается, что для скифского искусства обычны сцены борьбы и терзания зверей.

Эта характеристика, в общем достаточно верная для скифского искусства V—IV вв. до н. э., мало отражает специфику художественного стиля VII—VI вв. до н. э. Общей чертой для всей архаики является изображе-

[47] R. D. Barnett. The Treasure of Ziwiye. «Iraq», XVIII, 2, 1956, стр. 111—116.
[48] В. А. Іллінська. Про скіфські навершники. Археологія, XV, Київ, 1963.
[49] Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 255.

ние одиночного изолированного образа животного или какой-то его части, а также отсутствие композиций и сцен, в которых положение животного было бы обусловлено характером действия. Лишь изредка встречается расположение звериных мотивов вертикальным столбиком (пластины из Кармир-Блура) или горизонтальным рядом (жаботинские пластины), на которых изображения животных покрывают поверхность предмета.

Геральдические сопоставления животных — горных козлов или хищников кошачьей породы явно заимствованы из репертуара древневосточного и урартийского искусства.

Для изображений животных характерно отсутствие каких-либо особых пугающих качеств и свойств.

Отдельное преувеличение частей тела — удлинение уха, расширение ноздрей, большой круглый глаз, подчеркнутый изгиб клюва — все это является приемами стилизации и служит для наиболее выразительной передачи основных качеств животного, но не для особого подчеркивания его боевых или защитных свойств.

Общее направление художественного стиля в ранний период может быть определено как условная стилизация реалистического образа животного, которой свойственно удивительное сочетание противоречивых качеств «строгой стилизации с высочайшим правдоподобием» [50]. Причем стилизация эта имеет тенденцию переходить в схематизм и условность, утрачивая свои реалистические черты. В этом отношении ранний звериный стиль VI в. не является орнаментально-декоративным. Эти черты развиваются в нем позднее и более присущи искусству V и IV вв.

Раннему искусству несвойственна «боязнь пустоты». Здесь еще сравнительно редко встречается украшение отдельных частей тела животного дополнительными звериными мотивами. К произведениям такого рода относится келермесская пантера, орлиная костяная головка Темир-Горы и некоторые другие. Однако это явление, получившее затем особое развитие в искусстве V в., находится здесь еще у своего начала.

---

[50] G. Borovka. Ук. соч., стр. 33.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

СИРАКСКИЙ СОЮЗ ПЛЕМЕН НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

История сираков и возглавлявшегося ими племенного союза по сравнению с остальными сарматскими группами и племенными объединениями изучена наиболее слабо. Это — прямое следствие общепризнанного факта недостаточности наших прежних знаний о сарматских древностях Северного Кавказа. А именно с предкавказскими степями и равнинами связаны все дошедшие до нас упоминания о сираках. На Северном Кавказе сираки, по сообщениям современников, играли роль важной политической силы в сложной обстановке конца I тысячелетия до н. э.— первых столетий н. э. Немногочисленные сведения о сираках у древних авторов и легли в основу первых попыток локализации и изучения сиракских племен.

Прежде всего стало ясно, что под р. Ахардеем античных писателей, по которой живут сираки (Страбон, XI, 5, *8*), могут подразумеваться скорее всего современный Маныч и его притоки [1]. Где-то здесь, в приманычских степях, примерно в 75 *км* к югу от Танаиса («три дня пути»), находилась «столица сираков город Успа» (Тацит, Анналы, XII, 15—18). Здесь, по соседству с областью дандареев и недалеко от Кубани, развернулся в 49 г. н. э. основной этап борьбы между сираками, поддерживавшими Митридата VIII и римско-аорскими армиями. В прикубанских степных районах Савромат II Боспорский разгромил сираков на рубеже II—III вв. н. э. Отсюда владения сираков «спускались к югу до Кавказских гор» и поэтому предкавказские степи названы Страбоном «сиракскими равнинами», заселенными отчасти кочующими, отчасти оседлыми сарматскими племенами.

Таковы сведения о сираках, которые можно почерпнуть из письменных источников.

В окрестностях Маныча М. И. Артамоновым и Б. В. Луниным было выявлено несколько сарматских погребений последних веков до н. э. с весьма характерной отличительной чертой. Все они имели западную ориентировку [2] (рис. 1) в отличие от южной, безраздельно господствующей на остальной сарматской территории начиная с IV в. до н. э. и до II в. н. э.

В междуречье Лабы и Кубани еще в начале нашего века Н. И. Веселовским был раскопан ряд богатых сарматских курганов (у хут. Зубовского, ст. Воздвиженской, Гейгановской и др.) [3], из которых самые ранние

---

[1] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Птрг., 1918, стр. 128.

[2] М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. ИГАИМК, 109, Л., 1935, стр. 201 сл.; его же. Раскопки курганов в долине р. Маныч в 1934—1936 гг. СА, IV, 1937, стр. 93—131; его же. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г. СА, XI, 1949; Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938—1939 гг. Сб. «Памятники древности на Дону», Ростов н/Дону, 1940, стр. 19—21.

[3] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 341—373.

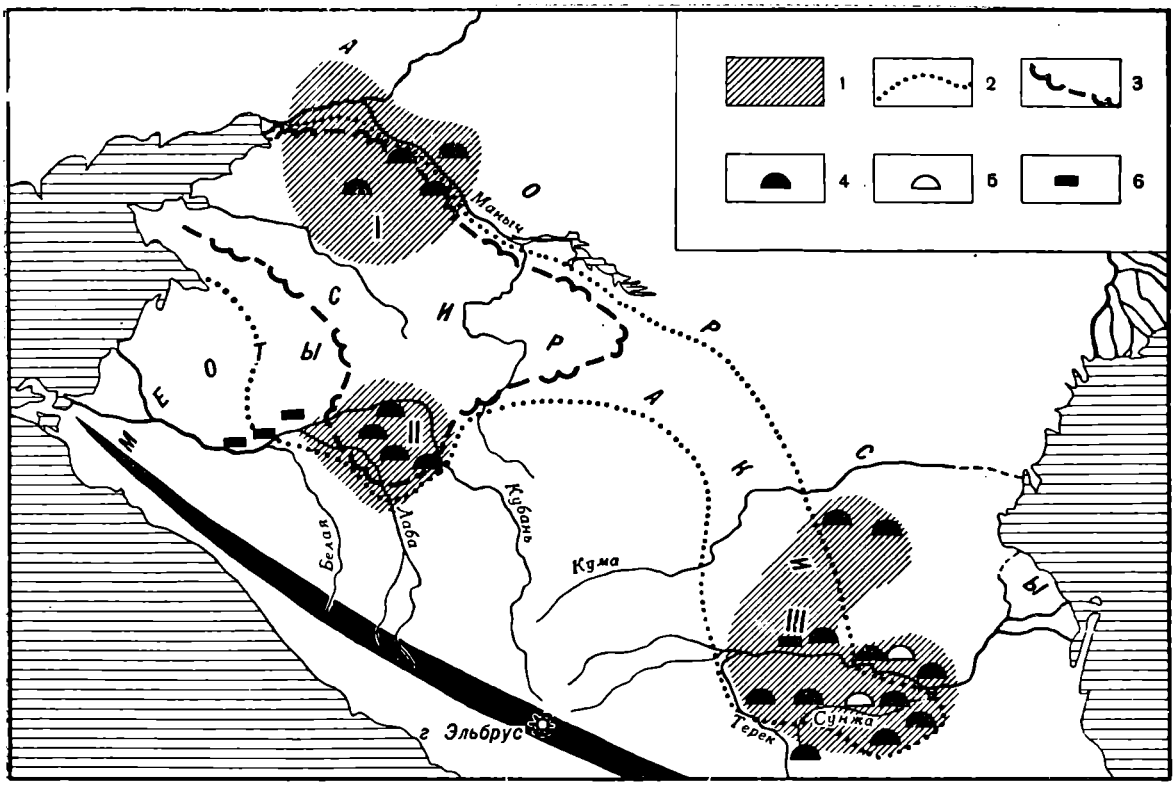


Рис. 1. Сиракский союз племен на Северном Кавказе

1 — районы, где исследованы сиракские памятники; *2* — возможные границы сиракского союза в эпоху расцвета (II—I вв. до н. э.— первая половина I в. н. э.); *3* — вероятная территория сиракского союза во второй половине I—II в. н. э.; *4* — курганные захоронения сираков (с западной ориентировкой костяка при типично сарматском обряде и с инвентарем, имеющим некоторые черты меотской культуры); *5* — курганные захоронения местных сарматизованных сираками племен (у сел. Мекенская, В. Акбаш, у гор. Грозного); *6* — грунтовые могильники местных племен, подпавших под влияние сираков и их культуры (краснодарско-усть-лабинская группа, Моздокский могильник и др.); *I* — Приманычская группа памятников (у ст. Кагальницкой, хут. Веселой, Спорный, Тузловка и др.); *II* — Зубовско-воздвиженская группа (у ст. Воздвиженская, Гейгановской, хут. Зубовского и др.); *III* — Терско-сунженская группа (у сел. Ачикулак, Бажиган, Мекенская, Червленная, Кулары, Алды, Пседах, Нов. Аршти, у гор. Моздок, Грозный и др.)

курганы датируются III—II вв. до н. э., а самые поздние — II в. н. э.[4]. В них также господствует западная ориентировка костяков (рис. 1).

Кроме того, с III—II вв. до н. э. западная ориентировка и сарматский обряд начинают распространяться (а с I в. до н. э. и преобладать) в грунтовых могильниках и курганах Среднего Прикубанья (Усть-Лабинско-Краснодарская группа), широко изученных Н. В. Анфимовым [5].

Следовательно, в руках археологов оказался материал, достаточный для выделения приманычско-прикубанских сарматских захоронений последних веков до н. э.— первых веков н. э. в особую группу, которую вполне правомерно было связать именно с сираками.

К. Ф. Смирнов, изучив все открытые памятники, предпринял первую попытку характеристики исторического пути сираков на Северо-Западном Кавказе [6]. Весьма важными были выводы о начале сиракского продвижения из приманычских районов в Прикубанье в III—II вв. до н. э. и о существовании центра сиракского племенного союза на рубеже н. э. в верхнем Прикубанье, в области зубовско-воздвиженской группы сарматских

[4] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952.

[5] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951; его же. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1947 и др.

[6] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950; его же. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья; его же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, М., 1954; K. Smirnov. Repartition des tribus sarmates en Europe Orientale. Les rapports et les informations des archeologues de l'URSS. M., 1962 и др.

памятников. К. Ф. Смирнов, основываясь на длительном переживании у сираков исконно савроматского обряда западной ориентировки, допускает, что сираки Приманычья и Восточного Прикубанья являются прямыми потомками задонских (геродотовских) савроматов.

Параллельно изучая меотские (иногда сильно сарматизованные) памятники Среднего Прикубанья, Н. В. Анфимов пришел к мнению, что основной границей расселения меотских и сарматских (сиракских) племен Прикубанья был левый приток Кубани — Лаба [7].

Таким образом, исследование сиракских памятников Приманычья и Прикубанья позволило в общих чертах выяснить картину распространения сираков и их культуры в Прикубанье, а также взаимоотношения сарматов с местной этнической средой.

Раскопки А. А. Бобринского, Б. Б. Пиотровского, Е. И. Крупнова, Н. Я. Мерперта, Р. М. Мунчаева и других выявили определенное число сарматских памятников также и на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа, однако большинство из них не было опубликовано. Первый опыт изучения сарматских племен восточной половины Предкавказья был сделан в недавно вышедшей книге о сарматах Северо-Восточного Кавказа [8].

При этом выделилась значительная (в несколько десятков захоронений) группа сарматских могил рубежа IV—III в. до н. э.— III в. н. э. (у сел. Ачикулак, ст. Мекенской, Пседах, Кулары, гор. Моздок, Грозного и др.), совершенных с характерным сиракским обрядом — западной ориентировкой костяков в узких могильных ямах и погребальном инвентарем близким сиракским и меото-сарматским захоронениям Северо-Западного Кавказа (рис. 1). Письменные источники подтвердили пребывание сираков на Северо-Восточном Кавказе. Сопоставление письменных источников с археологическими данными дало новые доказательства в пользу гипотезы о генетическом родстве и преемственности культуры и исторических судеб сираков и савроматов. Все вместе это позволило охарактеризовать историю сираков на Северо-Восточном Кавказе.

Ценные сведения о военно-политических взаимоотношениях сарматов Центрального Предкавказья с кавказскими племенами и Иберией в последние века до н. э. оставила нам грузинская летопись «Картлис цховреба». До недавнего времени этот источник почти не использовался в изучении древней истории Северного Кавказа и тем более истории сарматов. Сейчас такая возможность в достаточной мере обоснована тем, что доказана достоверность основных сообщений летописи для прошлого Грузия [9] и сделана первая попытка использования их для воссоздания древней истории северокавказских районов [10].

Увеличилось и число археологических памятников. К приманычской и зубовско-воздвиженской группам сиракских захоронений прибавилась значительная терско-сунженская группа, а к памятникам местных, сарматизованных сираками племен Прикубанья — Моздокский могильник и несколько десятков захоронений в бассейне р. Терек, оставленные аборигенными племенами, подпавшими под влияние сираков и их культуры. Определенный успех сопутствовал и попыткам выявления бытовых памятников племен сиракского объединения [11].

В разработке частных проблем темы существенно помогают и некоторые другие, прежде абсолютно не использовавшиеся по отношению к сира-

---

[7] Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, XXXIV, 1950; его же. Меото-сарматский могильник..., стр. 204.

[8] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Тр. ЧИНИИ, VI, Грозный, 1963.

[9] Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

[10] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 130—173.

[11] См. Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, стр. 27—35; В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 109—129.

кам источники — фольклор, топонимика, лингвистические наблюдения и пр.

Все названные виды источников используются в предлагаемом ниже очерке истории сиракских племен Северного Кавказа и племенного объединения под их главенством.

Первые упоминания сираков встречаются на рубеже н. э. у Страбона, однако следы их деятельности на Кавказе обнаруживаются значительно раньше.

Самые древние захоронения савроматского типа, тесно связанные по обряду и инвентарю с нижневолжскими могилами, открыты в Предкавказье в окрестностях р. Маныч и в междуречье Кумы и Терека [12]. Таким образом, северные районы предкавказских степей уже в VI—IV вв. до н. э. оказались включенными в обширный племенной союз нижневолжских (геродотовских) савроматов [13], который целым рядом локальных признаков отделяется от самаро-уральской группы сарматов, связываемой с протоаорсами (верхними аорсами Страбона) [14]. Первоначальное сосуществование этих двух родственных областей раннекочевнической культуры резко нарушилось в конце IV в. до н. э. с продвижением племен так называемой прохоровской культуры из Оренбургских и Западно-Казахстанских степей в Поволжье и на Дон. Это движение отражало переселение массы кочевников Приуралья, входивших в аорский союз племен, на запад. Причины и ход расселения сейчас в общих чертах вырисовываются на основе анализа многих сотен погребальных комплексов в Северном Прикаспии. В итоге названных перемещений савроматское (нижневолжское) объединение племен VII—IV вв. до н. э. распалось, уступив место новым племенным территориям и союзам [15]. Сами геродотовские савроматы оказались включенными в новые объединения и быстро восприняли прохоровскую культуру во всех ее основных чертах. Но это судьба не всех савроматов Геродота.

Волна победоносных приуральских сарматских орд на первых порах не затронула самые южные (приманычские) области савроматского (нижневолжского) союза. Здесь продолжала прочно удерживаться западная (исконно савроматская) ориентировка в могилах последних веков до н. э. Вероятно, в Приманычских районах сохранили независимость некоторые племена прежде обширного савроматского объединения. Отброшенные из Нижнего Поволжья на юг своими более сильными сородичами, савроматы Приманычья стали в свою очередь теснить местное предкавказское население, расселившись до подножий Кавказских гор. Можно утверждать, что сираки античных авторов рубежа н. э. это и есть приманычские кочевники, в VII—IV вв. до н. э. скрывавшиеся в нижневолжском племенном союзе под общим наименованием — савроматы (рис. 2).

Натиск приманычских сираков в движении к Кавказским горам должны были испытать все местные племена равнин и предгорий. Однако судьба этих последних оказалась различной. В соседних с Приманычьем районах Северо-Западного Кавказа захватнические устремления кочевников были ограничены сильными и многочисленными синдо-меотскими племенами Прикубанья. Со второй половины IV в. до н. э. ряд местных племен Прикубанья был включен в состав Боспорского царства или в сферу его

---

[12] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2; К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3.

[13] В. Б. Виноградов. Продвижение сарматских племен на Северо-Восточный Кавказ по археологическим данным. Тезисы XXIII студенческой научной конференции Тбилисского ун-та. Тбилиси, 1961, стр. 124.

[14] К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения.... стр. 19; его же. Вооружение савроматов. МИА. 101, 1961, стр. 3; его же. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М., 1964.

[15] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950; K. Smirnov. Repartition des tribus..., стр. 7, рис. 1—2.

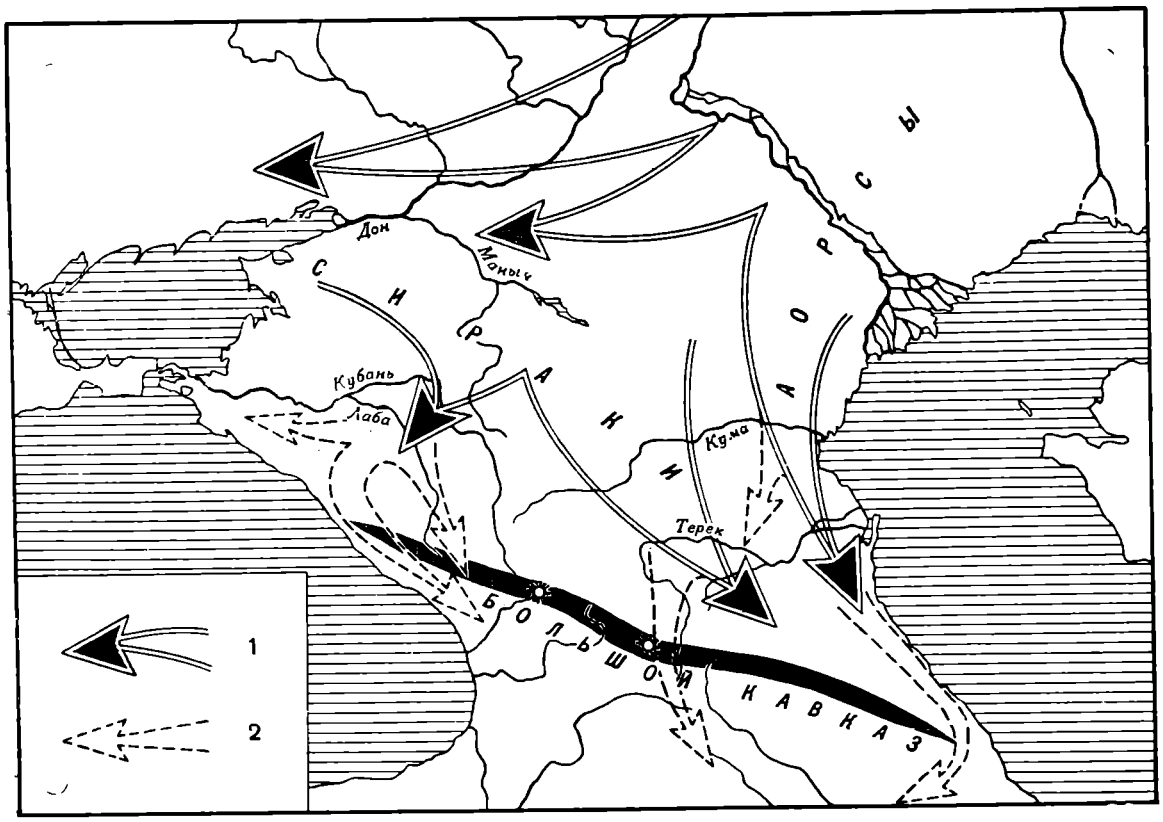


Рис. 2. Карта сарматских передвижений на Северном Кавказе в IV в. до н. э.— I в. н. э.

1 — расселение сираков и аорсов в III в. до н. э.; *2* — направление военно-политических и торговых интересов сираков и аорсов.

политического и экономического влияния, что, бесспорно, затрудняло продвижение сарматов в эти места (рис. 2).

Как реакция на попытки сарматского проникновения в Прикубанье в IV в. до н. э. возникли густые цепи городищ и укреплений по среднему течению Кубани и ее левым притокам [16]. В меотских памятниках IV—III вв. до н. э. элементы сарматской культуры еще бедны и эпизодичны, хотя именно в это время сюда начинает проникать сиракский обряд западной ориентировки костяков со всеми остальными атрибутами сарматского погребального ритуала [17]. Районом Прикубанья, который на несколько веков прочно освоили сираки, явилось междуречье Лабы и Кубани. Сюда кочевники проникли с территории степного Ставропольского плато, преодолев 90-километровый неукрепленный городищами отрезок верхнего течения Кубани (между станицами Темижбекской и Прочноокопской) [18].

По мнению археологов (Н. В. Анфимов, К. Ф. Смирнов, Е. П. Алексеева), граница между сираками и меотами проходила в районе р. Лабы, возможно, по ее течению. Ближайший слева приток Лабы так и называется «Фарс», что означает на иранских языках «сторона», «бок», «окраина», «країний». Очень вероятно, что в названии реки отразилось представление праноязычных сираков о границе своих владений в Закубанье. Последние охватывали районы восточнее Лабы. Здесь сираки оставили богатую зубовско-воздвиженскую группу сиракских курганов III—II вв. до н. э.— II в. н. э. Отсюда распространяется все усиливающееся сарматское влияние на соседние меотские племена Среднего Прикубанья (рис. 1) [19]. Одновремен-

[16] Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 25—26; его же. Племена Прикубанья в сарматское время. СА, XXVIII, 1958.

[17] К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, 1958; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 190 сл.

[18] Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 27.

[19] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 207—210; его же. Племена Прикубанья в сарматскую эпоху, стр. 67.

но сами сираки, находясь в далеко не дружественных отношениях с новыми, потеснившими их сарматскими союзами племен и столкнувшись с более развитой материальной культурой меотов, восприняли ряд важнейших черт культуры своих прикубанских соседей.

По-другому сложились дела на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. Еще в савроматскую эпоху кочевники были достаточно осведомлены об этой обширной территории с ее многочисленным, но разрозненным и разобщенным населением [20]. Сюда и направили сираки — прямые потомки и последователи савроматов — свой основной удар (рис. 2).

С конца IV — начала III в. до н. э. прекращается жизнь на большинстве основных и крупнейших неукрепленных поселений скифской эпохи на Северо-Восточном Кавказе [21]. Начиная с III в. до н. э. в степной и предгорной полосе Центрального Предкавказья совершенно исчезают местные погребальные обряды и традиции (скорченность и неустойчивая ориентировка костяков в грунтовых ямах, заваленных булыжником и пр.), столь характерные для эпохи VI—IV вв. до н. э. Зато все пространство края вплоть до места слияния Терека и Сунжи на востоке и до лесистых предгорий на юге оказывается уже с рубежа IV—III вв. до н. э. прочно освоенным сираками. Курганные захоронения с западной ориентировкой костяков при типично сарматском обряде и с инвентарем, имеющим большое сходство с манычско-прикубанскими сарматскими памятниками, густо заполняют бассейн Терека и Сунжи, иллюстрируя прочную и глубокую сарматизацию Северо-Восточного Кавказа. Местные племена едва ли не полностью растворились в среде пришельцев, и их памятники можно выделить лишь по незначительным элементам местной материальной культуры в обряде могил и сопровождающих покойника вещах (например, грунтовые захоронения Моздокского могильника, отдельные погребения в курганах у ст. Мекенской, Верхний Акбаш, гор. Грозного) [22] (рис. 1).

Археологические материалы показывают, что сираки с III в. до н. э. расселяются в Предкавказье вплоть до лесистых предгорий. Территория, освоенная ими,— все степные районы Северного Кавказа — простирается от Лабы на западе до устья Сунжи на востоке [23].

Это подтверждает и Страбон. По его словам, сираки живут от Ахардея-Маныча и вплоть до Кавказских гор «до границ Иберии и Албании» (XI, 1, 6). При этом они «кажется, беглецы из среды живущих выше народов» (XI, 5, 1). Страбон называет предкавказские пространства «сиракскими равнинами» (XI, 5, 1), утверждая факт их несомненного включения в сферу сиракского владычества.

Появление сираков уже в III в. до н. э. на северных границах Закавказских государств отразилось и в источниках, посвященных прошлому этих стран.

Во второй половине III в. до н. э. Аполлоний Родосский описывает поход аргонавтов, приводя, однако, древние сказания в соответствии с географическими и этнографическими представлениями своего времени. Весьма интересны строки, где греческие герои в обмен за золотое руно предлагают Ээту помощь в борьбе с «весьма враждебными савроматами» (Аргонавтика, III, 351—363). Упоминание савроматов тут едва ли случайно. Скорее оно отражает появление в эпоху Аполлония Родосского нового и сильного противника на северных границах Закавказья. Этим противником, по-видимому, были именно сираки (савроматы), освоившие в III в. до н. э. район между Лабой и Кубанью. Вспомним, что одним из вариантов пути скифов через Кавказ признана долина р. Белой и Белореченский перевал [24]. Недавно Н. В. Анфимов указал, что скифы могли двигаться и

[20] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 19—35.
[21] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 166.
[22] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 61—70.
[23] Там же, стр. 138—151.
[24] Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. ВССА, стр. 191—198.

по течению реки Большой Лабы, откуда перевальные пути ведут непосредственно в древнюю Колхиду[25]. Конечно, и сираки, заселившие побережья Лабы, могли воспользоваться этими проторенными путями в Закавказье (рис. 2).

Подчинив себе равнинное Предкавказье, сираки, естественно, должны были узнать и другую, еще более известную дорогу в Закавказье — соврем. Дарьяльский проход (Кавказские, Сарматские ворота у античных авторов). Приведенное выше свидетельство Страбона и неоднократные пояснения у других писателей наглядно свидетельствуют о соприкосновении сираков с крупнейшим государством Кавказа — Иберией. Однако о времени и характере первого знакомства иберов и сарматов мы можем судить лишь предположительно. Сейчас положение изменилось. Изучение «Картлис цховреба» дало в руки сарматологов дополнительные материалы[26].

Согласно грузинской летописи, первоначальная резкая враждебность кочевников и кавказцев в самом скором времени (к середине III в. до н. э.) уступила место обычным соседским отношениям с взаимными выгодами для обеих сторон. «Картлис цховреба» приводит несколько ярких примеров союзничества иберского царского дома и северных степняков.

Летопись относит установление тесных взаимоотношений с кочевниками ко времени правления первого иберского царя Фарнаваза (середина III в. до н. э.). Именно Фарнаваз не только положил начало использованию их дружин в своих интересах, но и породнился со степняками, отдав замуж за их вождя свою сестру («Картлис цховреба», 23—27).

Такая картина вполне вероятна, ибо осведомленный Страбон, описывая население горной части Иберии, утверждает, что они находились «в соседстве и в родстве с „сарматами"... и в случае тревоги набирают много десятков тысяч воинов из своей среды, так и из тех народов» (Страбон, XI, 3, 3).

Интересен и факт наличия среди имен первых «фарнавазианов» имен североиранского происхождения (Саурмаг, Хсефарнуг, Радамист и др.). Особенно показательно имя Саурмаг (иберский царь конца III — начала II в. до н. э.), неслучайно, видимо, данное наследнику Фарнаваза в период установления тесных связей Иберии и ее царского дома с сарматами. Ведущие лингвисты видят в имени Саурмаг вариант этнонима «савромат»[27].

В дальнейшем (последние столетия до н. э.) между сираками и Иберией сохранялись в целом союзнические отношения («Картлис цховреба», 25—27; Страбон, XI, 3, 3), хотя порой они нарушались как выступлениями самих сарматов (Страбон, XI, 4, 4), так и нападениями союзных в это время сиракам горских племен Центрального Кавказа, предков совр. вейнахских народов («Картлис цховреба», 28; Плиний, Естественная история, VI, 30) (рис. 2).

Между прочим, это стремление к союзу было взаимным. Закавказское направление сиракских интересов объяснялось не только большой выгодностью и прибыльностью с точки зрения общества «военной демократии» участия в закавказских делах. За ним скрывалось отчасти и нелегкое положение сираков в Предкавказье.

При отступлении сираков на юг, в Предкавказье, вслед за ними и тесня их, туда же устремились аорсы. Однако их волна затронула лишь самые восточные (прикаспийские) районы. Аорсы в III—II вв. до н. э. достигли предгорий Дагестана, вступив здесь в тесное соприкосновение с местными

---

[25] Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 12.

[26] Г. А. Меликишвили. Ук. соч., стр. 86 сл. Анализ конкретных сообщений «Картлис цховреба» о данной эпохе см. В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 130—173. (Я пользовался переводом «Картлис цховреба», выполненным научным сотрудником Ленинградского отделения Института народов Азии С. С. Какабадзе по поручению ЧИНИИ; перевод анонимно опубликован в брошюре А. И. Шавхелишвили «Из истории взаимосвязей грузинского и чечено-ингушского народов». Грозный, 1963).

[27] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I, М., 1949, стр. 86; L. Zgusta. Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

племенами, что отлично иллюстрируется археологическими и письменными источниками (рис. 2) [28].

По свидетельству Страбона, аорсы владели большей частью Каспийского побережья и держали в своих руках караванный торговый путь, шедший из Передней Азии и Закавказья в степи Поволжья и Приуралья (Страбон, XI, 5, 8). Следовательно, аорсы с севера и востока окружали сираков, запирая их в предкавказских степях (рис. 1). То же утверждает и Плиний. Это обстоятельство должно предполагать враждебные отношения между сираками и их гонителями аорсами.

Археологические памятники Предкавказья подтверждают эту мысль. Сираки сохранили погребальные традиции савроматской эпохи и не восприняли погребальных обрядов прохоровской культуры. Сираки как бы изолированы от тесных взаимосвязей с другими сарматскими племенами. Напротив, в сиракских памятниках налицо обилие синдо-меотских черт в материальной культуре. Особенности погребального ритуала, типы оружия, конской сбруи, украшений, керамики и пр. свидетельствуют об интенсивных общениях сираков со своими прикубанскими соседями — меотскими племенами.

Тесное общение с земледельческими меотскими племенами и населением предгорий Кавказа привело к тому, что кочевники, попав в земледельческие районы, частично переходят к оседлости. Это определило в последних веках до н. э. и появление большого количества новых поселений.

Страбон отмечает, что «одни из них (сарматов.— *В. В.*) кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием». Тацит оставил описание главного города сираков Успы. Столица сираков, судя по этому рассказу, была расположена на возвышенности и укреплена рвами и стеной из плетней с насыпанной между ними землей (Тацит, Анналы, 15—18). Н. В. Анфимов отмечает, что такая конструкция была, по-видимому, характерна для всех городищ Прикубанья. Однако в общей огромной массе прикубанских укрепленных поселений исследователь выделяет группу закубанских городищ и в частности городища по левобережью Лабы. Они отличаются от меотских городищ небольшими размерами, отсутствием особо укрепленной части («цитадели») и мощных оборонительных сооружений, небольшим культурным слоем. Все эти признаки позволили Н. В. Анфимову считать закубанские городища памятниками кочевников, еще не перешедших к окончательной, прочной оседлости [29]. Если учесть, что закубанские районы восточнее Лабы с III в. до н. э. освоены сираками, станет очевидным, что эти городища могли быть укреплениями сираков в районе их границы с меотами Среднего Прикубанья.

Весьма интересно, что по левобережью среднего течения Терека известны укрепления, весьма близкие закубанским. В отличие от всех остальных (более поздних) городищ Северо-Восточного Кавказа они очень невелики по площади, лишены цитадели, укреплены лишь одной линией рва и, как правило, находятся в пределах видимой связи друг с другом. Скудный пока подъемный материал с этих укреплений принес керамику сарматских типов последних веков до н. э. [30]. Городища по Тереку расположены на территории, с III в. до н. э. захваченной сираками.

Оставляя окончательное решение вопроса будущему, можно выдвинуть гипотезу о том, что укрепления по Тереку [31], так же как и закубанско-лабинские городища и «города» типа Успы в приазовско-манычском

---

[28] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки. МИА, 1951; его же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА.

[29] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 32—35.

[30] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Зап. ЧИНИИ, I, Грозный, 1938, стр. 3—8.

[31] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 122—124.

районе,— это поселения сираков. В создании некоторых из них, по-видимому, принимало участие и местное покоренное население.

Городища по Тереку можно рассматривать как свидетельство враждебности сирако-аорских взаимоотношений, ибо очевидна их направленность против степных пространств Северо-Западного Прикаспия, завоеванных аорсами [32].

Тезис о постоянных враждебных взаимоотношениях сираков и аорсов в последние века до н. э. находит подтверждение и в письменных источниках. Об этом прежде всего говорят древние авторы, четко разграничивая две племенные группы сарматов на Северном Кавказе. Противопоставление и сравнение военных сил царей сираков и аорсов в середине I в. до н. э. также указывает на независимое и отнюдь не дружелюбное сосуществование сильных союзов племен (Страбон, XI, 5, 8).

Недавно В. И. Абаев разобрал некоторые из нартских сказаний [33]. Отраженные в них сармато-боспорские отношения позволяют судить о том, что сарматам случается обращаться к боспорскому царю в своих междоусобных распрях; боспорский царь охотно помогает одной группе сарматов в ее войне против другой. Возможно, что данные мотивы родились в нартском эпосе именно под влиянием сложных сирако-аорсских взаимоотношений.

И все-таки в последних столетиях до н. э. сираки сохраняют status quo и прочно закрепляются на освоенных землях Предкавказья. Добрососедские отношения с меотами, укрепление пограничных с аорсами районов городищами, мир с горцами Центрального Кавказа — союзниками и помощниками сираков в закавказских походах — способствовали определенным и большим успехам сираков в военно-политических предприятиях на Кавказе. Конечно, нечего было и думать о наступательной борьбе против аорсов и союзных им племен сарматов. Тут оставалась одна возможность — обороняться. Но тем активнее действуют сираки в предкавказских районах своих владений. Создается впечатление, что наибольшие успехи в этом направлении падают на рубеж новой эры (II—I вв. до н. э.— первой половины I в. н. э.).

К I в. до н. э. влияние сарматской культуры в меотских памятниках настолько усиливается, что дает исследователям право предполагать включение некоторых меотских племен Среднего Прикубанья в возглавляемый сираками союз [34].

Подобный вывод вполне согласуется с данными археологии. В Среднем Прикубанье все увеличивается число исследованных могильников (к известным ранее Усть-Лабинскому, Пашковскому, Краснодарскому и другим могильникам прибавились, например, Тахтамукаевский, Ясеновая поляна и др.), оставленных несомненно местным меотским населением, испытавшим значительное воздействие сарматской культуры [35]. В свою очередь сармато-сиракские памятники этого района несут в себе явные элементы культуры меотских племен, что свидетельствует о тесных, двусторонних и несомненно дружественных взаимоотношениях между обеими этническими группами.

Очевидно, сиракский союз племен в последних веках до н. э. уже теряет свой первоначальный чисто сарматский характер и все более ста-

---

[32] К последним векам до н. э. можно отнести и два укрепления в низовьях Сунжи. Они как бы продолжают притеречную линию и дают в подъемном материале керамику, тождественную ранее- и среднесарматским образцам. Правда, о первоначальных фортификационных особенностях судить трудно, так как в первых веках н. э. эти городища подверглись перестройке аланами.

[33] В. И. Абаев. Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний. СА, XXVIII, 1958, стр. 54—61.

[34] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 87.

[35] П. А. Дитлер. Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс. «Сборник материалов по археологии Адыгеи». II, Майкоп, 1961, стр. 129 сл.; Н. В. Анфимов. Тахтамукаевский могильник. Там же, стр. 188—203.

новится смешанным сармато-меотским племенным объединением, в котором, однако, главенствующую роль сохраняют сираки.

Резкое усиление сиракского союза и сарматского влияния в Прикубанье отразилось, по-видимому, и в распространении иранской топонимики не только в районах восточнее Лабы (где ее значительно больше), но и в нижнем Закубанье вплоть до Черноморского побережья [36]. В. А. Кузнецов ретроспективным путем пришел к выводу, что данная топонимика не может быть поставлена в связь с миграционной волной алан, но скорее всего происходит от сираков [37]. С этим следует согласиться, учитывая долгое пребывание и господство сираков в районах Закубанья и их походы в Закавказье по побережью Черного моря.

К эпохе сиракской гегемонии следует, очевидно, относить и возникновение дигорского диалекта осетинского языка, распространявшегося некогда, как утверждает В. А. Кузнецов, и на Верхнее Прикубанье [38]. Именно дигорскому диалекту близка упомянутая только что топонимика [39]. В. И. Абаев считает дигорский диалект древнее иронского и видит причину этого в том, что иранская иммиграция на Кавказ совершилась двумя волнами, из которых первая, более ранняя, и есть «дигорская», а вторая, позднейшая — «иронская» [40].

В другом случае, говоря о древних осетино-вейнахских лексических параллелях, В. И. Абаев отмечает, что ряд схождений ведет от чеченского языка прямо к осетинскому, минуя ингушский. Мало того, некоторые из этих схождений связывают чеченский с западным, более архаичным дигорским, диалектом осетинского языка, минуя иронский. Эти факты, по мнению ученого, «отражают более древнюю картину расселения племен, не засвидетельствованную историей» [41].

Сейчас можно думать, что история все-таки засвидетельствовала древнюю картину появления «дигорского» диалекта и условий, в которых произошло его непосредственное воздействие не только на автохтонные племена Северо-Западного Кавказа, но и на языки кавказских этнических групп (чеченцев, ингушей), ныне удаленных от современных дигорцев и отделенных от них носителями «иронского» диалекта. Этот процесс, очевидно, связан с историей сиракских ираноязычных племен, которые закрепились в Центральном Предкавказье более чем на 500 лет раньше, нежели совершилась мощная миграция ираноязычных алан (IV—V вв. н. э.).

Этот экскурс в область лингвистики подкрепляет правомерность представлений о глубоких и тесных взаимоотношениях сираков и аборигенных племен на рубеже н. э. и о ведущем положении сираков в ряде областей Прикубанья и Центрального Предкавказья.

Возросшие к началу н. э. мощь и влияние сираков на Северо-Западном Кавказе отразились и в интенсивной «сарматизации» Боспора, а также, возможно, и еще в одном факте. На рубеже н. э. на Боспоре пришла к власти новая династия, связь которой с местными сарматскими элементами общепризнана [42]. Очевидно, именно представители сиракской знати положили начало новой царской фамилии на Боспоре.

Таковы некоторые свидетельства укрепления положения сираков на Северо-Западном Кавказе к рубежу н. э. Они в полной мере согласуются

---

[36] С. Броневский. Новейшие известия о Кавказе. I, М., 1823, стр. 144, 293—295; В. Ф. Миллер. Осетинские этюды. III. М., 1881—1887, стр. 8—9; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 285, 310—311.

[37] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 69—72.

[38] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 70—72, 118.

[39] В. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 8—10; В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 46, 301—302.

[40] В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 362.

[41] В. И. Абаев. Осетино-вейнахские лексические параллели. Изв. ЧИНИИ, I, 2. Грозный, 1959, стр. 89.

[42] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 221; Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. М., 1956, стр. 493.

с теми сведениями, которые мы имеем для восточной (Терско-Сунженской) периферии сиракского объединения.

Здесь усиление сиракского союза сказалось прежде всего на взаимоотношениях с Иберией. Степняки перестают быть простыми поставщиками военных отрядов для царского дома фарнавазианов и переходят к более самостоятельной роли в исторических судьбах Закавказья.

Именно к последним столетиям до н. э. относится несколько упоминаний о стычках сарматов и союзных им горцев с иберами (Страбон, XI, 4, 5; Плиний, VI, 30; «Картлис цховреба», 28). Это приводит к укреплению Дарьяльского прохода дополнительными фортификационными сооружениями («Картлиц цховреба», 28), построенными с целью «препятствовать проходу бесчисленных племен» (Плиний, VI, 30).

Военно-политическая активность сираков побуждает иберских правителей искать в них союзников и всячески укреплять взаимные контакты, в особенности учитывая бурное развитие молодого армянского государства, своего будущего постоянного соперника в Закавказье.

Разумеется, военные походы и политические союзы не были единственной формой сношений древних народов. Между племенами сиракского объединения и населением соседних стран велась постоянно возраставшая торговля. Весьма тесные активные торговые и культурные связи сираков с Боспорским царством зафиксированы во многих археологических и исторических памятниках. Карта находок импортных предметов в предгорных и горных районах показывает, что торговые пути на юг совпадали с военными дорогами через Кавказский хребет. Об этом говорят и письменные источники. Так например, Страбон совершенно определенно называет Дарьяльское ущелье одной из основных торговых артерий, связывающей Северный Кавказ с Иберией и Закавказским Черноморским побережьем. Этой дорогой, вероятно, и являлись в Диоскуриаду для торговли многочисленные представители северокавказских племен, о которых упоминает все тот же Страбон.

Разнообразные двусторонние связи сираков с Боспорским царством, меотскими племенами, Иберией и др. во многом определили на рубеже н. э. процветание сиракского союза племен (рис. 1). Однако этот апогей сиракского могущества длился весьма недолго. Во второй четверти I в. н. э. происходят события, явившиеся логическим завершением многовековой борьбы сираков с аорсами и другими сарматскими племенами.

Предвестником их становится постепенное проникновение в Прикубанье с I в. до н. э. (скорее всего со стороны Боспора и Танаиса) отдельных групп сарматов с задонско-волжскими чертами погребального обряда. По-видимому аорсы и дружественные им сарматские племена начали проникать в Прикубанье, создавая напряженность и на крайних западных границах сиракского союза.

Однако решительные схватки произошли несколько позднее.

Описывая события 35 г. н. э. в Закавказье, Тацит рассказывает: «...С другой стороны, Фарасман (царь Иберии.— *В. В.*) присоединяет... сарматов, скептухи которых, получив дары с обеих сторон, по обычаю своего народа помогали и тем и другим. Но иберы, владея местностью, быстро впускают сарматов Каспийской дорогой (в данном случае Дарьяльский проход.— *В. В.*) против армениев, а те, которые шли на помощь парфянам, были останавливаемы без труда, так как неприятель запер другие проходы, а единственный, оставшийся между морем и концом Албанских гор (Дербентский.— *В. В.*) был непроходим в летнее время» [43].

Северокавказские сарматские племена являются здесь союзниками обеих враждующих сторон (и иберов и армяно-парфян). В рассказе Тацита в данном случае сарматы Северного Кавказа выступают как единое

[43] Тацит, Анналы, VI, 33.

этническое целое. Однако из текста видно, что это не так. На помощь иберам пришли скептухи тех сарматов, что жили в центральной части Предкавказья у Дарьяльского прохода, т. е. сираков. Кочевники же, населявшие прикаспийские районы, не смогли воспользоваться Дербентским проходом. И если мы вспомним, что, по свидетельству Страбона, аорсы торговали с армянами и мидянами и как раз через Дербентский проход и что несколько севернее Дербентского прохода Плиний локализует «утидорсов» (сильно сарматизованное аорсами албанское племя),— станет ясно, что именно аорсы должны были прийти на помощь противникам Иберии.

В этих важных событиях сираки и аорсы вновь выступают как противостоящие силы. Они — постоянные враги. Застарелая вражда вылилась, наконец, в кратковременную, но опустошительную войну 49 г. н. э. Тацит подробно описал ее.

Против сираков, поддерживающих изгнанного боспорского царя Митридата, выступили римские легионы и аорсские конные орды. Сираки во главе с их царем Зорсином разгромлены наголову. Взяты и разрушены укрепленные «города» в Прикубанье. Пала залитая кровью столица сираков — «Успа». «Избиением успийцев был внушен страх остальным, которые уже ни в чем не видели безопасности, коль скоро сила оружия, укрепления, загражденные или возвышенные местности, реки и города не останавливают победителей» (Тацит, Анналы, XII, 15—18). Естественно допустить, что война затронула и восточную периферию сиракских владений (Терско-Сунженское междуречье). Возможно, и здесь сиракские городища подверглись нападению аорсов.

Потеря сираками гегемонии над Терско-Сунженским междуречьем и некоторыми прикубанскими районами археологически подтверждается тем, что с I в. н. э. на смену исключительно единому сиракскому обряду захоронения в этих местах приходит пестрота и разнообразие похоронных ритуалов. Катакомбные, диагональные и подбойные могилы, впускные в курганы захоронения с южной ориентировкой костяков находят аналогии в Поволжско-Прикаспийских степях. Все это не оставляет сомнений в значительном приливе сарматов на Северный Кавказ из задонско-волжских степей [44].

В результате победы северокаспийских сарматов и последовавшего за ней передвижения должны были появиться в Предкавказье и аланы. Они, по-видимому, оказались здесь после сирако-аорсской войны 49 г. как часть аорсской племенной конфедерации и как противники сираков. Приход алан и захват ими большей части сиракских владений произошел, наверное, при прямой поддержке североприкаспийских сарматских орд (аорсов, роксолан и др.) [45]. И хотя этот захват не повлек за собою полного истребления сираков, и, судя по погребальным памятникам, они продолжали жить вместе и рядом с аланами, все же ясно, что могущество сиракского союза подорвано навсегда.

---

[44] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения..., стр. 208.

[45] В своей кандидатской диссертации Ю. С. Гаглоев утверждает, что «этнической основой северокавказских алан явились сираки и аорсы» и что аланы появились на Северном Кавказе задолго до начала н. э. в лице названных племен (Ю. С. Гаглоев. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1964, стр. 15—17). Допуская генетическую связь алан с аорсами (но отнюдь не их полное тождество), вывод историка относительно «сиракских корней» алан принять нельзя, так как данные археологии (которые, кстати, совершенно игнорирует Ю. С. Гаглоев) в сочетании с письменными и лингвистическими свидетельствами противоречат ему, со всей несомненностью подтверждая различие сираков и алан и их исторических судеб (см. К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 14—17; К. Smirnov. Repartition des tribus..., стр. 3—4; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 93—105, 138—174).

В письменных античных источниках исчезают упоминания сираков, сохранивших остатки своего союза лишь на ограниченной территории восточнее Прикубанья (рис. 1). Сираки еще пытаются напомнить о своей былой славе, тревожа Боспор нападениями. Однако Савромат II увековечил в надписи 193 г. факт полного разгрома «сираков» [46]. И это, пожалуй, последнее упоминание сираков, связанное с конкретным историческим событием.

Боспорское царство ищет дружбы и союза с новыми сильными завоевателями — аланами. Последние «мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 13). Сиракский союз племен перестал существовать.

Уже первый натиск кочевников на рубеже IV—III вв. до н. э. из Приманычья на Северный Кавказ подразумевал, вполне естественно, движение не одного, а нескольких племен, прежде состоявших в обширном и многоплеменном [47] савроматском нижневолжском союзе и теперь принявших собирательное имя по названию наиболее значимого среди них племени — сираков. Стремительный захват степных просторов Центрального Предкавказья вплоть до р. Сунжи на востоке и интенсивное проникновение в Прикубанье влекли за собой подчинение, вытеснение или истребление многих местных племен. В этом кроется одна из причин объединения пришлых племен кочевников вокруг ведущего племени. О подобной ситуации Ф. Энгельс пишет: «Так как территория эта была ими недавно завоевана, то совместные действия этих племен, против племен, вытесненных ими, стали естественным явлением, вошедшим в обычай» [48].

Одновременно установление непосредственных и тесных торгово-меновых и политических контактов с рабовладельческими Боспорским и Иберским царствами способствовало дальнейшему распаду старых родовых связей, развитию строя «военной демократии», усилению всаднической аристократии. Это в свою очередь вело к неуклонному росту социальной дифференциации, к проникновению рабовладения и работорговли в среду сиракских сарматских племен.

Постоянно ощутимый натиск соседних враждебных сарматских групп привел к стремлению обезопасить свои владения и богатства пограничными городищами и укреплениями.

Во время своего расцвета (II—I вв. до н. э.— первой половины I в. н. э.) сиракский союз включал в себя не только сарматские племена, но и значительные контингенты аборигенного населения Прикубанья и Центрального Предкавказья. Это был типичный союз эпохи военной демократии, характерные черты которого описаны Ф. Энгельсом.

Походы в Закавказье, участие в политической жизни Боспора обеспечивали бурный приток богатств в руки всаднической верхушки союза. Античные авторы упоминают сиракских царей (Абеак, Зорсим). Это военачальники, стоящие во главе своего союза племен и опирающиеся на всадническую аристократию и тяжеловооруженные конные дружины. Знаменитый Ставропольский клад, захоронения у с. Кулары и Алды, погребения зубовско-воздвиженской группы дают нам представление о вооружении и снаряжении сиракской верхушки: золотые и серебряные фалары, бляхи и фибулы высокохудожественной работы, массивные золотые украшения, железные кольчуги и пластинчатые панцири, шлемы, тяжелые длинные копья и мечи и пр. Наряду с богатыми могилами знати известны рядовые захоронения воинов, а также бедные, лишенные инвентаря погребения. Последние могут принадлежать рабам, так как рабство у сираков уже существовало. Подтверждение этому мы можем найти в

[46] IOSPE, II, № 423.

[47] К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов, стр. 16.

[48] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 95.

рассказе Тацита об осаде сиракской столицы Успы. И хотя цифра успийских рабов (10 000) явно преувеличена, она все же в какой-то мере отражает факт наличия рабов и работорговли у сираков.

Очевидно, сиракский племенной союз уже нес в себе зачатки государственной организации, превратившиеся в органы для проведения грабежа и угнетения соседей, в органы господства и эксплуатации, направленные против рядовых членов как сарматских, так и местных племен союза. Но дальнейшее продвижение сиракского объединения по пути от «варварства» к «цивилизации» (Энгельс) было прервано победой соседнего более сильного сарматского союза аорсов. Сиракское объединение разгромлено. Оно потеряло большую часть владений (рис. 1). А вскоре (не позже рубежа II—III вв. н. э.) и оставшиеся сиракские племена оказались включенными в мощную аланскую конфедерацию; часть сираков, перешедших к оседлости и слившихся с меотами, была последними ассимилирована.

Свыше 500 лет (IV—III вв. до н. э.— II—III вв. н. э.) сиракские сарматские племена и союз под их главенством играли видную роль в прошлом юга нашей родины. Однако многие проблемы, связанные с историей этого крупного объединения сарматских и северокавказских племен, остаются еще невыясненными. Во многом это объясняется недостаточной изученностью археологических памятников на территории сиракского союза. Кроме того, и все остальные виды источников (письменные, фольклорные, лингвистические, антропологические и пр.) еще далеки от полной разработки, а многие даже не выявлены.

Требует окончательного решения вопрос о генетических связях сиракских племен и их месте в обширном сарматском мире.

Важным для сарматской истории, а еще более для истори Кавказа, является глубокое уяснение сложного процесса сарматизации сираками аборигенного населения, вошедшего в состав их союза, и обратного влияния этих последних на сарматов; отношения с соседними племенами Кавказа и античными городами Причерноморья; взаимовлияния и взаимообогащения материальной культуры степняков и кавказцев.

Нуждаются в дальнейшей разработке (и не только на базе письменных источников, но и на археологическом, топонимическом и прочем материале) вопросы участия сираков в исторических судьбах Закавказья и пребывания их там.

Пока что невозможно создание сколько-нибудь полного социально-экономического очерка племен сиракского союза, за исключением немногих наблюдений, сделанных выше.

Наконец, далеко не ясно то место, которое заняли племена союза в происхождении, культуре и раннесредневековой истории народов Кавказа, хотя очевидно их участие, с одной стороны, в создании общей для Северного Кавказа и Подонья так называемой аланской культуры I тысячелетия н. э.[49] и, с другой,— в формировании будущих адыгских народностей Северо-Западного Кавказа [50].

---

[49] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья, стр. 18.

[50] Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья в сарматское время. СА, XXVIII, 1958, стр. 71.

Т. В. РАВДИНА

О ДАТИРОВКЕ ВЯТИЧЕСКИХ КУРГАНОВ*

В работе «Курганы вятичей» А. В. Арциховский разделил все вятические курганы на три хронологические стадии: I—XII век, II—XIII век, III—XIV век. Тридцать погребений III стадии автор датирует XIV в. только на основании присутствия в них проволочных с петлями на концах сложновитых (2 × 3, 3 × 3, 2 × 4, 4 × 3) браслетов[1].

Эти сложновитые браслеты относятся и к более раннему, чем XIV век, времени.

При внимательном изучении инвентарей женских погребений, опубликованных в приложении к «Курганам вятичей», датировка отдельных погребений некоторых курганных групп не может не вызвать возражения. Например, из 21 женского погребения в Колчинской курганной группе 16 погребений датированы XII в., погребений, датированных XIII в., нет, и одно погребение неожиданно датировано XIV в. В курганной группе Ступенки I восемь погребений датировано XII в., четыре — XIII в. и одно датировано XIV в. В курганной группе «Красный стан» три погребения датированы XII в., два погребения — XIV в., а XIII веком не датировано ни одно[2]. Получается, что небольшая курганная группа имеет хронологический диапазон в 200 лет.

Даже такое огромное курганное кладбище, как Гнездово, имеет протяжение во времени не больше 150 лет (с конца IX до начала XI в.). А курганные группы XII—XIII вв., как правило, небольшие — 30—40 насыпей, и, следовательно, не должны бы существовать больше чем половину столетия.

Поэтому отнесение некоторых курганов к XIV в. привело к тому, что

---

* Доклад, прочитанный на секторе славяно-русской археологии ИА АН СССР 10 марта 1960 г.

[1] Эти браслеты сделаны следующим образом:

2 × 3: проволоку складывали вдвое и вили, а затем эту свитую проволоку складывали втрое и свивали в браслет, так что на обоих концах получались петли из двойного жгута — в одной петле двойной хвостик, а в другой — одинарная петля;

3 × 3: проволоку складывали втрое и свивали в один тройной жгут, а затем его складывали еще в три раза, свивали и сгибали в браслет: каждый конец браслета имел петлю из тройного жгута, а внутри ее петлю и конец одинарные;

2 × 4: проволоку складывали вдвое и свивали, этот жгут складывали вчетверо, свивали и сгибали в браслет: один конец имел две двойные петли, а другой двойную петлю, одинарную петлю и в ней двойной хвостик;

4 × 3: проволоку складывали вчетверо и свивали в четверной жгут, который складывали втрое и свивали в браслет: оба конца его имели по петле из четверного жгута, внутри этих петель на одном конце простая петля и двойной хвостик, а на другом — двойная петля. (А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 11).

[2] Там же, стр. 175—178, 189—190.

отлитые в одной литейной форме семилопастные височные кольца попали в погребения, датированные А. В. Арциховским XII, XIII и XIV вв.[3].

Так же получилось и с двускатно-пластинчатыми гривнами, найденными в погребениях, отнесенных А. В. Арциховским к XII, XIII и XIV вв.[4], в то время как перекрывающие гривны серебряные бляшки отлиты в одной литейной форме[5].

Какие же данные взяты при определении абсолютной даты — XIV век — для третьей стадии вятических курганов?

Это монета XIV в., найденная вместе с витым тройным браслетом в мордовском бескурганном могильнике в Ульяновской обл., затем монета XIV в., найденная с четверным браслетом в Эстонии, и в третий раз — денежка XV в., встреченная вместе с дужкой от трехбусинного гладкого височного кольца в выбросе из грунтовой могилы в Гдовском уезде[6]. На территории, удаленной от земли вятичей и кривичей, тройные и четверные браслеты могли, конечно, дожить и до XIV в., а дужка от серьги вплоть до XV в. (в Новгороде витые браслеты найдены в слоях XIV в., как и в слоях XI в.).

Но это не значит, что серию вятических и некоторых пограничных кривических курганов можно датировать XIV в. на основании этих трех монетных находок в грунтовых могилах в Эстонии, Мордовии и в Гдовском уезде. Ведь десятки раз сложновитые браслеты и трехбусинные височные кольца встречены на древнерусской территории в слоях и курганах домонгольского времени[7].

В процессе работы по хронологическому разделению инвентаря курганов вятичей А. В. Арциховский разделил все женские погребения на пять разрядов: I — с витыми завязанными браслетами, II — без витых браслетов, III — с витыми тройными браслетами, IV — с витыми четверными браслетами, V — с витыми 2 × 3, 3 × 3, 2 × 4, 4 × 3 браслетами. Погребения со сложновитыми браслетами затем были выделены в отдельную хронологическую стадию XIV в.

Если проверить подсчеты А. В. Арциховского по приложенным в «Курганах вятичей» инвентарям, то четкого выделения V разряда со сложновитыми браслетами не получится (таблица).

Сложновитые браслеты V разряда нередко встречаются вместе с тройными и четверными браслетами III и IV разрядов: браслеты 2 × 3 встречены вместе с тройными и четверными девять раз, а только с браслетами V разряда — три раза (и 11 раз без других витых браслетов), т. е. браслеты 2 × 3 ближе к тройным и четверным, чем к браслетам 3 × 3, 2 × 4, 4 × 3. Эти последние встречены вместе с тройными и четверными шесть раз (а всего с этими браслетами учтено 12 погребений).

Все поздние витые (2 × 3, 3 × 3, 2 × 4, 4 × 3) браслеты, объединяемые А. В. Арциховским в одну группу, характерную для III стадии

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 30, прим. 69; стр. 444; его же. К вопросу о хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4, стр. 89—90.

[4] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 141.

[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 553, прим. 34; стр. 556.

[6] Там же, стр. 146—147.

[7] Например, трехбусинные гладкие височные кольца встречены в кладе 1240 г. на Княжой горе; в Новгороде в 15-м ярусе 1224—1238 гг.; в подмосковном кургане Поваровка 12 (вместе с желтыми и зелеными бусами, биллоновыми полусферическими бусами и шиферным пряслицем); в кург. № 37 у Грехова ручья Ярославской обл. вместе с золочеными и серебрёными бусами, лепными горшками и узким толстым ножом; в кургане у Черного ручья Смоленской губ. вместе с золочеными бусами и крестопрорезным бубенчиком — вещами не моложе XII в. (Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв., М.— Л., 1954, стр. 129—130, табл. 1; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, 65, 1959, стр. 226; М. Г. Рабинович. Курганы в Поваровке. Сборник научных студенческих работ, 11, М., 1940, стр. 89, 90, 98; М. В. Фехнер. Селища Ярославского Поволжья XI—XIII вв. Краеведческие записки Ярославского краеведческого музея, 2, Ярославль, 1957; В. А. Мальм. Курганный могильник близ Грехова ручья. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 169).

Взаимовстречаемость витых браслетов в курганах вятичей и пограничных кривичей

Тип витого браслета	Всего погребений	Тройные	Четверные	Сложновитые
А. Подсчеты А. В. Арциховского (по книге «Курганы вятичей», стр. 131)				
Тройные	35	26	3	6
Четверные	20	—	12	8
2×3	23	—	—	23
3×3	10	—	—	10
2×4	1	—	—	1
4×3	1	—	—	1

Тип витого браслета	Всего погребений	Тройные	Четверные	Сложновитые: 2×3	Сложновитые: 3×3	Сложновитые: 2×4; 4×3
Б. Подсчеты Т. В. Равдиной						
Тройные	35	26	3	2←1→3		—
Четверные	20	3	9	6←1→1		—
2×3	23	3 *	6	11	5 ****	—
3×3	10	4 **	2 **	4 ***	—	—
2×4	1	1	—	—	1	—
4×3	1	—	—	—	—	1

Примечания. * — в двух погребениях еще браслеты 3×3; ** — в одном погребении браслет 2×3; *** — в одном погребении четверной браслет; **** — в двух погребениях еще и тройные браслеты.

вятических курганов, встречены вместе с тройными и четверными браслетами, характерными для II стадии, 16 раз; а без тройных и четверных — браслеты III стадии встречены 17 раз — почти столько же.

Из этого следует, что, во-первых, браслеты 2 × 3 надо вывести из состава браслетов V разряда и присоединить к тройным и четверным (в верхневолжских, костромских и смоленских курганах вместе с тройными и четверными браслетами встречаются браслеты 2 × 3, а браслетов 2 × 4, 3 × 3 и 4 × 3 нет совсем); во-вторых, браслеты 3 × 3, 2 × 4, 4 × 3 не так четко отличаются по времени бытования от тройных и четверных браслетов, как это показано в «Курганах вятичей».

Несколько прямолинейное разделение курганов на стадии (I — без витых браслетов, II — с витыми тройными и четверными, III — с витыми 2 × 3, 3 × 3, 2 × 4, 4 × 3) и еще более прямолинейная датировка этих стадий XII, XIII и XIV вв. привели к тем недоразумениям, о которых говорилось выше.

Теперь обратимся к курганным материалам, как опубликованным в «Курганах вятичей», так и происходящим из раскопок 1929—1960 гг. [8].

Разберем вещи, сопровождающие в погребениях браслеты 2 × 3, 3 × 3, 2 × 4, 4 × 3, относимые А. В. Арциховским к XIV в.

По данным новгородской хронологии мы видим, что для Новгорода XIV в. характерно полное отсутствие сердоликовых и хрустальных бус, бубенчиков и уж, конечно, золоченых и серебреных бус (типичных для XI — начала XII в.).

Исследованием М. В. Фехнер доказано, что сердоликовые бусы не встречаются позже XIII в. [9]. А с браслетами, датированными А. В. Арциховским XIV в., встречены сердоликовые и хрустальные бусы в 37—45% случаев, три раза даже встречены золоченые бусы, бубенчики встречены в 13% случаев, т. е. так же часто, как и с тройными и четверными браслетами.

Вещи, характерные только для XIV в., как, например, черные стеклянные бусы с рельефной спирально-волнистой инкрустацией [10], в вятических погребениях ни разу не встречены. Бусы винтообразные синие, бытующие со второй половины XII до середины XIV в., встречены только в трех погребениях.

Все орнаментированные перстни из курганов вятичей, в том числе и сопровождаемые поздними типами витых 2 × 3, 3 × 3, 2 × 4, 3 × 3, 4 × 3

[8] По курганам вятичей и пограничных кривичей материалы собраны мной, а по курганам кривичей использованы таблицы взаимовстречаемости вещей, составленные В. В. Седовым на материале музеев и изданий.

[9] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, 33, М., 1959, стр. 152.

[10] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 176.

браслетов, бытуют в вятических курганах не позже первой половины XIII в.; это доказано по аналогии с орнаментами на древних рукописях, на церквах, на ювелирных изделиях, из древнерусских кладов и погребений, по новгородской хронологии стеклянных бус [11].

Н. Г. Недошивина, изучая взаимовстречаемость различных категорий и типов вещей из курганов вятичей, в частности различных типов витых браслетов, пришла к обоснованному выводу о том, что тройные браслеты относятся к XII в., четверные, 2 × 3, 3 × 3, 2 × 4, 4 × 3, браслеты относятся к XIII в. [12]. В верхневолжских курганах браслеты 2 × 3 датируются второй половиной XII—XIII вв. [13]. Браслеты 2 × 3 из Харлаповских курганов относятся к домонгольскому времени [14]. Витые тройные и 2 × 4 браслеты из курганов Южной Белоруссии тоже датируются второй половиной XII — первой половиной XIII в. [15].

Таким образом, закономерно при изучении русских курганных инвентарей относить сложновитые браслеты по сопровождающим вещам ко времени не позже XIII в. Причем все авторы, касающиеся этого вопроса, в датировках древнерусских вещей пользуются теми же общепринятыми датами, что и А. В. Арциховский.

Существенно, что и стеклянные браслеты (синий крученый и ребристый голубой) из подмосковных курганов Мякинино 7 и Фили 4, датированных А. В. Арциховским XIV в., относятся к ранним типам стеклянных браслетов, т. е. характерны больше для XII, чем для XIII в. Для городских слов XIII — начала XIV в. типичны стеклянные браслеты гладкие, тонкие и темные [16].

Все древнерусские погребения, в которых найдены стеклянные браслеты, по сопровождающим вещам датируются домонгольским (в основном XII в.) временем, причем все эти стеклянные браслеты — крученые или ребристые [17]. Кстати, таким образом отпадает один из аргументов Г. Ф. Соловьевой и В. В. Кропоткина о бытовании стеклянных браслетов в XIV в., обоснованный находками их в курганах Фили 4 и Мякинино 7, датированных А. В. Арциховским XIV в.

Доказательством того, что витые 2 × 3, 3 × 3, 4 × 3 браслеты не обязательно относятся к XIV в., служит наличие таких браслетов на древнерусских поселениях в слоях старше XIV в. и в домонгольских кладах.

---

[11] М. В. Житомирская. Орнаментированные перстни и браслеты вятичей. Дипломная работа 1959 г. Хранится на кафедре археологии истфака МГУ.

[12] Н. Г. Недошивина. Радимичи и вятичи. Дипломная работа 1957 г. Хранится на кафедре археологии истфака МГУ.

[13] Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 39.

[14] Е. А. Шмидт. Курганы XI—XII вв. у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье. Сб.: «Материалы по изучению Смоленской области», 2, Смоленск, 1957, стр. 212.

[15] А. В. Успенская. Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв. Тр. ГИМ, 22, 1953, стр. 123.

[16] В Новгороде ребристые стеклянные браслеты встречаются до середины XIII в., а больше всего в середине XII в. Крученые, да еще синие стеклянные браслеты характерны для середины XII в. (М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. МИА, 117, 1963). В Пинске стеклянный ребристый браслет найден в слое самого начала бытования стеклянных браслетов. И здесь, как и в Новгороде, крученые и синие браслеты характерны также для XII в. При раскопках Переяславля Рязанского крученые стеклянные браслеты также преобладали в более ранних, а гладкие в более поздних пластах. В Московском Кремле при раскопках в 1959 г. два ребристых стеклянных браслета найдены в предматериковом слое, т. е. в слое второй половины XII в.

[17] А. Черепнин. Раскопки Пронских курганов, АИЗ, М., 1898; Р. Л. Розенфельдт. Липинский бескурганный могильник. КСИИМК, 72, 1958, стр. 92; Г. Ф. Соловьева, В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 22; И. И. Артеменко. Отчет о работе Белорусского отряда в 1959 г.; материалы хранятся в ИИ АН БССР.

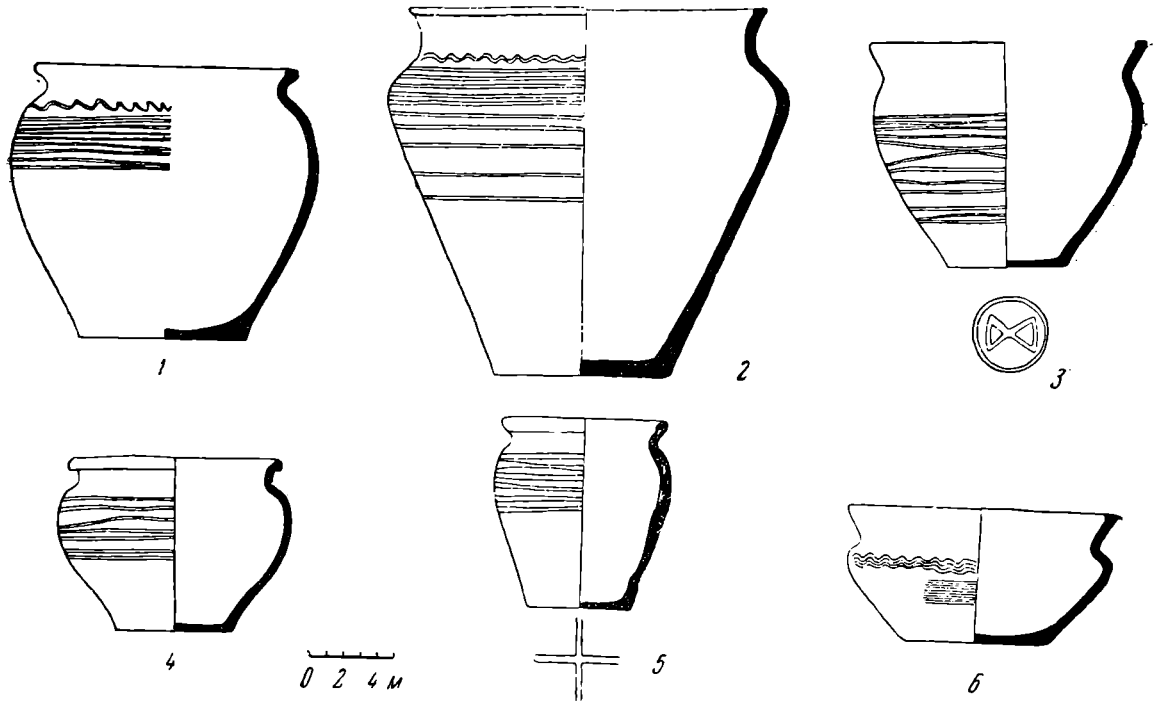


Рис. 1. Горшки из погребений со сложновитыми браслетами

1 — Матвеевская II, курган 2, погребение 3; *2* — Дубки Царицынские, курган 2; *3* — Аносино; *4* — Чернево, курган 4; *5* — Мещерское; *6* — Копки

1. На Пировом селище Владимирской обл., погибшем в 1238 г. (нижняя дата XI в.), найден витой 2 × 3 браслет во втором пласте (мощность культурного слоя пять пластов) [18].

2. На городище Старая Рязань в подпольной яме наземного жилища № 24 южного городища найден обломок витого в восемь проволок (т. е. 2 × 4) бронзового браслета; это жилище, судя по стратиграфии, по наличию стеклянных браслетов и отсутствию шиферных пряслиц, по тонкостенной белой керамике датируется XIII в. [19].

3. На Вщижском городище браслет витой 3 × 3 найден в поперечной бровке южного раскопа в III слое, датированном серединой XII в. (1142—1160 гг.) [20].

4. На селище Золоторучье Угличского района Ярославской области найдено два витых 2 × 3 браслета вместе с шиферными пряслицами, стеклянным браслетом; селище датируется домонгольским временем, погибло в 50-х годах XIII в. [21].

5. В кладе у дер. Мужищево Ржевского уезда Тверской губ. найдены два витых 2 × 3 (3 × (?) браслета; клад датируется от 70-х годов XII в. до 1240 г.

О том, что погребения со сложновитыми браслетами старше XIV в., свидетельствует и найденная к курганах с этими браслетами посуда. Керамика XIV в. теперь довольно хорошо известна по раскопкам в Москве, Звенигороде, Рузе, Суздале. Раскопки 1959 г. в Московском Кремле позволили довольно четко выделить послемонгольский слой второй половины XIII—XIV вв., насыщенный карамикой. Половину керамики этого слоя составляет так называемая «красная» керамика: плотный, крепкий, сухой черепок ее красного или красно-серого цвета, примесь незаметная, поверхность гладкая, обжиг хороший. Среди всех горшков из вятических и кри-

---

[18] В. В. Седов. Отчет о полевых работах Владимирского отряда Среднерусской экспедиции ИА АН СССР в 1958 г. Архив ИА АН СССР, д. № 1751.

[19] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, МИА, 49, 1955, стр. 49.

[20] ГИМ, инв. № 1149/4613; Б. А. Рыбаков. Отчет об археологических раскопках во Вщиже и его окрестностях в 1948—1949 гг. Архив ИА АН СССР, д. № 1680.

[21] М. В. Фехнер. Селища Ярославского Поволжья, стр. 183—185.

вических курганов нет ни одного, похожего на горшок типа «красной» керамики. Горшки из погребений со сложновитыми браслетами (рисунок) — почти все бугристые от выступавшей на поверхность примеси в тесте и все обильно орнаментированы, т. е. имеют признаки домонгольской керамики, а не керамики XIV в. Профилировка и технологические качества горшков из вятических курганов со сложновитыми браслетами такие же, как в так называемой «курганной» керамике, залегающей в Московском Кремле ниже «красной» керамики — в коричневом слое со стеклянными браслетами, шиферными пряслицами, обломками стеклянных сосудов, семилопастными височными кольцами, четверным браслетом, стеклянными рыбовидными и хрустальными бусами.

Раскопано много древнерусских городищ и селищ, в домонгольских слоях которых находят точно такие же украшения, как до этого находили в деревенских погребениях, датируют их так же, и керамика в этих слоях такая же, недаром называемая курганной. Так было для керамики и вещей X, XI, XII и XIII вв. Керамики же XIV в. в курганах нет, потому что в Подмосковье нет курганов XIV в.

Таковы факты против датировки вятических курганов XIV веком.

Более 20 лет спустя после выхода в свет книги А. В. Арциховского «Курганы вятичей» подмосковные курганы на берегу р. Раменки копала Г. П. Латышева [22]. Ссылаясь на находки витых браслетов (из семи раскопанных курганов витые браслеты содержались в четырех: в двух по тройному браслету, в третьем — четверной и 4 × 3, в четвертом — три браслета 2 × 3), которые по таблице Арциховского являются основным датирующим материалом, она отнесла Матвеевские курганы к концу XIII — началу XIV в. Между тем время этих курганов несомненно более раннее.

Датировка Матвеевской курганной группы. Поскольку автор датировал всю группу в целом (а не отдельные курганы) концом XIII—XIV в., я тоже буду датировать всю группу в целом. Вот конкретный анализ вещей из Матвеевских курганов.

1. Сердоликовые и хрустальные бусы датируют эти курганы до середины XIII в.
2. Золоченые и серебрёные стеклянные бусы, найденные здесь единицами и плохого качества, тянут погребения в XII в.
3. Янтарные бусы также больше относятся к XII в., чем к XIII в., судя по Новгороду; янтарные разработки известны только в Прибалтике, откуда янтарь перестал поступать в XIII в. из-за военно-политических событий.
4. В кургане II — 2 в мужском погребении найден нож, сделанный по технологии XI— первой половины XII в.
5. Металлические бляшки из этого погребения также характерны для более ранних, чем XIII в., погребений.
6. Браслеты пластинчатые загнуто- и овальноконечные с чеканным орнаментом больше характерны для XII в., чем для XIII в., а в XIV в. их вообще нет.
7. Обломок горшка и целый горшок имеют все признаки домонгольской керамики: крупная примесь, неровный линейно-волнистый орнамент, шершавые поверхности, асимметричность (рис. 1).
8. Четверные и тройные браслеты могут быть датированы XII—XIII вв., что я доказываю ниже.

Следовательно, Матвеевские курганы относятся ко времени не позже первой половины XIII в.

Ссылаясь на работу Г. П. Латышевой, М. Н. Тихомиров делает следующие исторические выводы: «Раскопки производились там, куда в конце XIV в. спасался от мирских волнений митрополит Киприан, и тем не менее поблизости от митрополичьей резиденции... вятическая крестьянская стихия торжествовала. Раскопки, сделанные под Москвой, показали, как устойчивы были еще в XIV столетии обычаи вятичей, в земле которых возникла Москва» [23].

После того как было доказано, как мне кажется, положение о том, что поздневятические курганы старше XIV в., датировка их определяется

[22] Г. П. Латышева. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. Сб. «Археологические памятники Москвы и Подмосковья». М., 1954, стр. 55.

[23] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва XIV—XV вв. М., 1957, стр. 31.

XII—XIII вв. (к XI в. их отнести нельзя, так как с вещами XI в. витые браслеты почти не встречены).

Браслеты тройные и четверные, наличием которых А. В. Арциховский датирует погребение XIII в., встречены в слоях поселений и в курганах не только XIII, но и XII и даже XI вв.

Например, в радимических курганах, датируемых XI в., встречен один витой тройной браслет [24].

В инвентаре вятических и кривических курганов тройные петлистые браслеты только несколько раз встречены с вещами, бытующими в основном в XI в.: шесть раз с золочеными и серебреными бусами, два раза с крестопрорезными бубенчиками, один раз с трехбусинным узловатым височным кольцом.

Верхняя дата золотостеклянных бус — начало XII в., в основном — XI в., эту дату несколько раз утверждал в печати и А. В. Арциховский.

Поэтому шесть случаев совместного нахождения витых тройных браслетов с золочеными бусами должны отнести дату их появления никак не позже, чем к началу XII в.; это подтверждается еще и двумя случаями совместного нахождения тройных браслетов с крестопрорезными бубенчиками, бытовавшими в основном до XII в. Более сложновитые браслеты с этими ранними для вятичей вещами не встречаются.

Тройные и четверные браслеты нередко встречены в жилых слоях XII в.: в Старой Рязани витой тройной браслет найден в восточной яме дома № 12 Северного городища вместе с хрустальными бусами, калачевидным кресалом, бубенчиком со щелевидной прорезью, семью стеклянными браслетами и десятью шиферными пряслицами, керамикой XI—XII вв. На Вщижском городище найдены три тройных браслета: два в IV верхнем слое 1160—1238 гг. и один во II слое начала XII в. В Новгороде четыре тройных браслета найдены в слоях XII в., шесть — XIII в. и два — XIV в. На селище Грехов ручей Угличского района Ярославской обл. найден витой тройной браслет и гривна с витым 2 × 3 жгутом вместе с браслетообразным завязанным височным кольцом и ключом X—XI вв. от деревянного засова; рядом с этим селищем находится курганный могильник, набор вещей которого датируется XI—XII вв.

На Пировом селище Владимирской обл. в третьем пласте найден витой четверной браслет вместе с шиферными пряслицами и стеклянными браслетами. Витой четверной браслет найден в Московском Кремле на слое первого строительного периода, ниже его лежит предматериковая супесь; первый строительный слой датируется второй половиной XII — началом XIII в. Замечу здесь кстати, что рыбовидные бусы, датируемые А. В. Арциховским XIII—XIV вв., найдены в Кремле в предматериковом культурном слое конца XII в. М. В. Фехнер датирует рыбовидные бусы XI — началом XIII в.

Итак, витые тройные, четверные и 2 × 3 браслеты бытуют в XII — XIII вв. Браслеты 2 × 4, 3 × 3, 4 × 3 встречаются гораздо реже первых трех типов, появились они позже и существовали в основном в XIII в.

А. В. Арциховский совершенно правильно разделил вятические курганные древности на три хронологические стадии. Нужно только 1 стадию датировать рубежом XI—XII вв., а III стадию — XIII в., и тогда в основном вятические курганные древности уложатся в XII—XIII вв.

А. В. Арциховский из груды аморфного материала создал типологию и хронологию курганных вещей, без которой нельзя было бы работать сейчас.

Очередная задача — дальнейшая разработка типологии отдельных вещей с целью дробной хронологии вещей по векам внутри домонгольского

---

[24] Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы сэкцыі археолёгіі, III, Менск, 1932. По материалам Н. Г. Недошивиной в радимическом кургане Деребуж найден витой 2 × 4 браслет.

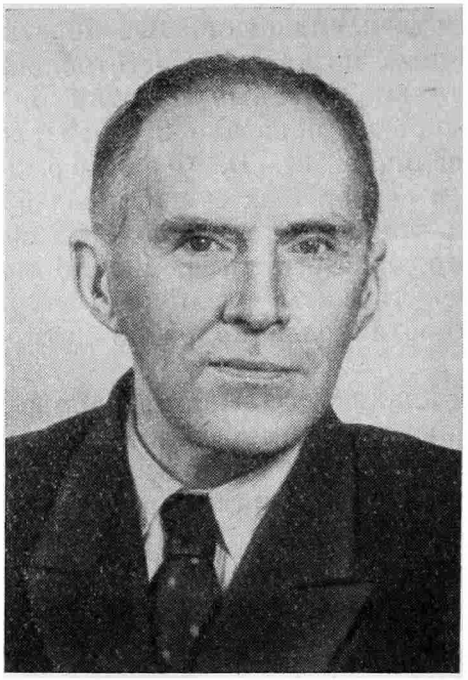
периода [25]. Например, отдел «пластинчатые перстни» А. В. Арциховского делится на два различных по технике изготовления и по времени бытования типа — очень тонкие кованые перстни и более толстые литые перстни. М. В. Житомирская показала в своей работе хронологическое и типологическое их различие. М. В. Фехнер доказала необходимость выделения золоченых и серебрёных стеклянных бус как отдельного типа.

Проделав работу по типологии и хронологии семилопастных височных колец так называемого простого типа, можно по разновидностям этих семилопастных определить даты различных курганных вещей внутри XII—XIII вв., в частности более подробно датировать различные типы витых браслетов.

Итак, на основании анализа взаимовстречаемости сложновитых браслетов с другими курганными вещами можно заключить, что в вятических курганах сложновитые браслеты относятся не к XIV, а к XIII в., следовательно, поздние вятические курганы в XIV в. не заходят.

---

[25] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 121.



ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЕССЕНА

31 марта 1964 г. в Ленинграде после тяжелой и продолжительной болезни скончался крупнейший археолог-кавказовед, старейший сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Государственного Эрмитажа — Александр Александрович Иессен.

В лице А. А. Иессена советская археология потеряла ученого широкого профиля, достойного представителя советской исторической науки, признанного знатока древней культуры юга нашей страны и Кавказа, большого мастера полевой методики. Из жизни ушел неустанный работник, беззаветно преданный своему делу, человек светлого таланта, верный друг и наставник многих археологов.

Неумолимая смерть вырвала А. А. Иессена из наших рядов в расцвете его научной деятельности незадолго до завершения им капитального исследования «Древнейшая металлургия юга СССР и Кавказа», которое было основным делом всей его жизни.

А. А. Иессен родился 23 июля 1896 г. в Петербурге, в семье агронома, по своему происхождению выходца из Дании, откуда иммигрировали его предки в 1823 г. По окончании гимназии в 1915 г. А. А. Иессен поступил в Михайловское артиллерийское училище и в 1916—1917 гг. в чине подпоручика уже участвовал в первой мировой войне. В период с 1918 по 1922 г. в качестве выборного командира батареи ему пришлось защищать молодую Советскую страну и участвовать в операциях против белоэстонцев и войск Юденича и Балаховича на Северо-Западном фронте, а позднее против Врангеля и Махно на Южном.

Только в 1922 г. он демобилизовался и поступил в Ленинградский университет, который успешно окончил в 1925 г. по археологическому отделению. Проявленный им интерес к археологии привел А. А. Иессена в аспирантуру Государственной Академии истории материальной культуры, закончив которую в 1929 г. по специальности «Древняя история и археология Кавказа и Средиземноморья», был зачислен старшим научным сотрудником Академии, позднее реорганизованной в Институт археологии АН СССР, где он работал до дня своей смерти. Основными его руководителями в аспирантуре были профессор А. А. Миллер и академик Н. Я. Марр.

Много лет (с 1927 по 1960 г.) А. А. Иессен совмещал свою работу в Институте с работой в Гос. Эрмитаже, будучи одним из создателей отде-

ла истории первобытной культуры, а одно время и его заведующим (1936—1955 гг.).

Начиная с 1924 г. А. А. Иессен почти ежегодно участвовал в археологических экспедициях, вначале в качестве сотрудника, а позднее и руководителя экспедиций на Северном Кавказе, в Грузии, на Урале, в Казахстане и, наконец, в Азербайджане, которые ознаменовались ценными научными результатами.

В 1938 г. А. А. Иессену была присуждена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации.

Всей своей тематически многообразной научно-исследовательской работой А. А. Иессен внес неоценимый вклад в советскую археологию Кавказа. Его перу принадлежит около 70 печатных работ, характеризующих широкий диапазон интересов и блестящую эрудицию автора. Круг разрабатываемых им вопросов разнообразен и территориально, и хронологически, но основное внимание он всегда уделял разработке проблематики, связанной с освещением бронзового века юга СССР и Кавказа.

Собственно вся исследовательская работа Александра Александровича как бы концентрировалась вокруг нескольких основных проблем. Первая — это археология и древняя история Кавказа начиная с новокаменного века и кончая железным. По этому широкому кругу вопросов им собран громадный материал и произведена огромная работа по исследованию медно-бронзового века Кавказа. Согласно воле А. А. Иессена, Институту археологии АН СССР после его смерти передан научный архив, содержащий бесценные материалы по археологии Кавказа, собранные Александром Александровичем за время его научной деятельности. А. А. Иессен внес много нового в археологию Кавказа. Одна из первых его капитальных работ, выполненная им в этом плане еще в 1935 г.,— монография «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» — содержала не только первую историю изучения этого важнейшего вопроса, но и периодизацию и характеристику впервые выделенных автором самостоятельных древних очагов кавказской металлургии и их местной сырьевой базы. Здесь же показаны и формы воздействия этих очагов на окружающие районы. Огромная значимость этой работы автора, как и опубликованного им доклада на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии («Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии»), заключалась в том, что им окончательно развенчивались теории о несамостоятельности развития кавказской бронзы и доказывалось самобытное развитие местной металлургии меди. Этими трудами А. А. Иессена были заложены основы того направления в изучении хозяйственных основ древних кавказских обществ эпохи меди и бронзы, которое ныне успешно разрабатывается рядом советских кавказоведов. В этом — огромная заслуга А. А. Иессена.

Новым словом в археологии всего Кавказа явились и последние работы Александра Александровича по выяснению древнейшей культуры Азербайджана, связанной с культурами расписной керамики Ирана и Передней Азии.

Эти работы были направлены не только на изучение древнейшего, недавно открытого, этапа культуры Закавказья, но также и на выяснение связей этой культуры с древним Востоком.

Не меньшее значение для древнейшей истории Кавказа и юга Европейской части СССР представляет глубокое изучение А. А. Иессеном сложной проблемы датировки знаменитого комплекса из Майкопского кургана и представленной им целой археологической культуры. Предложенная им схема хронологических соотношений памятников Северного Кавказа, начиная с древнейших объектов (Агубековское поселение, Нальчикский могильник и Кистрик) и кончая памятниками скифского времени, а также обоснованная датировка им Майкопа второй половиной III тыс. до н. э. сохранили свое значение до наших дней.

Тщательное изучение А. А. Иессеном древних металлических изделий из районов Северо-Западного Кавказа позволило ему впервые выделить особую так называемую прикубанскую культуру, синхронную известным кобанской и колхидской культурам Кавказа. Очень заметный след оставил А. А. Иессен и в освещении вопросов о культурах Северного Кавказа предскифского и скифского периодов и о взаимоотношениях кавказских племен с племенами киммерийцев и скифов Украины и Предкавказья. Органически связанная с этой проблемой, его обстоятельная работа «О памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1930 г.)» настолько насыщена свежим материалом и новыми, хорошо продуманными мыслями, что заслуженно пользуется всеобщим признанием и часто цитируется в нашей и зарубежной литературе. Много сделано А. А. Иессеном по исследованию основных памятников скифской материальной культуры, позволяющих установить связи с окружающим скифов миром,— оружия, конского снаряжения и предметов искусства, отражающих «звериный стиль».

Наряду с основной для А. А. Иессена проблемой истории культуры Кавказа эпохи бронзы и железа ему как руководителю крупной азербайджанской экспедиции пришлось заняться и средневековой археологией Кавказа. В Мильской степи им был раскопан большой курган эпохи бронзы, основная могила которого была разрушена богатым впускным погребением воина VIII—VII вв. до н. э. Раскопки являются образцом методики полевого исследования и камеральной обработки археологического материала. Работы на городище Орен-Кала разрешили спор о тождестве развалин со средневековым Байлаканом и дали ценный материал для изучения культуры Азербайджана VIII—VII вв. н. э. Отдельную работу А. А. Иессен посвятил местной средневековой художественной керамике, сохранившей традиции сасанидского искусства.

Второй основной проблемой, которая всегда занимала А. А. Иессена начиная еще с 1934—35 гг. (когда он был ученым секретарем, а затем действительным членом Института исторической технологии ГАИМК), была история освоения и использования рудных ресурсов и металла на территории СССР при первобытнообщинном строе. По кругу вопросов, относящихся к этой проблеме, им также накоплен значительный материал и сделаны попытки первых обобщений. А. А. Иессена по праву можно считать пионером в области изучения древней металлургии и горного дела в СССР. Его работы впервые стали более фундаментальны, они стали шире опираться на многочисленные химические и металлографические анализы точных наук, что и позволило автору внести весьма существенный вклад в древнюю историю металлопроизводства Кавказа и всей нашей страны.

В этом плане, кроме упомянутой монографии «О древнейшей металлургии Кавказа», особенно показательны его статьи: «Золото Кавказа» (совместно с Т. С. Пассек), «Олово Кавказа», «Олово на севере Европейской части СССР» (совместно с А. В. Шмидт), «К истории использования олова в Приенисейском крае» (совместно с Г. П. Сосновским), «О древней добыче золота на Урале», «Прикубанский очаг металлообработки...», «Уральский очаг древней металлургии» и другие. Здесь нельзя обойти молчанием и определенную практическую пользу, которую принесли работы А. А. Иессена в изучении полезных рудных ископаемых.

Кроме этих двух основных проблем, которые разрабатывал А. А. Иессен, им всегда интересно разрабатывались вопросы древних межплеменных и этнокультурных связей, вопросы первобытного искусства, особенно в связи с идеологическими представлениями древних племен и другие вопросы истории первобытной культуры. Прежде всего здесь следует назвать его интересную книгу «Греческая колонизация Северного Причерноморья», которая была им написана в годы второй мировой войны в эвакуации на Урале и опубликована только в 1945 г., а затем переиздана

в Праге на чешском языке в 1951 г. Даже отдельные небольшие его статьи этюдного характера, например, «О древних связях Северного Кавказа с Западом», «Ранние связи Приуралья с Ираном» — 1952 г. и другие характеризуют А. А. Иессена как исследователя широкого диапазона. Ряд его искусствоведческих штудий, основанных на строгом анализе отдельных памятников материальной культуры, прочно вошел в фонд советской археологической науки.

В последнее десятилетие научные интересы и энергия А. А. Иессена были направлены на научное освещение широкого круга вопросов, разрабатываемых большим коллективом руководимой им совместной Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции Института археологии АН СССР и АН Азербайджанской ССР. Много сил в качестве автора и особенно редактора он отдал подготовке к изданию трех томов этой большой и плодотворно поработавшей экспедиции, вписавшей новые страницы в древнейшую и средневековую историю Азербайджана и всего Закавказья. Находящиеся в производстве последние два тома «Трудов» этой экспедиции явятся достойным памятником руководителю работ и редактору.

Вся жизнь и научная деятельность покойного была пронизана стремлением быть максимально полезным науке и делу, которому он служил, будь то музейная работа, полевая или кабинетная. Все его исследования отличаются широтой постановки вопросов и исключительной разносторонностью знаний, позволяя ему с успехом привлекать данные смежных и даже точных наук. А. А. Иессен был исследователь осторожный, но четкий и точный в изложении своих выводов и заключений. Вместе с тем он был невероятно требователен к себе и к своим товарищам. Все, кто имел с ним дело как с автором или редактором, прекрасно знают это. Он никогда не стремился к увеличению списка своих научных работ, подолгу вынашивая свои мысли, делая их итогом долгих поисков и размышлений и обоснований, тщательно оформлял иллюстрации; Александр Александрович никогда не шел на компромиссы в ущерб качеству работы.

Всем известны высокие личные качества А. А. Иессена, его скромность, деликатность, необыкновенная человечность. Он был доступен всем и каждому, кто нуждался в его консультации, совете, помощи.

Светлый образ выдающегося ученого и прекрасного человека, каким был А. А. Иессен, навсегда останется в памяти археологов, отчетливо сознающих, что большие успехи, достигнутые советским кавказоведением, во многом обязаны А. А. Иессену, работы которого послужили прочной основой нового направления в археологии Кавказа.

Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. А. ИЕССЕНА

1. Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье. СГАИМК, 1 (Бюро по делам аспирантов). Л., 1929.
2. Северо-кавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК, 2, Л., 1931.
3. Таманская экспедиция 1931 г. СГАИМК, 11/12, М.— Л., 1932.
4. Раскопки В. Н. Глазова у села Тюнина в 1910 г. ПИДО, 6, 1932.
5. Золото Кавказа (совместно с Т. С. Пассек). ИГАИМК, 110, Л., 1935.
6. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, Л., 1935.
7. Работы Комиссии металлов (Главзолото и Союзредметразведка). ИГАИМК, 110.
8. Олово Кавказа. Там же.
9. Олово на севере Европейской части СССР (совместно с А. В. Шмидт). Там же.
10. Работы на Сулаке. Там же.
11. Рецензия. Д. Н. Лев. К истории горного дела. СА, I, 1936.
12. Сухумская экспедиция ГАИМК. СА, III, 1937.
13. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. III Международный конгресс по пранскому искусству и археологии. М.— Л., 1939.
14. Археологические собрания Эрмитажа и изучение истории. ИЖ, 7, 1940.
15. Государственный Эрмитаж. Общий путеводитель. I, Л., 1940, стр. 7—16, 17—20, 23—27, 145—149.
16. Древние памятники Западной Белоруссии, Западной Украины, Польши и Литвы в собраниях Эрмитажа. СГЭ, 2, Л., 1940.

17. К истории использования олова в Приенисейском крае. (Совместно с Г. П. Сосновским). КСИИМК, V, 1940.
18. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа. В кн.: А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., ГЭ, 1940.
19. Проблема изучения археологических памятников Колхидской низменности в целях характеристики современных (послеледниковых) геологических процессов. БКИЧП, 6/7, М.— Л., 1940.
20. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941.
21. Каменная скульптура медведя из Туркмении. Тр. ОИПКГЭ, I, Л., 1941.
22. Река Баксан. АИР, М.— Л., 1941.
23. Выставка Отдела истории первобытной культуры 1940 г. СГЭ, 3, Л., 1945.
24. Новые данные о производстве бронзы на северо-западном Кавказе. Там же.
25. Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л., 1945.
26. О древней добыче золота на Урале. Сб. «200 лет Уральской золотой промышленности». Свердловск, 1946.
27. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до нашей эры. КСИИМК, XVIII, 1946.
28. Уральский очаг древней металлургии. Сб. «Первое Уральское археологическое совещание», Пермь, 1948.
29. Мстислав Владимирович Фармаковский (1873—1946). КСИИМК, XVI, 1947.
30. Чусовская экспедиция Эрмитажа 1942 г. СГЭ, 5, Л., 1946.
31. Золотая обкладка келермесского меча. Сб. «Сокровища Эрмитажа». М.— Л., 1946.
32. Золотой олень из станицы Костромской. Там же.
33. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950.
34. Прикубанский очаг металлургии в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951.
35. Recka kolonisace Severniho Cernomori. Praha. 1951 (перевод № 25).
36. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом. КСИИМК, XLVI, 1952.
37. Ранние связи Приуралья с Ираном. СА, XVI, 1952.
38. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953.
39. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА.
40. Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 г. «Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленума ИИМК». Апрель, 1954.
41. Раскопки курганов на Дону в 1951 году. КСИИМК, 53, 1954.
42. Несколько бронзовых предметов, найденных в районе станицы Тульской. СГЭ, 8, 1955.
43. Раздел «Кавказ» в путеводителе. «Первобытная культура», I, Л., ГЭ, 1955.
44. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа. «Тезисы докладов на конференции по археологии Кавказа», М., 1956.
45. Новые данные для истории Азербайджана по работам Оренкалинской экспедиции 1953—1955 гг. «Труды Музея истории Азербайджана». 2, Баку, 1957.
46. Работы Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции в 1953 г. «Труды объедин. научн. сессии АН СССР и академий наук закавказских республик по обществ. наукам (1954)». Баку, 1957.
47. Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 году. КСИИМК, 69, 1957.
48. Хронология кавказских культур эпохи энеолита и бронзы. «Тезисы докладов на пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1957 г.». М., 1958.
49. Азербайджанская экспедиция в 1956 году. КСИИМК, 73, 1959.
50. Азербайджанская (Оренкалинская) экспедиция. МИА, 67, 1959.
51. Городище Орен-кала. Там же.
52. Предисловие к книге: Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959.
53. Древние очаги металлургии и металлообработки на восточном Кавказе. «Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Даг. ФАН СССР». Махачкала, 1959.
54. Пять чаш из Байлакана. Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели. М.— Л., 1960.
55. Работы Азербайджанской экспедиции в 1957 году. КСИИМК, 78, 1960.
56. Так называемый «Майкопский пояс». Археологический сборник. 2, Л., ГЭ, 1961.
57. Клад из селения Лухвано в Грузии. СГЭ, 22, 1962.
58. Майкопская культура и ее датировка. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1961 г. ИА АН СССР». 1962.
59. Изображение человека на плите из Кызыл-Ванка. КСИА АН СССР, 94, 1963.
60. Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до н. э. КСИА АН СССР, 93, 1963.
61. Азербайджанская археологическая экспедиция в 1956—1960 гг. МИА, 125 (в печати).
62. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. Там же (в печати).
63. Поселение Уч-тепе. Там же (в печати).
64. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе. Там же (в печати).

Публикации

Г. Н. МАТЮШИН

СТОЯНКА МУРАТ НА ОЗЕРЕ УЗУН-КУЛЬ

(К вопросу о стратификации раннеголоценовых памятников Южного Урала)

Стратиграфия памятников восточного склона Южного Урала и Зауралья очень сложна. В сравнении с Предуральем четвертичные отложения здесь ничтожны. В Зауралье почти не встречаются памятники с мощными культурными слоями, разделенными стерильными прослойками. На большинстве поселений находки залегают в тонких слоях гумуса и суглинка, не превышающих, как правило, 0,6—0,7 *м* толщины, а иногда и прямо на поверхности палеозойских и более древних пород, так как почвенный покров на некоторых участках вообще отсутствует. При таких условиях почти невозможно разделить стратиграфически разновременные культурные остатки.

В связи с трудностями стратиграфических наблюдений, до сих пор на восточных склонах Южного Урала не удавалось установить последовательность развития отдельных этапов мезолита и неолита. Много разноречивых мнений вызвал вопрос о хронологической принадлежности микролитического инвентаря. Исследователи относили его либо к эпохе бронзы, либо к позднему или раннему этапу неолита или же вообще обходили молчанием микролитические находки, как не характерные для Южного Урала. Были высказаны также предположения о принадлежности микролитического инвентаря к какой-то особой этнической группе [1] и т. д.

Разобраться во всех этих важных и сложных проблемах первобытной истории Урала можно было, только оперируя большим кругом разновременных памятников с «чистым», т. е. несмешанным, инвентарем и выяснив стратиграфически последовательность залегания культурных слоев.

К сожалению, до недавнего времени на Южном Урале было известно всего немногим более 10 памятников конца каменного и начала бронзового века. Причем до 1959 г. сколько-нибудь значительным раскопкам подвергались только некоторые из них — Чебаркуль I [2], Абселямовская [3], Боборыкино II [4] и др. Инвентарь всех этих памятников оказался смешанным. Так, на стоянке Боборыкино II, помимо неолитического, были и микролитический комплекс находок и материалы эпохи бронзы и железа; в инвентаре

[1] Более подробно различные точки зрения по поводу датировки микролитического инвентаря приведены нами в статье «Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья».— В сб.: «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 18—30.

[2] Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, 59, 1955, стр. 54—60.

[3] Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, 2.

[4] К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, 2.

стоянки Чебаркуль I вместе с неолитическими были найдены и микролитические изделия, а на Абселямовской стоянке отсутствовали микролитические находки, но зато вместе с неолитическими были найдены керамика и другие предметы эпохи ранней бронзы.

В 1959—1961 гг. удалось выявить на Южном Урале более 50 памятников каменного века [5]. Часть их содержала микролитический инвентарь в чистом виде (стоянки Романовка II, Романовка III, Ильмурзино, Черкасово и др.). Геологические наблюдения, анализ пыльцы из культурного слоя и характер инвентаря позволили отнести эти стоянки к мезолитическому времени. Другие поселения оказались неолитическими с типичной для неолита Урала керамикой и двустороннеобработанным кремневым инвентарем.

В 1962 г. мезолитические памятники были исследованы в горных районах Башкирии [6], а в 1963 г.— и на восточном склоне Южного Урала.

Выявление значительного числа мезолитических памятников с микролитическим инвентарем в Башкирии, и в том числе только в Зауралье более ста неолитических стоянок, позволило вернуться к материалам раскопок прошлых лет. Было установлено, что микролитический комплекс находок на стоянке Чебаркуль I залегал ниже неолитического, а на стоянке Боборыкино II, как это было замечено еще в процессе раскопок К. В. Сальниковым, такой комплекс отделялся от неолитического и топографически (находки мезолитического типа концентрировались в раскопе № 5, а неолитические — во II—IV). На основании различий в распределении находок по площади, стратиграфии и сходству микролитического инвентаря этих памятников с инвентарем чисто мезолитических стоянок Южного Урала мною было высказано предположение, что микролитические коллекции стоянок Чебаркуль I, Боборыкино II и др. происходят из остатков мезолитических слоев [7]. Однако памятника, сохранившего сколько-нибудь четкую стратиграфическую последовательность залегания мезолитических и неолитических слоев, обнаружить долго не удавалось. Наконец, в 1963 г. такой памятник был обнаружен. Это стоянка Мурат на оз. Узун-Куль.

Стоянка Мурат находится на восточном склоне Южного Урала, в Белорецком районе БАССР, на юго-западном берегу оз. Узун-Куль, в 1 *км* к северу от дер. Узун-Куль. Расположена она на широком обрывистом мысу, известном у местного населения под названием «Мурат».

В 1963 г. здесь, на наиболее высокой части мыса, был заложен раскоп площадью 25 $м^2$. Вдоль берега на расстоянии 30—35 *м* друг от друга мы заложили четыре шурфа. В последних была обнаружена керамика неолитического облика, двустороннеобработанный кремневый инвентарь, очень незначительное количество ножевидных пластин и отщепы [8]. Только в одном, наиболее близко расположенном к раскопу шурфе № 1 было найдено несколько большее число ножевидных пластин, притом и здесь оно не превышало 7% общего количества кремневого инвентаря [9]. В раскопе соотношение иное. Всего находок 3123, из них нуклеусов, ножевидных пластин и резцов на отщепах 775, т. е. 24,4% общего количества инвентаря. Уже такое распределение находок на площади позволяет предполагать, что

[5] Г. Н. Матюшин. Новые археологические памятники в окрестностях города Уфы. В сб.: «Археология и этнография Башкирии», 1, Уфа, 1962, стр. 133—140; его же. Новые неолитические памятники Башкирии. КСИА АН СССР, 92, 1962, стр. 91—97; его же. Археологические исследования в окрестностях города Уфы. «Вопросы археологии Урала», 2, Свердловск, 1962.

[6] Г. Н. Матюшин. Стоянки с микролитическим инвентарем в горной Башкирии. КСИА АН СССР, 97, 1964.

[7] Г. Н. Матюшин. Следы мезолитических слоев..., стр. 22—30.

[8] Мы не рассматриваем здесь находки эпохи поздней бронзы и раннего железа.

[9] В шурфе № 1 всего найдено 1036 кремневых находок. Ножевидных пластин, нуклеусов, резцов на отщепах и других изделий микролитического характера, вместе взятых,— 70, т. е. 6,7% общего количества каменного инвентаря.

население, оставившее двустороннеобработанный кремневый инвентарь и керамику неолитического облика, занимало всю территорию мыса Мурат, а поселение, для которого характерен микролитический инвентарь, только часть его — наиболее возвышенный мыс.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что высокая часть мыса расположена ближе к истоку р. Клы.

Всего находок на памятнике 4705, из них 4223 изделия из камня и 482 фрагмента керамики. Ножевидных пластин и изделий из них 789; нуклеусов, сколов с них и их обломков 120; долотовидных орудий типа piéces écaillées — 2; резцов на отщепах — 17; скребков на отщепах — 95; прочих изделий из отщепов и с двусторонней обработкой — 176; отщепов — 3024; из них чешуек и мельчайших отщепов — 1814.

Нуклеусы микролитической техники изготовления, резцы и piéces écaillées также не характерны для неолита; следовательно, к донеолитической технике можно отнести 913 изделий, что составляет около 22% всей массы каменного инвентаря. Уже такое соотношение для неолитических памятников не характерно. Если из этого подсчета исключить чешуйки (не имеющие самостоятельного значения), скребки (трудно делимые на мезолитические и неолитические) и явно неолитические орудия с двусторонней обработкой и сланцевые отщепы, типичные только для неолита, то останется 1760 предметов. Микролитический комплекс из них составляет 51,3%. Если учесть, что бóльшая часть отщепов, включенных в этот подсчет, более характерна для двустороннеобработанного комплекса находок, нежели для микролитического инвентаря, то перед нами четко предстанет комплекс с резким преобладанием микролитического инвентаря. Ни в одном памятнике неолитического времени такое соотношение находок не встречается.

Следовательно, либо мы имеем необычное для неолита явление, либо новый вид неолитической культуры или новый тип памятника, либо смешанный инвентарь нескольких разновременных памятников.

Обращаясь к анализу находок, можно установить, что керамика на всей территории памятника однородна и типична для всех неолитических памятников Зауралья, где господствует двустороннеобработанный кремневый инвентарь в сопровождении отщепов, почти без примеси ножевидных пластин и изделий из них. Предположение о том, что здесь находились два (или более) памятника одного (неолитического) возраста и разных этнических групп, характерной чертой для одной из которых была бы микролитическая техника, а для другой — макролитическая, не подтверждается еще и потому, что керамика, обнаруженная в шурфах, идентична керамике, найденной в раскопе, микролитический же инвентарь в шурфах отсутствует. Следовательно, большой процент микролитических находок не характерен для неолитического комплекса этого памятника.

Стратиграфия памятника и находки подтверждают наше предположение о наличии в инвентаре стоянки Мурат нескольких разновременных комплексов, наиболее ранним из которых является микролитический инвентарь.

Наблюдения над стратиграфией памятника и раскопки его небольшими (по 5—10 *см*) горизонтами дали возможность выяснить, что стоянка, оставившая слой с микролитическим инвентарем, предшествовала неолитическому поселению.

Сверху, до глубины 15—30 *см*, лежит черный гумус с находками керамики каменногорского типа и отдельными фрагментами энеолитического времени, ниже (до глубины 40—55 *см*) залегает бурый, сильно гумусированный слой мелкого битого камня с большим числом двустороннеобработанных орудий и гребенчатой керамикой (верхний неолитический слой). На глубине 55—70 *см* бурый слой становится более плотным, насыщенным очагами и углублениями, гребенчатая керамика здесь почти не встречается. Слой содержит керамику, орнаментированную волнистыми про-

черченными линиями, и кремневый инвентарь с небольшой примесью микролитических изделий. Под нижним неолитическим слоем лежит коричнево-бурый суглинок с микролитическими изделиями. Глубина залегания этого (мезолитического) слоя 100—120 *см*.

Самое предварительное рассмотрение микролитического инвентаря памятника приводит к мысли, что перед нами мезолитический комплекс находок.

Всего на территории памятника найдено 789 ножевидных пластин и изделий из них, причем значительная их часть (около 30%) представлена всевозможными орудиями и пластинками с ретушью. Среди находок две трапеции асимметричных очертаний. Изготовлены они на пластинах черного и серого яшмовидного кремня.

Характер обработки обеих пластин почти идентичен: длинная скошенная сторона отретуширована круто со спинки, причем мелкая ретушь начинается от верхнего основания, но на 4—4,5 *мм* не доходит до края нижнего основания; острый конец трапеции заострен сколом. С противоположного крутого бока со стороны спинки грань пластины сколота и тем самым как бы утончена. С этой стороны трапеция обработана с брюшка довольно крутой ретушью. На одной из трапеций, в центре короткого бока, ретушью оформлена небольшая выемка. Оба основания оставлены без какой-либо обработки (рис. 1, *1, 2*).

Распространено мнение, что трапеции являются поперечно-лезвийными наконечниками [10]. Форма трапеций со стоянки Мурат и характер их обработки вряд ли позволяют предполагать использование их подобным образом. Особенности обработки короткого бока трапеции наводят на мысль, что этот конец пластины утончался для закрепления в древке. Острый конец мог быть острием наконечника. Трапеция в данном случае выступает в роли не поперечно-лезвийного, а продольно-лезвийного наконечника.

Аналогичные трапеции почти с идентичной обработкой найдены на мезолитической стоянке Янгелька и в остатках мезолитического слоя стоянки Чебаркуль I. Подобные трапеции характерны для 6-го слоя пещеры Джебел [11] и других памятников Средней Азии.

Характерной группой изделий для мезолитических памятников Урала являются ножевидные пластины с краем, скошенным притупляющей ретушью. Скошенный край создан с помощью крутой ретуши, нанесенной у четырех из них со стороны брюшка, у трех — со стороны спинки. В большинстве случаев они представлены короткими, преднамеренно поделенными пластинками длиной 16—22, при ширине 8—12 *мм*, имеющими вид трапеций с одним краем, обломанным под прямым углом и оставленным без обработки; второй край скошен с помощью ретуши под острым углом к нижнему основанию. У четырех пластинок скошенный край отретуширован по всей длине, у трех — ретушь, как и у асимметричных трапеций, не доходит до конца нижнего основания, оставляя острый конец пластинки либо необработанным, либо приостренным с помощью резцового скола.

Одна из поделенных пластинок (длина ее 18, ширина 8 *мм*), скошенная и приостренная со стороны брюшка, со спинки по длинному лезвию (нижнее основание трапеции), имеет ретушированную выемку, приостряющую конец пластинки. Выемка в сочетании с ретушью по лезвию придает концу пластины пропеллеровидный изгиб. Очевидно, данное изделие использовалось в качестве проколки. Ретушь, оформляющая скошенный край пластины, как правило, очень крутая, ретушированная плоскость располагается почти под прямым углом к плоскости брюшка или спинки (рис. 1, *3—8*). Изготовлены эти пластины из зеленой яшмы (1 экз.), черного (3 экз.), серого (3 экз.) и синего (1 экз.) кремня.

Аналогичные пластинки со скошенным краем встречаются в коллекци-

[10] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, рис. 4.

[11] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

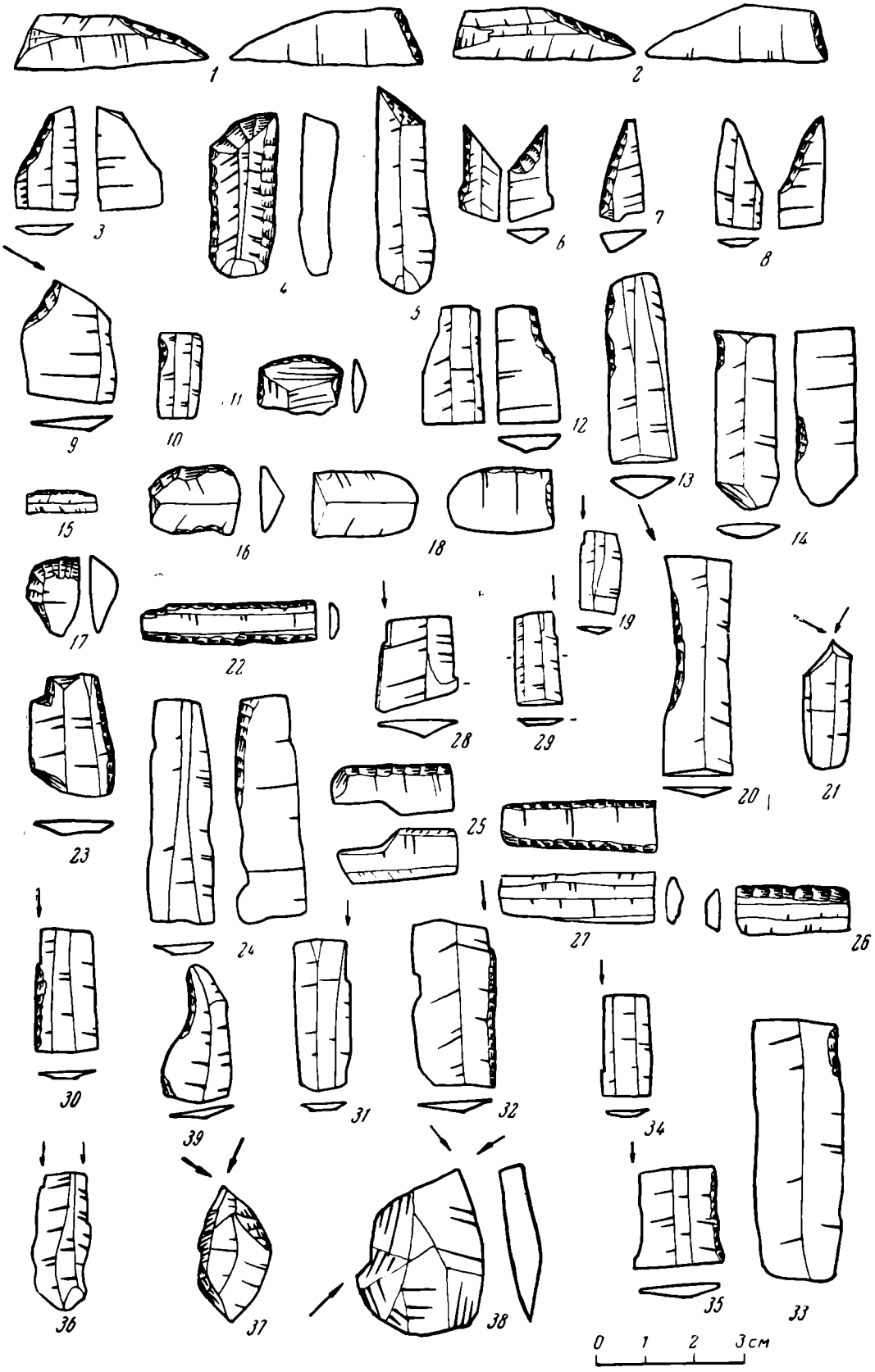


Рис. 1. Стоянка Мурат. Инвентарь мезолитического слоя

ях со всех памятников с микролитическим инвентарем горных и зауральских районов (ст. Янгелька, Чебаркуль I, Боборыкино II, Акбута, Азопкино и др.). Характерны они и для мезолитических памятников Предуралья (Ильмурзино, Романовка II, Романовка III и др.).

Как и у большинства чисто микролитических памятников Южного Урала, наиболее многочисленной группой изделий из ножевидных пластин нижнего слоя стоянки Мурат являются резцы (51 экз.). Сюда же следует отнести и резцы на отщепах (17 экз.). Наличие большого количества изделий с резцовыми сколами очень характерно для инвентаря мезолитических памятников. Учитывая это, более подробно остановимся на их характеристике. Основная масса орудий этого типа представлена изделиями, изготовленными с помощью резцового скола, нанесенного с одного или двух углов ножевидных пластинок (рис. 1, *19*, *28—32*, *34—36*). Преобладают орудия с резцовым сколом с одного угла пластинки. Из них 17 сделаны на небольших поделенных ножевидных пластинках (длиной от 1 до 2,5 *см*, при ширине 0,6—1,7 *см*). Другие (6 экз.) имеют длину 2,1—5,6 и ширину 1—2 *см*. Резцовый скол в большинстве случаев очень короток. У 13 пластинок резцовые сколы приблизительно на $^1/_3$—$^1/_{10}$ длины лезвия; у шести длина скола доходит до $^3/_4$ длины лезвия пластинки. Бóльшая часть резцов этой группы изготовлена из черного кремня (12 экз.), часть из серого (4 экз.) и синего (2 экз.), а также из сургучно-зеленой яшмы. На двух ножевидных пластинках резцовые сколы нанесены с двух углов обломанного конца. Причем один резцовый скол доходит до $^1/_3$—$^1/_2$ длины лезвия, а второй мелкий и короткий (не более $^1/_{10}$ части лезвия).

Два угловых резца изготовлены на ребристых пластинах синего и темно-серого кремня (рис. 1, *2*, *8*). Четыре резца, помимо резцового скола, на одном из лезвий имеют ретушь (рис. 1, *20, 30, 32, 35*). Три пластины ретушированы по той же стороне, где расположен резцовый скол, четвертая — с противоположной. Один из резцов с ретушированным лезвием, наиболее крупный, изготовлен из ножевидной пластины (зеленая с красно-желтой коркой яшма) при помощи резцового скола, нанесенного с угла пластины под острым углом. В продолжении скола со стороны спинки крутой ретушью сделана длинная неглубокая выемка (на $^2/_3$ длины лезвия). Таким образом, орудие совмещает в себе и резец, и пластину с выемкой (рис. 1, *20*).

У другого резца, изготовленного из красной яшмы, крутая ретушь, нанесенная по всей длине пластины с той же стороны, что и резцовый скол, к концу лезвия образует неглубокую выемку. С противоположной стороны углы пластины закруглены. Аналогичные выемки имеются с противоположной стороны от резцового скола на пластине из яшмы. Резцовый скол имеет длину почти во все лезвие пластинки. Один из резцов с ретушью, сделанный из зелено-красной яшмы с желтой коркой, имеет приостряющую ретушь на той же стороне, что и резцовый скол.

На трех поделенных пластинках рабочая часть образована двумя резцовыми сколами с середины пластинки. У четвертого аналогичного резца имеется только один резцовый скол. Изделия этого типа весьма напоминают микрорезцы Азопкинской стоянки, отличаясь от них отсутствием ретуши. Кремень черный, зеленый и зелено-красная яшма (рис. 1, *21*). В коллекции имеются и микрорезцы, идентичные азопкинским. Рабочий угол у них образован с помощью ретушированной выемки и резцового скола с середины сломанного конца (рис. 1, *9*).

Два резца изготовлены с помощью небольшой ретуши с угла пластинки (резчики?). Один изготовлен из черного кремня, второй — из зеленой с желтой коркой яшмы. У третьего резчика рабочий угол обработан с помощью ретуши, нанесенной на конце пластинки с угла, перпендикулярного лезвию (рис. 1, *33*).

Резцов на отщепах 17 экз. (рис. 1, *37*, *38*). Три из них серединные, а на шести других, помимо резцового скола, еще имеется и ретушь на лезвии, примыкающем к рабочему углу (рис. 1, *10*).

Большинство резцов имеет аналогии в инвентаре мезолитических памятников Башкирии (Ильмурзино, Романовка II, Романовка III, Черкасово, Азопкино, Акбута, Янгелька, Старо-Мушат, Старо-Каинлыково и др.). Так же как в нижних слоях пещеры Джебел, здесь в нижнем слое стоянки Мурат преобладают изделия с резцовыми сколами [12]. Резцы на отщепах с подработкой рабочего угла с помощью ретуши характерны и для палеолита.

Среди других изделий в нижнем слое памятника найдено 18 коротких пластин с выемками (рис. 1, *10—14, 39;* рис. 2, *7)* на одном из лезвий. Другое лезвие обычно не ретушировано совсем. Размеры их невелики. Большинство имеет 1,7—3,5 *см* в длину и 0,7—1,7 *см* в ширину. Только три имеют длину 5,3, 4 и 3,5 *см* при ширине 1,3, 1 и 2 *см*, соответственно (четыре пластины серого кремня, пять — зеленой яшмы с коричневой и красной коркой, пять — черного, три — синего и одна из серого с прожилками кремня). Аналогии данным пластинкам с выемками можно легко найти в инвентаре мезолитических памятников Южного Урала.

В микролитическом инвентаре памятника острия и проколки (16 экз.) изготовлены также на небольших ножевидных пластинках, часто неправильной огранки. Некоторые из них имеют ретушь не только на самом кончике пластинки, но и по ее лезвиям (рис. 2, *1—5*). Изготовлены они из черного (4 экз.) и серого (12 экз.) кремня.

Наиболее многочисленную группу микролитического инвентаря составляют ножевидные пластины, значительная часть которых является преднамеренно поделенными пластинками-вкладышами. Более 20% их (103 экз.) имеет ретушь или следы сработанности (рис. 1, *15, 16, 18, 22, 23, 25—27*). У части пластинок-вкладышей ретушь нанесена с двух сторон. Со стороны одного лезвия она мелкая, приостряющая, с другого — притупляющая. На 20 пластинках ретушь заметна только с одной стороны, с другой имеются небольшие зазубрины — следы использования их в работе. Большинство пластинок ретуши не имеет. Длина пластинок составляет обычно не более 2,5—3 и редко 4—6 *см* при ширине 0,5—1 *см*, в исключительных случаях ширина достигает 1,5—1,8 *см* (преобладает черный, серый кремень, зеленая, сургучная и красная яшма).

В нижнем слое памятника найдены небольшие тонкие отщепы с мелкой ретушью со всех сторон (рис. 1, *11*). Кремень серый. Такого рода вкладыши характерны для всех мезолитических памятников Башкирии.

К мезолитическому комплексу можно отнести также два изделия типа piéces écaillées. Это пластинчатые отщепы, у которых один из концов грубоватой подтеской превращен в долотовидное орудие. Размеры их 5,5 × 3,5 и 4,5 × 3,5 *см*. Кремень серый.

Из отщепов изготовлено и несколько проколок (рис. 2, *15*), одна из них из тонкого пластинчатого отщепа красно-зеленой яшмы. Прилегающие к концу острые лезвия пластины оформлены мелкой ретушью. Второе острие из черного кремня изготовлено на довольно массивном продольном сколе с нуклеуса с помощью широкой выемки, служившей, очевидно, скобелем

Микролитический комплекс находок сопровождают нуклеусы (целых 32, обломков 4, продольных сколов 26, ребристых пластин 58). Значительная часть нуклеусов конусовидные и призматические двуплощадочные, от которых в основном скалывались тонкие и узкие ножевидные пластинки. У многих нуклеусов одна сторона не снята (при округлости в плане нуклеуса). Двуплощадочные нуклеусы также имеют следы сколов очень мелких и тонких ножевидных пластин. На одном из них — 16 негативов (при максимальном диаметре 2,6—2,2 *см*), на другом — 22 (при 2,7—4 *см* в диаметре). Несмотря на желвачную корку, на одной из сторон третьего нуклеуса имеется 20 негативов (диаметр 2,5—3,5 *см*).

---

[12] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 104.

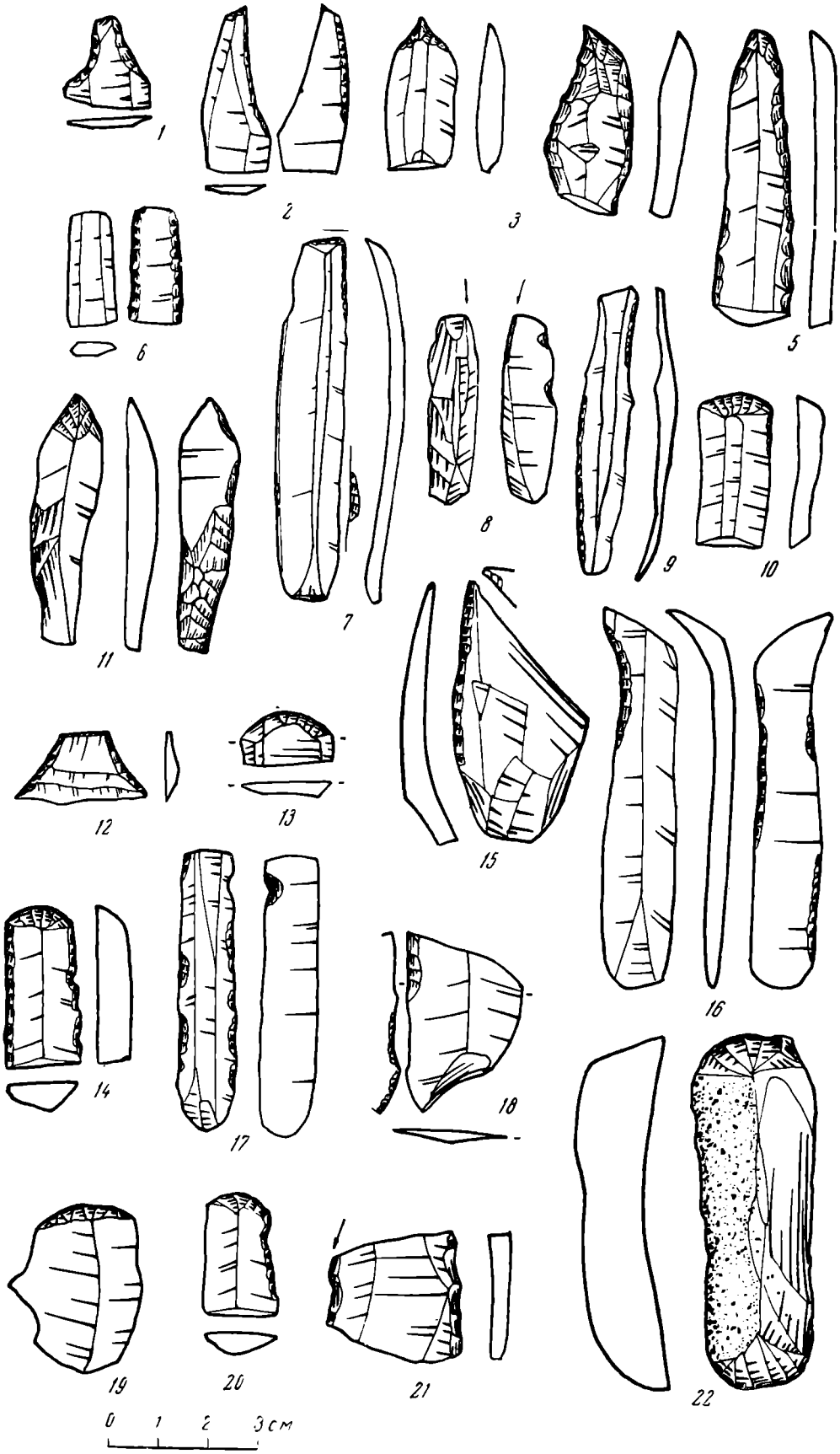


Рис. 2. Изделия из ножевидных пластин стоянки Мурат

Очень характерными для памятников мезолита раннего этапа неолита Башкирии являются продольные сколы с нуклеусов вместе с их основанием, имеющие ложковидную форму. Значительную часть продольных сколов и ребристых пластин составляют ножевидные пластины неправильной огранки. Нуклеусы сделаны из красной и красно-зеленой яшмы, черного и светло-зеленого кремня и т. п. Преобладают темные и черные цвета.

Многочисленную группу изделий из кремня составляют скребки (105 экз.). Из них 10 экз. изготовлено из ножевидных пластин, остальные на отщепах. Большинство первых найдено в нижнем слое памятника, вторые встречаются как в слое с микролитическими, так и вместе с неолитическими находками. В связи с этим мы рассматриваем их вместе.

Концевые скребки на ножевидных пластинах из инвентаря стоянки Мурат можно разделить на две группы: 1) скребки с дополнительно ретушированными боковыми сторонами и 2) без ретуши по боковым сторонам. Последние (5 экз.) представлены небольшими короткими скребочками со слабо выпуклой рабочей частью. Ретушь крутая (рис. 2, *13*, *19*). Скребков второй группы тоже 5 экз. Ретушь на большинстве боковых сторон с одной стороны притупляющая, а с другой — приостряющая. Выпуклая рабочая часть ретуширована круто. На одном из них круторетушированный конец скребка скошен по отношению к параллельным боковым сторонам. Материал, из которого изготовлены скребки,— сургучно-зеленая полосчатая яшма (3 экз.), зеленый (4 экз.), синий (1 экз.), белый (1 экз.) и серый кремень (рис. 2, *10, 14, 20*).

Трудно расчленимой на мезолитические и неолитические группой скребков являются орудия на отщепах. Часть из них — высокие скребки, изготовленные с помощью очень крутой, почти перпендикулярной основанию скребка ретушью, нанесенной в большинстве случаев по одному из концов поперечного скола с нуклеуса (рис. 3, *5*). Скребки на поперечных сколах с нуклеусов характерны для мезолитических памятников Урала и Восточной Европы [13].

Очень часто в инвентаре позднемезолитических памятников Южного Урала встречаются скребки сегментовидной и секторовидной формы, изготовленные на небольших плоских отщепах (10 экз.), на одной из поверхностей которых сохранилась корка выветривания желтого цвета. Диаметр их, как правило, не превышает 2 *см*. Дугообразный край орудия оформлен крутой ретушью. Остальные края ретуши не имеют. У большинства скребков этой группы (6 экз.) с противоположной от ретушированного края стороны сколами оформлен режущий край резца. На некоторых скребках с желвачной коркой, помимо ретуши на выпуклой части, имеется ретушь и на вогнутой стороне, превращающая скребок в двойное орудие — скребок-скобель (рис. 3, *6, 7*).

Типичными для Зауралья являются и скребки овально-вытянутой формы трех видов. К первому виду (5 экз.) относятся скребки с ретушью только на самом конце пластинки. Два из них изготовлены на массивных продольных сколах с нуклеусов. Ретушь очень крутая (на одном из скребков она почти перпендикулярна плоскости брюшка). Длина скребков 3—5, ширина 3—4 *см*. Остальные — меньших размеров (длина 3—3,5, ширина 1—1,6 *см*). Несколько скребков (4 экз.) имеют овально-ладьевидную форму и острый выступ на конце орудия; ретушь на некоторых экземплярах опоясывает орудие со всех сторон (рис. 3, *8*). Третий вид — овально-вытянутые скребки имеют более вытянутую форму с ретушью со всех сторон орудия (рис. 3, *4, 9, 12*).

На территории Башкирии очень часто встречаются и скребки подчетырехугольной формы, часть из них имеет ретушь только на одной стороне скребка, другие же ретушированы с трех сторон орудия. Ретушь крутая.

[13] М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, XXXI, 1950.

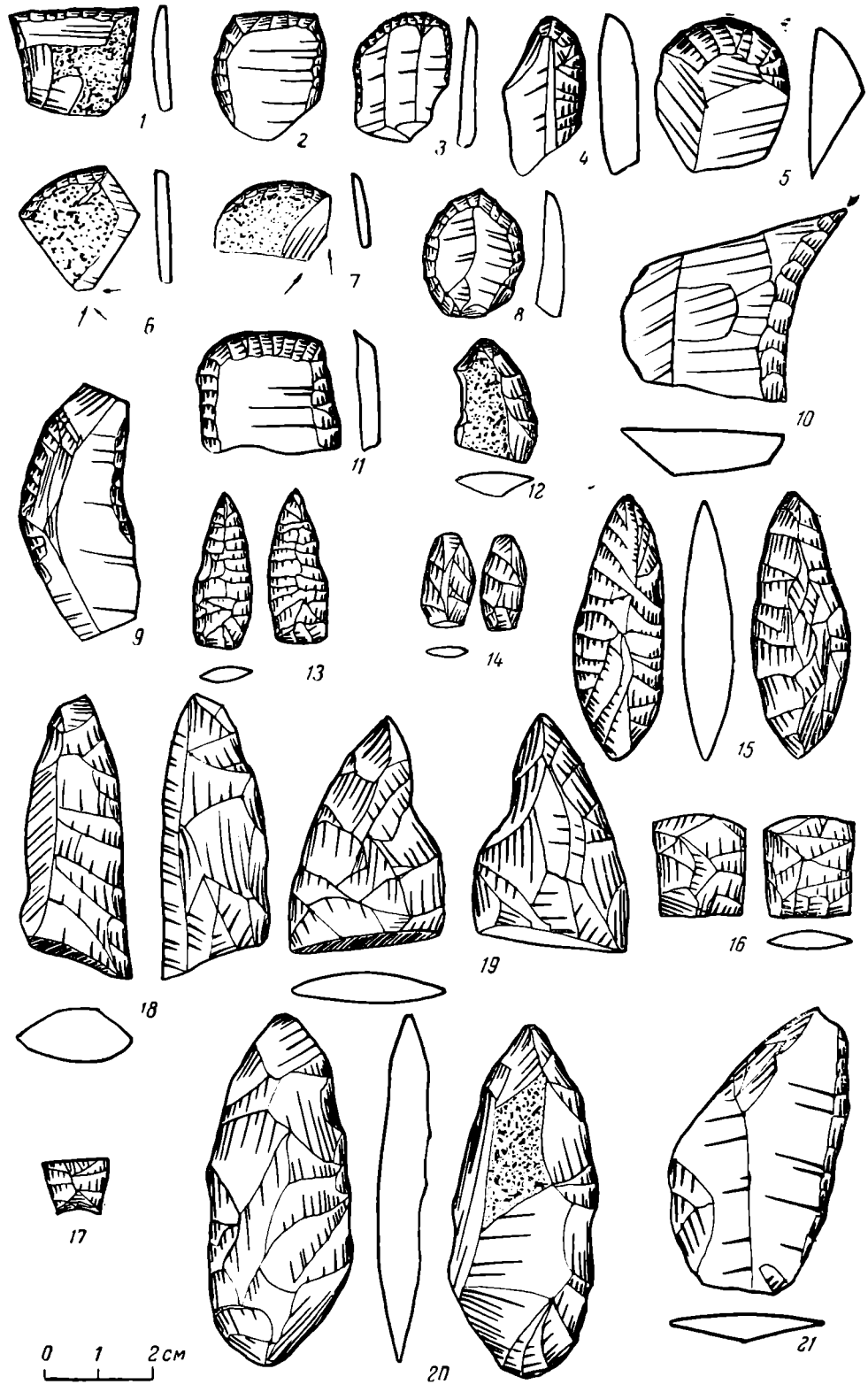


Рис. 3. Стоянка Мурат. Изделия из кремня неолитического слоя

В большинстве случаев она нанесена со спинки и только в редких — с брюшка (рис. 3, *1, 2, 11*; рис. 4, *6*).

Скребки округлой формы (4 экз.) обработаны ретушью со всех сторон. Диаметр их не превышает 2,5 *см*. Характер ретуши напоминает аналогичные изделия неолитических памятников Южного Урала (типа Ташбулатово II и др.). Найдены скребки этого вида вместе с керамикой в неолитическом слое.

В коллекции имеется несколько очень мелких скребочков, аналогии которым можно найти в неолитических памятниках Средней Азии.

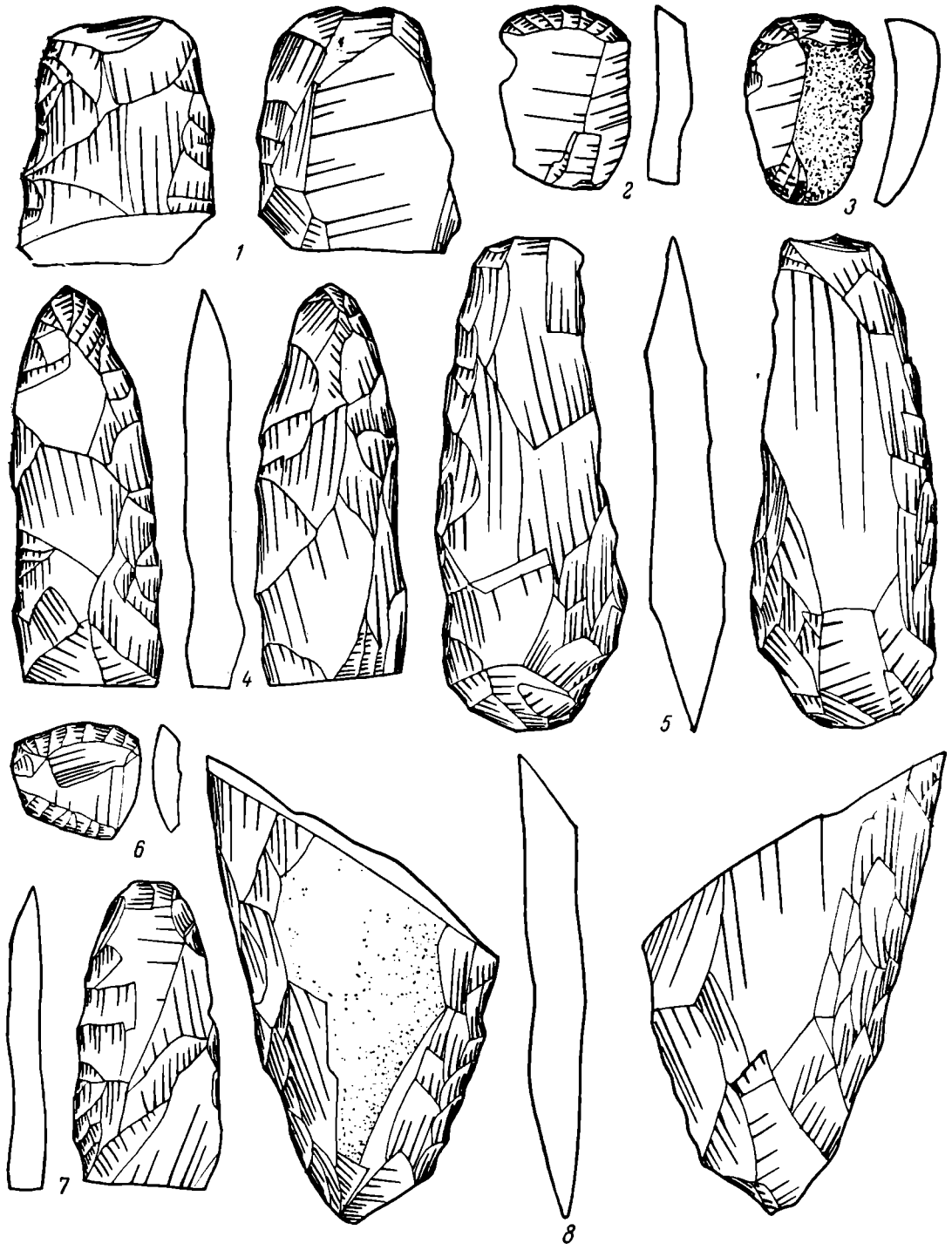


Рис. 4. Сланцевые и кремневые орудия неолитического слоя стоянки Мурат

В инвентаре стоянки Мурат имеется также несколько крупных массивных скребел и скребков, изготовленных на ребристых пластинах и продольных сколах с нуклеусов. На двух из них крутой грубоватой ретушью на обоих концах пластин оформлены овальные рабочие части. Кремень черный и темно-серый (рис. 2, *22*; рис. 4, *2*, *3*).

Помимо скребков, в коллекции имеется еще одна трудно датируемая группа кремневого инвентаря — отщепы с ретушью (5 экз.). Мелкой ретушью у них обычно оформлен наиболее острый край. Два отщепа ретушированы с двух сторон, два — с одной.

Один отщеп имеет две ретушированные выемки. Изготовлен он из красной яшмы.

В инвентаре неолитических слоев преобладают изделия с двусторонней обработкой и отщепы. Здесь же найдено и небольшое число изделий из

ножевидных пластин, отличающихся по форме от микролитического инвентаря нижнего слоя памятника. Не считая единичных ножевидных пластин без обработки, всего их восемь: один наконечник стрелы на ножевидной пластине, одна симметричная трапеция и шесть пластин с выемкой.

Наконечник изготовлен на пластине неправильных очертаний. Острие наконечника отретушировано со спинки, черешок — с брюшка (рис. 2, *11*).

Трапеция, найденная в неолитическом слое, отличается от подобных изделий мезолитического слоя. Форма ее симметрична. Изготовлена она из ножевидной пластины темно-серого высококачественного кремня. По обоим бокам трапеции, на всем их протяжении, нанесена крутая ретушь. Лезвие верхнего основания по всей длине снято сколом. Нижнее основание оставлено без обработки (рис. 2, *12*). Подобного рода трапеция впервые встречается на Южном Урале. Аналогии ей можно найти в верхних слоях пещеры Джебел и в инвентаре памятника Джейтун.

Пластинки с выемками, найденные в неолитическом слое, в отличие от подобных пластин микролитического слоя, ретушированы по всей длине одного или обоих лезвий. Количество выемок уже не ограничивается одной, и расположены они часто на противолежащих сторонах. У аналогичных пластин мезолитического слоя выемки короче, мельче и нанесены, как правило, только с одной стороны. Пластины, встречающиеся в инвентаре неолитических памятников, длиннее, ретушь у них заходит далеко за край лезвия — все это делает пластину правильного огранения обычно неровной и асимметричной. Размеры неолитических пластинок крупнее, они колеблются от 3,5 до 7,5 *см* в длину и от 0,7 до 1,8 *см* в ширину. Три из них из красно-зеленой яшмы, а три — из черного кремня (рис. 2, *9*, *16*, *18*).

Аналогию пластинам с выемками неолитического слоя можно найти в инвентаре позднемезолитических и неолитических памятников Башкирского Зауралья (стоянки Карабалыкты 5, Суртанды 3 и др.) и в памятниках раннего этапа кельтеминарской культуры [14].

Двустороннеобработанные орудия, составляющие основную массу каменного инвентаря неолитических слоев памятника, в общем весьма сходны с инвентарем других памятников неолита Южного Урала и Предуралья.

Наиболее многочисленны наконечники стрел (вместе с заготовками и обломками 31 экз.). Целых экземпляров 8. Почти все они листовидной формы, размеры их различны, преобладают более крупные наконечники. Один из малых листовидных наконечников имеет прямоугольное основание. Найден он в самом верхнем горизонте слоя. Для изготовления наконечников применялся кремень темных цветов и реже — яшма (рис. 3, *13—20*).

Характерными для многих неолитических стоянок Башкирского Зауралья являются двустороннеобработанные орудия овальной формы с усеченным основанием. В неолитическом слое стоянки Мурат подобных изделий обнаружено четыре. Помимо них встречаются крупные клиновидные орудия, грубовато обитые с двух сторон. По всей вероятности, эти орудия являлись ножами. Одно из них изготовлено из пластины кремнистого сланца (рис. 4, *4*, *7*).

Двустороннеобработанные орудия из сланца составляют более 20% неолитического комплекса находок. Среди них три топора, два ножа и один скребок.

Два топора крупных размеров. Рабочая часть овальной формы, и хотя она остра и отделана тщательно, топор, судя по грубости общей отделки, обработкой не закончен. Возможно, он предназначался для шлифовки. Второй, обломанный топор,— большего размера, он пикообразной формы, изготовлен также из пластины зеленовато-серого сланца с помощью двусто-

---

[14] А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, 1; А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, XXV, 1949; его же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, XXXI, 1950.

ронней обработки ее краев (рис. 4, *5, 8*). Третий топор (обломок тыльной части) обит также грубо с двух сторон (рис. 4, *1*).

Ножи из сланца, судя по грубоватой обработке, возможно, тоже предназначались для шлифовки. Форма их одинакова с кремневыми ножами. Длина одного из них 8 *см* при ширине в 4 *см*, другого — 6, 7 и 3 *см*, соответственно.

Преобладающую часть каменного инвентаря неолитического слоя составляют отщепы. Половина их — чешуйки и мельчайшие отщепы, причем последние концентрируются в нижнем горизонте памятника, а более крупные отщепы — в верхнем.

Глиняная посуда неолитического слоя стоянки Мурат делится на несколько типов. Первый из них объединяет сосуды с волнистым прочерченным, резным орнаментом и узором, нанесенным «отступающей палочкой». Основная масса керамики этого типа залегает в нижнем неолитическом слое памятника. Она условно может быть разделена на несколько групп.

К первой группе относятся сосуды с прочерченным волнистым орнаментом, нанесенным в сочетании с оттисками «отступающей палочки» округлой или подчетырехугольной формы. Бóльшая часть этой группы представлена сосудами яйцевидной формы с наплывом по внутренней стороне венчика. Они имеют небольшие размеры (диаметр по венчику 20—22 *см*). Примесей в тесте мало, поверхность сосудов неровная, но следов заглаживания нет. Снаружи сосуды орнаментированы сплошь, а изнутри — только по скошенной части венчика.

На одном из сосудов этого типа верхняя часть у края венчика орнаментирована короткими вертикальными волнистыми линиями, ниже которых (на расстоянии 1,5—2,5 *см* от края венчика) помещены овальные зоны, заполненные волнистыми линиями, чередующимися с оттисками «отступающей палочки» (рис. 5, *1*). На другом аналогичном сосуде зоны расположены горизонтально, а вертикальные волнистые линии, частично перекрывающие горизонтальные зоны, нанесены ниже (рис. 5, *2*). Оба эти сосуда орнаментированы внутри по скошенной части венчика волнистыми прочерченными линиями.

Некоторые сосуды орнаментированы беспорядочными прочерченными линиями (14 фрагментов примерно от четырех сосудов). Причем волнистые линии прочерчены тонкой палочкой, дающей сдвоенную черту, один край которой иногда тоньше и четче, чем другой.

Это объясняется, очевидно, тем, что прочерчивание производилось деревянной палочкой с тупым неровным (обломанным) концом (рис. 5, *3, 4, 10—11, 14, 15*).

К этой же группе керамики следует отнести тонкостенные сосуды, орнаментированные горизонтальными зонами из волнистых линий, чередующихся с зонами «отступающей лопаточки». Венчик их внутри также скошен и орнаментирован волнистыми линиями (рис. 5, *8, 12*).

Стратиграфически керамика первой группы залегает в самом нижнем горизонте неолитического слоя (нижний неолитический горизонт).

Сосуды второй группы орнаментированы прочерченными парными волнистыми линиями, расположенными горизонтально с интервалами 3—5 *мм*.

Сосуды этой группы тонкостенные (толщина стенок 3—5 *мм*). Парные волнистые линии в орнаменте, как правило, чередуются с парными прямыми линиями (рис. 5, *9, 13*).

К этой же группе следует отнести сосуды, орнаментированные либо глубокими оттисками отступающей палочки, из которых образуются сравнительно разреженные зоны, либо глубокими резными линиями (рис. 5, *16, 18*).

Стратиграфически керамика этой группы залегает выше, чем керамика первой группы.

К третьей группе относятся более толстостенные сосуды (толщина сте-

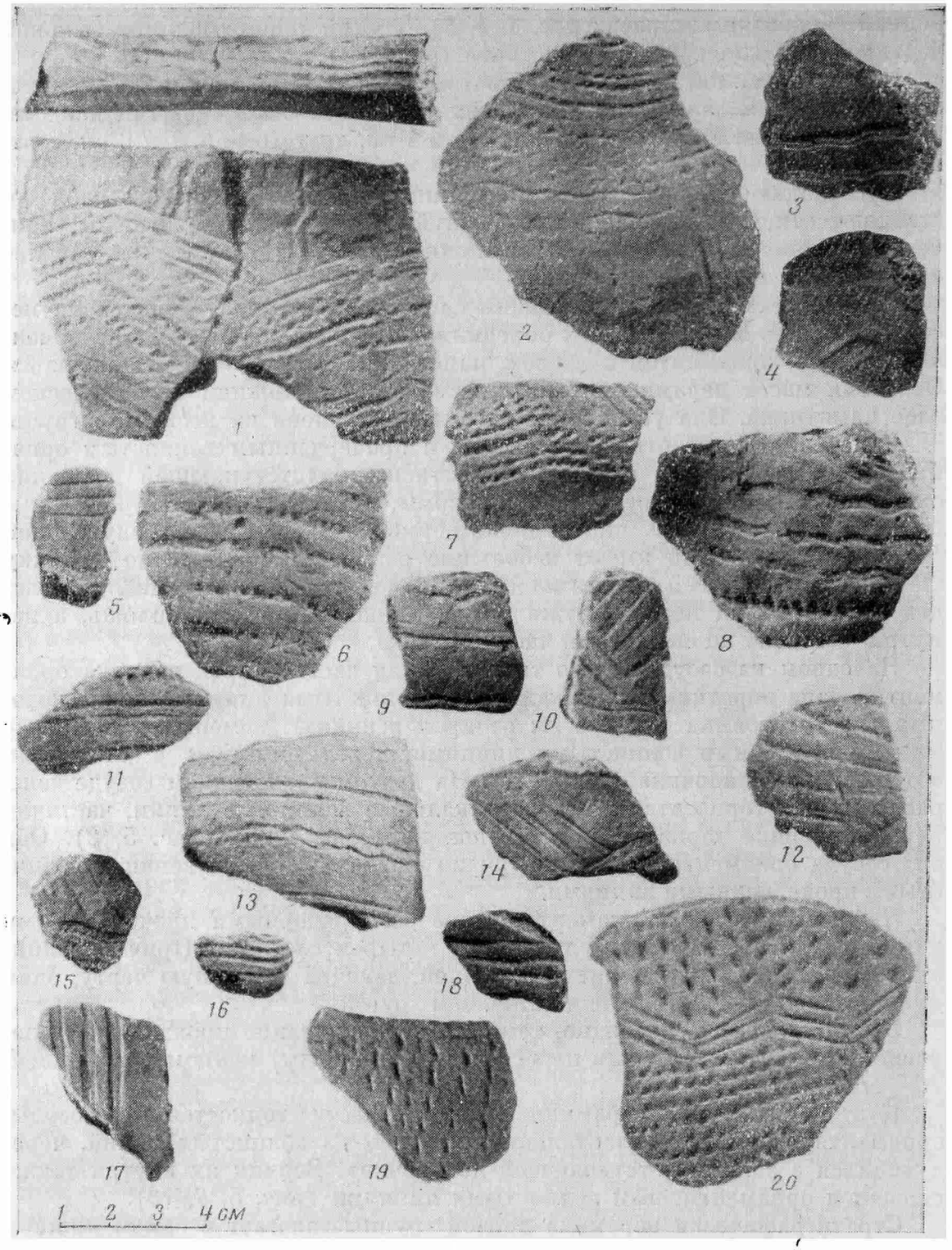


Рис. 5. Стоянка Мурат. Керамика нижних неолитических горизонтов

нок 6,5 *мм*), орнаментированные различными зонами, заполненными параллельными линиями струйчатого орнамента. В глиняном тесте очень большая примесь мелкотолченого талька (рис. 5, *19*).

В последнюю группу первого типа входят сосуды, орнаментированные взаимопроникающими геометрическими фигурами, которые заполнены овальными оттисками «отступающей» палочки, поставленной в каждой зоне под различным углом. Иногда зоны расчленяются тройной ломаной линией; внутри в сосудах большой слой нагара (рис. 5, *20*).

Второй тип объединяет в себе крупные сосуды, орнаментированные гребенчато-струйчатым орнаментом. В тесте заметны кусочки талька.

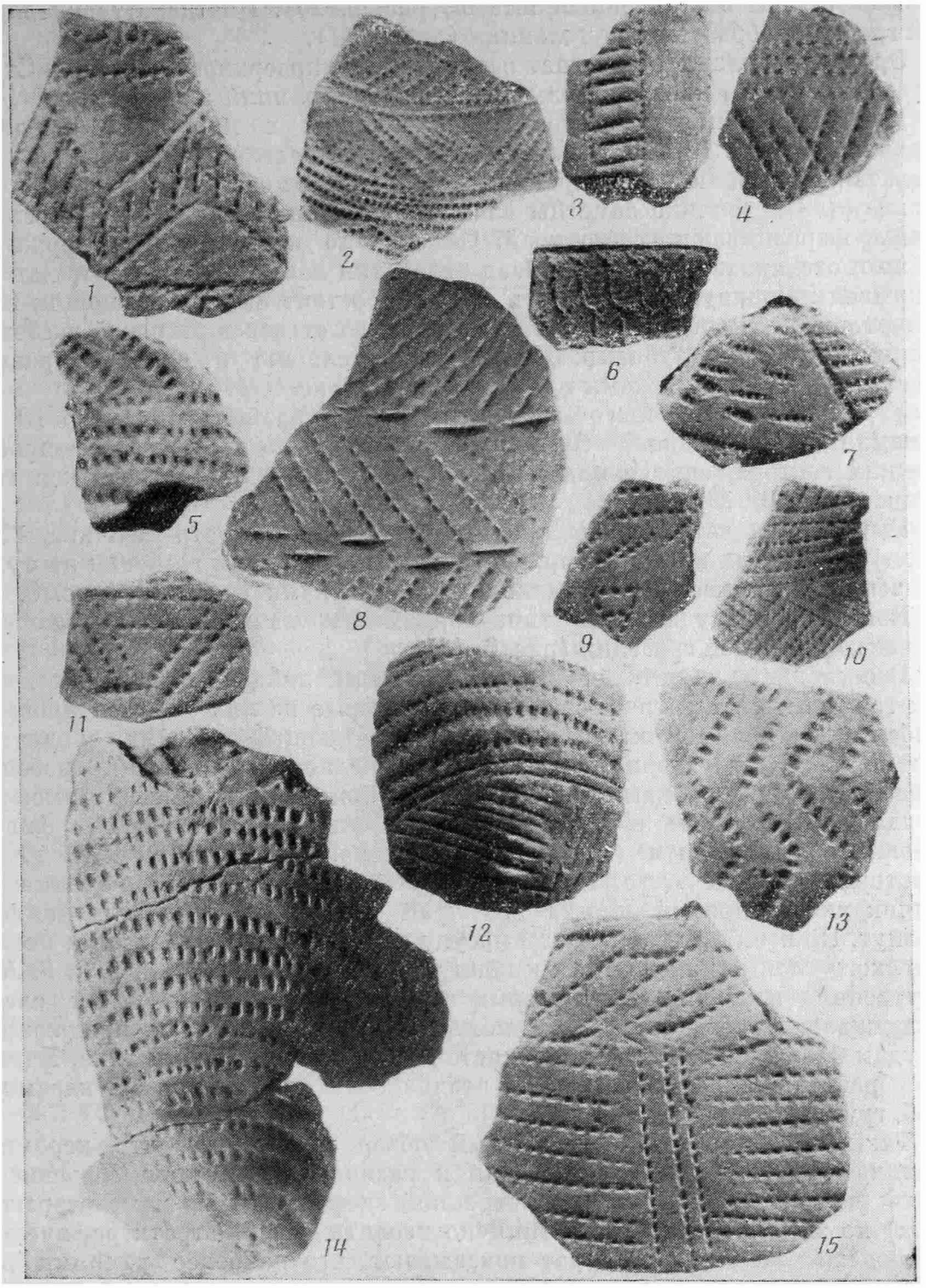


Рис. 6. Керамика верхних неолитических горизонтов стоянки Мурат

Орнамент сплошь покрывает стенки сосудов и расположен горизонтальными зонами, заполненными либо оттисками длинной гребенки, либо наклонными линиями струйчатого орнамента. Горизонтальные зоны отделены друг от друга овальными короткими оттисками гребенки (углом штампа). Орнаментированные зоны вплотную примыкают друг к другу. Отсекающие их оттиски овальной гребенки нанесены поверх оттисков длинной гребенки или струек (рис. 6, *8*). На некоторых сосудах этой группы зоны, заполненные горизонтальными оттисками длинной гребенки, разделяются вертикальными тройными линиями гребенки и чередуются с зонами, заполненными наклонными оттисками той же гребенки. Разделены зоны также овальными короткими оттисками гребенчатого

штампа (углом поставленный штамп; рис. 6, *15*). Иногда оттиски длинной гребенки образуют треугольники (рис. 6, *11*).

Орнамент сплошь покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Стратиграфически эта керамика находится выше керамики первого типа.

К третьему типу относятся широкие чашки с приостренным дном (диаметр сосудов 18—20, высота 11—12 *см*). В тесте незначительная примесь талька. Венчик с внутренней стороны скошен, край его утончен пальцами. На венчике заметны следы обмазки нескольких тонких слоев глины, выравнивающих его край. Обмазка по краю венчика держится плохо и отслаивается, обнаруживая отпечатки пальцев. Орнамент, сплошь покрывая наружную поверхность сосудов, состоит из опоясывающих весь сосуд горизонтальных линий, составленных из оттисков широкой гребенки с прямоугольными зубцами. Дно сосуда утолщено и орнаментировано крестообразными оттисками той же гребенки (рис. 6, *14*).

У другого аналогичного сосуда, меньшего размера (диаметр 10 *см*, толщина стенки 6, дна 7—8 *мм*), дно разделено на четыре взаимопроникающих сектора, заполненных оттисками очень тонких отпечатков гребенки (рис. 6, *12*).

Выделяются четыре-пять крупных сосудов (диаметр венчика 25—30 *см*), у которых наряду с горизонтальными оттисками гребенки на тулове венчик орнаментирован наклонными оттисками гребенки (рис. 6, *5*).

Некоторые сосуды этого типа орнаментированы зигзагообразными оттисками крупной гребенки (рис. 6, *13*).

В последнюю группу мы выделили сосуды, найденные в самых верхних горизонтах неолитического слоя. Некоторые из них орнаментированы гребенчатым орнаментом в виде елочки, шагающей гребенки, у других орнамент состоит из горизонтальных зон, заполненных оттисками гребенки и разделенных широкими прочерченными ломаными линиями; имеются сосуды с орнаментом, состоящим из различных геометрических фигур, заполненных «сотовым» орнаментом, гребенчатым штампом и т. д. На некоторых сосудах этого типа наблюдается разреженность орнамента, венчик иногда прямой, иногда его край слегка утолщен или немного отогнут. По всем этим признакам посуду самого верхнего горизонта неолитического слоя можно отнести к концу неолита (рис. 6, *1—4*, *6*, *7*, *9*, *10*). Внутренняя поверхность некоторых сосудов этой группы имеет следы заглаживания гребенчатым штампом. В тесте много талька, придающего сосудам блеск. По венчикам выделяется 26—30 сосудов этого типа. Характер обработки также подтверждает поздненеолитический возраст керамики этой группы.

Таким образом, даже этот беглый обзор показывает, что керамика стоянки Мурат весьма неоднородна и разновременна, хотя бóльшая ее часть (за исключением не рассмотренной здесь керамики каменогорского типа) не выходит за пределы типично неолитической. Стратиграфические наблюдения на стоянке Мурат показывают, что наиболее ранними для Зауралья являются сосуды с волнистым орнаментом, чередующимся «с отступающей палочкой». К более позднему времени относятся сосуды с орнаментом из двойных прочерченных линий и с гребенчато-струйчатым и гребенчатым орнаментом.

Керамика с волнисто-гребенчатым орнаментом впервые открыта О. Н. Бадером на Полуденковской стоянке [15]. Позднее было установлено, что подобная керамика вообще характерна для Среднего Зауралья [16]. К. В. Сальников и Н. П. Кипарисова определили, что керамика с прочерченным волнистым орнаментом характерна и для Южного Зауралья [17].

---

[15] О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 году. КСИИМК, XVI, 1947.

[16] В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Тр. ГИМ, 29, 1956.

[17] К. В. Сальников. Опыт классификации...; Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья.

Мысль о том, что керамика с волнистым орнаментом предшествует гребенчатой, уже высказывалась исследователями. Об этом писал В. Н. Чернецов [18]. Это же отмечал К. В. Сальников, анализируя случайные находки неолитического времени из разных мест Южного Урала [19]. К такому же выводу пришел и А. В. Виноградов при исследовании памятников кельтеминарской культуры [20]. Раскопки стоянки Мурат впервые позволяют установить стратиграфическую последовательность этих типов керамики.

Анализируя инвентарь стоянки Мурат, можно заметить, что между более ранними комплексами неолитической керамики, залегающими в нижних горизонтах памятника, и более поздними, сосредоточенными в средних горизонтах, наблюдаются преемственность и связь. Так, элементы волнистого и струйчатого орнамента, характерные для нижних неолитических горизонтов стоянки, несколько видоизменяясь, прослеживаются и в средних горизонтах, сочетаясь там с гребенчатым орнаментом. В свою очередь, орнаментальные мотивы средненеолитического горизонта получают свое дальнейшее развитие в узорах сосудов верхнего позднеолитического горизонта памятника, где некоторые ранненеолитические элементы теряют свое значение, уступая место новым орнаментальным мотивам. В целом орнамент неолитических сосудов стоянки Мурат, в особенности ее верхних горизонтов, имеет значительное сходство с орнаментом, характерным для керамики памятников так называемой андроновской культуры на территории Челябинской обл. Например, характерные для керамики верхнего неолитического горизонта памятника широкие ломаные линии, заполненные вертикальными оттисками гребенки (рис. 6, *1*), треугольники, заполненные «гребенкой» (рис. 6, *2*, *4*, *7*, *9—11*), тройные ломаные линии, разделяющие орнаментальные зоны (рис. 6, *12*), и другие элементы орнамента неолитических сосудов весьма часто встречаются и в орнаменте керамики андроновских памятников Южного Урала и Зауралья.

Керамика, аналогичная сосудам, найденным в верхнем неолитическом горизонте стоянки Мурат, имеет весьма широкое распространение и даже проникает в районы Прикамья и Предуралья. О. Н. Бадер, отмечая проникновение подобной керамики из Зауралья в Прикамье, относит появление ее в Прикамье к XX—XIX вв. до н. э. [21]. Вполне естественно считать ее возникновение в Зауралье в несколько более раннее время. Все это, с одной стороны, позволяет нам ограничить время существования позднеолитических комплексов стоянки Мурат не позднее чем концом III тысячелетия до н. э., соответственно отодвигая датировку лежащих ниже слоев к более ранним периодам, а с другой,— поставить вопрос о некоторой преемственности в орнаменте позднеолитической и андроновской керамики. Следует при этом заметить, что черты сходства и преемственности в орнаменте неолитической и андроновской керамики Южного Урала прослеживаются и по материалам других памятников. Однако этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи и требует специального рассмотрения.

Таким образом, в инвентаре стоянки Мурат четко выделяются топографически и стратиграфически несколько разновременных комплексов находок. В нижнем культурном горизонте концентрируются микролитические находки мезолитического облика, выше лежат два горизонта неолитических находок, которые перекрываются слоями с находками позднеолитического возраста и эпохи поздней бронзы.

Опираясь на стратиграфию стоянки Мурат, впервые можно определить

---

[18] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953.

[19] К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. В сб.: «Археология и этнография Башкирии», I, стр. 16—59.

[20] А. В. Виноградов. Ук. соч.

[21] О. Н. Бадер. Поселения Турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, 99, 1961, стр. 67.

хронологическую последовательность различных памятников мезолита и неолита. В частности, стратиграфия и топография памятника подтверждают предположение о наличии в ранее исследованных памятниках (Чебаркуль I, Боборыкино II и др.) мезолитических комплексов находок. Типологическое сходство этих комплексов с инвентарем мезолитических стоянок Урала[22], Прикамья[23], Поволжья[24] и Средней Азии[25] дает возможность отнести их к эпохе сравнительно развитого мезолита. Различия можно проследить и в составе камня. В то время как изделия микролитического комплекса изготовлены исключительно из яшмы и высококачественных черных и других темных пород кремня, значительная часть двустороннеобработанного инвентаря состоит из сланца, зеленокаменных и других пород.

Ограниченные рамки нашего предварительного сообщения о начале исследования многослойного поселения Мурат на оз. Узун-Куль не позволяет нам, к сожалению, подробнее остановиться на характеристике всех культурных слоев памятника. Однако, не говоря уже о важности публикуемого здесь мезолитического комплекса, хочется отметить, что и материал неолитических памятников Башкирского Зауралья здесь публикуется также впервые. Максимально полная публикация материалов неолитических памятников Башкирского Зауралья необходима и потому, что до того как материалы этих памятников были подготовлены нами к печати, появилось не совсем точное их освещение Л. Я. Крижевской, утверждающей, что «в этой группе поселений пластинчатая индустрия отсутствует»[26], и высказывающей предположение о том, что микролитическая индустрия якобы присуща только памятникам с керамикой, орнаментированной «прочерченным и накольчатым (отступающей палочкой) орнаментом», в то время как двустороннеобработанный инвентарь характерен для памятников с гребенчатой керамикой[27]. Исследования, проведенные нами в 1961—1963 гг. на озерах Суртанды, Чебаркуль, Карабалыкты, Сабакты и др.[28], показывают, что для данной территории наличие микролитического инвентаря не этнический, а скорее хронологический признак. Так, доля микролитического инвентаря, как правило, увеличивается в инвентаре более ранних неолитических памятников и уменьшается в более поздних. Все это легко объяснимо, если учесть, что на всей данной территории неолитическим памятникам предшествовали чисто микролитические мезолитические памятники.

Рассмотрение в самых общих чертах материалов со стоянки Мурат позволяет предварительно наметить ряд выводов.

1. Памятники с микролитическим инвентарем, характеризующиеся резким преобладанием ножевидных пластин, наличием большого числа изделий с резцовыми сколами, асимметричных трапеций, микрорезцов, пластин со скошенным краем, пластин с короткими нешпрокими выемка-

---

[22] Г. Н. Матюшин. Следы мезолитических слоев..., стр. 18—30.

[23] О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадишевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, 22, 1951; его же. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала. МИА, 79, 1960; О. Н. Бадер, Б. Г. Тихонов. Кама-Жулановская мезолитическая стоянка. «Уч. зап. МГУ». 166, 1954.

[24] П. Н. Третьяков. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья. МИА, 110, 1963; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960.

[25] А. П. Окладников. Ук. соч. его же. Исследование памятников каменного века Таджикистана. МИА, 66, 1958.

[26] Л. Я. Крижевская. Новые данные по неолиту Южного Урала. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 81.

[27] Там же, стр. 80.

[28] Г. Н. Матюшин. Отчет о работе Зауральского отряда БГУ в 1961 году. Архив ИА АН СССР, № Р-1, 2301; его же. Новые неолитические памятники Башкирии. КСИА АН СССР, 92, 1962, стр. 92; его же. К изучению мезолита и неолита в Башкирии. Тезисы III Уральского археологического совещания в Уфе. Уфа, 1962. стр. 21—22.

ми и другими изделиями из ножевидных пластин, по времени предшествуют неолитическим памятникам. По аналогии с инвентарем мезолитических памятников Южного Урала и Предуралья, а также с инвентарем нижних слоев пещеры Джебел памятники с микролитическим инвентарем этого типа могут быть отнесены к мезолиту.

2. Из встречающихся на Южном Урале неолитических памятников наиболее ранними следует считать памятники с керамикой, орнаментированной волнистыми прочерченными линиями в сочетании со слабыми оттисками отступающей лопаточки и беспорядочными волнистыми линиями.

Кремневый инвентарь этих памятников содержит вместе с двусторонне-необработанными орудиями и некоторое число изделий из ножевидных пластин: симметричные трапеции, пластины с широкими глубокими асимметрично расположенными выемками, наконечник стрел на ножевидных пластинах и т. д.

3. Памятники развитого неолита, в инвентаре которых преобладает керамика с гребенчато-струйчатым и гребенчатым орнаментом и господствует двустороннеобработанный комплекс каменных орудий, по времени следуют за памятниками с керамикой, орнаментированной беспорядочно-волнистыми линиями.

4. Черты сходства и преемственности в инвентаре неолитических и андроновских памятников Южного Урала позволяют в порядке самого общего предположения поставить вопрос и о генетической связи между ними.

5. Инвентарь памятников, где в смешанном виде представлены микролитические находки мезолитического облика и двустороннеобработанный кремневый инвентарь с неолитической керамикой, требует особой методики исследования (раскопки горизонта не более 5—10 *см*, статистический и типологический анализ и т. д.).

Г. Б. ПОПОВА

КОРЕНЕЦКИЕ СТОЯНКА И МОГИЛЬНИК

В среднем течении Оки в настоящее время известно довольно много памятников поздняковской культуры, это главным образом поселения, относящиеся к разным этапам поздняковской культуры. Долгое время особняком стоял мало-окуловский [1] курганный могильник с довольно своеобразным погребальным обрядом, не имевшим аналогий не только на территории распространения памятников поздняковского типа, но и в памятниках срубной культуры; с последней могла быть связана посуда из мало-окуловских погребений. В настоящее время для мало-окуловского могильника появились аналогии.

В 1951 г. Государственный Исторический музей проводил археологические исследования в Шатурском районе Московской обл. [2], где на оз. Святом у дер. Коренец И. К. Цветкова исследовала поселения эпохи неолита с ямочно-гребенчатой керамикой раннего типа Коренец I и поселения эпохи бронзы Коренец II. Экспедиция обратила внимание на группу холмиков, расположенных между стоянками, несколько западнее их (рис. 1). Одна из насыпей (№ 1 на плане) была вскрыта. Под насыпью, в центре, на уровне горизонта было обнаружено зольное пятно с рассеянными угольками и рядом с ним глиняный орнаментированный сосуд.

В 1952 г. экспедиция Исторического музея под руководством И. В. Яценко вскрыла еще четыре насыпи и получила достаточно убедительный материал, чтобы считать эти насыпи курганным могильником и связывать их сооружение с племенами поздняковской культуры [3], поселение которых находится поблизости.

В 1962 г. были вскрыты оставшиеся пять курганов.

Вся курганная группа на оз. Святом состояла из девяти курганов, расположенных почти по правильному кругу, за пределами которого было обнаружено еще несколько сохранившихся насыпей.

Размеры курганов различные — от 70—80 *см* до 1,30 *м* высотой и от 8 до 20—22 *м* в диаметре. Часть курганов имеет насыпь круглую в плане, но большинство — овальные. Курганы, расположенные ближе к р. Пре, покрыты болотными кочками и густой травянистой растительностью; курганы, более удаленные от воды, находятся в молодом сосновом лесу, и большинство из них заросло деревьями. В результате раскопок 1951—1952 и 1961 гг. было вскрыто 10 курганов.

---

[1] Могильник состоит из 14 курганных насыпей, из которых раскопаны пять курганов: № 1 Б. С. Жуковым в 1927 г.; курганы № 2, 8, 9, 12 исследованы А. В. Збруевой в 1928 г. А. В. Збруева. Мало-Окуловские курганы. СА, IX, 1947; Архив ЛОИА АН СССР, № 128 за 1929 г.

[2] В 1951—1952 гг. дер. Коренец числилась в Коробовском районе, затем в Егорьевском, а с 1960 г.— в Шатурском.

[3] Материалы из раскопок И. В. Яценко не опубликованы, хранятся в ГИМ; часть их будет рассмотрена в настоящей статье.

Стратиграфия почти всех курганов (кроме кургана № 4) оказалась примерно одинаковой. Первый верхний слой состоял из дерна и расположенной под ним сильно гумусированной почвы темно-серого цвета (рис. 2). Слой имел мощность около 25—30 *см* и располагался почти равномерной лентой по всей поверхности кургана. Под ним залегал слой песка желтого цвета, наиболее толстый в центральной части кургана. Этот слой и являлся древней насыпью кургана. Насыпь во всех курганах подстилалась слоем желтого песка с многочисленными прослойками твердого желто-красного песка. Этот слой идет почти равномерной полосой под всей насыпью кур-

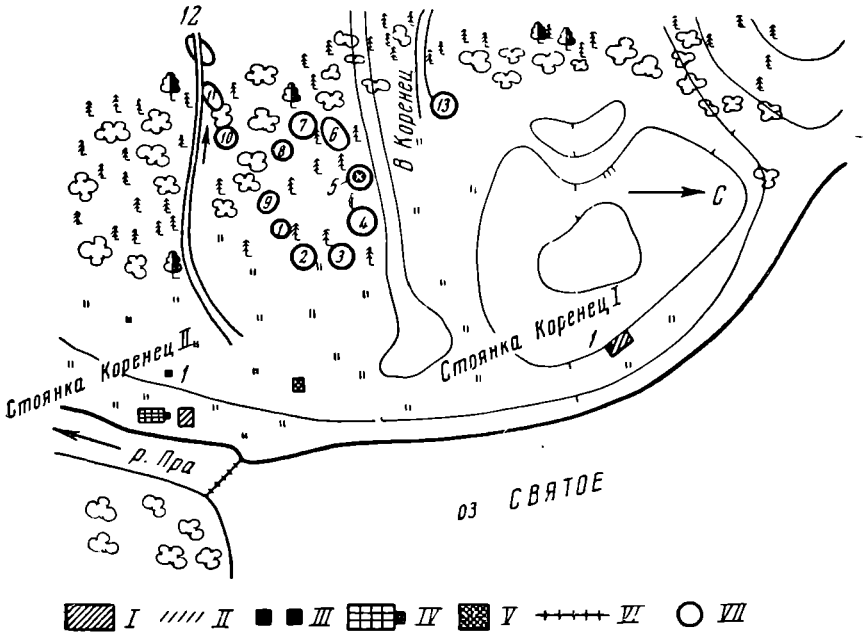


Рис. 1. План курганного могильника и стоянок Коренец I и Коренец II

I — раскопы 1951 г., *II* — зачистка 1951 г., *III* — шурфы 1951 г., *IV* — раскоп 1961 г., *V* — рыбацкий домик, *VI* — затор рыбацкий, *VII* — курганы (курган № 1 раскопан в 1951 г. И. К. Цветковой, курганы № 2, 3, 8, 9 раскопаны в 1952 г. И. В. Яценко, курганы № 4, 6, 7, 10, 11 раскопаны в 1961 г. Т. Б. Поповой)

гана. Он условно был принят за уровень древнего горизонта, так как желтый песок с красновато-бурыми вкраплениями лежал не только под насыпью кургана, но и подстилал дерн и подпочвенный слой за пределами кургана. Слой древнего горизонта подстилался светло-желтым песком материка. Профили курганов показывали, что слои во всех случаях чередуются в одном и том же порядке, нарушения статиграфии в курганах не наблюдается, а уровень древнего горизонта и материковый светло-желтый песок не имеют следов погребального сооружения.

А между тем во всех курганах было сделано много находок. Это главным образом скопления фрагментов и целых сосудов, различных кремневых орудий. Основное количество предметов во всех курганах было обнаружено на уровне древнего горизонта или в слое древнего горизонта, часть находок, главным образом скопления обломков сосудов и отдельные кремневые предметы, лежала на разных уровнях в насыпях курганов. Культурный слой за пределами кургана не обнаружен.

Большинство находок в курганах, несмотря на то, что они найдены в разных местах в слое древнего горизонта или на его уровне, располагается на определенном расстоянии от центра кургана, на его периферии. Если курганная насыпь правильно круглая, то они лежат по кругу (курган № 7); если насыпь кургана овальная, то и находки под ней расположены по овалу. Так, в кургане № 6 под насыпью, на уровне древнего горизонта, почти на равном расстоянии друг от друга по овалу были расположены

целые сосуды (рис. 2), скопления кремневых осколков и скребков, а также ряд разбитых и как бы разбросанных сосудов. Кроме того, на этом же уровне прослеживается ряд зольных и углистых пятен, которые также располагаются по периферии кургана и имеют иногда большие размеры.

В кургане № 7 под насыпью, в юго-восточном секторе, ближе к центру, на уровне древнего горизонта обнаружено буровато-коричневое пятно, а рядом с ним углисто-золистое.

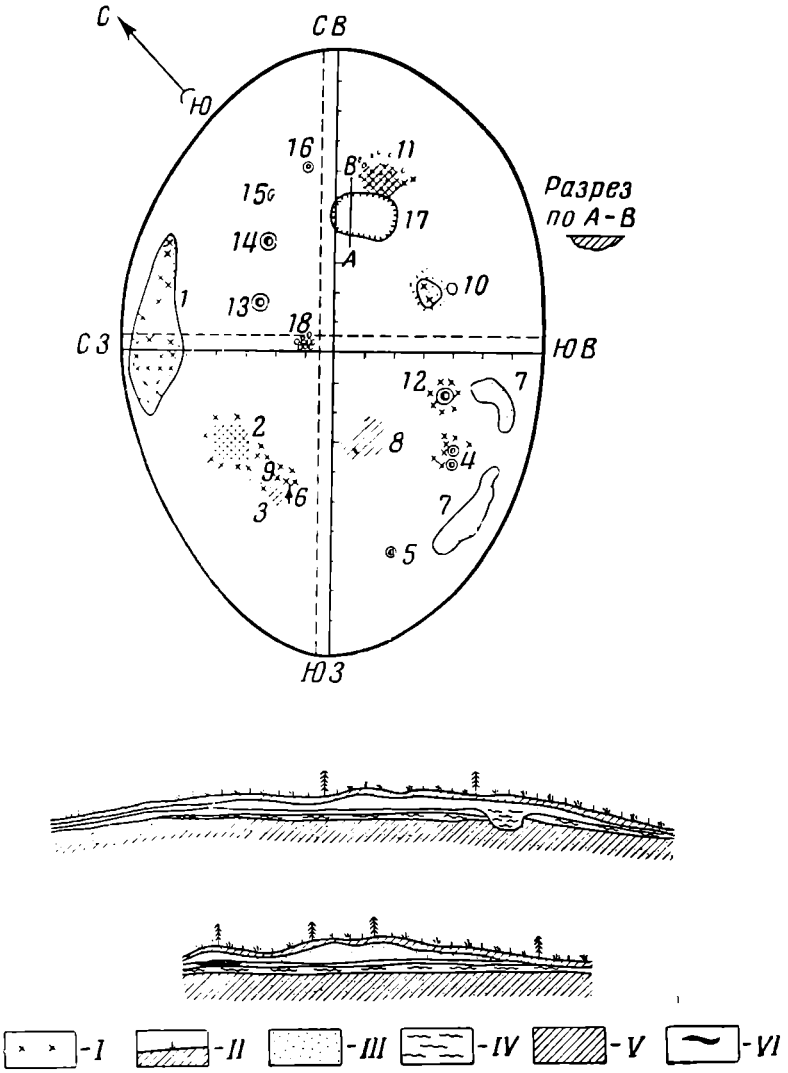


Рис. 2. План и профили кургана № 6

1—3 — зольно-углистые пятна; *4* — два сосуда в слое угля; *5* — сосуд; *6* — наконечник стрелы; *7* — кремневая проколка; *8* — пятно с вкраплениями углей; *9* — скопление кремней; *10* — скопление керамики, отбойник, две ножевидные пластины; *11* — углистое пятно, остатки дерева; *12—16* — сосуды; *17* — впускная яма; *18* — скопление камней.

I — угли; *II* — дерн и почва; *III* — желтый песок; *IV* — желтый песок с темно-красными прослойками; *V* — материковый светло-желтый песок; *VI* — коричневато-серая прослойка золы, гумуса и угля

Бурое пятно имело крайне незначительную мощность, наибольшая его толщина достигала 5—7 *см*, и, наоборот, углисто-золистое пятно, непосредственно примыкавшее к буроватому пятну, было значительной толщины, доходя в центральной части до 40 *см*. Вокруг пятна и зольника по периферии были найдены сосуд (рис. 3, *1*), кремневый наконечник стрелы (рис. 4, *15*), точильный брусочек из красного песчаника, круглая булава из порфира (рис. 5, *1*, *2*), а также три крупных скопления керамики в полах кургана. Кроме того, в насыпи кургана, на разной глубине и в различных ее частях встречено большое число отдельных обломков

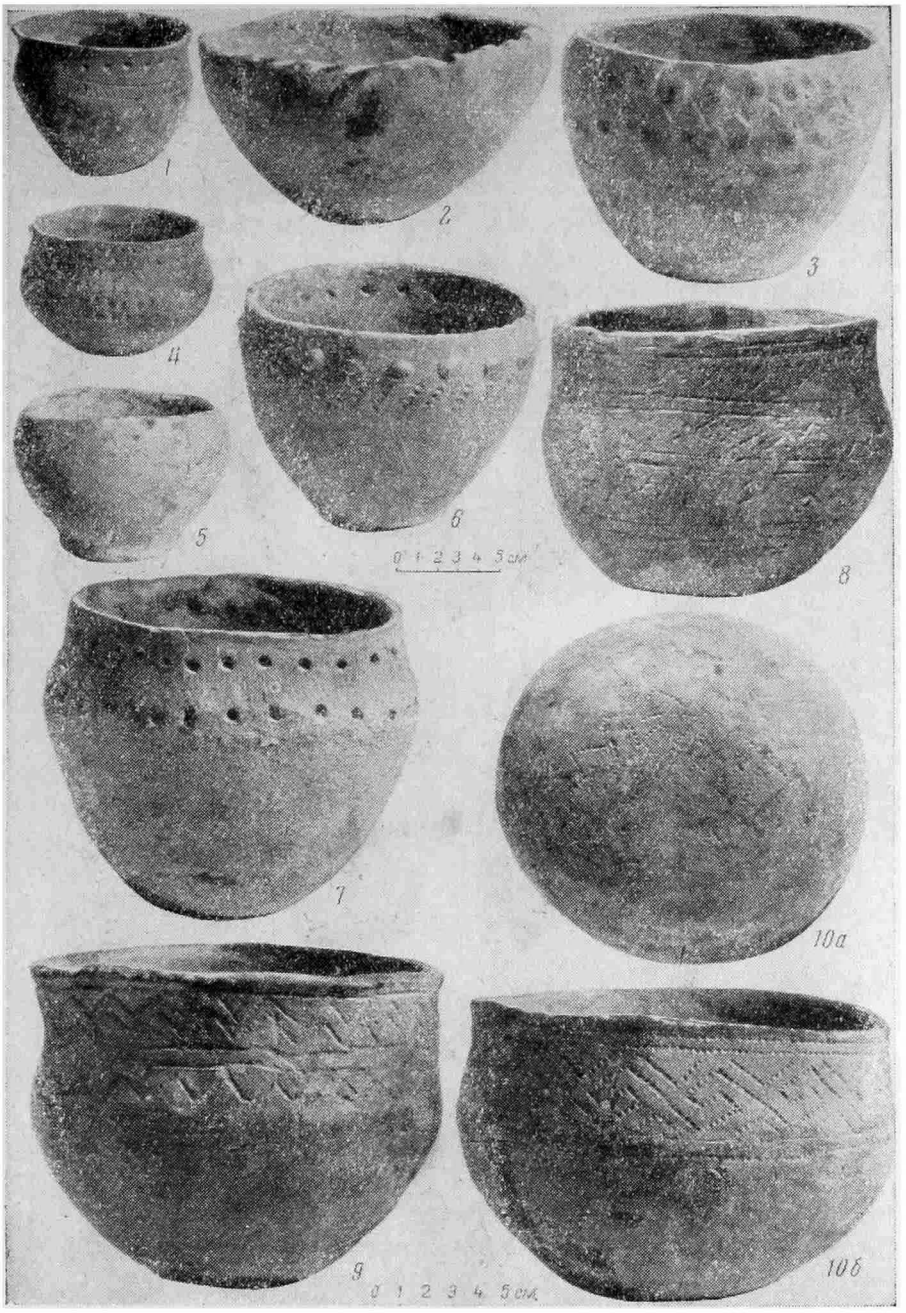


Рис. 3. Керамика из Коренецкого могильника
1 — курган № 7; *2—5, 6, 7* — курган № 4; *8—10* — курган № 6

сосудов и вкраплений мелких угольков и золы. Найденные вещи и скопления керамики без сомнения имеют отношение к буровато-углистому пятну, которое можно связывать с остатками погребального обряда, над которым и был насыпан курган. Профиль кургана показывал, что насыпь кургана не нарушена, а отсутствие в слое древнего горизонта могильного пятна позволяет предполагать, что погребения могли быть совершены либо на уровне древнего горизонта без каких-либо могильных ям, либо даже на небольшой подсыпке. Аналогичная картина прослеживалась и при раскопках других курганов. Раскопки их показали, что здесь мы имеем дело с каким-то своеобразным и малоизвестным погребальным ритуалом, в котором большую роль, по-видимому, играл огонь, о чем свидетельствуют остатки не только углисто-золистых пятен в центре или на периферии курганов, но и бесконечное количество мелких вкраплений угольков, постоянно встречаемых в насыпях. Отдельные скопления битой посуды и отдельные обломки в насыпи кургана также свидетельствуют о каком-то специ-

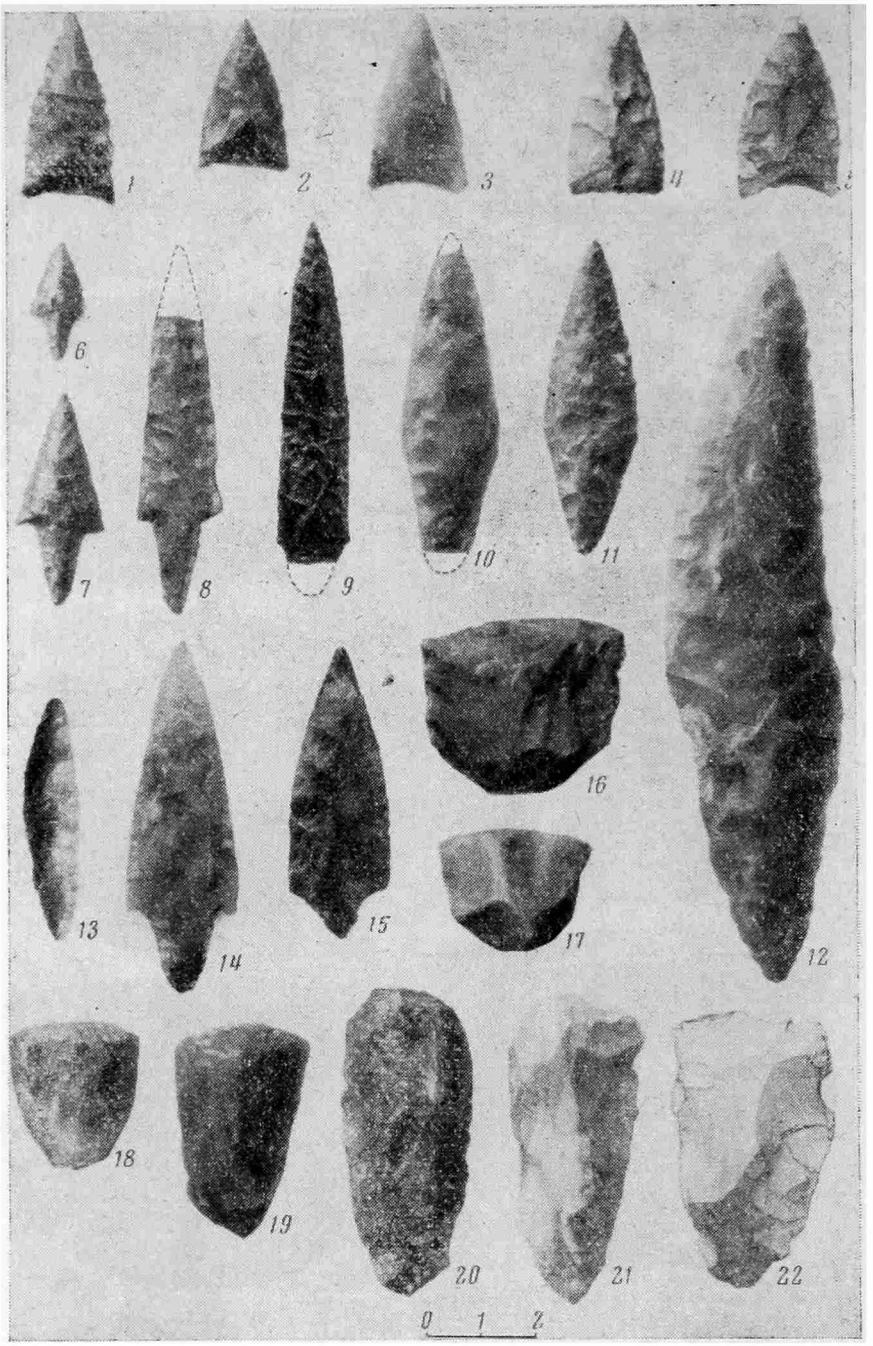


Рис. 4. Кремневый инвентарь: стрелы, нож и скребки
1—5, 8—22 — коренецкие курганы; *6—7* — стоянка Алеканово

фическом обряде и, по-видимому, связаны с тризной, после совершения которой, вероятнее всего, и насыпался курган. Так, при разборке нескольких сотен обломков, происходящих из насыпи кургана № 7, удалось установить, что почти все они относятся к трем крупным сосудам.

Таким образом, картину захоронения в коренецком могильнике можно себе представить следующим образом. Покойника клали прямо на землю или на небольшую подсыпку из песка, около него зажигали костер. Костяки погребенных в песчаном грунте и в данных топографических условиях могли и не сохраниться, как не сохраняются костные остатки на исследованной соседней стоянке Коренец II [4]. Погребальный инвентарь —

[4] Т. Б. Попова. Происхождение поздняковской культуры. Тр. ГИМ, 37, М., 1960, стр. 41, рис. 2.

сосуды и вещи — располагался на некотором отдалении от погребенного. Пока горел костер, около умершего совершалась тризна, разбивались сосуды, после этого насыпался курган. Можно предполагать, что и при сооружении кургана где-то поблизости мог гореть еще один костер, что подтверждается изобилием мельчайших угольков, постоянно встречающихся во всех горизонтах насыпей.

Во время сооружения насыпи кургана, по-видимому, без определенного порядка дополнительно бросались кремневые вещи и битая посуда. Свидетельством того, что различные вещи являются неслучайными предме-

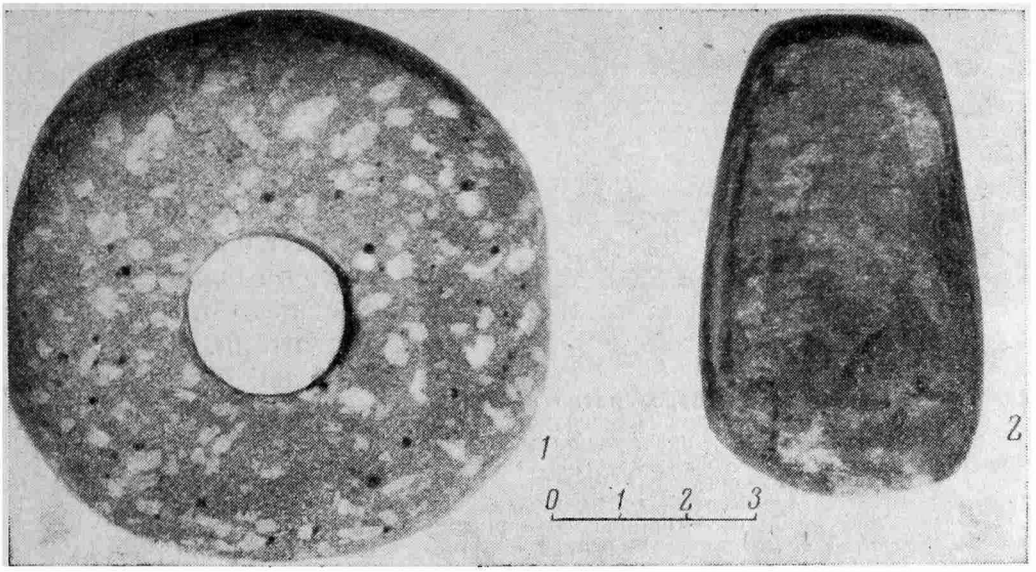


Рис. 5. Курган № 7

1 — точильный брусок, *2* — каменная булава

тами в насыпях всех без исключения курганов, служат два факта. Во-первых, отсутствие рядом с курганами культурного слоя, из которого эти вещи могли бы попасть в насыпь; во-вторых, все найденные в курганах типы вещей полностью отсутствуют на находящейся в 350—400 *м* от могильника неолитической стоянке Коренец I. Эти предметы представлены совершенно определенными, специфическими типами, увязывающимися с такими же типами, найденными на уровне древнего горизонта, под насыпью курганов. Так, под насыпью кургана № 4 были найдены три кремневых наконечника стрел с выемкой у основания, а два наконечника этого же типа найдены в насыпи кургана (рис. 4, *1, 2*). Под насыпью описанного выше кургана № 7 найден наконечник черешковой стрелы, связанный с погребальным комплексом; второй точно такой же наконечник найден в насыпи этого же кургана (рис. 4, *14—15*). В насыпи кургана № 10 было обнаружено наибольшее число кремневых орудий. Особенно много скребков своеобразной клиновидной формы с рабочим краем на конце и высокой спинкой. Среди скребков есть и их заготовки (рис. 4, *18—22*), напоминающие заготовки тесел. Все это заставляет предполагать, что обнаруженный в курганных насыпаях инвентарь попал туда не случайно, а положен преднамеренно и участвовал в своеобразном ритуале, характерном для коренецкого курганного могильника, а возможно, и вообще для племен поздняковской культуры.

Несколько иным был обряд захоронения в кургане № 4. Это единственный курган, где под насыпью была обнаружена погребальная яма (рис. 6). Раскопки этого кургана окончательно убедили нас в том, что мы несомненно имеем дело с могильными сооружениями, а не с «жертвенными

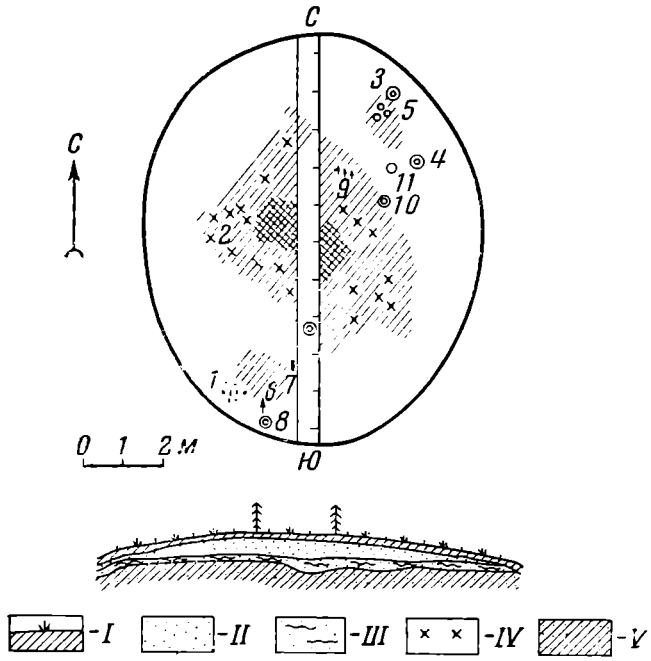


Рис. 6. План и профиль кургана № 4

1 — скопление керамики; *2* — бурое пятно с включениями углей; *3* — часть сосуда; *4* — сосуд; *5* — три сосуда в золистом пятне; *6* — скопление керамики и стрела; *7* — скребок; *8* — сосуд; *9* — три стрелы; *10, 11* — сосуды;
I — дерн и подпочва, *II* — желтый песок, насыпь кургана, *III* — желтый песок с темно-красными вкрапинами, *IV* — угли, *V* — материковый светло-желтый песок

холмами», как могло показаться в начале работы из-за отсутствия в курганах не только костяков, но и остатков погребальных сооружений. В профиле и в плане кургана № 4 четко прослеживалась начинавшаяся только от уровня древнего горизонта неглубокая яма, ориентированная по длинной оси с СЗ на ЮВ. Яма была хорошо видна на фоне светло-желтого материкового песка, она имела четырехугольную форму размером 2,35 × 1,45 *м*. В яме, как и в остальных девяти курганах, не было обнаружено ни костяка, ни погребального инвентаря.

Раскопки показали, что яма некоторое время (по-видимому, при совершении погребального обряда) оставалась незасыпанной, вокруг нее был разложен погребальный костер, который занимал всю центральную часть под курганом и сохранился в плане и профиле кургана в виде углисто-золистой прослойки мощностью 10—12 *см* (рис. 6). Слой с остатками кострища прерывается лишь над могильной ямой, которая засыпана смешанной землей с вкраплениями угля и золы, а слои, лежащие над могильной ямой и кострищем, не нарушены.

Все основные предметы находились в слое кострища или рядом с ним на том же уровне. По краям кострища были положены три кремневых наконечника стрел (рис. 4, *1—3*) и поставлены сосуды. Некоторые сосуды были врыты в отдалении от костра, по периферии кургана (рис. 6). Только после того, как был размещен погребальный инвентарь вокруг ямы, погребальная яма была засыпана, и над всем этим насыпан курган. Три сосудика (два из них миниатюрные), по-видимому, ритуального назначения, были положены в насыпь кургана, когда она уже была насыпана на 40—45 *см* (рис. 7, *1—2*). Эти сосудики могли быть связаны с тризной, после совершения которой и был досыпан курган.

Погребальный обряд, близкий к описанному выше, прослежен в Мало-Окуловском курганном могильнике, расположенном на левом берегу р. Велетьмы, также в бассейне р. Оки [5]. Раскопки мало-окуловских курганов показали, что ни в одном из них костяки не сохранились, могильные ямы также прослеживаются далеко не во всех курганах [6]. Для обоих могильников характерно наличие остатков жертвенных костров около погребальной ямы и даже в самих ямах. Вкрапления углей и золы или целых больших углисто-золистых пятен можно проследить в ряде курганов Мало-Окуловского и Коренецкого могильников. Остатки большого кострища, разложенного вокруг могилы, обнаруженные под насыпью кургана № 3 Мало-Оку-

[5] А. В. Збруева. Ук. соч.; Архив ЛОИА АН СССР, № 128 за 1929 г. В настоящее время это Навашинский район Горьковской обл.

[6] В 1962 г. Гос. Исторический музей провел экспедицию с целью доследования мало-окуловского курганного могильника. В результате работ было вскрыто еще шесть курганных насыпей. Таким образом, всего вскрыто: 1 курган в 1927 г., 4 кургана в 1928 г. и 6 курганов в 1962 г.

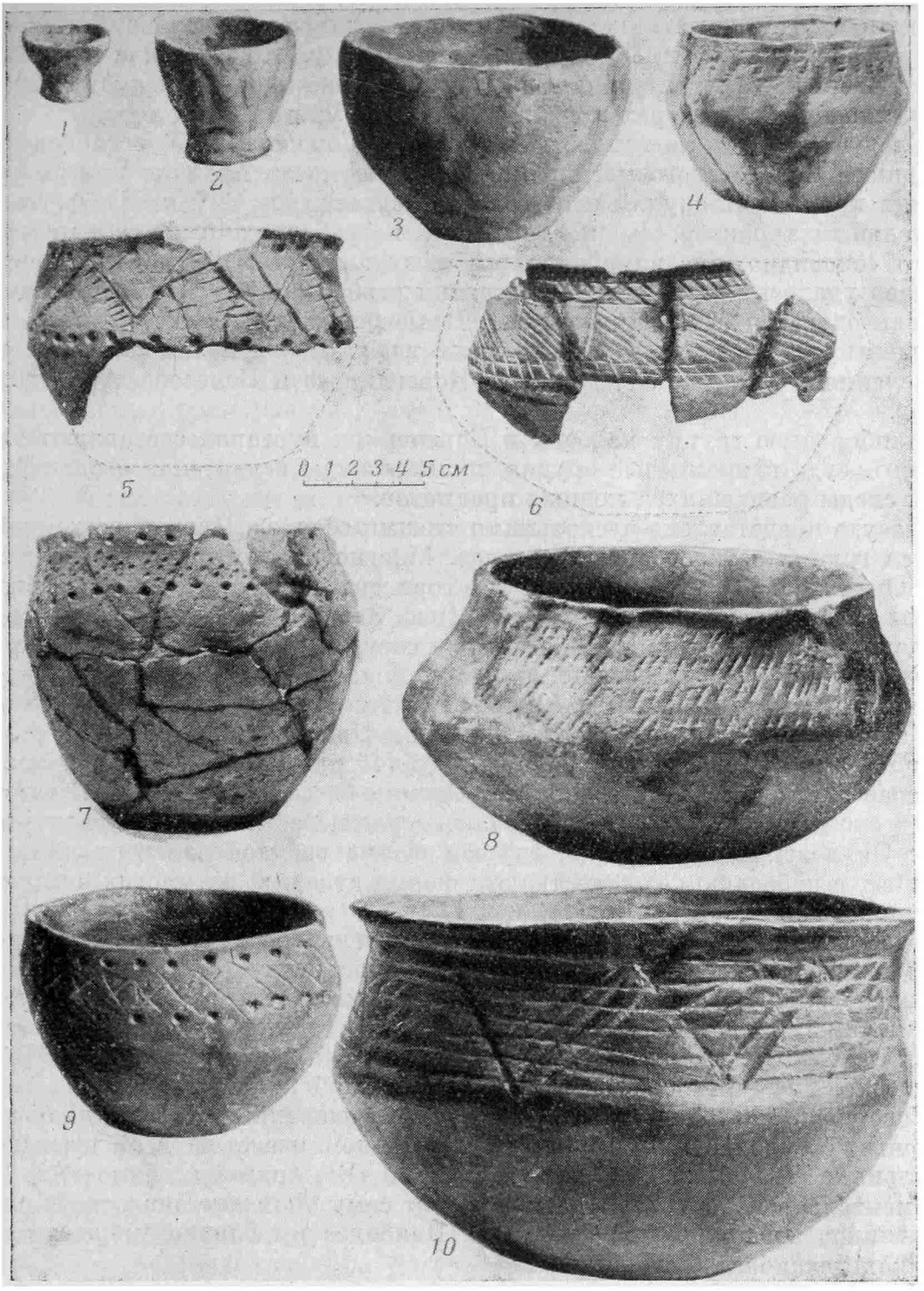


Рис. 7. Керамика из коренецкого могильника
1—3, 9, 10 — курган № 4; *4, 5, 8* — курган № 3; *6, 7* — курган № 8

ловского могильника, близко напоминают картину захоронения, прослеженную в кургане № 4 Коренецкого могильника. Кроме того, обращают на себя внимание и такие черты сходства в погребальном ритуале, как расстановка погребального инвентаря. Глиняная посуда в Мало-Окуловском могильнике в ряде случаев была обнаружена поставленной на уровне древнего горизонта в отдалении от могилы, а в некоторых случаях — над могилой. Это те же самые черты, которые с особой четкостью проявились в погребальном ритуале Коренецкого могильника.

Некоторую близость в погребальном обряде Коренецких курганов можно проследить и с могильником, исследованным на стоянке Дикариха[7].

[7] А. Л. Никитин. Отчет о раскопках Ростовского отряда Верхне-Волжской экспедиции в Переяславском районе Ярославской обл. Архив ИА, № 1986 и № 2210.

В том и другом памятниках в могильных ямах кости человека не были обнаружены, могилы имеют ту же ориентировку, что и могила в кургане № 4 Коренецкого могильника. Забегая несколько вперед, следует сказать, что и инвентарь всех трех могильников имеет много общих черт.

Следует указать на тот факт, что В. А. Городцов при исследовании Младшего Волосовского могильника не раз отмечал наличие при захоронениях кремневых орудий и отщепов, имевших, как ему казалось, чисто ритуальный характер. Кроме того, при погребениях было обнаружено много «очевидно, преднамеренно разбитых глиняных сосудов», и в ряде случаев удалось установить, что десятки разбросанных обломков принадлежали одному или двум сосудам [8]. В погребальных ямах и около них отмечены уголь и зола. Все это заставляет обратить внимание на подобные совпадения в погребальном ритуале Коренецкого и Волосовского могильников.

Наибольшую группу находок в Коренецких курганах составляют глиняная посуда и кремневые орудия, лишь дважды в курганах были встречены следы распавшихся медных предметов.

Посуда представлена несколькими типами сосудов. Прежде всего выделяется группа остроребериых сосудов. Многие из них найдены целыми, стоящими в слое или на слое древнего горизонта. Эти сосуды, как правило, имеют более сложную орнаментацию (рис. 3, *6*). Все остроребериые сосуды делятся на два типа: остроребериые сосуды с плоским дном (рис. 7, *4—6*) и остроребериые сосуды, имеющие более округлый низ и уплощенное или округлое дно (рис. 7, *10*). Первый тип сосудов полностью находит себе аналогии в керамике срубной культуры Поволжья [9], Дона и Северного Донца [10], а также в северных районах срубной культуры, т. е. тех районах, которые непосредственно граничат с Окским бассейном с юга [11]. В памятниках окского бассейна остроребериая посуда известна в уже упомянутом Мало-Окуловском могильнике, где эта форма сосудов является доминирующей, в небольшом количестве эта форма известна на многих стоянках поздняковской культуры.

Второй тип остроребериой посуды с округлым или уплощенным дном не имеет себе подобных в памятниках срубной культуры, зато полностью совпадает с наиболее распространенным типом остроребериых сосудов в памятниках эпохи бронзы Волго-Окского бассейна. Очень близкие аналогии находим на стоянке Дикариха, Медвежий остров, Погостище, Подборновская и других памятниках поздняковской культуры.

Совершенно необходимо отметить, что оба описанных выше типа остроребериых сосудов с плоским и округлым дном известны в Волосовском могильнике [12]. Один из них найден в холме «В», другой в холме «А». Их орнаментальные узоры совпадают и имеют самые близкие аналогии в ряде памятников поздняковской культуры. Наиболее им близки узоры на керамике Алекановской стоянки.

Что касается орнаментации на сосудах обоих типов, то она довольно разнообразна, не связана с той или иной формой посуды. По своему характеру все орнаментальные мотивы можно подразделить на две категории. Одна — это различные меандры, заштрихованные треугольники и ломаные линии, нанесенные веревочными или зубчатыми штампами, хотя и имеющие аналогии в местных памятниках поздняковской культуры, но

---

[8] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. «Древности», 24, М., 1914.

[9] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955; А. П. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. КСИИМК, XLIII, 1952.

[10] Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, 42, 1954; его же. Из древней истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958.

[11] Т. Б. Попова. Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, 1961, № 3.

[12] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 46, рис. 9.

своим происхождением обязанные влиянию и проникновению срубной культуры в Окский бассейн (рис. 3, *9*, *10*; рис. 7, *10*).

Другая категория — ямки, жемчужинки, сетчатые узоры в сочетании друг с другом или с зубчатым штампом — это узоры, имеющие аналогии лишь в местных волго-окских памятниках и являющиеся специфическими местными узорами, характерными лишь для памятников поздняковской культуры (рис. 7, *3*, *7*, *9*; рис. 3, *1*, *5*, *8*). Некоторые сосуды среди остроребериых типов имеют очень тщательную обработку поверхности, в некоторых случаях заглаженную до лощения.

Кроме остроребериой формы сосудов, в Коренецких курганах встречены и различные разновидности баночных сосудов, бо́льшая часть их имеет простой орнамент из рядов ямок, выпуклостей, иногда в сочетании с зубчатым штампом. Среди баночных сосудов можно отметить два сосудика миниатюрных размеров из насыпи кургана № 4 (рис. 7, *1*, *2*). Оба они имеют небольшой поддон.

Ввиду того, что эти сосудики были найдены в насыпи кургана, в углисто-золистом пятне, их можно считать ритуальными. Хотя надо отметить, что миниатюрные формы встречаются и на стоянках. Подобные находки известны в Окском бассейне на стоянках поздняковской культуры. Так, на Подборновской [13] стоянке некоторые из них не более 2,5 *см* высоты. Еще бо́льшее число подобных миниатюрных баночных сосудиков найдено в курганах срубной культуры, есть они и на стоянках [14].

Особую группу посуды составляют крупные корчаги. Большинство их находилось в слое древнего горизонта или на его уровне. Почти все они найдены разбитыми. Гораздо реже они встречаются в насыпи курганов в виде отдельных скоплений черепков или разбросанных обломков. Как правило, их поверхность покрыта сетчатым орнаментом, который иногда сочетается с элементарно простыми узорами, идущими вдоль края сосуда в виде выпуклостей, ямок или нарезки.

Сосуды с поверхностью, покрытой сетчатым орнаментом, имеют аналогии лишь в местных памятниках поздняковской культуры, но в более ранних памятниках, таких, как мало-окуловские курганы, сосуды не имеют сетчатой поверхности. Нет, как известно, «сетки» и на посуде срубной культуры. Зато ее очень много на сосудах со стоянок поздняковской культуры, и чем позднее памятник, тем ее больше. Если происхождение ряда орнаментальных мотивов и форм поздняковской керамики генетически связывается с продвижением срубной культуры в Окский бассейн, то совершенно другое происхождение имеет сетчатый орнамент. Его корни уходят в эпоху неолита Верхней Волги и Нижней Оки.

В Окском бассейне сетка на сосудах имеется почти во всех памятниках поздняковской культуры. На более ранних — Медвежий остров [15], Ибердус II [16], Алеканово — ее почти нет; на таких, как Подборное [17],— больше, а на стоянках типа Засеченская II [18], Харинская [19], Коренец II и многих других она составляет более 30—35%.

Исходя из этого и судя по керамическому материалу, представляется весьма вероятным, что курганы в коренецкой группе сооружались продол-

---

[13] Раскопки Б. А. Куфтина и Н. И. Лебедевой 1925 г. Материал хранится в областном краеведческом музее г. Рязани. Инв. № 487. Сосуд $\frac{487}{208}$.

[14] Т. Б. Попова. Керамика Мелекесских курганов. Тр. ГИМ, XXII, М., 1953, стр. 57.

[15] Коллекция хранится в ГИМ, инв. № 81769.

[16] Коллекция хранится в ГИМ, инв. № 97658.

[17] Коллекция хранится в Рязанском краеведческом музее за инв. № 487. Раскопки Б. А. Куфтина и Н. И. Лебедевой.

[18] Коллекция хранится в Рязанском краеведческом музее за инв. № 440, разведки Н. В. Говорова.

[19] Коллекция хранится в Рязанском краеведческом музее за инв. № 436, разведки Н. В. Говорова.

жительное время. По-видимому, наиболее ранними являются курганы с различными типами остроребериых сосудов с нарядными узорами. Для этих же курганов характерно отсутствие или наименьшее количество сетчатой керамики. По этим признакам наиболее древними в курганной группе можно считать курганы № 4, 6 и 8. Этому не противоречат и другие материалы, как, например, наконечники стрел.

В Коренецких курганах погребения сопровождали кремневые наконечники стрел нескольких типов: треугольные, с выемкой у основания (рис. 4, *1—5*), с хорошо обработанной поверхностью, изготовленные на тонких ножевидных пластинах; треугольные, с хорошо проработанным черешком (рис. 4, *6—8*), с тщательной двусторонней ретушью, сделанные на пластине; треугольные с черешком, сделанные на отщепе, линзообразные в разрезе, толстые наконечники с менее тщательной ретушью на поверхности (рис. 4, *14*, *15*).

Три наконечника стрел первого типа найдены под насыпью кургана № 4 в слое углисто-золистого пятна вместе с сосудом остроребериой формы (рис. 7, *10*); два других (рис. 4, *1*, *2*) — в кургане № 8, также с остроребериым сосудом (рис. 7, *5*, *6*). Этот тип стрелы распространен довольно широко в ранних памятниках поздняковской культуры, таких, как Ибердус I, где этот тип стрелы встречен вместе с керамикой переходного типа. Известен этот тип стрел и в ранних памятниках срубной и андроновской культур, датированных не позднее середины II тысячелетия до н. э.; встречается он и в более ранних памятниках.

В кургане № 4, кроме трех наконечников стрел треугольной формы, был найден один наконечник с черешком, также указывающий на раннюю дату (рис. 4, *8*). Треугольные черешковые стрелы встречаются в еще более ранних памятниках — в Окском бассейне они обнаружены в Буньковском фатьяновском могильнике [20], они найдены также в курганах Вщижского могильника [21] и др. Этого типа стрелы найдены на Алекановской стоянке вместе с металлической булавкой, имеющей определенную дату — XIV в. до н. э. [22].

Таким образом, сочетание двух ранних форм наконечников стрел с ранними типами посуды позволяет отнести весь комплекс Коренецкого кургана № 4 ко времени, близкому к середине II тысячелетия до н. э.

По-видимому, к более позднему времени может быть отнесен третий тип наконечников стрел — черешковые, более массивные наконечники стрел. Стрелы этого типа имеют еще более широкие хронологические и территориальные рамки. Они бытуют от середины II тысячелетия до н. э. до первых веков I тысячелетия в памятниках срубной, андроновской и других одновременных ей культур. Этот тип наконечников стрел широко известен под названием сейменского [23]. Они найдены в Скорняковских курганах [24] и на стоянках поздняковской культуры. В Коренецких курганах этого типа стрелы найдены в кургане № 7 (рис. 4, *14*, *15*) вместе с каменной булавой (рис. 5, *1*, *2*), сосудом (рис. 3, *1*) и несколькими сотнями фрагментов сосудов с сетчатым орнаментом. Это заставляет считать время сооружения кургана № 7 более поздним, чем курганов № 6 и 4. Два черешковых этого же типа наконечника стрел были обнаружены В. А. Городцовым в погребении № 2 Старшего Волосовского могильника, который датирован рядом исследователей концом X—XI в. до н. э. [25]. Кстати, следует сказать, что случайные находки бронзовых предметов, а также ин-

[20] A. Brjusov. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie. AAKb, XXV, 1954.

[21] В. В. Кропоткин. Белынецкие курганы и стоянка. КСИИМК, XLVII, 1952.

[22] RV, 8, Nadel, стр. 394.

[23] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г.

[24] В. И. Сизов. Скорняковские курганы в Воронежской губернии Задонского уезда. «Древности», XII, М., 1888.

[25] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 81.

вентарь погребений из Старшего Волосовского могильника дает все основания, с одной стороны, связать этот памятник с поздняковской культурой, а с другой,— расширить хронологические рамки могильника. Так, втульчатые копья, некоторые бронзовые кельты могут быть датированы XIV—XII вв. до н. э., а с другой стороны, находка бронзового нагрудного украшения указывает на X—XI вв. до н. э.

Таким образом, учитывая все аналогии для наконечников стрел третьего типа из Коренецкого могильника, часть его курганов можно датировать концом II тысячелетия до н. э.

Кроме различных типов кремневых стрел, Коренецкий могильник дал и другие типичные кремневые орудия.

В первую очередь следует отметить скребки (рис. 4, *16—22*), которых довольно много, но среди обычных, широко распространенных во многих культурах эпохи неолита и бронзы выделяется определенный тип скребков с высокой спинкой, вытянутых концевых скребков, многие из которых внешне напоминают долота.

Так как поздняковская культура в целом была изучена слабо, мы не имели четкого представления о характерном для нее кремневом инвентаре. Обнаруженные кремневые орудия в насыпях Коренецких курганов могли быть первоначально отнесены к материалу, случайно попавшему в насыпь, возможно, с неолитической стоянки Коренец I, которая расположена примерно в 350—400 *м* от курганов. Но произведенный анализ всех кремневых орудий позволил исключить это предположение и считать большинство кремневых орудий поздняковскими. Так, оказалось, что скребков с высокой спинкой совершенно нет в соседней неолитической стоянке, и, наоборот, они найдены на стоянке эпохи бронзы Коренец II. Совершенно аналогичные скребки были обнаружены и на стоянке Ибердус II в Касимовском районе, в чистом слое, относящемся ко времени поздняковской культуры. Кроме того, в Коренецком могильнике значительное число кремневых орудий найдено in sito. Так, в кургане № 6 на уровне древнего горизонта вместе с другими вещами была положена кучка кремней, среди которых оказалось пять скребков и 11 отщепов, некоторые из них со следами работы.

В ряде сосудов из Коренецкого могильника также были найдены кремневые орудия и отщепы. То же самое мы наблюдаем и в погребениях Старшего Волосовского могильника.

Вообще следует отметить, что на стоянках и в могильниках поздняковской культуры встречается довольно много кремневых орудий; каменные орудия, по-видимому, играли большую роль в жизни этих племен. Именно этим они отличаются от племен срубной культуры Поволжья и Дона, среди кремневого инвентаря которых можно только отметить стрелы и весьма невыразительные типы скребков. Для племен срубной культуры, если их сравнивать с предшествовавшими культурами эпохи ранней бронзы, характерен известный упадок техники обработки камня.

У племен же поздняковской культуры мы видим как бы возрождение этой техники. Возможно, что в этом мы должны видеть влияние окружавших их неолитических племен, обработка кремня у которых стояла в это время на высоком уровне.

Кроме скребков, среди кремневого инвентаря из Коренецкого могильника следует отметить каменную булаву из пестрого серпантина с намечающимися выпуклостями на цилиндре (рис. 5, *1*, *2*), различные серпы (рис. 4, *12*), ножи, отбойники, шилья и другой менее типичный инвентарь.

Коренецкий курганный могильник представляет значительный интерес не только потому, что дает новые материалы по погребальному обряду плохо изученных племен поздняковской культуры, но еще и потому, что он расположен рядом со стоянкой этого же времени — Коренец II. Стоянка находится на расстоянии 200 *м* к ЮЮВ от неолитической стоянки Коренец I и всего в 150 *м* к востоку от курганной группы. Стоянка

занимает узкую прибрежную полосу в 15—20 *м*, тянущуюся вдоль р. Пры к югу на 300—350 *м*, начиная от ее истоков из оз. Святого. В настоящее время правый берег р. Пры представляет собой задернованную низину, местами заболоченную. В древности стоянка занимала, по-видимому, более широкую полосу, так как в настоящее время находки начинаются непосредственно у воды. Топографически стоянка занимает наиболее удобное место. Здесь река легко может быть запружена и представляет удобное место для рыбной ловли, о чем свидетельствуют многочисленные рыбацкие заторы.

Стоянка исследована пока еще очень мало. Здесь были заложены два разведывательных раскопа: один в 1951 г. И. К. Цветковой, другой в 1961 г. Т. Б. Поповой. Оба они показали, что непосредственно под тонким дерновым слоем начинается культурный слой небольшой мощности, в 50—60 *см* толщины, но чрезвычайно интенсивно насыщенный находками. Верхние слои переотложены, о чем свидетельствует верхняя часть культурного слоя, лежащая в слое серого песка, перемешанного с речным илом и песком. В нижней части культурного слоя, по границе его с подстилающим светлым песком, найдено 13 сосудов. Один из них стоял у очага, остальные были врыты в грунт. Культурный слой насыщен керамикой и кремневыми орудиями, костные остатки полностью отсутствуют. Посуда очень разнообразна, подавляющее большинство характерно для памятников поздняковской культуры (79,18%). Небольшое количество керамики волосовского типа (0,64%), фатьяновского (0,39%) и рязанского (1,91%); 16,87% составляет керамика смешанного облика. Этого типа посуда имеет общие черты с посудой рязанской и поздняковской культуры. К посуде смешанного облика могут быть отнесены сосуды с округлым дном (по форме близкие к рязанским) и с орнаментом поздняковского типа или, наоборот, сосуды плоскодонные, но с правильными рядами ямок веревочного орнамента по всей поверхности, т. е. рязанским типом орнамента. Сюда же относится и посуда с поздняковским орнаментом, но выполненным на сосудах, судя по глиняному тесту и примесям, чисто рязанского облика. Это тип так называемой «гибридной» керамики, происшедшей от ассимиляции местного неолитического населения рязанской культуры пришлыми в Окский бассейн южными племенами, результатом чего и явилась поздняковская культура. Такая же керамика известна в большом количестве в верхнем слое стоянки Ибердус I в Касимовском районе Рязанской обл.

Что касается группы керамики типично поздняковской культуры (которой было 79,18%), то и она довольно разнообразна. Здесь мы находим сосуды, орнаментированные веревочными и ямочными орнаментами, ямочками и выпуклинами. 21% всей керамики имеет поверхность, покрытую сеткой. Значительное количество цосуды имеет узоры, нанесенные сочетаниями различных штампов: сетки и ямок или сетки и выпуклин.

Нередки случаи употребления в орнаментации одного сосуда трех и даже четырех штампов. Узоры на сосудах также довольно разнообразны: ломаные линии, заштрихованные треугольники, ромбы, меандры и т. д. Форма сосудов главным образом баночная с разными ее вариантами, а также остроребериая. Орнамент, как правило, покрывает верхнюю часть сосуда, в некоторых случаях переходя на дно.

Все формы сосудов, а также и все типы узоров имеют аналогии в керамике, происходящей из курганного могильника. Совпадают и формы орудий — наконечников стрел и скребков с высокой спинкой. На стоянке, так же как и в материале из могильника, выделяется группа архаической посуды и более поздней сетчатой, что заставляет предполагать их одновременность и длительное существование стоянки и могильника.

Таким образом, Коренецкая стоянка и могильник одновременны. Изучение их материалов позволяет четко проследить генетические связи племен поздняковской культуры с более южными племенами срубной куль-

туры и в первую очередь с племенами Цнинско-Мокшанского бассейна. Связи эти могут быть усмотрены в появлении курганного обряда захоронения, который раньше на этой территории не был известен, а также в ряде орнаментальных мотивов и формах керамики. Несомненное сходство прослеживается и в типе кремневых наконечников стрел и металлических орудий.

Наряду с этим четко определяются такие специфические черты, характерные только для племен поздняковской культуры, как расположение погребального инвентаря в отдалении от захоронения и погребальной ямы, а также исключительно большое значение огня, выразившееся в ритуальных кострах. Специфические черты прослеживаются в орнаментальных мотивах, в появлении жемчужного и ямочных узоров на посуде в сочетании со старыми приемами орнаментации. На более поздних этапах прием обработки неорнаментированной поверхности сосуда зубчатым штампом изменяется — поверхность покрывается отпечатками ткани или ее имитации. Претерпевает изменения и остроребериая форма сосуда. Часть их приобретает округлые бока и уплощенное дно.

Наряду с употреблением металлических орудий, характерных и для племен срубной культуры, у племен поздняковской культуры наблюдается некоторое возрождение техники обработки кремня, увеличивается ассортимент орудий и наряду с этим появляются некоторые специфические формы, такие, как скребки с высокой спинкой.

Все эти наблюдения и особенности яснее позволяют представить процесс формирования племен поздняковской культуры в Окском бассейне в середине II тысячелетия до н. э.

И. И. САВЕРКИНА

ПОРТРЕТНАЯ СКУЛЬПТУРА ПАЛЬМИРЫ (II—III вв.)

Систематические раскопки большого торгового города Пальмиры, входившего в I—III вв. в состав римской провинции Сирии, начались только после первой мировой войны. Но еще задолго до этого в музеях Европы стали появляться надгробные рельефы с портретными изображениями, происходящие из богатейшего пальмирского некрополя. В настоящее время почти во всех крупных музеях мира есть собрания пальмирской скульптуры.

В Советском Союзе тоже имеется хорошая коллекция пальмирских рельефов. Самым большим собранием обладает Государственный Эрмитаж. В Отделе зарубежного Востока хранится 15 надгробий и фрагментов. В Москве в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина находится надгробие с женским портретом. Мужская голова — фрагмент рельефа — принадлежит Музею Академии художеств в Ленинграде и два фрагмента — Археологическому музею в Одессе.

Эти произведения, большей частью неопубликованные, позволяют проследить отдельные этапы формирования и развития портретного искусства Пальмиры.

Географически Пальмира находилась на границе стран востока и запада, торговые связи обусловили ее знакомство с культурами Востока и античности, она стала одним из центров, где слились воедино две величайшие цивилизации древности. В то же время искусство Пальмиры, расцвет которого падает на II—III вв., характеризует период начавшегося общего кризиса рабовладельческого Рима и зарождения в рамках рабовладельческой формации элементов феодализма. Поэтому в пальмирском искусстве мы вправе искать один из истоков ранневизантийского искусства.

В данной статье мы будем рассматривать пальмирский портрет как восточную ветвь эллинистическо-римского портрета со своими специфическими особенностями, обусловленными местными переднеазиатскими традициями и влиянием соседних восточных культур.

Основную массу пальмирских надгробных рельефов составляют поясные портретные изображения. Такое однообразие надгробной пластики было обусловлено ее назначением. В погребальных камерах — будь то башенная гробница, заупокойный храм или подземный склеп — тела умерших членов семьи помещались в специальные углубления в стене. Такие ниши располагались правильными рядами, по три-четыре ряда в высоту. Отверстия их закладывались плитой с рельефом. Материалом для них служил местный мраморовидный известняк светло-серого цвета. Подобно греческим скульпторам, пальмирские мастера раскрашивали свои произведения, пользуясь различными оттенками красной и синей краски, изредка прибегая к желтой. На многих портретах рядом с головой умершего

вырезалась надпись на местном арамейском (реже на греческом) языке с указанием имени умершего, а иногда и даты его смерти. Эти датированные надписями надгробия послужили ключом к разработке хронологии пальмирской скульптуры. Огромная работа по выявлению и группировке датированных надписями рельефов была проделана датским археологом, известным исследователем Пальмиры Г. Ингхольтом [1].

Все портреты Ингхольт разделил на три группы, характеризующиеся определенными, главным образом композиционными и техническими признаками. Так, по его наблюдениям на портретах первой группы, датирующейся временем с 50 до 150 г., изображаются исключительно безбородые пальмирцы. Радужная оболочка и зрачок обозначаются двумя концентрическими кругами. Складки хитона и плаща имеют угловатую форму. Женские портреты этого времени характеризуются определенным набором ювелирных украшений — серьгами в виде виноградной грозди и трапециевидной фибулой. Для прически типичны два спускающихся из-под повязки локона. Обычными атрибутами женщин на портретах этой группы являются веретено и моток шерсти.

Вторая группа охватывает период с 150 до 200 г. Мужчины изображаются бородатыми, только жрецы по-прежнему безбородые. Наряду со старым приемом исполнения глаза появляется новый — просверленная точка. Иногда зрачок и вовсе не обозначается. На женских портретах второй группы несколько изменяется поза. Правая рука теперь придерживает у шеи покрывало или приложена к правой щеке. Из-под головной повязки виден только один локон. Трапециевидная фибула заменяется шестиугольной, серьги принимают форму кроталов или гантелей.

Третья группа включает портреты с 200 г. до гибели Пальмиры в 273 г. Для мужских портретов характерен гиматий с более естественно переданными складками, форма которых приближается к полукругу. Глаза изображаются либо так же, как на портретах предыдущей группы, либо вовсе лишены пластического обозначения. Любопытная перемена наблюдается в жесте женских изображений: теперь уже не правая, а левая рука касается щеки или покрывала. Серьги преимущественно имеют форму гантелей, а фибулы делаются с выемками по краю или просто круглыми.

Этот труд Ингхольта до сих пор остается единственным большим исследованием по пальмирской портретной скульптуре. Все статьи и публикации, которые выходили в последующие годы, всецело базируются на наблюдениях Ингхольта. Предложенными им методами датировки памятников в пределах полустолетия пользовались все исследователи, проводившие археологические раскопки в Пальмире.

Ингхольт не ставил себе целью воссоздать историю пальмирского портрета, поэтому его периодизация не связана с развитием античного портретного искусства и с историей Пальмиры.

Нам представляется возможным наметить несколько подробнее периоды развития портретного искусства Пальмиры, чем это дано у Ингхольта, и в то же время постараться связать эти периоды с общим развитием античного искусства и с исторической обстановкой.

Опорные пункты для определения художественных периодов нам дают прежде всего стилистический анализ самих произведений искусства и сравнительно скудные данные по истории Пальмиры, а также истории искусства тех стран, с которыми Пальмира состояла в тесных сношениях в период своего расцвета. Это крупные города Сирии, бывшие центры государства Селевкидов, верные традициям эллинизма, Римская империя, в состав которой входила Пальмира, и ближайший ее сосед Парфия. Являясь государством-буфером между двумя последними державами, Пальмира невольно ощущала на себе всякую перемену в развитии этих стран.

---

[1] H. Ingholt. Studier over Palmyrensk Skulptur. Kobenhavn, 1928.

Первая проблема, с которой сталкивается исследователь при изучении истории пальмирского портрета, это проблема его возникновения.

Пальмира, как и многие другие города восточной Сирии, принадлежит к числу так называемых «городов без прошлого». Хотя письменные источники засвидетельствовали ее существование еще во II тысячелетии до н. э., археологические материалы датируются самое раннее серединой I в. до н. э. До этого времени Пальмира была деревушкой при оазисе с малым населением, жившим в глинобитных домах. Таким образом, на территории Пальмиры не было к моменту ее расцвета своих художественных традиций, поэтому ранние мастера, изготовлявшие культовые рельефы, ориентируются на художественный круг, центрами которого были греко-парфянские города Нижней Месопотамии. Однако это искусство могло дать образцы только культовой и декоративной скульптуры, проблема же возникновения портрета остается нерешенной.

Можно было бы искать его корни в древнейшем искусстве Месопотамии — Шумера, Аккада и Вавилона. Но слишком большой период отделяет их от расцвета Пальмиры, а соединительных звеньев найти не удается. В искусстве востока, одновременном Пальмире, портретная скульптура была развита слабо. Ни в ахеменидском Иране, ни позже в аршакидской Парфии мы не найдем такого развитого и совершенного портретного искусства, какое возникло в Пальмире. Кроме того, восточное искусство этого времени вообще, за единичными исключениями, не знало портрета в фас, выполненного в высоком рельефе. Там преобладал низкий рельеф и обязательный поворот в профиль.

В художественных центрах Сирии можно найти только единичные примеры портретных рельефов надгробий в фас. Может быть, в дальнейшем археология даст новый интересный материал, но в настоящее время мы не имеем, как нам кажется, оснований говорить о непосредственном воздействии сирийских художественных центров на формирование портретного искусства Пальмиры.

Образцами для пальмирских мастеров могли бы послужить бронзовые статуи, как известно, в изобилии привозившиеся в Пальмиру. А. Сериг предполагает, что такие статуи привозились не только из городов западной Сирии, но и из Селевкии-на-Тигре и Катесифона [2]. Однако с уверенностью можно сказать, что эти статуи не были портретными. Сериг и сам говорит по этому поводу, что использование привозных статуй в качестве изображений определенных лиц могло иметь место только у народа, для которого не имело значения личное сходство, который мог довольствоваться подписанным под статуей именем. По словам Серига, это типичное явление для восточного искусства I в.

Таким образом, и эти статуи не могли повлиять на возникновение пальмирского портрета.

По-видимому, пальмирский портрет был создан самими пальмирскими мастерами, причем исходили они прежде всего из культовых и вотивных рельефов, производство которых было широко распространено по всей Сирии и которые стилистически примыкали к искусству Месопотамии. В I в. до н. э. и в I в. н. э. пальмирские мастера обладают уже большим профессиональным мастерством. Они исполняли архитектурные детали для храмовых комплексов и большие мифологические композиции. В таком же стиле исполнены и первые надгробия, появившиеся как результат развившегося культа мертвых [3]. Свидетельствами этого культа служат великолепные гробницы, заупокойные храмы, помещавшиеся в верхних этажах башенных гробниц, культовые рельефы и статуэтки богов, найденные в гробницах, и, наконец, некоторые обряды, часть из которых нам

---

[2] H. Seyrig. Palmyra and the East. JRS, XL, I, 1950, стр. 5.
[3] H. Seyrig. Le repas des morts á Palmyre. Antiquités Syriennes, IV, 1953.

известна. Составной частью культа было, по-видимому, и создание портрета умершего.

Надгробий конца I в. до н. э. — I в. н. э. сохранилось очень немного. Это преимущественно женские надгробия с изображением фигуры в полный рост. Как правило, они исполнялись уже посмертно. На это указывает драпировка позади фигур, поддерживаемая двумя гвоздями со шляпками в виде розеток, к которым прикреплены пальмовые ветви. Эта драпировка исполнялась пластическими средствами, а иногда и живописью. Одно время считалось, что драпировка должна обозначать как бы внутренние помещения дома. Теперь в этом видят намерение показать преграду, отделяющую потусторонний мир, или передачу того вечного жилища, которое обретает человек после смерти [4]. Если это предположение верно, то изображения, выполненные с умершего человека, трудно назвать портретными. И действительно, легко заметить, что индивидуальность в них передается чрезвычайно слабо. Эти надгробия еще теснейшим образом связаны с культовыми рельефами. Отличить их можно лишь по драпировке и выгравированной эпитафии.

Одним из таких надгробий является надгробие женщины по имени Айта [5]. Она одета в греческий хитон, из-под которого видна богато расшитая нижняя одежда и плащ, покрывающий голову. Несмотря на высокий рельеф, трактовка фигуры очень плоскостная, складки сухие и схематичные. Ингхольт сравнивает этот рельеф со статуэткой богини из Хатры [6]. Это убедительное сравнение еще раз доказывает, что развитие культовой и надгробной скульптуры идет в это время по одному руслу. Пальмирские надгробия этого времени еще не вышли за пределы широкого круга культовой скульптуры, единой для всего большого района восточной Сирии и Нижней Месопотамии. Культовые рельефы Пальмиры и в дальнейшем будут стилистически примыкать к художественным центрам этого района, тогда как портретное надгробие постепенно выработает свой особый стиль.

Только к началу II в. появляются в Пальмире поясные надгробия, которые и становятся основной формой пальмирского надгробия. Для такого разрыва с традициями нужен был, как нам кажется, внешний толчок, которым стало знакомство с рельефными надгробиями Рима. Среди памятников поздней республики и I в. в Риме можно найти ряд аналогий — поясные портреты в фас, выполненные в высоком рельефе. Не только Пальмира восприняла из Рима форму поясного надгробия. Подобные рельефы можно найти и в других провинциях обширной Римской империи, даже западных.

Непосредственная связь композиции пальмирских надгробий с римскими подтверждается и тем, что на некоторых из них портрету придается форма трапециевидного бюста, распространенного в Риме во времена Траяна. Надгробие с таким бюстом было открыто в Пальмире раскопками К. Михаловского в 1960 г. [7], считающего это надгробие произведением мастера, следовавшего римским вкусам и датирующего его концом I в. Нам представляется совершенно очевидным, что республиканский заупокойный портрет сыграл большую роль в формировании пальмирского портрета. Однако, несмотря на заимствованную форму надгробий, портреты раннего времени, как мы увидим дальше, выполняются еще в традициях культовых изображений.

Самые ранние датированные надписями мужские поясные портреты относятся к 30-м годам II в., поэтому более ранние портреты приходится

---

[4] H. Ingholt. Palmyrene Sculptures in Beyrut. «Berytus», I, 1934, стр. 37.

[5] H. Ingholt. Parthian Sculpture from Hatra. Memoirs of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, XII, 1954, табл. I, *3*.

[6] Там же, табл. I, *2*.

[7] K. Michałowski. Palmyre. Warszawa — Paris, 1960—1962, рис. 107.

Рис. 1. Фрагмент надгробия. Археологический музей. Одесса

выявлять методом исключения. Если они не находят прямых аналогий среди датирующихся надписями произведений и в то же время стоят ближе всего к ранним, культовым по характеру рельефам, то их, по всей вероятности, можно отнести к первой четверти II в. Основываясь на таком методе, постараемся определить несколько ранних мужских портретов.

Прекрасным образцом такого портрета, относящегося, как мы постараемся доказать, к первой четверти II в., является неопубликованный фрагмент из Археологического музея в Одессе[8]. Он изображает голову молодого безбородого мужчины с округлым лицом (рис. 1). Волосы, уложенные четырьмя параллельными рядами завитков, плотно прилегают к голове. Глаза большие, с тонкими веками, без обозначения слезника. Зрачок и радужная оболочка исполнены двумя концентрическими кругами. Черты асимметрии в рисунке рта и помещенных на разном уровне глазах придают особую выразительность лицу, подчеркивая мистическое настроение, вполне отвечающее задаче создания героизированного, полукультового образа умершего.

Некоторые хронологические рамки для датировки этого портрета могут дать особенности прически. До рубежа II в. пальмирцы носили длинные волосы и усы. Во II в. появляются короткая стрижка и бритые лица. По-видимому, эта новая мода была заимствована из Рима. Подобную прическу, но в более реалистической трактовке можно видеть на портретах Траяна. Она остается в моде в Пальмире до середины II в. Однако можно заметить, что на портретах первой четверти века волосы плотно прилегают к голове, тогда как позже выпуклые пряди волос поднимаются над лбом, образуя валик. Таким образом, прическа дает нам основание датировать этот портрет первой четвертью II в.

Предложенная нами датировка одесского портрета подтверждается и сравнением его с женскими портретами, датированными надписями. Среди них наиболее близким нашему является женский портрет из музея в Торонто[9], датируемый надписью 123 г., что, как нам кажется, подтверждает правильность нашей датировки.

В одесском портрете ярко проявились традиции древнего переднеазиатского искусства. Об этом свидетельствуют трактовка лица большими плоскостями, огромные глаза, фронтальная постановка фигуры. Главное же, что связывает портреты этой ранней группы с культовыми образами восточного искусства,— это одухотворенность образа, выраженная в устремленном вперед взгляде широко раскрытых глаз.

На рубеже первой и второй четверти II в. в портретах появляются черты нового зарождающегося стиля. В Эрмитаже хранится неопубликованный фрагмент рельефа, изображающий голову мужчины в модии[10]. Этот портрет характеризуется теми же стилистическими признаками, что и предыдущий. Однако наряду с ними появляется и небольшая новая

[8] Инв. № А 50052.
[9] H. Ingholt. Studier..., табл. X, 4, № 33.
[10] Инв. № 8848.

деталь, которая станет затем характерной для более поздних портретов. Это неглубокая поперечная морщина на лбу, повторяющая изгиб бровей, и две продольные складочки на переносице. Этим приемом, заимствованным от эллинистических портретов, мастер хотел усилить эмоциональное воздействие образа. Однако это ему не удалось: напряжение мышц лба должно было привести к изменению и смещению других частей лица, но показать это мастер не сумел. Новый заимствованный прием остался пока непонятным.

Этот портрет примерно в полтора раза меньше, чем обычные известные нам пальмирские надгробия. Кроме того, он отличается крайне небрежной работой, которая заставляет предположить, что эрмитажный фрагмент принадлежит не обычному поясному надгробию, а составляет часть большой рельефной композиции — загробной трапезы. Но для главного персонажа, возлежащего на ложе, он исполнен слишком небрежно. Поэтому нам кажется, что он мог происходить от одного из тех бюстов, которые располагались в виде фриза, между ножками ложа, как это можно видеть на подобных рельефах в музее Дамаска [11].

Таким образом, первую четверть II в. можно рассматривать как время становления характерных черт портретного искусства Пальмиры. В этот период определилась форма надгробия, на основе традиций выработаны художественные приемы и намечены пути развития портрета к большей индивидуализации, а подчас и к более глубокой психологической характеристике.

Присоединение Пальмиры к провинции Сирии послужило первым толчком к сближению ее с Римом. Посещение Пальмиры Адрианом в 129 г. и дарование ей прав свободного города утвердило ее значение как форпоста империи на востоке. С этого времени Пальмира окончательно входит в сферу античного влияния и открывает широкий доступ эллинистическо-римской культуре из эллинизованных городов Сирии.

Этот период, продолжавшийся до 161 г., года вступления на престол Марка Аврелия и начала парфянских войн, был периодом небывалого расцвета торговой мощи Пальмиры. Издается торговый тариф — свод таможенных пошлин — яркое свидетельство огромных доходов, которые получали пальмирские купцы как посредники в торговле. В последнее десятилетие начинается интенсивная застройка города общественными зданиями по образцу эллинистических городов. В портретном искусстве эллинистическое влияние проявилось в постепенном отходе от культовых образов к образам более жизненным, индивидуальным.

К числу ранних портретов этого времени можно отнести хранящуюся в Эрмитаже стелу с изображением супружеской пары [12]. На плите между головами фигур надпись: «Боша, сын Таймы. Увы! Шалма, дочь Малику, жена его. Увы!».

Это надгробие было впервые опубликовано П. К. Коковцовым, давшим воспроизведение рельефа, его краткое описание и перевод эпитафии [13]. Ингхольт помещает его в список недатированных надписями рельефов первой группы (50—150 гг.) [14]. Нам представляется возможным отнести это надгробие ко второй четверти II в. И хотя среди известных нам датированных надписями портретов нет прямых аналогий нашим, мужской портрет можно считать как бы соединительным звеном между портретом музея Сенкантенер [15] 138—139 гг. и эрмитажным портретом 154—155 гг. [16],

---

[11] R. Amy, H. Seyrig. Recherches dans la Nécropole de Palmyre. «Syria», XVII, 1936, табл. XLVI, *1*, *2*.

[12] Инв. № 8839.

[13] П. К. Коковцов. К пальмирской археологии и эпиграфике. ИРАИ, XIII, 1908, табл. XII, стр. 283—284.

[14] H. Ingholt. Studier..., стр. 95, № 64.

[15] Там же, II, 2, № 6.

[16] Инв. № 8841.

а женский поставить между портретом в Торонто 123 г. и портретом в Бейруте 151 г. [17].

Сходство с портретами предыдущего периода здесь еще сохраняется, но появляются и новые черты. Изменяется прическа мужчины. Глаза не так велики, верхнее веко делается более пластичным, благодаря чему лицо приобретает большую жизненность. Морщины на лбу мужчины не столько передают возраст изображенного, сколько свидетельствуют о попытке мастера придать лицу выразительность.

Прообразом позы мужчины на портрете послужили греческие статуи драматургов IV в. до н. э., которые неоднократно копировались в римское время. Отсюда мотив спрятанной в складках плаща руки прочно вошел в пальмирское искусство. Под греческим влиянием появилась в портретах и некоторая идеализация — классическая линия профиля, маленькие, четко очерченные рты. В заметном вертикальном построении композиции, в свободном размещении фигур на фоне стелы, в мерном ритме складок, в сведенном до минимума количестве украшений сказалось опять-таки античное влияние.

Для нашего исследования эрмитажный рельеф представляет большой интерес, так как в нем появляются те новые черты, которые станут определяющими для дальнейшего развития скульптуры этого периода. Он прекрасно характеризует переходный период в развитии пальмирской пластики — все усиливающееся эллинистическое влияние.

К этому же переломному времени можно отнести и фрагмент надгробия — мужскую голову, хранящуюся в Музее Академии художеств. Этот превосходный по исполнению портрет снова дает ясно почувствовать две основные тенденции формирования пальмирского искусства. Он еще близко примыкает к одесскому портрету и в то же время обнаруживает сильное эллинистическое влияние в эффектном сочетании массы волос и гладкой поверхности лица. Морщины на лбу, как бы припухшая переносица, углубленные внутренние углы глаз, резкие складки, сбегающие от носа к опущенным углам рта,— все это должно выражать определенное скорбное настроение. Однако эти реалистические, идущие от эллинизма приемы в исполнении лица стоят в противоречии с неестественно большими глазами.

Логическим завершением поисков новых выразительных средств, занявших всю вторую четверть II в., явился портрет Забдибола в собрании Эрмитажа [18]. Первоначальная публикация его дана у П. К. Коковцова в виде краткого описания и перевода надписи: «Забдибол, сын Забдэлаха, сына Борефа, сына Забдэлаха. Увы!» [19]. Ингхольт дает этот портрет в списке недатированных рельефов второй группы (150—200 гг.) [20]. Нам представляется возможным утверждать, что он относится к самому началу этого периода, т. е. к середине II в.

То новое, что мы отмечали для предыдущих портретов, воплощено в портрете Забдибола с еще большей художественной убедительностью. Волосы его лежат свободными прядями и производят впечатление полной естественности. Густые широкие брови исполнены пластически поверх обычной врезанной линии. и, хотя рисунок их орнаментален, они вернее приближаются к натуре. Тщательнее моделировано лицо, хотя некоторая сухость, свойственная пальмирской скульптуре, сохраняется и здесь.

Этот портрет, нам кажется, можно причислить к лучшим произведениям пальмирской скульптуры. В нем впервые было достигнуто гармоничное сочетание местных традиций с достижениями эллинистического искусства. Портрет отмечен яркими индивидуальными чертами и передает настрое-

---

[17] H. Ingholt. Studier..., XIII, 1. № 41.
[18] Инв. № 8842.
[19] П. К. Коковцов. Ук. соч., табл. X, *3*, стр. 282.
[20] H. Ingholt. Studier..., стр. 108, № 161.

ние патетической скорби, свойственное эллинистическим портретам. Из произведений греческого искусства он стоит ближе всего, на наш взгляд, к портрету так называемого Менандра, который часто копировался в мастерских восточных провинций Римской империи.

В 50-е годы II в. создается целая галерея образов, в которых всегда по-своему, но очень ярко и правдиво запечатлена личность человека.

Следующий период в развитии портретного искусства Пальмиры падает на время правления в Риме Марка Аврелия и его преемников вплоть до прихода к власти династии Северов в 193 г. Этот период почти целиком занимают войны между Римом и Парфией. Однако Пальмира находилась в стороне от театра военных действий и непосредственного участия в войнах не принимала. Но последствия войн были для нее очень значительными. За римлянами был закреплен левый берег Евфрата и вся Западная Месопотамия. Теперь торговля целиком перешла в руки пальмирских купцов, минуя посредников парфян.

В этот период реализуются богатства, накопленные большим торговым городом. На смену сырцовым жилым домам были построены дома из камня с перистильными двориками. Застраивается площадь агоры, сооружаются театр, термы и другие общественные здания.

Сношения пальмирцев и римлян стали теперь особенно интенсивными. Римская армия во главе с Люцием Вером подолгу бывала на территории Сирии. В свою очередь, пальмирцы посещали столицу империи (в Риме археологи находят алтари с посвящениями пальмирским богам). Взаимовлияние двух культур было неизбежным. И хотя нам ничего не известно ни о пальмирской литературе, ни о философских течениях, можно предполагать, что философия стоицизма нашла себе сторонников и там. И, может быть, поэтому в портретном искусстве Пальмиры появляется образ мыслителя, человека рафинированной культуры.

Для воплощения этого образа потребовались новые художественные приемы. Скульпторы отказываются от трактовки лица широкими плоскостями, формы тонко моделируются. Спокойное выражение лица и полузакрытые глаза передают состояние погруженности в самого себя и внутренних размышлений. В появлении этого нового стиля большую роль, как нам кажется, сыграло влияние римского портрета времени Антонинов, хотя оно и не смогло, конечно, свести на нет ни местного своеобразия пальмирского искусства, ни прочно вошедших в него за предыдущие годы эллинистических элементов.

В Одесском археологическом музее хранится неопубликованный фрагмент рельефа [21]. На нем изображена голова мужчины с тонкими чертами лица, волнистыми волосами и большими, широко расставленными глазами. Тонко моделированная поверхность лица лишена резких линий; формы незаметно переходят одна в другую. Верхние веки чуть опущены и прикрывают часть радужной оболочки (рис. 2).

Необычная для пальмирской скульптуры мягкость трактовки и идеализация внешнего и внутреннего облика изображенного идут от искусства эллинизма, но самый образ философа с выражением душевной усталости и разочарования заимствован из римского искусства.

По тем признакам, которые дает для датировки портретов Ингхольт, этот портрет может быть отнесен и ко второй (150—200 гг.) и к третьей (200—273 гг.) группам. Деление это основано на различии в трактовке складок одежды и в позе изображенного. По прическе, трактовке глаз и рта портреты этих двух групп, по Ингхольту, почти совсем не отличаются друг от друга. Это отчасти объясняется тем, что портретисты III в., как мы увидим в дальнейшем, возродят формы портретного искусства II в. Датировка одесского портрета затруднена тем, что здесь сохранилась только голова, и методика Ингхольта к нему не применима.

---

[21] Инв. № А 50701.

Рис. 2. Фрагмент надгробия. Археологический музей. Одесса

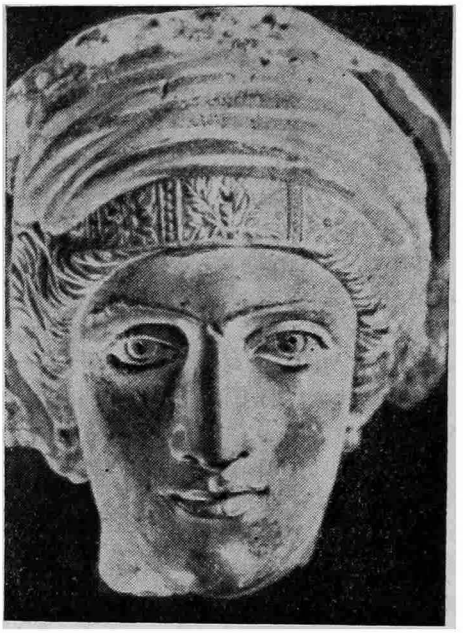


Рис. 3. Фрагмент надгробия. Эрмитаж. Ленинград

Однако нам кажется, что его можно отнести к 80-м годам II в. Этим же временем можно датировать и фрагмент надгробия в Эрмитаже[22] (рис. 3). Оба портрета стилистически родственны портрету Нурбела в Метрополитенском музее, датированному надписью 181 г.[23], и портрету писца римского легиона Хайрана в Эрмитаже[24] (рис. 4), датированному 189 г. Черты лица каждого из них ярко индивидуальны, но одинакова их образная и художественная характеристика. Именно образная характеристика и сближает эти портреты с римскими портретами времени Антонинов.

Описанный нами период в развитии пальмирского портрета следует, как нам кажется, считать временем его наивысшего расцвета. Именно в этот период наиболее ярко и неотделимо друг от друга проявили себя три важнейших компонента, участвовавшие в создании пальмирского портрета: местные переднеазиатские традиции, эллинистическое и римское влияния.

Следующий период развития пальмирского портрета мы относим ко времени правления в Риме династии Северов (193—235 гг. н. э.). Экономическое и политическое положение Пальмиры остается пока таким же, как и в предыдущий период. Римская армия Септимия Севера, а позже Александра Севера по-прежнему одерживает победы в войнах со своим могучим противником Парфией. Пальмира в этих войнах выступает на стороне Рима: Александр Север посетил ее во время своего похода, и пальмирцы снабдили его армию продовольствием. Роль провинции Сирии при Северах возрастает. Родственные узы связывают членов императорской семьи с представителями сирийской знати. Пальмира извлекает из сложившейся обстановки выгоду, все больше расширяя свои торговые связи и утверждая свое влияние на востоке.

В портретном искусстве этого времени появляются новые тенденции, характеризующие отход от реалистического портрета, созданного в предыдущие годы.

Одним из ранних образцов этой группы можно считать портрет Мезаббены, хранящийся в Эрмитаже[25]. Ингхольт, поместивший этот портрет

[22] Инв. № 3926.
[23] H. Ingholt. Studier..., V, 2,
[24] Инв. № 8840.
[25] Инв. № 4175.

Рис. 4. Надгробие Хайрана. Эрмитаж. Ленинград

в список недатированных произведений, относит его ко второй группе (150—200 гг.) [26]. Нам кажется, что его следует отнести к самому концу этого времени, т. е. к рубежу II—III вв.

Лицо Мезаббены во многом напоминает прекрасный второй портрет Одесского музея. Такие же продолговатые глаза с тяжелыми веками и тонкие облагороженные черты лица. Но эрмитажному портрету не хватает той одухотворенности, которой проникнут образ на одесском портрете. Можно отметить также несовершенство в передаче пропорций и в построении лица.

В этих чертах, нам кажется, можно видеть новый художественный прием, который получит в дальнейшем широкое распространение. Этот портрет — как бы первый шаг на пути разрыва с эллинистическо-римскими традициями и создания нового стиля. Этот процесс постепенной деградации античного портрета, а вместе с ним и реалистических тенденций в портретном исскусстве можно последовательно проследить на всех портретах этого времени.

Последний период портретного искусства Пальмиры мы ограничиваем смертью последнего из Северов (235 г.) и разрушением Пальмиры в 273 г. Этот период является наиболее сложным и запутанным. Кризис, охвативший Римскую империю, распространяется и на провинции. Пальмира к этому времени потеряла свое господствующее положение на торговых путях с востока на запад. Появились новые пути через Дамаск и Алеппо, и основной источник благосостояния Пальмиры был подорван. Одновременно

[26] H. Ingholt. Studier..., стр. 113.

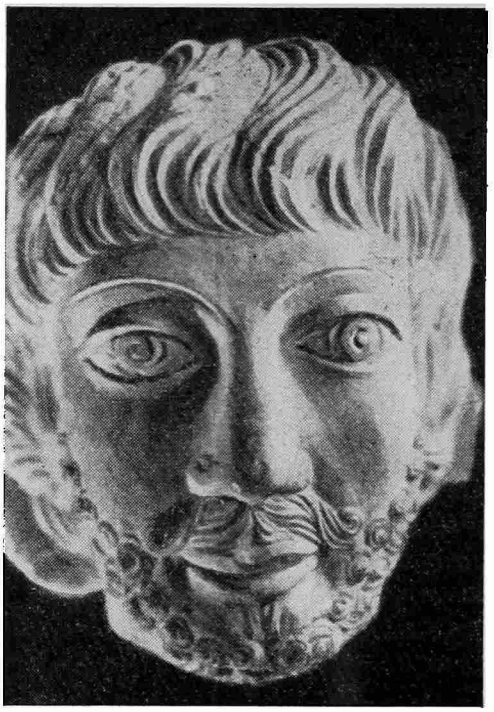


Рис. 5. Фрагмент надгробия. Эрмитаж. Ленинград

хиреет и сельскохозяйственная округа Пальмиры. Часть участков объединяется в крупные поместья с натуральным хозяйством, а другая часть дробится и погибает, так как мелкие хозяйства не в силах были поддерживать оросительную систему.

Однако последствия кризиса сказываются не сразу. Пальмира делает еще попытку подчинить себе весь римский восток. Номинально подчиняясь Риму, а на деле действуя самостоятельно, пальмирский князь Оденат создает царство, включившее в себя Сирию и часть Малой Азии. Несколько позже его жена Зиновия покоряет и Египет. Но эти области недолго оставались в подчинении пальмирских князей, а вскоре и сама Пальмира была взята и разрушена императором Аврелианом.

Для культуры Пальмиры этого последнего периода характерна ориентация на восток и соответствующая реакция против античного искусства. Но сразу и окончательно отказаться от всех достижений предшествующих периодов было, разумеется, невозможно. Поэтому портретное искусство этого времени представляет собой очень пеструю картину сосуществования самых различных направлений. Это очень затрудняет датировку, тем более, что датированных надписями произведений III в. сравнительно мало. Для нас трудность обзора этого периода в истории портретного искусства Пальмиры заключается еще в том, что в наших собраниях он представлен очень ограниченным количеством памятников, не позволяющим проследить все многообразие направлений. Поэтому нам придется ограничиться разбором только двух портретов, на которых мы постараемся проследить, какими путями шло дальнейшее развитие пальмирского портрета.

К этому периоду можно отнести неопубликованный фрагмент надгробия в Эрмитаже (рис. 5) [27], изображающий голову мужчины с густыми, низко спускающимися на лоб волосами, орнаментально исполненными усами и бородой, маленьким, застывшим в условной улыбке ртом и огромными глазами.

В этом портрете возродились до некоторой степени приемы портретного искусства начала II в. с их восточной статичностью, импозантностью и условностью. Но в нарочитом возрождении старых приемов была искусственность, которую невозможно скрыть под архаистическими чертами. И хотя профессиональное мастерство еще не утрачено полностью, отход от реалистических принципов ясно ощущается в этом портрете.

С еще большей силой отход от норм античного искусства сказался в другом, тоже эрмитажном, неопубликованном фрагментированном мужском портрете [28], который как бы завершает собой развитие портрета предыдущего периода. Человек с его индивидуальными чертами не интересует больше скульптора. Лицо деформируется, оно служит лишь фоном для глаз, продолговатых, широко открытых. Отказ от объемной лепки лица в пользу линеарности и орнаментальности можно объяснить влиянием иранского искусства, в котором с приходом к власти Сасанидов на смену филэллинам-парфянам в 226 г. возрождаются старые традиции.

[27] Инв. № 8847.
[28] Инв. № 8845.

Мистицизм образа родился, как нам кажется, из попытки отбросить сложившийся в Пальмире на протяжении столетия местный стиль и заменить его новым, во многом чуждым мастеру.

И все-таки только направление, представленное этим эрмитажным портретом, окажется по-настоящему жизнеспособным. И хотя Пальмира погибла как торговый и культурный центр, влияние ее портретного искусства сказывается еще спустя некоторое время в портрете Рима и ранней Византии.

Подобно архитектуре Пальмиры, ее портрет был обязан своими основными достижениями античной культуре. И тем не менее он не был просто подражанием. Традиции могучих цивилизаций Передней Азии были еще слишком сильны, чтобы быть заглушенными полностью. Они послужили базой и критерием для отбора тех элементов античной культуры, которые удовлетворяли заказчиков и могли быть освоены скульпторами. Поэтому могло быть достигнуто полное слияние традиций с разнообразными влияниями — эллинистическим и римским в первую очередь. Своеобразие пальмирского искусства выделяет его среди других центров восточных римских провинций и позволяет оценить его вклад в искусство поздней античности.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ПОСУДА ТРОИЦКОГО ГОРОДИЩА

Работами Московской экспедиции ИА АН СССР за последние годы были проведены раскопки нескольких городищ дьякова типа Московской обл.: Троицкого близ Можайска, Неждинского на р. Рузе, Михайловского на р. Озерне, Щербинского под г. Подольском. Разведочным отрядом было обследовано, кроме того, более 100 городищ этого типа. Полученный в результате этих работ материал, в частности керамика, является важнейшим источником для изучения памятников этого типа. Хронологический диапазон указанных памятников охватывает более 1000 лет (вторая половина I тысячелетия до н. э.— середина I тысячелетия н. э.), причем есть памятники многослойные и однослойные. При такой хронологической шкале есть основания для выделения разновременных комплексов находок. Не менее важным является то обстоятельство, что часть памятников расположена в западной части Московской обл., часть — в центральной и юго-восточной. Полностью раскопаны городища Троицкое и Неждинское. На последнем дьяковский слой отражает хронологически небольшой период III—V вв., тогда как Троицкое городище представляет собой многослойный памятник с разновременными комплексами и хорошей стратиграфией.

Троицкое городище расположено у с. Троица Можайского района Московской обл. на правом берегу р. Москвы [1]. Мощность его культурного слоя в центральной части достигает 1 *м*. Стратиграфически выделяются два основных слоя: первый — нижний слой серовато-коричневой супеси (толщиной 30—40 *см*) и второй — верхний слой темной гумированной супеси (мощностью 60 *см*). По характеру находок и сооружений каждый слой условно может быть разделен на два горизонта. Благодаря тому, что сооружения были наземными, общая стратиграфия культурного слоя существенно не нарушена, это позволяет расчленить количественно большой материал по слоям и горизонтам.

Полученная при раскопках коллекция керамики превосходит своей полнотой все известные до сего времени материалы по памятникам этого типа — найдено более 132 000 обломков. Она хорошо документирована и увязана со стратиграфией, что дало возможность при исследовании применить не только типологически-стратиграфический метод, но и статистический, при котором достоверность процентных данных определяется большим объемом коллекции. Керамические изделия Троицкого городища составляют бытовая посуда, миниатюрные сосудики, погремушки, пряслица, грузики дьякова типа, шарики, лепешки, вотивная фигурка кабана, бусы, рогатые кирпичи, тигли, льячки, литейные формы.

[1] А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, № 1; его же. Результаты работ Можайской экспедиции. КСИА АН СССР, 94, 1963.

Глиняная посуда Троицкого городища вся лепная, местного производства. По технике лепки, составу глиняного теста, обработке поверхности и обжигу она разделяется нами на бытовую посуду и миниатюрные сосуды.

Бытовая посуда

Бытовая посуда Троицкого городища делится на две основные группы: 1) грубая (97%), 2) лощеная и подлощенная (3% от общего числа обломков) [2].

Как грубые, так и лощеные сосуды изготовлены от руки ленточным способом с применением твердых подставок для формовки дна, иногда с подсыпкой песка или золы. Глиняное тесто содержит большое количество отощающих примесей в виде дресвы [3], мелкой или крупной, а в тесте лощеных сосудов, наряду с дресвой, преобладают примеси песка. Обжиг сосудов костровый, неравномерный. Сосуды нижнего слоя обожжены слабо, в верхнем слое наблюдается лучшая прокаленность стенок. Формы бытовой посуды Троицкого городища баночные и горшковидные; в нижнем слое слабой профилировки, в верхнем более профилированные и резкопрофилированные. Есть миски. Вся посуда плоскодонная. Большие сосуды с диаметром устья 30—34 *см* служили главным образом для хранения запасов. Посуда для варки пищи имела диаметр 16—28 *см*. К сосудам этих размеров найдены крышки в виде невысокого конуса без закраин с ручкой-шишечкой наверху. Найдено много маломерных сосудов с диаметром устья 10—12 *см*.

I. Грубая посуда

Грубая посуда имеет шероховатую, бугристую поверхность с выступающими примесями, несмотря на то, что после формовки сосуды специально заглаживались травой, щепкой или просто пальцем. Часть сосудов имеет на поверхности следы вертикального сглаживания. Цвет сосудов серый и желтоватый, лишь в верхнем слое появляются красноватые, более прокаленные. Среди грубой посуды преобладают гладкостенные сосуды (лишь 0,5% составляют обломки сосудов с сетчатой поверхностью).

А. Гладкостенная посуда представлена сосудами без орнамента (53%), с орнаментами по шейкам и плечикам (43%), а также сосудами с орнаментом, нанесенным только по краю венчика (0,5% от общего количества обломков).

Гладкостенные сосуды без орнамента встречаются во всех горизонтах культурного слоя в большом количестве, и основным критерием их стратиграфического различия являются форма и техника обработки. Однако следует при этом отметить, что маломерные гладкостенные сосудики простых форм применялись на всем протяжении существования городища.

Орнаментированная посуда представлена большой серией сосудов, обладающих яркими, изменяющимися во времени признаками. Приемы орнаментации разнообразны. Если принять общее количество находок обломков гладкостенной орнаментированной посуды за 100%, то выявляется следующее соотношение (в %): ногтевой орнамент — 41,97; веревочный [4] — 27,49; ямчатый — 7,85; защипной — 7,06; прочерченный — 6,03; штампованный — 5,71; тычковый — 3,42; прочие (пальчатый, двудольный и др.) — 0,47.

Некоторые приемы орнаментации характерны для определенных слоев. Так, для нижнего слоя следует отметить: ямчатый, тычковый, двудольный, пальчатый и защипной рельефные орнаменты. В верхнем преобладают

---

[2] Процентное соотношение приводится здесь преимущественно в целых числах, статистические таблицы выводились до сотых долей процента.

[3] Запасы дресвы имеются на городище в большом количестве в развалах очагов.

[4] Нанесен веревочкой, намотанной на палочку.

разнообразные мелкие штампы: треугольные, овальные, прямоугольные и др. Многие приемы орнаментации применялись во все периоды жизни на городище. Так, во всех горизонтах отмечается применение ногтевого, веревочного, прочерченного и защипного орнаментов. Однако следует сказать, что эти приемы орнаментации в различных стратиграфических горизонтах связаны с сосудами разных форм, вместе с изменением которых во времени менялось и место расположения орнаментального пояса на тулове сосуда и система композиции узора. Особый интерес для исследования

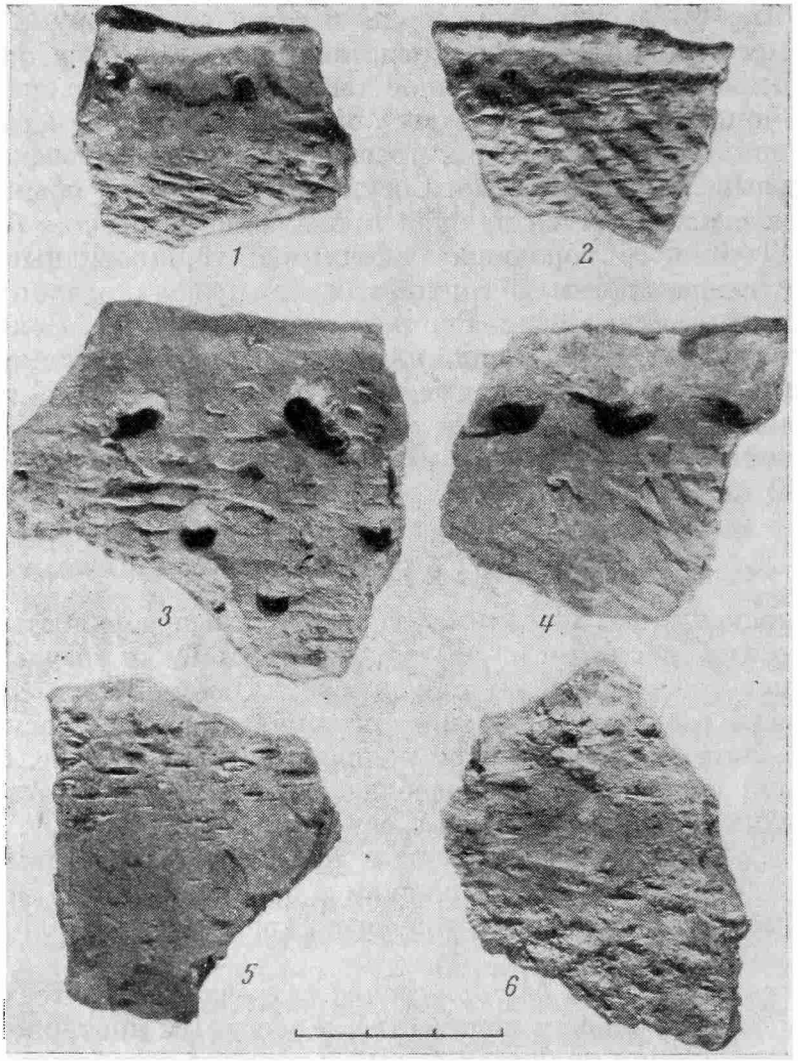


Рис. 1. Сетчатая керамика (*1—6*)

представляет наличие на отдельных сосудах узоров, комбинированных из разных элементов орнамента. Такие сочетания отмечены на посуде из всех горизонтов культурного слоя. Они хорошо отражают время бытования и сосуществования разных приемов орнаментации.

Грубая гладкостенная посуда с орнаментами, нанесенными только по краю венчиков сосудов в виде насечек, защипов, отпечатков ногтя, штампов или прочерченной канавки, характерна для верхнего слоя городища.

Б. Сетчатая посуда (или, как часто ее называют, «сетчатая керамика») (рис. 1, *1—6*) имеет внешнюю поверхность, покрытую отпечатками, напоминающими оттиски ткани. Этот своеобразный прием обработки поверхности широко распространен на посуде из городищ дьякова типа. На Троицком городище сетчатой керамики найдено 708 фрагментов (по-видимому, от двух до трех десятков сосудов). Сосуды изготовлены из серой глины с примесью крупной дресвы и слабо обожжены. Форма сосудов ба-

ночная, они плоскодонные, с открытым, слегка расширенным устьем, превышающим диаметр дна. Венчики прямые, иногда слабо отогнутые, бортики слегка скруглены. Мы располагаем сосудом с диаметром 26 *см* и толщиной стенок 0,8 *см* (при неполной высоте), но, судя по обломкам, имелись сосуды и меньших размеров. Поверхность снаружи и изнутри имеет следы сглаживания. Сетчатые отпечатки покрывают преимущественно верхнюю часть сосудов, ближе к дну стенки гладкие. Переход сетки на внутреннюю поверхность сосудов и на дно для троицкой посуды не характерен. Отпечатки сетки грубые, неправильные, оттиснутые небрежно. В литературе такая посуда называется «крапчатой» [5]. Часто на стенках сосудов остаются не заполненные оттисками места, а иногда видны следы заглаживания по сырой глине поверх сетчатых отпечатков. Есть отпечатки разной резкости, глубокие и мелкие, рассеянные без системы. На единичных обломках встречены более четкие отпечатки, идущие как бы рядами, причем характер их грубый, отпечатки крупные. Иногда сетчатая посуда сопровождается ямчатым орнаментом, расположенным пояском вокруг устья. Иногда ямчатый орнамент наносился поверх сетчатых отпечатков, а в некоторых случаях сетка покрывает стенки сосудов ниже орнаментального пояса. Кроме ямчатого орнамента, на сетчатой посуде Троицкого городища никакой другой орнаментации не применялось. Наличие сетчатой посуды характерно только для нижнего слоя Троицкого городища. По площади городища фрагменты сетчатой керамики располагаются относительно равномерно.

II. Лощеная и подлощенная посуда

Лощеная и подлощенная посуда характерна для верхнего слоя городища. Эта посуда более тонкостенная и тщательно выработана. Преобладают сосуды с частичным лощением, при котором нижняя часть оставалась незалощенной, но есть сосуды залощенные сплошь. Следы лощения горизонтальные. По цвету поверхности различаются серые, желтоватые, красноватые и черные сосуды, но последних мало. Много сосудов с неравномерно прокаленными стенками, имеющими пятнистую окраску. Формы лощеной посуды очень разнообразны. Преобладают горшки и мисы коротких пропорций, с открытым устьем. Линии профиля плавные, венчики хорошо выделены. В меньшем количестве бытовала посуда с острым ребром. Есть сосуды на поддонах сплошных и кольцевых. Лощеная посуда представлена преимущественно сосудами средних размеров, реже встречаются маломерные и большие сосуды.

Отсутствие следов нагара, характерного для кухонной посуды, а также наличие поддонов исключают возможность употребления этой посуды для варки пищи. Тонкая обработка и преобладание сосудов изящных форм и небольших размеров также говорят о столовом ее назначении. Несмотря на особенности лощеной посуды, наблюдается ряд признаков, позволяющих утверждать ее местное производство и родство с остальной керамикой Троицкого городища. В пользу этого говорит тождество некоторых форм лощеной и гладкостенной посуды, наличие орнаментов по краю венчиков лощеных сосудов в виде косых насечек, отпечатков ногтя и др.— все это является звеньями, связывающими лощеную посуду с остальным комплексом троицкой керамики.

Миниатюрные сосуды

Миниатюрные сосуды (рис. 2, *1—18, 20—21)* в керамике Троицкого городища составляют большую серию (более 600 обломков). Минимальные

[5] О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, 7, 1947.

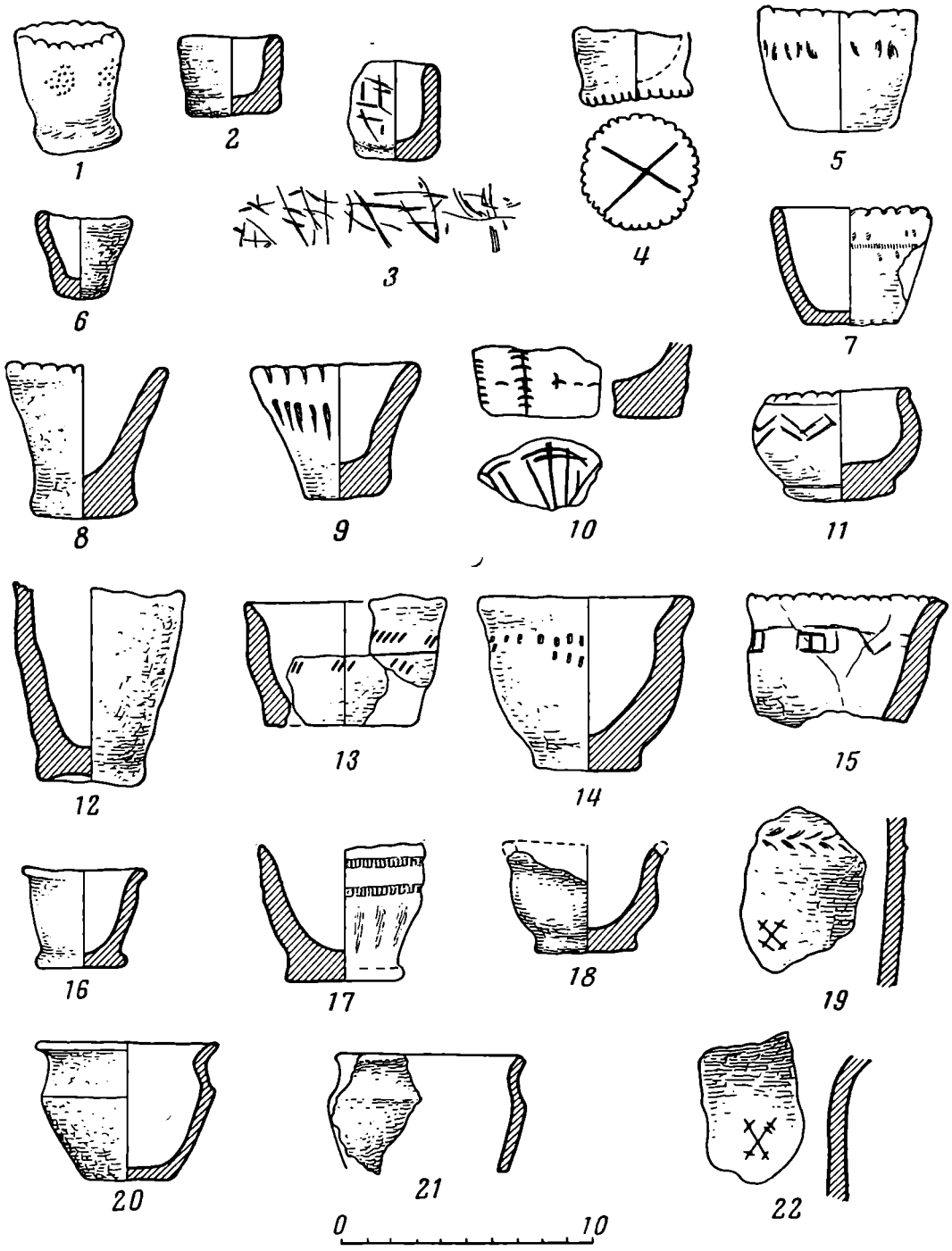


Рис. 2. Миниатюрные сосудики и фрагменты сосудов со знаками.

Нижний слой: *1—7* — **нижний горизонт**; *8—11* — **верхний горизонт**;
Верхний слой: *12—15* — нижний горизонт; *16—22* — верхний горизонт

размеры: диаметр горла 3 *см*, высота 2—3 *см*, наиболее крупные — диаметр 6—8 *см*, при высоте 6—8 *см*. Сосудики изготовлены из глины с примесью песка или без видимых примесей. Изредка наблюдается примесь дресвы. Тесто обычно плотное и хорошо обожжено (в силу малых размеров сосудов). В отличие от бытовой посуды, эти сосудики изготовлялись из цельного куска глины. Миниатюрные сосуды повторяют формы бытовой посуды, но есть и своеобразные формы. Среди миниатюрных сосудов есть гладкостенные и лощеные. Многие сосудики имеют орнаментацию, соответствующую по элементам и композициям узоров бытовой посуде тех горизонтов, где они найдены. Следует отметить, что сетчатая поверхность на миниатюрах неизвестна. Много общих черт наблюдается в орнаменте и формах сосудиков с грузиками дьякова типа. Эти наблюдения определяют

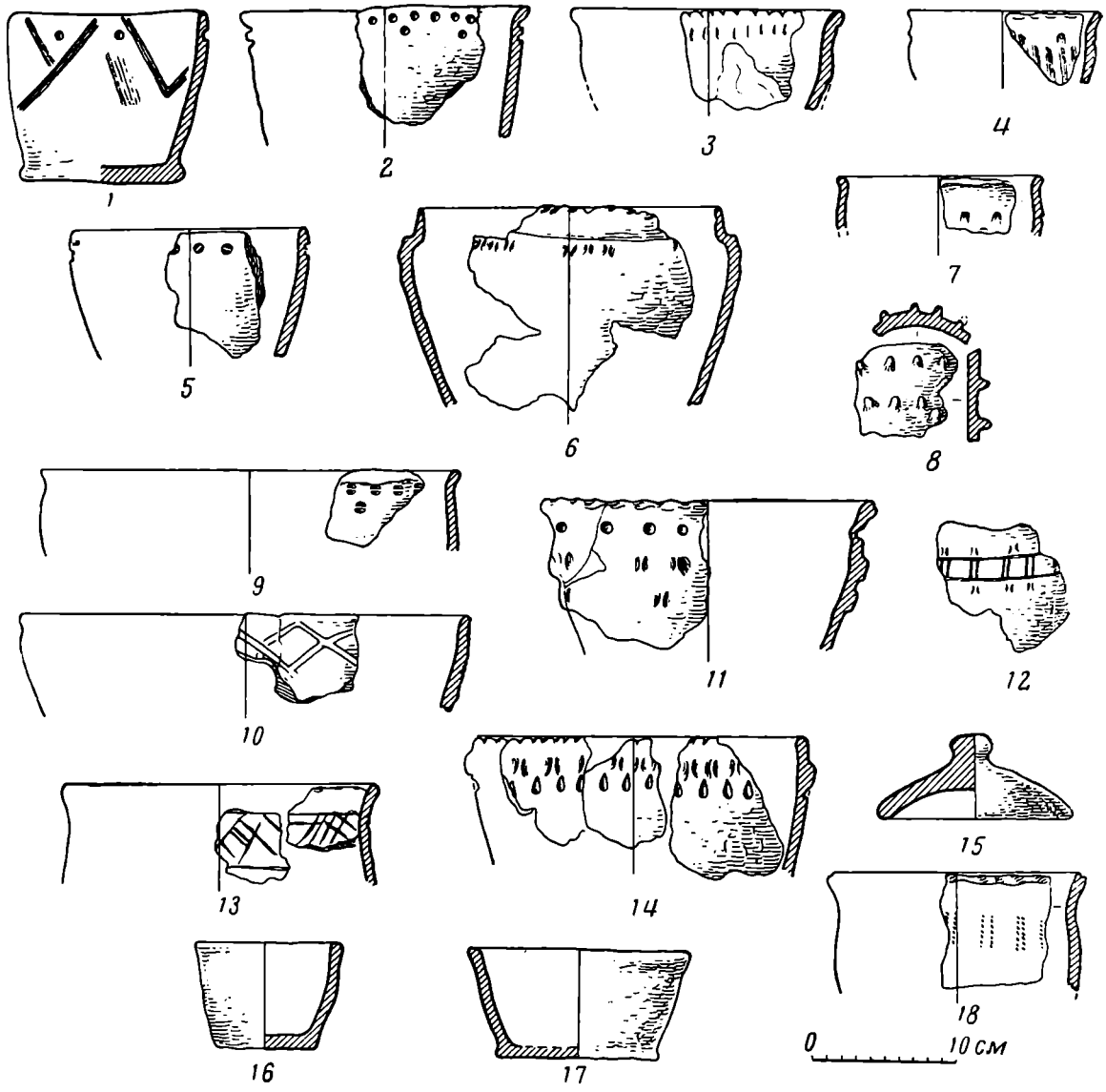


Рис. 3. Посуда из нижнего слоя, нижний горизонт. Гладкостенная с орнаментом:
2 — ямчатый, *3* — ногтевой, *4, 7* — тычковый, *5, 9* — двудольный, *6, 8* — защипной, *10, 13* — прочерченный, *18* — веревочный, *1, 11, 12, 14* — комбинированные орнаменты, *15—17* — без орнамента

назначение миниатюрных сосудов и в качестве игрушек, воспроизводящих бытовые предметы, и в качестве ритуальных сосудиков, имеющих сходство с грузиками дьякова типа — предметами, возможно культового назначения[6]. С другой стороны, параллельные стратиграфические наблюдения над изменением облика миниатюрных сосудов и бытовой посуды служат для контроля изменения отдельных признаков и определения их времени. Именно это обстоятельство заставило нас подробнее остановиться на вопросе о миниатюрных сосудах.

Стратиграфическое изучение керамики позволило выделить комплексы, характерные для разных слоев Троицкого городища.

В первом (нижнем) слое вся керамика грубая, но по составу она не однородна (рис. 3 и 4). При преобладании гладкостенной посуды именно для нижнего слоя характерно наличие сетчатой, которая, однако, составляет не более 1,5% по отношению ко всей посуде нижнего слоя. Сетчатая керамика в относительно равных количествах найдена в обоих горизонтах нижнего слоя.

---

[6] К. А. Смирнов. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа. СА, 1961, № 3.

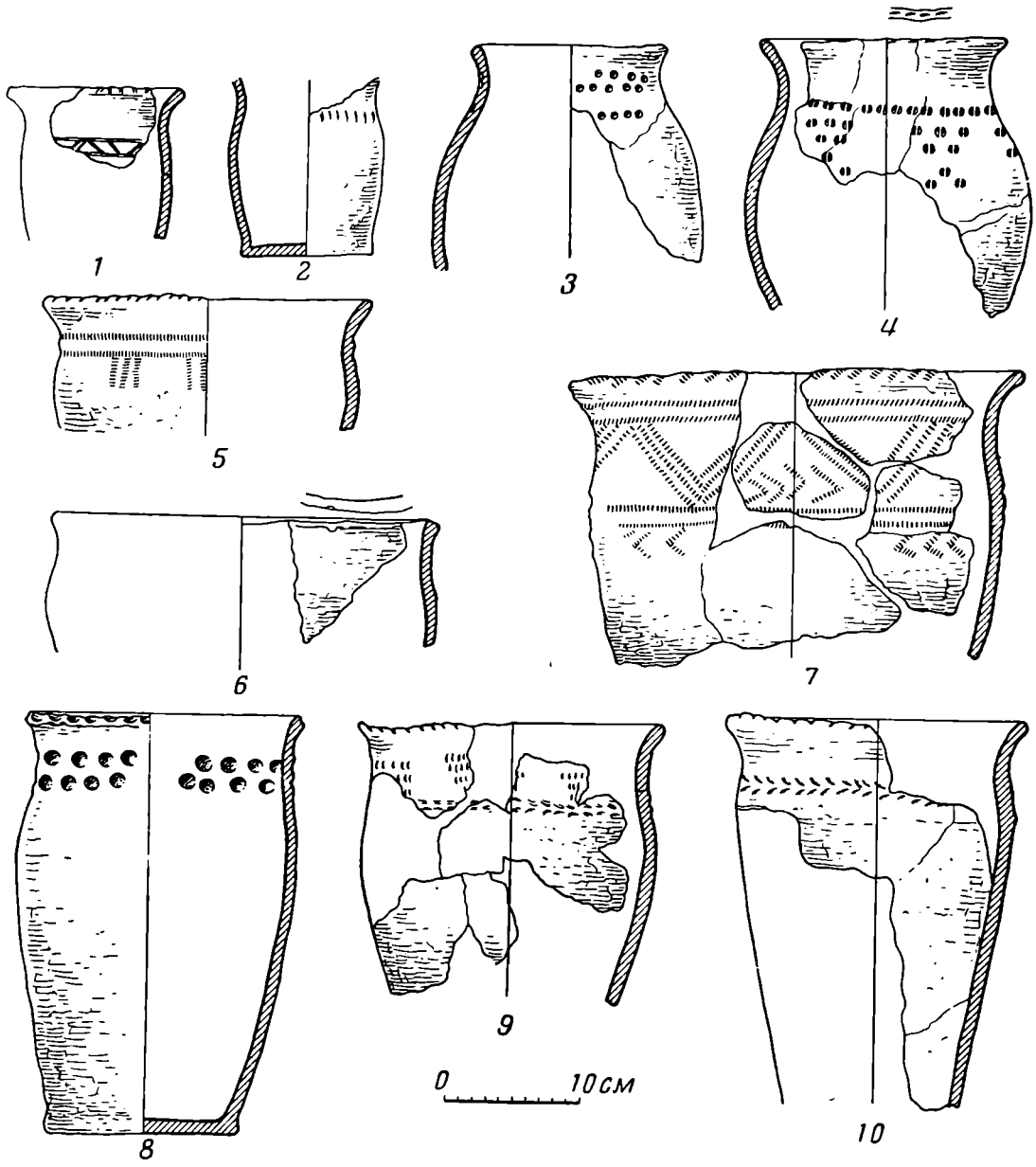


Рис. 4. Посуда из нижнего слоя, верхний горизонт. Гладкостенная с орнаментом:
1 — прочерченный, *2* — ногтевой, *3* — ямчатый, *4* — двудольный, *5*, *7* — веревочный, *8* — пальчатый, *10* — защипной, *9* — комбинированный орнамент, *6* — без орнамента

В нижнем горизонте (рис. 3, *1—18*) преобладает посуда баночной и слабо профилированных форм с открытым устьем или незначительно выделенной шейкой. Бортики округлые, преимущественно без орнамента. Бóльшая часть посуды гладкостенная без орнамента, но имеется и орнаментированная; в таких случаях орнамент на сосудах располагался вокруг устья пли по шейке сосудов в виде несложного пояска. Из элементов орнамента были распространены штампы древних типов в виде розеток и двудольные; ямчатые и тычковые вдавления, прочерченный, ногтевой и рельефный защипной орнаменты, а также оттиски веревочки, перевитой на палочке [7]. Встречаются сосуды с узорами, составленными из разных элементов орнамента, что подтверждает их одновременность.

В верхнем горизонте (рис. 4, *1—10*) среди сосудов появляются более профилированные формы и горшки вытянутых пропорций. Наряду с ука-

[7] Типологически посуда с веревочным орнаментом ближе к верхнему горизонту нижнего слоя, но по статистическим данным ее приходится учитывать. В пользу большей близости к верхнему горизонту свидетельствуют не только формы и орнамент сосудов, но и отсутствие в нижнем горизонте сочетаний веревочки с другими элементами.

занными для нижнего горизонта орнаментами, появляются новые, например пальчатый орнамент. В отличие от нижнего горизонта, бортики сосудов орнаментируются. Усложняются композиции узоров, орнаментальный пояс располагается на шейке и на плечиках сосудов. Маломерная посуда часто сохраняет облик, присущий нижнему горизонту.

Основные особенности посуды нижнего слоя отражены в формах и орнаментации миниатюрных сосудов. Отмечается преобладание в нижнем горизонте миниатюр баночных форм, а в верхнем — более профилированных. Интересны миниатюрные сосудики, совпадающие по форме с грузиками дьякова типа (рис. 2, *9*). Аналогию можно указать на Михайловском городище на Западной Двине в слоях первых веков нашей эры [8].

Для определения времени существования и этнической принадлежности населения Троицкого городища определенное значение имеет сетчатая керамика. Типологически она представлена поздними вариантами — преимущественно с крапчатой поверхностью. Этот тип посуды и его датировка I—III вв. определены О. Н. Бадером для городищ Москворечья и П. Н. Третьяковым для Верхне-Волжских городищ [9]. В более древних городищах сетчатая керамика характеризуется тонкими и четкими отпечатками, покрывающими стенки до дна, а во многих случаях и дно сосудов. Древняя сетчатая посуда часто сопровождается дополнительными орнаментами в виде оттисков крупного гребенчатого штампа, рубчатых отпечатков, розеток, двудольного штампа и др. Так, городища Топорок [10], Пирожная гора [11], Мамоново [12], Барвиха [13] и др. в слоях, датируемых на один-два века ранее нашей эры, содержат сетчатую керамику с дополнительными орнаментами и, наряду с ней, гладкостенную с отпечатками гребенчатых штампов. Такая же картина прослежена нами в соответствующих слоях Щербинского городища под Подольском [14].

На Троицком городище такой посуды нет. Если в единичных случаях встречены штампы древнего типа в виде розеток и двудольные, то на посуде гладкостенной, а не сетчатой, что свидетельствует о более позднем времени. Сосудов с крупными гребенчатыми штампами на Троицком городище нет совсем. Кроме того, процент сетчатой посуды очень мал и с самого начала жизни на городище преобладают гладкостенные сосуды. При таком сопоставлении Троицкое городище в относительной хронологии должно быть помещено позже упомянутых городищ. Интересно сравнить комплекс нижнего слоя Троицкого городища с нижними слоями Санниковского и Пекуновского городищ, датируемых III в. до н. э.— II в. н. э. [15]. Они характеризуются преобладанием сетчатой керамики (64% на Санниковском городище) и наличием в одном комплексе с ней гладкостенной посуды баночных форм с ямчатой и другой простейшей орнаментацией. Широкого распространения разных видов орнамента, как на сосудах Троицкого городища, здесь не наблюдается. Нет здесь и комбинаций разных приемов орнаментации на одном сосуде. Это как бы начальный период распространения этого типа посуды. В сравнении с подобными комплексами, комплекс нижнего слоя Троицкого городища является несомненно более поздним.

---

[8] Я. В. Станкевич. К истории племен Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, 76, 1960.

[9] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941.

[10] Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Тр. II АС. Тверь, 1906.

[11] Коллекции ГИМ.

[12] В. И. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Тр. МИРМ, 5, М., 1954.

[13] Раскопки Г. П. Латышевой. Коллекции МИРМ.

[14] На Щербинском городище при раскопках в 1961 г. составилась коллекция из 35 000 обломков сосудов. Она стратиграфически документирована и позволяет расчленить комплексы. См. И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. СА, 1964, № 1, стр. 165—177.

[15] О. Н. Бадер. Древнейшие городища на Верхней Волге. МИА, 13, 1950.

О. Н. Бадер, выделяя на городищах Москворечья комплекс гладкостенной профилированной посуды с разнообразными орнаментами, отмечает, что стратиграфически она появляется в верхних горизонтах слоев с сетчатой керамикой и определяет ее время II—III вв. Эта посуда широко представлена в нижнем слое Троицкого городища. Прочерченный и нарезной орнаменты имеют аналогии[16] среди гладкостенной посуды Смоленщины (городища Новые Батеки, Акатово), на грубой гладкостенной и штрихованной посуде Белорусских городищ (Язно, Поддубники, Лабенщина). Защипной орнамент известен на городищах Смоленщины (Тушемля, Церковище, Городянки), в Белоруссии (Лабенщина, Малышки), на городищах Литвы в слоях первой половины I тысячелетия.

Интересно отметить, что на Лабенщине, которая датируется А. Г. Митрофановым от II в. до н. э. до середины I тысячелетия н. э., посуда этого типа в нижних слоях характеризуется более рельефными защипами, чем в верхних, и что в нижних слоях не встречается защипной орнамент в комбинации с другими, тогда как в более поздних (верхних) горизонтах Лабенщины такие комбинации есть.

В нижнем слое Троицкого городища защипной орнамент также отличается рельефностью, но часто встречается в сочетаниях с другими элементами. Это дает основание скорее сопоставлять его с материалами из средних слоев Лабенщины.

Посуда с ямчатым орнаментом и сопровождающая ее на Троицком городище посуда с тычковой и ногтевой орнаментацией также имеет аналогии в ряде памятников (городища Н. Батеки, Акатово, Язно, Малышки, Неменчинке, Аукштадварис, Возгеляй и др.).

Отметим, что наиболее распространенными в нижнем слое Троицкого городища среди орнаментов на сосудах были ногтевой (32—39%) и веревочный (от 18 до 24%). Веревочный орнамент известен по Рязанским могильникам первых веков нашей эры, по городищам Тульской[17] и Калужской[18] групп, по Смоленщине (городища на р. Угре-Городянки, Заречье).

Анализ комплекса посуды нижнего слоя Троицкого городища позволяет датировать его концом I тысячелетия до н. э.— III в. н. э.

Из вещей, найденных в нижнем слое, подтверждением этой даты могут служить железные кельты прибалтийских типов I—III вв. и бронзовая фибула с надписью AVCISSA, датируемая I в.[19]. Наличие в нижнем слое большого числа костяных поделок и, в частности, наконечников стрел определяется большим развитием охоты и спецификой памятников, расположенных в лесной полосе. Выделение единичных экземпляров стрел[20], например с полукруглым вырезом на черешке, которые могли бы по сарматским аналогиям удревнить нижнюю дату Троицкого городища до IV—III вв. до н. э., не кажется нам правомочным, тем более, что, судя по последней сводке К. Ф. Смирнова[21], и в сарматском мире эти типы стрел были спорадическим явлением. На дьяковских городищах нет датированных аналогий этим стрелам. Однако на сопредельных окских[22] и смолен-

---

[16] По материалам Смоленского Исторического музея, оргтруппы Белорусского Исторического музея в Минске, Музея при академии наук Литовской ССР в Вильнюсе и Каунасского Государственного исторического музея.

[17] С. А. Изюмова. Археологическая разведка в 1951 г. в Тульской области. КСИИМК, 52, 1953.

[18] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959.

[19] O. Almgren. Studien über die nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923. табл. XI, *242*, *246* (Italien).

[20] А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья; его же. Результаты работ Можайской экспедиции.

[21] К. Ф. Смирнов. Вооружение Савроматов. МИА, 101, 1961.

[22] Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, 1.

ских [23] городищах, время которых определяется вещами латенских типов, для IV—III вв. до н. э. известны другие типы стрел, встречающиеся на древних городищах дьякова типа, но не характерные для Троицкого городища. Найденные здесь костяные пряжки с неподвижным язычком не являются принадлежностью исключительно нижнего слоя. Признавая стратиграфию культурного слоя Троицкого городища, приходится считаться с тем, что предметы эти встречаются и в верхнем слое, поэтому для обоснования нижней датировки они вряд ли могут быть убедительны. Заметим, что раннесарматское погребение с пряжкой, подобной троицким, датировано автором раскопок III—I вв. до н. э. (с переходом в I в. н. э.) [24] и потому не может служить твердым основанием для ранней датировки.

Присутствие в нижнем слое Троицкого городища значительного количества грузиков дьякова типа, широко распространенных в первой половине I тысячелетия [25] и не характерных для слоев до нашей эры, является, с нашей точки зрения, еще одним аргументом в пользу указанной выше датировки нижнего слоя.

Второй (верхний) слой отличается большой насыщенностью находками, в частности керамикой.

В нижнем горизонте (рис. 5, *1—16*) содержится 59% всей керамики, найденной на городище, что свидетельствует о наиболее интенсивном периоде жизни на городище. Об этом же говорят и другие данные: максимальное количество вещевых находок, сооружения и др. В это время исчезает посуда баночных форм, характерная для нижнего слоя, и сопровождающие ее ранние орнаменты: древний ямчатый, двудольный, тычковый, пальчатый, рельефный, защипной. Исчезает сетчатая посуда. Дальнейшее развитие получают прочерченный, веревочный и ногтевый орнаменты. На смену защипному рельефному приходит защипной слабо выступающий. Появляется новая орнаментация разнообразными мелкими штампами: треугольными, овальными, ромбическими, прямоугольными и др. Все эти орнаменты, наряду с несложными поясками, составляют узоры новых, усложненных композиций, украшающих сосуды более развитых профилированных форм с хорошо моделированными шейками и плечиками. Орнаментальный пояс располагается по плечам сосудов. Украшается и венчик, для которого в это время характерен скошенный край. Гладкостенная неорнаментированная посуда, как и в нижнем слое, является преобладающей и соответствует формами остальной посуде этого стратиграфического горизонта. Наряду с грубыми высокими горшками распространена посуда укороченных пропорций, как грубая, так и лощеная. Для нижнего горизонта характерна плавная профилировка лощеных сосудов. Имеется некоторое количество посуды маломерной, того же типа, что происходит из нижнего слоя.

В верхнем горизонте верхнего слоя (рис. 6, *1—24*) наблюдается дальнейшее развитие форм сосудов и их орнаментации. Наряду с известными по нижнему горизонту, появляются сосуды грубые и лощеные с суженным горлом и раздутыми плечами, высокие горшки с узким дном типа верхнего слоя Тушемли (рис. 6, *24*), тюльпановидные сосуды. В лощеной посуде (рис. 6, *12—20*, *23*), получающей в это время максимальное распространение, кроме уже известных форм появляются остроребериые. Среди грубой посуды выделяется группа сосудов, полностью совпадающая по форме с лощеной посудой, в том числе и сосуды с острым ребром. У орнаментиро-

---

[23] Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верхнего Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. Материалы по изучению Смоленской обл., IV. Смоленск, 1961.

[24] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 12 и табл. 6, *3*.

[25] Е. А. Шмидт. Ук. соч.; П. Н. Третьяков. Городища-святилища Смоленщины. СА, 1958, 4; его же. Рецензия на кн.: Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. СА, 1962, 4.

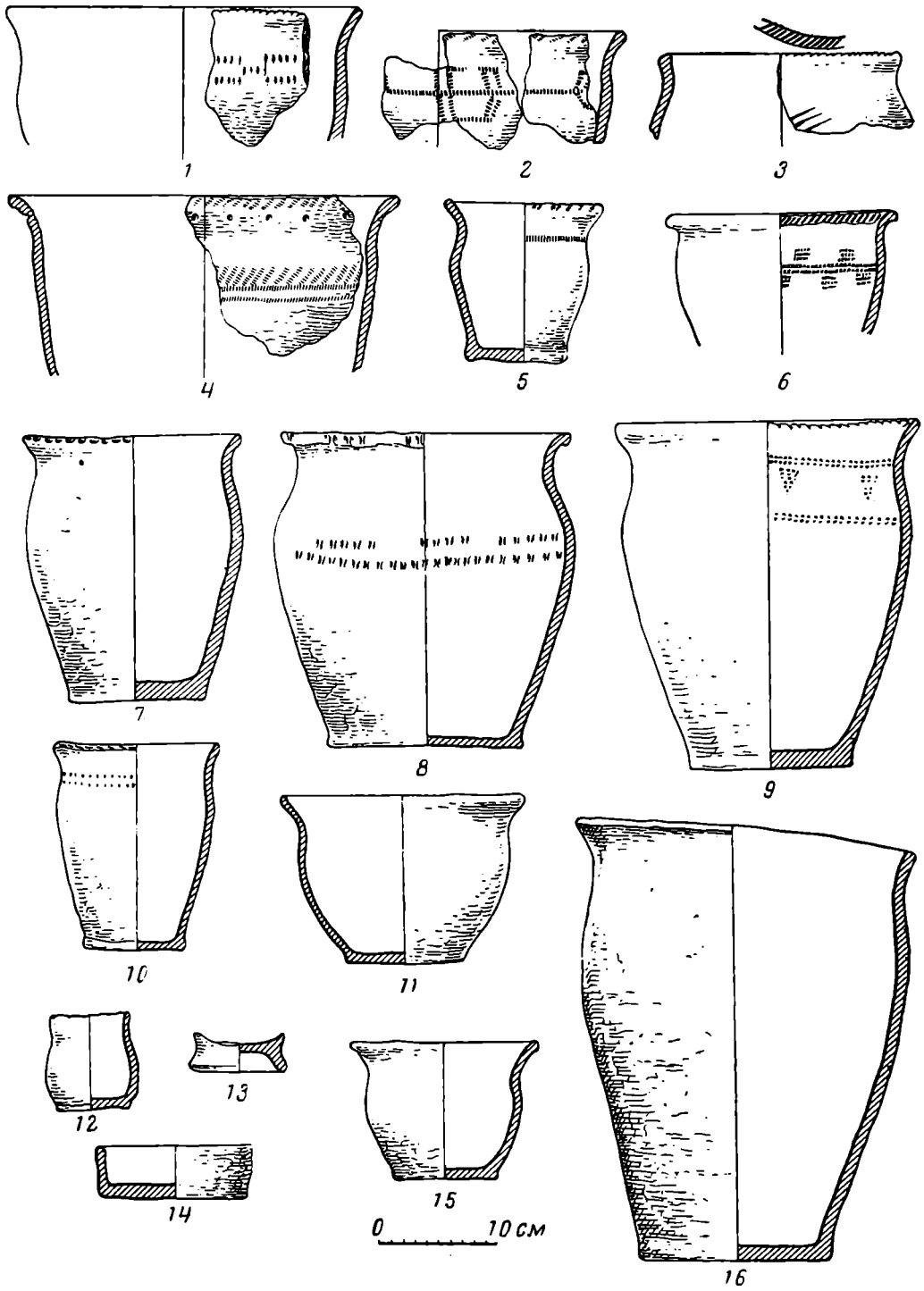


Рис. 5. Посуда из верхнего слоя, нижний горизонт. Гладкостенная с орнаментом:

1 — ногтевой, *2*, *5* — веревочный, *3* — прочерченный, *8* — защипной, *6*, *9*, *10* — штамповый, *4* — комбинированный, *7* — орнамент по краю, *12*, *14—16* — без орнамента, *11*, *13* — лощеная

ванной посуды в это время наблюдается перемещение орнаментального пояса с плечиков на самую широкую часть тулова. В композиционном построении узора намечаются два направления. Преобладающими являются усложненные узоры с выделением отростков от основного пояса (рис. 6, *7—8*). Подобные композиции, но более упрощенные и реже встречающиеся, наблюдались и в нижних горизонтах культурного слоя. С другой стороны, появляются более строгие композиции в виде линейных горизонтальных поясков, нанесенных в несколько рядов (рис. 6, *4—5*). Оба типа композиций выполняются разнообразными приемами: оттисками штампов, прочерчиванием, защипами, веревочкой и др. Интересно отметить наличие

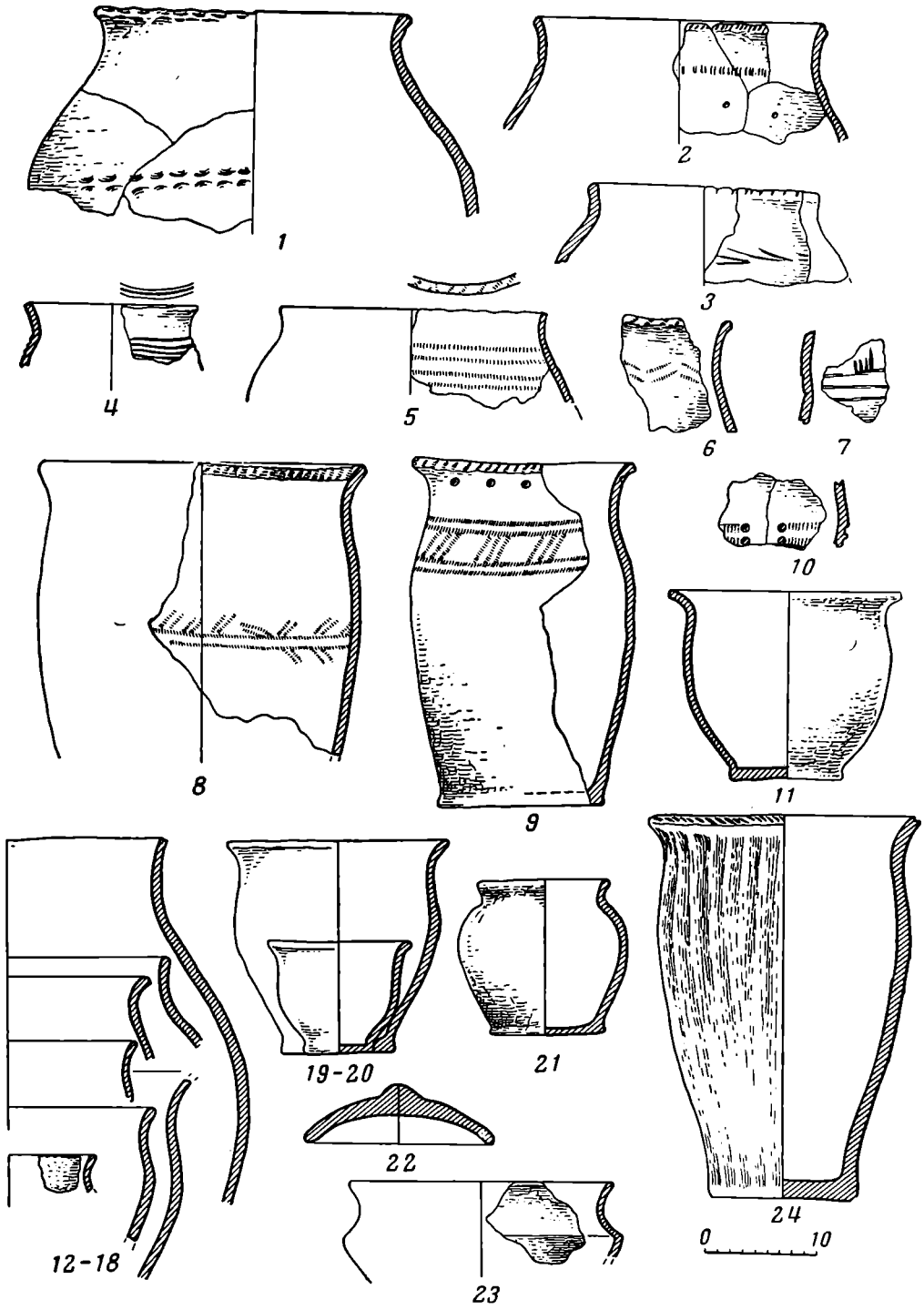


Рис. 6. Посуда из верхнего слоя, верхний горизонт. Гладкостенная с орнаментом:

1 — защипной, *2* — ногтевой, *3, 4, 7* — прочерченный, *5, 6, 8* — веревочный, *9* — комбинированный, *24* — насечки по краю, *11, 21, 22* — без орнамента, *12—20, 23* — лощеная

узоров, известных по посуде роменского типа и также выполненных отпечатками веревочки, перевитой на палочке [26]. Характерной для верхнего горизонта является гладкостенная посуда с орнаментом, нанесенным только по краю в виде насечек, защипов и продольной бороздки.

В верхнем слое Троицкого городища, как и в нижнем, имеются сосуды, на которых узоры нанесены разными приемами. Некоторые из этих узоров, например сочетающие оттиски перевитой веревочки с неглубокой плоской ямкой (рис. 6, *10*), имеют аналогии и в москворецких (Барвиха,

[26] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958; П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948.

Дьяково, Боровский курган), в верхнеокских городищах (Федяшево, Свинухово) и в Тульской группе городищ (Топытковское). Особенно интересны совпадения с находками из Нежданского городища на р. Рузе, которое имеет относительно недолговременный дьяковский слой III—V вв.

Миниатюрные сосуды верхнего слоя (рис. 2, *12—18*, *20—21*) повторяют формы и орнаменты стратиграфически одновременной им посуды. Именно в это время появляются и лощеные миниатюрные сосудики, и даже остроребериые. Заслуживают внимания сосуды с процарапанными на них знаками (рис. 2, *19*, *22*), тождественными знакам на грузиках дьякова типа, найденных в этом же горизонте.

При рассмотрении в целом посуды верхнего слоя Троицкого городища хронологические рамки его существования выявляются довольно определенно. Профилированная посуда с разнообразными орнаментами находит широкие аналогии в верхних слоях дьяковых городищ III—IV вв., распространена она в это время и на верхнеокских городищах. Лощеная и подлощенная посуда широко известна на памятниках IV—V вв., определением этой даты служат сопровождающие ее вещи с эмалями. Посуда с орнаментом только по краю является одной из поздних. Судя по аналогиям, она доживает до VI в., а может быть и позднее. В пользу этого говорят находки ее на Тушемле [27] и в полях погребений на Смоленщине [28], а также на Березняковском, Успенском [29] и других городищах, содержащих отдельные вещи, дата которых может быть продолжена до VI—VII вв. [30]. Присутствие на Троицком городище посуды, близкой к роменской, также позволяет ставить вопрос о более поздней дате. По посуде верхний слой Троицкого городища может быть датирован III—VI вв., а может быть и VII в. Вещевые находки, особенно бронзовые украшения в виде разнообразных привесок, колокольчиков, бляшек, а также красные пастовые бусы Мощинского типа и синие бусы со срезанными углами, как и многие другие вещи, не противоречат этой дате.

Изучение керамического материала Троицкого городища дает основание думать о непрерывности жизни на нем. Совместное нахождение в нижнем слое посуды сетчатой и гладкостенной с орнаментами не оставляет сомнений в их сосуществовании на раннем этапе жизни городища. Со временем происходит естественное отмирание части орнаментальных приемов и форм сосудов и, наряду с этим, дальнейшее развитие других, известных издревле типов. В верхних слоях всегда находится в некотором количестве посуда, характерная для нижележащих. Длительное существование отдельных видов орнамента и композиций узоров, прослеженное от нижних до верхних горизонтов не только на бытовой посуде, но и на миниатюрных сосудах и грузиках дьякова типа,— свидетельство непрерывности поселения.

В комплексе нижнего слоя Троицкого городища, при незначительном количестве сетчатой посуды «собственно дьяковского» характера, отмечается преобладание посуды гладкостенной, часто с орнаментами (защипной, прочерченный и др.), характерными для памятников Верхней Оки, Смоленщины, Литвы, которые связываются с древними балтскими племенами. Наличие грузиков дьякова типа в нижнем слое Троицкого городища также свидетельствует о балтской культуре. В нижнем слое Троицкого городища выявлена столбовая постройка кольцевой конструкции. Подобные постройки известны у древних балтских племен на Смоленщине и в Литве в первых веках нашей эры [31].

---

[27] П. Н. Третьяков. Городища-святилища Смоленщины; его же. Рецензия...

[28] Е. А. Шмидт. Поля погребений и курганы в Смоленской области. СА, 1962, № 4.

[29] А. В. Успенская. Успенское городище. КСИИМК, 68, 1957.

[30] Височное кольцо мерянского типа и кресало на Березняковском городище, прибалтийского типа браслет на Успенском городище и т. п.

[31] V. Daugudis. Aukštadvario pilkalnio itvirtinimai ir pastatai. Тр. АН ЛитССР, серия А, 1 (12), 1962.

Об элементах балтской культуры в комплексе верхнего слоя Троицкого городища говорит, например, наличие грубых сосудов типа Тушемлинских и лощеных, а также ряд вещей, в частности украшений балтских типов. В качестве примера можно привести бронзовую подвеску [32], балтское происхождение которой подтверждается аналогичными находками в восточнолитовских курганах IV—V и начала VI вв. [33].

Указанные элементы в культуре Троицкого городища археологически подтверждают выводы лингвистов о продвижении балтских племен на эту территорию [34]. Ассимилировав местное финно-угорское население, они оставили городища типа Троицкого. Посуда и вещи, соответствующие Троицкому городищу, имеются в верхних слоях большинства городищ Москворечья, однако черты этой культуры более ярко выступают в памятниках, расположенных в области верхнего течения р. Москвы, таких, как Неждинское, Михайловское, Бородинское и Успенское городища.

---

[32] Инв. № 753 — 1959 г.

[33] А. З. Таутавичиус. Восточнолитовские курганы. Сб. «Вопросы этнической истории Прибалтики». М., 1959.

[34] В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, № 2.

В. Б. НИКИТИНА

ПАМЯТНИКИ ПОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛОРУССИИ И НА УКРАИНЕ

Памятники поморской культуры, как известно, распространены не только на территории собственно польского Поморья и Повисленья, но и в западных, сопредельных с Польшей районах Белоруссии и Украины, где они были открыты еще в конце прошлого века. Однако лишь в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. эти восточные, по отношению к основной территории распространения поморской культуры, памятники привлекли к себе внимание археологов. Толчком к этому послужила вышедшая в 1929 г. книга Э. Петерсена, посвященная поморской культуре [1], и опубликованная в следующем году статья К. Таккенберга о переселении в Причерноморье бастарнов, которым якобы принадлежала эта культура [2]. Используя случайные и отрывочные сведения о немногих памятниках поморской культуры, известных к тому времени в западных районах Украины, Э. Петерсен и особенно К. Таккенберг, причисливший к этой культуре даже памятники, никакого отношения к ней не имеющие [3], делали далеко идущие выводы. По их мнению, памятники эти оставлены германцами-бастарнами, переселявшимися в III в. до н. э. из Привислен-ского Поморья в Причерноморье. В качестве доказательства приводилось исчезновение памятников поморской культуры на территории Поморья, имевшее якобы место в это время.

Примерно такой же точки зрения придерживались в те годы в своих работах В. Антоневич [4] и Я. Пастернак [5]. Оба они также приписывали поморскую культуру бастарнам, причем Я. Пастернак считал, что дальнейшему распространению этих памятников помешали племена высоцкой культуры, преградившие им путь к востоку.

В 1933 г. Т. Сулимирский [6], а вслед за ним и М. Кордуба [7] выступили с критикой взглядов Э. Петерсена и К. Таккенберга. Признавая, что

---

[1] E. Petersen. Die frühgermanische Kultur in Ostdeutschland und Polen. Berlin, 1929.

[2] K. Tackenberg. Zu den Wanderungen der Ostgermanen. «Mannus», 22, Leipzig, 1930, стр. 268—295.

[3] J. Kostrzewski. Germanie przedhistoryczni w Polsce. PA, VII, 1946, стр. 66—71; его же. Zagadnienie ciągłosci zaludnienia ziem polskich w pradziejach. Poznań, 1961, стр. 79—80; М. Ю. Смішко. Відносно концепції пра германську належність культури полів поховань. Матеріали і дослідження з археології Прикарпатья і Волині. 3, Київ, 1961, стр. 67—69.

[4] W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1928, стр. 131, 142.

[5] Я. Пастернак. Коротка археологія західно-українських земель. Львів. 1932, стр. 32—35.

[6] T. Sulimirski. Die Kisten- und Glockengräberkultur in Südostpolen. «Swiatowit», XV, Warszawa, 1933, стр. 169—178.

[7] M. Korduba. Die Ostgermanischen handelswege durch die Ukraine um die Mitte des Ersten Jahrtausends vor chr. geb. «Światowit», XV, стр. 179—191.

украинские памятники поморской культуры оставлены древними германцами, они отрицали, однако, принадлежность их бастарнам, которые, по их мнению, были кельтами, а не германцами. В отличие от Э. Петерсена и К. Таккенберга, оба автора утверждали также, что на территории Украины памятники поморской культуры появились не в III в. до н. э., а гораздо раньше, еще в позднегальштатское время (650—500 гг. до н. э.). Германцы при этом заняли небольшую территорию в верховьях Буга, и их влияние не сыграло сколько-нибудь заметной роли в культуре местного населения. М. Кордуба даже считал, что памятники поморской культуры на нашей территории являются следами временных торговых факторий западногерманских купцов, возникших на торговом пути из Германии в Причерноморье.

К памятникам, нанесенным на карту Т. Сулимирским (Белз, Каменка, Жуличи, Увисла, Ульвовек, Звенигород), М. Кордуба поэтому добавил новые, якобы продолжающие эту цепочку торговых факторий далее к юго-востоку, к Черному морю (Новомалин, Острожок, Сербиновка, Вышевичи и т. д.). Памятники эти, однако, никакого отношения к поморской культуре не имели, и причисление их к последней явилось просто недоразумением.

Существовало в те годы и другое мнение об этнической принадлежности украинских памятников поморской культуры и их характере. Ю. Костшевский, например, полагал, что эти памятники имели славянскую принадлежность[8], к этому он пришел после открытия таких памятников в Полесье и Западных районах Белоруссии[9].

Появление памятников в интересующих нас районах он объяснял передвижением сюда каких-то групп славянского населения из более западных, лужицких районов. Культура этого населения как здесь, так и на основной территории распространения поморской культуры постепенно перерастает в культуру исторически известных нам славянских племен.

Как видим, внимание исследователей в довоенный период привлекали главным образом вопросы этнической принадлежности наших памятников поморской культуры. При наличии разногласий, которые, по-видимому, и сейчас еще не могут быть решены окончательно, все исследователи, однако, согласны, что памятники поморской культуры в западных районах Украины и Белоруссии не местные по своему происхождению, а появились там в результате переселения каких-то групп населения из более западных районов Повисленья и Поморья.

Спор идет о хронологических рамках этого переселения, о его характере и территориальном охвате. Раньше, когда исследователи располагали незначительными и отрывочными материалами, происходящими из случайно открытых и не исследованных памятников, вопросы эти, по сути дела, и невозможно было решить.

В сводках материалов, опубликованных в довоенное время В. Антоневичем, Э. Петерсеном, К. Таккенбергом, Т. Сулимирским, М. Кордубой, Л. Козловским, Я. Пастернаком, К. Салевичем и Ю. Костшевским, обычно упоминались одни и те же памятники; Белз, Каменка, Жуличи, Увисла, Ульвовек, Звенигород, Млынище, Зимно, Дубляны, Ратайчицы, Тростяница и Владычица. За исключением Зимно, все это могильники, точнее — отдельные погребения, случайно обнаруженные и разрушенные на могиль-

---

[8] J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Prehistoria ziem polskich. Kraków, 1939—1948, стр. 294—295, 297.

[9] Могильник у с. Млынище и поселение у с. Зимно (A. Cynkałowski. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961, стр. 104—105); могильник у с. Дубляны (T. Sulimirski. Notatki archeologiczne z Małopolski wschodniej. WA, XIV, 1936, стр. 193—195) и могильники у деревень Ратайчицы, Тростяница и Владычица к северу от Бреста (K. Salewicz. Nowe wykopaliska w pow. brzeskim. ZOW, XII, 1937, стр. 168—170).

никах. Около г. Белза Львовской обл., например, было разрушено ящичное погребение, из которого сохранился лишь один глиняный сосуд [10]. Такие же ящичные погребения были разрушены и в могильниках в Каменке Бугской (бывш. Каменка Струмиловская) и в Жуличах этой же области [11]. В с. Увисле Копыченского района Тернопольской обл. на могильнике высоцкой культуры было разрушено урновое погребение поморского типа. Урна из этого погребения опубликована Т. Сулимирским [12]. На другом могильнике высоцкой культуры у с. Вильхове (бывш. Ульвовек) также разрушено два подклешовых погребенья поморского типа, вещи из которых не сохранились [13]. Около г. Звенигорода разрушено погребение, в котором остатки пережженных костей покойника находились в урне, прикрытой сверху миской. Оба сосуда в свое время были опубликованы А. С. Уваровым [14].

Два подклешевых погребения вскрыл А. Цынкаловский в 1933 г. на могильнике у с. Млынище недалеко от Владимира-Волынского, но материалы из них до сих пор не опубликованы [15].

О поселении в Зимно известно лишь, что на нем была вскрыта какая-то «жилищная яма», в которой вместе с обломками глиняных сосудов найдена и железная фибула раннелатенской схемы [16]. Около г. Дубляны разрушено по крайней мере четыре погребения. Судя по сообщению, два из них урновые, одно также урновое, но вокруг обставлено камнями, и одно ящичное. В последнем кроме глиняных сосудов находилась и железная фибула раннелатенской схемы [17].

На могильниках у деревень Ратайчицы, Тростяница и Владычица крестьянами было разрушено по нескольку погребений, в том числе и погребения на каменных вымостках [18]. Помимо глиняных сосудов в погребениях находились каменные и стеклянные бусы и какие-то сплавившиеся бронзовые поделки. Сохранились лишь обломки нескольких глиняных сосудов, некоторые из них были опубликованы Ю. В. Кухаренко уже в послевоенные годы [19].

Это все, что было известно о памятниках поморской культуры на территории СССР до начала второй мировой войны. В послевоенное время внимание археологов было обращено прежде всего на полевые исследования, поскольку ранее собранных материалов было явно недостаточно для каких-либо обобщений.

В 1950 г. Ю. М. Захарук произвел раскопки на могильнике у с. Млынище, открытом в свое время А. Цынкаловским [20]. Было обнаружено пять урновых погребений, содержавших характерные для поморской культуры глиняные сосуды. В одном из погребений был обнаружен обломок бронзового кольца и какие-то сплавившиеся бронзовые поделки. Обломки глиняных сосудов поморского типа были обнаружены Ю. М. Захаруком и во время раскопок на раннеславянском городище в Зимно [21]. В 1953 г.

---

[10] T. Sulimirski, Ук. соч., стр. 170, рис. 1.

[11] L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939, стр. 80, табл. XXII, *10*; T. Sulimirski. Ук. соч., стр. 171, рис. 2, стр. 172, рис. 3.

[12] T. Sulimirski. Kultura wysocka. Kraków, 1931, стр. 104—105, табл. XXX, *7*.

[13] Там же, табл. XXVIII, *3*.

[14] А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, II, М., 1910, стр. 36, табл. XXII, *60*.

[15] A. Cynkałowski. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołynskiego. Warszawa, 1961, стр. 104.

[16] Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 35; A. Cynkałowski. Ук. соч., стр. 105.

[17] T. Sulimirski. Notatki archeologiczne z Małopolski wschodniej.

[18] K. Salewicz. Nowe wykopaliska w pow. brzeskim. ZOW, XII, 1937, стр. 168—170.

[19] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1-29, М., 1961, табл. 5. *17*.

[20] Ю. М. Захарук. Дослідження пам'яток доби бронзи та раннього заліза на Волині в 1950 р. АП, VI, Київ, 1956, стр. 22—23.

[21] Там же, стр. 23.

появилось сообщение В. И. Канивца о находке им обломков сосудов поморской культуры возле с. Дружкополь Берестечковского района [22].

Несколько лет спустя исследование памятников поморской культуры началось и в более северных, полесских районах. Ю. В. Кухаренко открыл неизвестные до этого могильники у с. Головно Любомльского района и у дер. Скробичи около Бреста [23]. Обломки сосудов поморского типа были собраны Ю. В. Кухаренко и на поселении у с. Гуща [24]. Раскопки на нем не производились. На двух же могильниках у с. Головно и на могильнике у дер. Скорбичи в общей сложности было вскрыто 30 погребений, давших весьма интересные материалы, в том числе и датирующие вещи.

Очень важной по результатам оказалась разведка, проведенная И. И. Ляпушкиным в 1958 г. в верховьях р. Турии [25]. Обнаружен ряд поселений, многие из которых, судя по обломкам глиняных сосудов, собранных на них, по-видимому, относятся к поморской культуре (Ягодное, Замостье, Станиславовка, Блаженики и др.). К сожалению, материалы эти до сих пор не опубликованы.

Не менее интересным в смысле определения границ распространения интересующих нас памятников оказалось открытие М. А. Тихановой и Ю. В. Кухаренко могильников поморской культуры далеко на востоке. Имеются в виду могильник у с. Лепесовки в верховьях Горыни, открытый М. А. Тихановой в 1959 г. [26], и могильник в Пинске, обследованный Ю. В. Кухаренко в 1963 г. [27] (рис. 1).

В 1962 г. мною совместно с Ю. В. Кухаренко были произведены раскопки еще на одном «восточном» могильнике поморской культуры — у ст. Дрогичин, западнее Пинска. Здесь также обнаружены погребения с остатками трупосожжений. Причем из пяти погребений, вскрытых нами на могильнике, три были так называемыми ямными, одно урновым и одно подклешевым. В ямных погребениях обломки пережженных костей покойника ссыпаны непосредственно на дно погребальной ямы. В одном случае они были перемешаны с остатками погребального костра — золой и древесными угольками. Никаких вещей, кроме немногих обломков глиняных сосудов, в этих погребениях не обнаружено. В урновом погребении обломки костей находились в глиняном горшке, прикрытом сверху двумя мисками, опрокинутыми вверх дном. В подобном же горшке, прикрытом сверху миской, находились обломки пережженных костей и в подклешевом погребении. Все сосуды лепные, с лощеной или же тщательно сглаженной поверхностью светло-коричневого цвета (рис. 2, *2*, *5*). Среди обломков сосудов из ямных погребений, кроме лощеных, имеются и обломки сосудов с шершавой, в том числе и очень бугристой, так называемой «хроповатой» поверхностью (рис. 3, *8*).

В том же году нами были произведены небольшие раскопки на могильнике у дер. Тростяница к северу от Бреста [28], на котором в свое время вел безуспешные раскопки К. Салевич. На могильнике вскрыты два погребения и большое число ям, заполненных золой, пережженными камнями, железными шлаками и обломками сосудов тех же, в общем, типов, что и сосуды из погребений. Оба погребения содержали трупосожжения. Одно из них ямное, в другом урна была обставлена небольшими валунами, составленными в виде ящика.

---

[22] В. И. Канивец. Памятники лужицкой культуры на территории западных областей Украины. КСИА, 2, 1953, стр. 44.

[23] Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 60, 61—66.

[24] Там же, стр. 61.

[25] И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 1958 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. № 2165.

[26] М. А. Тиханова. Разведка в районе верхнего течения реки Горыни. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 47.

[27] Материалы не опубликованы. Хранятся в Пинском краеведческом музее.

[28] В работе принимала участие И. М. Тюрина, научный сотрудник Белорусского государственного историко-краеведческого музея.

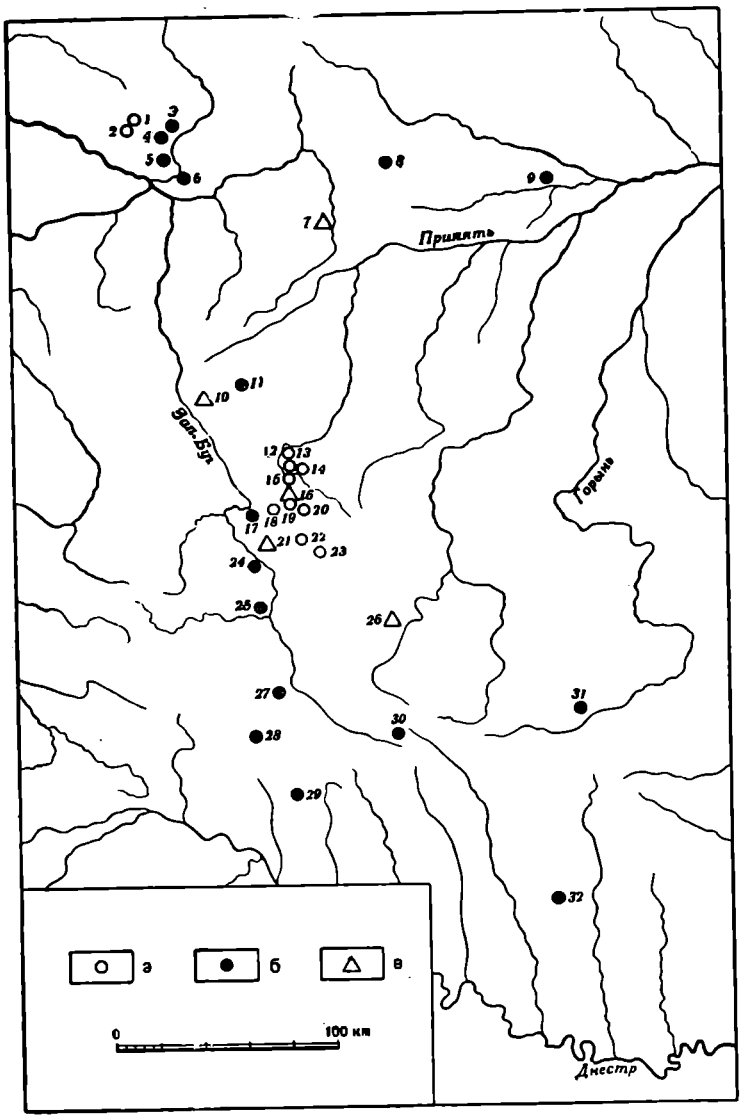


Рис. 1. Памятники поморской культуры на территории СССР

а — поселение, *б* — могильник, *в* — отдельные находки. *1* — Кусичи, Каменецкого района Брестской обл.; *2* — Хмели, Каменецкого района Брестской обл.; *3* — Ратайчицы, Каменецкого района, Брестской обл.; *4* — Тростяница, Каменецкого района Брестской обл.; *5* — Владычица, Брестского района Брестской обл.; *6* — Скорбичи, Брестского района Брестской обл.; *7* — Леликово, Кобринского района Брестской обл.; *8* — Дрогичин, Дрогичинского района Брестской обл.; *9* — Пинск, Пинского района Брестской обл.; *10* — Гуща, Любомльского района Волынской обл.; *11* — Головно, Любомльского района Волынской обл.; *12* — Ягодное, Овадловского района Волынской обл.; *13*— Замостье, Овадловского района Волынской обл.; *14* — Станиславовка, Овадловского района Волынской обл.; *15* — Блаженики, Овадловского района Волынской обл.; *16*— Лежница, Владимиро-Волынского района Волынской обл.; *17*— Млынище, Владимиро-Волынского района Волынской обл.; *18* — Зимно, Владимиро-Волынского района Волынской обл.; *19* — Фалемичи, Владимиро-Волынского района Волынской обл.; *20* — Житаны, Владимиро-Волынского района Волынской обл.; *21* — Кречив, Иваничевского района Волынской обл.; *22* — Маркостав, Владимиро-Волынского района Волынской обл.; *23*— Великий Щенятин, Иваничевского района Волынской обл.; *24* — Вильхове (бывш. Ульвовек), Забужского района Львовской обл.; *25*— Белз, Львовской обл.; *26* — Дружкополь, Берестечковского района Волынской обл.; *27* — Каменка-Бугская, Львовской обл.; *28* — Дубляны, Львовского района Львовской обл.; *29*— Звенигород, Бобрского района Львовской обл.; *30* — Жуличи, Золочевского района Львовской обл.; *31* — Лепесовка, Белогорского района Хмельницкой обл.; *32* — Увисла, Копыченского района Тернопольской обл.

В ямном погребении, кроме обломков большого глиняного сосуда типа клеша с «хроповатой» поверхностью (рис. 4, *4*), найдены железные кольцо и фибула раннелатенской схемы, подобная фибуле из Дублян (рис. 2, *1*).

Обломки пережженных костей во втором погребении были ссыпаны в глиняный горшок-урну, прикрытую сверху покрышкой (рис. 2, *3*). Рядом с урной стояли еще четыре сосуда — кувшин, миска, кружка и сосуд в виде вазы (рис. 3, *1*, *5*, *6*). Все сосуды из этого погребения лепные, чернолощеные.

Среди обломков глиняных сосудов, найденных в ямах, преобладали обломки с нелощеной поверхностью. Многие из них орнаментированы пальцевыми вдавлениями по краю венчика или по плечикам, расчесами по тулову и т. д. Приемы орнаментации в общем напоминают орнаментальные мотивы на сосудах из зарубинецких могильников Полесья. Имеются сосуды, близкие зарубинецким и по форме (рис. 2, *6*).

До последнего времени памятники поморской культуры на нашей территории были представлены лишь могильниками или же отдельными находками, происходящими, вероятнее всего, из разрушенных погребений. Поселения, даже в тех редких случаях, когда становились известными, не исследовались вовсе. Так же обстоит дело с изучением поселений Поморской культуры и на основной территории ее распространения — в Поморье и в Повисленье. Поэтому исследование поселений является первоочередной задачей.

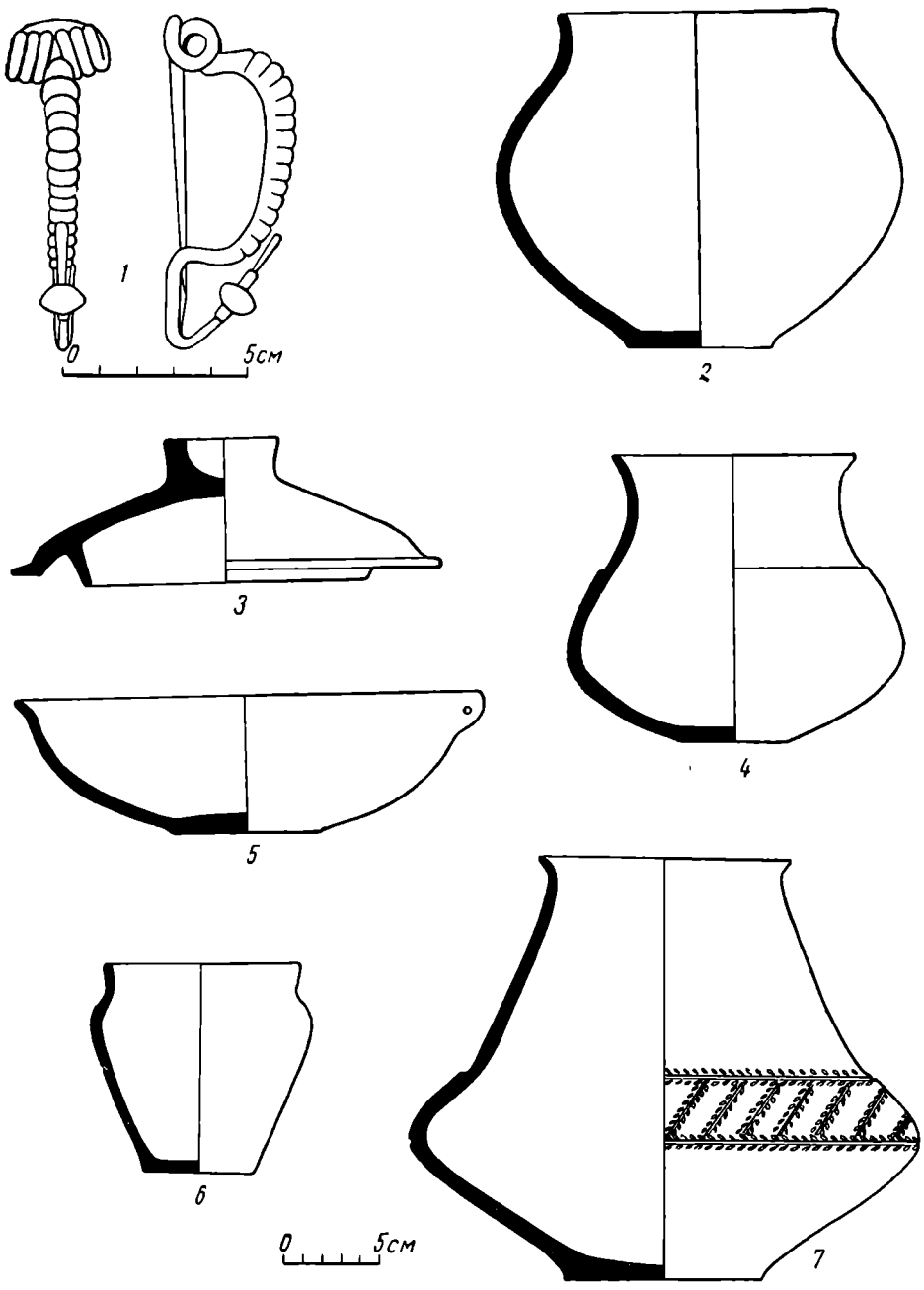


Рис. 2. Предметы из могильников Тростяница, Дрогичин, Головно I, Каменка-Бугская

1 — Тростяница, погр. № 2; *2*, *5* — Дрогичин, погр. № 1; *3* — Тростяница, погр. № 1; *4* — Головно I, погр. № 2; *6* — Тростяница, яма Д; *7* — Каменка-Бугская

В 1963 г. мною, вместе с Ю. В. Кухаренко, были найдены два поселения поморской культуры. Одно из них находится у дер. Хмели, другое — недалеко от него, на окраине дер. Кусичи Каменецкого района Брестской обл. На поселении в дер. Кусичи в том же году были начаты раскопки, которые надеемся продолжать и в дальнейшем.

Поселение неукрепленное. Расположено на пологом склоне левого берега р. Пульвы (приток Западного Буга). Мощность культурного слоя невелика и не превышает 0,4 *м*; его верхний горизонт перепахан. На вспаханной поверхности, а также в толще культурного слоя изредка встречаются обломки глиняных сосудов. Большинство из них лепные, характерные для поморской культуры, остальные, сделанные на кругу — средневековые (встречались только в верхнем, перепаханном горизонте слоя). На вскрытом нами небольшом участке площади поселения (50 $м^2$) обнаружены остатки жилища неправильно-прямоугольной в плане формы.

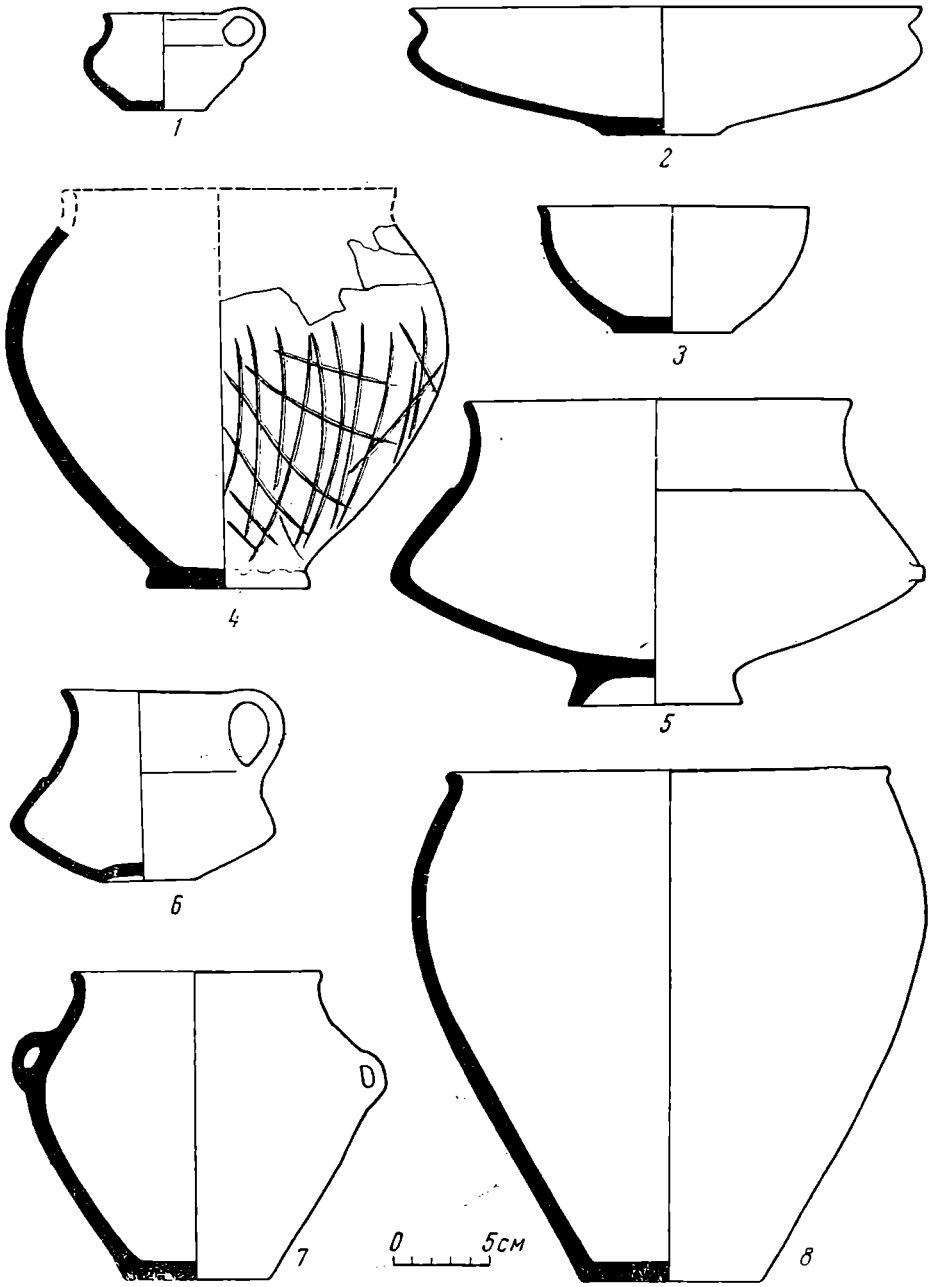


Рис. 3. Глиняные сосуды из могильников Тростяница, Дрогичин, Головно I, Головно II

1, *5*, *6* — Тростяница, погр. № 1; *2* — Головно II, разрушенное погребение; *3*, *7* — Головно II, погр. № 5; *4* — Головно II, погр. № 8; *8* — Дрогичин, погр. № 4

Жилище вытянуто с юго-запада на северо-восток. Длина его 4,5 *м*, ширина около 4 *м*. От стен жилища в толще культурного слоя сохранились лишь камни-валуны на глубине 0,4—0,5 *м* от уровня современной поверхности. В большинстве случаев они залегали непосредственно на материковом песке. Камни лежали на некотором расстоянии (от 0,30 до 1,25 *м*) друг от друга. По-видимому, этими камнями были обложены стены жилища снаружи. Не исключено также, что камни служили основанием стен жилища, как это практикуется кое-где и в настоящее время[29]. Пол жилища песчаный, слегка покатый к центру, у юго-западной стенки находился очаг, сложенный из камней, а в южном углу — второй такой же, но меньше размером. Оба очага были устроены в неглубоких круглых ямах диаметром около 0,5 *м*, заполненных золой и мелкими пережженными

[29] K. Moszyński. Kultura ludowa słowian, I, Kraków, 1929, стр. 507.

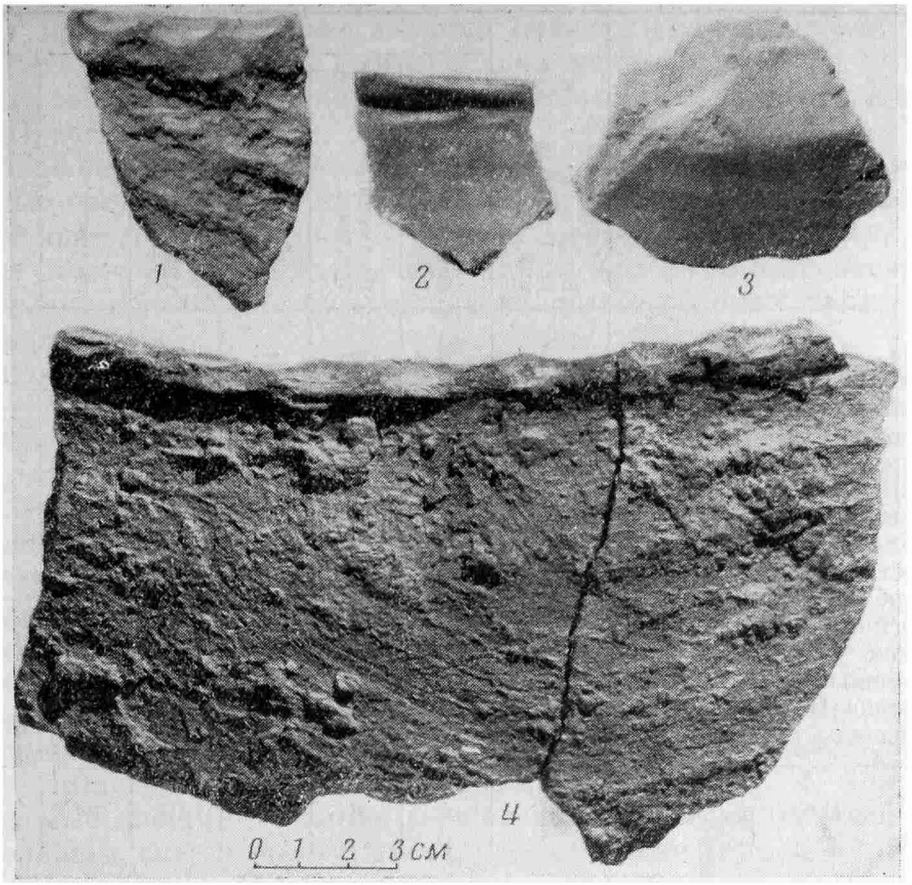


Рис. 4. Фрагменты глиняных сосудов из поселения Кусичи и могильника Тростяница

1—3 — Кусичи; *4* — Тростяница, погр. № 2

камнями. В заполнении первого очага обнаружены два обломка глиняных лепных сосудов поморского типа. Подобные же обломки были обнаружены на полу жилища и в не нарушенной вспашкой части культурного слоя над полом жилища (рис. 4, *1—3*). Вход в жилище, судя по расположению камней, был в противоположной от очагов стене, у восточного угла. Около входа, снаружи жилища, находилась круглая яма, заполненная золой.

В результате работ, проведенных в последние годы, наши представления о памятниках поморской культуры во многих отношениях существенно изменились. Выяснилось, например, что эти памятники распространены на значительно более обширной территории, чем это полагали раньше (рис. 1). Северная граница этой территории проходит примерно по линии от г. Высокое на восток до г. Пинска, восточная — от Пинска через низовья Стыри до верховьев Горыни и Збруча, южная — от Збруча через верховья левых притоков Днестра на Львов. На западе наша группа памятников смыкается с памятниками основной территории распространения поморской культуры, с которыми она и составляет одно целое, одну культуру. Как и на Поморье и в Повисленье, памятники нашей группы представлены неукрепленными поселениями и бескурганными могильниками. Все погребения, вскрытые на могильниках, содержали остатки трупосожжений.

Как и на основной территории распространения поморской культуры, погребения представлены пятью основными видами: ящичные погребения, с каменным ограждением, подклешевые, урновые и ямные. В количественном отношении преобладающими являются ямные и подклешевые погребения, что видно из таблицы.

Могильники	Всего вскрыто или разрушено погребений	В том числе					
		ящичные	с каменным ограждением	подклешевые	урновые	ямные	кенотаф
Белз	1	1	—	—	—	—	—
Каменка Буг	1	1	—	—	—	—	—
Жуличи	1	1	—	—	—	—	—
Увисла	1	—	—	1	—	—	—
Вильхове	4	—	—	2	—	2	—
Звенигород	1	—	—	1	—	—	—
Млынище	7	—	—	2	5	—	—
Дубляны	4	1	1	—	2	—	—
Тростяница	2	—	1	—	—	1	—
Скорбичи	1	—	—	1	—	—	—
Дрогичин	5	—	—	1	1	3	—
Пинск	1	—	—	—	1	—	—
Головно I	3	—	1	2	—	—	—
Головно II	28	—	5	3	—	18	2
Лепесовка	1	—	—	—	1	—	—
Всего	61	4	8	13	10	24	2

Обломки пережженных костей покойника в ямных погребениях ссыпаны непосредственно на дно погребальной ямы. В большинстве случаев они перемешаны с остатками погребального костра. Сосуды, сопровождавшие погребения, почти все фрагментированные, и многих обломков их недостает. В некоторых же погребениях обломки сосудов и другие вещи отсутствуют вовсе.

В подклешевых погребениях обломки костей покойника, как правило, ссыпаны в небольшой глиняный сосуд-урну. Часто, но не всегда, урна сверху покрыта миской, опрокинутой вверх дном. Иногда под урной находится специальная плоская подставка. Во всех случаях миска, накрывающая урну, прикрыта сверху большим глиняным сосудом-клешем, опрокинутым вверх дном.

Сравнительно часто на могильниках встречаются и урновые захоронения. В этих погребениях урна с пережженными костями часто бывает покрыта миской, перевернутой вверх дном.

Очень близки к ним и погребения с каменным ограждением. Чаще всего небольшие валуны расположены прямоугольником.

Ящичные погребения встречаются очень редко и только на тех могильниках, где имеются естественные выходы известняка (Белз, Каменка Бугская, Жуличи, Дубляны). Урны с обломками пережженных костей в этих погребениях находятся в небольших прямоугольных ящиках, стенки которых сложены из плит известняка; сверху ящики накрыты плитами.

Кроме погребений, на некоторых могильниках встречаются ямы (Тростяница, Головно II). Ямы округлые или овальные в плане, глубиной от 0,45 до 1,45 *м*. Диаметр круглых ям колеблется в пределах от 0,3 до 1,2 *м*, размеры овальных — от 0,8 до 1,45 *м* в длину. По характеру заполнения все ямы можно разделить на четыре группы: 1) заполненные только золой и углями; 2) в зольно-угольном заполнении которых находились обломки глиняных сосудов; 3) в зольно-угольном заполнении которых обнаружены железные шлаки и 4) доверху заполненные пережженными камнями. Все обломки глиняных сосудов, найденные в ямах, того же типа,

что и в погребениях. На могильнике Головно II обнаружена небольшая каменная вымостка, как бы имитирующая ящик.

Назначение ям пока непонятно. Подобные ямы известны и на могильниках Повисленья.

В большинстве погребений, вскрытых на могильниках, находились глиняные сосуды или же их обломки. Другие вещи в погребениях встречаются чрезвычайно редко. К ним относятся железные и бронзовая фибулы раннелатенской схемы (рис. 2, *1*), железные и бронзовые кольца, каменные и стеклянные бусы и сплавившиеся обломки каких-то бронзовых поделок.

Глиняные сосуды, найденные как в погребениях, так и на поселениях,— лепные. Многие из них, а на поселениях — большинство, сделаны из глины, содержащей значительные примеси дресвы и песка, и имеют шершавую, часто очень бугристую поверхность коричневого цвета (рис. 4, *1*, *7*). Остальные сосуды сделаны из довольно хорошо отмученной глины и отличаются тщательностью отделки; наружная поверхность у них лощеная, коричневого или черного цвета.

Весьма разнообразны сосуды и по форме: горшки, миски, кувшины, кружки, покрышки, подставки, сосуды в виде ваз. Почти каждый из этих основных типов сосудов представлен несколькими разновидностями. Горшки, например, встречаются приземистые, с низко расположенными плечиками и как бы шаровидным туловом (рис. 2, *2*), довольно стройные, с резко выделенными приземистыми плечиками (рис. 2, *4*, *3*, *7*), и так называемые клеши — большие горшки со слабо выраженными плечиками и небольшим, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *8*). У последних почти всегда очень бугристая, «хроповатая» поверхность и орнаментированный пальцевыми вдавлениями край венчика (рис. 4, *7*). Остальные горшки обычно лощеные. У некоторых из них лощеная только верхняя часть поверхности, а нижняя — очень бугристая, «хроповатая».

Миски, всегда лощеные, встречаются так же часто, как и горшки, но их формы менее разнообразны: почти все они низкие, с плавным изломом бока и слегка отогнутым венчиком (рис. 2, *5*). Миски других пропорций представлены единицами (рис. 3, *2*, *3*). У некоторых имеются небольшие ушки (рис. 2, *5*).

Весьма характерны лощеные кувшины с плоскими ленточными ушками (рис. 3, *6*), небольшие кружки (рис. 3, *1*) и сосуды в виде ваз (рис. 3, *5*). Все они отличаются тщательностью отделки, а вазовидные сосуды, кроме того, иногда богато орнаментированы «елочными» насечками, пальцевыми вдавлениями или же инкрустированы белой пастой (рис. 2, *7*).

Покрышки урн конусовидные, с шишечкой на вершине и специальным бортиком для закрепления в отверстии урны (рис. 2, *3*).

К редко встречающимся формам относится чернолощеный сосуд, найденный в одном из погребений на могильнике у дер. Тростяница (рис. 3, *5*) [30]. Особо следует отметить круглые плоские глиняные тарелки, обломки которых нередко находятся на поселениях, а иногда и в погребениях, где они обычно лежат внизу под урной.

Все без исключения глиняные сосуды, найденные на памятниках поморской культуры на территории СССР, имеют прямые и многочисленные аналогии среди керамики с памятников этой культуры, исследованных на основной территории ее распространения, т. е. в Поморье и в Повисленье [31]. И в этом, как и в особенностях погребального обряда, наши памятники ничем не отличаются от более западных.

---

[30] Близкие по форме сосуды известны по находкам в погребениях на могильниках пшеворской культуры. См. E. Kaszewska. Materiały z cmentarzyska w Zadowicach pow. Kalisz. Prace i materiały Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. 6. Cep. археол. Lódź, 1961, стр. 192—193, 285, табл. III, *1*.

[31] G. Ossowski. Prusy Królewskie, Zabytki przehistoryczne ziem Polskich, cep. I. Kraków, 1879; E. Petersen. Ук. соч.; J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu

Памятники поморской культуры на территории СССР появились на последнем этапе продвижения поморских племен к югу и юго-востоку [32], т. е. не ранее III в. до н. э., и продолжаются еще на протяжении I в. до н. э. Доказательством этого являются не только вещи, найденные в погребениях, но и особенности погребального обряда.

Основанием для датировки являются не только многочисленные аналогии среди керамики из соседних с запада поморских могильников (Тынвалд, Соколовицы, Сохачев-Троянов, Познань-Голенцин, Блонь и др.) [33], но и несомненно кельтские фибулы, найденные на могильниках в Дублянах, Головно II и Тростянице. Фибулы, подобные найденной в Тростянице (рис. 2, *1*), у кельтов появляются примерно в конце III в. до н. э. и бытуют главным образом во II в. до н. э. [34]. Ей аналогична найденная в ящичном погребении на могильнике в Дублянах железная фибула также раннелатенской схемы. Т. Сулимирский ее датировал IV в. до н. э. [35], но уже И. Гунияди относит подобные фибулы к более позднему времени [36], а Я. Филип — к концу III—II вв. до н. э. [37]. Близкой по типу фибулам из Тростяницы и Дублян является фибула из погр. № 10 могильника Головно II.

Ящичные погребения на могильниках в Дублянах, Белзе, Жуличах и Каменке Бугской относятся к III в. до н. э., что подтверждает фибула из Дублян. На основной территории распространения памятников поморской культуры на Поморье и в Повисленье ящичные погребения также встречаются в ранне- и среднелатенское время. Как и на нашей территории, они там в это время немногочисленны и содержат, как правило, одну урну [38], что наблюдается и в наших могильниках.

О функционировании могильников поморской культуры на нашей территории еще в I в. до н. э. свидетельствуют как вещи, найденные в погребениях, так и особенности погребального обряда.

Одну треть всех погребений на наших могильниках составляют ямные погребения, характерные для самого позднего этапа развития поморской культуры [39]. Наличие урновых (Головно II, погр. № 5, 8) и ямных (Дрогичин, погр. № 3, Головно II, погр. № 1, 2, 4, 7, 14, 19, 22 и др.) погребений с остатками погребального костра, а также со следами расплавленных металлических предметов (Дрогичин, погр. № 2) и пережженных сосудов (Головно II, погр. № 5) свидетельствуют о существовании могильников в позднелатенское время [40], что подтверждается и спорадическим появлением позднелатенских форм сосудов. Так, чернолощеный горшок из могильника в Тростянице (рис. 2, *6*) аналогичен горшкам из погребений зарубинецкой культуры I в. до н. э.— I. в. н. э. (Велемичи I, погр. № 23, Воронино, погр. № 47) [41], миска из разрушенного погребения

---

wędrówek ludów. Prehistoria ziem polskich. Kraków, 1939—1948, табл. 80; S. Nosek. Kultura grobów skrzynkowych i podkloszowych w Polsce południowo — zachodniej. Kraków, 1946, табл. I—XXI.

[32] J. Kostrzewski. Ук. соч., стр. 298.

[33] A. Łuka. Cmentarzysko z wczesnego i środkowego okresu lateńskiego w Tynwałdzie, pow. suski SA, 5, 1956, стр. 347—350; L. J. Łuka. Cmetarzysko z wczesnego i środkowego okresu latenskiego w Sokołowicach w pow. kościańskim. Fontes praehistorici, III, Poznań, 1963, стр. 142; H. Różańska. Sprawozdanie z badań ratownicyzych na cmentarzysku w Sochaczewie-Trojanowie za lata 1959—1960, WA, XXVIII, стр. 183; J. Kostrzewski. Cmetarzysko z wczesnego i środkowego okresu latenskiego w Golęcinie w pow. poznańskim wschodnim. SO, V, 1926, стр. 81; S. Nosek, Ук. соч., стр. 81—86.

[34] J. Filip. Keltové ve středni Evropě. Praha, 1956, стр. 428, табл. LVIII, 16; Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, стр. 88, рис. 21.

[35] T. Sulimirski. Notatki archeologiczne..., стр. 193—195.

[36] I. Hunyady. Die Kelten im Karpatenbecken, I, Budapest, 1944, стр. 71—72, табл. XIX, *5*, *9*, *10—12*.

[37] J. Filip. Ук. соч., стр. 428, табл. LVIII, *16*.

[38] A. Łuka. Ук. соч., стр. 349; J. Kostrzewski. Cmentarzysko..., стр. 80.

[39] A. Łuka. Ук. соч., стр. 348—349; L. J. Łuka. Ук. соч., стр. 141.

[40] J. Kostrzewski. Cmentarzysko..., стр. 81.

[41] Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., табл. 14, *20*; 42, *11*.

(рис. 3, *2*) и урна из погр. № 1 могильника Головно I аналогичны сосудам из погр. № 5 и 115 могильника Велемичи I [42]. Позднелатенскую форму имеет и урна из погр. № 9 в Головно II.

В посуде пшеворской культуры имеют аналогии урна из погр. № 8 на могильнике Головно II (рис. 3, *4*) и чернолощеный вазовидный сосуд из Тростяницы (рис. 3, *5*) [43].

Поселения поморской культуры на территории СССР одновременны могильникам III—I вв. до н. э. Это подтверждается как керамическими находками, так и сведениями о находке в жилищной яме в Зимно железной фибулы раннелатенской схемы [44].

Существует мнение, что памятники поморской культуры на нашей территории появились в результате переселения сюда в III в. до н. э. населения из более западных областей [45]. По-видимому, это действительно так, поскольку на основной территории распространения нашей группы памятников поморской культуры для предшествующего времени неизвестны памятники какой-либо другой культуры, из которой могла бы образоваться поморская. Лишь в сравнительно небольшом районе на юго-западе этой территории, в верховьях Буга, имеется небольшое число памятников лужицкой культуры. Памятники поморской культуры распространены на более обширной территории. Не отрицая возможности генетической связи памятников поморской культуры с лужицкими в районах где были распространены последние, трудно объяснить, однако, появление их путем преобразования из лужицких памятников там, где последних не было. А как мы видели, поморские памятники возникают одновременно на большой территории. В частности, в северных памятниках поморской культуры лужицкие элементы не прослеживаются и аналогичны памятникам Поморья.

Поморская культура на нашей территории существовала вплоть до I в. до н. э., когда в северных районах ее памятники сменяются зарубинецкими, а на юго-западе — пшеворскими [46].

Насколько можно судить по современному состоянию материалов, между поморской культурой и зарубинецкой и пшеворской существуют генетические связи. Об этом уже писал Ю. В. Кухаренко [47], это подтверждается и некоторыми новыми керамическими материалами (сосуды из Тростяницы — рис. 2, *6*) и деталями погребального обряда. Керамика, аналогичная зарубинецкой, встречается вместе с типично поморской как в урновых погребениях, так и в ямных.

---

[42] Там же, табл. 13, *19*; 22, *26*.

[43] Е. Kaszewska. Ук. соч., стр. 192—193, 285.

[44] Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 35.

[45] J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów, стр. 294—295, 297.

[46] М. Смішко. Доба полів поховань в західних областях УРСР. «Археологія», II, Київ, 1948, стр. 109, карта I.

[47] Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, 1, стр. 289—300.

Б. А. ШЕЛКОВНИКОВ

РУССКОЕ СТЕКЛО ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ, РАСПИСАННОЕ ЭМАЛЯМИ

Наличие в Киевской Руси производства стеклянных изделий, в частности посуды, и эмалевых порошков для заполнения ячеек перегородчатой эмали, с одной стороны, и обнаруженные раскопками печи для обжига украшенных эмалью ювелирных изделий, с другой, подсказывают мысль о вероятности производства на Руси расписных стеклянных изделий. Действительно, трудно себе представить, чтобы русские ювелиры и стеклоделы, изготовляя эмалевые порошки, годные не только для заполнения ячеек перегородчатых эмалей, но и для росписи стекла, и имея под рукой нужные для обжига расписанного стекла печи и стеклянные изделия местного производства, воздерживались от их росписи. Дело было выгодное, так как росписью стеклянная посуда не только украшалась, но и одновременно повышалась в цене. Для этого нужна была лишь идея о возможности такого использования имеющихся в наличии технических условий. Конечно, подобная идея могла не прийти в голову мастерам, не знакомым с расписным стеклом. Но немыслимо себе представить, чтобы на Руси и, в частности, в Киеве, при его связях с Византией, не знали о существовании расписного стекла. Очевидность последнего подтверждается древнерусским керамическим производством. Ведь на Руси не только украшали эмалями керамические плитки, но и расписывали эмалями белоглиняную керамику в технике, близкой к росписи стеклянных изделий. Все эти соображения говорят о том, что роспись стеклянных изделий должна была существовать в домонгольское время [1].

На все изложенные выше рассуждения может последовать одно существенное возражение: расписанное стекло производилось, но где же доказательства, где украшенные росписью стеклянные изделия,— почему их нет? Здесь следует остановиться на одном существенном обстоятельстве. Столь хрупкие изделия, как стекло, было трудно хранить, и когда обычай захоронения с покойником бытовых предметов прекратился, подобные предметы почти не сохранились, причем даже в странах, бесспорно производивших стекло. Так, в коллекциях стран Западной Европы имеются стеклянные изделия раннего средневековья до VII в. включительно, и только в единичных экземплярах предметы из стекла X—XII вв. [2]. Несмотря на то, что уже в XIII в. венецианское стеклоделие получило значительное

---

[1] Б. А. Шелковников. Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями. СА, XXIII, 1955, стр. 169—182.

[2] Об этом говорят авторы, исследующие европейское стекло: R. Schmidt. Das Glas. Berlin, 1922, стр. 32—33; J. Barrlet. La verrerie en France. Paris, 1953, стр. 19, 28—29; R. Chambon. L'Histoire de la verrerie en Belgique du IIe siècle à nos jours. Bruxelles, 1955, стр. 34, 35, 38.

развитие[3], до XV в. совершенно не сохранилось этих изделий. Почти то же наблюдается со стеклом византийским. Не только свидетельство монаха Феофила, но и само становление производства венецианского стекла, расцветшего, так сказать, «на костях» византийского стеклоделия после разгрома Константинополя в 1204 г., говорит о его международном значении, в частности стекла, расписанного эмалями и золотом, а памятников, за исключением чаши в соборе Святого Марка, вывезенной из Константинополя после его захвата, до последнего времени не было известно. Лишь раскопки в Коринфе и Двине увеличили количество византийского расписного стекла до трех экземпляров, не считая нескольких фрагментов[4]. Все это говорит о том, что полное отсутствие памятников не может опровергнуть мысль, построенную логически, на основе точных и действительных предпосылок, о существовании в той или иной стране в определенные эпохи стеклянного производства.

Вернувшись к стеклу русскому, полезно высказать еще одно соображение. Искать расписные стекла надлежит не в мастерских, живших стекло и украшавших его в горячем виде налепами в виде лент и вити, как обнаруженная Богусевичем мастерская Киево-Печерской лавры, а в мастерских эмальерных. Стекла расписывают уже выработанные и охлажденные. Обжиг после росписи, необходимый для прочного прикрепления красок к поверхности стекла, должен производиться при температуре более низкой, чем температура его варки. Последнее следует хотя бы из того, что при температуре варки вследствие размягчения произошла бы деформация, а затем и расплавление расписанных изделий. Поэтому эмали, служащие для росписи, должны быть обязательно легкоплавкими, чтобы размягчение и расплавление их, нужное для прочного соединения с поверхностью стеклянных предметов, происходило при температуре значительно более низкой, чем температура не только варки, но и размягчения материала, из которого изготовлен сосуд. Тем самым стекло расписываемых изделий должно быть более тугоплавким, чем эмали. Легкоплавкость стеклянных изделий достигается введением значительного количества свинца, поэтому эмали являются стеклами свинцовыми, изделия же, годные для росписи, изготовлялись из стекла щелочного, калиевого или натриевого. В современном производстве на заводах художественного стекла имеются печи двух типов как для варки стекла, так и муфельные, для обжига расписанных изделий.

В средние века, когда стеклоделательные мастерские были предприятиями небольшими, вряд ли они были оснащены печами двух типов. Косвенно это подтверждается одним обстоятельством из истории русского, вернее украинского стеклоделия. В северных и северо-западных районах Украины в послемонгольское время вплоть до XVIII в. существовало, обычно в поселениях сельского типа, множество стеклоделательных заведений — гут — в большинстве небольших и бедно оборудованных. Они имели лишь печи для варки стекла и поэтому расписывали стеклянные изделия не эмалями, а масляными красками, не требующими обжига. Если средневековые стеклоделательные мастерские имели печи лишь одного типа, для варки стекла, то где же могла производиться роспись стекла,

---

[3] Сохранилось много литературных свидетельств о венецианском средневековом стеклоделии, с которыми можно познакомиться в книге: А. Н. Кубе. Венецианское стекло. Птрг., 1923. Интересные сведения приведены в крайне занимательной книге Г. Харт. Венецианец Марко Поло. М., 1956. На стр. 84 помещено описание праздничного шествия стеклодувов по улицам Венеции в 1268 г. по случаю избрания дожем Лоренцо Тьеполо. Взято из венецианской хроники Мартино да Канале.

[4] Все три предмета изданы Р. М. Джанполадян. Стеклянный сосуд из Двина. КСИИМК АН СССР, 60, 1955, рис. 51—53. В Коринфе помимо флакона высотой 21 *см* найдено еще пять незначительных осколков расписного стекла. G. R. Davidson. The Minor Objects, XII, Princeton, New Jersey, 1952, № 750, табл. 58 и осколки стекла № 751—755, та же таблица. Автор датирует изделия XI — первой половиной XII в.

требующая муфельного обжига? Ответ ясен: в мастерских ювелирных, так как печи, нужные для обжига украшенных эмалями ювелирных изделий, годились и для обжига расписанных по существу теми же эмалями стеклянных предметов. Здесь все было под рукой — и эмалевые порошки для росписи, и нужные печи. В виду тесной связи этих двух ремесел не случайно, что такая «классическая» страна перегородчатых эмалей, как Византия, одновременно славилась расписными стеклами.

Подтверждением высказанного предположения о производстве на Руси расписного стекла является важное, к сожалению слишком краткое, свидетельство Хвойко о том, что им при раскопках 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского в Киеве ювелирной мастерской было найдено несколько раздавленных сосудов расписного стекла [5]. Записи Хвойко не дают описания этих сосудов, сами же памятники утрачены. Лишь спустя более 50 лет археологическая экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Ф. Д. Гуревич в 1958 и 1959 гг. в Новогрудке среди остатков частных домов обнаружила серию замечательных стеклянных изделий разных форм и различно украшенных и среди них расписное стекло, датируемое по условиям находки второй половиной XII — началом XIII в. К сожалению, в настоящей статье можно говорить лишь о двух, изданных в 1961 г. сосудах [6], хотя они являются далеко не единственными и не лучшими среди найденных в Новогрудке расписных стекол. Для раскрытия значения раскопок в Новогрудке следует упомянуть о находке в 1960 г. толстостенного стакана с резной орнаментацией типа изделий так называемого «стекла св. Ядвиги», представленного в европейских собраниях считанными экземплярами. Остановимся на двух сосудах: стопе из окрашенного марганцем лилового стекла (20 *см* высоты, диаметр основания 6 *см*), найденной в 1958 г., и цилиндрическом флаконе синего стекла, узком и длинном (17,5 *см* длины, 5,5 *см* ширины), найденном в 1959 г. Оба предмета разбиты на много кусков, и их форма и размеры восстановлены реконструкцией, произведенной научным сотрудником М. В. Марецкой-Малевич и художником Е. А. Матвеевым. Первый сосуд расписан золотом, второй — золотом и белой эмалью. От длительного лежания в земле золото почти целиком утрачено, остались лишь красноватые следы от него, позволяющие восстановить узор.

---

[5] Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. СА, XXV, 1956, стр. 329. Краткость записей Хвойко не дает нам возможности судить о том, какие были печи и какого рода стеклоделие происходило в одном помещении с ювелирным ремеслом. Вероятно, здесь лишь изготовляли браслеты и кольца, варка же стекла и выдувание полых сосудов не происходили. Последнее вряд ли возможно в одном помещении с изготовлением ювелирных изделий.

[6] Оба сосуда изданы Р. М. Джанполадян. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. ВВ, XIX, 1961. Автор относит оба сосуда к Византии.

Небольшой фрагмент расписанного золотом стекла, найденный в Новгороде, упомянут в статье Ю. Л. Щаповой. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в XI—XII вв. ВВ, XIX, 1961. Автор по осколкам ничтожных размеров дает произвольную реконструкцию изделий, в частности и по осколку с золочением. Из этих реконструкций, симметрично начерченных, автор делает бездоказательный вывод о том, что они выдувались в форму, и утверждает, что эти изделия изготовляли греки с большим мастерством, выдувая в форму, в то время как русские мастера выдували посуду свободно. Видимо, автор не знает, что выдувание в форму требует значительно меньше мастерства, чем выдувание свободное (стр. 62—70). Все это лишает нас возможности использовать статью Щаповой с ошибочным выводом о существовании в Киеве, изолированно от русского, греческого стеклоделия в течение почти трех веков. Утверждение, что русские мастера работали только со свинцовым стеклом, греки же со щелочным, опровергается химическими анализами, произведенными М. А. Безбородовым, так как в мастерской Киево-Печерской лавры были обнаружены стекла обоих составов. М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 233, 236, анализы 133, 134 и 155.

Прежде чем обратиться к сравнительному изучению как в техническом, так и стилистическом отношении обоих сосудов, остановимся на описании каждого сосуда в отдельности.

Стопа имеет вытянутое тулово, слегка расширяющееся к устью и ко дну, и невысокую кольцевую ножку, сформованную налепленной узкой стеклянной лентой (рис. 1). Последняя сообщает сосуду, несмотря на его высоту, устойчивость. Почти вся поверхность расписана золотом.

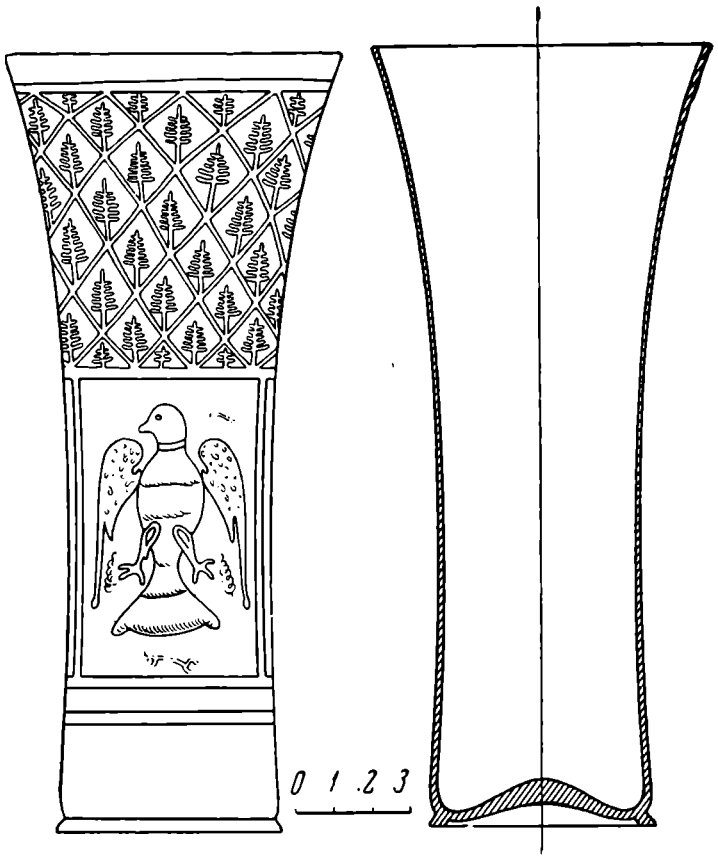


Рис. 1. Стопа фиолетового стекла, расписанного золотом. XII в. Найдена в Новогрудке в 1958 г., высота 20 *см* (реконструкция Е. А. Дмитриева)

Верхняя часть сосуда покрыта ромбической сеткой. Косое ее положение выбрано художником не случайно, так как в каждую клеточку помещена растущая из нижнего угла вверх елочка, несмотря на обобщение и примитивность рисунка, верно схваченная художником. Ниже сетки тулово стопы разделено вертикальными тягами на два прямоугольных поля. В каждое поле помещена птица в геральдической позе. Голова птицы плохо сохранилась, видны вся шея и начало головы, позволившие художнику воспроизвести изображение голубя. Поза птицы сходна со стилизованным изображением геральдического орла на массивном резком стакане, получившем название «стекол св. Ядвиги» (находившегося в Амстердаме) [7]. Сходство настолько значительно, что невольно возникает мысль, не видел ли художник, расписывавший стопу, стекла, подобные амстердамскому стакану. Вертикально поставленные геральдические орлы встречаются не только на стеклах св. Ядвиги. Например, на золотой пластинке музея в Кливлэнде, видимо византийского происхождения, есть подобное изображение, но там сходство меньше, крылья орла подняты, а ноги сдвинуты вместе [8]. Наконец, геральдический орел в том же положении изображен на

[7] А. А. Карбоньер. Каталог предметов стеклянного производства и живописи по стеклу. СПб., 1893, рис. 18.

[8] Bulletin of the Cleveland Museum, 1947; Collection Hélène Stathatos. Les objets byzantins et post-byzantins. Limoges, 1957, стр. 30, рис. 14.

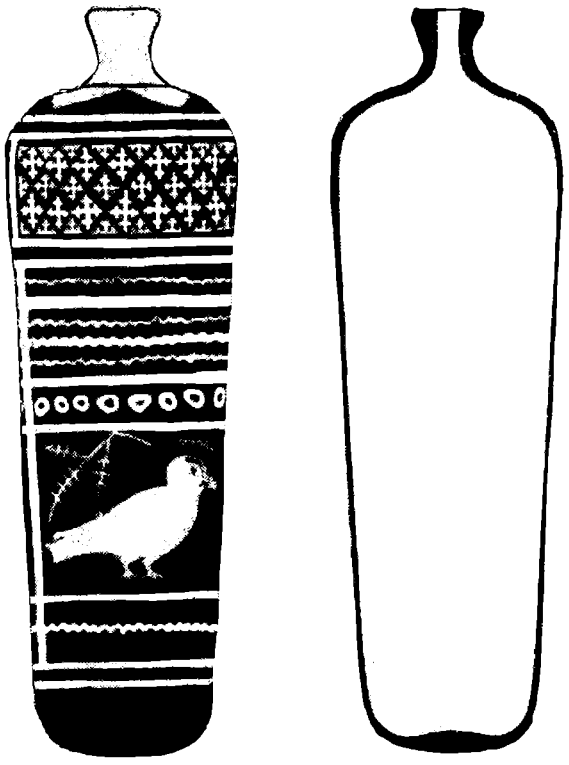


Рис. 2. Флакон синего стекла, расписанного белой эмалью и золотом. XII в. Найден в Новогрудке в 1959 г., высота 17,4 *см* (реконструкция Е. А. Дмитриева)

правой средней шиферной плите хоров Софийского собора в Киеве.

Художник, если и видел изображения орлов, рисуя птицу на стакане резного стекла, радикально изменил голову, посадив ее на короткую шею, и вместо хищника изобразил мирного голубя, но в геральдической позе грозного орла. Ниже полей с птицами на стопе расположены две обводки. Пространство вокруг птиц заполнено веточками, похожими на веточки елочек, помещенных в ромбах, но срезанными и небрежно брошенными на свободное пространство. Художник не стремился к правильности рисунка виденного им геральдического орла, он превратил его в голубя, ромбическая сетка неправильна, пересекающиеся линии небрежны, поэтому все ячейки разной величины, так же как помещенные в них елочки. Но все это не умаляет достоинств художника, он создал живую и непосредственную орнаментацию, хорошо композиционно построенную. Все отмеченное нами наводит на мысль о народном искусстве, с которым художник, видимо, даже если он и был горожанин, не порывал живых связей.

Перейдем теперь ко второму предмету — флакону вытянутой формы с небольшим горлышком и закругленным, слегка вдавленным внутрь дном (рис. 2). Все тулово флакона (так же как и у стопы) поперечно расчленено, но это членение более сильно выражено. Наверху расположен пояс, заполненный рядами крестиков с перекрещенными концами, попеременно белыми и золотыми. Ниже пояса, в обхват тулова, расположен ряд белых полос, с волнистыми линиями между ними. Еще ниже нанесен узкий пояс с рядом кружков. Далее идет широкая кайма и ниже ее снова полосы и волнистая линия. Вся эта горизонтальная орнаментация пересечена, как и на стопе, вертикальными тягами, делящими широкую кайму на трапециевидные поля с правдиво переданным голубем. Вокруг голубя на свободное пространство брошены срезанные веточки ели.

Роспись обоих предметов, кажущаяся на первый взгляд различной, при внимательном рассмотрении оказывается сходной как по композиции, так и по отдельным мотивам. Похожи характер и манера изображений. Как на стопе, так и на флаконе художник расписывал свободно, не стремясь к правильности выбранных им простейших узоров. Здесь также невольно вспоминается народное искусство примитивное, непосредственное и, вместе с тем, умеющее правдиво передать природу. Все говорит о том, что оба предмета не только вышли из одной мастерской, но и, видимо, расписывались одним мастером.

Хотя наличие в Киевской Руси всех необходимых условий для производства расписных стекол и находки в эмальерной мастерской Киева расписных стеклянных сосудов дают нам полное основание относить сосуды из Новогрудка к русскому производству, мы все же обратимся к расписи-

ному стеклу стран, его производивших. К этому нас вынуждают следующие соображения. Сосуды закрытой формы, как флакон, являясь вместилищем для снадобий или благовоний, могли быть завезены в страны развитого стеклоделия, не считаясь с конкуренцией местной продукции, так как были тарой для содержимого. В противоположность им, завоз тонкостенных стеклянных сосудов открытой формы, даже столь качественных, как рассматриваемая нами стопа, не может оправдать, вследствие хрупкости, риск и расходы дальней перевозки при наличии местного производства. Как исключение не являясь товаром, завоз отдельных предметов все же возможен в виде подарка или приданого.

Сравним сначала новогрудские сосуды с продукцией Византии, с которой в домонгольское время поддерживались торговые, религиозные и династические связи. Далее обратимся к Востоку и Западной Европе.

Начнем с формы. Формы обоих сосудов из Новогрудка ничем особенным не примечательны и менее индивидуальны, чем описанная выше роспись. Оба предмета имеют удлиненные пропорции в стекле, при выдувании легко получающиеся и поэтому в разных странах встречающиеся независимо от каких-либо воздействий или влияний. Могут иметь значение лишь мелкие, на первый взгляд незаметные детали, характерные для той или иной страны, вернее мастерской. Форма стопы чрезвычайно распространена, в особенности среди расписных стеклянных изделий XII—XIII вв. Объясняется это, видимо, тем, что приближающееся к цилиндру тулово сосудов этой формы удобно для росписи. В общих чертах формы их похожи, да и размеры не сильно отличаются, видимо, лимитированные практической целесообразностью. В подавляющем большинстве стопы суживаются к основанию, лишь редко тулово их цилиндрично, и никогда оно не расширяется книзу. В изданных К. Ламмом [9] стопах восточного расписного стекла нет ни одной книзу расширяющейся, как стопа Новогрудка. Видимо, это является местной особенностью, тем более что у стопок, найденных в Киеве, в мастерской Киево-Печерской лавры, мы наблюдаем то же явление [10]. Форма флакона также проста и встречается у египетских бальзамариев I тысячелетия до н. э. Сосуды той же формы найдены в Керчи, датируемые «римским» временем. Рассматриваемая форма тем элементарна, что по существу является первичной выдутой стеклянной заготовкой, лишь слегка вытянутой. Обращает на себя внимание, что среди расписных стекол XI—XII вв. эта форма встречается как исключение. Кроме флакона из Новогрудка, где найдены еще фрагменты от двух подобных сосудов, мне известны лишь четыре предмета, и среди них флакон, найденный в Коринфе. Близки к ним египетские флаконы, но они имеют не круглое сечение, а семигранное [11], возможно, для расписных нарядных флаконов эта форма казалась слишком простой. Форма флакона из Коринфа та же, что и сосуда из Новогрудка. Они не вполне симметричны, так как были выдуты свободно, при этом нужно учесть, что художники, реконструируя формы из обломков, часто исправляют их неправильности. Одна лишь деталь отличает флакон Новогрудка от коринфского — горло последнего выше и у́же, чем у первого.

Перейдем к росписи. В настоящее время известны три предмета расписного византийского стекла, не считая фрагментов,— это вывезенная из Константинополя сине-фиолетовая ваза ризницы св. Марка в Венеции (рис. 3) [12], флакон синего стекла, найденный в Двине (Армения), и,

---

[9] C. J. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschmittarbeiten aus dem Nahen Osten. I—II. Berlin, 1930.

[10] Б. А. Шелковников. Стекло Киевской Руси X—XIII веков. ВВ, XVI, 1959, рис. 6, стр. 121.

[11] C. Lamm. Ук. соч., табл. 40, *10*, *11*.

[12] Иллюстрация взята из книги: A. Pasini. Il Tesoro di San Marco. Venezia, 1885, рис. 82.

Рис. 3. Чаша сине-фиолетового стекла, расписанного эмалями и золотом. Византия XI—XII вв., высота 12 *см*

наконец, флакон, найденный в Коринфе [13], о котором мы уже говорили (рис. 4) [14]. При сопоставлении этих трех предметов легко обнаруживается большое сходство, при этом не только в стиле, но и в композиции и отдельных узорах. Все три предмета украшены геометрически правильными круглыми медальонами, расположенными или в ряд, охватывающий тулово сосуда кругом, как на чаше из собора св. Марка и флаконе из Двина, или ритмично распределенными по всей поверхности, как на флаконе из Коринфа. Последний пример особо примечателен для выявления стиля. Узкая и длинная форма флакона сама подсказывает разбивку поверхности горизонтальным членением, что облегчило бы художнику его роспись. Но византийский мастер на это не пошел и, не испугавшись трудностей, блестяще справился со своей задачей. Придерживаясь традиционного расположения дисков в ряды, он лишь несколько раздвинул их и поместил диски среднего ряда не прямо над нижним, а над образовавшимися промежутками, что позволило разместить их на поверхности более компактно. Вся композиция отличается стройностью и геометрической правильностью. Центры дисков верхнего и нижнего рядов лежат на вертикали, центры же всех трех рядов — на прямой диагонали.

Помимо правильности и ритмичности, избранная художником композиция замечательна тем, что помещенные в диски птицы в растительном окружении всегда, как бы ни поворачивали флакон, целиком видимы или в среднем ряду или в крайних. При таком строгом распределении узоров никакое вольное обращение с размерами и формой их невозможно, так как оно неизбежно нарушило бы стройность и совершенство композиции. В этом существенное отличие стиля росписи коринфского флакона от флакона Новогрудка. Для последнего, как было уже отмечено, отсутствие

---

[13] Все три помещены в статье Р. М. Джанполадян. Стеклянный сосуд из Двина, рис. 51—53.

[14] Иллюстрация взята из статьи: G. R. Davidson. A Mediaeval Glass-Factory at Corinth. AJA, XLIV, 1940, 3. В Коринфе найдено еще пять фрагментов расписного стекла. К. Ламм издает два флакона синего и голубого стекла по стилю росписи византийского происхождения. C. Lamm. Ук. соч., цветн. табл. A, *9* и *7* (табл. 42, *2* и 41, *28*). К. Ламм датирует их около 1000 г. и, игнорируя Византию, относит их к Египту, хотя отмечает их сходство с чашей св. Марка.

правильности в начертании узоров не только не мешает, но даже привлекательно. Все три византийских флакона очень сходны между собой. Помимо общей стройности и геометрической правильности, у них те же узоры, прежде всего диски. Во всех случаях они двойные — центральный с изображением птиц или мифологических сцен, всегда помещен внутри диска большего диаметра. Пояса между кругами или оставлены свободными, или заняты рядами мелких кружков, заполненных розетками, как у чаши собора св. Марка, или птичками, как на флаконе из Двина. Пространство между дисками на всех трех предметах заполнено сеткой геометризованного растительного узора из спирально закрученных побегов с усиками. Этот заполняющий узор разработан до предела и отмечен гармонической законченностью. Перечисленное единство узоров всех трех предметов может навести на мысль, что оно случайно и не обязательно для расписного византийского стекла, что другие до нас не дошедшие византийские стекла расписывались иначе, с другим подбором узоров (мы не говорим о стиле, так как в его общности вряд ли можно сомневаться).

Рис. 4. Флакон синего стекла, расписанного эмалями и золотом. Найден в Коринфе, XI—XII вв., высота 21 *см*

Два обстоятельства говорят против выдвинутого предположения. Во-первых, флакон из Коринфа найден в мастерской и, следовательно, местного происхождения, чаша же св. Марка изготовлена в Константинополе и не только потому, что она была оттуда вывезена, но и ее орнаментация в виде поясов с рядами розеток уж очень близка к господствовавшему в то время орнаментальному узору ящичков резной кости константинопольской работы. Следовательно, оба сохранившихся предмета изготовлены не только в разных мастерских, но и в городах, расположенных на большом расстоянии друг от друга,— столичном Константинополе и «провинциальном», хотя и эллинском, Коринфе.

Во-вторых, если предметов расписного стекла того времени сохранилось мало, то шкатулок из резной кости много, более ста, и все они, за ничтожным исключением, поражают нас однообразием орнаментального узора, все они, за малым исключением, украшены поясами розеток одинаковой формы [15]. Даже если предположить, что все дошедшие до нас ящички резной слоновой кости производились в одной мастерской, и то следует удивляться, как однообразны вкусы мастеров, не знавших других орнаментальных обрамлений, кроме описанного.

Все изложенное выше говорит о веками созданной культуре орнаментального искусства Византии, имеющего мало общего с наивной и непосредственной орнаментацией предметов из Новогрудка. Здесь все непохоже — композиция с горизонтальными членениями, и неправильно, небрежно написанные орнаменты, без излюбленных в Византии круглых медальонов, и птицы с круглыми головами, похожие на голубей, и, наконец, елочки и еловые веточки, заполняющие свободные пространства,

[15] A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Die Byzantinische Elfenbeinskulpturen des X—XIII Jahrhunderts. Berlin, 1930.

в то время как травы и побеги в росписи византийского стекла настолько стилизованы, что никаких реальных представлений не вызывают. Нужно удивляться, что на стопе нет никаких общих с византийским декоративным искусством узоров, на флаконе же лишь одни перекрещенные крестики, встречающиеся на византийской керамике [16], хотя и в иной композиции. (Впрочем, этот узор настолько распространен, что говорить о византийском влиянии не приходится [17]). Удивительно это потому, что в древнерусском искусстве, как в орнаментальной росписи зданий, так и в чеканном серебре, всегда можно найти общие с Византией узоры.

Следовательно, роспись византийских стеклянных изделий, происходящих по крайней мере из двух мастерских — Константинополя и Коринфа,— настолько не похожа на роспись из Новогрудка, что завоз последних из Византии исключается.

Во избежание недоразумений следует остановиться на разных значениях понятия «Византийское искусство». Западноевропейские ученые зачастую это понятие настолько расширяют, что подводят под него не только искусство собственно Византии в ее центральных эллинских провинциях, но и искусство балканских народов, Грузии и России; происходит это до нашего времени. В изданном в 1957 г. каталоге собрания Стататос Кош де ла Ферте, упоминая найденные в Киеве колты с перегородчатой эмалью, называет их византийскими, хотя трудно себе представить, чтобы ему было неизвестно их происхождение из киевских мастерских [18]. Для нас такая точка зрения совершенно неприемлема.

После сравнения новогрудских стеклянных изделий с византийскими перейдем к Переднему Востоку. Расписные стекла на Востоке в средние века, в основном, производились в двух странах — Египте и Сирии, расположенных на значительно большем, чем Византия, расстоянии от Новогрудка. Следовательно, завоз из этих стран в Киевскую Русь расписных стекол с коммерческими целями не мог быть выгоден. Но сосуды все же могли завозиться как тара или в порядке подношений, поэтому игнорировать возможность ввоза мы не можем. Последний, вероятно, был бы значительно интенсивней, если бы расписные стекла производились в Закавказье в XI в., пограничном с Тмутараканским княжеством. Но раскопки на многих средневековых поселениях Кавказа расписных стекол местного производства не обнаружили, и, следовательно, поставленный вопрос отпадает. Восточные расписные стекла (около полутора тысяч экземпляров) изданы К. Ламмом [19], и мы поэтому располагаем богатым сравнительным материалом. Они распадаются в основном на две группы. Для первой характерна густая растительно-геометрическая орнаментация сеткой, покрывающей поверхность изделий. Растительные побеги составляют не столь правильные спирали, как на византийском стекле, и более свободны, но все же крайне стилизованны. Кроме указанных узоров, получивших название «арабески», на расписном стекле зачастую мы видим арабские надписи. Изделия второй группы расписывались не так густо, у них значительная часть поверхности остается свободной от узоров. Изображение людей, зверей и, в особенности, рыб встречаются на них чаще, надписи же, наоборот, реже [20]. Технической особенностью росписи

---

[16] Ch. Morgan. The Byzantine Pottery. Corinth, XI, Cambridge — Massachusetts, 1942, рис. 47, 48 *i. g*; табл. XIII. Одиночные перекрещенные кресты украшают с внутренней стороны дно чашек. Б. Шелковников. Поливная керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959, рис. 11, стр. 293.

[17] Перекрещенные кресты встречаются не только в русском народном искусстве, но и у народов Сибири: ненцев, эвенков, якутов и др. «Историко-этнографический атлас Сибири». М.— Л., 1961, табл. V, *10*; 2, *21*; 12, *10*; 28, *11*.

[18] E. Coche de la Ferté. Bijoux Byzantins de Chio, de Crète, de Salonique. Collection Hélène Stathatos. Les Objets Byzantin et Post-Byzantins. Limoges, 1957, стр. 31.

[19] C. Lamm. Ук. соч.

[20] К этому типу относятся стекла богатой коллекции, найденной в кургане близ станицы Белореченской, хранящиеся в Эрмитаже.

восточного стекла является тонкий красный контур вокруг написанных золотом или красками изображений, появившийся с конца XII в. Оба типа росписи восточного стекла ничего общего не имеют со стеклом из Новогрудка как в стиле, так и в деталях, что исключает восточное происхождение последнего и позволяет нам не останавливаться на этом вопросе так пространно, как на предыдущем.

Перейдем к стеклу западноевропейскому. На Рейне и к западу от него еще во время римского господства существовало развитое стеклоделие. Оно продолжалось, постепенно утрачивая былое мастерство как художественное, так и техническое, вплоть до VII в. Далее в течение четырех веков (до XII в. включительно) мы не имеем западноевропейских стекол. Объясняется это не только продолжающимся упадком стеклоделия, но и распространением христианства. Сохранившиеся стекла VI—VIII вв. все найдены в языческих погребениях, в это же время обычай захоронения с покойником предметов бытового назначения прекращается [21]. Какая же стеклянная посуда производилась в этот темный период и изготовлялась ли она вообще? Производство стекла не могло совсем приостановиться, и оно существовало, о чем свидетельствует Феофил и сохранившиеся оконные стекла. О посуде же мы можем судить лишь по иллюстрированным рукописям, исследованием которых занялся Барреле. По рукописям X—XI вв. он пришел к заключению, что в это время пили прямо из бутылок, рюмок же и стаканов не существовало [22]. От XII в. иллюстрированных рукописей не сохранилось, и Барреле переходит к XIII—XIV вв. [23]. С этого времени появляются рюмки и бокалы, изображенные в рукописях. Сохранилось несколько археологических находок, подтверждающих изложенное. Найдены две бутылки, датируемые XI—XII вв. [24]. К концу же XII в. [25] или началу XIII в. относятся самые ранние бутылочки и рюмка. Последняя имеет сравнительно высокую ножку с вертикальными, готическими ребрами, значительно выступающими. Ни таких ребер, ни такой формы среди древнерусских стекол не встречается. Никаких признаков существования в XI—XIII вв. расписной посуды не имеется, и, следовательно, возможность западного происхождения новогрудских стекол отпадает сама собой.

В соседней с Русью Польше наиболее ранние мастерские стеклянных украшений относятся к XII в. Архивных сведений о стеклянном производстве ранее 1310 г. не имеется. Этим годом датируется запись о заводе в Познани, возможно возникшем еще в конце XIII в. Стеклянный завод в Кракове возник в XV в. и к 1452 г. относится документ, говорящий об его продаже. Самыми ранними, найденными при раскопках предметами польского посудного стекла являются два небольших флакона, один шестиугольный, другой круглый, обнаруженные в Кракове, недалеко от Университета, относящиеся ко второй половине XV в. [26].

Убедившись в том, что ни на Западе, ни в Византии, ни на Востоке стекло, аналогичное новогрудскому, не производилось, мы имеем достаточно оснований считать его русским. Вопрос теперь лишь в том, где оно производилось: в Киеве, главном центре стеклоделия домонгольской Руси и втором в Европе после Византии, или каком-либо другом русском центре. Два обстоятельства говорят против киевского происхождения новогруд-

---

[21] R. Schmidt. Ук. соч., стр. 32.

[22] J. Barrlet. Le verre de table au Moyen âge. D'après les manuscrits à peinture. Cahiers de la Céramique, du Verre et des Arts du feu. «Sèvres», 16, 1959, стр. 194—225.

[23] Там же, стр. 223, рукопись начала или середины XIII в. «Bible abréyée en langue gauloise».

[24] J. Barrlet. La verrerie en France, табл. XV, XVI.

[25] R Chambon. Ук. соч., на табл. *1а* и *б* воспроизведены рюмки и бутылочки, датированные концом XII — началом XIII в.

[26] K. Buczkowski. Dawne szkla artystryczne w Polsce. Kraków, 1957, стр. 13, 14, рис. 15.

ских расписных стекол рассмотренного вида. В Новогрудке, помимо стекла расписного, найдено значительное число фрагментов простого бесцветного стекла, ничем не украшенного. Из них почти целиком собирается пузатый сосуд значительной величины из тончайшего бесцветного стекла. Он еще не опубликован, и подробно о нем говорить мы не можем, но завоз такого хрупкого и сравнительно дешевого стекла из Киева, находящегося на значительном расстоянии от Новогрудка, кажется маловероятным. Последнее станет более убедительным, если мы обратимся к одному факту из практики раскопок в Двине (Армения); в районе, где расположены базиличная церковь и дворец католикоса, был найден ряд изделий высококачественного толстостенного стекла с резьбой, алмазной гравировкой и цветного с рельефной орнаментацией и не было ни одного осколка простого тонкостенного стекла. Последнее обстоятельство говорило о том, что в это время местного производства стекла не было, а из Месопотамии (найденные изделия очень близки к стеклу из Самарры на Тигре) ввозили в Двин лишь более прочное и ценное стекло. При раскопках других участков городища, где были обнаружены предметы XI—XII вв., наоборот, простое тонкостенное стекло преобладало [27]. Это говорило о том, что в это время в Двине существовало местное стеклоделие. Последнее подтверждалось тем, что формы стеклянных изделий были близки к местной керамике.

Против ввоза из Киева говорит еще одно обстоятельство. Новогрудский флакон расписан одной белой эмалью, в то время как византийские расписывались полихромно. Трудно себе представить, что киевские мастера, имевшие под рукой разноцветные эмали, так себя ограничивали. Скорее роспись флакона производилась там, где на эмали скупились. Все наши наблюдения наводят на мысль о вероятности стеклянного производства в самом Новогрудке или около него [28].

До сих пор мы не касались химического состава стекла, не касались умышленно, так как химического анализа не производилось, качественный же спектральный в нашем случае не имеет значения. Важно бывает знать процентное содержание компонентов и их соотношение между собой, в особенности щелочей, калия и натрия; качественный анализ говорит лишь о том, имеется ли тот или иной элемент в составе стекла. Количественные же показатели качественного спектрального анализа и сомнительны, и недостаточны. Он имел бы значение, если в одних стеклах совсем не было калия, в других натрия, но все стекла содержат, как правило, оба элемента. Следует заметить, что для доказательства местного происхождения древнерусских стекол количественный химический анализ имеет только бесспорное положительное значение, что, к сожалению, часто упускают из вида [29]. Объясняется это тем, что на Руси производились стекла особого состава, нигде не встречающиеся, в этом случае анализ является бесспорно доказательством местного происхождения. Опровергнуть же местное происхождение того или иного образца анализ не может, потому что на Руси производились одновременно разные стекла — свинцовые, калиево-известковые и натриево-известковые, последние того же состава, как в Византии и на Востоке. Это доказывают анализы оскол-

---

[27] Б. А. Шелковников. Керамика и стекло из раскопок гор. Двина, Тр. Гос. Истор. музея АН АрмССР, IV, 1952, стр. 19—21.

[28] В пользу высказанного предположения говорит находка в Новогрудке печей, не связанных с жилищем, тигля и огромного количества стеклянных браслетов (более 1000 штук на сравнительно небольшом пространстве — 350 $м^2$). Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв. СА, 1962, № 1, стр. 242—243. Перечисленные факты дают нам основание предполагать, что в Новогрудке раскопаны стеклоделательные мастерские. В Новогрудке в настоящее время имеется завод стеклянной посуды, до недавнего времени работавший на местном песке, следовательно, основное сырье было на месте.

[29] Р. М. Джанполадян. Ук. соч., стр. 171.

ков из стеклоделательной мастерской Киево-Печерской лавры, где найдены стекла всех трех видов [30].

Высказавшись с достаточной определенностью о русском происхождении обоих сосудов из Новогрудка, обратимся к аналогиям в сохранившихся памятниках прикладного искусства того времени. Мы сразу можем предвидеть значительные трудности. Художник, расписывавший сосуды из Новогрудка, черпал свою фантазию, как уже говорилось, из сокровищницы народного искусства. Следовательно, поиски общих моментов в орнаментации рассматриваемого нами стекла нужно начать с народного искусства, но оно с домонгольского времени вплоть до XVII в. не сохранилось. Но можно привести некоторые аналогии. Прежде всего «елочки», написанные так же элементарно, как на стопе, встречаются на русских вышивках и деревянной резьбе XVIII—XIX вв. Правда, этому сходству вряд ли можно придавать большое значение: уж очень прост этот узор, до сих пор живущий у многих северных народов. Более интересно то, что кресты с перекрещенными концами распространены на русских народных вышивках вплоть до XIX в. Полосы этого орнамента часто украшают концы вышитых полотенец, при этом выше их и ниже к концу располагаются полоски, зигзаги или просто узоры, поперечно разделяющие полотенце в том же композиционном решении, как и на флаконе расписного стекла из Новогрудка.

Изделий художественного ремесла домонгольского времени сохранилось ничтожно мало, тем ценнее те немногие аналогии, которые удалось проследить. Описывая стопы из Новогрудка, мы обратили внимание на геральдическое изображение, оригинальное тем, что вместо орла художник изобразил голубя, принявшего геральдическую позу. Тогда нам казалось, что это индивидуальная фантазия художника, видевшего или на византийских предметах, или на стекле св. Ядвиги орлов в подобной геральдической позе [31] и из личной антипатии к хищной птице превратившего ее в голубя. Но две найденные аналогии вынуждают переменить мнение. На серебряной тарелке из Каменнобродского клада посредственной работы из низкопробного серебра, несомненно местного происхождения, мы видим то же, что и на стопе, изображение (рис. 5) [32]. Мастер, процарапывавший геральдическую фигуру на тарелке, работал и в другой технике и был менее сноровист, чем художник, расписывавший стопу. Крылья у голубя вышли уж очень малы, к тому же мастер, поместив их слишком далеко от тулова, был вынужден соединять их с телом при помощи двух условных параллельных черточек. Но геральдическая поза с голубиной головой получилась достаточно наглядно. Такого же голубя в геральдической позе мы видели на золотом колте с перегородчатой эмалью, найденном в 1896 г. на Княжей горе Каневского уезда Киевской губ. [33]. Факт находки трех предметов разной техники и материала с одинаковым изображением говорит прежде всего о том, что подобная трактовка геральдического орла была на Руси принята. Раз это так, то подобные изображения, нигде, кроме Руси, не найденные, могут служить надежным признаком местного происхождения вещей, ими украшенных.

На обоих сосудах из Новогрудка изображены голуби. Последнее вряд ли могло быть случайным, тем более, что на расписном стекле изображение голубей встречается крайне редко. На стекле, изданном Ламмом, мы встречаем аистов, лебедей, павлинов, орлов или других хищников и, на-

---

[30] М. А. Безбородов. Ук. соч. Натриево-кальциевое стекло с присутствием магния, близкое к восточному и античному — анализы 133 и 134; калиево-натриево-кальциевое стекло — анализ 126; свинцово-кремнеземное стекло — анализ 155, стр. 231—236.

[31] Помимо орла, в близком положении часто изображали павлина в России, Византии и на Востоке.

[32] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. Л., 1936. рис. 19.

[33] Б. И. и В. Н. Ханенко. ДП, V, Киев, 1902, № 1000, табл. XXVIII.

конец, сов, но нет ни одного предмета расписного стекла, на котором был бы изображен голубь. То же мы имеем на византийской резной кости, среди птиц разных видов нет ни одной, которую можно было бы принять за голубя. Наоборот, на русских перегородчатых эмалях иных птиц, кроме голубей, мы, как правило, не встречаем [34]. Видимо, голуби особенно почитались в домонгольской Руси.

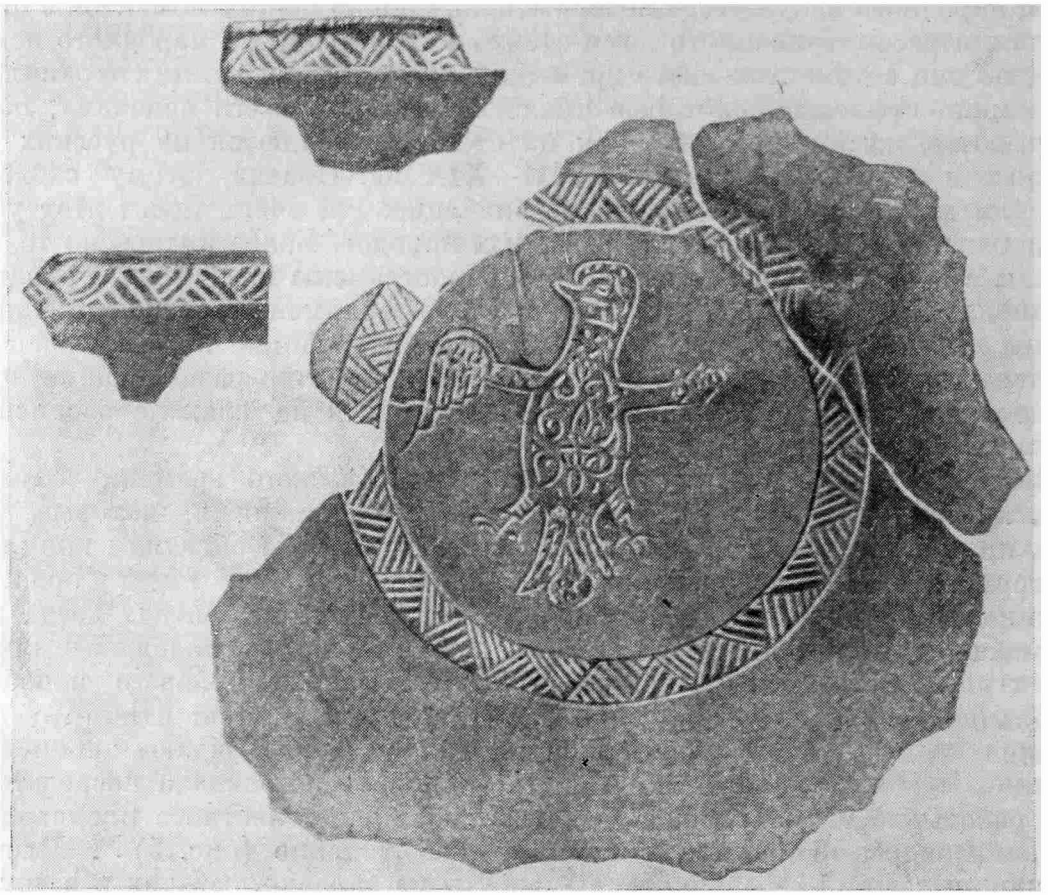


Рис. 5. Тарелка серебряная. Найдена в 1903 г. в с. Каменный Брод. Россия XII в., диаметр 14 *см*

Следует еще остановиться на одной аналогии, хотя и не очень наглядной, но интересной. На трех серебряных братинах, из которых у двух утрачены крышки, а от одной сохранилась лишь последняя, имеется заполняющий свободное пространство узор в виде веточек с прямыми стволиками, пересеченными на концах. Часто они разветвляются на три побега. Прямолинейность этого растительного узора с типичным для хвойных деревьев — ели или других близких пород — тройным разветвлением на концах дает основание предполагать, что он развился из изображений веточек ели, таких, как на новогрудских расписных стеклянных сосудах. На серебряных предметах этот узор не только схематизирован, но и превратился в орнамент, не претендующий, в противоположность стеклу, на какое-либо сходство с природой. Художник, гравировавший узор на поверхности серебра, настолько вольно с ним обращался, что, видимо, не думал о его происхождении. Так, он часто закруглял отдельные побеги, если это требовалось соседним узором, не позволявшим начертить их прямолинейно; иногда же кончики веточек превращались у него в лышные фантастические бутоны, заимствованные уже не от хвойных представителей растительного царства. На всех трех серебряных сосудах

[34] Птиц на русских перегородчатых эмалях принимают за голубей. Н. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, стр. 114. Так же определяет их В. Г. Лясоронский. Судьба одной археологической находки. ЖМНП, 1913, март, стр. 96.

упомянутый узор настолько сходен, что он один, даже без привлечения других сходных моментов, говорит об их едином происхождении. Первая из упомянутых братин была найдена недалеко от Березова (рис. 6). Снаружи на дне имеется процарапанная русская надпись, указывающая ее вес. Надпись была прочтена А. И. Соболевским, датировавшим ее XII в. Она бесспорно указывала на бытование братины в русской среде, о чем, кроме того, говорила форма и назначение сосуда. Впервые издал братину А. А. Спицын [35] и указал, что она по форме «является прототипом обыч-

Рис. 6. Братина серебряная золоченая. Найдена около Березова. Россия XII в., высота 12 *см*, диаметр 18 *см*. Гос. Эрмитаж, № 3

ных русских древних братин» [36]. Вторая до поступления в Эрмитаж находилась в собрании Базилевского; где она была приобретена и откуда происходит — неизвестно. По форме она совершенно идентична первой, но Спицын назвал ее чашей, вероятно потому, что нижняя часть ее не сохранилась. Помимо сходства формы и орнамента из веточек, изображенный на венчиках обеих братин звериный гон по технике, манере изображения, подбору зверей (олень, собака, лев, грифон, заяц, барс и только на первой конь) и их чередованию настолько одинаков, что их общее происхождение не вызывает сомнений [37]. Отмечая сходство обеих чаш, Спицын указывает на их близость к суздальским архитектурным рельефам [38]. Кроме того, в конце статьи он помещает изображение ободка шлема Ярослава Всеволодовича «ради изображений грифона, фазана и лилии, совершенно одинаковых с описанными выше» (т. е. на братине, найденной в Березове) [39]. Казалось бы, что русская надпись, форма обычных русских братин, нигде в Европе, кроме России, не бытовавшая [40], стилистическое сходство с русскими каменными рельефами и, наконец, изображение грифона, фазана и лилии, «совершенно одинаковых» с фигурами

[35] А. Спицын. Из коллекций императорского Эрмитажа. СПб., 1907, стр. 22—26. Две серебряные чаши, табл. IX.
[36] Там же, стр. 22.
[37] Там же, табл. X, XI.
[38] Там же, стр. 22.
[39] Цитирую по А. А. Спицыну. Там же, стр. 26.
[40] Этот вопрос подробно разбирается в статье: Э. А. Лапковская. Серебряная чаша с чернью в Эрмитаже. Тр. ОИГЭ, VII, Л., 1964.

на ободке шлема князя Ярослава Всеволодовича, русское происхождение которого не может вызывать сомнений, ввиду наличия русской надписи, исполненной самим мастером, говорило о русском происхождении обеих братин. Но этого вывода А. А. Спицын не сделал, оставив вопрос открытым. Последнее можно объяснить лишь тем, что над ним довлел распространенный в его время и, к сожалению, не вполне изжитый до сих пор, предрассудок о низком уровне культуры Киевской Руси. Такое отношение сказалось и при разделе бывшего «Отделения средних веков и эпохи Возрождения» Эрмитажа: эти братины и ряд аналогичных им были поделены между отделами Востока и Запада. В дальнейшем доказательства русского происхождения братин, изданных А. А. Спицыным, возросли. В 1958 г. Н. Холостенко отметил еще одно существенное сходство братины из собрания Базилевского с древнерусским искусством, незамеченное А. А. Спицыным. По периметру ножки упомянутой братины расположены арочки на колонках, сходные с арочками, обычно украшающими серебряные браслеты русского происхождения[41]. В 1957 г. Эрмитажем была приобретена крышка от братины, которую мы уже упоминали в связи с узором из веточек, совершенно того же вида, как на братинах, изданных А. А. Спицыным (рис. 7). Крышка была найдена в могильнике в Ненецком национальном округе на юге Тазовского полуострова, на берегу р. Средняя Ходута, в 500 *км* к северо-востоку от Березова[42]. Принадлежность крышки братине определяется сравнением с братиной, найденной в Юрьеве. У последней сохранилось тулово, ножка утрачена и крышка по форме совершенно идентична крышке, нами рассматриваемой (лишь меньшего размера). Мы уже говорили, что прямолинейно-угловатые веточки крышки из Ненецкого округа очень близки к такому же узору обеих изданных А. А. Спицыным братин, что говорит об их общем происхождении. Теперь к этим трем предметам приходится прибавить четвертый — юрьевскую чашу, по форме идентичную ненецкой, по растительным побегам вокруг фигурных изображений сходную с братиной из собрания Базилевского. Здесь под общим мы подразумеваем не только вообще русское производство, но и принадлежность одному производственному центру. Наблюдение Б. А. Рыбакова о том, что техника шлема князя Ярослава Всеволодовича (отливка с последующим чеканом) типична для Новгорода, говорит о новгородском происхождении шлема. Исторические обстоятельства это подтверждают. Перед битвой на р. Липица, где был потерян шлем, Ярослав Всеволодович был новгородским князем. Если это так, то отмеченная А. А. Спицыным «одинаковость» узоров

---

[41] Н. Холостенко. Новый памятник древнерусского прикладного искусства. «Искусство», 1958, № 9, стр. 65. В краткой статье автор убедительно доказывает русское происхождение золоченой братины, найденной в Чернигове, совершенно подобной братине, обнаруженной в 1925 г. близ с. Вильгорт в нескольких километрах к югу от Устьсысольска (теперь Сыктывкар), хранящейся в Эрмитаже. Последняя была издана в статье И. А. Орбели. Киликийская серебряная чаша конца XII в. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 261—274, табл. 47. Обе братины, найденные на территории Киевской Руси и на земле древнего Новгорода, сохранили ножки, украшенные рельефными арочками, сходными с арочками на ножке братины, найденной близ Березова. Это сходство отмечает Н. Холостенко. Ук. соч., стр. 65.

[42] Крышка издана А. В. Банк. Крышка серебряного сосуда из Ненецкого округа. СГЭ, XV, Л., 1959. Автор сравнивает ее с братиной из Юрьева и братинами, изданными А. А. Спицыным, и находит родственные черты с блюдами, найденными близ гор Татар-Пазарджик в Болгарии. Последнее, видимо, дало основание автору отнести крышку «скорее к болгарскому, а может быть и древнерусскому производству». Болгарское происхождение крышки автором не обосновано. Болгарские сосуды прежде всего не братины, даже гравировка по пунктирному фону не является особенностью болгарской торевтики, а вообще широко распространена и поэтому не является признаком определяющим; наконец, фантастические звери болгарских чаш — сенмурв и грифон — стилистически на изображения животных (собаки, зайца и павлина) ненецкой крышки не похожи. Некоторое же сходство в орнаментике, ряды соприкасающихся дисков являются общим для искусства стран, связанных с культурой Византии. G. Mingeon. Orfévrerie d'argent du style oriental trouvée en Bulgarie. «Syria», III, Paris, 1922, стр. 141—144, табл. XXIX—XXX.

братины с этим шлемом свидетельствует о новгородском происхождении уже пяти предметов — шлема и четырех братин. Место находки братин говорит в пользу этого предположения. Все они, кроме одной неизвестного происхождения, найдены на севере России. Две — в Северном Зауралье, куда проникали новгородские купцы и промышленники в поисках пушного зверя, и третья — в Юрьеве, находившемся до начала XIII в., когда его захватили немцы, в тесных связях с Псковом и Новгородом. Орнамент угловатых веточек, напоминающих хвойные породы типа ели,

Рис. 7. Крышка от братины серебряная. Найдена в Ненецком округе. **Россия XII в., диаметр 13,5** *см*. Гос. Эрмитаж, № 1193

также скорее северный, чем южный. Невольно вспоминается фраза, сказанная крупным, недавно скончавшимся специалистом древнерусского искусства Ю. Н. Дмитриевым, который, рассматривая фото крышки, найденной в Ненецком округе, произнес: «Не новгородская ли она?»

Остается остановиться еще на тех предметах стекла европейских и американских собраний, русское происхождение которых наиболее вероятно. Среди опубликованных К. Ламмом стекол имеются две стопы, по форме близкие стопе из Новогрудка. Обе они, что весьма примечательно, найдены на юге России. Первая фиолетово-красного цвета имеет расширяющееся внизу тулово [43] — форму, характерную для русских стопок, найденных Богусевичем в мастерских Киево-Печерской лавры [44]. Расписана она золотом, от которого остались лишь красноватые следы,

[43] C. Lamm. Ук. соч., стр. 137, табл. 48, II. Ламм датирует стопу XIII в. и относит к Египту.

[44] Б. А. Шелковников. Стекло Киевской Руси X—XIII вв., стр. 121, рис. 6. Расширение тулова книзу, вероятно, в реконструкции преувеличено.

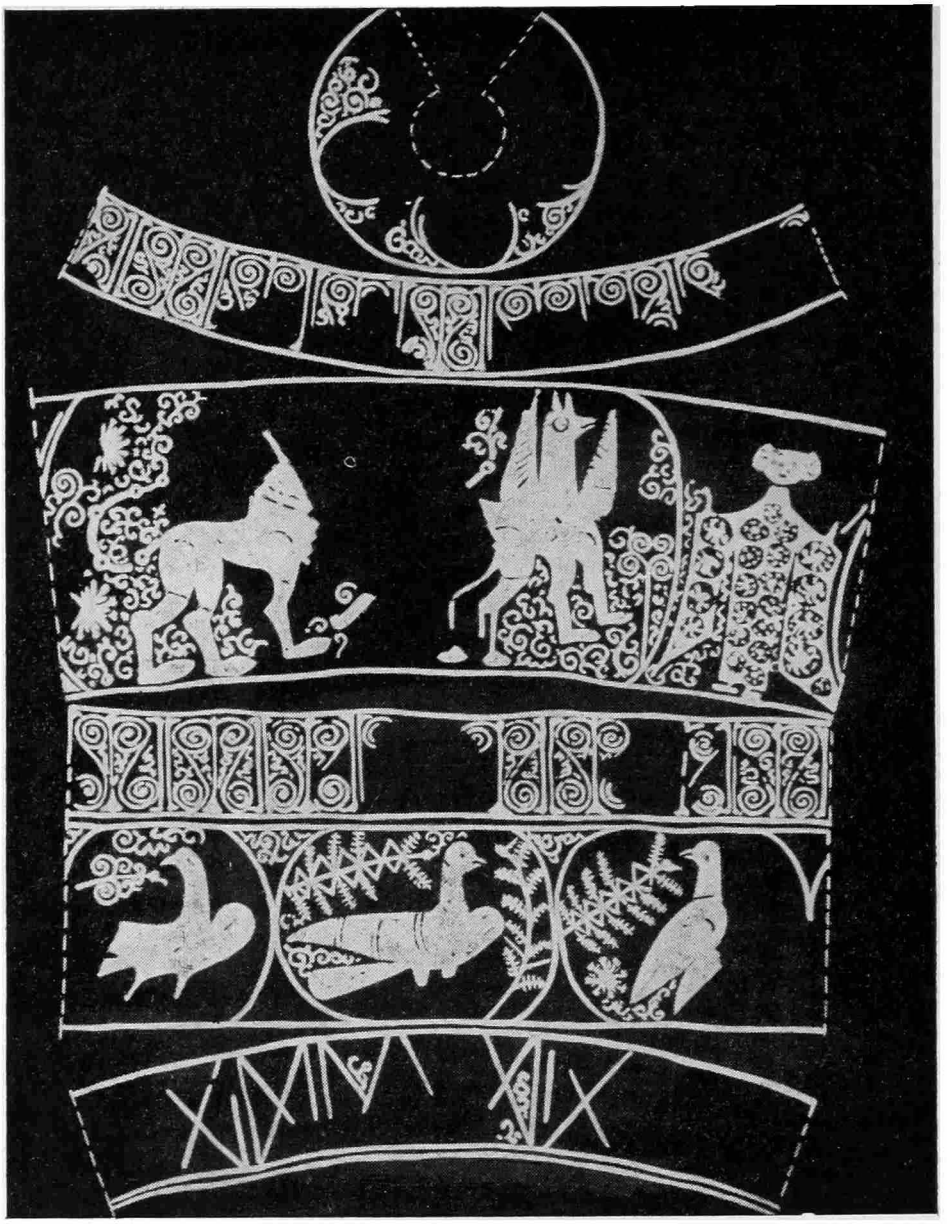


Рис. 8. Флакон фиолетового стекла, расписанного золотом из собрания Р. В. Смита. Россия XII в., высота 21,3 *см*

принятые, видимо, ошибочно К. Ламмом за остатки красной эмали. Но самое замечательное — это сходство росписи. Небольшая стопка, всего 8,8 *см* высоты, разбита поперечным делением на четыре пояса, при этом первый и третий заполнены косо поставленными перекрещенными крестами того же вида, что и на стопе из Новогрудка. Сходство формы, композиции, орнаментации и, наконец, место находки указывают на ее русское происхождение. Вторая стопа высотой 18,7 *см* имеет ножку, похожую на новогрудскую, и украшена поперек наложенной складчатой лентой — в технике, распространенной на древнерусском стекле [45]. По этим признакам и ее следует отнести к производству страны, где она была найдена. Третий предмет интереснее двух предыдущих. Мы уже говорили, что форма флакона из Новогрудка в средние века крайне редко встречается. Кроме флакона, найденного в Коринфе, и не считая нескольких незначительных фрагментов, имеется всего два флакона подобной формы. Один был выставлен на выставке древнего стекла из собрания Смита в Корнинге

[45] C. Lamm. Ук. соч., стр. 90, табл. 27. Ламм датирует стопу XIII в. и относит ее к Сирии.

в 1957 г.[46] (рис. 8). Это флакон значительной высоты (21,3 *см*), цилиндрической, не вполне правильной формы, указывающей на свободное выдувание, фиолетово-марганцевого стекла. На флаконе сохранились лишь следы росписи золотом и как будто эмалью (последнее неясно из описания). Реконструкция росписи позволяет нам судить о ее характере. Этот флакон четко расчленен, как и новогрудский, на несколько поперечных поясов. В этом он близок к русскому стеклу и далек от коринфского флакона. Но в противоположность новогрудскому мастеру, вполне свободному от византийских образцов, художник, расписывавший флакон собрания Смита, явно стремился подражать Византии, он сделал это крайне неумело и не понимая стиля. Спиралевидные завитки на всех трех бесспорно византийских вещах, сохраняющие свой растительный характер, здесь, во-первых, измельчены и, во-вторых, геометризованы настолько, что как орнамент растительного характера не воспринимаются. Далее, желая во что бы то ни стало подражать принятым в росписи византийского стекла расположенным в ряды круглым медальонам, художник попал в затруднительное положение. Не желая уменьшить их диаметр, он втиснул медальоны в пояса, образованные поперечным делением. Они не помещались, и мастер, недолго думая, их обрезал. Получились отрезки дуг, кажущиеся бессмыслицей; лишь при сравнении с флаконом из Коринфа (рис. 4) становится понятным их появление. Конечно, никакой византийский мастер не мог превратить традиционные медальоны в нелепые рудименты. Изображение грифона не то с птичьей, не то с козьей головой также невероятно для Византии, где орнаментальное искусство было доведено до формального совершенства и где античные сюжеты и античный мир фантастических полузверей-полуптиц хорошо был известен. Можно было бы объяснить это явление малой квалификацией мастера, но роспись последнего, считая сверху пояса, заставляет нас от этого отказаться. На нем живо нарисованы голуби в трех метко схваченных положениях. Вокруг голубей брошены еловые веточки, детально разработанные. Сходная со стеклом из Новогрудка композиция, изображение голубей, часто на Руси встречающееся, «еловые» веточки и, наконец, вольное обращение с заимствованными у Византии декоративными моментами говорят о вероятности русского происхождения флакона собрания Смита. Конечно, его не расписывал мастер новогрудского флакона, и исполнен он, возможно, в другом производственном центре.

Последний флакон аналогичной формы и также выдутый свободно найден на Кипре в византийской крепости. Он изготовлен из синего стекла и расписан золотом и белой эмалью и в этом отношении близок к новогрудскому[47] (рис. 9). Его небрежная роспись также имеет общие черты с последним. Во-первых, поперечная кайма разбивает его поверхность на две части, чего мы не имеем на флаконе из Коринфа; правда, членение этим и ограничивается. Далее, что очень существенно, тулово флакона наверху и внизу обведено двойными белыми полосами. Как дань византийскому искусству на флаконе мы видим большие диски, расположенные по два в ряд ниже и выше среднего пояса. Здесь мастер сохранил их величину и не обрезал их, как на предыдущем флаконе, но все же византийского декоративного принципа не понял. На византийском стекле (и не только стекле) диски служат медальонами, обрамляющими помещенные внутрь фигурные композиции, иногда сложные многофигурные, иногда упрощенные, ограниченные изображением одной фигуры, птицы, например, в окружении из орнамента растительного происхождения. Это мы наблюдаем на сохранившихся расписных византийских стеклах и на

---

[46] Glass from the Ancient World. The Ray Winfield Smith Coll. Corning, 1957, 526. Р В. Смит датирует флакон «вероятно, XI веком» и относит к «исламскому» или «византийскому» производству.

[47] A. H. Megaw. A Twelfth Century Scent Bottle from Cyprus. «Journal of Class studies», I, 1959, Corning, New York, стр. 58—61, рис. 1.

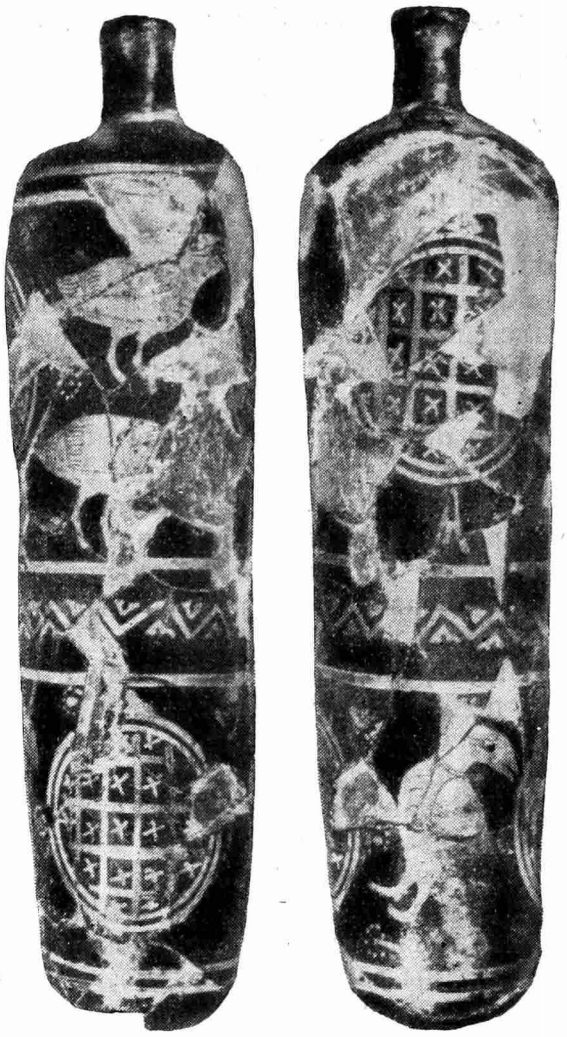


Рис. 9. Флакон синего стекла, расписанного белой эмалью и золотом. Найден на Кипре. Россия XII в., высота 16,9 *см*

ящичках резной слоновой кости, всегда, без единого исключения. На флаконе из Кипра мастер разделил поле внутри дисков прямоугольной сеткой на квадраты с крестиками посередине, как часто украшают донышко керамических чаш, откуда, вероятно, и была заимствована эта разделка. Помимо указанного выше, композиция, лишенная ритмической стройности, и весь небрежный характер росписи исключают возможность византийского происхождения флакона, понимая «византийское» в том смысле, как нами принято. Восточное происхождение этого флакона также исключено, так как со стеклом Востока у него нет ничего общего. Остается лишь Киевская Русь, где расписное стекло производилось.

Конечно, флакон из Кипра расписывал другой художник, значительно хуже мастера новогрудского флакона, владевший искусством композиции. Достаточно посмотреть как беспомощно разместил он птиц. Стремясь занять свободные пространства, получившиеся в результате уменьшения числа дисков до двух в ряд, мастер внизу поместил куропатку больше диаметра дисков. Чтобы ее уравновесить, наверху довольно неуклюже размещены две куропатки, одна над другой [48]. Но иной мастер еще не означает другое место производства. Теперь спрашивается, как мог попасть флакон на Кипр? Мы уже говорили, что флаконы могли перевозиться на большие расстояния как вместилища для каких-либо снадобий. Можно строить разные предположения, но об одном все же стоит упомянуть. Найденный в крепости, он, возможно, принадлежал какому-либо византийскому воину и мог быть ему дан кем-либо из близких как вместилище снадобья, которому на родине воина приписывались целебные качества. Кто же служил в византийских наемных войсках? Известно, что состав был многонационален и единоверные грекам славяне занимали видное место. Вероятно, больше всего было болгар, но и восточных славян было достаточно [49].

Ассортимент русского расписного стекла, несомненно, будет в ближайшее время расширен за счет уже найденных, но не опубликованных и поэтому нами не упомянутых предметов из Новогрудка.

---

[48] Определение птиц принадлежит засл. деятелю искусств АрмССР Л. Л. Дурново. Повреждение головы нижней птицы искажает ее очертания.

[49] Ф. И. Успенский. История Византийской империи, III. М.—Л., 1948, стр. 173.

Ю. Л. ЩАПОВА

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ ДРЕВНЕГО ПОЛОЦКА

Стеклянные браслеты в домонгольской Руси были наиболее популярным женским украшением. Это положение не требует никаких дополнительных доказательств, оно очевидно. Разнообразия сочетаний формы и цвета достаточно для удовлетворения разных вкусов. Например, желтоватые крупного кручения браслеты с желтой нитью внутри очень благородны, бирюзовые крученые браслеты наряднее и менее строги, чем синие такой же формы. Зеленые и коричневые браслеты просты, но в сочетании с желтыми они не менее привлекательны, чем фиолетовые или красные, последние, правда, очень редки. Большие декоративные возможности скрыты в разных сочетаниях не только цвета, но и фактуры самих браслетов: гладких с крученными и т. д. Однако все эти вариации имеют пределы. Известно всего девять цветов русских браслетов: зеленый, оливковый, коричневый, желтый, бирюзовый, синий, фиолетовый, красный, черный. Для этих основных цветов существует множество оттенков и дополнительных цветов: к зеленому — желтого, синего, оливкового и т. д. Дополнительный цвет и оттенки зависят не только от количества вводимых красителей, но и от разных тепловых и атмосферных режимов, стихийно складывающихся при изготовлении цветных стекол.

Формы браслетов также известны: круглые, гладкие, крученые, крупнокрученые, мелкокрученые; плоско-выпуклые гладкие; треугольные гладкие. Таким образом, можно насчитать не менее 28 основных вариантов, которые могут быть дополнены использованием некоторых декоративных приемов: наклад цветными нитями и пр.

Однако и эти многочисленные сочетания подчиняются некоторым правилам [1]. Стеклянные браслеты, развиваясь как тип украшений, изменяются в течение долгого времени. Эта эволюция бесспорна, но изучению она поддается с трудом. Не менее прост вопрос о месте изготовления стеклянных браслетов. Сходство и различия браслетов разных мест очевидны, но эта очевидность еще не ясно выражена и объяснена. Поэтому, несмотря на то, что предположение Б. А. Рыбакова о распространении стеклянных браслетов из Киева [2] подвергается критике [3], оно остается в силе. Открытия следов производства стеклянных браслетов в Костроме [4], Колодяжном [5], Райках [6], Городске, к сожалению, не были дополнены исследованием

---

[1] З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1961; М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. МИА, 117, 1963.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 398—401.

[3] Г. Ф. Соловьева, В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов Древней Руси. КСИИМК, XLIX, 1953.

[4] М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, XLVII, 1952.

[5] В. Г. Гончаров. Древний Колодяжин. КСИИМК, LXII, 1951.

[6] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950.

материалов соответствующих мест и остались на положении предположений. Мало прибавили к решению проблемы места производства стеклянных браслетов в Древней Руси и исследования М. А. Безбородова [7].

Таким образом, несмотря на большую литературу вопроса, решение его стоит на месте, что, естественно, обостряет к нему интерес.

А. Г. Митрофанов предложил серию стеклянных браслетов Полоцка для исследования их состава с помощью спектрального анализа в археологической лаборатории спектрального и структурного анализа кафедры археологии МГУ. Это была не первая серия. Через лабораторию к этому времени прошло около 1000 стеклянных браслетов Новгорода [8], Смоленска, Друцка, Белоозера, Минска, Новогрудка, Пирова, Любеча, Москвы [9], Церковища [10], Тмутаракани [11]. В большинстве своем характеристики браслетов разных мест были очень сходны. Исключение представляли собой только Церковище, Тмутаракань, Любеч.

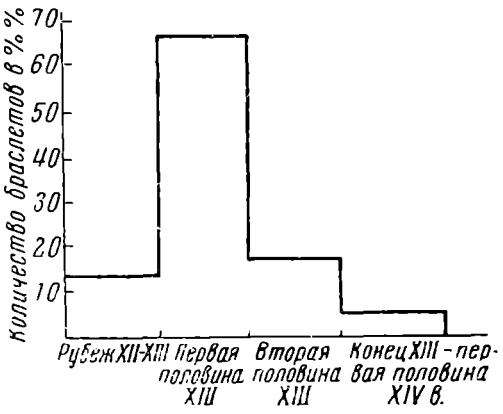


Рис. 1. Распределение находок браслетов по слоям

Серия браслетов, найденных в Полоцке, невелика — всего 252. А. Г. Митрофанов разделил находки по строительным горизонтам, часть из которых имеет дендрохронологическую дату [12]. В Полоцке браслеты встречаются с XI горизонта до III причем насыщенность горизонтов находками разная.

Переведем эти данные в диаграмму (рис. 1). По оси абсцисс отложены отрезки времени, по оси ординат — число находок в процентах.

Строительный горизонт	Дата	Число находок		%
XI	Рубеж XII — XIII вв.	32		12,7
X	Первая половина XIII в.	90		
IX		51	167	66,27
IX		26		
VIII	Вторая половина XIII в.	14		
VII		20	42	16,67
VI		8		
V	Конец XIII в.	5		2
IV	Рубеж XIII—XIV вв.	5		2
III	Первая четверть XIV в.	1		0,4
		252		100,4

[7] М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. М., 1956, стр. 186—219.

[8] М. Д. Полубояринова. Ук. соч.

[9] Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа стеклянных браслетов Смоленска, Друцка, Белоозера, Минска и т. д. Рукописи хранятся на кафедре археологии историч. ф-та МГУ.

[10] В. В. Седов. Сельские поселения Смоленской земли. МИА, 92, 1961.

[11] Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани. В сб. «Керамика и стекло Тмутаракани». М., 1963.

[12] Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить Б. А. Колчина за разрешение воспользоваться результатами его работ по дендрохронологии Полоцка.

Для подробного химико-технологического и типологического изучения произвольно выбран 71 браслет. Состав стекла исследовался с помощью спектрального анализа, результаты приведены в табл. 1 [13].

Состав стекла, из которого изготовлены браслеты, взятые для изучения, можно разделить на пять групп.

1. Один браслет изготовлен из натриево-магниево-кальциево-кремнеземного стекла (табл. 1, ан. 301 : 7). Браслет крученый коричневый найден в слое конца XIII в. Судя по аналогичным находкам в других древнерусских городах (Новгород, Смоленск, Новогрудок, Белоозеро, Воищина, Пирово, Любеч, Вщиж), браслеты такого состава происходят из домонгольских слоев и в более позднее время не встречаются.

2. Два браслета изготовлены из натриево-калиево-кальциево-магниево-кремнеземного стекла (табл. 1, ан. № 299 : 13; 301 : 15). Браслет крученый синий (краситель — окись кобальта) и гладкий зеленовато-голубой найдены в слое второй половины XIII в. Браслеты из стекла этого состава изготавливались в греческих мастерских в Киеве в домонгольское время [14], так же, как и браслеты из натриево-калиево-магниево-кремнеземного стекла. Из стекла этого состава изготовлено пять браслетов (табл. 1, ан. 299 : 8,24; 300 : 9,21; 301 : 16). Браслет гладкий синий (№ 80) найден в слое второй половины XIII в., гладкий голубой полупрозрачный (№ 296) — в слое середины XII в., крученый синий (№ 390) — в слое первой половины XIII в., второй такой же браслет (№ 476) — в слое рубежа XII—XIII вв., крученый темно-оливковый (№ 4558) — в слое второй половины XIII в.

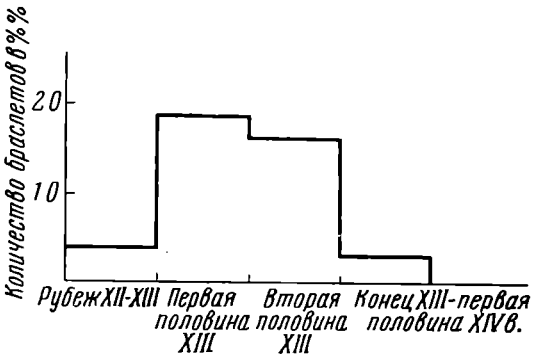


Рис. 2. Диаграмма распределения браслетов из свинцово-кремнеземного стекла

Таким образом, из восьми находок семь связываются со слоями XIII в., одна — с XII в. Находки браслетов этого круга составляют 11,28%, это очень высокий показатель. В других городах он значительно ниже. Необычно и столь позднее время их бытования.

Основная масса браслетов Полоцка (88,72%) изготовлена из русского стекла двух составов: свинцово-кремнеземного и калиево-свинцово-кремнеземного.

Из свинцово-кремнеземного стекла изготовлено 26 браслетов, из которых 5 крученых, а 21 браслет — гладкий. По цвету — темно-оливковые или коричневые, иногда почти черные — 13, зеленых — 7, желтых — 6.

Эти браслеты встречаются с рубежа XII—XIII вв. до первой четверти XIV в. Ритм распределения по времени таков (см. табл. 2, составленную по числу находок и в процентах).

Графически это распределение представлено на рис. 2. Эта диаграмма со всей очевидностью показывает, что первые свинцово-кремнеземные браслеты в Полоцке появились в конце XII в. На протяжении всего XIII в. их объем остается постоянным, в начале XIV в. они тоже встречаются (правда, в небольшом количестве), позднее они исчезают совсем. Находки стеклянных браслетов в слоях второй половины XIII—XIV вв.— большая редкость. Они известны лишь в Новгороде [15], Церковище, Прон-

---

[13] Аналитическая работа проведена А. Н. Репиным.

[14] Ю. Л. Щапова. Древнерусские стеклянные изделия как источники по истории русско-византийских отношений XI—XII вв. ВВ, XIX, 1961.

[15] А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, 11, 1949, стр. 124, 139; Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, 55, 1956, стр. 120—125; М. Д. Полубояринова. Ук. соч.

№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba
299	1	Гладкий, круглый, темно-оливковый	а 12	—	—
299	2	» » зеленый	а 28	—	—
299	3	» » темно-оливковый	а 29	—	—
299	4	» » зеленый	а 35	—	—
299	5	» » желтый	а 50	—	7
299	6	» » темно-оливковый	а 70	—	—
299	7	Мелкокрученый, круглый, темно-оливковый	а 72	7	7
299	8	Гладкий, круглый, синий	а 80	6	—
299	9	» » расстеклованный	а 88	—	—
299	10	» » желтый	а 155	—	7
299	11	Мелкокрученый, круглый, бирюзовый	а 158	7	—
299	12	Крученый, круглый, желтый	а 188	—	—
299	13	» » синий	а 194	4	—
299	14	» » расстеклованный	а 196	7	7
299	15	» » темно-оливковый	а 197	—	7
299	16	Крученый, круглый, »	а 211	7	—
299	18	Гладкий, круглый, зеленый	а 214	7	6
299	19	» » »	а 217	—	—
299	20	» » желтый	а 223	—	—
299	21	» » бирюзовый	а 255	—	—
299	22	» » светло-оливковый	а 267	—	—
299	23	Крученый, круглый, расстеклованный	а 293	4	7
299	24	Гладкий, » голубой	а 296	6	—
300	1	Мелкокрученый круглый черный	а 322	—	—
300	2	Гладкий » темно-оливковый	а 326	—	—
300	3	Крученый » зеленый	а 331	—	—
300	4	Гладкий » коричневый	а 353	7	—
300	5	Крученый » бирюзовый	а 363	7	—
300	6	Гладкий » расстеклованный	а 365	7	—
300	7	Мелкокрученый » темно-оливковый	а 373	7	—
300	8	Гладкий » коричневый	а 381	7	6
300	9	Крученый » синий	а 390	4	—
300	10	» » голубой	а 401	6	7
300	11	» » темно-оливковый	а 411	—	—
300	12	» » темно-зеленый	а 422	7	—
300	13	Мелкокрученый » темно-оливковый	а 432	—	—
300	14	Крученый » »	а 438	—	7
300	15	Гладкий » зеленый	а 439	—	—
300	16	» » темно-оливковый	а 443	6	7
300	17	Крученый » фиолетовый	а 443	5	6
300	18	» » голубой	а 446	7	—
300	19	» » синий	а 453	7	—
300	20	Гладкий » желтый	а 457	6	—
300	21	Мелкокрученый » синий	а 476	4	7
300	22	Плосковыпуклый » синий	а 476	—	—
300	23	Крученый » коричневый	а 486	—	—
300	24	» » зеленый	а 499	—	7
301	1	Гладкий круглый желтый	а 537	—	—
301	2	» » расстеклованный	а 545	7	5
301	3	» » синий	а 555	7	—
301	4	» » светло-зеленый	а 591	—	—
301	5	» » темно-оливковый	а 680	—	6
301	6	» » желтый	а 778	—	7
301	7	Крученый » коричневый	а 3931	7	—
301	8	Гладкий » зеленый	а 3941	—	—
301	9	Крученый » коричневый	а 4065	5	6
301	10	» » голубой	а 4126	—	—
301	11	Гладкий » зеленый	а 4142	—	7
301	12	Мелкокрученый круглый голубой	а 4242	6	—
301	13	Крученый » зеленый	а 4248	—	7
301	14	Гладкий » »	а 4427	—	7
301	15	Крученый » синий	а 4462	4	7
301	16	» » темно-оливковый	а 4558	5	—

стеклянных браслетов из Полоцка (кол. № 2843)

Cr	K	Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Sl	Sb	Mg	Pb	P	As	Fe	In	Ge
7	—	7	4	4	—	5	4	6	5	4	5	6	4	7	—		—	5	1					
7	—	7	4	4	—	5	4	—	5	4	3	6	5	—	6		—	5	1					
7	—	7	4	4	—	5	4	—	5	4	4	6	4	7	—		—	5	1					
5	—	7	4	4	—	5	4	—	5	4	2	6	4	—	6		—	5	1					
5	—	6	4	4	—	5	4	—	5	4	4	6	6	—	—		—	5	2					
5	2	—	5	6	—	7	7	—	5	5	4	7	4	5	—		—	6	2					
5	2	5	4	5	—	6	7	7	4	5	5	7	4	5	—		6	5	3					
4	3	5	4	4	4	6	6	—	2	7	5	5	—	6	—		—	3	6					
—	—	4	5	5	—	6	4	7	6	5	4	6	5	5	—		—	4	3					
6	—	6	5	4	—	5	4	—	5	4	5	6	5	—	—		—	4	2					
5	2	7	4	5	—	6	7	6	4	4	3	6	6	5	—		7	5	3					
6	—	7	4	5	—	6	4	—	5	4	4	6	4	—	—		7	5	1					
4	3	4	3	4	4	5	6	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	6					
7	6	4	4	4	—	6	4	—	7	6	4	6	5	5	—		—	4	3					
7	7	6	5	4	—	5	4	—	5	4	4	6	4	7	—		—	5	1					
6	2	5	4	5	—	6	6	7	5	5	3	6	5	5	—		—	5	3					
5	2	4	5	5	—	5	7	7	5	5	3	6	5	4	5		7	6	2					
6	—	7	5	4	—	5	4	7	5	4	3	6	4	7	7		—	5	1					
7	2	7	5	5	—	7	7	—	5	5	4	6	5	5	—		—	5	3					
5	2	5	5	5	—	6	5	7	4	4	3	5	4	5	5		7	5	2					
6	2	7	5	5	—	6	7	6	5	4	3	6	5	5	—		7	5	3					
6	2	3	4	4	—	5	4	7	5	5	4	4	5	4	—		7	5	3					
5	2	4	4	4	7	5	6	5	3	4	3	5	4	5	6		7	5	2					
5	2	4	5	6	—	6	6	7	4	5	4	6	4	4	—		7	5	3					
7	—	4	4	6	—	6	4	—	5	4	4	6	4	6	6		—	4	2					
5	2	4	5	6	—	6	7	6	4	5	3	6	4	4	6		7	5	2					
6	2	4	5	7	—	7	6	7	5	5	3	6	5	5	—		—	4	3					
5	2	4	5	7	—	6	7	—	5	4	3	6	4	4	5		7	5	3					
7	—	5	5	4	—	6	4	—	—	4	5	6	5	4	—		—	4	3					
5	2	5	5	6	—	6	6	7	4	5	4	6	4	4	—		6	5	3					
5	—	4	5	4	7	5	4	7	4	4	4	6	4	5	6		—	4	2					
4	3	4	5	4	4	6	6	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	6					
6	2	5	5	4	—	6	7	6	4	5	3	5	4	4	7		—	5	3					
6	—	5	4	6	—	5	4	7	5	4	4	6	4	6	6		7	4	2					
6	2	5	5	7	—	7	7	—	5	5	4	6	5	5	—		—	5	3					
6	7	5	5	7	—	6	7	6	5	5	4	6	5	5	—		7	5	3					
7	—	5	4	7	—	6	6	—	6	4	5	7	4	7	—		—	5	2					
6	2	5	5	6	—	6	7	5	5	5	3	6	4	5	6		—	5	3					
6	2	4	5	5	—	6	7	6	5	7	5	6	6	5	—		—	5	3					
5	2	5	5	3	—	5	7	6	5	6	4	5	5	5	—		—	5	3					
6	2	5	5	7	—	5	7	5	5	4	2	6	4	5	6		—	5	2					
6	2	5	5	7	—	5	7	5	5	4	2	6	4	5	7		—	5	3					
6	2	5	5	7	—	7	7	—	5	5	4	6	4	5	—		—	5	3					
4	3	4	4	3	4	5	6	—	2	—	5	5	—	5	—		—	3	6					
5	2	5	6	4	—	7	7	—	4	5	3	6	4	5	—		—	5	3					
6	2	5	5	7	—	7	7	6	5	5	4	6	4	4	—		—	5	3					
7	—	5	4	7	—	6	4	—	5	4	3	6	4	—	5		—	4	1					
6	—	—	5	4	—	6	4	—	5	4	4	6	4	—	—		—	4	1					
6	3	3	4	5	—	5	4	6	6	4	3	4	4	—	—		—	4	3					
6	2	7	4	5	—	7	7	6	5	5	3	6	4	5	7		—	4	3					
6	2	5	4	5	—	6	5	—	5	4	4	6	4	5	—		—	4	3					
5	4	5	4	4	—	5	5	6	5	4	4	6	4	5	7		—	4	1					
6	5	5	5	4	—	5	4	—	5	4	3	6	4	7	—		—	4	1					
5	4	5	4	5	—	6	7	—	2	7	5	5	7	4	—		—	3	5					
5	2	7	5	6	—	6	7	5	—	4	3	5	4	4	6		7	5	2					
5	2	4	5	5	—	5	7	6	5	6	5	5	6	4	—		7	5	2					
5	2	4	5	5	—	6	7	5	—	4	3	6	4	4	6		7	5	2					
5	6	5	5	4	—	5	4	—	5	4	3	5	4	—	—		—	4	2					
5	2	4	5	5	—	6	7	7	5	4	3	6	5	4	7		6	5	2					
6	—	7	5	4	—	5	4	—	5	4	3	6	4	—	6		—	4	1					
6	—	7	5	4	—	5	4	6	5	4	3	6	4	—	7		—	4	1					
4	3	4	3	4	4	5	5	—	2	7	6	5	—	5	—		—	3	5		7			
4	3	5	4	4	7	5	5	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	1					

Основа

№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba
301	17	Гладкий круглый темно-оливковый	а 4618	—	7
301	18	» » желтый	а 4620	—	7
301	19	» » бирюзовый	а 5041	—	—
301	20	Мелкокрученый » темно-оливковый	а 5139	7	—
301	21	Гладкий » зеленый	а 5580	—	7
301	22	» » »	а 6470	—	—
301	23	» » оливковый	а 6501	7	—
301	24	Мелкокрученый » »	а 6502	7	—

ске [16] и в ряде древнерусских курганов [17]. Анализ и обсуждение самой диаграммы и ее особенностей лучше отложить до выяснения картины распространения во времени браслетов из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Сейчас, убедившись, что свинцовые браслеты существуют с рубежа XII—XIII вв. до первой половины XIV в., обратимся к их подробному рассмотрению.

Свинцово-кремнеземное стекло самое простое по составу и самое простое по технологии варки, проходящей при невысоких температурах от 800°. В состав стекла входят только два компонента: песок SiO_2 с бóльшим или меньшим содержанием глинозема и окись свинца — PbO.

Среди древнерусских свинцовых стекол известны два варианта составов, которые различаются количеством содержащейся в стекле окиси свинца. Есть многосвинцовые стекла, в состав которых входит до 75% окиси свинца. Такие стекла употреблялись для изготовления мозаичных кубиков, перстней и браслетов [18]. Некоторые мелкие поделки XI в. (перстни, бусы) содержат около 30% окиси свинца в своем составе. На основании многочисленных сопоставлений нужно считать, что в табл. 1 цифрой «1» обозначается количественное содержание свинца, близкое к количеству, характеризующему первую группу: от 64 до 75%, цифрой «2» — приблизительно от 35 до 25%.

Многосвинцовое стекло употреблено на изготовление 14 браслетов (табл. 1, ан. № 299 : 1—4,12,15,19; 300 : 24; 301 : 1,5,6,13,14,21); остальные 12 (табл. 1, ан. № 299 : 5,9,10,14; 300 : 2,6,8,11,14; 301 : 11,17,18) изготовлены из стекла с меньшим содержанием свинца. Оба варианта свинцовых стекол сосуществуют. Подобные изменения состава свинцовых стекол зафиксированы не раз (Смоленск, Церковище, Новгород и т. д.). Почти на всех памятниках сосуществуют и другие изделия из обоих вариантов свинцовых стекол. Уменьшение количества вводимого сырья является свидетельством возникновения более экономичного производства, но, видимо, в силу ряда причин это нововведение не получило признание и некоторые мастера продолжали применять старую рецептуру.

Рассмотрим составы свинцовых стекол с точки зрения содержащихся в них других элементов, которые могут сопровождать свинец или песок, например титан, серебро, олово, алюминий, магний, кальций.

В 24 образцах, кроме двух (табл. 1, ан. № 300 : 14; 301 : 5), замечена значительная примесь окиси титана. Степень концентрации титана выражена через «4». Указать точное количественное содержание титана в пробе мы не можем, в этом недостаток применяемого нами метода. Однако при анализе больших серий, когда вслед за количественными определениями начинается статистическая обработка этих результатов, этот недостаток не столь важен. Для характеристики особенностей каждого

[16] А. А. Мансуров. Археологическая карта реки Прони. СА, IV, 1937.

[17] Г. Ф. Соловьева, В. В. Кропоткин. Ук. соч.

[18] М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, табл. 16, анализы № 141, 74; табл. 17, № 175, 178; табл. 18, № 157—160; табл. 19, № 28—31; табл. 25, № 183—184; табл. 24, № 65—66.

Таблица 1 (продолжение)

Cr	K	Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	As	Fe	In	Ge
6	—	7	5	4	7	5	4	—	5	4	5	6	4	7	—		5	4	2		6			
5	6	6	5	4	—	6	4	—	5	4	5	5	4	—	—		—	4	3					
6	2	7	5	5	—	6	6	5	5	4	3	6	4	4	6		—	5	3					
6	2	6	5	5	—	6	6	7	5	5	5	6	4	4	—		7	5	3					
5	5	5	5	4	—	5	4	7	5	4	3	6	4	7	6		—	4	1					
6	2	7	5	5	—	7	6	—	5	5	4	6	4	5	—		—	4	3					
6	2	5	5	5	—	6	7	6	5	5	4	6	4	4	—		—	5	2					
6	2	6	5	5	—	6	7	6	5	5	4	6	4	4	—		—	5	3					

класса оказывается вполне достаточной констатация качественного признака, выраженного через определенный количественный показатель.

С титаном «4» постоянно сочетается серебро и олово с тем же коэффициентом «4». Часть составов ведет себя постоянно по отношению к кальцию «5», магнию и алюминию по «4». Эта группа составлена из следующих образцов (табл. 1, ан. № 299 : 10, *12*, *15*, *19*; 300 : 8, 11, *24*; 301 : *1*, *6*, 11, *13*, *14*, 17, 18, *21*). По отношению к количеству свинца эта группа ведет себя по-разному. Набранные здесь курсивом номера образцов относятся к многосвинцовой, остальные — к свинцовой группе стекол.

Нужно отметить еще один вариант состава свинцового стекла, который отличается от только что описанного несколько бо́льшим содержанием окиси кальция (табл. 1, ан. № 299 : 1, 2, 3, 4, 5; 300 : 2). Все браслеты этой группы гладкие желтого (1), зеленого (2), темно-оливкового (3) цветов. Все браслеты, кроме одного (№ 290 : 5), изготовлены из многосвинцового стекла.

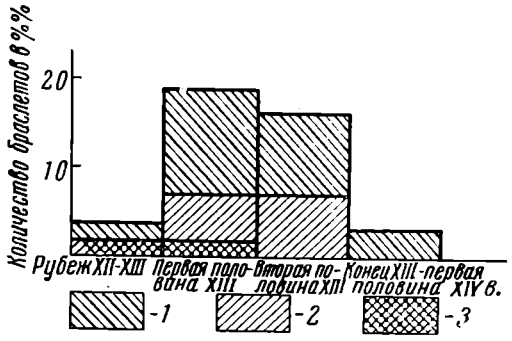


Рис. 3. Количественное соотношение браслетов из свинцово-кремнеземного стекла трех вариантов

1 — свинцово-кремнеземное стекло с титаном; *2* — свинцово-кремнеземное стекло с титаном и кальцием; *3* — свинцово-кремнеземное стекло без титана

Рассмотрим хронологически три новые группы (рис. 3). Каждая из этих групп отличается друг от друга либо наличием окиси титана в следах «5» (табл. 1, ан. № 300 : 14; 301 : 5), либо при равных условиях повышенным содержанием окиси кальция при повышенном содержании титана (табл. 1, ан. № 299 : 1—5; 300 : 2), либо только высоким содержанием титана. Изменение структуры трех браслетов (табл. 1, ан. № 299 : 9, 14; 300 : 6) могло изменить состав стекла, поэтому мы исключаем эти три образца из подробного анализа.

Для выяснения значения всех отмеченных различий построены диаграммы на рис. 3. Теперь нам совершенно очевидна взаимная связь разных вариантов составов во времени. Самая меньшая группа браслетов из

Таблица 2

Дата	Число находок	Процент от общего числа
Рубеж XII — XIII вв.	2	2,81
Первая половина XIII в.	11	15,47
Вторая половина XIII в.	10	14,05
Конец XIII в.	1	1,41
Первая половина XIV в.	2	2,81
	26	36,55

свинцового стекла, где титан обнаружен только в следах, относится к начальному периоду существования браслетов из свинцово-кремнеземного стекла.

Браслеты из стекла, содержащего в своем составе, кроме окиси титана (алюминия, серебра, олова и магния), повышенное количество окиси кальция, известны в XIII в.

Из калиево-свинцово-кремнеземного стекла изготовлено 37 браслетов, из которых 16 гладких, 21 крученый. Хотя по форме браслеты из этого стекла неотличимы от браслетов из свинцово-кремнеземного стекла, соотношение между гладкими и крученными браслетами обеих групп разное. Соответственно 21 к 5 и 16 к 21. Однако, как мы видим, разница в форме не столь велика, чтобы руководствоваться ею при выделении характерных черт для браслетов, изготовленых из стекол разных составов.

Таблица 3

Цвет	Число находок	
	браслеты из стекла Pb—Si	браслеты из стекла K — Pb — Si
оливковые	13	14
зеленые	7	6
желтые	6	2
бирюзовые	—	8
фиолетовые	—	3
синие	—	3
черный	—	1
Итого	26	37

Среди браслетов этой группы 14 оливковых, 6 зеленых, 2 желтых, 8 бирюзовых, 3 фиолетовых, 3 синих и 1 черный. Сопоставим цветовую характеристику обеих групп (табл. 3). Совершенно очевидно, что браслеты бирюзовые, фиолетовые и синие изготавливаются только из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Оливковые, зеленые и желтые — из стекол обоих составов.

Из табл. 1 следует, что браслеты других цветов (оливковые, зеленые и желтые) наполовину изготовлены из этого же стекла, а другая половина — из свинцово-кремнеземного. По некоторым признакам, например легкой трещиноватости стекла или расстекловыванию внешнего слоя, можно, при известном опыте, отличать изделия из калиево-свинцово-кремнеземного стекла от изделий из стекла других составов, встречающихся в русском средневековье в домонгольский период. Правда, такого рода определения очень ненадежны, но и ими можно пользоваться для выяснения самой общей характеристики вновь открываемого комплекса.

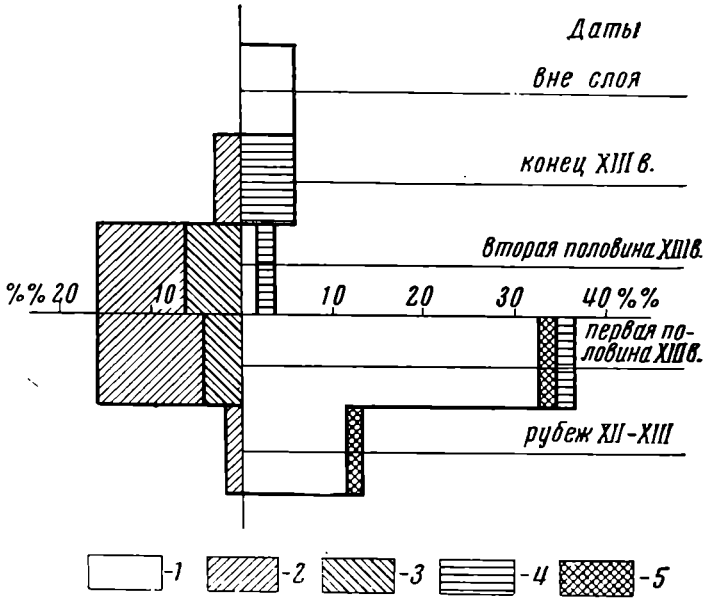


Рис. 4. Соотношение браслетов разного производства в Полоцке (хронологическая схема)

1 — браслеты киевского производства (K — Pb — Si); *2* — браслеты условно полоцкие (Pb — Si с Ti и Ca); *3* — браслеты условно полоцкие (Pb — Si с Ti); *4* — браслеты греческого (киевского) производства (Na — K — Ca — Mg — Si); *5* — браслеты русского производства

Браслеты из калиево-свинцово - кремнеземного стекла встречаются в Полоцке с рубежа XII—XIII вв. сразу в большом количестве (табл. 4).

Графически это может быть передано диаграммой (рис. 4). Замечательно, что, появляясь одновременно с браслетами из свинцово-кремнеземного стекла, браслеты из калиево-свинцово-кремнеземного бытуют относительно короткое время, пол-

ностью исчезая в первой половине XIII в. Аналогичную историю переживают все виды стеклянных изделий киевского производства, например перстни, бусы, посуда и оконное стекло [19].

Значительная часть браслетов, найденных в Новгороде и изготовленных из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, привезена из Киева [20]. По аналогии можно предполагать, что и в Полоцк эта часть браслетов привезена из Киева. Против категорического решения этого вопроса можно возражать, но полное исчезновение браслетов из стекла K—Pb—Si

Таблица 4

Дата	Рубеж XII—XIII вв.	Первая половина XIII в.	Вторая половина XIII в.	Вне слоя	Итого
Число находок	8	24	1	4	37
Процент от общего числа	11,6	33,8	1,41	5,63	52,44

из слоев второй половины XIII в. бесспорно указывает на южнорусский центр, разгромленный татарами в середине XIII в. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, наиболее вероятным местом производства этих браслетов и других изделий представляется все-таки Киев.

Данные рассмотрения стеклянных браслетов Полоцка сведены в табл. 5.

Таблица 5

Дата	Составы					Итого	
	Pb — Si	K—Pb—Si	K — Na — Pb — Si	K — Na — Ca — Si	Na—Ca—Si; K — Na — Ca — Mg — Si	количество	%
Рубеж XII — XIII вв.	2	8	—	1	—	11	15,47
Первая половина XIII в.	11	24	1	1	—	37	52,11
Вторая половина XIII в.	10	1	—	—	1	12	16,88
Конец XIII — первая половина XIV в.	3	—	—	2	2	7	9,86
Вне слоя	—	4	—	—	—	4	5,63
Итого	26	37	1	4	3	71	
%	36,62	52,11	1,41	5,62	4,21		99,97

Чтобы представить себе динамику всех происходящих с браслетами изменений, следует построить сводную диаграмму (рис. 4). В отличие от всех предыдущих диаграмм, здесь хронологическая шкала расположена по вертикали. Справа от оси — диаграмма, отражающая ввоз браслетов в Полоцк, слева — браслеты предполагаемого местного производства.

Одного взгляда на диаграмму достаточно, чтобы бросилась в глаза разница ритмов развития браслетов всех пяти групп.

Браслеты производства греческих мастерских Киева составляют 10% общего объема браслетов, бытующих в Полоцке. Можно думать, что часть из них попала в результате неглубоких перекопов в более высокие горизонты. Это лишает нас возможности составить полное представление о браслетах всей группы. Мысль о производстве именно таких браслетов в Полоцке с конца XIII в. вряд ли можно доказать. Прежде всего, эти четыре браслета изготовлены из стекла трех составов, но это не главный аргумент против. Гораздо важнее, что с подобным явлением мы не

[19] Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия древнего Новгорода. МИА, 117, 1963.
[20] М. Д. Полубояринова. Ук. соч.

встречались ни разу, остальные же черты, характеризующие браслеты Полоцка, в большей или меньшей степени выражены в характеристиках браслетов других древнерусских городов (Новгород, Смоленск, Минск, Друцк и т. д.). Вряд ли можно предполагать, что стеклоделы-греки бежали из Киева в Полоцк. Если бы так случилось, мы непременно встретились бы в Полоцке и с другими изделиями этих мастеров: с перстнями, бусами. Но поскольку весь комплекс археологических находок восстает против подобных предположений, мы можем только сожалеть, что для характеристики истории полоцких браслетов пригодна лишь меньшая часть находок этой группы.

В массе браслеты появляются на рубеже XII—XIII вв.; может быть, появление браслетов из калиево-свинцово-кремнеземного стекла следует отодвинуть на вторую половину XII в. Если исходить из предположения, что браслеты из свинцово-кремнеземного стекла с примесью титана изготовлены где-то в районе Полоцка или в самом городе, дальнейшая история стеклянных браслетов в Полоцке может быть представлена в следующем виде.

До начала XIII в. почти все браслеты в Полоцк привозились из Киева, очень небольшое количество — из других городов (см. диаграмму), возможно, очень немногие из них производились в самом Полоцке. Практически они теряются в массе браслетов, ввозимых из Киева.

В первой половине XIII в. количество браслетов увеличилось. Примечательно, что сильно изменилось соотношение браслетов привозных и местных, последние составляют теперь уже треть всего объема браслетов, находящихся в употреблении. Изделия греческих мастерских Киева и других городов по-прежнему мало заметны.

Во второй половине XIII в. сокращается число браслетов — это одна сторона процесса. С другой стороны, что очень важно, совсем исчезают браслеты киевского производства, браслеты полоцкого производства сохраняются в прежнем объеме. Изменения, происшедшие с браслетами, находятся в тесной связи с событиями 30—40-х годов XIII в., с татаро-монгольским завоеванием Руси, с разорением юго-восточных и южных производственных центров, с разгромом самого Киева. Вторая половина XIII в. археологически характеризуется резким исчезновением изделий киевского производства, таких как амфоры, стеклянные бусы и посуда, писанки и многие другие. Исчезают, как мы видим, и браслеты киевского производства.

Объем же браслетов полоцкого производства стабилен на протяжении всего столетия. Все браслеты сходны по составу. Все они изготовлены из свинцово-кремнеземного стекла с примесью титана, одинаковы по форме и цвету на всем протяжении этого столетия. Именно постоянство всех характеристик стеклянных браслетов Полоцка в конкретно-исторических условиях XIII в. северо-западной Руси и следует рассматривать как самое надежное доказательство их местного производства. В более позднее время, в первой половине XIV в., в культурном слое Полоцка еще встречаются стеклянные браслеты, это уже редкие примеры употребления некогда модного украшения. Производство браслетов прекратилось, но это не значит, что стеклоделие в Полоцке исчезло бесследно. В поливе на изразцах, посуде, игрушках и на других керамических изделиях нужно искать продолжение линии развития полоцкого стеклоделия. К сожалению, стеклоделие Полоцка XIII—XIV вв. не стало основой его развития в дальнейшем. В Полоцке повторился Новгород. Там также стеклоделие XII—XIV вв. не развивалось в более позднее время. В Новгороде мы также встречались с производством браслетов, небольшого числа перстней и бус и поливных изделий из глины: посуда, игрушки и т. д.[21]. Внешнее сходство истории стеклоделия Новгорода и Полоцка позволяет предполагать сходство внутренних причин, повлекших за собой развитие внешне похо-

[21] Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия древнего Новгорода.

жих явлений. Причина скорее всего кроется в том, что развитие и полоцкого и новгородского стеклоделия имело очень узкую производственно-техническую базу. Только свинцово-кремнеземное стекло, изготовление одних браслетов, знание только одной-двух операций со стеклом (вытягивание, кручение, накручивание), отсутствие более сложных профессиональных навыков и знаний — все вместе обрекало стеклоделие на угасание сразу, как только браслеты выйдут из моды. Так оно и произошло.

Изучение браслетов Полоцка в какой-то степени конкретизировало наши представления об истории самого массового древнерусского женского украшения. Большая часть браслетов Полоцка привезена из Киева, но есть еще целая серия изделий, изготавливавшаяся в местных мастерских. Деятельность этих мастерских развивалась в течение целого столетия. Можно видеть, что внешние события, такие как политическая борьба, военные столкновения, княжеская междоусобица, войны с Литвой и т. д., мало отражались на развитии этого производства. Его развитие шло по собственным, ему присущим закономерностям, которые определяли и ритм этого развития и причины его падения.

Е. К. СЫЧЕВСКАЯ

РЫБЫ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

В жизни древнего Новгорода, как и других славянских поселений и городов Северо-Западной Руси (Старая Ладога, Камно, Псков и др.), рыболовство издавна играло весьма значительную роль.

Возникновение рыбного промысла на берегах оз. Ильмень относится еще ко времени появления здесь первых поселений, о чем говорят находки орудий рыболовства и охоты в Коломцах (восточный берег озера), относящиеся к неолитической эпохе [1]. Рыба была обычной пищей жителей дохристианского новгородского поселения. Об этом свидетельствуют находки рыбьих костей, чешуи и рыболовных грузил в языческих могильниках. Такие находки были сделаны, например, при раскопках дохристианского могильника X в. на Ярославовом дворе [2]. Обычай сопровождать умершего пищей не изжил себя и в более позднюю эпоху: рыбьи кости и чешуя найдены во многих захоронениях начала XIII в. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря [3]. Мы имеем в виду погребения посадника Дмитра Мирошкинича и его отца, умерших соответственно в 1203 и 1209 гг., посадника Семена Борисовича, умершего в 1230 г., и сыновей князя Изяслава Владимировича.

Рыбьи кости, чешуя и остатки рыболовного снаряжения относятся к числу наиболее обычных находок, встречаемых при раскопках в различных районах Новгорода и его пригородов. Так, раскопки 1938 г. в Новгородском Кремле дали большое количество рыболовных грузил в слоях XIV—XVII вв., а также в более глубоких слоях (XI—XII вв.), где помимо этого были найдены скопления рыбьей чешуи. Грузила были найдены и при разведочных раскопках подгородного княжеского имения (X—XI вв.) в с. Ракоме [4]. Раскопки Рюрикова Городища в 1935 г. обнаружили кости рыб, чешую, каменные и глиняные рыболовные грузила в слоях X в. и великокняжеской эпохи. Грузила встречены также при раскопках на Ярославовом дворе, на Славне и т. д. На Неревском раскопе они, наряду с поплавками, были самыми частыми находками [5].

Все сказанное, очевидно, свидетельствует о том, что рыбный промысел был широко распространен в древнем Новгороде и рыба служила важным продуктом питания для самых различных слоев населения на протяжении многих веков. Это подтверждается и письменными источниками (наиболее ранние относятся к XII в.), в которых упоминания о рыбе

[1] А. А. Строков. Раскопки Холопьей улицы древнего Новгорода. НИС, 1, 1936, стр. 41.

[2] А. А. Строков. Дохристианский могильник (по данным археологических раскопок на Ярославовом дворе). НИС, 6, 1939, стр. 51—53.

[3] М. К. Каргер. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935). СА, XIII, 1946.

[4] А. А. Строков. Археологические разведки в селе Ракоме. НИС, 5, 1939, стр. 54.

[5] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, 55, 1956.

встречаются весьма часто. Судя по некоторым из них, рыба служила также важным объектом торговли.

Несмотря на то, что при раскопках в Новгороде находки остатков рыб довольно часты, они до сих пор не служили объектом детального изучения. Единственной работой по этому вопросу является предварительное сообщение В. Д. Лебедева о видовом составе рыб древнего Новгорода, основанное на просмотре первых материалов, полученных из Неревского раскопа (в 1951—1952 гг.) [6].

Настоящая работа посвящена изучению остатков рыб из культурного слоя Неревского раскопа, собранных экспедицией ИИМК АН СССР под руководством А. В. Арциховского в 1951—1958 гг. Полученный материал, представляющий кухонные остатки преимущественно из слоев X—XIV вв. (по XV в. материала почти нет), включает 999 костей и большое количество чешуи, которая встречалась в раскопе часто в виде целых «залежей». Некоторые кости имеют следы обработки.

Территория, на которой производились раскопки, представляла в древнем Новгороде жилой квартал, и поэтому можно думать, что найденные остатки в целом достаточно полно характеризуют потребление рыбы населением. Конечно, соотношение остатков отдельных видов рыб в коллекции далеко не во всех случаях отражает их истинное значение в потреблении и тем более в промысле древних новгородцев. Здесь могли влиять такие трудно учитываемые факторы, как неполнота и известная случайность сборов, неодинаковая способность различных костей к сохранению в земле, различная специфика потребления у отдельных социальных групп населения и т. п. Все же полученные данные по видовому составу рыб в сумме с ранее известными свидетельствами письменных источников и многочисленными находками остатков орудий лова дают возможность составить определенное представление о характере рыбного промысла в древнем Новгороде.

Костные остатки изучены полностью. Чешуя из-за многочисленности обрабатывалась не целиком. Из каждой пробы исследовалась средняя навеска; кроме того, просматривалась вся чешуя в пробе и устанавливалось примерное соотношение видов. Всего исследовано 10 570 экз. чешуи и 999 костей. Изучение остатков по векам не дало надежных отличий, поэтому материал в возрастном отношении не расчленен. Определение размеров рыб и видовой принадлежности велось по методу, описанному у В. Д. Лебедева [7]. Часть материала (53 кости и 2619 чешуй) обработана сотрудником кафедры ихтиологии МГУ М. С. Камышной, которой автор выражает искреннюю признательность за предоставление в наше распоряжение полученных данных. Пользуюсь также случаем выразить благодарность проф. В. Д. Лебедеву за помощь, оказанную при выполнении данной работы. Ниже дается разбор материала по видам.

Сем. *Acipenseridae* — Осетровые

Балтийский осетр — *Acipenser sturio* (L.)

В коллекции имеется один парасфеноид от особи длиной (*l*) 204 *см* и пять жучек.

Судя по письменным источникам, осетр добывался древними новгородцами в большом количестве и, будучи одной из наиболее ценных пород рыб, служил, по-видимому, важным объектом меновой торговли. О том, насколько важную роль играл его промысел, говорит тот факт, что даже для новгородских князей право ловли осетра оговаривалось специальны-

---

[6] В. Д. Лебедев. Пресноводная четвертичная ихтиофауна европейской части СССР. М., 1960, стр. 143—150.

[7] В. Д. Лебедев. Ук. соч., стр. 22—27.

ми грамотами: «А осетреннику твоему ездити в Ладогу по грамоте отца твоего, како пошло» [8]. Из осетра варили клей:

«Строганы те стрелы во Новегороде,
Клеены они клеем осетра-рыбы» [9].

Использовались для этой цели плавательные пузыри рыб, что само по себе предполагает массовый вылов балтийского осетра.

Немногочисленность остатков осетра в материале из Неревского раскопа, конечно, не отражает действительного состояния промысла этой рыбы. Кости осетра шли на различного рода поделки (в частности, на данном раскопе найдены три нательных креста и одна заготовка из жучек осетра), и в кухонные отходы, вероятно, поступала лишь небольшая часть костных остатков.

Промысел, по-видимому, был сезонным, поскольку осетр как проходная рыба появлялся в Волхове лишь во время нерестового хода. По всей вероятности, он был широко распространен в основном ниже Волховских порогов; об этом могут свидетельствовать многочисленные находки остатков осетра в близлежащих славянских поселениях предшествующей эпохи (VII—X вв.), например в Старой Ладоге (М. Тихий, 1923; В. Д. Лебедев, 1960). Судя по этим остаткам, в уловах того времени преобладали рыбы старших возрастов, т. е. стадо осетра не было нарушено промыслом.

Находки костей осетра в Новгороде позволяют в какой-то степени предполагать существование промысла этой рыбы в верховьях Волхова, но, по-видимому, бóльшую часть улова все же давал промысел ниже порогов. Следует указать, что в XIX в. случаи поимки балтийского осетра выше Волховских порогов отмечались весьма редко [10]; некоторые авторы считали, что этот вид вообще не переходит через пороги [11].

В настоящее время осетр в бассейне р. Волхов почти не встречается, в Ильмень после постройки Волховской ГЭС не заходит и как объект промысла утратил свое значение. Почти полное исчезновение балтийского осетра связано с развитием тралового рыболовства в Балтийском и Северном морях [12], ухудшением условий нереста в связи с загрязнением нерестовых рек [13] и многовековым хищническим ловом на нерестилищах.

Сем. *Salmonidae* — Лососевые

Волховский сиг, сиголов — *Coregonus lavaretus* (Kessler)

Этому виду принадлежат: 2 экз. *praeoperculum*, 3 экз. *operculum dex.*, 1 экз. *suboperculum*, 2 позвонка и 14 чешуй. Длина рыб, вычисленная по пяти костям, составляла 31,4; 31,9; 35,9; 37,7; 49,9 *см*, в среднем — 37,3 *см*. Современный сиг обычно бывает длиной 43—49 *см*.

Темп роста, расчисленный по трем жаберным крышкам, существенно не отличается от такового у современного сига, хотя у последнего (табл. 1, рис. 1) средние размеры отдельных возрастных групп и годовые приросты несколько увеличились. Эти изменения, если только они достоверны (ввиду малочисленности исследованного материала), могли произойти под влиянием возросшего вылова.

Возраст рыб, установленный по двум позвонкам, 14 чешуям и трем жаберным крышкам, колеблется от 2 до 12 лет, преобладают особи в воз-

---

[8] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, стр. 17.

[9] Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938, стр. 15—16.

[10] И. В. Кучин. Рыбный промысел на Ильмень-озере. «Вестн. рыбопр.», 1904, 1, 2.

[11] К. Ф. Кесслер. Описание рыб, которые водятся в водах Петербургской губернии. СПб., 1864; Н. А. Варпаховский. Рыбы озера Ильменя и реки Волхова Новгородской губернии. Зап. АН, 53, 1886.

[12] Л. С. Берг. О необходимости охраны осетра в бассейне Финского залива. «За рыбную индустрию севера», 1935, 7.

[13] В. Д. Лебедев. Ук. соч.

Таблица 1

Темп роста (расчисленный) и годовые приросты волховского сига из древнего Новгорода и оз. Ильмень, 1926 г.

Место	Промеры, *см*	Возраст (в годах)							
		1	2	3	4	5	6	7	8
Древний Новгород, X—XIV вв.	Длина	14,46	21,3	27,8	33,5	—	—	—	—
	Годовой прирост	14,46	6,84	6,5	5,7	—	—	—	—
Оз. Ильмень, 1926 г.	Длина	18,52	27,59	34,56	41,48	45,41	49,03	51,98	54,7
	Годовой прирост	18,52	9,18	8,57	7,37	6,92	3,9	3,0	2,8

расте 5, 6, 8 лет. Указанные три возрастные категории наиболее характерны для ходового сига [14]; таким образом, лишний раз подтверждается, что эта рыба добывалась древними новгородцами в основном во время нерестового хода. Косвенным свидетельством сезонности лова сига могут также служить сообщения письменных источников о колебаниях цен на эту рыбу [15]: «Не посетуй, господин, насчет сигов. Еще сигов нет по подходящей для тебя цене. А я тебе кланяюсь».

Волховской сиг интенсивно промышлялся уже в VII—X вв., на что указывают массовые находки его чешуи в Старой Ладоге [16]. Видимо, и в X—XIV вв. промысел сига был широко распространен, так как эта рыба неоднократно упоминается в различных новгородских документах. Насколько велика была популярность сига у древних новгородцев, говорит находка костяного изображения этой рыбы [17]. О размере промысла может свидетельствовать тот факт, что в несколько более позднюю эпоху (XVI в.) новгородцы должны были поставлять для царского стола ежегодно по 640 сигов с тоней в Волхове и Ладожском озере [18].

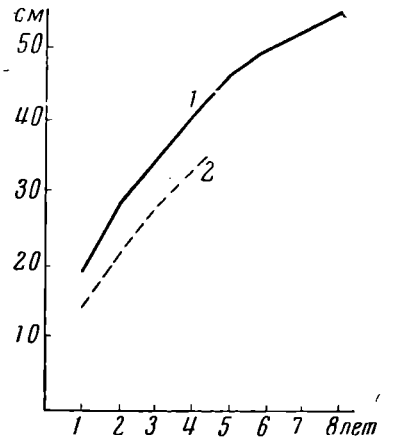


Рис. 1. Темп роста волховского сига

1 — оз. Ильмень, 1926 г.; *2* — древний Новгород, X—XIV вв.

Ввиду всего сказанного кажется странной малочисленность костей сига в Неревском раскопе. Отчасти это следует объяснять некоторой неполнотой сборов при раскопках, отчасти, по-видимому, тем, что сиг как ценная рыба был доступен лишь относительно состоятельным жителям древнего Новгорода. Кроме того, кости сига плохо сохраняются — их охотно поедают собаки, свиньи и другие домашние животные.

В настоящее время, после постройки Волховской плотины, сиг не идет на нерест в верховья р. Волхов и оз. Ильмень и промыслового значения в этом районе не имеет.

Сем *Esocidae* — Щуковые

Щука — *Esox lucius* (L.)

Представлена 57 костными остатками (13,7% всех собранных рыбьих костей): 3 экз. *dentale dex.*, 6 экз. *dentale sin.*, 1 экз. *articulare sin.*, 1 экз.

[14] П. Ф. Домрачев, И. Ф. Правдин. Рыбы озера Ильменя и реки Волхова и их хозяйственное значение. «Матер. по исслед. р. Волхова и его бассейна», X, ч. 2.

[15] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 года). М., 1958.

[16] В. Д. Лебедев. Ук. соч., стр. 45.

[17] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода.

[18] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Имп. Академии наук, I, 1294—1598 гг., СПб., 1836, стр. 388.

Таблица 2

Размеры щуки из древнего Новгорода, X — XIV вв.

Количество экземпляров	Класс длины, *см*									Всего	Средняя длина, *см*	$\pm m$	σ
	35—45	45—55	55—65	65—76	76—85	85—95	95—105	105—115	115—125				
Абсолютное	4	6	7	4	4	1	1	2	1	30	66,8	0,764	4,183
%	13,3	19,6	23,2	13,2	13,2	3,3	3,3	6,6	3,3	100			

maxillare sin., 3 экз. *parasphenoideum*, 2 экз. *praemaxillare dex.*, 1 экз. *operculum sin.*, 2 экз. *praeoperculum dex.*, 3 экз. *frontale sin.*, 2 экз. *posttemporale*, 7 экз. *cleithrum dex.*, 4 экз. *cleithrum sin.*, 2 экз. *r. branchiostegi*, 20 позвонков и большое количество чешуи (7,6% общего числа всех исследованных чешуй).

Размеры рыб, установленные по 30 костям, даны в табл. 2.

Возраст рыб определялся по чешуе и позвонкам (табл. 3).

Как видно из материала таблиц, промысел в древнем Новгороде охватывал рыб в возрасте от 1 до 16 лет, причем основную массу улова составляли особи 4—7 лет. Длина рыб колеблется от 40 до 117 *см*; преобладающие размеры — 40—80 *см*.

Для сравнения приводятся данные, характеризующие стадо щуки в р. Волхов и оз. Ильмень в наше время[19]. Здесь вылавливаются рыбы от 8 до 70 *см*, с преобладанием особей 26—33 *см*. П. Ф. Домрачев и И. Ф. Правдин указывают, что основу промысла в оз. Ильмень в 20-х годах составляли рыбы от 1 до 3 лет.

Таблица 3

Возрастной состав щуки из древнего Новгорода, X — XIV вв.

Количество экземпляров	Возраст (в годах)																Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
Абсолютное	9	40	60	118	144	142	65	23	7	3	4	5	1	2	—	1	624
%	1,5	6,2	9,7	19,0	23,2	22,9	10,5	3,7	1,1	0,5	0,6	0,8	0,2	0,3	—	0,2	100

Таким образом, промысел щуки базируется теперь на более молодых особях и на меньшем числе возрастных групп, чем в древнем Новгороде. Это, безусловно, является следствием усилившегося вылова.

Сем. *Cyprinidae* — Карповые

Остатки карповых весьма многочисленны в коллекции (21,6% всех собранных остатков рыб). Из 216 костей, принадлежащих рыбам этого семейства, 68,5% определено до вида и 11,1% до рода; 20,3% костей ближе неопределимо. Собрано также большое количество чешуи.

Плотва — *Rutilus rutilus* (L.)

Встречены 1 *cleithrum* от особи длиной 29,5 *см* и 128 чешуй. Для определения возраста оказались пригодными только 88 экз. чешуи (у остальных разрушен центр) (табл. 4).

---

[19] П. Ф. Домрачев, И. Ф. Правдин. Ук. соч.

Таблица 4

Возрастной состав плотвы из древнего Новгорода, X—XIV вв.

Количество экземпляров	Возраст (в годах)								Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Абсолютное	—	2	6	26	31	12	9	2	88
%	—	2,3	6,8	29,5	35,1	13,2	10,2	2,3	100

Как видно из таблицы, возрастной состав промыслового стада плотвы колебался от 2 до 8 лет, преобладали рыбы в возрасте 4—7 лет. Этот вид из-за своей малоценности, вероятно, не имел особого значения в промысле древних новгородцев.

В настоящее время плотва широко распространена в р. Волхов и оз. Ильмень. В промысловых уловах она представлена преимущественно особями длиной 20—25 *см* (примерный возраст 4—6 лет) и весом около 100 *г*.

Голавль — *Leuciscus cephalus* (L.)

В коллекции имеется 1 экз. *cleithrum* и 13 чешуй. Возраст рыб колеблется от 4 до 7 лет.

В настоящее время голавль встречается в оз. Ильмень и р. Волхов весьма редко. По-видимому, в X—XIV вв. он также был малочислен и являлся случайным объектом промысла.

Язь — *Leuciscus idus* (L.)

В коллекции обнаружено 1 *pharyngiale* и 67 чешуй. Длина рыбы, вычисленная по *pharyngiale*,— 29,1 *см*, что значительно уступает максимальным размерам ссвременных особей. (В Волхове известны случаи поимки язей до 100 *см*.)

Возраст определен в 67 случаях (табл. 5).

Таблица 5

Возраст язя из древнего Новгорода (X—XIV вв.)

Количество экземпляров	Возраст (в годах)								Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Абсолютное	—	—	15	19	21	9	3	—	67
%	—	—	20,9	28,4	31,3	13,3	4,35	—	100

Из приведенных данных следует, что возрастной состав язя колебался от 3 до 7 лет, с преобладанием в уловах 4—5-летних особей.

Судя по небольшому числу остатков, промысел язя в X—XIV вв. не имел существенного значения, так же как и в настоящее время. Незначительное место язя в уловах объясняется тем, что в водах Волхова и Ильменя, как и вообще в северо-западных водоемах, эта рыба не образует популяций большой численности.

Жерех — *Aspius aspius* (L.)

В коллекции этому виду принадлежат несколько чешуй и одна тазовая кость. Длина рыбы (до конца чешуйного покрова), вычисленная по этой кости,— 51,8 *см*. Почти полное отсутствие остатков жереха в сборах следует объяснять малочисленностью этой рыбы в Волхове и Ильмене в X—XIV вв. Это до некоторой степени подтверждается и материалами В. Д. Лебедева по Старой Ладоге (VII—X вв.), где жерех

вообще не был обнаружен. Точно так же и в настоящее время «эта рыба попадается исключительно в одиночку или в количестве нескольких штук; при этом уловы ее вообще редки» [20].

Уклея — *Alburnus alburnus* (L.)

Исследовано 20 чешуй, принадлежащих особям в возрасте от 3 до 6 лет. По-видимому, уклея как малоценная рыба специально не промышлялась и добывалась лишь в качестве прилова при промысле другой рыбы.

Густера — *Blicca bjoerkna* (L.)

По количеству встреченных остатков занимает второе место среди карповых рыб после леща. Определено 7 костей: 1 экз. *cleithrum sin.*, 3 экз. *cleithrum dex.*, 1 экз. *praeoperculum sin.*, 1 экз. *operculum sin.*, 1 экз. *operculum dex.* и 2301 экз. чешуи (22,8% общего количества встреченных чешуй). Длина рыб, вычисленная по семи костям (все кости заведомо принадлежат разным особям, так как найдены в разных слоях), составляет: 19,2; 19,2; 19,2; 19,2; 19,2; 21,6; 24,2 *см*, что примерно соответствует средним размерам современной промысловой густеры из Волхова и Ильменя (20 *см*) и несколько превышает таковые для густеры из Псковского водоема (15 *см*).

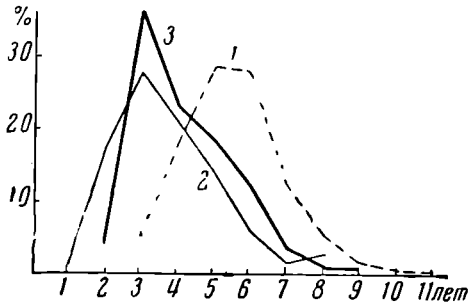


Рис. 2. Возраст густеры

1 — древний Новгород, X—XIV вв.;
2 — озера Ленинградской обл., 1932 г.;
3 — Псковское озеро, 1929 г.

Возрастной состав, установленный по чешуе, приводится в табл. 6 (рис. 2) совместно с данными по возрастному составу густеры из озер Ленинградской обл. [21] и Псковского водоема [22].

Возраст рыб в уловах древних новгородцев колебался от 3 до 11 лет с преобладанием особей 4—7 лет. Данных по возрастному составу густеры

Таблица 6

Возрастной состав густеры из древнего Новгорода (X—XIV вв.), Ленинградских озер (1932 г.) и Псковского водоема (1929 г.)

Место и количество экземпляров	Возраст (в годах)											Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Древний Новгород, X—XIV вв.												
Абсолютное	—	—	97	360	564	539	255	102	47	13	2	1979
%	—	—	4,9	18,2	28,5	27,2	12,8	5,1	2,4	0,6	0,1	100
Озера Ленинградской обл., 1932 г.												
Абсолютное	4	47	78	57	49	18	5	—	2	—	—	278
%	1,4	16,9	28,1	20,5	14,1	6,5	1,8	—	3,6	—	—	100
Псковское озеро, 1929 г.												
Абсолютное	—	24	204	132	103	70	20	4	4	—	—	561
%	—	4,3	36,4	23,5	18,4	12,5	3,6	0,7	0,7	—	—	100

из Волхова и Ильменя в литературе нет. В других водоемах северо-запада (Псковский водоем, озера Ленинградской обл.) обычно встречается

[20] П. Ф. Домрачев, И. Ф. Правдин. Ук. соч.

[21] Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. II, М.—Л., 1948, стр. 766.

[22] А. Н. Пробатов. Материалы по возрасту рыб Псковского водоема. «Изв. отд. прикл. ихтиол.», IX, 1, 1929.

густера от 1 до 9 лет с преобладанием особей от 2 до 5—6 лет [23]. Возрастная характеристика современной промысловой густеры из оз. Ильмень, вероятно, близка к указанной, так как темп роста обитающей здесь популяции этого вида почти тот же, что в Псковском водоеме [24]. В таком случае можно констатировать, что современный промысел густеры в этом районе охватывает меньшее число возрастных групп и базируется на более молодых особях, чем в X—XIV вв. Эти изменения связаны, очевидно, с усилением вылова.

Лещ — *Abramis brama* (L.)

Остатки леща в Неревском раскопе чрезвычайно многочисленны. Общее количество костей леща составляет 122 экз., а чешуя этого вида (30,9% всей собранной чешуи) образует основной фон «залежей» рыбьей чешуи. Костные остатки распределяются таким образом: 1 экз. *dentale sin.*, 1 экз. *dentale dex.*, 2 экз. *hyomandibulare*, 6 экз. *cleithrum sin.*, 9 экз. *cleithrum dex.*, 4 экз. *operculum sin.*, 9 экз. *operculum dex.*, 1 экз. *interoperculum*, 2 экз. *praeoperculum sin.*, 1 экз. *praeoperculum dex.*, 1 экз. *suboperculum*, 1 экз. *frontale*, 1 экз. *pharyngiale sin.*, 1 экз. *pharyngiale dex.* и 80 позвонков.

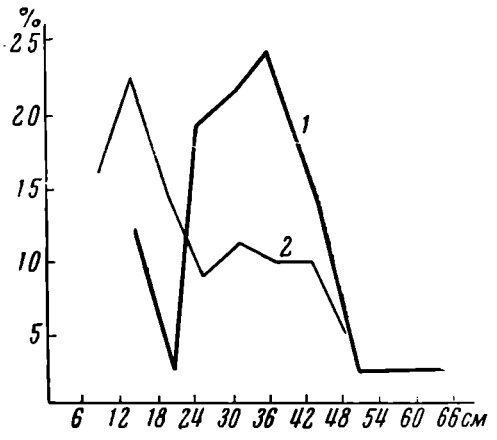


Рис. 3. Размеры леща

1 — древний Новгород, X—XIV вв.; *2* — оз. Ильмень, 1926 г.

Размеры рыб, установленные по измерениям 41 экз. костей, располагаются в ряд, представленный в табл. 7 (для сравнения приводятся данные П. Ф. Домрачева и И. Ф. Правдина по размерному составу современного леща из оз. Ильмень) (рис. 3).

Возраст расчислен по позвонкам и чешуе (табл. 8).

Таблица 7

Размеры леща (*l* в *см*) из древнего Новгорода (X—XIV вв.) и оз. Ильмень (1926 г.)

Место и количество экземпляров	Класс длины, *см* 6—12—18—24—30—36—42—48—54—60—66										Всего	Средняя длина	$\pm m$	σ
Древний Новгород, X — XIV вв.														
Абсолютное	—	5	1	8	9	10	6	1	—	1	41	35,1	0,212	6,
%	—	12,2	2,4	19,4	21,8	24,2	14,6	2,4	—	2,4	100			
Оз. Ильмень, 1926 г.														
Абсолютное	18	26	17	11	15	12	12	6	—	—	117	30,5	0,3	6,5
%	15,4	22,4	14,7	9,3	12,8	10,2	10,2	5,0	—	—	100			

Таблица 8

Возрастной состав леща из древнего Новгорода (X — XIV вв.)

Количество экземпляров	Возраст (в годах) 1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	Всего
Абсолютное	12	41	139	317	401	543	393	263	166	135	64	56	17	11	4	—	1	2553
%	0,5	1,6	5,4	12,4	15,7	21,2	15,3	10,3	6,5	5,3	2,5	2,2	0,7	0,5	0,1	—	0,04	100

[23] А. Н. Пробатов. Ук. соч.; Л. С. Берг. Ук. соч., стр. 766.

[24] В. В. Петров. Факторы формирования фауны Псковско-Чудского водоема. Изв. ВНИОРХ, XXVI, 1, 1947, стр. 31.

Как видно из материалов таблицы, в уловах древнего Новгорода встречались рыбы длиной от 14 до 60 *см*, со средними размерами 35,1 *см*. Возраст леща колебался от 1 до 17 лет; преобладали особи 4—8 лет. Современное промысловое стадо леща в Ильмене, по данным П. Ф. Домрачева и И. Ф. Правдина, включает рыб от 6 до 52 *см* при средней длине 30,5 *см*. Полных данных по возрастному составу нет, но указывается на преобладание в уловах особей 5—7-летнего возраста.

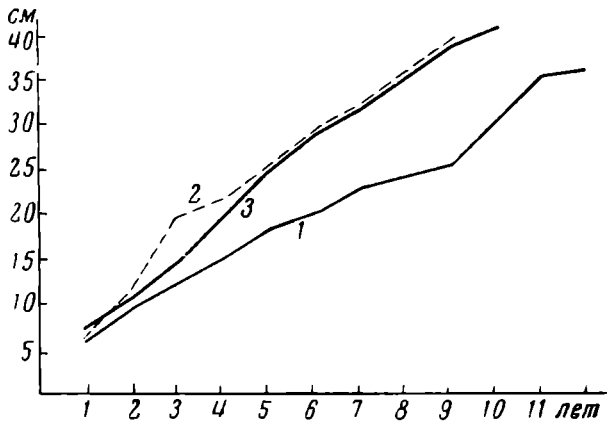


Рис. 4. Темп роста леща

1 — древний Новгород, X—XIV вв.; *2* — оз. Ильмень, 1926 г.; *3* — оз. Ильмень, 1938 г.

Таким образом, возрастные и размерные характеристики для леща из раскопок и современного стада этого вида из оз. Ильмень довольно близки. Гораздо более заметно древний лещ отличается от современного по темпу роста (расчислен по трем жаберным крышкам (рис. 4, табл. 9).

В сравнении с современным лещом из оз. Ильмень и р. Волхов годовые приросты леща X—XIV вв. значительно меньше. Причиной этого скорее всего является большая плотность популяции леща в древнем Новгороде, связанная, вероятно, с малой интенсивностью промысла. Возможно также, что кормовая база стада была ограничена и из-за большой численности густеры и ерша — основных конкурентов леща в питании.

Таблица 9

Темп роста леща из древнего Новгорода (X — XIV вв.) и современного оз. Ильмень [25]

Место	Промеры, *см*	Возраст (в годах)											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Древний Новгород, X—XIV вв.	Длина	5,8	9,4	12,4	15,0	18,0	20,0	23,1	24,8	26,1	27,2	28,4	30,2
	Годовой прирост	5,8	3,6	3,0	2,6	3,0	2,0	3,1	1,7	1,3	1,1	1,2	1,7
Оз. Ильмень, 1926 г.	Длина	6,0	12,0	19,8	21,3	25,2	29,0	32,7	36,1	39,1		—	—
	Годовой прирост	6,0	6,0	7,8	1,5	3,9	3,8	3,7	3,4	3,0		—	—
Оз. Ильмень, 1938 г.	Длина	6,4	10,5	15,0	20,0	25,0	28,8	32,4	35,7	37,5	41,5	—	—
	Годовой прирост	6,4	4,1	4,5	5,0	5,0	3,8	3,6	3,3	1,8	4,0	—	—

Синец — *Abramis ballerus* (L.)

По числу собранных остатков синец уступает из карповых рыб только лещу и густере. Обнаружено шесть костей (1 экз. *praeoperculum dex.*, 1 экз. *suboperculum dex.*, 1 экз. *praeoperculum sin.*, 2 экз. *operculum sin.*, 1 экз. *operculum dex.*) и большое количество чешуи (9,6% всей собранной чешуи).

Размеры рыб, вычисленные по костям, распределяются следующим образом: 15,0; 17,8; 19,0; 20,5; 22 *см*. Средняя длина равна 18,9 *см*

[25] П. Ф. Домрачев, И. Ф. Правдин. Ук. соч.; Л. С. Берг. Ук. соч., стр. 677.

Таблица 10

Возрастной состав синца из древнего Новгорода (X — XIV вв.)

Количество экземпляров	Возраст (в годах)											Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Абсолютное	—	71	164	202	294	352	334	179	33	12	6	1652
%	—	4,3	9,9	12,2	17,8	21,3	20,2	10,8	2,3	0,8	0,4	100

и довольно близка к средним размерам современного промыслового синца в Ильмене. Последние составляли в 20-х годах 22,5 *см*[26], а в 1938 г.— 18,45 *см*[27].

Исследование возрастного состава (табл. 10) показывает, что в уловах древнего Новгорода встречались особи от 2 до 11 лет; преобладали рыбы от 3 до 8 лет.

В 1926 г. основу промыслового стада синца в оз. Ильмень составляли рыбы от 1 до 6 лет, а в 1938 г.— от 1 до 3 лет, т. е. в настоящее время промысел базируется на меньшем числе возрастных групп и на более молодых особях, чем в X—XIV вв. Темп роста расчислен по трем имеющимся в коллекции жаберным крышкам. Он заметно ниже, чем у современного синца из оз. Ильмень (табл. 11, рис. 5), что говорит о большой плотности популяции этого вида в X—XIV вв. или напряженных пищевых отношениях с другими видами.

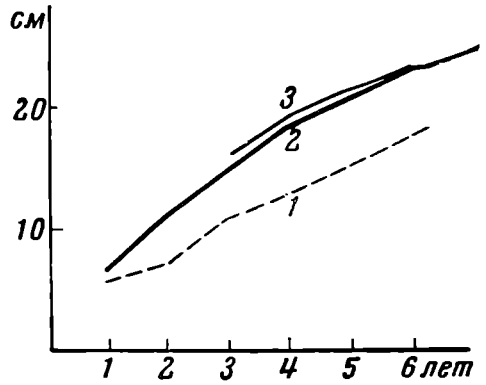


Рис. 5. Темп роста синца

1 — древний Новгород, X—XIV вв.; *2* — оз. Ильмень, 1926 г.; *3* — оз. Ильмень, 1933 г.

В целом данные по возрастному составу и темпу роста показывают, что промысел синца в древнем Новгороде был менее интенсивен, чем в настоящее время, несмотря на то, что эта рыба добывалась древними новгородцами в большом количестве (судя по многочисленности ее остатков в раскопе). По-видимому, в то время, как и сейчас, синец специально не промышлялся и добывался лишь в качестве значительного прилова при добыче более ценной рыбы.

Сырть — *Vimba vimba* (L.)

Встречен лишь 1 *operculum* (от рыбы длиной 23,3 *см* и в возрасте 6 + лет). По-видимому, сырть была редкой рыбой в Волхове и Ильмене на протяжении многих веков. В пользу этого говорит полное отсутствие ее остатков в Старой Ладоге в VII—X вв.[28], а также указание Гюльденштедта о редкости сырти в XVIII в. Поэтому можно предполагать, что в эпоху древнего Новгорода эта рыба была малочисленна и промыслового значения почти не имела.

В начале 1920-х годов стадо сырти в р. Волхов и оз. Ильмень было довольно большим, и она считалась одной из самых ценных промысловых рыб. Основу промысла составляли особи 25,5—29,5 *см* длины, в возрасте 5—6 лет. После постройки Волховской ГЭС сырть в оз. Ильмень и верховьях р. Волхов более не встречается.

[26] П. Ф. Домрачев, И. Ф. Правдин. Ук. соч.

[27] И. С. Титенков. Биология и промысел ильменского синца. Изв. ВНИОРХ, XVIII, 1, 1940.

[28] В. Д. Лебедев. Ук. соч., стр. 53.

Таблица 11

Темп роста (расчисленный) и годовые приросты (*l* в *см*) синца из древнего Новгорода (X — XIV вв.) и оз. Ильмень (1926, 1932 гг.) [29]

Место	Промеры, *см*	Возраст (в годах)						
		1	2	3	4	5	6	7
Древний Новгород, X—XIV вв.	Длина	5,3	7,35	10,45	13,3	15,2	17,8	—
	Годовой прирост	5,3	2,05	3,1	2,85	2,9	2,6	—
Оз. Ильмень, 1926 г.	Длина	6,5	11,2	15,0	18,2	21,0	23,2	25,8
	Годовой прирост	6,5	4,7	3,8	3,2	2,8	2,2	2,6
Оз. Ильмень, 1932 г.	Длина	—	—	16,0	18,5	21,5	—	—
	Годовой прирост	—	—	—	2,5	3,0	—	—

Чехонь — *Pelecus cultratus* (L.)

Найдено 244 чешуи и 1 жаберная крышка, принадлежащая особи длиной 25,8 *см*. Возраст определен по чешуе (табл. 12).

Таблица 12

Возрастной состав чехони из древнего Новгорода (X — XIV вв.)

Количество экземпляров	Возраст (в годах)									Всего
	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Абсолютное	2	52	41	25	40	46	21	3	1	231
%	0,8	22,5	17,7	10,8	17,3	19,9	9,1	1,3	0,4	100

Промыслом охватывались рыбы от 3 до 11 лет с преобладанием особей от 4 до 9 лет. В настоящее время в оз. Ильмень, как и вообще в северо-западных водоемах, чехонь встречается редко и особого промыслового значения не имеет. В уловах преобладают рыбы 15—20 *см* [30], в то время как в южных водоемах 45—50 *см*. Следует думать, что в древнем Новгороде промысел чехони также играл второстепенную роль.

Карась — *Carassius sp.*

Остатки этого рода наиболее редки в коллекции (всего пять чешуй). Возраст рыб равен 5, 6, 8 и 9 годам. По-видимому, в X—XIV вв., как и сейчас, карась был редкой рыбой в бассейне Волхова и Ильменя и потому не мог иметь промыслового значения.

Сем. *Siluridae* — Сомовые

Европейский сом — *Silurus glanis* (L.)

В коллекции остатки этого вида довольно немногочисленны. Имеется 13 позвонков, принадлежащих рыбам от 12 до 36 лет. Средний возраст составляет 20—21 год. По-видимому, в водах Ильменя и Волхова сом никогда не образовывал больших популяций. Редкость его остатков в материале из Старой Ладоги показывает, что даже в VII—X вв. этот вид был случайным объектом промысла [31]. В настоящее время сом

[29] П. Ф. Домрачев, И. Ф. Правдин. Ук. соч.; Л. С. Берг. Ук. соч.
[30] П. Ф. Домрачев, И. Ф. Правдин. Ук. соч.
[31] Б. Д. Лебедев. Ук. соч., стр. 54.

также немногочислен в этом районе и специально не промышляется. В уловах попадаются особи длиной в среднем 50—60 *см*; более крупные рыбы вылавливаются редко [32]. По-видимому, роль сома в промысле древнего Новгорода была также невелика, как и теперь.

Сем. *Percidae* — Окуневые

Это семейство представлено в коллекции 270 экз. костей (27,0% всех встреченных костей). Из них до вида определено 234 кости (68,5% общего числа костных остатков этого семейства). Кроме того, обнаружено сравнительно большое количество чешуи.

Судак — *Lucioperca lucioperca* (L.)

Судак был главнейшим объектом промысла в древнем Новгороде. Остатки его наиболее многочисленны в сборах и включают 2167 чешуй (21,5% общего числа чешуй) и 191 экз. костей (40,6% костей, определенных до вида). Среди последних имеются: 5 экз. *quadratum*, 1 экз. *maxillare dex.*, 3 экз. *maxillare sin.*, 7 экз. *parasphenoideum*, 2 экз. *supracleithrum*, 22 экз. *dentale dex.*, 9 экз. *dentale sin.*, 6 экз. *cleilhrum dex.*, 11 экз. *cleithrum sin.*, 6 экз. *praeoperculum*, 4 экз. *palatinum*, 3 экз. *praemaxillare*, 1 экз. *frontale*, 6 экз. *articulare*, 6 экз. *ceratohyale*, 1 экз. *sphenotica*, 2 экз. *alaesphenoideum*, 2 экз. *pterotica*, 1 экз. *operculum*, 1 экз. *basipterygoideum*, 2 экз. *interoperculum*, 1 экз. *endopterygoideum*, 1 экз. *epihyale*, 1 экз. *metapterygoideum*, 1 экз. *subopercul*um, 20 экз. *r. branchiostegi*, 7 колючих лучей, 21 позвонок и 39 обломков различных костей.

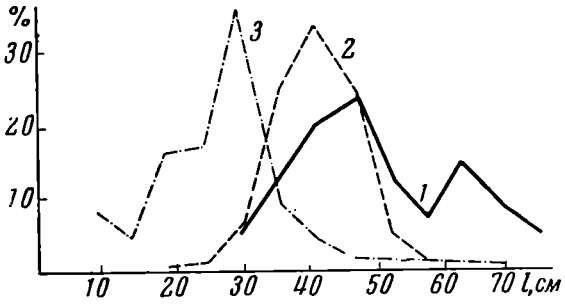


Рис. 6. Размеры судака

1 — древний Новгород, X—XIV вв.; *2* — Старая Ладога, VII—X вв.; *3* — оз. Ильмень, 1926 г.

Размеры рыб, установленные по 100 экз. костей, приводятся в табл. 13 (рис. 6), совместно с данными по размерному составу судака из Старой Ладоги (VII—X вв.) и оз. Ильмень (1926 г.) [33].

В уловах встречались особи от 30,5 до 83,5 *см*, при средней длине 55,2 *см*. Судак, промышляемый на оз. Ильмень, в настоящее время намного мельче: его длина колеблется от 4 до 52 *см*, а средние размеры составляют 22,6 *см*, т. е. в 2 раза меньше, чем в X—XIV вв. Наиболее крупный судак, пойманный в Ильмене, имел длину 73,4 *см*, что значительно меньше максимальной длины судака из раскопок древнего Новгорода — 83,5 *см*. Различия в размерном составе между судаком из Старой Ладоги и из древнего Новгорода не столь резки, как в предыдущем случае, но все же довольно заметны. Промысловое стадо в Старой Ладоге включало рыб длиной от 20 до 62 *см*, при средней длине 43,5 *см*, т. е. промысел в то время базировался на несколько более мелких особях, чем в X—XIV вв.

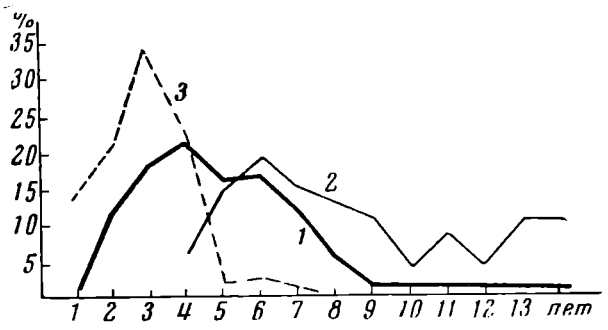


Рис. 7. Возраст судака

1 — древний Новгород, X—XIV вв.; *2* — Старая Ладога, VII—X вв.; *3* — оз. Ильмень, 1939 г.

[32] П. Ф. Домрачев, И. Ф. Правдин. Ук. соч.

[33] В. Д. Лебедев. Ук. соч.; П. Ф. Домрачев, И. Ф. Правдин. Ук. соч.

Таблица 13

Размеры судака из древнего Новгорода (X—XIV вв.), Старой Ладоги (VII—X вв.) и оз. Ильмень (1926 г.)

Место и количество экземпляров	Класс длины, см													Всего	Средняя длина, см	± m	σ
	4	10	16	22	28	34	40	46	52	58	64	70	76	82				
Древний Новгород, X—XIV вв.																		
Абсолютное	—	—	—	—	5	—	21	24	13	7	15	9	6		100	55,2	1,02	10,2
%	—	—	—	—	5	—	21	24	13	7	15	9	6		100			
Старая Ладога, VII—X вв.																		
Абсолютное	—	—	1	3	17	65	87	63	13	2	—	—	—		251	43,5	0,4	6,2
%	—	—	0,4	1,14	6,7	26	34	25	5,2	0,8	—	—	—		100			
Оз. Ильмень, 1926 г.																		
Абсолютное	20	11	37	38	79	22	9	5	—	—	1	1	—		223	28,6	0,7	10,8
%	8,9	4,9	16,6	17	35.4	9,8	4	2,2	—	—	0,4	0,4	—					

Таблица 14

Возрастной состав судака из древнего Новгорода (X — XIV вв.), Старой Ладоги (VII — X вв.) и оз. Ильмень (1939 г.)

Место и количество экземпляров	Возраст (в годах)																				Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
Древний Новгород, X — XIV вв.																					
Абсолютное	20	206	343	419	319	324	228	102	31	16	7	2	2	4	1	—	—	1	1	1	2029
%	0,9	10,1	16,9	20,1	15,7	15,9	11,2	5,0	1,5	0,8	0,4	0,1	0,1	0,2	0,05	—	—	0,05	0,05	0,05	100
Старая Ладога, VII—X вв.																					
Абсолютное	—	—	—	3	7	9	7	2	5	2	4	3	4	4	—	—	—	—	—	—	50
%	—	—	—	6,0	14,0	18,0	14,0	4,0	10,0	4,0	8,0	6,0	8,0	8,0	—	—	—	—	—	—	100
Оз. Ильмень, 1939 г.																					
Абсолютное	33	46	75	48	6	8	—	2	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	222
%	14,9	20,8	33,8	21,6	2,7	3,6	—	0,9	1,3	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100

Возрастной состав судака определен по 2029 чешуям и 21 позвонку.

Промыслом в древнем Новгороде охватывались почти все возрастные группы в пределах от 1 до 20 лет; основу уловов составляли рыбы от 2 до 7 лет (табл. 14, рис. 7).

В настоящее время в оз. Ильмень вылавливается судак от 1 до 10, преимущественно 1—4-летние особи[34].

Таким образом, число затрагиваемых промыслом возрастных групп сейчас резко сократилось и в уловах стали преобладать более молодые рыбы. Эти изменения хорошо согласуются с различиями в размерном составе, отмеченными выше. Они, несомненно, являются следствием интенсивного многовекового вылова, приведшего к оскудению запасов судака в водах Ильменя в настоящее время. В уловах VII—X вв. (Старая Ладога), наоборот, преобладали более старые особи (4—9 лет), чем в промысле древнего Новгорода. Очевидно, интенсивность вылова была в то время очень невелика, и он почти не влиял на возрастной состав стада.

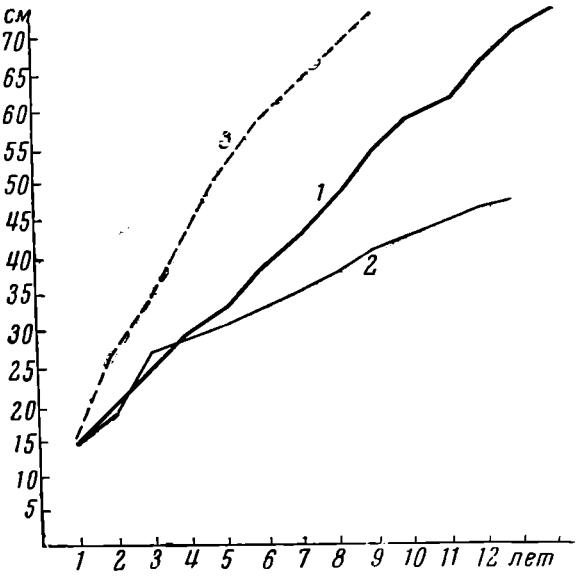


Рис. 8. Темп роста судака

1 — древний Новгород, X—XIV вв.; *2* — Старая Ладога, VII—X вв.; *3* — оз. Ильмень, 1926 г.

Темп роста расчислен по 4 экз. (табл. 15, рис. 8)

Сравнение показывает, что судак из древнего Новгорода рос медленнее современного, но быстрее, чем судак, промышлявший в VII—X вв. Отсюда, по-видимому, можно сделать вывод, что плотность популяции судака в бассейне Волхова и Ильменя постоянно понижалась с X в. по настоящее время. Это прогрессирующее изреживание стада, несомненно, должно быть связано с возрастающей интенсивностью вылова на протяжении веков. Иначе говоря, промысел в древнем Новгороде был более интенсивным, чем в VII—X вв. в Старой Ладоге, но слабее, чем в настоящее время. Таким образом, подтверждаются выводы, сделанные выше на основании анализа размерного и возрастного состава.

Таблица 15

Темп роста и годовые приросты судака из древнего Новгорода (X—XIV вв.), Старой Ладоги (VII — X вв.) и оз. Ильмень (1926 г.)

Место	Промеры, см	возраст (в годах)													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Древний Новгород, X—XIV вв.	Длина	13,8	19,8	24,6	29,0	33,4	38,0	42,8	47,6	54,0	59,0	62,4	66,2	70,5	73,2
	Годовой прирост	13,8	5,7	5,0	4,5	4,6	4,6	4,8	4,8	6,4	5,0	3,4	3,8	4,3	2,7
Старая Ладога, VII—X вв.	Длина	13,8	18,5	25,7	27,4	28,7	31,3	34,2	36,9	38,9	40,6	42,6	45,0	45,2	—
	Годовой прирост	13,8	4,7	3,9	3,3	3,0	2,6	2,9	2,7	2,0	1,7	2,0	2,4	0,2	—
Оз. Ильмень, 1926 г.	Длина	14,6	25,2	34,9	43,1	51,0	57,5	67,7	71,4	—	—	—	—	—	—
	Годовой прирост	14,6	10,6	9,7	8,2	7,9	6,5	5,0	3,7	—	—	—	—	—	—

[34] А. И. Ефимова. О судаке и окуне Ладожского озера. Изв. ВНИОРХ, 22, 1, 1939, стр. 193—194, 197—203.

Окунь — *Perca fluviatilis* (L.)

Остатки окуня в материале из древнего Новгорода представлены 33 костями (5 экз. *operculum dex.*, 3 экз. *operculum sin.*, 1 экз. *dentale sin.*, 2 экз. *praeoperculum*, 6 экз. *maxillare*, 1 экз. *interoperculum*, 6 колючих лучей и 9 обломков различных костей). Определено также 69 чешуй. Размеры рыб установлены по 16 костям (табл. 16, рис. 9).

Таблица 16

Размеры окуня из древнего Новгорода (X—XIV вв.), Старой Ладоги (VII—X вв.) и Ладожского озера (1956 г.)

Место и количество экземпляров	Класс длины, *см*												Всего	Средняя длина, *см*	$\pm m$	σ
	0—5	5—10	10—15	15—20	20—25	25—30	30—35	35—40	40—45	45—50	50—55	55—60				
Древний Новгород, X—XIV вв.																
Абсолютное	—	—	—	—	6	5	3	—	—	—	—	1	16	31,9	2,1	8,5
%	—	—	—	—	37,5	31,2	18,7	—	—	—	—	6,2	100			
Ладожское озеро, 1956 г.																
%	0,2	18,4	37,4	21,5	10,5	7,2	4,3	0,2	—	—	—	—				

В уловах древних новгородцев преобладали окуни длиной 20—30 *см*; максимальные размеры составляли 50 *см* (1 экз.), средняя длина — 31,9 *см*. Примерно такой же размерный состав имеет окунь, промышлявшийся в VII—X вв. в Старой Ладоге: длина рыб колебалась здесь от 25,5 до 36 *см* и в среднем составляла 31,4 *см*[35]. В современных промысловых уловах на Ладожском озере преобладают значительно более мелкие особи — от 5 до 20—25 *см* длиной[36]. То же, по-видимому, имеет место и в Ильмене, где преимущественно добывается окунь весом 100—200 *г*[37]. Возрастной состав окуня из раскопок, расчлененный по 47 чешуям, колеблется от 3 до 8 лет; основу уловов составляли 5—6-летние особи (табл. 17).

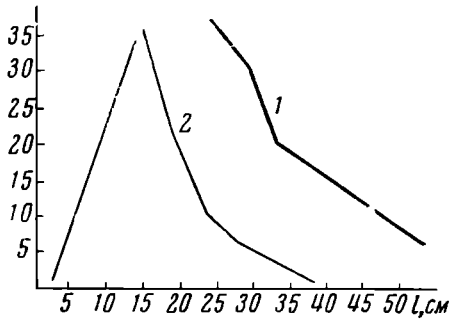


Рис. 9. Размеры окуня
1 — древний Новгород. X—XIV вв.; *2* — оз. Ладожское, 1950 г.

Данных по возрастному составу современного окуня из этого района нет, но отмечается усиление вылова неполовозрелого окуня «остреченка»[38].

Темп роста, расчисленный по двум жаберным крышкам, довольно близок к таковому у современного окуня из оз. Ильмень (табл. 18 рис. 10).

Различие заключается в том, что у современных особей величина годовых приростов почти не меняется по годам, в то время как у окуня из раскопок заметное замедление темпа роста наступало с 4 лет. Последнее может быть связано с плохой обеспеченностью пищей на старших возрастах.

Ерш — *Acerina cernua* (L.)

Обнаружено небольшое количество чешуи этого вида. Остатки костей не найдены. Это, вероятно, объясняется тем, что у ерша кости мелкие и плохо сохраняются.

[35] В. Д. Лебедев. Ук. соч., стр. 54.
[36] А. П. Ширкова. Окунь Ладожского озера. Изв. ВНИОРХ, XXXVIII, 1956, стр. 143, 145—146.
[37] П. Ф. Домрачев, И. Ф. Правдин. Ук. соч.
[38] Там же.

Таблица 17

Возрастной состав окуня из древнего Новгорода (X — XIV вв.)

Количество экземпляров	Возраст (в годах)								Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Абсолютное	—	—	2	1	23	18	1	2	47
%	—	—	4,3	2,1	48,9	38,3	2,1	4,3	100

Таблица 18

Темп роста (расчисленный) окуня из древнего Новгорода (X—XIV вв.) и современного оз. Ильмень (1926 г.)

Место	Промеры, *см*	Возраст (в годах)							
		1	2	3	4	5	6	7	8
Древний Новгород, X—XIV вв.	Длина	6,0	10,6	14,4	18,4	20,4	24,6	27,4	30,0
Оз. Ильмень, 1926 г.	Длина	6,3	12,1	17,0	21,3	25,6	29,8	33,8	

Возраст рыб определен по 26 чешуям (табл. 19).

Наиболее часто встречаются рыбы в возрасте 6 лет, в значительном количестве промышлялись особи 3 и 4 лет. Будучи рыбой малоценной, ерш, очевидно, не имел промыслового значения в древнем Новгороде.

Таким образом, в изученном материале выявлены остатки 16 видов рыб, принадлежащих 6 семействам (табл. 20). Характерно преобладание судака, леща и щуки, т. е. ценных промысловых рыб, очевидно, потреблявшихся населением в наибольшем количестве. Довольно многочисленны также остатки окуня и в меньшей степени густеры и синца, уступающих по ценности трем предыдущим. Малоценные рыбы: плотва, уклея, ерш — представлены небольшим числом остатков, так же как и редкие в этом районе виды (чехонь, язь, сырть, карась, голавль жерех). Среди последних известное исключение составляет сом, процент остатков которого довольно высок.

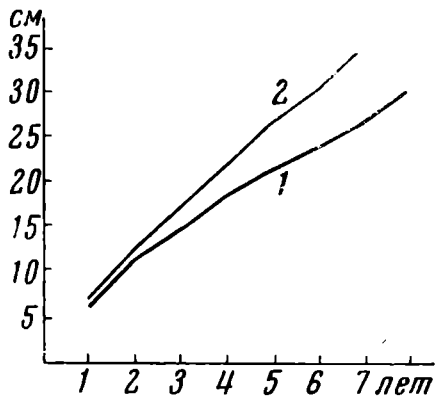


Рис. 10. Темп роста окуня
1 — древний Новгород, X—XIV вв.; *2* — оз. Ильмень, 1926 г.

Такое количественное распределение остатков по видам кажется в общем закономерным, и для большинства случаев можно принять, что процентное содержание того или иного вида в коллекции приблизительно отражает его действительное значение в промысле. Это допущение, однако, явно не применимо в отношении осетровых и лососевых. Выше уже отмечалось, что редкость остатков осетра и сига в коллекции никак не согласуется с данными письменных источников, сообщающих об интенсивном промысле этих рыб. Вероятные причины такого несоответствия отчасти рассматривались выше. К этому следует добавить, что поскольку осетр и волховской сиг были важными объектами торговли, то значительная часть их уловов, по-видимому, не попадала в сферу потребления широких слоев

Таблица 19

Возрастной состав ерша из древнего Новгорода (X — XIV вв.)

Количество экземпляров	Возраст (в годах)									Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Абсолютное	—	3	6	4	—	9	2	3	1	26
%		10,6	21,4	14,2	—	31,8	7,1	10,3	3,55	100

Таблица 20

Виды рыб, установленные по остаткам

Вид	Остатки, %		Вид	Остатки, %	
	чешуи	костей		чешуи	костей
Сем. *Acipenseridae*			*Alburnus alburnus* L.	0,21	—
Acipenser sturio L.	—	2,6	*Blicca bjoerkna* L.	22,8	1,7
Сем. *Salmonidae*			*Abramis brama* L.	30,1	31.5
Coregonus lavaretus (Kessler)	0,14	1,82	*Abramis ballerus* L.	9,6	1,7
Сем. *Esocidae*			*Vimba vimba* (L.)	—	0,24
Esox lucius L.	7,5	15,2	*Pelecus cultratus* L.	2,7	0,24
Сем. *Cyprinidae*			*Carassius sp.*	0,05	—
Rutilus rutilus (L.)	1,1	0,24	Сем. *Siluridae*		
Leuciscus cephalus L.	0,07	0,24	*Silurus glanis* (L.)	—	3,47
Leuciscus idus L.	0,86	0,24	Сем. *Percidae*		
Aspius aspius L.	0,07	0,24	*Lucioperca lucioperca* L.	21,5	40,6
			Perca fluviatilis L.	0,6	6,7
			Acerina cernua L.	0,33	—

новгородцев. Вообще же эти ценные рыбы были, очевидно, доступны лишь наиболее зажиточным слоям населения.

Указанными обстоятельствами можно объяснить и полное отсутствие в сборах других видов «красной» рыбы, таких как лосось-таймень (*Salmotrutta* L.) и лосось, хотя они часто (особенно последний) упоминаются в новгородских документах: «3 таймени, 2 просолеи, 5 сигово, 5 таймени» [39]. Или: «...Возьми у Канунниковых 10 лососей, а другой десяток возьми у Данилки Бешкова и дай Семену Флареву, а я тебе кланяюсь» [40]. «На Спехове. На Стефане лосось. На шурине его лосось... На Лавре 2 лосося. На Олферии 9 лососей. На Суйке 9 лососей. На Стуковиче 2 лосося. На Никите 2 лосося. На Сидоре 2 лосося» [41] (по-видимому, запись купца, скупавшего рыбу у ловцов).

Новгородцы промышляли также ряпушку («репуксу»), корюшку («курву»), мойву и снетка: «...бочка репуксы..., ...тысяча курвы да полбочки мойвы...» [42]. «...да четверть тони на Ричочине снетенная» [43]. Кости этих рыб довольно мелкие, легко разрушаются при варке, и поэтому отсутствие их в ископаемом состоянии вполне объяснимо. Более странным кажется отсутствие остатков налима, который, несомненно, добывался новгородцами и был известен им под названием «мень». В частности, дос-

[39] А. В. Арциховский., В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 107.

[40] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 года). М., 1958.

[41] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958.

[42] Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года (2-я половина). Временник Моск. о-ва истории и древностей российских, XI, 1851, стр. 48.

[43] Там же, стр. 16.

ка с такой надписью была найдена на Неревском раскопе[44]. «Меньки» упоминаются также в расходных книгах Новгородского Софийского дома (XVI в.) в числе рыб, скупавшихся на рынке сушиленным подьячим Иосифом (Расх. кн. 1593 г.).

Основным районом рыбного промысла древнего Новгорода были р. Волхов и оз. Ильмень, в которых встречались почти все перечисленные выше виды. Эти водоемы были, несомненно, богаты рыбой, на что указывает характер промысловых стад, выявленный по костным остаткам, а также исторические свидетельства. В Волхове во время нереста рыба появлялась иногда в таком количестве, что «...новгородецкие людие рыбу руками имаша у брега, сколько кому надобно»[45]. Большое значение имел промысел на Ладожском озере и в Приладожье у порогов, где интенсивно вылавливали сига и осетра (в озере могли ловить жилого осетра). Ловля ряпушки и корюшки, а также тайменя (*Salmotrutta* L.) и лосося, отсутствующих в бассейне Ильменя, очевидно, велась в Ладожском и Онежском озерах, может быть, в реках Финского залива. В Волхове, Ильмене и бассейнах Ладожского и Онежского озер могли промышлять жилую таймень. Новгородцы также занимались в какой-то мере и промыслом морской рыбы на севере (в северных морях, в частности, ловили лосося-семгу и тинду, мойву): «...учнут рыбу семгу и лосось и тинду ловить на водах по морскому берегу»[46]. Но преобладающим, судя по всем данным, был промысел на реках и озерах, географически близких к Новгороду, т. е. прежде всего на Ильмене и Волхове.

О регулярности лова судить трудно, но очевидно, что особенно интенсивно рыба добывалась во время нерестового хода, так как именно в этот период промысел был наиболее производительным. О таком направлении промысла свидетельствуют данные по возрастному составу проходных рыб и вообще преобладание в сборах рыб старших возрастов. Прямым указанием на промысел во время нереста служат летописные данные о ловле заколами (последние, как известно, устанавливаются на нерестилищах): «2 кола на реце на Кернове, а ловят в них лососи и всякую рыбу белую»[47]. Такой способ лова, по-видимому, был широко распространен в Ильмене, где имеется много мелководных участков.

Способы и орудия лова у новгородцев были довольно разнообразны. Преобладали различного рода невода и сети, остатки которых в виде грузил и поплавков часто встречаются при раскопках. Найдены также иглы, употреблявшиеся для вязки сетей. Известны находки ботал, с помощью которых рыба загонялась в сеть. Можно предполагать, что новгородцами в X—XIV вв. применялись и большие невода, вытягиваемые с помощью воротов типа тех, которые использовались на Волхове в XVI в. Последние описаны Павлом Алепским: «У нас сердце радовалось этому величественному плаванью по прекрасной реке, в виду монастырей справа и слева и рыбных ловель с обеих сторон реки, которые производятся большими морскими сетями: их забрасывали с лодок и вытаскивали без всякого труда машинами с колесами...»[48].

В древнем Новгороде применялось также и лучение рыбы. При этом способе лова рыбаки ночью, установив огонь на носу лодки, били острогою крупную рыбу, чаще всего щуку или сома: «...Тонь не ловити, селянам

---

[44] А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). М., 1953.

[45] СПб., 1879, стр. 32, 233.

[46] А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, XX, М., 1893, Оттиск из ЧОИДР.

[47] Новгородские писцовые книги, 3. Переписная оброчная книга Вотьской пятины 1500 г. СПб., 1868, стр. 503—504.

[48] Павел Алепский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архимандритом Павлом Алепским, вып. 4. М., 1898, стр. 67.

с лучом не ездити... рыбу ден ловят сильно, а преж ден сего они ловили лучевую рыбу берегом...» [49].

Помимо острог использовались и другие колющие орудия лова (гарпуны, стрелы), остатки которых найдены при раскопках; с помощью этих орудий могли добывать рыбу в заколах. Употреблялись и различного рода крючные снасти. Находки пешен указывают на существование подледного лова. Косвенным подтверждением этого служат сведения о промысле налима, которого ловят обычно в зимнее время. Вероятно, в этот же период добывались также рыбы, образующие зимовальные скопления, например судак, лещ и некоторые другие.

Резкое усиление вылова во время нереста, а также промысел в относительно удаленных от Новгорода районах вызывали необходимость заготовки рыбы впрок, для чего применялись сушение, вяление и засолка.

Указания на это имеются, например, в берестяных грамотах: «У Давыда 8 лососи сухыхо 3 просолни. У Ивана 7 лососи» [50]. Раскопками были вскрыты печи-коптильни, предназначенные, вероятно, для копчения мяса и рыбы [51]. Помимо берестяных грамот, о применении засолки рыбы (а также замораживания) свидетельствует уже тот факт, что рыба часто хранилась в бочках. С другой стороны, есть основание считать, что соление не имело широкого распространения, так как солеварение в Новгороде было слабо развито и соли не хватало [52].

Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет сделать какие-либо выводы об изменении в структуре и масштабах рыболовного промысла на протяжении X—XIV вв. Развитие рыболовства в особую отрасль хозяйства произошло, вероятно, одновременно с выделением в Новгороде ремесел в XIII в. [53] В более ранний период ловля рыбы носила преимущественно индивидуальный характер; с появлением профессии рыбников промысел стал расширяться, а размеры уловов увеличились. Этому способствовала специализация по отдельным отраслям лова. Так, существовали «осетреники», занимавшиеся специально ловом осетра. Общее усиление промысла нашло отражение и в том, что уже с XII в. районы лова стали ограничиваться. Некоторые из них, по-видимому наиболее добычливые, закреплялись за монастырями: «Се ведале Варламе Святому Спасу землю и огород и ловища рыбныя и гоголиныя и пожни...» [54].

Несмотря на развитие рыболовства как особой отрасли хозяйства, индивидуальный лов по-прежнему сохранял свое значение и, видимо, был важным подспорьем для широких слоев новгородского населения. Так, на Неревском раскопе остатки рыболовных снастей найдены во всех горизонтах; при этом они обнаружены в домах кожевников, сапожников, серебреников и т. д. [55].

В целом изучение остатков рыб и письменных источников обнаружило в промысле древних новгородцев 23 вида рыб; из них только четыре (ряпушка, корюшка, мойва и таймень) не встречаются в верховьях Волхова и в Ильмене и, как уже указывалось, промышлялись, очевидно, в других районах. Из числа представителей современной ихтиофауны Волхова и Ильменя в материале не встречены лишь некоторые карповые (елец, гольян, красноперка, линь и пескарь), миноговые и вьюновые, т. е. виды,

---

[49] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 147.

[50] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 84.

[51] П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. МИА, 65, 1959, стр. 17—18.

[52] А. И. Никитский. Ук. соч.

[53] А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. НИС, 1936.

[54] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 161.

[55] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, 55; его же. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА. 65; А. А. Строков, В. А. Богусевич, Б. К. Мантейфель. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 году. НИС, V, 1939, стр. 14, 17.

либо малочисленные в этих местах, либо не имеющие серьезного промыслового значения.

Таким образом можно считать, что промысел древнего Новгорода охватывал почти все виды, составляющие ихтиофауну этого района в настоящее время, базируясь на ценных промысловых рыбах — осетр, сиг, судак, лещ, щука.

Сравнение с материалами, полученными В. Д. Лебедевым по рыбам Старой Ладоги (VII—X вв.), показывает, что основу промысла там составляли примерно те же виды, что и в Новгороде в X—XIV вв. По биологическим показателям рыбы из этих двух районов в большинстве случаев существенно не различаются; можно лишь отметить некоторое увеличение темпа роста судака и омоложение стада леща из новгородских уловов, что свидетельствует об известном усилении вылова. В целом же резких изменений в характере промысла с VII по XIV в., по-видимому, не произошло.

На протяжении последующих столетий влияние хозяйственной деятельности человека на ихтиофауну Волхова и Ильменя постоянно усиливалось. В результате увеличения объема промысла и его хищнического характера (лов заколами на нерестилищах, применение мелкоячейных сетей и неводов), особенно в XIX—XX вв., изменились биологические показатели почти всех видов[56]. Средние размеры рыб понизились, число возрастных групп в уловах уменьшилось, причем стали преобладать более молодые особи. Благодаря сильному изреживанию популяций темп роста ряда промысловых рыб — леща, судака, синца и др.— увеличился. Изменилось и соотношение отдельных видов в промысле: например, судак в отличие от X—XIV вв. занимает сейчас в промысле третье место после леща и щуки. В последнее время в связи с интенсивным выловом ценных рыб (лещ, щука) возросли популяции окуня и плотвы[57]. После постройки Волховской ГЭС исчезли из Ильменя и верховьев Волхова проходные рыбы — балтийский осетр, волховской сиг и сырть.

Выводы

1. Промысловая фауна рыб Волхова и Ильменя X—XIV вв. включала почти все виды, обитающие в настоящее время, а также виды, исчезнувшие лишь недавно из этого района в результате постройки Волховской ГЭС. К последним относятся балтийский осетр, волховской сиг, сырть.

2. Главными объектами промысла в древнем Новгороде были судак, лещ, щука и окунь; большую роль играл промысел «красной» рыбы: балтийского осетра, волховского сига, лососей. Первые три вида сохранили свое ведущее значение до настоящего времени, однако с начала XIX в. в результате нерационального промысла периодически отмечается преобладание в уловах малоценных рыб (плотвы, окуня, ерша). «Красная» рыба в настоящее время здесь вообще не промышляется.

3. Балтийский осетр в X—XIV вв., очевидно, поднимался в промысловых количествах в верховья Волхова вплоть до Новгорода.

4. Средние размеры рыб из древнего Новгорода для большинства видов превосходят таковые у современных рыб из этого района. В максимальных размерах существенных различий не отмечается.

5. В X—XIV вв. промысел охватывал большое число возрастных групп, основу его составляли особи старших возрастов. В настоящее время количество возрастных групп в уловах значительно сократилось, преобладают особи младших возрастных групп.

---

[56] Н. Я. Данилевский. Описание рыболовства в северо-западных озерах. Исследование о состоянии рыболовства в России, IX, СПб., 1875; П. А. Дрягин. Биологические основы реконструкции фауны рыб в озерах СССР. М., 1956; П. В. Тюрин. Динамика рыбных запасов в озере Ильмень. «Рыбное хозяйство», 1947.

[57] П. А. Дрягин. Биологические основы...

6. Темп роста рыб из древнего Новгорода (леща, судака, окуня, густеры) был ниже современного.

7. Уменьшение средних размеров популяций, увеличение темпа роста, уменьшение числа возрастных групп и преобладание в уловах настоящего времени рыб младших возрастов можно рассматривать как результат более интенсивного современного промысла в XX в. по сравнению с X—XIV вв.

8. Биологические показатели рыб из Старой Ладоги (устье Волхова) и древнего Новгорода весьма сходны, что свидетельствует о примерно одинаковой интенсивности промысла в этих районах в VII—X и X—XIV вв.

9. Рыбный промысел играл значительную роль в экономике древнего Новгорода: рыба была ценным объектом питания, предметом обмена и торговли.

Заметки

А. Л. НИКИТИН

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СТОЯНКА НА ОЗЕРЕ НЕРО

Археологические исследования последних лет позволяют говорить о большом своеобразии культуры племен, обитавших на территории Волго-Окского междуречья в начале бронзового века. Одному из интересных памятников этого района и посвящена данная заметка.

На оз. Неро, против города Ростова Ярославского, находится Городской остров (называвшийся раньше Рождественским). Низкий и заболоченный, при весенних паводках он полностью скрывается под водой. В воде по берегу острова местные краеведы неоднократно собирали керамику, кремневые изделия и кости животных, что составило небольшую коллекцию в городском музее [1].

Летом 1958 г. во время разведок на Городском острове автором статьи были произведены небольшие раскопки [2]. Еще при сборе подъемного материала было выяснено, что находки концентрируются в основном на северо-восточной оконечности острова в зеленовато-черных суглинках, залегающих ниже уровня воды. Разведочный шурф, заложенный здесь в 13 *м* от берега, показал следующую стратиграфию отложений:

0—0,17 *м*	— почвенный слой с дерном. Цвет бурый, коричнево-ржавый, структура рыхлая. Много раковин прудовиков и катушек.
0,18—0,26 *м*	— слоистый серый песок. Встречается уголь, кости, мелкие окатанные обломки славянской керамики, камни, шлаки.
0,27—0,40 *м*	— темно-серый плотный песок без находок.
0,41—0,97 *м*	— тяжелые иловатые суглинки, структурные. Цвет от черно-серого до черно-зеленого с ржавчиной. Во всей толще — угольки и железистые конкреции.
0,98 *м* и ниже	— желтовато-белый, структурный, известково-глинистый сапропель.

Культурные остатки залегали в нижней части слоя структурных иловатых суглинков с 0,70 до 0,91 *м*. Слой с находками отличался от общей толщи лишь более темным цветом.

Поскольку подъемный материал, собранный у берега, был абсолютно тождествен материалу из раскопа, в дальнейшем находки рассматриваются суммарно.

---

[1] Сборы С. Козицкого, Д. А. Ушакова, И. А. Морозова и др.

[2] А. Л. Никитин. Отчет об археологической разведке 1958 г. в Ростовском районе Ярославской области. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1758.

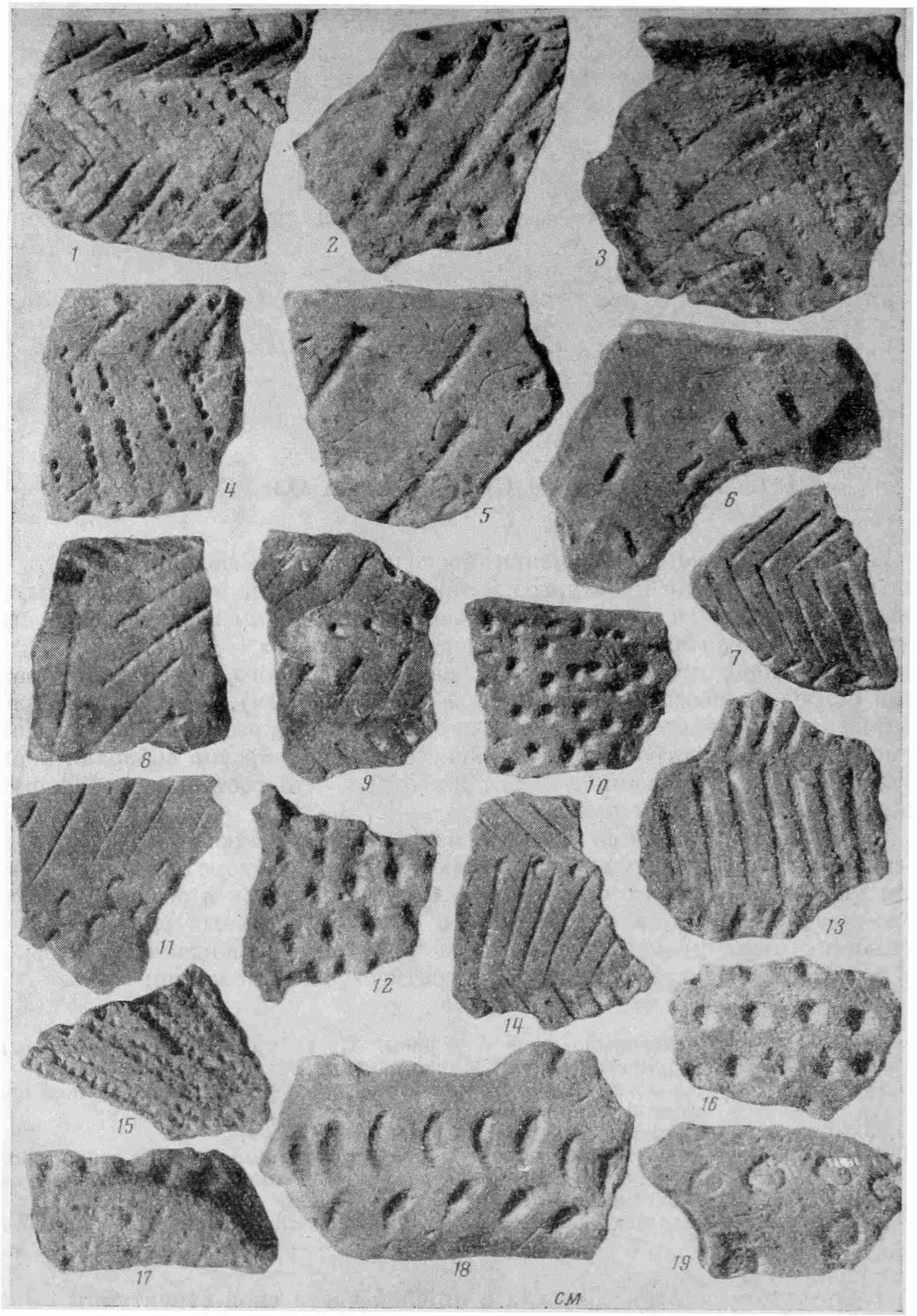


Рис. 1. Рождественская стоянка. Керамика

Шурф 1958 г. (10 *м*²) вскрыл на стоянке очаг овальной формы [3]. Высокая влажность почвы, иловато-глинистый характер ее были благоприятны для сохранения не только костей, но и отдельных обугленных кусков дерева в очаге [4].

Четкая стратиграфия, залегание культурного слоя ниже уровня вод озера и отсутствие находок в верхней части иловатых суглинков — все это позволяет рассматривать стоянку на северо-восточном берегу острова как однослойное поселение.

Большое количество керамики, найденной на памятнике, позволило разделить весь материал на несколько групп, отличающихся как по орнаменту и реконструируемым формам сосудов, так и по технологической характеристике черепков.

Обычная ямочно-гребенчатая керамика Волго-Окского междуречья, в таком изобилии встречающаяся на всех неолитических памятниках этого района, представляет всего 3,9% керамического материала Рождественской стоянки. Это — мелкие обломки сосудов с прямым срезом края, украшенных конической ямкой средней величины и редкими отпечатками короткого гребенчатого штампа. Почти все эти черепки происходят из сборов у берега.

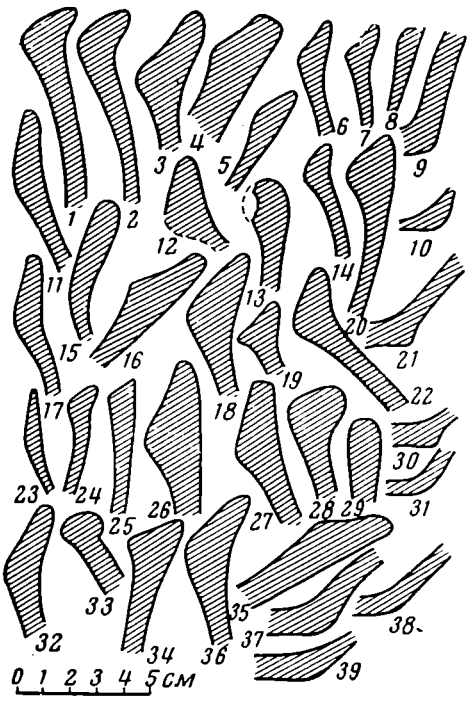


Рис. 2. Рождественская стоянка. Профили керамики основной группы

Собственно керамика Рождественской стоянки представлена многочисленными обломками (92,2% всего материала), отличающимися значительным своеобразием (рис. 1). К сожалению, как это часто случается, несмотря на обилие материала, ни одного сосуда восстановить не удалось. Однако, если судить на основании дошедших до нас фрагментов, это были средние, от 20 до 45 *см* в диаметре, невысокие баночные или несколько горшкообразные сосуды полузакрытого типа, с выпуклыми боками, хорошо выраженными, отогнутым венчиком, утолщенным изнутри налепом (рис. 2, *1—8, 11—20, 22—29*) и плоским дном (рис. 2, *9—10, 21, 30—31, 37—39*). Профилировка некоторых фрагментов предполагает мискообразную форму сосуда (рис. 2, *16, 35*). Толщина стенок средняя, обычно колеблется в пределах 0,6—0,9 *см*.

В качестве примеси к тесту этих сосудов чаще всего добавлялись песок, шамот, толченая раковина, растительные примеси, перья птиц, изредка даже кости рыб. Толченая раковина встречается реже. Несмотря на органическую примесь в тесте, черепок плотный, тяжелый, что отличает его, в частности, от подобной керамики волосовского типа. Цвет в изломе черный; снаружи — серый или серовато-зеленый.

Внутренняя, а в особенности внешняя поверхность стенок сосудов обязательно покрывалась толстым слоем ангоба. Иногда на внешней по-

[3] А. Л. Никитин. Отчет..., стр. 5—6. Возможно, разведочный шурф попал в центр жилища. По независящим от автора обстоятельствам исследование этого памятника не могло быть продолжено в последующие годы. В 1961 г. Д. А. Крайнов произвел шурфовку на всем острове (Д. А. Крайнов. Отчет о работе Верхне-Волжской экспедиции в 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2335). В результате его работы была выяснена однотипность слоев и выклинивание культурного слоя к центру. Кажется, западная часть острова характеризуется увеличением количества керамики ложнотекстильного типа.

[4] По определению Г. Н. Лисицыной в лаборатории ИА АН СССР — ольха.

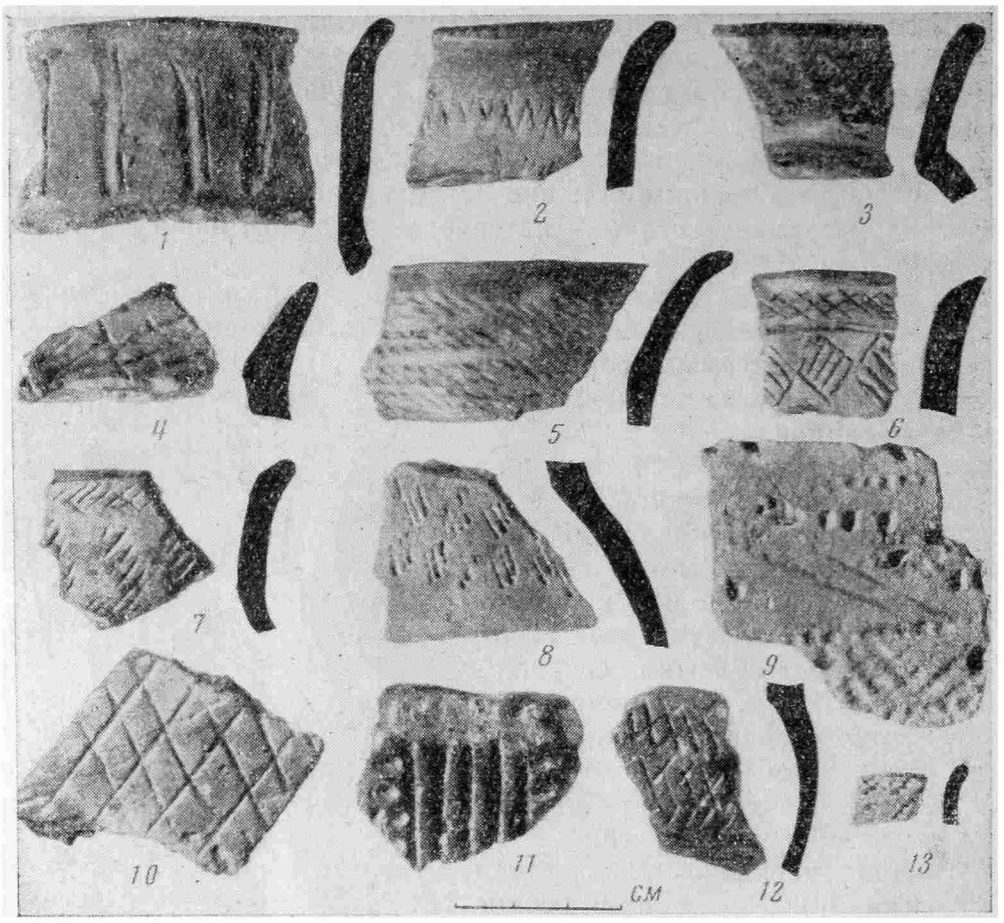


Рис. 3. Рождественская стоянка. Керамика фатьяновского типа и ложнотекстильная

верхности заметны следы лощения, тогда как на внутренних стенках видны глубокие расчесы, оставленные гребенчатым штампом.

Орнамент керамики Рождественской стоянки с формально-типологической точки зрения поражает многообразием своих элементов и способом нанесения. Наряду с отпечатками длинного гребенчатого штампа (рис. 1, *1—4, 8*) или его производными, нарезками (рис. 1, *11, 14*), прямоугольными вдавлениями (рис. 1, *5—7, 9, 13*), рамчатым штампом (рис. 1, *15, 17*) здесь имеются всевозможные ямчатые вдавления: ромбические, копытные (рис. 1, *11, 16*), ногтевые, полулунные (рис. 1, *18*) и т. п., вплоть до кольцевых (рис. 1, *19*). Среди этого многообразия следует отметить несколько фрагментов сосудов, украшенных оттисками перевитой веревочки на конце стержня (рис. 1, *12*), поставленных под углом к поверхности сосуда.

Однако, несмотря на такое разнообразие элементов, можно выделить единый орнаментальный мотив, характерный для данного памятника. Это горизонтальная (рис. 1, *1, 4, 6—7, 9, 13—14*), реже вертикальная (рис. 1, *3*), «елочка», выполненная зубчатым штампом или его производными, иногда разделенная горизонтальными или вертикальными оттисками зубчатого штампа или заменяющими их ямчатыми вдавлениями — копытными, ногтевыми и прочими (рис. 1, *8, 11, 14*). Подобным узором, по-видимому, было покрыто все тулово сосуда — от венчика до днища включительно, хотя некоторые сосуды могли быть украшены только на $^2/_3$. Тогда около их дна часто располагалась еще одна зона орнамента (рис. 1, *18*). Встречается орнамент из сетки треугольников, выполненной зубчатым штампом. Обрез венчика и внутренний налеп украшались горизонтальной «елочкой».

Кроме этой основной керамики на Рождественской стоянке была найдена еще одна группа, представленная 17 фрагментами (2,1%) тонких вертикальных венчиков и округлых плечиков сосудов (рис. 3, *1—8, 10—13*). Их поверхность несет следы лощения; черепок часто тонкий, хорошо выделан и обожжен. Орнамент, выполненный нарезкой или мелкозубчатым штампом, состоит из мелких ромбов (рис. 3, *4*, *6*, *7*), ромбической сетки (рис. 3, *10, 12*), крестообразных узоров (рис. 3, *2*), прямых вдавлений (рис. 3, *1*) и даже двойных полос шнура (рис. 3, *5*).

Почти весь орнамент керамики этой группы известен по сосудам из могильников фатьяновской группы «культур боевых топоров» [5]. Однако следует отметить, что керамическое тесто некоторых из этих фрагментов более близко керамике Рождественской стоянки, нежели сосудам из указанных могильников (рис. 3, *2—4, 6, 10, 12*), так как содержит органическую примесь и шамот.

Керамика ложнотекстильного типа (рис. 3, *9*) представлена в коллекции несколькими обломками (1,8%) двух сосудов и характеризуется большей примесью песка, нежели дресвы.

Кремневый инвентарь, происходящий с памятника, невелик. Небольшие скребки (рис. 4, *1—5, 8*) сделаны из отщепов довольно небрежно. За исключением одного обломка (рис. 4, *16*), совсем не было найдено ножевидных пластин. Тем большего внимания заслуживают наконечники стрел, по большей части сделанные из ножевидных пластин, найденные на стоянке в количестве шести экземпляров (рис. 4, *7*, *9—12*, *17*). Они тщательно обработаны. Среди наконечников стрел выделяются два треугольно-черешковых с шипами (рис. 4, *7*, *12*) так называемого «сейминского типа» [6].

Сланцевые орудия представлены обломком топора с односторонним уступом (рис. 4, *19*) [7], тыльной частью топора (долота?) (рис. 4, *20*) и неопределенной, оббитой по краям поделкой. Хотя металлических предметов найдено не было, на употребление металла указывает точильный брусочек из красного песчаника (рис. 4, *21*) с пришлифованными от употребления сторонами.

Как уже говорилось, в слое стоянки довольно хорошо сохраняется кость. Здесь найдены два обломка заостренных костяных орудий типа кинжалов со следами заточки (рис. 4, *14, 18*) и обломок биконического наконечника стрелы (рис. 4, *13*). Из украшений найдена только подвеска из клыка лисицы с двусторонней сверлиной. Массовый остеологический материал был определен в лаборатории ИА АН СССР В. И. Цалкиным: бык (корова) — 1, овца — 1, свинья — 1, лошадь (?) — 1, собака — 1, лось — 1, лисица — 1, бобер — 2, выдра — 1, птица — 2, рыбы — 14.

---

[5] А. Я Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, № 3; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, 16, 1947; Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, 12, 1940; его же. Новые памятники фатьяновской культуры. КСИА АН СССР, 84, 1961; О. Н. Бадер. Мытищинский могильник фатьяновского типа. КСИИМК, 75, 1959 и др.

[6] Этот термин укоренился в литературе, хотя собственно сейминские наконечники стрел, характеризующие памятник,— плоские, широкие, с выпуклыми краями, прямым основанием и обработаны плоской ретушью. Треугольно-черешковые наконечники с шипами, имеющиеся в коллекциях с Сейминской дюны, отличаются от наших большими размерами; достигая до 15—17 *см* длины при сохранении того же сечения (по материалам Горьковского музея и Музея антропологии при МГУ). Из раскопок Д. А. Крайнова в 1961 г. на острове имеется наконечник стрелы из белого кремня с вогнутым основанием.

[7] В Ростовском музее хранится еще один черешковый топор-клин из кристаллической породы; он найден напротив острова на городском берегу (по другим версиям — на острове) (рис. 4, *22*). Хорошо известные в западных районах страны, топоры этого типа встречаются изредка на окских стоянках, на Вятке, в приказанском Поволжье и вплоть до районов Верхней Волги на север. Подобный топор, несколько больших размеров, был найден автором на берегу Плещеева озера в Переславском районе (стоянка Плещеево-3) с керамикой ложнотекстильного типа.

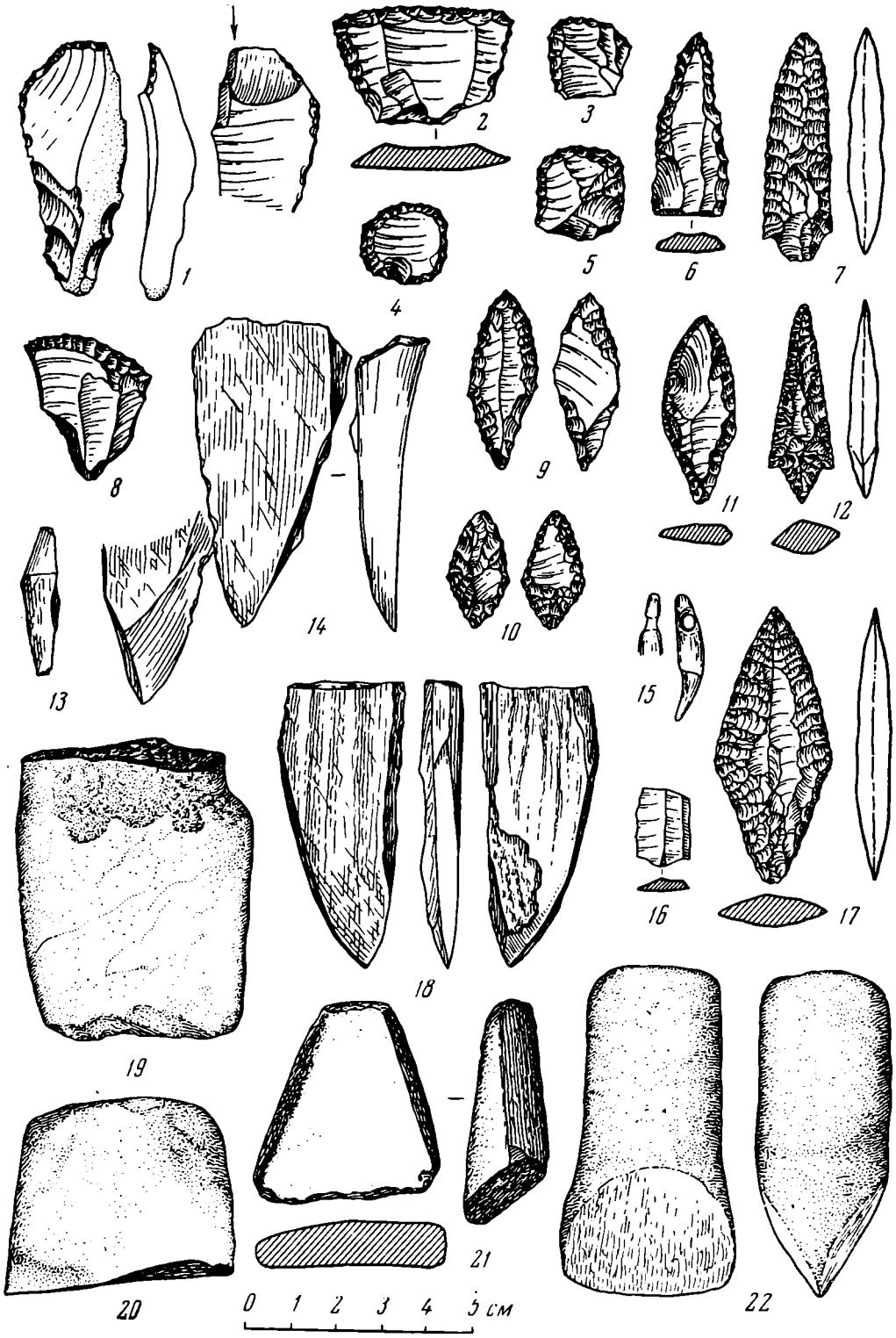


Рис. 4. Инвентарь Рождественской стоянки: *1—12, 16—17, 19—22* — камень; *13—15, 18* — кость

Из приведенного описания находок хозяйственная жизнь людей, оставивших этот интересный памятник, достаточно ясна: об этом красноречиво свидетельствует как каменный инвентарь, так и остеологический материал. Вероятно, было известно и земледелие. Таким образом, основным вопросом остается определение места Рождественской стоянки в хронологическом и в культурно-историческом отношении.

К сожалению, комплексные работы по изучению оз. Неро и Ростовской приозерной котловины, произведенные недавно, не дают необходимых опорных точек для решения этого вопроса.

Стратиграфия отложений на Городском острове указывает, что заселение его произошло в период резкого обмеления озера, сопровождавшегося началом накопления иловатых суглинков [8]. В середине этого периода накопления суглинков стоянка была покинута, так как в верхней толще находок нет. Таким образом, казалось бы, имеется твердая отправная точка для определения даты. Однако пыльцевая диаграмма всей толщи донных отложений оз. Неро, приведенная С. Н. Тюремновым [9] при наложении на нее выводов Л. С. Козловской [10] и Н. В. Кордэ [11], изучавших историю водоема по данным бентоса, микрофлоры и микрофауны, не позволяет этого сделать. Два крупных понижения уровня вод падают или на слишком раннее время (бореальный период, глубина 9—7 *м*), или на слишком позднее (субатлантический, глубина 2,5—2 *м*) [12].

Образцы грунта, взятые из стенок раскопа и из очага, также не дали достаточного количества пыльцевых зерен для каких-либо определенных заключений. Таким образом, вопрос о месте памятника остается решать исключительно на основе археологического материала.

На берегах оз. Неро расположен ряд стоянок, известных тоже по сборам местных краеведов [13]; на некоторых из них имеется керамика, тождественная рассмотренной. Культурный слой этих памятников находится ниже современного уровня воды, так же как и у Рождественской стоянки, хотя на них раскопки не производились, тождество материала и условия залегания позволяют предположить, что перед нами какая-то своеобразная культура эпохи бронзы, занимавшая Ростовскую приозерную котловину.

Сопоставление материала рассматриваемого памятника с уже известными памятниками пережиточного неолита Волго-Окского междуречья заставляют признать, что керамика Рождественской стоянки имеет в сущности мало общего с ямочно-гребенчатым неолитом, находит наиболее близкие аналогии в памятниках так называемой волосовской культуры [14]. В пользу этого свидетельствует, в первую очередь, технология изготовления посуды, примеси и обработка поверхности; во-вторых, элементы орнамента и орнаментальные мотивы; в-третьих, профилировка венчиков и днищ, общий облик сосудов. Изучение коллекций, происходящих с памятников волосовской культуры [15], показало, что наибольшее количество соответствий падает на памятники позднего этапа (по И. К. Цветковой) [16], такие, как Панфилово [17], Подборица-Щербининская [18], Холомониха [19] и др.

---

[8] Нижний уровень находок отделен от сапропелей толщей суглинков в 7 *см*.

[9] С. Н. Тюремнов. Возраст сапропелевых отложений европейской части СССР. ТЛСО АН СССР, 6, 1956.

[10] Л. С. Козловская. История озера Неро по данным изучения животных остатков. ТЛСО АН СССР, 6, 1956.

[11] Н. В. Кордэ. История микрофлоры и микрофауны озера Неро. ТЛСО АН СССР, 6, 1956.

[12] Н. В. Кордэ. Ук. соч., таблица на стр. 42. Если расчет был верен, тогда концу второго обмеления, по-видимому, соответствует горизонт с углем и шлаками под почвенным слоем. В противном случае образование поселения на острове связано с первым обмелением, дата которого ошибочна.

[13] Коллекции Ростовского музея.

[14] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, 22, 1953; ее же. Неолитические жилища стоянки Володары. СА, 1958, № 2; ее же. Стоянка Подборица-Щербининская. СА, 1961, № 2 и др.

[15] Коллекции в ГИМ и МА при МГУ в Москве. Гос. Эрмитажа и МАЭ в Ленинграде, в музеях Горького, Владимира, Мурома и Вязников.

[16] И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, 22, 1953.

[17] Раскопки В. А. Городцова. Коллекция во Владимирском музее; коллекции из раскопок Е. И. Горюновой в Муромском музее и в ГИМ.

[18] Раскопки И. К. Цветковой. Материал в ГИМ. И. К. Цветкова, Стоянка Подборица-Щербининская. СА, 1961, № 2.

[19] Раскопки О. Н. Бадера в 1927 г. Материал в Гос. Эрмитаже.

Однако ближайшие аналогии были найдены в еще более поздних памятниках — таких, как Сейминская дюна [20], Борань [21] и Станок [22], причем некоторые орнаменты и профили оказались близкими до тождества.

Вряд ли можно считать случайным, что в наиболее близких по характеру к Рождественской стоянке памятниках были встречены наконечники стрел «сейминского типа» и особенно керамика типа фатьяновской, точно так же отличающаяся по своей технологической характеристике от найденной в могильниках.

К сожалению, до сих пор остаются весьма проблематичными истоки и судьбы племен «волосовской» культуры, чьи памятники в настоящее время открыты на весьма обширной территории [23], так как Рождественскую стоянку нельзя рассматривать вне этой связи. Таким образом, исходя из приведенных аналогий, мы можем датировать рассмотренный памятник второй половиной II тысячелетия до н. э. или его концом. С точки зрения относительной хронологии Рождественская стоянка, по нашему мнению, может рассматриваться как какое-то связующее звено памятников типа Холомонихи и Подборицы-Щербининской с памятниками типа Поздняково [24], Подборное [25] и Малый Бор [26]. Более определенная датировка и интерпретация Рождественской стоянки (особенно в связи с находками на ней керамики фатьяновского типа) станет возможной лишь в результате дальнейших работ.

---

[20] Раскопки Б. С. Жукова в 1929 г. Материал в МА при МГУ. Материал раскопок и сборов других исследователей — в собрании Горьковского музея.

[21] Раскопки Н. Н. Гуриной в 1954 г. Коллекции в ЛОИА. Н. Н. Гурина. Неолитическое поселение Борань. МИА, 79, 1960.

[22] Раскопки Н. Н. Гуриной в 1954 г. Материал в ЛОИА.

[23] Кроме низовьев Оки, Клязьмы, Казанского течения Волги и Костромской низины, памятники, содержащие волосовский материал, имеются и в районе Верхней Волги — Языково на р. Яхроме (раскопки Б. С. Жукова и О. Н. Бадера), Николо-Перевоз на р. Дубне (раскопки В. М. Раушенбах), в Переславском районе: на Вашутинском озере (сборы М. И. Смирнова, А. Л. Никитина и раскопки И. К. Цветковой), Польцо на р. Векса (раскопки А. Л. Никитина), Плещеево-1 и Плещеево-4 (сборы автора), Векса-3 (раскопки А. Л. Никитина) и др. На оз. Неро волосовский материал встречен на стоянке Уница (раскопки Д. Н. Эдинга) и на Хуторской стоянке (шурфовка А. Л. Никитина в 1958 г.).

[24] Раскопки О. Н. Бадера и Б. С. Жукова в 1924—1925 гг. и в 1927 г. Материал в Гос. Эрмитаже.

[25] Раскопки Б. А. Куфтина в 1926 г. Коллекция в МА при МГУ.

[26] Раскопки О. Н. Бадера в 1927 г. Коллекция в МА при МГУ. Подобная керамика в последнее время была найдена Т. Б. Поповой на таких памятниках поздняковской культуры, как стоянка Коренец-2 (Т. Б. Попова. Отчет о работе археологической экспедиции Гос. Исторического Музея в Шатурском р-не Московской обл. в июле 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 2279) и стоянка Ибердус (Т. Б. Попова. Отчет об Окской археологической экспедиции 1962 г. Архив ИА АН СССР).

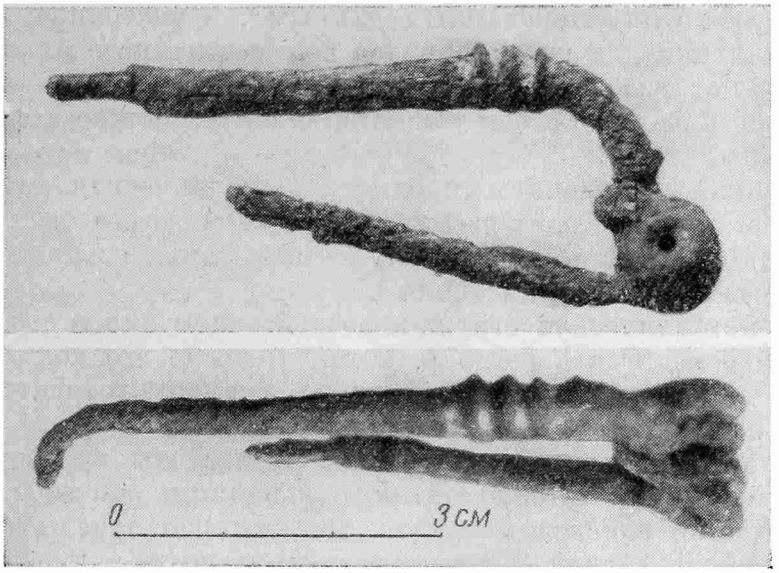
А. А. ПОПКО

НАХОДКА ЛАТЕНСКОЙ ФИБУЛЫ В ЧЕРНИГОВЕ

При исследованиях первобытной дюнной стоянки на юго-западной окраине Чернигова (р. Белоус) в урочище Груд автором наряду с разнообразным материалом периода неолита и бронзы были найдены обломки своеобразной керамики зарубинецкого времени и фибула латенского типа (рисунок). Сделана она из круглой в сечении толстой железной проволоки. Дужка или спинка от изгиба постепенно суживается, на конце сильно утоньшена, загнута крючком вбок и украшена тремя близко

лежащими рельефными поясками. Длина фибулы 5,7 *см* и наибольшая высота 2,1 *см*.

Некоторые аналогии нашей находке имеют фибулы, найденные в следующих местах: в с. Чаплино Гомельской обл. [1], Сахновка Черкасской обл. [2] и др. Они принадлежат к позднелатенским типам и датируются I—II вв. До настоящего времени в нижнем течении Десны не были известны находки таких фибул.



Латенская фибула из Чернигова

Судя по тому, что черниговская фибула сделана в позднелатенской схеме и датируется по более близким ей аналогиям I—II вв., когда приток импортных кельтско-латенских вещей в Восточную Европу прекратился и здесь появились вещи местных форм по латенским образцам, ее можно также отнести к изделиям местного черниговского производства. На территории Чернигова известно несколько зарубинецких поселений.

[1] Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник. МИА, 70, 1959, табл. VIII, *4*.

[2] В. И. Довженок, Н. В. Линка. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось. МИА, 70, стр. 104, рис. 2, *4*.

И. Р. СЕЛИМХАНОВ

К СПЕКТРАЛЬНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОЛОВА И ДРУГИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ДРЕВНИХ МЕДНЫХ СПЛАВАХ ПУТЕМ ИСПАРЕНИЯ ОПИЛОК ПРОБЫ [1]

Известно, что количественный спектральный анализ медных сплавов древнего происхождения по сравнению с современными более затруднителен. Эти трудности заключаются, прежде всего, в необходимости охвата количественным определением в исследуемых сплавах 15 и более элементов-примесей, концентрация которых находится в пределах от 0,001 до 10% и выше [2].

[1] В работе принимали участие Э. Гаджиева и А. Дмитренко.

[2] И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних медных сплавов. Баку, 1960, стр. 79, 122.

Следовательно, для проведения количественного спектрального анализа необходимо иметь металлические эталоны, состав которых соответствовал бы составам весьма разнородных древних медных сплавов. Следует также указать на неоднородность древнего сплава как на поверхности изучаемого предмета, так и в глубине и на нередкое наличие неметаллических включений, что требует специального отбора пробы. При этом приходится считаться и с различной массой изучаемых древних поделок, представляющих собой то массивные изделия, то крошечные поделки. Согласно опубликованным данным [3], в настоящее время исследователи-аналитики для спектрального количественного анализа древних бронз применяют различные методики, которые по видам подготовки и использования пробы для возбуждения спектра можно разбить на три главные группы.

1. Отобранная сверлением предмета металлическая стружка переплавляется в монолитный расплав, из которого готовятся листочки-электроды для анализа [4], или же полученный расплав используется непосредственно без прокатки в листочки [5].

2. Проба металлической стружки воздействием смеси азотной и соляной кислот переводится в раствор, который после его концентрации помещается на торцы угольных электродов [6]. Эталоны готовятся подобным же способом из рассчитанных количеств металлов.

3. Проба металла воздействием азотной кислоты переводится в раствор, который выпаривается, остаток дальнейшим нагреванием переводится в состояние окислов металлов. Полученные окислы смешиваются с углебариевой буферной смесью и заполняются в кратер угольного электрода. Эталоны готовятся из рассчитанных количеств металлов, переводимых в окислы, или же смешиванием готовых окислов металлов [7].

Методы анализа, связанные с предварительной переплавкой металлов отобранной сверлением металлической стружки, имеют недостаток, заключающийся в потере при переплавке легколетучих элементов-примесей, главным образом цинка [8].

Перевод металлической пробы в раствор заманчив с точки зрения легкости приготовления необходимых эталонов, которые не всегда доступны для аналитика в археологических лабораториях. Однако, как правильно отмечает Э. Шейфеле [9], не всегда удается воздействием кислот полностью перевести пробы металла в растворимое состояние, особенно при значительном содержании олова и свинца в исследуемом сплаве. Количество же раствора солей металла, наносимое на торцы угольных электродов, часто недостаточно для возбуждения и фотографирования спектров некоторых присутствующих микроэлементов.

Наиболее целесообразной представляется методика количественного спектрального анализа путем испарения окислов, полученных воздействием азотной кислоты на металлическую пробу и дальнейшим термическим разложением образованных нитратов. При этой методике также облегчается приготовление необходимых эталонов.

---

[3] H. Neuninger. Zur Frage der Koordinierung verschiedener analytischer Untersuchungsmethoden in der Urgeschichtsforschung. «Archaeologia Austriaca», 31, 1962, стр. 103—107.

[4] H. Otto, W. Witter. Handbuch der ältesten vorgeschichtlichen Metallurgie in Mitteleuropa. Leipzig, 1952.

[5] E. Scheifele. Quantitative Spektralanalyse vorgeschichtlicher Funde aus Kupfer und Kupferlegierungen, 34 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1951—1953. Berlin, 1954, стр. 89.

[6] N. van Doorselaer. Une méthode pour l'analyse quantitative des bronzes archeologiques par voie spectrographique. Mikrochemie, 36/37, 1951.

[7] И. Р. Селимханов. К истории развития металлообработки и горнорудного дела в Азербайджане. ВАН СССР, 1958, 9, стр. 56—57.

[8] И. Ноддак, В. Ноддак. Установление происхождения образцов различных материалов. «Успехи химии», IV, 1, 1935, стр. 83.

[9] E. Scheifele. Ук. соч., стр. 89.

Указанные выше методы при всех своих преимуществах страдают одним общим недостатком, заключающимся в необходимости предварительной специальной подготовки проб для анализа, что требует дополнительной затраты времени. Поэтому мы изучали возможность производства анализа путем непосредственного испарения из кратера угольного электрода навески опилок металла, полученных путем сверления металлического предмета обычными зубными борами [10]. Прежде всего изучалась динамика испарения олова и некоторых летучих элементов в дуге переменного тока.

Последовательность поступления в облако дуги некоторых элементов медных сплавов при испарении опилок пробы

Как показали опыты, навеска опилок, полученных путем сверления металлического предмета борами, помещенная в кратер угольного электрода, расправляясь в дуге переменного тока, начинает разбрызгиваться. Это затрудняет доведение процесса испарения до конца. В связи с этим возникла необходимость создания условий для полного испарения без потерь от разбрызгивания металла. В результате проведенной экспериментальной работы нами было установлено, что наилучшие условия испарения достигаются смешиванием навески опилок металла с углебариевой буферной смесью (80% спектрального чистого угля и 20% $Ba(NO_3)_2$). При этом устраняются потери от разбрызгивания металла как в начале, так и в процессе испарения пробы.

В древних медных сплавах часто присутствуют такие летучие элементы, как цинк, мышьяк и сурьма, поведение которых при испарении опилок металла из кратера угольного электрода нами изучалось. С этой целью навеска пробы опилок 30 *мг* смешивалась с углебариевой смесью в соотношении 1 : 1 и помещалась в кратер угольного электрода. Закрепление пробы производилось путем пропитки ее двумя каплями 5%-ного спиртового раствора поливинил-бутираля. Диаметр кратера угольного электрода равен 3,4 *мм*, глубина — 6 *мм*. Верхний электрод диаметром 3 *мм* заточен на конус. Сила тока горения дуги в первую минуту равнялась 4 *а*, во вторую — 6 *а* и с третьей минуты до конца испарения — 15 *а*. Напряжение 127 *в*, питание от генератора дуги ПС-39.

Увеличенное изображение дуги проектировалось на спектрографе ИСП-22 через промежуточную диафрагму «3,2» на щель; оптическая система трехлинзовая. Фотографирование спектров производилось при передвижении кассеты с пластинкой через каждую минуту на высоту спектра.

Для изучения динамики испарения мышьяка, сурьмы, олова и цинка были взяты пробы медных сплавов известного содержания, в одной из которых присутствует до 11,7% цинка [11] (табл. 1).

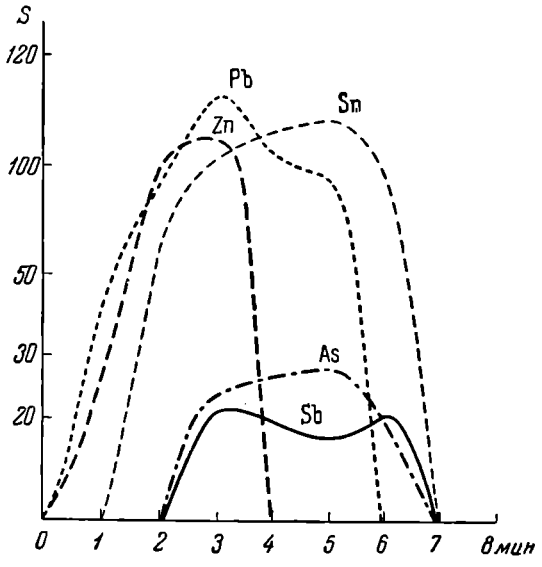
Таблица 1

№№ проб	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co
1	92,5	0,2	1,0	0	4,6	0,4	0,05	0	0,004	0,01	0
2	84,5	5,3	0,8	8,6	0,15	0,03	0,045	0,0015	0,003	0,005	0,002
3	78,6	7,1	1,5	11,7	0,2	0,04	0,025	0,0005	0,03	0,02	0,002

[10] По имеющимся у автора неопубликованным данным, этот метод в несколько отличной форме начал применяться в лаборатории Института археологии АН СССР.

[11] Навеска пробы опилок берется от 8 до 30 *мг*; соответственно меняются форма и размеры угольных электродов.

Кривые испарения (рисунок), построенные на данных измерениях спектральных линий элементов на микрофотометре, показывают, что в заданных условиях устраняется фракционированное испарение всех элементов сплава, кроме цинка, который ведет себя как наиболее летучий элемент этой группы. Поведение цинка оказалось одинаковым при его содержаниях 0,3 и 11%. Таким образом, отгоняясь полностью из навески сплава уже на третьей минуте, он практически не должен влиять на скорость испарения олова, свинца и других элементов медного сплава, а для производства количественного анализа целесообразно вести съемку спектра до полного испарения навески пробы.



Кривые испарения элементов-примесей

Выполнение анализа

Навеска опилок пробы помещалась в кратер угольного электрода, как было описано выше. Спектры фотографировались на спектрографе ИСП-22. Пластинки «ПС-1» чувствительностью «1» по ГОСТ.

Для количественного анализа применялся метод объективного фотометрического интерполирования, и с этой целью спектры фотографировались через девятиступенчатый ослабитель [12].

Аналитические графики, построенные на полулогарифмической бумаге-основе в координатах LgR — LgC для установленных концентраций, прямолинейны. При построении графиков использовались данные измерения линий спектров образцов медных сплавов с известным содержанием олова и других элементов [13].

В табл. 2 даются аналитические пары линий мышьяка, сурьмы, свинца, олова, никеля и цинка для определенных интервалов концентрации; линия сравнения — медь.

Количественные определения малых и микроэлементов производятся приближенно по методу ослабления линий, что для дальнейшего изучения историко-технических задач можно считать достаточным.

Воспроизводимость результатов анализа проверялась съемкой спектров древнего медного сплава с содержанием олова, свинца, мышьяка, сурьмы, серебра, цинка и других малых и микроэлементов, на разные пластинки (табл. 3).

Выводы

1. Изучены некоторые условия проведения количественного спектрального определения олова и других элементов медных сплавов древнего происхождения путем испарения навески пробы опилок из кратера угольного электрода в активизированной дуге переменного тока.

2. Установлено, что лучшие условия испарения достигаются предварительным смешиванием навески опилок пробы с углебариевой буферной смесью, помещаемой в кратер угольного электрода. При этом

---

[12] В. К. Прокофьев. Фотографические методы количественного спектрального анализа металлов и сплавов, II, М.— Л., 1951, стр. 80.

[13] Метод фотометрического интерполирования был изобретен советским ученым Л. Е. Введенским и рекомендуется к применению инструкцией Гос. оптического завода и в ряде опубликованных работ.

Таблица 2

Определяемый элемент	Границы определяемых концентраций, %	Аналитические пары линий, А
Мышьяк	0,5—3 1—10	Cu — 2768,8 — As — 2780,2 Cu — 2766,4 — As — 2780,2
Сурьма	0,3—3 1—10	Cu — 2882,9 — Sb — 2877,9 Cu — 2766,4 — Sb — 2769,9
Свинец	0,3—10	Cu — 2882,9 — Pb — 2873,3
Олово	0,1—2 2—10	Cu — 3036,1 — Sn — 3034,1 Cu — 3036,1 — Sn — 3032,8
Никель	0,3—3	Cu — 3069,4 — Ni — 3064,6
Цинк	0,05—1 0,5—3 1—10	Cu — 3349,3 — Zn — 3345,0 Cu — 3037,8 — Zn — 3345,0 Cu — 3037,8 — Zn — 3345,6
Серебро	0,01—0,1	Cu — 3382,7 — Ag — 3280,7

устанавливается равномерное поступление большинства элементов в облако дуги, кроме цинка, который полностью отгоняется в первые минуты горения дуги.

3. Точность по воспроизводимости анализа пробы шести спектров, которые фотографировались на разные пластинки, для олова составила 2,2% отн. При этом для очень малых содержаний цинка погрешность составила 52%.

Таблица 3

Воспроизводимость и средняя абсолютная и относительная ошибки анализа при фотографировании спектров пробы на разные пластинки

№ пробы	Олово	Свинец	Мышьяк	Сурьма	Серебро	Цинк
1	0,59	1,35	3,17	0,29	0,033	0,050
2	0,58	1,08	3,28	0,31	0,026	0,070
3	0,58	1,32	3,25	0,31	0,026	0,063
4	0,60	1,02	3,10	0,32	0,023	0,185
5	0,43	1,21	3,28	0,25	0,035	0,150
6	0,56	1,45	3,25	0,29	0,035	0,056
Среднее содержание, %	0,58	1,24	3,22	0,30	0,030	0,096
Абсолютная ошибка, %	0,013	0,14	0,15	0,02	0,0047	0,050
Относительная ошибка, %	2,2	11,3	4,6	6,7	15,7	52,2
Широта ошибок, %	1,7—3,4	2,4—18,5	0,9—3,4	3,3—16,5	10—16,5	48—93

4. По сравнению с другими методами при непосредственном использовании опилок отпадает необходимость специальной подготовки отобранной пробы для дальнейшего анализа.

5. Основным недостатком метода остается некоторое затруднение в приготовлении необходимых стандартных сплавов-эталонов.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА МЕТАЛЛА БЕССАРАБСКОГО КЛАДА

О значении находок, обнаруженных более 50 лет назад у села Бородино в Молдавии, уже писалось много раз [1]. О. А. Кривцова-Гракова сделала их объектом специального исследования [2]. Пожалуй, ни одна общая работа по археологии бронзового века Восточной Европы не обходится без того, чтобы не коснуться изделий этого клада. Бессарабский клад относится к тем удивительным и чрезвычайно редким комплексам, где встречаются характернейшие изделия различных и весьма удаленных друг от друга культурных зон. Он представляет как бы место сцепления двух звеньев: находки, относящиеся к микенскому кругу древностей (кинжал, булавка), обнаружены вместе с серебряным наконечником копья с вильчатым стержнем сейминско-турбинского типа, т. е. изделием, которое находит свои формальные аналогии не только в коллекциях Сейминского и Турбинского могильников, но и в Западной Сибири. Косвенные аналогии сейминско-турбинских памятников ведут еще дальше — в Восточную Сибирь и Китай. Так была нащупана та цепь, которая позволила датировать важнейшие находки, а соответственно и культуры Восточной Европы и Сибири эпохи средней бронзы.

Находка наконечника копья с вильчатым стержнем является, пожалуй, наиболее интересной. Ведь она обнаружена на расстоянии почти 2 тыс. *км* от крайних западных форпостов сейминско-турбинских памятников. И, конечно, совсем неясным был вопрос: является ли это следствием импорта или здесь имеет место подражание оригинальной форме?

Разрешить эту задачу возможно только лишь изучая химический состав металла предметов клада и сравнивая его с анализами сейминско-турбинских металлических изделий.

Автором был произведен полуколичественный спектральный анализ изделий Бессарабского клада в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР. Эта заметка стала, однако, возможной лишь после детального обследования металлических изделий Сейминского и Турбинского могильников. Среди 139 изделий из этих могильников (исследования автора) [3] в Турбинском могильнике были обнаружены четыре предмета, где серебро составляло основу сплава.

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению химического состава сплавов, из которых изготовлены изделия Бессарабского клада и серебряные предметы Турбинского могильника (таблица).

Как мы видим, все пять изделий Бессарабского клада изготовлены из сплавов на серебряной основе. Естественно, что на такой малой серии предметов, изученных с помощью полуколичественного спектрального анализа, составить представление об устойчивой характеристике химического состава серебра Бессарабского клада довольно трудно, но тем не менее уже сейчас можно наметить довольно характерные детали этого состава. Кроме серебра в сплаве постоянно отмечается медь в концентрациях, близких или превышающих 1%. Зафиксировано олово в большом интервале содержаний — от тысячных долей до 2—5%. Постоянно

---

[1] Э. Р. Штерн. Бессарабская находка древностей в 1912 г. МАР, 34, СПб., 1914; А. А. Спицын. Бородинский клад. Сб. статей в честь П. Уваровой. М., 1916; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 89; Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии. МИА, 111, 1962, стр.. 7—21.

[2] О. А. Кравцова-Гракова. Бессарабский клад. Тр. ГИМ, «Памятники культуры», 1, 1949.

[3] Е. Н. Черных. Результаты спектрального анализа металла Сейминского и Турбинского могильников. В кн.: О. Н. Бадер. Могильники сейминско-турбинского типа. М., 1964.

присутствуют свинец и висмут до десятых долей процента. Почти всегда отсутствует никель. Эпизодичны концентрации мышьяка и сурьмы. Как очень характерную деталь отметим повышенное содержание золота — от сотых долей до 1% и более (здесь не принят во внимание наконечник копья с вильчатым стержнем).

Даже первый взгляд на приведенную таблицу убеждает нас, что состав металла наконечника копья с вильчатым стержнем отличается от прочих четырех находок из Бессарабского клада почти по всем замеренным параметрам. Здесь существенно больше меди (более 10%), значительно меньше олова, свинца, висмута и особенно золота. Это единственный в коллекции предмет, где отмечен никель. Различий достаточно много, чтобы, не прибегая к точным количественным определениям, выделить этот наконечник копья. Таким образом, химический состав подчеркивает его типологическое своеобразие.

Теперь сравним состав металла четырех предметов из Турбинского могильника и изделий Бессарабского клада. В качестве характерных деталей турбинского серебра можно отметить, во-первых, повышенное количество меди в сплаве (приблизительно от 10 до 50%) и, во-вторых, существенно пониженные концентрации прочих элементов (олово, никель, висмут, золото — всегда в тысячных долях процента); свинец в двух случаях отсутствует. Несмотря на малые серии анализов, отличия в химическом составе серебра из Турбина и Бессарабского клада достаточно очевидны, чтобы не останавливаться на них подробнее. Так же очевидно практически полное совпадение состава серебра вильчатого копья из клада с турбинскими находками. Те же особенности состава серебра, резко выделяющие этот наконечник копья среди других металлических изделий клада, позволяют уверенно сравнивать его с изделиями Турбинского могильника.

Таблица *

Элементы	Бессарабский клад					Турбинский могильник			
	Кинжал	Булавка	Втулка наконечника копья	Наконечник копья	Наконечник копья с вильчатым стержнем	Наконечник копья с вильчатым стержнем	Нож	Нож	Обкладка браслета
Серебро	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	Осн.	⩾50	Осн.	Осн.
Медь	1—10	⩽1,0	⩾1,0	⩾1,0	⩾10	⩾10	⩽50	⩾10	⩽10
Олово	2—5	0,003—0,01	⩾0,10	0,001—0,003	~0,001	~0,001	~0,001	Сл.	?
Свинец	0,01—0,10	0,001—0,003	0,01—0,10	0,01—0,10	0,001—0,003	—	~0,002	Мало	—
Мышьяк	⩾0,10	—	0,03—0,10	?	⩾0,10	Есть	—	Есть	Есть
Сурьма	~0,003	—	—	—	0,003—0,01	—	~0,008	Есть — мало	—
Железо	Сл.	Мало	Сл.	Сл.	~0,001	?	~0,03	Мало	Есть
Золото	⩾0,01	⩾1,0	⩾0,01	⩾0,01	Сл.	Сл.	~0,003	Мало	Есть — мало
Никель	—	—	?	—	0,001—0,01	Мало	~0,03	—	Мало
Висмут	⩾0,10	0,003—0,01	⩾0,10	0,03—0,10	0,001—0,003	Мало	~0,002	Мало	Мало

* Данные анализов приводятся в приближенной форме: сл. — следы (обозначают концентрации, близкие 0,001% или ниже ее); мало — тысячные доли процента; есть — сотые доли процента.

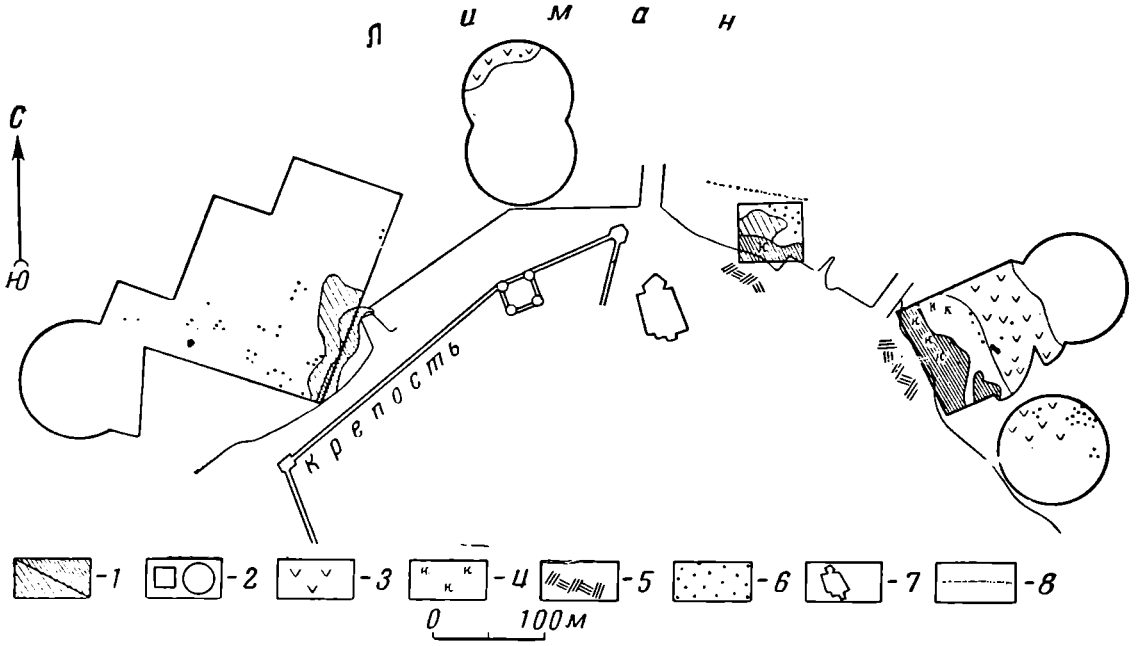
Это свидетельствует прежде всего о едином источнике металла для турбинских серебряных находок и наконечника копья с вильчатым стержнем из Бессарабского клада. Иначе говоря, химический состав не только не противоречит гипотезе об импорте этого предмета из зоны распространения сейминско-турбинских металлических изделий в столь отдаленные от нее области, но и предоставляет для этого объективные доказательства.

Серебро прочих четырех изделий клада, насколько можно судить по данным анализов, относится к иным рудным источникам.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1962 г.

Подводная археологическая экспедиция[1], организованная в 1962 г. Институтом археологии АН СССР при участии исторического факультета Московского университета и Клуба подводников МЭИ, продолжила изучение затопленных и размытых частей античных городов и поселений Северного Причерноморья, исследовав Тиру — Белгород Днестровский и



Генеральный план подводных разведок в Тире — Белгороде Днестровском

1 — россыпи камней, *2* — песок, *3* — ил, *4* — обломки керамики, *5* — выходы культурного слоя, *6* — камни, *7* — раскоп, *8* — граница фарватера

ближайшие пункты на Днестровском лимане[2]. Кроме того, в Черном море производились испытания новой техники для подводных археологических работ: эхолота-локатора и подводного телевизора, что позволило выяснить степень их применимости для наших исследований.

Основные работы экспедиции были направлены на разведку дна Днестровского лимана у берегов Тиры (рисунок). Была заложена базовая линия, в силу условий местности состоящая из многочисленных отрезков,

[1] В состав экспедиции входили: начальник В. Д. Блаватский, заместитель по научной части В. И. Кузищин, начальник отряда Б. Г. Петерс, помощник начальника по технической части А. В. Блаватский и 10 лаборантов.

[2] По просьбе М. С. Синицина было произведено обследование дна лимана у берега Роксаланского городища; аналогичная работа была произведена по просьбе А. Г. Сальникова возле берега у городища Пивденного.

примыкавших один к другому под различными углами; общая длина их была около 900 *м*. Вдоль базовой линии производилась разведка дна лимана на расстояниях до 200 *м* от берега. Обследованные участки имели различную форму: круглую или полукруглую при работе со шлюпки, производившейся так же, как и в Ольвии в 1961 г., и квадратную или прямоугольную, применявшуюся при исследовании неглубоких участков дна цепью разведчиков [3]. Общая площадь, пройденная разведкой, составила около 8 *га*, глубина до 2,1 *м*.

В результате было выяснено, что изучение подводных частей Тиры — Белгорода Днестровского сильно затруднено наносами песка и ила, для устранения которых нужна землесосная установка. Тем не менее оказалось возможным получить достаточно ясное представление о характере трех прибрежных районов: 1) западный — против стен крепости, к северу и западу от последней; 2) к юго-востоку от паромной пристани и 3) восточный — возле электростанции.

Обследование первого участка (площадью 3 *га*) — против западной части крепости к северо-западу и юго-западу от прибрежного бастиона — показало, что там вдоль береговой полосы тянется россыпь рваного камня, по преимуществу мелкого и средней величины. Сплошная в прибрежной части, она менее компактна в более отдаленной от берега половине. Ширина россыпи южной части была 15—18 *м*, севернее (возле бастиона) она достигала 30—42 *м*. Среди россыпи камней лежали довольно крупные блоки. Особенно значительные по величине блоки встречались в северной части россыпи: там камни достигали размеров: 1,40 × 1,30 × 0,34 *м*; 1,50 × 0,50 × 0,13 *м*; 1,55 × 0,98 × 0,18 *м*. В южной части россыпи обнаружен фрагмент, вероятно, средневековой каменной колонны (высота 0,30 *м*, квадратное основание 0,45 × 0,45 *м*). Остальная поверхность дна лимана на первом участке была покрыта песком, на котором изредка встречались обычно небольшие необработанные одиночные камни или мелкие скопления таких камней; только несколько блоков достигали бóльшей величины (до 0,80 × 0,60 × 0,40 *м*). В западной половине участков в 105 *м* от берега обнаружена небольшая платформа почти четырехугольной формы (размеры сторон ее: 1,10 *м*, 1,20 *м*, 2 *м* и около 2 *м*). Платформа состоит из небрежно уложенных камней средней величины.

На двух дополнительных участках (общей площадью 2,1 *га*) к западу — югу-западу и северо-востоку от первого участка дно лимана покрывал песок с очень редкими необработанными камнями. Только на северо-восточном участке вдоль северо-западного края была обнаружена полоса ила.

В результате работ в западном районе нужно думать, что достигающие 40 *м* в ширину обширные россыпи камня, обнаруженные на дне лимана возле бастиона и развалин прилегавшей к нему стены, возникли в результате разрушения средневековых укреплений. Вероятно, и отдельные камни, лежащие на дне на расстоянии до 160 *м* от берега, также являются остатками разоренных средневековых сооружений; не ранее средневековья возникла и небольшая каменная платформа. Следов размыва или затопления античных напластований в западном районе не наблюдалось, однако не исключена возможность их наличия под наносами песка.

Второй исследованный участок находился в 70 *м* к юго-востоку от Паромной пристани. В этом месте к самому берегу подходит культурный слой, по всей видимости, античного времени. Этот слой несомненно лежит in situ — он содержит неповрежденные кладки. Здесь был обследован уча-

---

[3] Этот прием, предложенный Б. Г. Петерсом, сводился к тому, что маршруты, пройденные цепью разведчиков (в рейдовых масках с дыхательными трубками), в целом составляли сетку из квадратных ячеек величиной 5 × 5 *м*. В тех случаях, когда один из разведчиков замечал какую-либо находку, он вызывал археолога для обследования и фиксации обнаруженного предмета.

сток площадью 0,3 *га*. Выяснено, что вдоль берега тянется полоса россыпи мелких и отчасти средней величины камней; сплошная в прибрежной половине, эта россыпь в остальной части местами прерывается пятнами песка. Ширина ее неравномерна — от 6,5 *м* на востоке до 45 *м* на западе. Среди камней примерно в 10 *м* от берега обнаружены обломки античной керамики, в том числе три профилированные ручки амфор, один кусок калиптера и два фрагмента соленов (один из них синопского); далее, на протяжении до 50 *м* от берега тянулось песчаное дно, при этом в западной части обследованного участка под песком на глубине 10—15 *см* местами прощупывались камни; в восточной же части камни (средней величины и довольно крупные) встречались на поверхности дна.

Работы далее 50 *м* к северу от берега были нецелесообразны, ибо на небольшом расстоянии в этом направлении начинался искусственно углубленный фарватер.

Работы на данном участке позволяют предполагать здесь наличие остатков размытого культурного слоя, заключавшего фрагменты античной керамики. Вместе с тем вполне вероятно, что под этими остатками размыва залегает затопленный слой античного времени, являясь продолжением уже упоминавшегося нами прибрежного напластования. В силу этого здесь представляется целесообразным провести раскопки с помощью землесосной установки.

В третьем районе — около электростанции — над нешироким пляжем поднимается довольно высокая береговая терраса, местами нарушенная оползнями и покрытая новыми сбросами. Выход культурного слоя прибрежной террасы наблюдается на протяжении около 75 *м*. На поверхности берегового песка наряду с современными находками лежало много обломков античной керамики (фрагменты соленов, ручек и стенок амфор). Находки античных черепков концентрируются на береговой полосе около электростанции, юго-восточнее — около детского пляжа их значительно меньше.

Обследованный участок против электростанции площадью 1,8 *га* простирался в глубь лимана на 200 *м*. В результате работ установлено, что вдоль берега тянется полоса россыпи по большей части мелких, а отчасти и довольно крупных камней. Ширина ее от 10 *м* в северо-западной части до 30 *м* в юго-восточной. За этой россыпью находится полоса песка шириной от 12 до 20 *м*, на котором местами лежат отдельные камни и довольно большие скопления камней. Среди скоплений камней и на песке встречались обломки античных амфор, в том числе синопских; среди последних клейменая ручка [4]:

Ἰάβαχχου τοῦ
Μολπα[γ]όρου
Χάρης

а также стенка реберчатого сосуда (вероятно, амфоры) III—IV вв. Эти фрагменты отмечены на расстоянии до 25 *м* от берега. За полосой песка находилась широкая зона ила 75—100 *м* шириной. На поверхности ила обнаружены отдельные редкие камни различной величины, в том числе очень большие (возможно, и нового происхождения). Два небольших скопления мелкого камня и каменная платформа, близкая в плане многоугольнику (размеры сторон: 12, 3, 5, 10, 2 и 5 *м*), состоит из гладких плит. Камни встречались не далее чем в 85 *м* от берега. За илом тянулся песок, обследованный на протяжении 75 *м*.

В 2—3 *м* к юго-востоку от описанного участка находился последний из обследованных нами участков (площадью 0,75 *га*), примыкавший к бере-

[4] Это клеймо относится к V группе (150—122 гг. до н. э.). Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 144 сл.

гу возле детского пляжа. Там на песчаном, отчасти илистом дне обнаружены отдельные камни, каменная платформа (3 × 1,5 *м*),— возможно, выход породы, небольшие скопления рваных камней и большой каменный навал, отстоящий в 100 *м* от берега. На расстоянии до 10 *м* от берега встречались редкие обломки античной керамики.

В результате работ на двух участках в восточном районе можно заключить, что там следы размыва берега, частично состоявшего из культурных напластований, наблюдаются на дне лимана на расстоянии до 100 *м* от береговой полосы. Обломки античной керамики были обнаружены не далее 25 *м*, однако при крайне плохой (и даже полном отсутствии) видимости они могли быть не замечены, особенно в местах, покрытых илом. Если наличие остатков размытых культурных напластований не вызывает сомнений, то остается менее ясным, находится ли под ними неповрежденный культурный слой [5].

Подводя итоги результатам работ в Тире, можно считать установленным наличие следов размыва средневекового и античного города на протяжении до 110—100 *м* от берега. В западной части берега (против Белгород Днестровской крепости) обнаружены следы размыва средневековых сооружений, к юго-востоку от Паромной пристани, видимо, находится затопленный культурный слой античного времени, в восточной части берега, около электростанции, наблюдаются следы размыва античных напластований.

Дальнейшее уточнение характера затопленной части Тиры — Белгорода Днестровского станет возможным после проведения подводных раскопок, которые, как показывают проведенные разведки, вполне возможны [6] и целесообразны.

[5] Впрочем, следует отметить, что прибрежный песок не менее чем на 0,5 *м* в глубину содержит обломки античной керамики, перемешанные с современными находками.

[6] Проведение этих работ не вызовет бóльших затруднений, чем те, что были преодолены при раскопках затопленной части Фанагории в 1959 г.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

АНАНЬЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ВОПРОС О ВРЕМЕНИ ТЮРКИЗАЦИИ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ И БАРАБЫ

Памятник расположен в Тарском районе Омской обл. в 5 *км* выше Екатериновки на остром мысу второй надпойменной терассы. С одной стороны мыса протекает ручей «Пятая речка», с другой стороны находится Ананьевское озеро. Площадка городища имеет вид треугольника размером 55 × 50 × 60 *м*. Поверхность памятника задернована и поросла отдельными деревьями. На территории городища прослежен ряд впадин, которые расположены на месте бывших здесь ранее слабо углубленных жилищ. С напольной стороны городище ограничено валом и рвом. Высота вала в настоящее время достигает 1,75 *м*.

В 1945 г. памятник был обследован В. Н. Чернецовым [1], который заложил траншею через вал городища с целью установления характера оборонительных сооружений. При этом были выявлены остатки частокола, который проходил по гребню вала, существенно увеличивая оборонительные

[1] В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области КСИИМК, 37, 1949.

возможности городища. В одной из впадин городища В. Н. Чернецовым была заложена траншея, которая выявила неглубокую землянку.

Летом 1962 г. нами на городище были заложены траншея и небольшой раскоп площадью 28 $м^2$, который перекрывал одну из впадин городища. Культурный слой городища серого цвета (рис. 1, *2*); в заполнении землянки слой темно-серый, что обусловлено наличием углистых включений.

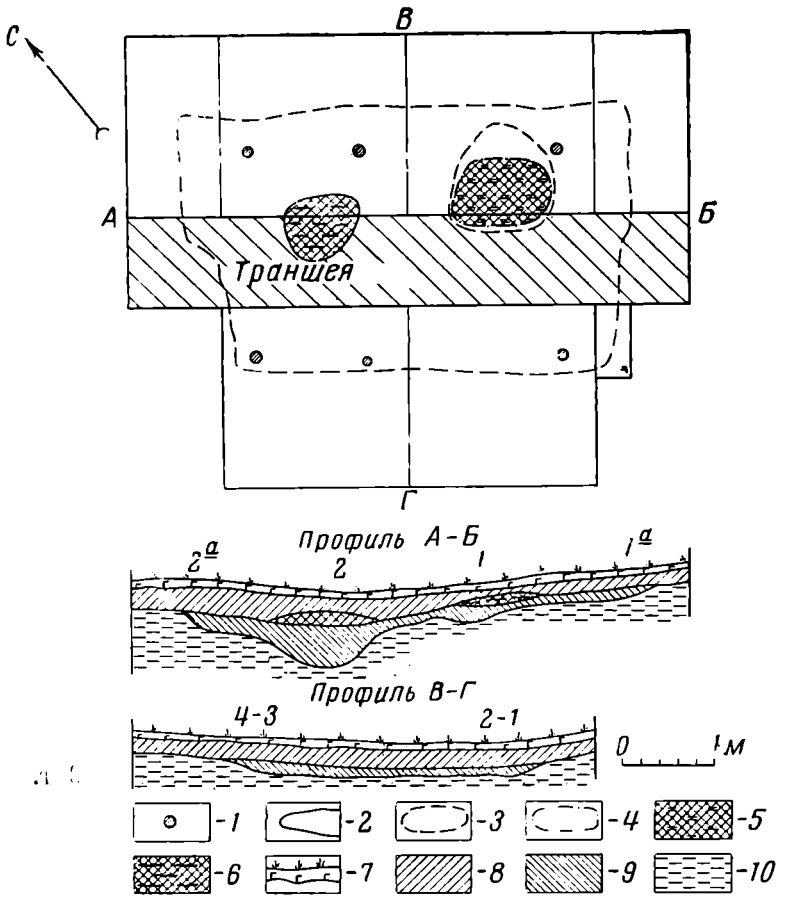


Рис. 1. План и разрезы жилища Ананьевского городища

1 — столбовые ямы; *2* — контуры первого горизонта; *3* — контуры второго горизонта; *4* — контуры третьего горизонта; *5* — очажный слой красного цвета; *6* — очажный слой с золою; *7* — дерн; *8* — серый слой; *9* — темно-серый слой; *10* — материк

Культурный слой имеет небольшую мощность — около 0,2—0,3 *м*, достигая наибольшей толщины 0,86 *м* в заполнении землянки. Линзы очажного слоя имеют прокаленный песок красноватого цвета с примесью углей и золы.

Раскопки выявили слегка углубленное (на 0,2 *м* от уровня подстилающего песка) жилище четырехугольной формы размером 4,2 × 3 *м* (рис. 1, *1*). Стены жилища, вероятно, имели столбовую конструкцию. Об этом свидетельствуют два ряда столбов, которые идут вдоль юго-западной и северо-восточной стен жилища. Столбовые опоры служили для укрепления стен из жердей или тонких бревен, которые сверху были обмазаны глиной. Куски глиняной обмазки были встречены при раскопках. Тип перекрытия остается пока неясным. Остатки близких по устройству жилищ были встречены на Вознесенском городище В. П. Левашевой [2] и в наших

[2] В. П. Левашева. Вознесенское городище. Изв. Западно-Сибирского музея, 1, Омск, 1928, стр. 89—97.

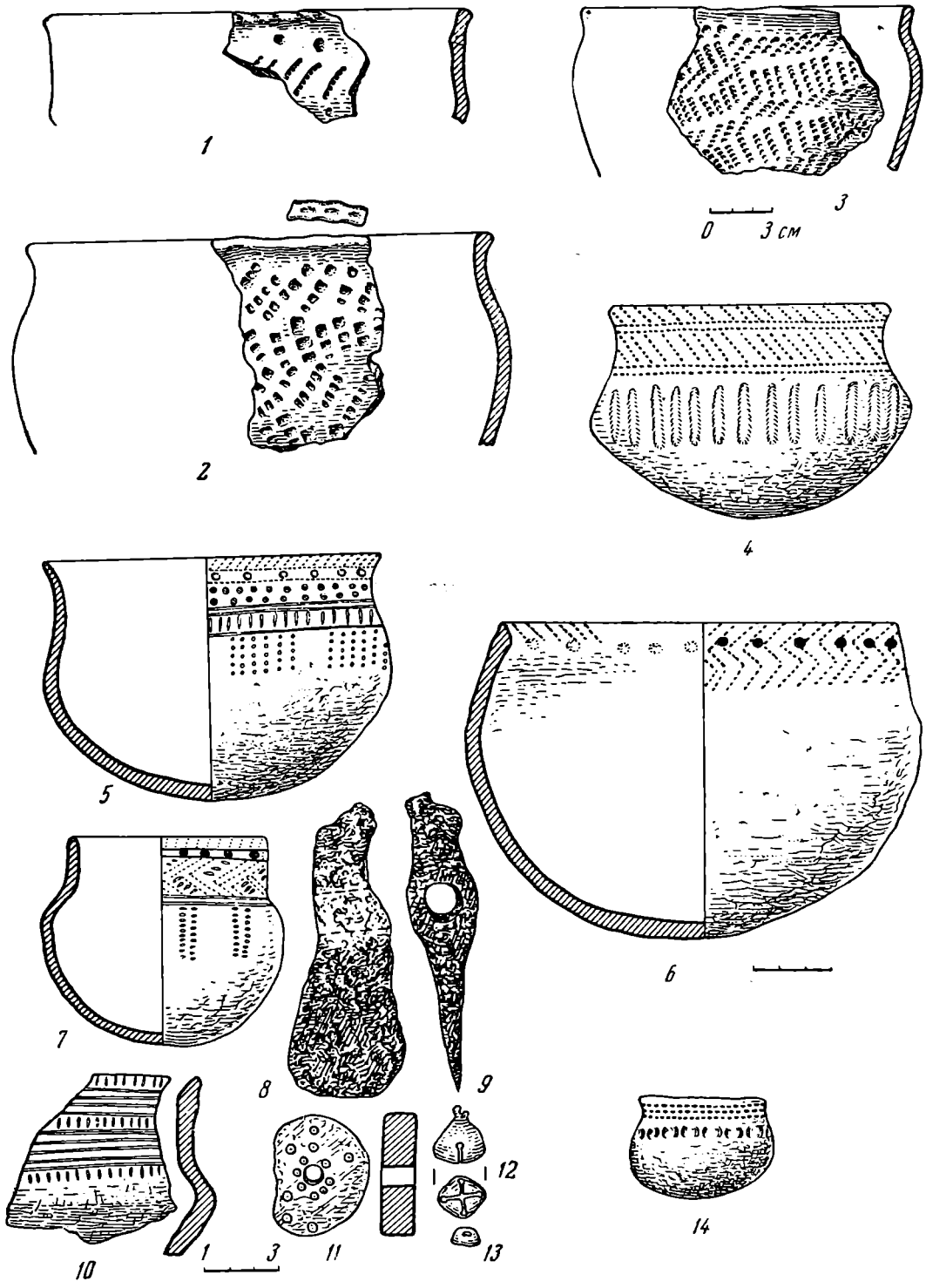


Рис. 2. *1—3* — керамика Ананьевского городища;
4—14 — вещи Эбаргульских курганов IX—XII вв.

раскопках на городище Голая Сопка, где были зафиксированы глинобитные полы и бревенчатые конструкции стен с глиняной обмазкой.

Керамика с городища представлена сосудами горшковидной формы с хорошо профилированными шейкой и плечиками. Венчик слегка отогнут наружу и в ряде случаев орнаментирован по верхней части (рис. 2, *2*, *3*). Второй тип представлен сосудами с почти вертикальным, слегка отогнутым в верхней части венчиком (рис. 2, *1*). По верхнему краю венчика иногда встречаются оттиски зубчатого штампа. Керамика, по-видимому, была как круглодонная (встречена в раскопе), так и плоскодонная. Плоских днищ в раскопе не найдено, но наличие их можно предполагать по

аналогии с материалом Вознесенского городища [3], где таковые были представлены. По характеру орнаментации керамику можно подразделить на три типа. Первый тип представлен сосудами, орнаментированными зубчатым штампом (рис. 2, *2, 3*). Зубчатый штамп представлен в двух разновидностях — крупнозубчатый и мелкозубчатый. Второй тип — орнаментация сосуда в виде сочетания гребенчатого штампа и ямок (рис. 2, *1*). Третий тип — орнаментация ямками, образованными оттисками конца пальца или палочки. Во всех вариантах орнамент покрывает почти все тулово сосуда, иногда опускаясь на дно.

На первый взгляд, керамика, особенно украшенная зубчатым штампом, производит впечатление архаичной, даже неолитоидной. Но это впечатление рассеивается при детальном знакомстве с нею. В противоположность ранней керамика, представленная у нас, тонкостенная, хорошо обожженная, иногда прокалена до красного цвета и при ударе звенит. Встречаются сосуды, которые обожжены хуже, цвет глины при этом серо-коричневый, звонкость черепка отсутствует; даже плохо обожженная керамика в основной массе тонкостенная, формы сосудов отличаются от ранних, хотя и имеют некоторую связь с посудой предшествующего хронологического этапа. Принцип нанесения орнамента отличается от такового в более раннее время. Крупнозубчатый штамп того типа, который представлен у нас, не встречается в ранних памятниках. Если на ранней керамике орнамент наносился тщательно и строго соблюдалась зональность, то здесь отпечатки штампа и ямки сделаны небрежно, часто имеют неровные «рваные» края, зональность не соблюдается; ряды штампа идут то параллельно венчику, то наклонно. В целом эти три признака — форма, толщина стенок, небрежность орнаментации — позволяют выделить данную керамику из ранней даже по фрагментам небольшой величины.

Датировка памятников данного типа устанавливается стратиграфическими наблюдениями и находками вещей в слое вместе с описываемой керамикой. На первом Новоникольском городище эта керамика залегала в верхних штыках раскопа. Культурный слой этих штыков значительно отличался по своей структуре как более мягкий от нижележащего слоя. По находке кресала, имеющего аналогии в Новгородских древностях [4], керамика может быть датирована XIV—XV вв. При раскопках внутреннего городка первого Безымянного городища данная керамика была представлена только в верхнем слое. К сожалению, здесь не было встречено датирующих вещей, но расположенный ниже слой по керамике может быть датирован X—XII вв. В. П. Левашева датировала керамику Вознесенского городища XIV—XV вв. по находке татарской медной пуговицы XIV в.[5].

Датировка комплекса с отмеченными выше отличительными признаками и стратиграфические наблюдения на памятниках, в том числе и на Ананьевском городище, устанавливается приблизительно в пределах XIV—XVI вв., может быть, доходит до XVII в., а ранняя дата, возможно, опускается до XIII в.

Памятники, характеризуемые керамикой, аналогичной Ананьевскому городищу, представлены городищами и селищами. Они распространены по долине Иртыша на север до Тобольска (городище Искер), а также выявлены в пределах исследованного района (в низовьях притоков Иртыша — Ишима, Уя, по течению реки Тары и Оми). Далее на восток они распространены по территории Барабинской лесостепи до Оби. Наиболее южный памятник — городище на оз. Чаны, находящееся уже в степной части. На некоторых из них были произведены раскопки — В. П. Левашевой на городищах Вознесенском и Чиняихе, В. Н. Пигнатти на городище Искер и

---

[3] Коллекция из раскопок В. П. Левашевой. Хранится в Омском музее.

[4] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, рис. 87, *4*.

[5] В. П. Левашева. Ук. соч., стр. 97.

нами на первом Новоникольском и описываемом Ананьевском городищах. Картографирование памятников очерчивает территорию, которая почти точно совпадает с районом расселения сибирских татар в XVII в.[6]. В связи с этим можно говорить о том, что они могут быть связаны с сибирскими татарами, так как археологический материал смыкается с данными письменных источников, указывающих на обитание здесь татар. Этот факт отмечен и В. П. Левашевой [7], которая выделяет городища Сибирского юрта, хотя веских доказательств хронологической принадлежности у нее не имеется, кроме ссылки на отмеченную выше находку пуговицы и материал Искера.

Возникает вопрос о времени появления сибирских татар и тюркского населения в лесной и лесостепной полосе западной Сибири, в частности к востоку от Оби. В связи с этим необходимо остановиться на памятниках предшествующего времени, касаясь в основном их этнической принадлежности. К сожалению, они изучены крайне недостаточно, но даже из того материала, который уже имеется, можно сделать некоторые выводы. Рассмотрим материал по историко-географическим районам, который соответствовал определенным этническим общностям.

Средне-Иртышский район объединяет памятники по Иртышу и его притокам от устья Тары вниз до Тобольска. Памятники конца I — начала II тысячелетия представлены здесь городищами и курганными могильниками. Керамика круглодонна, преобладающий орнаментальный мотив — зубчатый штамп в различных комбинациях, чаще в виде горизонтальной елочки или поясов наклонного штампа. Керамика, происходящая из курганов (рис. 2, *4—14*), имеет аналогии в городищенской и хорошо увязывается с ней по времени. Вещественный материал погребений представлен браслетами обского типа с изображением медведей, предметами полого и плоского литья с зооморфными изображениями, серьгами в виде змеек, которые имеют аналогии в материале могильника Барсов городок [8], бубенчиками, пуговицами со стилизованными изображениями головы и лап медведя или без них, шумящими привесками. Все эти вещи аналогичны предметам в угорских могильниках в западной Сибири — Клинтусовском, Ленг-Понк, Уна-Пай, Скрипунова, Барсов городок [9]. Трехбусинными височными кольцами с зернью и бубенчиками материал из поздних погребений может быть датирован XI—XII вв. При этом основной комплекс вещей является угорским. Вещей, характерных для тюрок, здесь не было отмечено. Отсюда может быть сделан вывод об угорском (хантыйском) населении в среднем Прииртышье в период IX—XII вв. и отсутствии тюрок на этой территории в данный отрезок времени.

В Барабинском районе, включающем район между Обью и Иртышом к югу от Тары, бассейн Оми, памятники I тысячелетия не изучены. Т. Н. Троицкая [10] в районе Новосибирска нашла материал конца I тысячелетия, который может быть охарактеризован как угорский, но здесь имеются вещи, которые, по-видимому, связываются с тюрками (поясные накладки). Так как они представлены единичными экземплярами, следует объяснить их появление здесь в результате торгового обмена, о чем также свидетельствует наличие в погребениях китайских монет.

Несколько восточнее, в районе Томска, мы имеем материал могильника Архиерейская Заимка (С. К. Кузнецов [11]) и Басандайских курганов

---

[6] Историко-этнографический атлас Сибири. М., 1961, Карта расселения народов Сибири в XVII в.

[7] В. П. Левашева. Городища Сибирского юрта. СА, XIII, 1953.

[8] T. J. Arne. Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935. рис. 159.

[9] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 58, 1957.

[10] Т. Н. Троицкая. Отчет о работах Новосибирской экспедиции за 1959 г. Архив ИА, р. I, 1920. 15, *6*.

[11] А. А. Спицын. Вещи из курганной группы близ Томска. ЗРАО, XI, 1906.

(К. Э. Гриневич [12]). Материал Архиерейской Заимки в основной своей массе может быть датирован VII—VIII вв., а ранние Басандайские курганы — IX—XI вв. А. П. Дульзон на основе изучения топонимики приходит к выводу о тюркской принадлежности этих памятников [13]. Но этому противоречит археологический материал, который им детально не разбирается. Керамика погребений Архиерейской Заимки (чашевидная форма сосудов, орнаментирование зубчатым штампом в сочетании с пояском ямок) имеет характерные черты, которые находят ближайшие аналогии в материале лесных культур северных и северо-западных районов. Среди медных изделий имеются зооморфные изображения (бляшки с головами медведей, фигуры птицы с личиной на груди, выполненное техникой полого литья изображение зайца). Они имеют аналогии также среди материала лесной полосы западной Сибири, но совершенно не свойственны тюркам, как и представленная здесь керамика.

В Архиерейской Заимке имеется несколько бляшек поясного набора с растительным орнаментом или с узкой прорезью, свистящие стрелы с прорезями на лопастях [14], которые могут быть связаны с тюрками. Они встречаются в памятниках тюрко-согдийского этапа Чуйской долины [15], у енисейских кыргызов [16] и в Кудыргинском могильнике. Вероятно, эти вещи в район Новосибирска и Томска попали в результате торговых связей или, что менее вероятно, отмечают факт начавшегося проникновения тюрок в район нижнего течения Томи.

Этот вывод подтверждает материал погребений в курганах IX—XI вв. Басандайки. Керамика Басандайских курганов [17] не характерна для тюрок и типологически может быть рассматриваема как продолжение развития форм сосудов Архиерейской Заимки. Колесовидные подвески из погр. № 3 кург. № 55 имеют аналогии в угорских материалах западной Сибири [18] и Урала [19]. То же самое можно сказать относительно зооморфных изображений и бубенчиков [20], характерных для культуры угров и самодийцев этого и последующих периодов вплоть до XIX в. При этом, конечно, бубенчики позднего времени несколько изменяют свою форму. В курганах встречаются тюрские вещи, главным образом предметы поясного набора [21], которые в Басандайке более многочисленны, чем в Архиерейской Заимке, и свидетельствуют, как и некоторые черты погребального обряда, о проникновении тюрок, чему способствовали завоевательные походы Тюркского каганата, а затем и енисейских кыргызов.

Таким образом, можно заключить, что на Иртыше ниже устья Тары тюрок не было до XII в. включительно. Здесь обитали угорские племена. На территории Барабинской лесостепи и Притомья в конце I тысячелетия отмечается появление тюркских вещей, которые проникали сюда в результате торгового обмена, и, кроме этого, возможно, происходило проникновение тюркских племен с востока — из Минусинской котловины и с юга — с Алтая и Средней Азии. Основную же массу населения составляли народы угорско-самодийской группы.

---

[12] А. П. Дульзон. Дневники раскопок курганного могильника на Басандайке. Сб. «Басандайка». Томск, 1948.

[13] А. П. Дульзон. Древние смены народов на территории Томской обл. по данным топонимики. УЗ ТГПИ, VI, 1950, стр. 183.

[14] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. I, *2, 10, 12, 14;* III, *7; 12, 15; 24; 32.*

[15] Н. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, 14, 1950, табл. XCV, *130, 131.*

[16] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948, рис. 39, 40, 129.

[17] Сб. «Басандайка», табл. 27.

[18] Эбаргульские курганы около Усть-Ишима. Материал раскопок хранится во дворце пионеров Омска.

[19] Бродовский могильник. Альбом ОАК за 1882—98 гг., № 1810—1811.

[20] Сб. «Басандайка», табл. 86—87, табл. 71, 188, 191, 193, 206.

[21] Сб. «Басандайка», табл. 60—211.

Отсутствие тюркских вещей на среднем Иртыше ниже устья Тары следует объяснять большой удаленностью этого района от областей расселения тюрок, а также наличием здесь таежной зоны, где пастбища в основном ограничивались поймами рек, что мало удовлетворяло потребностям хозяйства кочевников.

Сравнительно резкое изменение облика материальной культуры Прииртышья в XIII в. следует связывать с появлением татар. Надо полагать, что это совпадает с походами Чингиз-хана 1210 г.[22], когда татаро-монгольские завоеватели дошли на севере приблизительно до Тары. В это время, вероятно, они оттеснили в еще более северные районы часть тюркских племен, кочевавших в южно-сибирских степях и связанных ранее со Средней Азией. Заняв территорию среднего Прииртышья несколько севернее Тобольска, они явились ядром, которое легло в основу формирования иртышских татар.

В отношении Барабы возможно предполагать постепенную тюркизацию в период XI—XII вв. В XIII в. она резко усиливается вследствие большого притока нового тюркского населения, что также было связано с монгольскими завоеваниями.

Тюркизация притомской части населения, вероятно, происходила несколько интенсивнее за счет давления со стороны енисейских кыргызов и алтайских тюрок, но окончательно она завершается также в XIII в.

Проникнув в таежные районы, тюрки осели главным образом по берегам крупных рек, широкие поймы которых лучше удовлетворяли потребности их скотоводческого хозяйства — по рекам Иртышу, Таре, Ую, Ишиму, Тоболу и др. Здесь они оттеснили местное население в более отдаленные места. Часть его смешалась с завоевателями, восприняв их язык. В пользу этого свидетельствует также антропологический тип иртышских и барабинских татар, в котором Т. А. Трофимова[23] усматривает черты сходства с пелымскими манси и хантами, при наличии в целом монгольской основы. Наличие угорских черт в культуре сибирских татар отмечалось неоднократно. Еще Лоренц Ланге, проезжая через земли барабинцев в 1716 г., отмечал, что «это племя происходит, вероятно, от остяков, ... так как оба племени почитают шайтанов»[24]. Этот вывод подтверждает также засвидетельствованное Л. Ланге устройство жилищ барабинцев в виде полуземлянок, аналогии которым известны из раскопок автора на расположенном по соседству с Барабинской степью I Безымянном городище[25] и в угорской этнографии[26].

Следы монгольского завоевания сказываются также в сходстве черепов тобольских татар с некоторыми золотоордынскими[27]. Большая степень монголоидности барабинских татар по сравнению с тобольскими находит частичное объяснение в более раннем контакте барабинцев с тюрками. Это же имело место в Притомском районе. О быстрой смене населения и ассимиляции оставшейся части свидетельствует топонимика среднего Прииртышья, большинство гидронимов которой расшифровывается из тюркского языка. Пришельцы, ассимилировав и частично оттеснив местное население, восприняли от него навыки хозяйственной жизни в лесной полосе и некоторые элементы материальной культуры, что выразилось, в частности, в гребенчатой орнаментации керамики, небрежность нанесения которой свидетельствует, вероятно, о том, что традиционный орнамент на сосудах в глазах пришельцев и образовавшегося смешанного

[22] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, табл. LXIV.

[23] Т. А. Трофимова. Тобольские и барабинские татары. ТИЭ, нов. сер., 1, М., 1947.

[24] Н. Ф. Катанов. Известия Лоренца Ланге о Сибири и сибирских иногородцах. Тобольск, 1905, стр. 4—5.

[25] В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда в 1962 г. Рукопись, архив ИА.

[26] З. П. Соколова. К истории жилища обских угров. СЭ, 1957, 2.

[27] Т. А. Трофимова. Ук. соч., стр. 209.

населения утрачивает свой смысл и является простым украшением. О быстроте ассимиляции при господстве тюркского компонента свидетельствуют письменные источники, которые четко разделяют татар от соседящих с ними остяков, ранее занимавших территорию южной части тайги и северной лесостепи.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

ДРЕВНИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ РУДНИК ЛАШКЕРЕК

Среди известных в средневековую пору древних рудников Илака особое место занимают выработки и плавильни верховья р. Ангрена, в районе притоков Лашкерек и Лояк. Выявление пунктов древней добычи и плавки руды района связывается с геологическими исследованиями. В 1927 г. А. П. Кириков обнаружил в Лашкерек-Сае огромные отвалы шлаков с большим содержанием галенита. В 1928 г. Б. Н. Наследов изучал их и выделил четыре группы общим объемом 14 тыс. *т* [1]. Выработки, связывающиеся с древним пунктом плавки, отмечались А. П. Кириковым в Шерлак-Сае, Б. Н. Наследовым в Янгаклы-Сае [2]. В 1933 г. Ф. И. Вольфсон открыл огромные выработки в верховьях Лашкерека [3]. Отметив несколько групп древних выработок (систему шахт на протяжении около 400 *м* с главной камерой, вероятно, для рудоподъема; ряд углублений, видимо, засыпанных штолен в центре юго-западного склона хребта), автор отмечает, что наряду с иными металлами интерес для древних представляет серебро.

Д. И. Щербаков на основе данных Ф. И. Вольфсона приурочил выработки к зоне оруденения и разломов протяжением 4—5 *км*, выделил участок наибольшей интенсивности мощностью до 15 *м* и протяженностью 1,2 *км* и также подчеркнул высокую серебристость руд [4].

Дальнейшие работы были направлены на углубленное изучение месторождений и детальное исследование шлаков. Геологами Г. С. Саркисовым, В. С. Зверевым, И. Л. Яицким, Д. Л. Дуниным-Барковским проводился попутно сбор археологического материала. В 1955 г. район осматривался отрядом Института геологии АН СССР, получившим интересный археологический материал (барабан воротка, деревянные миски) [5]. Детальное изучение рудника проводилось Г. А. Осиповой [6].

В 1962 г. археологическое изучение района, сопровождавшееся раскопками, было проведено отрядом Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР под руководством автора [7].

Изучаемая площадь сложена преимущественно из эффузивных пород. С юга-востока она ограничена тектонической зоной, идущей по центральной части хребта, а с северо-запада — почти параллельным ему разломом, пересекающим средние части рек Нишбаш и Ак-Су.

Рудные тела обусловлены характером минерализованных зон. Среди материалов в отвалах древних выработок, в обнаружениях хребта Лаш-

---

[1] Б. Н. Наследов. Древние шлаки и полиметаллические месторождения Лашкерекско-Янгокласского участка. «За недра Средней Азии». Ташкент, 1932.

[2] Там же, стр. 27, 33—35.

[3] Ф. И. Вольфсон. К проблеме оруденения Северного Карамазара. Тр. ТПЭ, 15, л., 1935.

[4] Д. И. Щербаков. Проблемы Карамазара. Тр. ТПЭ, л. 1934, стр. 110.

[5] О. И. Исламов. Разведка памятников горного дела в республиках Средней Азии в 1955 г. Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР, 33, М., 1960, стр. 194—196.

[6] Отчеты геологов хранятся в архиве Узглавгеологии.

[7] Большая помощь в изучении района была оказана автору Д. Л. Дуниным-Барковским, которому выражаю искреннюю благодарность.

керек и бортов одноименного сая следует отметить пирит, сфалерит, блеклую руду, халькопирит, полибазит, аргентит, барит, халькозин. Для детальной характеристики, древних выработок выделяется несколько участков оруденения: центральный, северо-западный, пятый Лашкерек и «Малахитовое поле».

Наиболее интенсивное оруденение имеет центральный участок. Он достигает в длину нескольких сотен метров при большой мощности. С поверхности жилы отработаны древними рудокопами полностью. Анализ проб дает богатое содержание серебра. Рудные зоны северо-западного участка с поверхности также отработаны. В целике, оставленном древними для крепления рудника, и в рудном теле под целиком содержалось в среднем до 1 *кг* серебра на тонну руды.

Пятая Лашкерекская зона также покрыта древними выработками большой длины и мощности.

«Малахитовое поле» на правом берегу Лашкерека в устье Куль-Сая представляет собой цикл диаметров до 400 *м*. Отвалы породы на склоне сохранились в незначительном количестве, однако громадный отвал оказался внизу. Шурфом были вскрыты рудные отвалы глубиной 3,5—5 *м*, под ними — слой наносов без руды, но с 15 *м* вновь начались рудосодержащие слои отвала. Руда аналогична Лашкереку: блеклые руды с богатым содержанием серебра, даже самородного.

Осыпями и отвалами покрыт и восточный склон цирка. Одной из канав вскрыто устье древней выработки в виде вертикального столба глубиной 9 *м*; дно покрыто завалами; чувствуется, что выработка уходит еще глубже. С поверхности выработки Лашкерека кажутся незначительными. Это — углубления, идущие иногда цепочкой и принадлежащие разработке одного рудного тела системой штолен с газенками. Сохранились и вертикальные шахты, обычно заваленные на глубине 10—12 *м*.

Настоящий размах работ выявляется лишь при глубокой проходке. Выработки уходят на большую глубину. Некоторые из них были подсечены на глубине более 200 *м*. В зависимости от рудного тела они переходят в обширные камеры, делятся на ряд рукавов или сужаются в ходки шириной до 45—50 *см*.

Большой интерес представляет древняя выработка, подсеченная при глубокой проходке. Сверху выработка незаметна, она выходит в штольню в виде расщелины, постепенно расширяющейся от 60 *см* до нескольких метров, при высоте более 20 *м*. Широкая полость расщелины и обрушившийся свод открывают изнутри картину интенсивной разработки рудных тел горизонтальными и наклонными ходками и щелями. Сбоку вверх поднимается вертикальный колодец. Здесь древние рудокопы применили различные способы крепления[8].

Узкие ходки и щели изредка крепились целиками бедной руды, в опасных местах ставилась подпорка или вертикальная стойка. Наряду с этим встречен оригинальный и рациональный способ крепления поперечной стойкой с подпятником. В одной стене выдалбливалась ячейка, в которой укреплялся заостренный конец стойки. Второй так же тесаный конец упирался в противоположной стороне ходка в деревянный подпятник. Подпятник представляет собой брус размером 32 × 18 × 8 — 10 *см*. Длина распорки зависела от размеров ходка, толщина от 12 до 18 *см*. Это крепление ставилось отдельно под угрожающими глыбами или поддерживало

[8] Б. А. Литвинский. Горные инструменты из коллекции Ленинабадского краеведческого музея. ИООН АН ТаджССР, 2, Душанбе, 1952; его же. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.). Тр. АН ТаджССР, XXVII, Душанбе, 1954; его же. Предварительный отчет о работах в Кара-Мазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, XXXVII, 1956; его же. Среднеазиатский горный промысел в средние века (IX—XII вв.). Техника. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.— Л., 1959, стр. 42—51.

сплошной настил из тонких продольных балок. Край с подпятником был чуть выше, при сильном давлении он слегка сползал, так что стойка становилась более горизонтальной, но прочность ее от этого лишь увеличивалась[9]. Наибольшее внимание уделено гезенку. Он укреплен венцом полного оклада в виде арчевых вертикально стоящих столбов диаметром 10—15 см и длиной до 1,2 *м*, разделенных горизонтальным окладом (рис. 1).

На высоте нескольких метров сруб пересекает дополнительная перекладина, и здесь же от колодца отходит горизонтальный штрек. Такая же картина повторяется несколько раз на разных уровнях, причем штреки идут под различными углами.

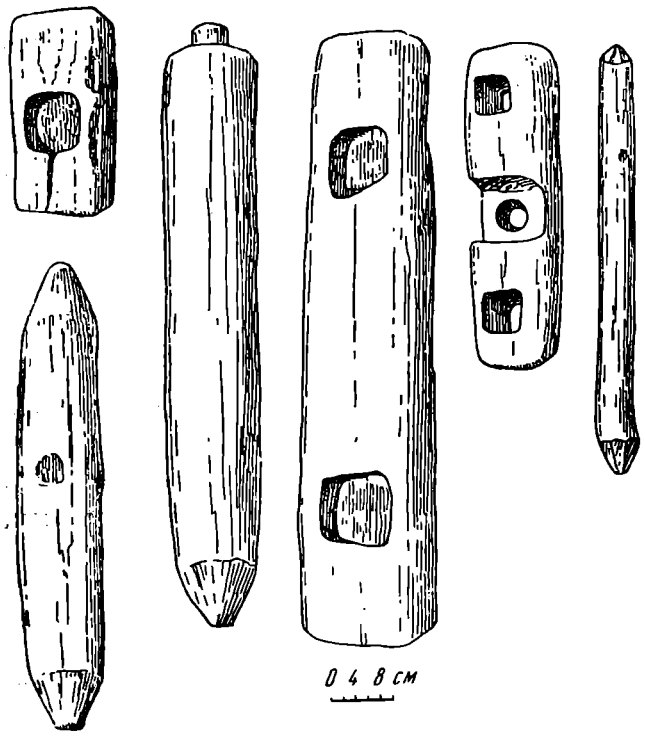


Рис. 1. Деревянные крепления древних рудников

Несомненно, перед нами главный рудоподъемный ствол, через который поднималась на поверхность руда из горизонтальных выработок. Креплению его уделено большое внимание, так как он был предназначен для длительного функционирования[10].

Интересен тот факт, что вверху ствол перекрыт накатом балок, поверх которых навалены камни, т. е. он был специально законсервирован и замаскирован. По сообщению Д. Л. Дунина-Барковского, обследовавшего участок с 1954 г., эта картина характерна для большинства выработок района.

Жилища рудокопов выявить трудно, так как они мало похожи на поселения других рудников, имеют очень бедный инвентарь. Лишь в 1962 г. выявлен один жилой комплекс. При осмотре разреза геологической канавы 1955 г. выяснилось, что она прорезала каменную кладку комнат. Раскопками выявлено, что жилой комплекс представляет собой многокомнатное сооружение, распоположенное на площадке северо-западного склона хребта вблизи выработок. Площадка размером 21 × 5 — 7 *м* вымощена обломочными породами и с трех сторон обложена каменной кладкой. Почти вся площадь занята помещением, состоящим из коридора и группы комнат.

Коридор имеет длину 6,3 *м*. Стены его, сохранившиеся на высоту до 1,45 *м*, сложены из камня без раствора, толщина их 25—38 *см*. Ширина коридора на уровне пола 45 *см*. Две ступени в западной части выводят на открытую площадку — дворик (?) или в комнату с обрушившейся северной стеной длиной 5,2 *м*. В северо-восточной части коридор заканчивается очагом, около которого на плоском кампе, служившем своеобразным кухонным столом, найдены два неглазурованных светильника.

С юго-востока к коридору примыкала группа, вероятно, из семи ком-

---

[9] Б. А. Литвинский ошибочно реконструировал эти детали как вертикальную стойку с бабкой. Б. А. Литвинский. Среднеазиатский горный промысел..., стр. 50.

[10] Подобные способы крепления употреблялись в древности в особых случаях. Б. А. Литвинский. Среднеазиатский горный промысел..., стр. 50.

нат (частично вскрыто пять и две намечаются по микрорельефу). Комната № 1 размером 2,4 × 3,4 — 3,6 *м* имела неправильные очертания, слегка вытянута с северо-запада на юго-восток и частично разрушена канавой. Сохранились обрывки стен в юго-восточном и северо-восточном углах и северная стена.

Комната № 2 примыкала к описанной с юга. Размер ее 2,7 × 3,6 *м*. Она имела выход в комнату № 1, последняя соединялась проходом с кори-

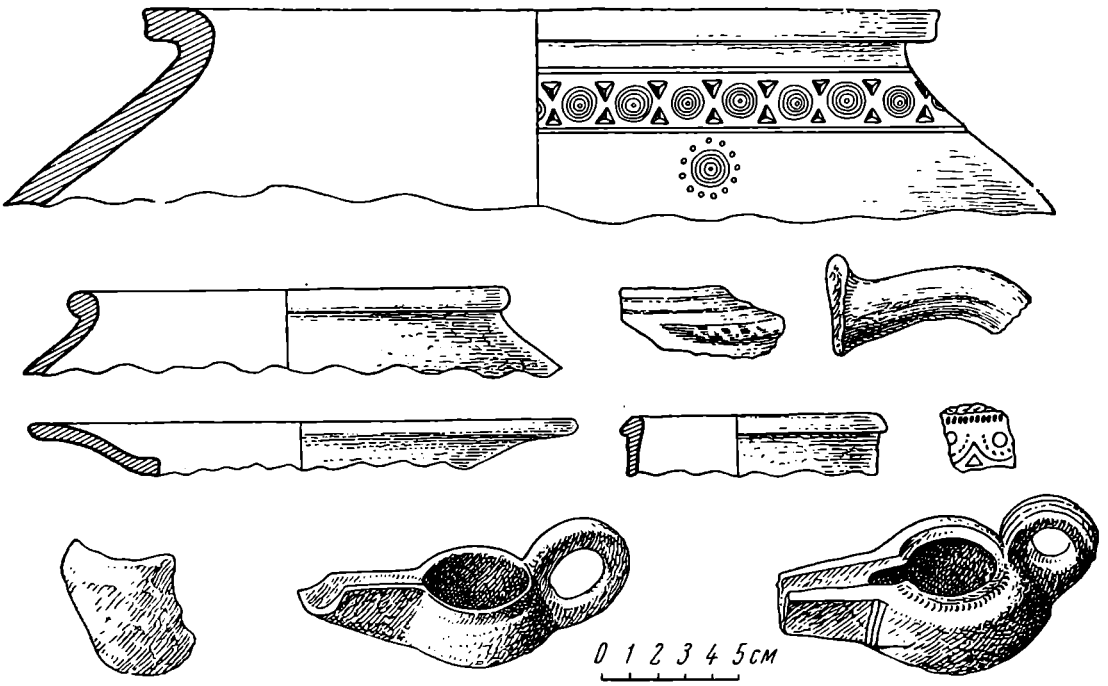


Рис. 2. Керамика Лашкерека

дором. С юго-запада к комнате № 2 примыкали два узких помещения № 3 и 4 шириной соответственно 1,6 и 1,4 *м*, вытянутые на запад. Помещения северной части меньше ввиду сужения площадки. Южная стена комнаты № 5 имела ширину 3,4 *м*, северная — 3,1 *м*, длина — 4,1 *м*. Комната № 6 имела размеры, вероятно, 1,4 × 2,7 *м*, а комната № 3 — 2,3 × 2,5 *м*. Характер северо-восточного угла неясен. Здесь располагались или открытый дворик или крошечные комнатки, западная стена которых обрушилась.

Находки немногочисленны. В комнате № 1 была найдена часть железного предмета, сильно расплющенная шляпка клина и тоненькая железная пластинка с отверстиями для гвоздей. Встречено также несколько кусков металлических шлаков и красной глины. В коридоре найдена часть сосуда желто-зеленоватого стекла. Среди находок преобладают фрагменты глиняных сосудов (рис. 2). Всего в помещениях было найдено 58 обломков стенок сосудов, сделанных на станке быстрого и медленного вращения. Среди форм сосудов можно выделить корчагу из красной глины, лощеную и орнаментированную по плечикам прорезным орнаментом, подражающим чекану медных сосудов; фрагменты кувшинов с высокой цилиндрической горловиной, яйцевидным туловом и вертикальной ручкой, крепившейся одним концом к венчику, другим к плечику (снаружи они орнаментированы волнами и полосами); лепной горшочек с валикообразным венчиком, изготовленный из глины с шамотом; венчик красноглиняного сформованного на круге котла с декоративной ручкой и налетом в виде жгута. Подобные котлы бытуют большой промежуток времени, с первых веков нашей эры и доживают до X—XI вв. Следует упомянуть часть тарелковидной крышки с зубчатым орнаментом, плоскодонные неглазурованные чираги с петлеобразными ручками. Вместе с ними найдены два

осколка глазурованных чирагов, один покрыт темно-зеленой глазурью, второй — зеленой с белыми пятнами. Оба фрагмента принадлежат к ранней поливной керамике и могут датироваться IX в.

Основная группа керамики встречена среди отвалов. Это — хумы и хумча, широкогорлые корчаги, имевшие иногда рельефный орнамент, фрагменты котлов из глины с шамотом, лепных горшков бокалообразной формы и тонкостенных кувшинов, стенки, донья и ножки стеклянных сосудов. В огромном количестве встречены светильники. По форме они резко отличаются от светильников, найденных в жилых помещениях. Если первые светильники плоские с широким, устойчивым донцем, то светильники описываемой группы представляют собой грубые плошки с небольшим плоским и даже слегка округленным донцем, довольно высокими стенками и легким загибом венчика, носик небольшой, сплюснутый, ручка часто отсутствует. Они очень неустойчивы и имеют производственное назначение.

Следует особо остановиться на шлаках Лашкерека. Они отличаются от обычных шлаков цветом (преимущественно красноватым) и составом (содержат до 40% свинца).

Подсчитанный Б. Н. Наследовым объем в 14 тыс. *т* [11] составляет менее $^1/_3$ действительного. Оставшаяся масса была переплавлена вторично, часть перекрыта дорогой или смыта водой реки, часть оставалась в стенах дувалов.

К сожалению, при сборе шлаков для переплавки были смыты и плавильные печи. Сохранились лишь их детали, обломки футировки, в основном части устья и свода печи из огнеупорной глины. Интересна находка сильно ошлакованной каменной пробки и керамической трубы. Печи вырывались в земле, стенки обкладывались камнем, свод — из специально обожженных кирпичиков. Печи имели искусственное поддувание, о чем говорят упомянутые пробка и глиняная труба.

Интересны факты образования глазурей на стенках печи мутно-зеленого, желтоватого и сургучного цветов, близких по гамме к поливе сосудов VIII—IX вв.

Как известно, глазури в Средней Азии входят в широкое производство с VIII—IX вв. С IX в. щелочная полива сменяется свинцовой в Иране и Месопотамии [12]. Покрытая свинцовой поливой керамика преобладает в саманидскую пору в Средней Азии, широко проникает на периферию, к которой относится и верховье Ангрена (таблица).

Этот процесс совпадает с расцветом металлургии и, вероятно, в определенной мере стимулировался последним, ибо побочные продукты, в частности свинец, являлись важным компонентом глазури. Естественное глазуреобразование может способствовать изучению терморежима этого процесса. Близкие к ранней поливной керамике глазури начали совершенствоваться и усложняться.

Находок на месте плавки найдено немного. В основном это керамика, целиком неглазурованная: фрагменты грубых лепных и станковых сосудов встречаются краснолощеные. В селении Лашкерек в размывах ручья правого берега найдены фрагменты горшка с рифленым венчиком и округлым туловом; стенки покрыты мутно-белой глазурью. Анализ материала с учетом его локальных особенностей дает возможность предварительно датировать комплекс VII—X вв.

Шлаковые отвалы свидетельствуют во-первых, о громадном размахе металлургических работ, во-вторых, о специально направленном процессе плавки с получением лишь одного важного объекта добычи и оставлением в шлаке свинца.

---

[11] Б. Н. Наследов. Ук. соч., стр. 27.

[12] Э. В. Сайко. Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв. (по материалам керамических комплексов Хутталя, Согда, Ферганы). Душанбе, 1963, стр. 9, 11.

Сравнительный анализ глазури на шлаках, футировке печей и керамике Лашкерека [13]

№ образцов	Наименование материалов	Si	Al	Mg	Ca	Fe	Mn	Ti	Cu	Pb	Ag	Zn	Sb	Cd	As	Ni	Co	V	Zr	Bi	Sn	Mo	Na	K
367	Наплыв на каменной затычке [14]	1	0,03	0,01	1	0,01	0,001	0,001	1	0,03	0,001	0,3	0,03	—	0,03	—	—	—	—	—	—	—	—	—
363	Наплыв-глазурь красно-коричневого цвета	1	1	0,6	1	1	0,03	0,06	1	1	0,003	1	0,6	0,03	0,3	сл.	0,003	0,01	0,003	0,001	1	0,01	—	—
368	Наплыв-глазурь красно-коричневого цвета	1	1	0,3	0,6	1	0,03	0,06	0,003	1	0,003	0,03	0,01	—	—	0,003	0,001	0,003	0,003	—	0,001	—	0,6	—
368_4	Глазурь разноцветная	1	1	0,6	1	1	0,06	0,06	1	1	0,001	0,1	0,3	—	—	0,003	0,001	0,003	0,001	0,003	0,3	0,001	1	1
368_5	Глазурь разноцветная	1	1	0,6	1	0,6	0,06	0,01	1	1	0,003	—	0,01	—	—	0,003	—	0,001	0,001	0,001	1	—	1	1
368_6	Глазурь белая с ангобом	1	1	0,3	1	0,6	0,01	0,06	0,01	1	0,003	0,01	0,01	—	0,3	0,001	—	0,001	0,003	—	—	—	0,6	1
368_1	Стекло	1	1	1	1	0,6	0,3	0,06	0,003	0,03	0,03	—	—	—	—	—	—	0,001	0,006	—	—	—	1	1
368_2	Наплыв-стекло	1	1	1	1	0,6	0,06	0,06	0,01	0,01	—	—	—	—	—	—	—	0,001	—	—	0,003	—	1	1
361_1	Наплыв стекло	1	1	0,3	1	1	0,03	0,06	0,1	1	0,003	0,1	0,1	—	0,01	сл.	0,001	0,003	0,001	—	0,001	0,001	1	1

[13] Анализ проведен в технологической лаборатории Института истории и археологии АН УзССР.
[14] Остеклованная часть затычки получилась при плавке свинцово-серебряной руды.

Сравнение руды со шлаком привело еще Ф. И. Вольфсона к мысли, что древние плавильщики вели свой металлургический процесс с выделением меди из халькопирита и серебра из блеклых руд. Все остальные металлы в виде сульфидных соединений переходили в штейны. Этого можно было достигнуть, подвергая руду предварительному обжигу, при котором спекались халькопирит и тетраэдрит, а остальные сульфиды сохранялись в штейнах. Дальнейшее исследование показало, что основным предметом добычи являлось серебро, получавшееся из блеклых руд при относительно невысокой температуре.

Поражает огромный размах работ. По предварительному далеко не полному подсчету по отвалам, объем выработанной породы составляет более 600 тыс. *т*.

Пропущенные древними бедные рудные тела в целиках и иногда в отвалах содержат серебро от 100 до 1500 граммов на тонну. Некоторые образцы, взятые из остатков рудных тел, содержат десятки килограммов серебра на тонну. Это говорит о чрезвычайно высоком содержании серебра. Если взять за среднее содержание 0,7—0,8 *кг* металла на тонну, то получается, что здесь по самым скромным подсчетам не менее 500 *т* высококачественного серебра.

До последнего времени основным поставщиком серебра в средневековом Илаке считался южный Кара-Мазар, в частности Кани-Мансур — Канджол [15]. В Кани-Мансуре С. Ф. Машковцев помещал Кухи-Сим древних авторов [16]. Б. Н. Наследов считал, что выработки Кани-Мансура составляют 43% всей древней рудопромышленности Кара-Мазара [17]. Эти выводы основывались, во-первых, на недостаточной изученности района; во-вторых, рудники южного Кара-Мазара в большинстве случаев были открытыми и доступны исследователям (особенно грандиозные большой Карьер и главные камеры Кани-Мансура), в то время как выработки Лашкерека развиты в глубину и вдобавок часто перекрыты сверху накатом и завалом породы (он оценивается примерно в 250 тыс. $м^3$, но руда южного Кара-Мазара беднее серебром, чем в Лашкереке).

Таким образом, если сравнительно с южным Кара-Мазаром данный район на первый взгляд казался разработанным слабо, то детальное изучение показало, что район был широко известен древним рудокопам. Судя по материалу, наиболее ранней датой деятельности рудника пока следует считать VII—VIII вв., а интенсивно рудник функционировал в IX—X вв.

Громадный объем работ, богатства его руд и характер выработок, развитых в глубину,— все эти данные выдвигают Лашкерек в один из крупных интенсивно эксплуатировавшихся серебряных рудников средневекового Мовераннарха. Кроме того, в отличие от многих мелких выработок Кара-Мазара Лашкерек входит в группу рудников, имевших высокую для того времени организацию работ и централизованный и целенаправленный характер разработок, определенные затраты на крепление как рудоподъемного ствола, так и боковых штреков, добычу руды на больших глубинах. О централизованном характере горнометаллургических работ

---

[15] С. Ф. Машковцев. Кухи-Сим. «Геологический вестник», 1926, V, 1—3, стр. 66—69; его же. Горы Кара-Мазар. Путеводитель экскурсий III Всесоюзного съезда геологов. Л., 1928; его же. К вопросу о древней металлургической промышленности в горах Кара-Мазар и о знаменитых серебряных рудниках в древнем Туркестане. Тр. III Всесоюзного съезда геологов. Ташкент, 1929, стр. 357—370; Б. Н. Наследов, А. В. Королев. Месторождения Алтын-Топкана, Табошарского участка, Кан-Сая и Кани-Мансура в Кара-Мазарском районе. Там же; Б. Н. Наследов. Кара-Мазар. Л., 1935, стр. 266—269, 303—321; О. И. Исламов. Л. М. Рутковская. Геологоархеологическая характеристика древнего рудника Кани-Мансур. Археология Средней Азии, IV, Тр. САГУ, Ташкент, 1957, стр. 155—176. Б. А. Литвинский. Среднеазиатский горный промысел..., стр. 48.

[16] С. Ф. Машковцев. К вопросу с древней металлургической промышленности, стр. 361.

[17] Б. Н. Наследов. Кара-Мазар, стр. 9.

говорит и постановка в огромных масштабах транспортировки и плавки данных руд в районе Лашкерек.

Несомненно, перед нами большой государственный рудник по специальной добыче и плавке серебра. Не исключено, что он является одним из основных поставщиков серебра для Шаш-Илакского монетного двора, высококачественная монета которого ценилась не только на Востоке, но и в Европе [18].

В отличие от южного Кара-Мазара, здесь широко представлены сульфидные руды, есть даже самородное серебро. Этот район с большим основанием мог быть назван Кухи-Симом [19]. Характерный штрих: будучи не выработан до конца, ряд рудников законсервирован. Вероятно, это связывается с политическими событиями, возможно, с борьбой саманидов и караханидов в конце X в.

Впоследствии, после перерыва в XI—XII вв., некоторые выработки функционировали вновь, однако уже в более скромных масштабах. Ряд древних и, вероятно, основных рудников в это время так и остался законсервированным. Интересен в этом отношении разрез отвалов в «Малахитовом поле», свидетельствующий о мощной добыче руды в VIII—X вв., о перерыве и незначительной добыче в XI—XII вв.

[18] М. Е. Массон. Ахангаран. Ташкент, 1953, стр. 75—78.

[19] С. Ф. Машковцев. К вопросу о древней металлургической промышленности, стр. 359.

А. А. МЕДЫНЦЕВА

СЕРЕБРЕНИК ИЗ ЗАРЕЧЬЯ НА СТУГНЕ

В 1963 г. Приднепровская экспедиция Института археологии АН СССР (руководитель Б. А. Рыбаков) производила раскопки в с. Заречье (быв. Ханьбиково) древнерусской крепости конца X — начала XI в., входившей в систему оборонительной линии, построенной Владимиром Святославичем против печенегов по р. Стугне. При раскопках ворот, ведущих из посада в детинец, была найдена монета — так называемый «серебреник князя Владимира» (рис. 1). Серебреник был обнаружен на глубине 80 *см* в заполнении надвратной башни, что является первой находкой подобного рода в непотревоженном культурном слое при раскопках древнерусского городища.

По принятой классификации И. И. Толстого найденный серебреник Владимира относится к III типу и датируется началом XI века (до 1015 г.) [1].

Лицевая сторона: изображение князя в фас, сидящего на троне со спинкой и держащего обеими руками крест на длинном древке, наклоненный на левое плечо. На голове князя шапка из бус, увенчанная крестом. Надпись: ...ладимир на стол..., т. е. «ВЛАДИМИР НА СТОЛЕ» (начало и конец надписи стерты; рис. 2). Буква «Д» в слове «ВЛАДИМИР» имеет вид «Л», но, очевидно, это все-таки «Д» в виде буквы «Л» с перекладиной, часто встречающееся на сребрениках [2], но у которого при чеканке не отпечаталась поперечная перекладина. Буква «Р» вычеканена наоборот, вместо «Ъ» — «Ь», возможно из-за отсутствия

[1] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.

[2] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты X—XI веков. ЗРАО, VI, нов. серия. СПб., 1893, стр. 59.

места для перекладины. По краю монеты два линейных и бусинный ободки.

Оборотная сторона: родовой знак в виде трезубца; надпись: а сє є... сребро (две буквы в слове «ЕГО» стерты). По краю два линейных и бусинный ободки.

Рис. 1. Серебреник князя Владимира из Заречья на реке Стугне

Монета потерта в нижней части. Вес — 3,19 *г*, диаметр 2,7 *см*.

Серебреник принадлежит к наименее распространенному варианту сребреников Владимира III типа. Близкую аналогию среди опубликованных сребреников представляет монета, найденная в Борисполе[3] (особенно сходны начертания родового знака и расположение букв на оборотной стороне). Но наш серебреник сделан другим штампом. От бориспольского он отличается некоторым изменением рисунка, иным расположением надписи на лицевой стороне (на бориспольском серебренике надпись разделяется крестом на шапке князя, на экземпляре из Заречья надпись расположена поверх креста). различным начертанием букв, несколько измененным орнаментальным оформлением родового знака, наличием двух линейных ободков. Отдаленные аналогии: серебреник из Нежинского клада[4], экземпляр из коллекции И. И. Толстого[5] и экземпляр из собрания ГИМ[6].

Вопрос о принадлежности монет с именем Владимира являлся предметом длительного спора в русской нумизматической литературе. В системе классификации монет великого княжества Киевского господствовали две точки зрения: одна И. И. Толстого и Н. П. Бауера[7], другая — А. В. Орешникова[8]. И. И. Толстой, а вслед за ним и Н. П. Бауер относят чеканку подобных монет ко времени князя Владимира Святославича (988—1015 гг.), а А. В. Орешн-

[3] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского, табл. 10, *1* (прорись); А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, табл. VI, *1*; его же. Русские монеты до 1547 года, 1. М., 1896, табл. 1, *4* (лучшее фототипическое воспроизведение).

[4] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского, табл. 8, *11*.

[5] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты X—XI вв., табл. XIII, *7*, *8*.

[6] Н. Д. Мец. Неизданные сребреники Государственного Исторического музея. Нумизматика и сфрагистика, 1. Киев, 1963, рис. 3.

[7] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского; его же. Древнейшие русские монеты X—XI вв.; Н. П. Бауер. Древнерусский чекан конца X — начала XI в. ИГАИМ., V, Л., 1927.

[8] А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. ИАН СССР, отд. гуманит. наук, 3, 1930; его же. Денежные знаки...

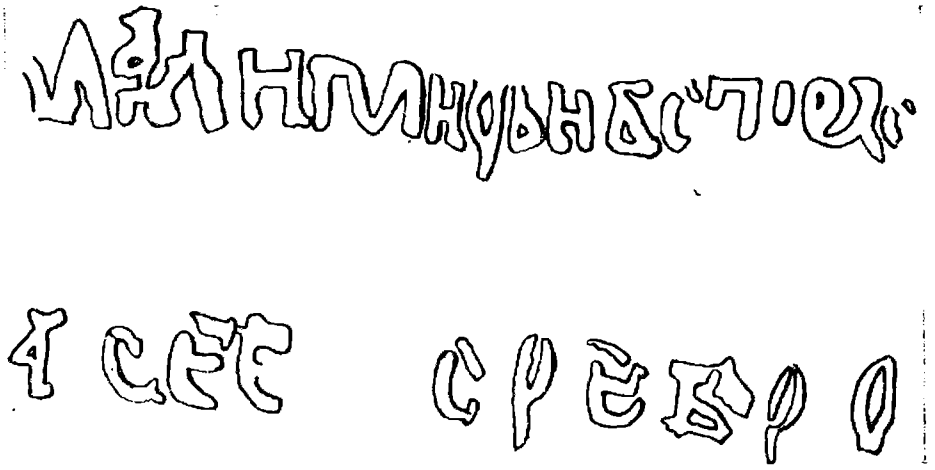


Рис. 2. Прорисовка надписи на серебренике

ников — ко времени Владимира Мономаха (1078—1125 гг.). Исследования и находки последних лет подтверждают правильность выводов И. И. Толстого [9]. Находка серебреника в Заречье в культурном слое конца X — начала XI в.— лишнее тому доказательство.

[9] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956; Н. Д. Мец. Серебреники из с. Митьковки. СА, 1960, № 1.

К. В. КОСТРИН

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕФТИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АМФОР, НАЙДЕННЫХ БЛИЗ СТАНИЦЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ

Среди многочисленных археологических открытий в Советском Союзе весьма примечательными для свидетельства о древности нефтяного дела у народов нашей страны являются находки амфор, наполненных нефтью: в 1939 г. при раскопках города Тиритаки на Керченском полуострове [1] и в 1950 г. при строительных работах в районе Тамани, невдалеке от городища Кепы [2]. При тщательном изучении содержимого амфор было установлено, что в них находилась нефть, добытая на керченских месторождениях [3].

Обнаружение аналогичных средневековых амфор имело место и в дореволюционной России, но тогда к ним не было проявлено должного внимания, и находившаяся в них жидкость до настоящего времени не была исследована.

17 октября 1895 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 283) была опубликована без названия и подписи краткая заметка: «В Сальском округе, близ станицы Великокняжеской в области войска Донского, при проведении железной дороги... найдены в земле 15 кувшинов древней формы, с острым дном и с небольшим горлышком. При раскопке 8 кувшинов было разбито, а 7 вырыто целыми. Кувшины оказались наполненными каким-то черным смолистым веществом; два из этих кувшинов присланы в донской музей. По определению управляющего областною аптекою жид-

[1] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4.

[2] Н. В. Анфимов. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова. КСИИМК, XLIX, 1953.

[3] В. А. Успенский. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке, МИА, 25, 1952, стр. 415—421; П. И. Цыганок, Т. А. Зернышко, Нефть хранимая с VI века нашей эры. Журн. «Нефтяное хозяйство», 1951, 8, стр. 60—61.

кость оказалась асфальтовым лаком, с примесью небольшого количества дегтя каменного угля. Какое назначение имели эти кувшины пока не определено».

Этот текст был перепечатан без каких-либо комментариев в «Археологических известиях и заметках»[4]. По-видимому, в то время уникальная находка амфор, наполненных «смолой» и найденных в окрестностях Великокняжеской (ныне Пролетарская) близ р. Маныча, не заинтересовала археологов. М. И. Артамонов описал амфоры, установил, что они относятся к причерноморскому типу IX—X вв., упомянул о «смолистом веществе», но не высказал никаких соображений об его происхождении[5]. А. Л. Якобсон подтвердил датировку амфор, но содержимое амфор и в его исследовании также не получило никакой расшифровки[6].

Очевидно, что определение «смолистого вещества», выполненное в 1895 г., не соответствовало действительности. В X в. в донских степях никак не могло быть ни «асфальтового лака», ни каменноугольного «дегтя». Следовательно, необходимо было определить загадочное вещество и произвести его квалифицированное исследование.

Пять амфор с Маныча хранятся в Музее истории донского казачества (Новочеркасск). Видимо, с содержимым амфор в прошлом обращались не особенно бережно: наружная поверхность «кувшинов» покрыта обильными потеками и сгустками смолистого вещества. Но все же после тысячи лет пребывания в земле и 70 лет в музее некоторое его количество сохранилось и внутри сосудов и было нами исследовано.

По внешнему виду, консистенции, характерному запаху древнее смолистое вещество, извлеченное из амфоры, напоминает мазут из беспарафиновой нефти, долговременно хранившийся в открытых земляных амбарах. Анализ его, произведенный нами в сырьевой и битумной лабораториях Башкирского научно-исследовательского института нефтепереработки, дал следующие результаты: 1) плотность — 0,990; 2) молекулярный вес — 362; 3) кислотное число (в *мг* KOH на *г*) — 11; 4) элементарный состав (в %):

	Результат сожжения	Пересчет на органическое вещество
углерода	81,20	84,27
водорода	11,15	11,67
серы	0,42	0,44
несгоревший остаток	3,65	—
разница (кислород, азот)	3,58	3,62
итого	100,0	100,0

5) групповой состав (адсорбционное разделение на селикагеле, при использовании петролейного эфира как элюента, с применением люминесцентного анализа) в %:

парафино-нафтеновая фракция	75,3
легкая и средняя ароматика	7,5
тяжелая ароматика	1,6
смолы	10,5
асфальтены	5,1
итого	100,0

6) показатель преломления (n_D^{20}) парафино-нафтеновой фракции 1,4985, что говорит о практическом отсутствии в ней парафиновых углеводородов. Формалитовая качественная реакция указала на некоторое присутствие во фракции ароматических углеводородов.

Результаты анализа «смолистого вещества» из амфор убедительно говорят о том, что оно является нафтеново-ароматической, беспарафиновой,

---

[4] Археологическая хроника. АИЗ, III, 1895, стр. 372—373.

[5] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, ИГАИМК, 131, М.— Л., 1935, стр. 71—73.

[6] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 325—344.

сильно окисленной (при длительном соприкосновении с атмосферным воздухом) и выветренной нефтью. Сравнение качеств этой нефти с качествами нефтей Закавказья, Северного Кавказа и Крыма [7] показало, что она по своей характеристике наиболее близка к нефтям Керченского полуострова, в особенности Чонгелекского месторождения.

Таким образом, содержание амфор Маныча, так же как и амфор Тиритаки и Тамани, показывает, что в IV—X вв. нефть не только добывалась на Керченском полуострове, но и транспортировалась отсюда на Кавказское побережье Черного моря и в степи Нижнего Дона. Амфоры с керченской нефтью, добытой в IV—X вв., являются наиболее древним свидетельством о возникновении нефтяного дела на территории нашей Родины [8].

[7] А. С. Великонский, С. Н. Павлова. Нефти СССР. М., 1945, стр. 126—130; Геология нефти. Справочник. I, М., 1960, стр. 90—91.

[8] Большую помощь в настоящем исследовании нам оказали заместитель директора Музея истории донского казачества О. Е. Воронина и научные сотрудники БашНИИ НП Е. Г. Ивченко и Р. С. Ахметова.

Н. Л. ПОДВИГИНА

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

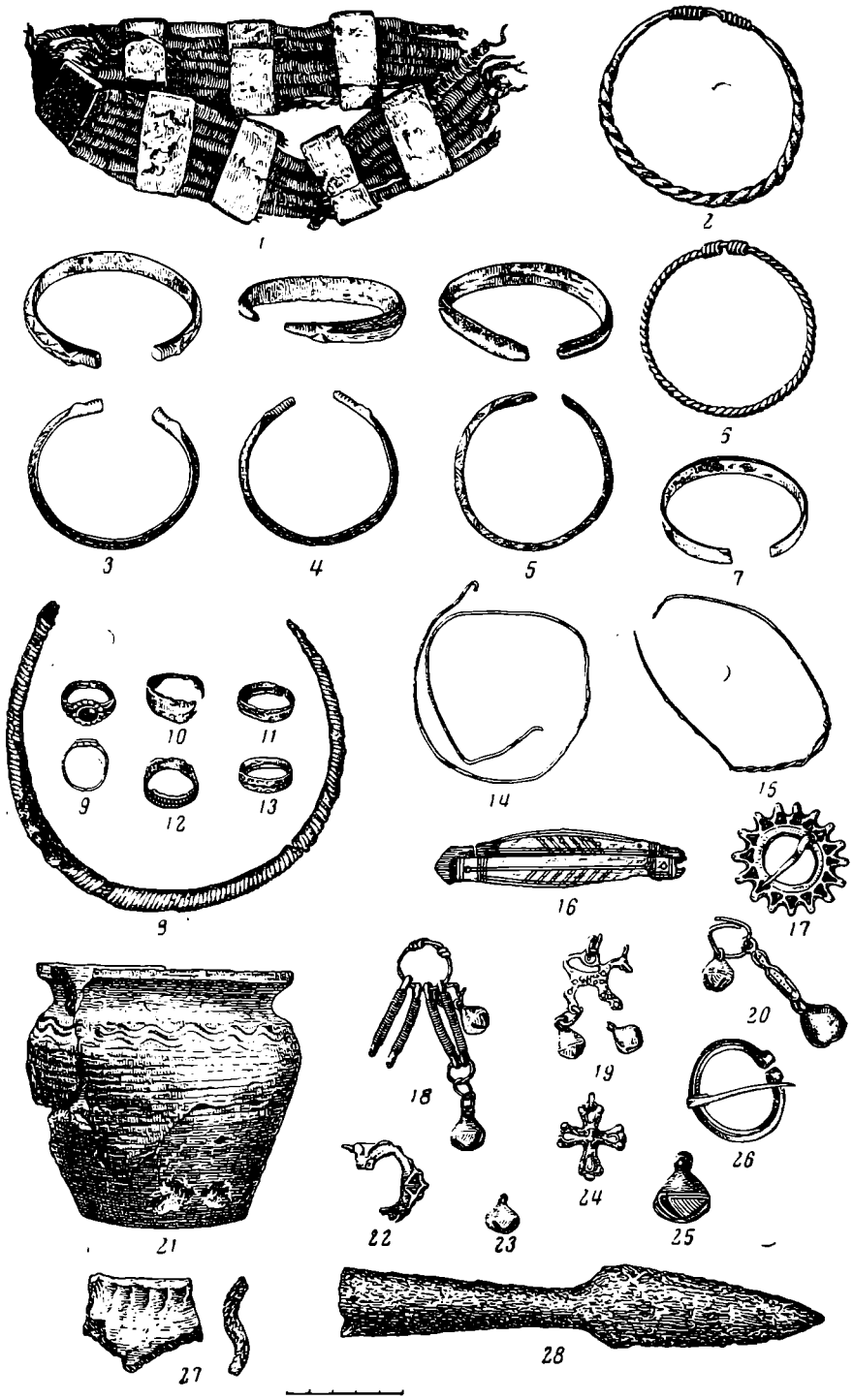
В 1962 г. археологической экспедицией Себежского краеведческого музея было раскопано 20 курганов в курганной группе у оз. Остенец в Себежском районе Псковской обл.

Курганная группа расположена в урочище Старица Табор-Глинской лесной дачи, к северо-востоку от оз. Остенец, в 70 *км* к северо-западу от г. Себежа. Всего в группе насчитывается 131 курган, из них 55 раскопано колодцем или траншеей, видимо, в дореволюционное время и три кургана раскопано в 1955 г. С. А. Тараканової.

Курганы расположены тесной группой, за исключением 11 насыпей, выделенных нами в особую северную группу. Были предприняты раскопки в разных частях курганной группы: 15 курганов — в западной, четыре кургана — в северной, рядом с курганами, раскопанными в 1955 г., и один курган — в восточной части курганной группы. Все курганы задернованы, на многих из них растут сосны. Форма курганов близка к шаровому сегменту. Вокруг всех курганов прослеживаются остатки ровиков. Средняя высота курганов около одного метра, но встречаются курганы высотой до 2,5 *м*. Многие насыпи имеют один склон крутой, другой — пологий, что объясняется уклоном местности. Насыпи всех раскопанных курганов однородны и состоят из желтого сыпучего песка, постепенно переходящего в более темный песок. Местами в насыпях встречаются вкрапления угольков и золы.

Преобладающим погребальным обрядом является трупоположение в яме. Могильные ямы обычно прослеживаются хорошо. Все погребения ориентированы головой на запад с небольшим отклонением на юго- или северо-запад. Костяки лежали на спине, руки их обычно были вытянуты вдоль тела или согнуты в локтях и сложены на животе. В одном кургане захоронение произведено на горизонте. В кургане № 6 и 13 обряд трупоположения сочетается с пережитками обряда трупосожжения. Под песчаным слоем насыпи лежит кострище, состоящее из серого золистого песка, которое прорезано неглубокой могильной ямой, оканчивающейся в материке. Тот же обряд прослежен С. А. Тараканової [1].

[1] Архив ИА, ф. 1, 1274, стр. 17.



Остенецкий могильник. Вещи из курганов

1 — головной венчик; *2—7* — браслеты; *8* — гривна; *9—13* — перстни; *14—15* — височные кольца; *16* — расческа; *17* — фибула лучевая, *18* — подвеска; *19* — коньковая привеска; *20* — привеска-ложечка; *21* — сосуд гончарный; *22* — пряжка лировидная; *23, 25* — бубенчики; *24* — крестик скандинавского типа; *26* — фибула подковообразная; *27* — венчик лепного сосуда; *28* — наконечник копья

Необходимо отметить, что почти во всех могилах найдены кусочки дерева, видимо, представлявшие собой остатки подстилки. Подобные подстилки часты в Люцинском могильнике.

Из 20 раскопанных курганов четыре оказались без вещей (в кургане № 16 не сохранилось даже погребение), а в 16 было обнаружено множество находок.

Височные кольца найдены почти во всех женских погребениях. Это браслетообразные и перстнеобразные височные кольца. Браслетообразные височные кольца представлены двумя типами: завязанными (11 экз.,

рис., *15*) и загнутоконечными (1 экз., рис., *14*). Перстнеобразные височные кольца отличаются от браслетообразных меньшими размерами. Найдены завязанные (1 экз.) и загнутоконечные (3 экз.) перстнеобразные кольца.

Браслеты — одна из самых частых находок в Остенецких курганах. Найдены бронзовые браслеты трех типов: витые (9 экз.), пластинчатые (2 экз.) и браслеты, украшенные звериными головками (6 экз.). Витые браслеты — типичное для славян украшение. Нами найдены браслеты, витые из двух проволок, завязанные. Пластинчатых браслетов найдено два. Это простые неорнаментированные незамкнутые браслеты, имеющие в сечении очень узкий прямоугольник (рис., *7*). Браслетов, украшенных звериными головками, найдено шесть (рис., *3*, *4*). Все они полукруглые или треугольные в сечении, один из них орнаментирован насечками и треугольничками. Один браслет отличается от всех остальных. Он треугольный в сечении, с уплощенными концами, орнаментирован двумя рядами зигзагообразных линий (рис., *5*).

Перстни представлены семью экземплярами. Все они относятся к отделу пластинчатых по классификации А. В. Арциховского, из них два прямых гладких (рис., *11*), два прямых орнаментированных (рис., *12*, *13*) и один широкосрединный завязанный (рис., *10*). Интересен коронковый перстень (рис., *9*). Это широкосрединный незамкнутый перстень с круглым углублением посредине для вставки, окаймленным выпуклыми полушариками (вставка не сохранилась).

Стеклянные бусы в Остенецких курганах многочисленны и разнообразны. Они найдены во всех без исключения женских погребениях. Наиболее частой находкой являются бочонковидные (большие и малые) золоченые и серебряные бусы (51 экз.). Часты зонные синие бусы (33 экз.), двойные (17 экз.) и тройные (2 экз.), маленькие зонные желтые и синие (около 300 экз.). В двух курганах найдены цилиндрические ребристые бусы (5 экз.). Неоднократно встречаются синие пронизки, голубой рубленый бисер, бусы-лимонки (24 экз.), лимонки двойные (4 экз.) и тройные (1 экз.), многочастные лимоновидные белые пронизки (6 экз.). Интересны три крупные эллипсоидные ребристые желтые бусины из кург. № 6. Найдены глазчатые бусы двух типов: гладкие (11 экз.) и рельефные (4 экз.). В том же кургане № 6 обнаружена стеклянная зонная бусина, выполненная в технике миллифиори, зеленая с желто-коричневыми продолговатыми глазками. Каменных бус найдено всего две. Это — четырнадцатигранные сердоликовые бусы.

Шейных гривен в Остенецких курганах найдено три экземпляра, из них две — железные очень плохой сохранности. Гривна из кург. № 6 представляет собой согнутый деревянный, круглый в сечении стержень, обмотанный тонкой медной спиралью (рис., *8*).

Головные венчики представлены тремя экземплярами. Все они принадлежат к типу ленточных. Это типичные прибалтийские украшения, неоднократно описанные в археологической литературе.

Фибулы в Остенецких курганах не часты. Они представлены двумя типами: лучевыми (2 экз., рис., *17*) и подковообразными (3 экз., рис., *2—6*).

В мужских погребениях найдена лишь одна пряжка. Она бронзовая лировидной формы (рис., *22*).

Привески весьма разнообразны. В кург. № 1 в ожерелье находились две крестообразные привески (рис., *24*). Крестики этого типа А. А. Спицын называл скандинавскими, так как они часто встречаются в Швеции и очень редко в киевских древностях. Однако такие крестики широко известны в курганах радимичей, в смоленских курганах, в древностях камской чуди, в Латвии и Карелии [2].

[2] Н. П. Журжалина. Древнерусские привески-амулеты и их датировка. СА, 1961, № 2, стр. 129.

Привески-амулеты представлены тремя типами: коньковыми, ложечками и в виде птички (рис., *19*, *20*). В кургане № С-3 вместе с ложечкой и коньковой привеской обнаружено проволочное завязанное кольцо, к которому были подвешены четыре бронзовых стерженька с петельками на концах, обмотанными проволочными спиральками. К ним были подвешены бубенчики (рис., *18*). Очевидно, ложечка, конек и эта подвеска представляли собой единое украшение-амулет.

Бубенчики найдены в трех курганах, из них 14 маленьких (рис., *23*) и 8 крупных (рис., *25*). Все они имеют крестообразную прорезь и орнаментированы косыми нарезными линиями.

Расчески односторонние костяные, хорошо известные в славянских древностях последних веков I тысячелетия. Остенецкие расчески украшены циркульным орнаментом и нарезными линиями (рис., *16*).

Оружие представлено двумя железными листовидными наконечниками копий (рис., *28*). Один из них найден в 1955 г. Найдено несколько железных ножей очень плохой сохранности.

Посуда обнаружена лишь в двух курганах. Один сосуд — гончарный, профилированный, желтовато-красноватого цвета, хорошего обжига, с линейно-волнистым орнаментом (рис., *21*). Это типичный славянский сосуд. Второй сосуд — лепной, очень плохой сохранности, склеить его не удалось. Прямо по краю венчика нанесен орнамент, очень нечеткий, похожий на ногтевой (рис., *27*).

Время сооружения Остенецких курганов может быть определено по двум признакам: по датирующим вещам и по погребальному обряду. Легче определить даты женских погребений, так как они содержат много датирующих вещей. Наиболее ранними являются курганы № 6 и 13, в которых обряд трупоположения сочетается с пережитками языческого обряда трупосожжения, что характерно для рубежа X—XI вв. Аналогичный обряд погребения известен в хорошо датированных X — началом XI в. Гнездовских курганах. Характер инвентаря также не противоречит этой дате. Найденные в кург. № 6 ребристые и глазчатые бусы и ленточный головной венчик позволяют датировать его концом X — началом XI в.

Наиболее многочисленными из датирующих вещей, найденных в Остенецких курганах, являются бусы: бочонкообразные золоченые и серебряные, дата которых XI век, голубой рубленый бисер, зонные синие бусы, бытующие в X—XI вв., бусы-лимонки X — начала XI в. и т. д. Костяные расчески и грушевидные бубенчики с крестообразной прорезью бытуют также в X—XI вв., привески-амулеты в виде ложечки и конька — с рубежа X и XI в. до середины XII в. Таким образом, по вещам и обряду погребения Остенецкие курганы можно отнести к концу X—XI в.

Население, оставившее Остенецкие курганы, по-видимому, было смешанным и состояло из славян-кривичей и латгалов, которые усвоили элементы культуры друг друга. Нельзя назвать ни одного чисто славянского или чисто балтийского погребения. Обряд погребения — славянский: все костяки, и мужские и женские, лежали головой на запад (у латгалов мужчин хоронили головой на восток, женщин — головой на запад). Находки браслетообразных височных колец так называемого смоленского типа и витых завязанных браслетов также свидетельствуют о принадлежности курганов славянам. На тесную связь с Прибалтикой указывают находки украшений балтийского типа: ленточных головных венков, браслетов со звериными головками, лучевых фибул.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

РАСКОПКИ ЦЕРКВИ САВВЫ ОСВЯЩЕННОГО В НОВГОРОДЕ

В 1960 г. в Новгороде при прокладке водопроводной траншеи вдоль Тихвинской улицы на глубине 0,9—1 *м* был обнаружен фундамент здания. Здание было определено С. Н. Орловым как церковь Саввы [1], построенная в 1418 г. [2].

Для исследования строительных остатков были проведены раскопки. На глубине 0,4—0,5 *м* под слоем сыпучего светлого грунта, содержавшего обломки современного кирпича, стеклянную посуду и т. п. мусор, был обнаружен слой строительного развала. Он состоял из обломков прямоугольных сланцевых плиток (толщиной 3—5 *см*), кусков темно-красного ильменского известняка и отдельных кирпичей XIV — начала XV в. (размер 28 × × 12 × 6 *см*), кусков строительного раствора с примесями. Толщина слоя развала стен внутри здания достигает 0,4 *м*, на фундаменте — 0,8 *м*. Снаружи вокруг здания грунт сильно перекопан поздними погребениями, и остатки развала здания не составляют компактного слоя.

Эти сведения были получены при исследовании шурфа, первоначально заложенного у водопроводной траншеи. Наличие мощного фундамента и погребений около него подтвердило предположения о том, что сооружение являлось церковью. По направлению вскрытых участков стен было определено, что найден западный — юго-западный угол здания. Как и большинство русских церквей, церковь Саввы ориентирована не строго по странам света; угол отклонения от правильного положения равен 17° [3].

В ходе работ была вскрыта южная часть периметра церкви (рис. 1). В юго-западном углу церкви и в абсиде культурный слой снимался до материка, что позволило исследовать конструкцию фундамента и сделать ряд других наблюдений.

На вскрытой площади не сохранилась кладка стен. Лишь в западной стенке водопроводной траншеи чуть выше фундамента были видны два кирпича XIV в. на толстом слое раствора. Вероятно, это остатки углового пилястра. На расстоянии 4,6 *м* от юго-западного угла на южной стене также видны остатки кирпичной кладки, нависающей над краем фундамента; может быть, это лопатка. На месте юго-восточного угла здания расчищены остатки кладки из нескольких сланцевых плиток (размер 0,35 × 0,35 × × 0,05 *см*), по-видимому, определяющие положение угла наземной части здания. Обломки подобных плиток вместе с битым кирпичом и кусками розового известняка встречены повсеместно. Кроме того, в завале стен был найден обломок фигурной отесанной в виде треугольника плитки. На южной стене обнаружены три больших обломка каменных вкладных крестов XIV—XV вв. (композиция «крест в круге» с надписями: «Иисус» и «Царь славы» и изображениями Голгофы).

Фундамент был сложен из валунов, достигающих в поперечнике 0,25—0,5 *м*. Пространство между камнями забито глиняным раствором, без примеси извести. Ширина фундамента 2—2,2 *м*. Верхние камни кладки фундамента местами оказались потревоженными: например, на западной стене валуны были вынуты при укладке деревянной дренажной трубы, сбитой тянутыми гвоздями, по-видимому, XIX в. Вывернутые камни лежат поблизости. У восточной стенки раскопа, во внутреннем пространстве церкви отмечена поздняя яма диаметром около 3 *м*, идущая с верхних слоев (рис. 2). Дно ямы находится в темно-коричневом гумусном слое. По расположению ямы можно предположить, что она образовалась в результате выборки валунного фундамента одного из четырех столбов храма.

[1] С. Н. Орлов. К топографии древнего Новгорода. СА, 1961, № 4, стр. 216.
[2] НПЛ. М.— Л., 1950, стр. 410—411.
[3] Для удобства в дальнейшем отдельные части храма будут именоваться так, как если бы он был правильно ориентирован.

Две перерезающие одна другую разновременные ямы разрушили фундамент под вершиной абсиды на глубину более 0,5 *м*.

Траншеи, в которые укладывались валуны фундамента, были вырыты до материка и имели отвесные стенки. Мощность фундамента под юго-западной частью церкви достигает 1,7—1,8 *м*, а под абсидой — 2 *м*.

В восточной, алтарной части церкви был расчищен кирпичный пол (рис. 3). Ряд кирпичей был выложен по внутренней дуге абсиды. Все обрисованное ею пространство было вымощено кирпичами, лежащими

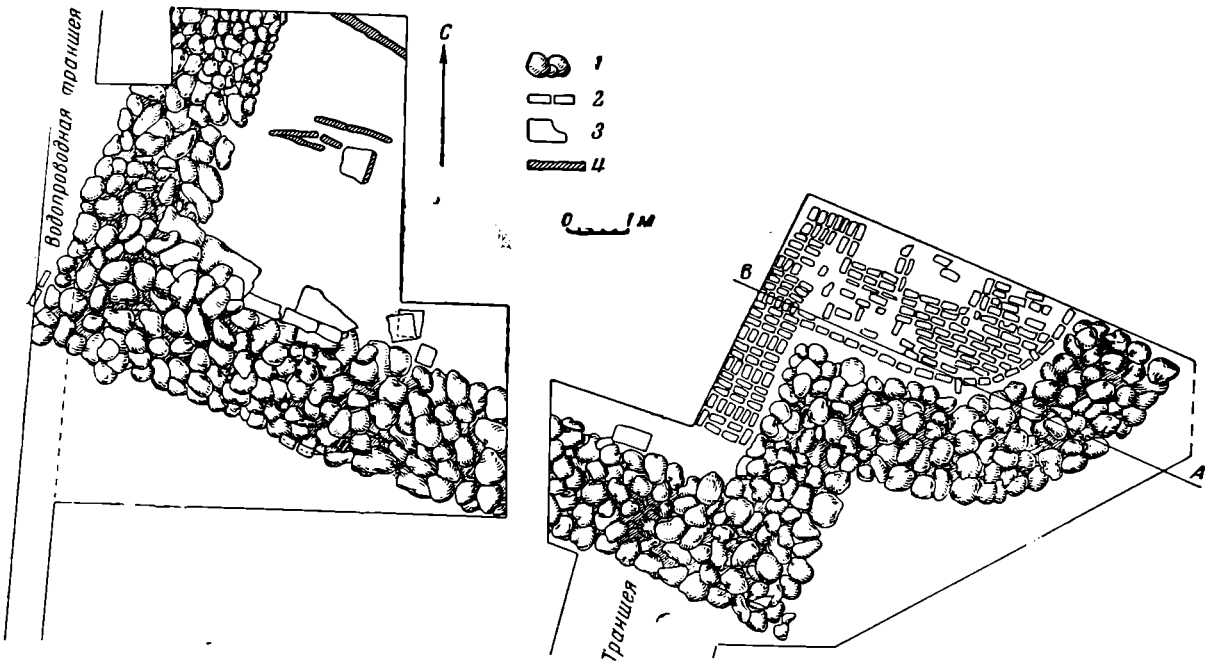


Рис. 1. Общий план раскопанной церкви Саввы

1 — камни, *2* — кирпич, *3* — могильная плита, *4* — могильная плита на ребре

плашмя, плотно друг к другу. Местами кирпич был выбран. В центре, на расстоянии 3 *м* от вершины внутренней дуги абсиды, выделяется площадка, очерченная кирпичами, стоящими на ребре. Это, вероятно, основание раскопанного наполовину престола. Площадь его примерно 1,6 × × 1,4 *м*. Вымостка пола заполняет юго-западный угол храма и уходит под стенку раскопа. Многие кирпичи закопчены. Кирпичный пол алтарной части помещается на 15—20 *см* выше фундамента. Пол опирается на мощную подсыпку из мелкого речного песка, толщина подушки 40—45 *см*.

В абсиде под песчаной подсыпкой и по всему раскопу прослеживается бело-розовая прослойка раствора, которым залили фундамент. Нижние слои развала стен, лежащие непосредственно на валунах фундамента, пропитаны строительным раствором; толщина прослойки раствора 8—10 и даже 15—20 *см* на фундаменте абсиды.

Внутри церкви, там, где грунт был выбран до материка (в юго-западном углу и в абсиде), была отмечена следующая последовательность слоев: под строительным раствором, заливающим фундамент, залегает слой материковой глины и песка 50—70 *см* толщиной. Ниже найдены каменные плиты. Они известняковые, легко раскалываются и расслаиваются от удара лопатой. Примерные размеры плит 1,8 × 0,7 × 0,1 *м*. Некоторые из них расколоты в древности. Плиты залегают в беспорядке, многие стоят на ребре — это вторичное залегание. Одна поверхность обработана каменотесным инструментом, оставляющим бороздку шириной 10 *см*. Плиты, вероятно, служили надгробиями.

С. Н. Орлов считает подобные известняковые плиты, открытые в церкви Спаса, относящейся к тому же времени, древним полом, который

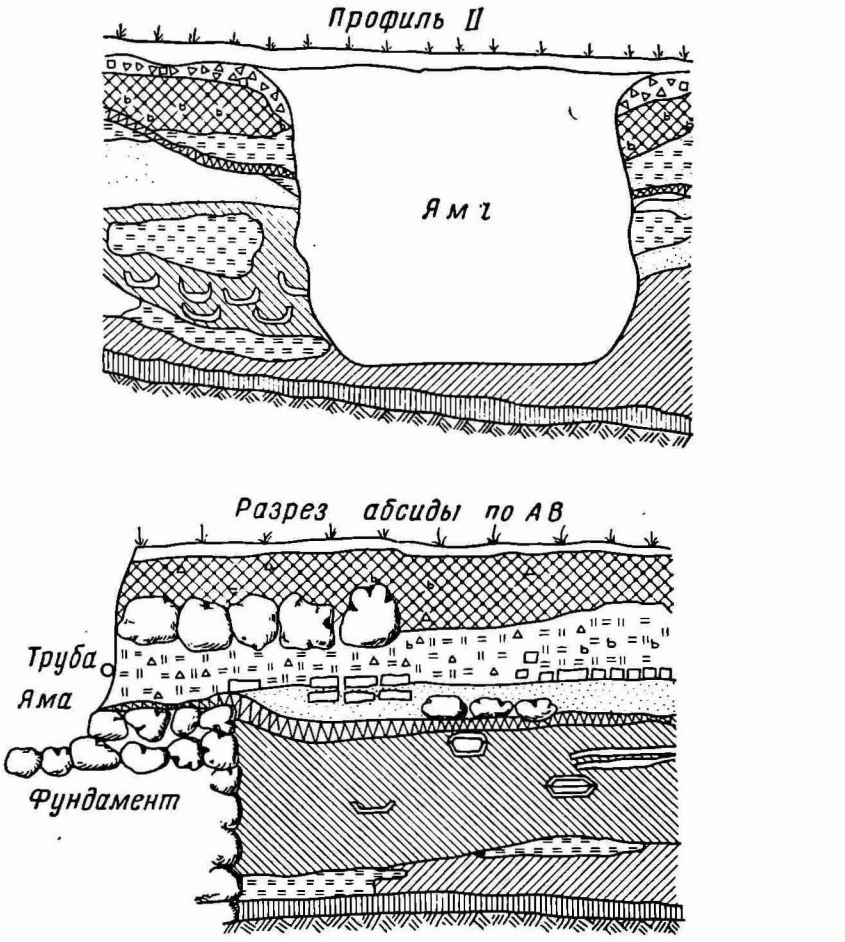


Рис. 2. Участки профиля раскопа у церкви Саввы

1 — песок; *2* — глина; *3* — известняк, древний кирпич, сланцевые плитки; *4* — серый слой с обломками современного кирпича; *5* — темно-серый перекопанный слой; *6* — темно-коричневый гуммированный слой; *7* — предматерик; *8* — материк; *9* — гробовище; *10* — раствор, заливавший фундамент; *11* — камни; *12* — битый кирпич

Рис. 3. Кирпичный пол в абсиде церкви. Слева видны валуны верхнего фундамента

в дальнейшем был перекрыт кирпичным[4]. Однако для вымостки пола такие плиты слишком непрочны и неровны. Плиты пола должны были бы иметь следы сильной стертости. Кирпичная вымостка пола, расположенная в обеих церквах немного выше фундамента, сооружалась, по-видимому, одновременно со всем зданием.

Плиты частично перекрывают темно-серый слой, содержащий погребения и имеющий мощность 60—70 *см*. Внутри церкви, как и вокруг нее, все пространство было насыщено разновременными погребениями. Два погребения без следов гроба и без вещей у южной стены церкви перекрывают развал стен. Это говорит о том, что и после разрушения церкви здесь существовало кладбище.

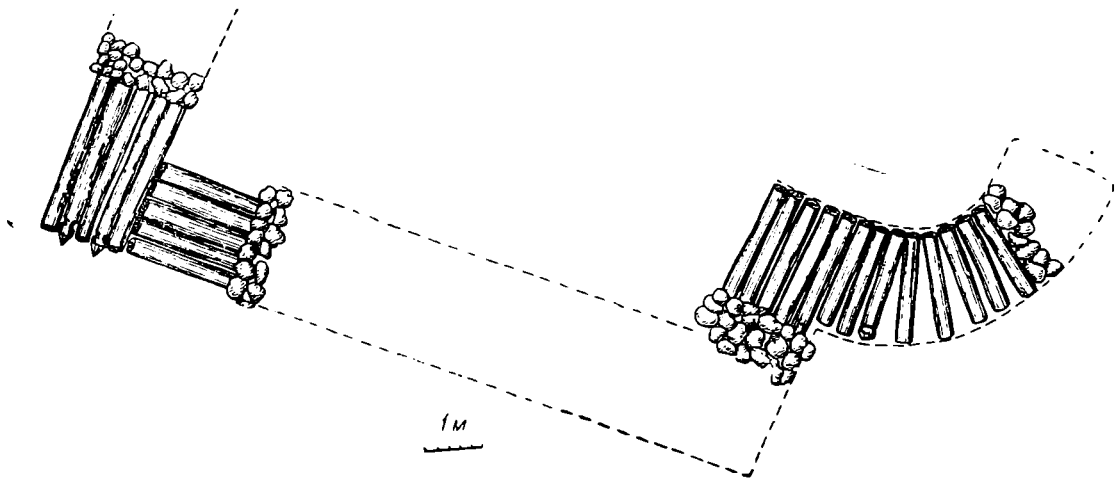


Рис. 4. Схема расположения лежней под фундаментом церкви

Внутри здания на уровне верхних камней фундамента и ниже встречено несколько погребений в гробах-колодах, обернутых берестой, без какого-либо инвентаря. Ориентировка всех погребений обычная — головой на запад со смещением к северу, т. е. параллельно стене церкви. Покойники уложены на спине со скрещенными на груди руками.

В центральной части абсиды обнаружены три больших обломка плиты, стоящих вертикально и отделяющих большую целую плиту (размер 1,9 × 0,7 × 0,09 *м*) в центре абсиды. После снятия этих обломков обнаружились остатки ткани — две полосы по 50 *см* длиной и 10 *см* шириной. Под тканью в земле были расчищены семь детских костяков, лежащих головами на запад, и отдельно сложенные в кучу кости и череп взрослого человека. Под большой плитой — захоронение взрослого. Ниже еще семь перекрывающих друг друга захоронений взрослых в колодах, обернутых берестой.

Ниже слоя погребений местами проходят прослойки серой глины толщиной до 20 *см*. Глина лежит на темно-коричневом гумированном слое со щепой (толщина 30—40 *см*). В абсидной части на этом уровне открыта небольшая сильно обгорелая дощатая вымостка. Это, по-видимому, остатки сооружения более древнего, чем церковь. Ниже идет предматериковый грунт, и на глубине 3—3,5 *м* от современной поверхности залегает материк.

При исследовании абсиды церкви на глубине около 35 *см* от современной поверхности были расчищены очень крупные, не связанные раствором валуны (диаметром 70—80 *см*), выложенные дугообразно. При расчистке выяснилось, что эти крупные валуны перекрывают слой развала церкви, т. е. были уложены здесь после ее разрушения. Кроме того, они нависают над кирпичным полом абсиды (рис. 3). Восточная часть

[4] С. Н. Орлов. Ук. соч., стр. 215.

этого верхнего фундамента, так же как и фундамента церкви 1418 г., была разобрана и вынута при прокладке современной водопроводной траншеи. Это был, вероятно, фундамент нового здания, сооруженного после разрушения церкви. Н. Н. Воронин предполагает, что на месте алтаря разрушенной церкви могла быть возведена часовня, также разрушенная впоследствии.

При зачистке внутренней поверхности кладки фундамента были обнаружены лежни — массивные бревна, лежащие на материке и вдавившиеся в него. На эти лежни опирался фундамент. Для проведения дендрохронологического анализа этих бревен, имеющих точную дату, с них были взяты образцы-спилы. Для этого в двух местах (под юго-западным углом и под алтарной стеной, где плечо переходит в абсиду) фундамент был разобран. Оказалось, что под каждой стеной положено по пять бревен-лежней. Все они прекрасно сохранились, диаметр лежней 40—50 *см*; длина не выяснена. Торцы бревен южной стены упирались в крайнее бревно западной стены. Два бревна имели на конце зарубки, какие применяются для связывания бревен в плоты. Под абсидой лежали короткие (около 2 *м*) лежни, расположенные веерообразно (рис. 4). Всего были взяты образцы от 23 бревен[5].

На этом раскопки церкви Саввы были приостановлены. Центральная и северная части церкви не могли быть исследованы, так как там росли деревья. В следующем году на месте раскопа был вырыт котлован под жилой дом.

В результате частичного исследования было установлено, что на этом месте существовал храм начала XV в. Церковь в плане имела квадратную форму; ее размеры 13,4 × 14 *м*. Это был небольшой одноабсидный четырехстолпный храм, характерный для новгородского зодчества XIV — начала XV в.

В нашем раскопе древних находок почти не было встречено. В перекопанном слое внутри церкви найдено несколько кованых железных гвоздей и скоба, немногочисленные фрагменты глиняных сосудов XIV—XV вв.

От юго-восточного угла церкви в направлении север — северо-восток — юг — юго-запад была заложена траншея длиной 16 *м*, шириной 2,8 *м*. Цель закладки траншеи — засечь Козьмодемьянскую улицу, вскрытую на большом протяжении на Неревском раскопе и отмеченную на противоположной стороне современной Тихвинской улицы при строительстве жилого дома. Кроме того, мы стремились стратиграфически связать церковь с ярусами мостовой.

Верхний слой в траншее, как и на месте церкви, содержал завалы современного кирпича и валунные фундаменты дома, разрушенного в Отечественную войну, а также более ранние фундаменты (рис. 5). На глубину 1 *м* он был снят бульдозером. На глубине 1,7 *м* на расстоянии 9,5 *м* от стены церкви встречены остатки первой сохранившейся мостовой. Этот ярус, как и все последующие (их удалось зафиксировать девять), отличается очень плохой сохранностью древесины. Даже в тех случаях, когда настил сохранился целиком, плахи и лаги оказались настолько гнилыми, что не годились для дендрохронологического исследования; с мостовой Козьмодемьянской улицы на этом участке не удалось взять ни одного спила. Направление этого участка Козьмодемьянской улицы: север — северо-восток на юг — юго-запад. В тех ярусах, где древесина сохранилась лучше, можно было отметить ширину плах, из которых она была сложена, 30—40 *см* и наличие двух опорных лаг (диаметр 20 *см*). Ширина мостовой до 4,3 *м*. Некоторые настилы (ярусы Б, Г, Ж) горели. Нижний ярус Ж лежал непосредственно на предматериковом слое. В слое между мостовыми Е и Ж был найден односторонний костяной гребень X—XI вв.

---

[5] Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, № 1, стр. 125.

Участок траншеи, где проходили мостовые, был раскопан до материка, на остальной площади траншеи грунт сняли примерно до уровня третьего ряда камней фундамента церкви (около 2 *м* глубины).

Немногочисленность мостовых Козьмодемьянской улицы в этом месте и их очень плохая сохранность требуют объяснения. На расстоянии 45 *м* от нашей траншеи в раскопе XXVIII Козьмодемьянская улица насчитывает 27 мостовых, и большинство их было обнаружено в прекрасном состоянии. Соответственно, культурный слой на Неревском раскопе превосходит по мощности слой у церкви Саввы более чем на 2 *м*. Разница

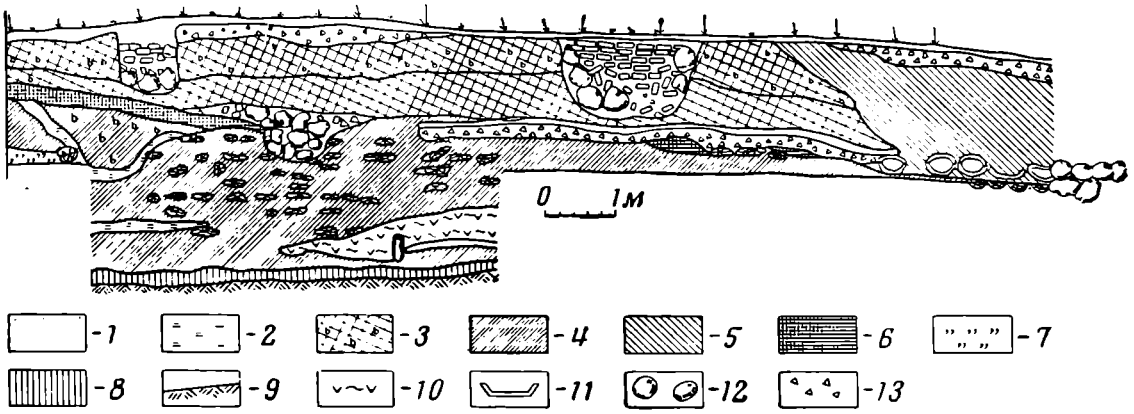


Рис. 5. Профиль западной стены траншеи

1 — песок; *2* — глина; *3* — серый слой с обломками современного кирпича; *4* — темно-серый перекопанный слой; *5* — темно-коричневый гумированный слой; *6* — известь; *7* — навоз; *8* — предматерик; *9* — материк; *10* — уголь, зола; *11* — гробы-колоды; *12* — валуны; *13* — битый кирпич

в уровнях материка (по отношению к общему нулю) не так велика; материк на XXVIII раскопе залегает на 70 *см* ниже, чем в траншее. Мостовые на обоих участках начали сооружаться одновременно: они помещаются непосредственно на предматериковом слое.

Однако рост культурного слоя по каким-то причинам более интенсивно проходил на теперешней территории Неревского раскопа; вероятно, там была более густая застройка. В результате довольно скоро уровень этих участков сначала сравнялся, а потом стал заметно возвышаться на территории XXVIII раскопа. В соответствии с этим здесь возникала необходимость чаще настилать новые ярусы мостовых, чтобы поднять проезжую часть улицы над окружающей местностью. На участке вблизи церкви Саввы (можно полагать, что здесь первоначально стояла более древняя деревянная церковь) [6] слой рос медленнее, реже возникала необходимость настилать новые ярусы мостовых; последние служили дольше и сильнее разрушались. Возможно, что на сохранность дерева отрицательно повлияла близость фундаментов поздних зданий, которые, нарушив целостность слоев, облегчили доступ воздуха к деревянным конструкциям.

К началу XV в. (времени строительства церкви Саввы в 1418 г.) уровень поверхности этого участка был значительно ниже, чем на территории XXVIII раскопа. Разница в уровне современной поверхности составляет 1,4 *м*.

Выполнить вторую задачу — связать фундамент церкви с мостовыми Козьмодемьянской улицы — не удалось. На расстоянии 2,5 *м* на уровне

[6] Первое упоминание в летописи о строительстве деревянных церквей Саввы и соседней — Козьмы и Демьяна относится к 1183 г. В дальнейшем под разными годами многократно сообщается о гибели этих церквей от пожара и о новом их строительстве. Последнее деревянное здание церкви Саввы поставлено в 1356 г., т. е. за 62 года до каменного здания (НПЛ, стр. 214, 37, 89, 93, 355, 257, 358, 364). На наличие более древней деревянной церкви в этом месте указывает большое кладбище, перекрытое церковью; многие разновременные погребения оказались внутри здания.

фундамента и 4 *м* по верху залегает аморфный, перекопанный слой светло-желтого и светло-серого цвета. Этот слой идет с поверхности на глубину 1,8 *м*. На глубине 1,4 *м* в этом слое в профиле траншеи виден ряд гробов-колод, стоящих на одном уровне близко друг к другу. Колоды стоят на какой-то вымостке из плах, перерубленной фундаментом церкви, которая вела, по-видимому, к Козьмодемьянской улице. Эта вымостка могла связывать более древнюю церковь с мостовой. Ниже идет темно-коричневый нетронутый слой. По уровню залегания можно заключить, что постройка церкви совпала во времени с существованием ярусов А или Б — самых верхних из сохранившихся здесь мостовых Козьмодемьянской улицы. Ярусы эти, как было сказано, не имеют дендрохронологической даты.

По другую сторону древней Козьмодемьянской улицы в той же водопроводной траншее были обнаружены следы еще одной церкви. В выбросе из траншеи встречаются огромные куски белого раствора, связанного с красным известняком, и человеческие кости. На месте этих находок вдоль траншеи заложен шурф 2,1 × 3,1 *м*. На глубине 2 *м* был обнаружен фундамент и небольшой участок кирпичной кладки. Расширить раскоп оказалось невозможно, так как здесь располагается коллектор городских коммуникаций.

С. Н. Орлов определил эти остатки как церковь Козьмы и Демьяна [7]. Обе открытые церкви и пролегающие между ними Козьмодемьянская улица неоднократно упомянуты в письменных источниках. Дата сооружения каменной церкви Козьмы и Демьяна — 1345 год [8]. Название Козьмодемьянской улицы впервые встречается под 1234 г. [9].

Относительно даты разрушения этих церквей можно сказать следующее. В росписи Софийской стороны Великого Новгорода 1632 г. церковь Козьмы и Демьяна упоминается как «пустая» (т. е. недействующая), так же как и Козьмодемьянская улица. Про церковь же Саввы Освященного сказано, что она «с пением», а рядом располагается «дворишко поповский». Правда, ниже церковь Саввы также названа «пустой» [10]. На планах 1756 [11] и 1762 гг. [12] обе церкви и Козьмодемьянская улица имеются. И. Красов указывает, что автор «Исторических разговоров...», вышедших в 1808 г., упоминает церковь Козьмы и Демьяна как существующую [13], в то время как в 1851 г. ее уже не было [14]. Церковь Саввы была разрушена где-то между 1762 и 1808 гг., вероятно, во время перепланировки города.

[7] С. Н. Орлов. Ук. соч., стр. 217.
[8] НПЛ, стр. 358.
[9] НПЛ, стр. 73.
[10] А. В. Воробьев. Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII в. Новгородский исторический сборник, 10. Новгород, 1962, стр. 237.
[11] И. И. Красов. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1951, стр. 57.
[12] А. В. Воробьев. План Новгорода 1762 г. Новгородский исторический сборник, 9. Новгород, 1959.
[13] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, стр. 74.
[14] И. И. Красов. Ук. соч., стр. 55.

Д. Е. ХАРИТОНОВ

БУЛГАРСКОЕ МЕДНОЕ БЛЮДО ИЗ ЧЕРДЫНСКОГО РАЙОНА

Во время работы Вишерского отряда Камской археологической экспедиции в 1949 г. научным сотрудником В. Ф. Генингом было доставлено в кабинет археологии Пермского университета медное блюдо, выпаханное крестьянами в окрестностях дер. Пеняхино Чердынского района Перм-

ской обл.[1]. Это блюдо оказалось интересным памятником булгарского ремесленного производства XIII—XIV вв. Ниже дается описание блюда.

Блюдо изготовлено из листа красной меди толщиной около 2 *мм*. Диаметр блюда 237 *мм*. Диаметр дна 212 *мм*. Так как дно довольно сильно выгнуто, вероятно, при нанесении орнамента, то общая высота блюда достигает 27 *мм*. Вес 382 *г*.

При расчистке орнамента рисунка блюда обнаружены следы покрытия белым металлом (не очень чистое олово), сохранившиеся на дне.

Дно блюда украшено орнаментом и надписью. Основную часть орнамента, выполненного с помощью циркуля, резца и чекана, составляет ленточный переплет, построенный в шестилучевой симметрии и окруженный бордюром. В середине ленточного переплета расположена прямоугольная рамка с надписью.

При внимательном рассмотрении орнамента становится возможным понять его композицию и порядок построения рисунка, в основе которого лежит розетка, состоящая из шести кругов, пересекающихся в одной точке.

Прежде всего в середине блюда был вычерчен вспомогательный круг, диаметр которого примерно в четыре раза меньше диаметра дна блюда. Этот центральный круг служил основой для построения розетки из шести окружностей того же диаметра, пересекающихся в центре вспомогательного круга.

Второй этап построения орнамента заключается в соединении прямыми линиями центров внешних кругов через один. Таким образом, каждый из шести кругов розетки оказывается связанным этими линиями с центром противоположного круга (антипода) и дает грушевидную фигуру, причем заостренные концы всех «груш» взаимно пересекаются. Вследствие этого внутри шестилепестковой розетки оказываются вписанными друг в друга еще две шестилучевые фигуры: одна — в форме правильной шестилучевой звезды (Звезда Сулеймана или Соломонова печать), вершинами которой являются центры шести внешних кругов, а вторая — в виде более крупной шестилепестковой розетки с заостренными лопастями, напоминающими стрельчатый свод. Они располагаются между лучами звезды, которая, таким образом, оказывается в нее вписанной.

Третий этап изготовления орнамента состоит в окаймлении каждой из шести «груш», составляющих круговую розетку, и превращении линейного рисунка в ленточный. При окаймлении непрерывность ленты сохраняется только для каждых трех четных или нечетных «груш» и, таким образом, наряду с шестилучевой симметрией появляется и трехлучевая, а затем и двусторонняя.

Четвертый этап — завершение основной фигуры — состоит в построении вокруг внешней розетки ленточного круга и увязки с ним розетки путем нанесения циркулем двух четвертей окружности в местах соприкосновения розетки с кругом.

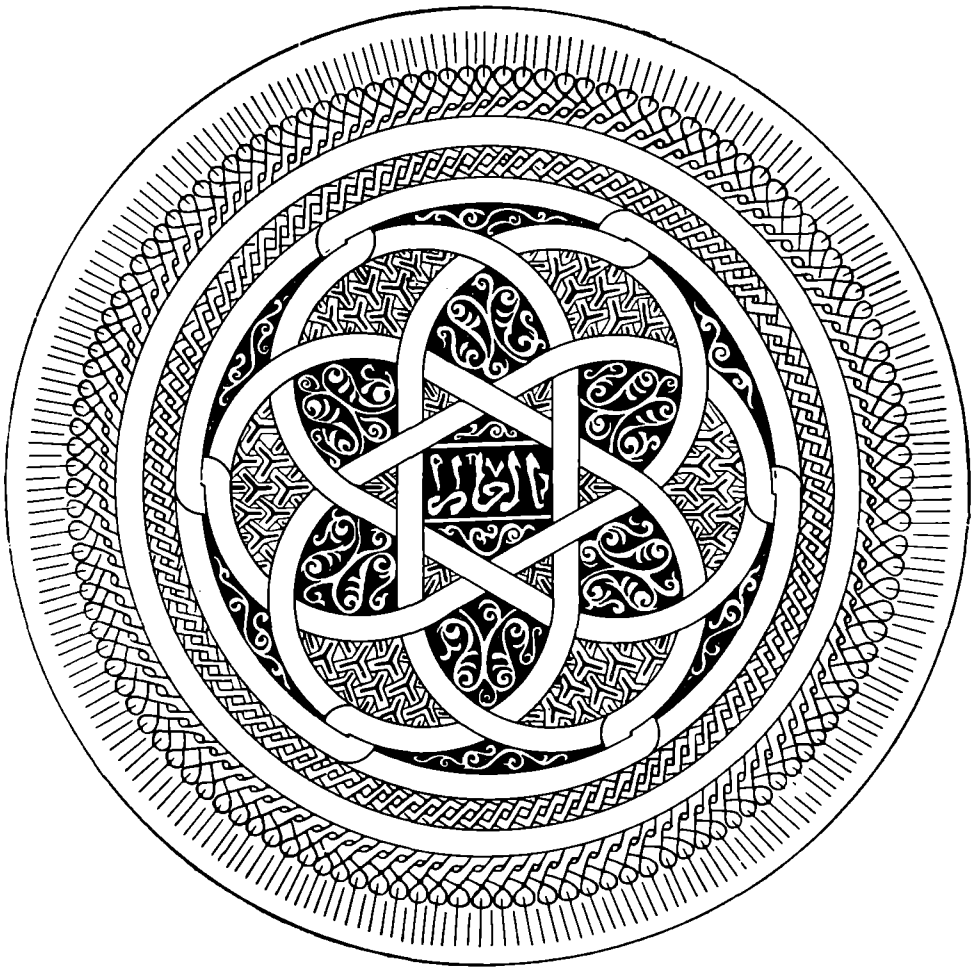
Последним этапом создания орнамента было нанесение бордюра, окружающего основную фигуру, заполнение рисунком всех промежутков в ленточном переплете основной фигуры и оформление надписи в центре (рисунок).

Бордюр разделен гладким ленточным кругом, расположенным параллельно окружности центрального переплета, на внутреннюю и внешнюю часть. Внутренняя часть бордюра представляет угловой переплет трех полосок. Оформление этой части бордюра достигается с помощью пунсона в виде загнутой дважды в противоположные стороны полоски и отчасти с помощью резца, что позволяет сделать орнамент непрерывным по всей окружности.

---

[1] О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 93.

Внешняя часть бордюра выбита главным образом двумя пунсонами, один из которых имеет форму петли, а другой — буквы «Г», наклоненной вправо. Сочетание этих элементов внешней части бордюра дает два бесконечных узора: угловой переплет из двух полосок и двойной линейный бесконечный сердцевидный переплет. Бордюр завершается перемежающимися короткими и длинными линиями, нанесенными пунсоном и имеющими радиальное направление.



Блюдо из дер. Пеняхино

В ленточном переплете имеются зоны, заполненные орнаментом, а в центре — четырехугольник, содержащий надпись. Первая зона содержит стилизованный растительный орнамент в виде эсовидного знака с ответвлениями. Вторая зона является дистальным участком каждой из лопастей круговой розетки. Она заполнена чеканным орнаментом, выполненным с помощью трехлучевого пунсона. Этим же пунсоном чеканен орнамент маленьких промежутков четвертой зоны. Третья зона украшена растительным орнаментом (веточки с ответвлениями, расположенные в виде буквы S).

Центральная зона шестиугольной формы содержит надпись в прямоугольной рамке, сверху и снизу от которой вырезан растительный орнамент примерно такого же типа, как в первой зоне. Поле прямоугольной рамки испещрено мелкими, главным образом поперечными бороздками, на фоне которых выделяется образуемая гладкими участками надпись арабскими буквами.

Надпись состоит из слова, которое можно прочитать как «ал алам», т. е. «мир», «вселенная», но один знак слева, похожий на цифру 9, лишний.

На серебряной булгарской ладанке из Спасского клада [2] 1869 г. имеется надпись такого же типа, но без алифа после лигатуры «лам — айн — лам». Таким образом, обе надписи на булгарских изделиях выполнены по-разному. Это дает основание допустить возможность и иного толкования обеих надписей.

Изготовление блюда относится, несомненно, к золотоордынскому периоду истории Булгарского царства, для которого циркульный орнамент является весьма характерным. В орнаменте блюда геометрическая форма высоко развита. Имеется предварительное построение вспомогательного круга, исчезающего в окончательном рисунке. Все это позволяет отнести изготовление блюда к XIII—XIV вв. Нахождение булгарского блюда в Чердынском крае является конкретным свидетельством широких торговых связей Болгара в этот период.

[2] А. А. Спицын. Клад, найденный в 1869 г. близ Спасска, Казанской губернии. ИРАО. VIII, I, СПб., 1906, стр. 264, 265; А. П. Смирнов. Волжские бугары. М., 1951, IV.

Я. Ф. ШТЭТЫЛЛО

ДЕРЕВЯННАЯ СКУЛЬПТУРА XIV—XV вв. ИЗ ШТРАЛЬЗУНДА

Несмотря на давно проявляемый интерес к иконографическим источникам в русской и особенно советской историографии, до сих пор оставался вне научного оборота один из интереснейших образцов немецкой резьбы по дереву, тема которого касается в целом Новгородской Руси. Трудно этому удивляться — первое упоминание об этом изображении вместе с репродукцией помещено в издании научно-популярной серии накануне первой мировой войны [1], а второе — великолепная репродукция на развороте в немецком альбоме 1940 г. [2]. В итоге военных затруднений о существовании этой скульптуры стало известно только сейчас из публикации П. Гейнзиуса [3].

Точный паспорт ее неясен. Как следует из заметки Ройтера, сведения, что эта резьба является частью купеческих кресел (Russenfahrengestühl) церкви св. Николая в Штральзунде [4], были взяты из местной традиции, поскольку уже тогда она украшала южную сторону алтаря и, наверное, согласно традиции, представляла охоту на соболя, что Ройтер правильно исправляет, указывая, что это охота на белку [5].

Тот же автор определяет дату изображения около 1400 г., не обосновывая ее, а в альбоме оно датируется обобщенно — XIV в. [6]. П. Гейнзиус по вопросу о датировке обратился к гамбургскому искусствоведу д-ру Люру, который определил одежду изображенных на скульптуре немцев как отвечающую моде 1385—1410 гг. и тем, в конечном счете, решил датировку скульптуры в целом [7]. Эта хронология, впрочем, не вызывает воз-

[1] Christian Reuter. Handelswege in Ostseegebiet in alter und neuer Zeit. «Mereskunde». Sammlung Volkstümlicher Vorträge zum Verständniss der Nationalen Bedeutung von Meer und Seewesen, тетр. 74, Berlin, 1913, стр. 15, рис. 3, и стр. 34.

[2] Hanse. Downing Street und Deutschlands Lebensraum. Berlin, 1940, стр. 68—69 и 166.

[3] P. Heinsius. Schnitzereien am Nowgorodfahrergestühl zu Stralsund als Beitrag zum Russlandbild hansischer Bürger im 14. und 15. Jahrhundert. Zeitschrift für Ostforschung, 12, 1963, тетр. 1. Статья вторично напечатана в сб.: Rossica Externa. Festgabe Paul Johansen. Marburg, 1963, откуда и берем репродукцию памятника.

[4] Церковь св. Николая в Штральзунде построена до 1276 г., перестроена в 1366 г. Der Grosse Brockhrus, 16 Auflage in 12 Bänden, 11.

[5] Ch. Reuter. Handelswege..., стр. 34.

[6] Hanse. Downing Street..., стр. 68—69.

[7] P. Heinsius. Schnitzereien..., стр. 4.

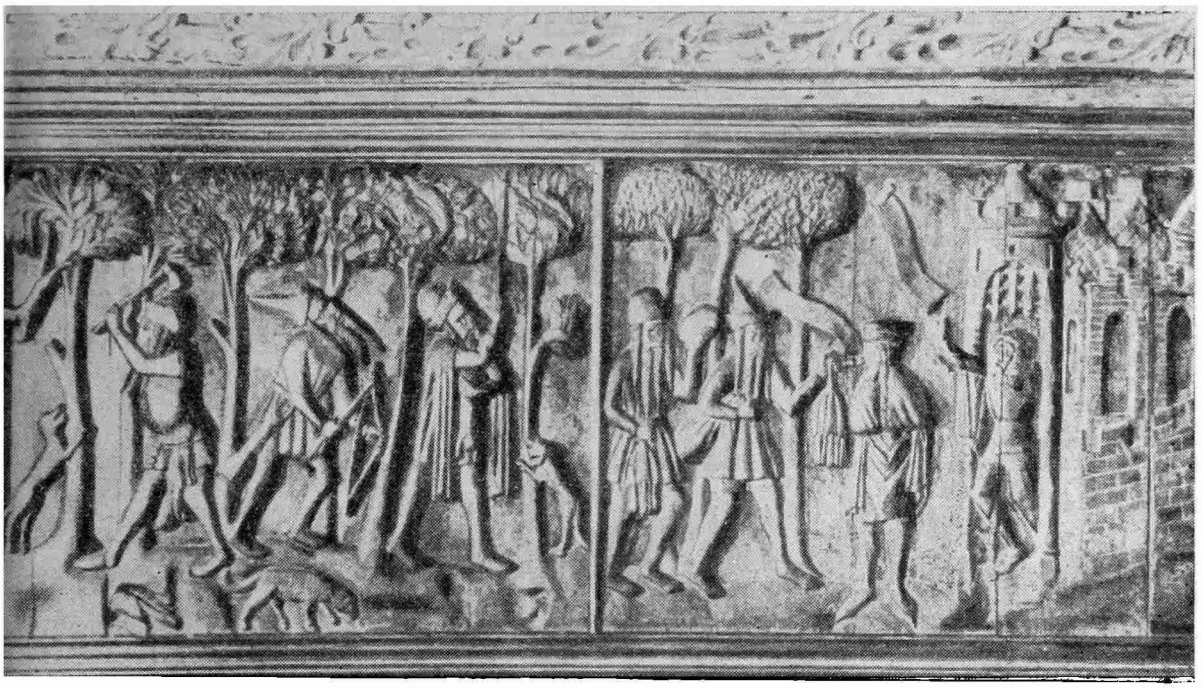


Рис. 1. Деревянная скульптура из Штральзунда

ражений, так как относит скульптуру к эпохе расцвета нижненемецких ганзейских городов после Штральзундского мира 1370 г., что привело к возникновению многих памятников искусства и даже к их экспорту.

К сожалению, на приблизительной датировке наши сведения кончаются. Мы не знаем даже размеров скульптуры, не говоря уже о виде дерева и технике исполнения. Так как ее не изучал искусствовед, то нельзя определить место этой скульптуры в средневековой немецкой резьбе по дереву. Одна заметка Гейнзиуса эстетического порядка поэтому кажется сомнительной. Автор думает, что наклон крайней правой фигуры на втором поле вправо и на третьем — крайней левой влево должен по замыслу скульптора указывать на стоящее между ними бортное дерево как на центр композиции [8]. Трудно об этом судить, имея в распоряжении две разделенные фотографии. Но и изображение целой композиции (правда, очень небольшое — около 2,5 × 10 *см*) у Ройтера не позволяет подтвердить это наблюдение. На изображении отсутствует определенная симметричная композиция в длинном «рассказывающем» рельефе, предназначенном больше для последовательного осмотра отдельных сцен, чем для одновременного обозрения всей композиции в целом. Это, конечно, не касается четырех полей рельефа в отдельности: они действительно симметричные, даже в последней сцене, где изображены четыре, а не как в остальных — по три фигуры. На ней одна фигура, именно немецкий купец, остается центром композиции. Однако эти и подобные вопросы следует оставить искусствоведам; историков-археологов более интересует значение и содержание памятника.

П. Гейнзиус удивляется диспропорции между значением торговли с Русью для ганзейских городов и отсутствием описаний путешествий, воспоминаний или других литературных и художественных произведений. Он пытается это объяснить психологией нижненемецких купцов и моряков, людей неразговорчивых и деловитых, замечая при этом, что обычно описание путешествий исходит от людей, которые раз совершили поездку; наоборот, люди, которые ежегодно совершают тяжелый и опасный путь и при этом считают его своим обычным занятием, редко пишут и неохотно рассказывают. П. Гейнзиус при этом уверен, и надо с этим согласить-

[8] Там же.

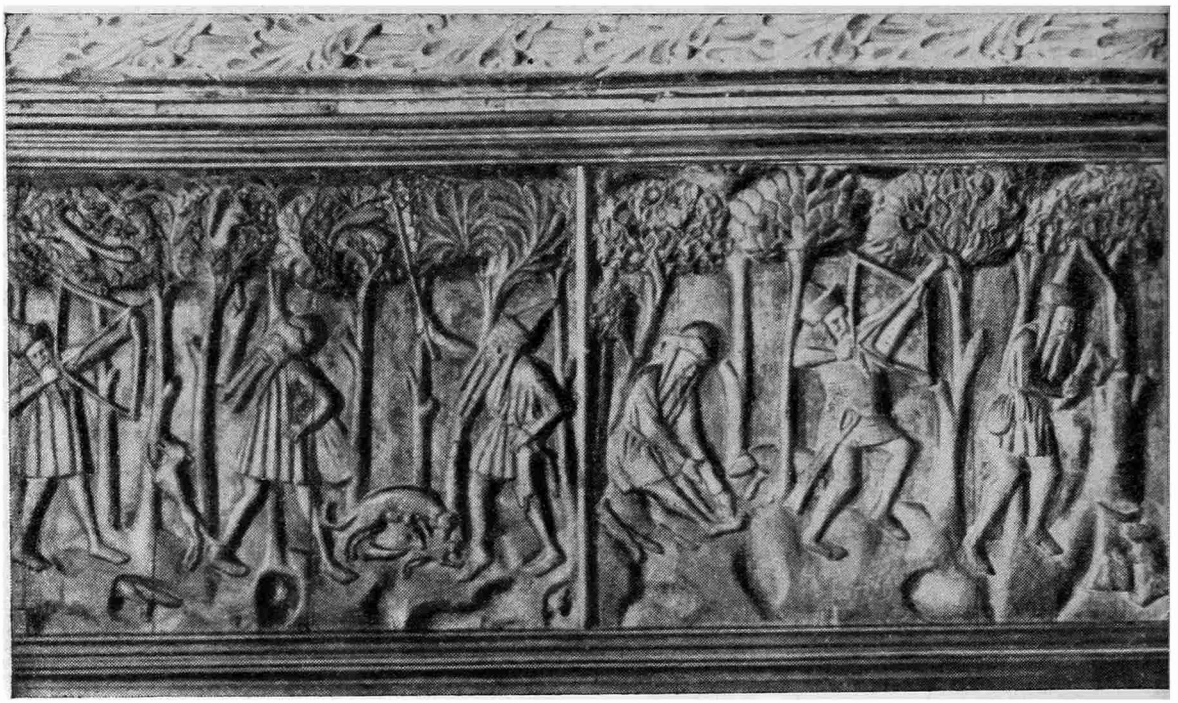


Рис. 2. Деревянная скульптура из Штральзунда

ся, что немецкие купцы очень хорошо знали правовые, общественные и культурные отношения на Руси, хотя и неизвестно, каким способом делились своими сведениями на родине.

Итак, автор считает свою работу отчасти иллюстрацией к вопросу о знакомстве немецких купцов с Русью и влиянии ее на быт ганзейских городов. Но пока можно по этому поводу заметить только следующее: деревянная скульптура оставалась многие столетия на глазах посетителей церкви св. Николая, возбуждая картинами, почерпнутыми из русской жизни, удивление и интерес к чужой стране больше и шире, чем любое описание путешествий, попадающее, как правило, в ограниченный общественный круг.

Для русской истории, слабо освещенной иконографическими источниками русского быта этого периода, конечно, больший интерес представляет вопрос о подлинности и верности его изображения. Во-первых, остается неизвестным, был ли исполнитель скульптуры на Руси и видел ли собственными глазами изображаемые сцены. П. Гейнзиус касается этого вопроса в конце и мимоходом. И это неудивительно, так как нет непосредственных данных о художнике, а достоверность изображения решается самим издателем в сопоставлении с другими известными подробностями новгородского быта. Но если деревянная скульптура из Штральзунда должна сама быть источником по русской истории, получается замкнутый круг. По П. Гейнзиусу, например, одни подробности говорят о точности отражения представляемой действительности, другие сомнительны или явно неверны. К сожалению, автор, хотя и по поводу изображения бортного дерева, замечает, что вряд ли добывание меда в то время на Руси отличалось чем-то существенным от приемов той же работы в странах, близких к Штральзунду, но не прослеживает этого, так же как и не делает попыток проверить, нет ли в изображении других подробностей, позволяющих думать, что автор скульптуры почерпнул их из немецкого быта.

Пребывание автора на Руси сомнительно и по другим соображениям: если бы он был на Руси, то надо принять предположение, что он совершил эту поездку как купец или помощник купца. Но если он был купцом, то вряд ли возможно допустить, чтобы в цеховом обществе немецкого

города, строго соблюдающем наследственность профессии, кто-то сумел перейти от одного занятия к другому. Ведь совершенство скульптуры указывает на опытную профессиональную руку художника. Остался еще один вариант — поездка резчика-художника вместе с купцами. Но это, пожалуй, более сомнительно, если вспомнить, как, судя по уставам немецкого подворья в Новгороде, купеческая община борется против допуска посторонних лиц во двор и сколько внимания скупые и умеющие рассчитывать торговцы уделяют делу содержания одного жалкого странствующего священника, который отнюдь не бесполезен подворью: кроме несения церковных служб он должен писать корреспонденцию [9]. Из этих соображений более вероятным остается предположение считать скульптуру исполненной художником по заказу и на основании рассказов немецких купцов. Возможно, что помощью при этом служили другие известные скульптору произведения пластики, касающиеся Руси.

До наших времен сохранилось реалистическое изображение русского купца [10]. Так как суть скульптуры в охоте на белку, можно сомневаться, могли ли и немецкие купцы быть свидетелями этого промысла. Но не надо быть слишком подозрительным, поскольку и автор этих строк тоже охоты на белку не видел, а все-таки о ней рассуждает, используя полученные в России сведения [11].

На памятнике мы видим удлиненную скульптуру, состоящую из четырех сцен, замкнутых в прямоугольных полях, из которых три показывают лесные промыслы, именно охоту на белку и добывание меда (воска), а последняя — завершение этих занятий — передачу продуктов немецкому купцу. Впрочем, П. Гейнзиус, который видел скульптуру (на чем отчасти и основывает свою датировку, сходную с приведенной выше), не отрицает возможности, что когда-то до прикрепления ее к алтарю имелись здесь и другие изображения того же рода [12]. Прежде всего бросается в глаза одежда и внешний облик русских. Они резко отличаются от немцев длинными раздвоенными и скрученными бородами и бородообразными, свисающими тоже почти до пояса, бакенбардами.

Шапки двух видов: высокие остроконечные с широким меховым отворотом и круглые, тоже с отворотом, похожие на разновидность «малахая». П. Гейнзиус сделал правильную попытку увидеть в скульптуре социальное различие между обладателями тех и других шапок. Он считает, что более высокая шапка соответствует более высокому положению русского, который первый подает купцу шкуры, а второй русский как бы с почетом предоставляет ему сделать это [13].

На скульптуре изображены два основных вида одежды: рубашка (подпоясанная и без пояса) и род кафтана с узкими рукавами, в одном случае с пуговицами-однорядками (но этот кафтан короче образца XVII в. [14]),

---

[9] W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII. Jahrhundert, Dorpat, 1911.

[10] Репродукция в работе: А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 259; П. Гейнзиус то же изображение называет «Wappenschild der Nowgoroderfahrer».

[11] Этот вопрос надо соединить с рассматриваемыми уже в литературе ограничениями торговли немецких купцов в Новгородской земле до самого ее центра в целях удержания монополии новгородцев. А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. Интерес в этом отношении представляет статья устава немецкого двора в Новгороде, касающаяся доставления поручителей в суд старосте подворья. W. Schlüter. Ук. соч., статья 37 всех списков II редакции и III редакции.

[12] P. Heinsius. Schnitzereien..., стр. 4.

[13] P. Heinsius. Schnitzereien..., стр. 7; D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin — Leipzig, 1927, стр. 224; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 28—32, 175.

[14] П. И. Саввaитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1865; В. Прохоров. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. СПб., 1881; А. В. Арциховский. Одежда. В сб.: «Культура древней Руси», I, М., 1951, стр. 247, рис. 157.

в другом — без пуговиц; одежды подпоясаны ниже бедер. Кроме того, у одного из русских — корзно. Нет совсем ожидаемых сапогов или лаптей, хотя П. Гейнзиус и видит у второго русского на первом поле сапог на одной ноге, но это явная ошибка, так как впечатление об этом получается от заходящего на ногу хвоста собаки. Так как художник не забыл обуть немецкого купца в длинноносые туфли, отсутствие обуви у русских можно объяснить незнанием.

По поводу отсутствия у двух русских поясов, о которых Д. Зеленин сообщает, что им в русском быту придавалось магическое значение, как надежной защите против лесных и домовых духов до той степени, что многие не снимают его никогда, резве в бане, П. Гейнзиус предполагает, что это суеверие могло сложиться позже [15]. Но пояс, судя по скульптуре, очень полезен охотнику — за него затыкается мех и добытая белка, на нем висят колчаны.

Вопрос верного отражения одежды новгородцев на скульптуре особенно важен для нас, поскольку эта тема не вполне разработана. Благодаря общему интересу к культуре ранней Руси она решена настолько, насколько это возможно по скудным источникам X—XII вв. [16]. Позже получается большой пробел, и вопрос снова поднимается с XVI в., и то главным образом со второй его половины, когда одежда уже довольно существенно отличается от раннесредневекового периода. Ситуация, по нашему мнению, совершенно похожа на отмеченную уже по поводу сельскохозяйственных орудий, которые довольно хорошо прослеживаются до половины XIII в., и вопрос может быть поднят только начиная с XVI в. или даже позже [17]. Ввиду этого я не решаюсь пойти по пути П. Гейнзиуса, который пытается найти аналогии одежде русских на деревянной скульптуре среди всевозможных доступных ему изображений ее на относящихся к разным эпохам памятниках русской иконографии. Здесь нужна специальная работа о русской одежде на более полном материале, в которой, можно надеяться, скульптура из Штральзунда будет занимать видное место [18].

Оружие и орудия охотников на скульптуре — это луки, стрелы, колчаны, топоры, нож и мешки. Лук мало напоминает М-образный тип, который обычно встречается в русской иконографии, а также известный по археологическим данным лук из Новгорода, в силу того, что он был сложным и должен был тоже иметь форму «М» [19].

Стрелы здесь оперенные, с наконечниками, более похожими на арбалетные (поскольку здесь охота на белку, можно было бы ожидать тупые наконечники), но все-таки они настолько тупые, что возможно их употребление в этой охоте [20].

---

[15] P. Heinsius. Schnitzereien... Но вопрос, существовало ли это суеверие в Новгородском быту XIV—XV вв., относится к скульптуре только тогда, если принять, что она переносит на охотников внешний вид одежды русских в городе или вообще при других обстоятельствах. Надо при этом заметить, что прием опоясываться «под брюхо» отвечает распространенному обычаю в XIX в. D. Zelenin. Russische Volhskunde..., стр. 223.

[16] А. В. Арциховский. Одежда, стр. 234—262.

[17] Д. Горский. Деревянная соха по миниатюрам лицевого летописного свода XVI в. Историко-археол. сборник в честь А. В. Арциховского. М., 1962, стр. 339; В. Прохоров. Ук. соч., стр. 65.

[18] С. Строев. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841, стр. 130—134. Здесь приводится выписка из Ein Russisch Buch некоего Thomas Schroue, составленная в 1546 г. В этом словаре дается перечень названий одежды. В берлинской библиотеке другая рукопись содержит также словарь, в котором находим термины, пополняющие первый список слов названий русской одежды.

[19] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 139

[20] Гр. Дмитриев-Садовников. Лук ваховских остяков и охота с ним. Ежегодник Тобольского губернского музея, XXIV, 1914, Тобольск, 1915.

Колчанам, а точнее приему их подвешивания на поясе, я не нахожу аналогий ни в русском иконографическом, ни в археологическом материале. Вполне возможно, что именно эти детали, т. е. лук, стрелы, колчаны, художник заимствовал из немецкого быта. Касается это также и топора бортника со сходящей на нет бородкой. Такому топору нет аналогий в русском археологическом материале, а встречаются они только в памятниках камской Болгарии, датируемых притом до XIV в. [21]. Другой топор, обухом которого охотник ударяет по дереву, относится к довольно распространенному на Руси типу.

Самое замечательное в скульптуре, и что вызывает наименьшее сомнение,— это изображение охоты на белку. Оно даже более верно, чем это представляет себе П. Гейнзиус. Конечно, мы судим об этом по почти современным данным этнографического порядка, но нет оснований отрицать существование этих приемов в таком отдаленном прошлом, а, напротив, все говорит за то, что в этом случае можно пользоваться свидетельством этнографии, несмотря на обычные недостатки этой науки в определении хронологии описываемых явлений [22].

Скульптура из Штральзунда показывает беличий промысел в наиболее распространенном и, пожалуй, наиболее эффективном варианте — с участием помощника и использованием собаки. Последняя должна бежать впереди охотников, находить белку на дереве и лаем призывать охотника как и одновременно заставлять любопытную белку смотреть на нее, отводя ее внимание от приближающихся людей [23]. Охотник стреляет белке в глаз, чтобы не портить шкурку, причем у многих народностей Сибири, несмотря на распространение огнестрельного оружия, долго предпочитали для этой цели лук как оружие, не наводившее лишней тревоги среди животных в лесу [24].

Иногда обнаруженная собакой белка прячется на дереве и охотнику или его помощнику приходится стучать обухом по дереву, чтобы заставить ее перепрыгнуть на другое [25]. Именно эту сцену мы видим в начале третьего прямоугольника скульптуры.

По П. Гейнзиусу, третий прямоугольник представляет скорее уже не собственно охоту, а изображает опасности, которые ожидают смелых охотников во время обратного пути. Согласно этой мысли, лающую на белку собаку он принимает за волка, бросающегося на русского, который, защищаясь «хладнокровно, так направляет свой топор, чтобы ударить хищника его плоской, тупой стороной. Наверное потому, что он хочет добыть ценный мех чистым» [26]. Так же и третий русский на том же прямоугольнике по Гейнзиусу держит шест, защищаясь перед атакующим его зверем, хотя для нас значение этой сцены совсем другое: охотник палкой пытается сбросить на землю уже убитую белку, как это показывает стрела, торчащая из ее тела. Бывают годы, когда белка не реагирует на стучание по стволу и не прыгает на другое дерево. Охотники говорят, что в таком году белка «крепка» [27]. Тогда приходится шуршать по стволу и ветвям шестом,

---

[21] По любезному сообщению А. Ф. Медведева.

[22] В. Прохоров. Ук. соч., стр. 12. Ср.: И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, IV, СПб., 1891, стр. 148; А. Орешников. Русские монеты до 1547 года. М., 1896, номера каталога 107—113, рис. 48—53; В. Н. Чернецов. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. Сборник Музея антропологии и этнографии, X, М.— Л., 1949, стр. 31, рис. 25; Н. Купетов. Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век, I, СПб., 1896, стр. 41.

[23] В. Н. Каверзнев. Белка и беличий промысел. М., 1931, стр. 35.

[24] По любезному сообщению В. Н. Чернецова.

[25] В. Н. Каверзнев. Ук. соч., стр. 35.

[26] P. Heinsius. Schnitzereien..., стр. 9.

[27] В. Н. Каверзнев. Ук. соч., стр. 35.

подражая звукам лезущего по дереву соболя, главного врага белки, что обычно действует лучше [28]. Можно полагать, что именно этот прием изображен на первом прямоугольнике.

Когда пораженная стрелой белка упадет, охотничья собака ее давит, но не портит при этом шкуры [29]. Это тоже изображено на первом прямоугольнике. В показанных на резьбе собаках можно усматривать приметы северной лайки, прекрасные охотничьи качества которой отмечены в специальной литературе [30]. Многие признаки указывают на изображение именно этой породы, но полной уверенности в этом нет, поскольку лайка воспроизводит довольно распространенный, видимо, также и в Германии того времени, тип дворняжки. По остеологическому материалу из археологических раскопок довольно трудно представить себе внешний вид собаки [31].

Кроме собак и белок (на деревьях), на скульптуре видны и другие животные в ямах и среди корней. Можно предполагать, что это лисицы. У бортного дерева, конечно, медвежонок, который, надо полагать, изображен здесь, чтобы подчеркнуть характер занятия, согласно популярной в средневековой иконографии символике [32].

Очень верно и выразительно представлен русский, снимающий шкурку белки. Он надрезал лежащим около него ножом шкурку (надо полагать — на голове) и теперь, придерживая ее ногами, тянет шкурку «чулком», мездрой вверх, к хвосту [33]. Рядом лежит ожидающая своей очереди другая белка. Собака обнюхивает обдираемую белку. Эта сцена лишний раз убеждает в том, что делать какие-либо выводы на основании остеологического материала средневековых поселений надо очень осторожно. Как правило, кости многих видов животных могли попадать в культурный слой только случайно, так как их туши оставались или были использованы прямо в лесу [34].

Любопытна упомянутая уже сцена работы при бортном дереве. Сомнительно, что бортник вырубает ступени, чтобы добраться по ним до искусственно выдолбленной борти, как думает П. Гейнзиус, ссылаясь на приемы бортников в Норвегии [35]. В русском быту употреблялись, насколько нам известно, шипы и лезива [36].

Более вероятным кажется высказанное предположение, что бортник на отсеченных отростках приготовляет площадку для установки стоящей на земле искусственной борти или, лучше сказать, бортена, хотя и этот, видимо, выдолбленный в середине отрезок ствола может изображать просто сосуд-лукно или колоду для транспортировки продукта промысла. Надо заметить, проблема добывания меда и воска, как и их эффективность, в средневековой Руси довольно темна и высказаться решительно, интер-

---

[28] По любезной информации В. Н. Чернецова, которому приношу здесь благодарность за консультацию.

[29] В. Н. Каверзнев. Ук. соч., стр. 31.

[30] А. А. Силантьев. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898, стр. 117; Д. К. Соловьев. Основы охотоведения. Птрг., 1922, стр. 258—259.

[31] P. Wyrost. Badania nad typami psow wczesnosredniowiecznego Opola i Wroclawia. «Silesia Antiqua», V, 1963, стр. 226.

[32] P. Heinsius. Schnitzereien..., стр. 9; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры..., стр. 26.

[33] Гр. Рахманин. Первичная обработка пушной шкурки. М.— Л., 1933, стр. 38—39.

[34] В. И. Цалкин. К истории животноводства и охота в Восточной Европе. МИА, 107, 1962, стр. 65, 126.

[35] P. Heinsius. Schnitzereien..., стр. 9.

[36] В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, 32, М., 1956, стр. 133—134.

претируя изображение, трудно, тем более, что нет уверенности, представляет ли оно собственно русский быт [37].

Четвертый прямоугольник скульптуры дает, между прочим, изображение двора немецкого купечества в Новгороде. За каменной, бланкированной стеной — кирпичные постройки готического стиля, которым Гейнзиус находит аналогию в сохраненных до наших дней купеческих домах в Висби на Готланде [38]. Видимо, такие же постройки, но изображенные более упрощенно, указаны на заднем плане подворья. В середине три купола: правый, самый высокий, видимо, церковный, может быть, и не связан с остальными двумя, крытыми черепицей.

П. Гейнзиус, зная, что всегда в литературе, касающейся Новгорода, принималось, что немецкий двор был деревянным, видит здесь конвенциональное изображение укрепленного города, тем более что и ворота с опускаемой железной решеткой типичны для такого конвенционального изображения. Приходится, конечно, с ним согласиться, хотя раскопки на территории немецкого (и готского) двора не велись, и трудно судить поэтому, в какой степени двор этот был деревянным, а в какой каменным [39].

К проявлениям условности относит П. Гейнзиус также и одежду немецкого купца, сомневаясь, чтобы в далекой Руси он был одет по последнему слову придворной моды, как это определил д-р Люр. На лентах, как сообщает П. Гейнзиус, имелись надписи, передающие слова, произнесенные купцом и сторожем ворот, которые, к сожалению, совсем стерлись. Возможно, что в руках реставратора скульптора могла бы передать и надписи и краски.

Оба русских подносят шкуры, причем у одного еще и кусок воска. П. Гейнзиус считат, что способ вязания шкур отвечает рисунку радзивиловской летописи, представляющему дань суздальцев Олегу, и известному рисунку, изображающему русское посольство 1576 г. в Реденсбурге [40]. Но суздальцы дают шкуры на ивовом пруте, связанные «круглым бунтом» [41], а здесь аналогия только к другому из упомянутых рисунков, где шкуры без ивового кольца [42].

Все деревья на скульптуре лиственные, разнообразные, но вид дерева определить трудно. П. Гейнзиус приходит к заключению, что и не надо здесь искать ботанической точности, поскольку это тоже прием художественной условности. Нас более интересует вопрос, что у деревьев есть листья, так как охота на белку обычно ведется в безлистную пору года [43]. Напротив, бортничеством не занимаются зимой. Если вернуться к нашему предположению — считать скульптуру исполненной по рассказам, то мож-

---

[37] А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой..., стр. 121—136. Несмотря на сравнительно обширную этнографическую литературу по этому вопросу, пользоваться ей трудно, поскольку нет хронологии явлений. В дореволюционной исторической литературе много необоснованных обобщений. К таким, по-моему, надо отнести представление, что до XIII в. пчеловодство на Руси ограничивалось подбиранием меда у случайно найденных естественных бортей. Из слов «Русской правды»: «Аще кто борть разнаменаеть...» — отнюдь не вытекает, что эта борть естественна. В. А. Мальм. Ук. соч., стр. 131. Согласно свидетельству писцовой книги 1500 г.: «Да в том ухожае борти ему себе и иные делати и кузовы ставить в тот же оброк»,— нельзя заключать, что «...в новгородской земле вместо колод изготовлялись специальные лубяные кузовы...». В. А. Мальм. Ук. соч., стр. 131—132.

[38] P. Heinsius. Schnitzereien..., стр. 7.

[39] Надо учитывать, что немецкая церковь могла быть каменная. Упоминаемая уставом немецкого двора «der grote stove» могла быть также каменной. Приведенный уже (см. сноску 18) словарь переводит «Ein Stewenhus» как «Kamennaja Polata», различая при этом «Ein Huttenhus — Drewennaja Polata». С. Строев. Описание памятников..., стр. 139.

[40] P. Heinsius. Schnitzereien..., стр. 7.

[41] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры..., стр. 25.

[42] Этот способ вязания шкурок прослеживается и по другим, более поздним изображениям, вплоть до иллюстрации половины XIX в., показывающей лавку русских мехов в Лейпциге. H. Lower. Der Warenkunde. Leipzig, 1864.

[43] В. Н. Каверзнев. Белка и беличий промысел..., стр. 32, 36.

но пойти и дальше, предположив, что художнику пришлось соединить в скульптуре рассказы разных лиц, может быть зимних и летних ездоков. Немецкие источники упоминают и тех, и других, различая также водных и сухопутных. Хотя по уставам немецкого подворья можно считать зимних ездоков за прибывших в Новгород водным путем, что отнюдь не правило. Тогда встает вопрос: не было ли среди тех четырех категорий купцов различия по специальности. Вполне возможно, что одни занимались покупкой главным образом шкур, другие — воска. Возможно также, что на скульптуре изображены русские такими, с какими имели дело немецкие купцы, их партнеры — купцы новгородские, а не собственно охотники.

Скульптура в целом является своеобразной похвалой любознательности немецких купцов, которые интересовались не только готовыми продуктами торговли, но и способом их добывания. Она хорошо показывает, на что в это время опиралась торговля Новгорода с западом, и находится в соответствии с последними работами русских ученых, согласно которым меха белки и воск вывозили в огромном количестве и которые играли значительную роль в этой торговле.

Критика и библиография

Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д 1—12. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. Части I—II. М., 1962

Междуречье Десны и Днепра в железном веке, публикации археологических памятников которого посвящена рецензируемая работа, являлось одним из важнейших районов формирования древнего восточного славянства. На этой территории кроме славянских памятников известны и более ранние памятники, оставленные племенами «штрихованной керамики», подгорцевско-милоградскими и юхновскими племенами. Культуры милоградскую и юхновскую некоторые исследователи относят к протославянским (стр. 7).

Появление рецензируемого свода не только желательно и своевременно, но и настоятельно необходимо. Общий композиционный план свода в целом, порядок раскрытия материала, как и текстовое изложение и графическая часть, заслуживают, с нашей точки зрения, полного одобрения.

Свод составлялся коллективом авторов под общим руководством акад. Б. А. Рыбакова, в свое время уделявшего много внимания изучению древностей этой территории. Первый выпуск свода, посвященный археологической карте изучаемого района (ч. I) и погребальным обрядам (ч. II), можно признать удачным. Аккуратное оформление выпуска, его небольшой объем (9,5 печ. л. +12 вкл.) и умеренная стоимость делают этот труд удобным и легкодоступным для приобретения не только специалистами, но и широким кругом краеведов и лиц, интересующихся древнейшей историей края. В разделе свода «Памятники, расположенные в междуречье Десны и Днепра» достаточно широко использованы как письменные литературные и архивные данные о памятниках, так и иные, и в том числе устные сообщения лиц, в натуре знакомых с памятниками (стр. 9—35). Во втором разделе свода — «Погребальные обряды» — даны карты памятников и схема развития и изменения во времени обряда погребения (стр. 51, 53—55; рис. 1—5), открытых и изученных Б. А. Рыбаковым еще в начале 30-х годов [1].

Заслуживает одобрения намерение коллектива авторов в дальнейшем посвятить отдельные выпуски свода ряду культур железного века. К числу частных положительных моментов относится, между прочим, упоминание и ссылки на работы выступившего на научном поприще еще в первые революционные годы ученого краеведа, очень скромного человека, Георгия Михайловича Поршнякова, много потрудившегося в области выявления, собирания и изучения древностей Брянского края.

Общее хорошее впечатление, которое получает читатель от рецензируемого свода, снижают, к сожалению, вкравшиеся некоторые недоработки. Так, по нашему мнению, во введении недостаточно подчеркнуто значение милоградской и юхновской культур, имеющих особое значение в процессе формирования местного славянства и в первую очередь — северян южной половины изучаемой территории [2]. Не совсем удачно оформлены сами границы изучаемой территории. Границы эти проведены по рекам Десне и Днепру, но так, что один берег реки входит в состав изучаемой территории, а противоположный — нет. Долины рек, очевидно, следовало бы брать в целом, оба берега с террасами, на 3—5 *км* в обе стороны от русла реки, так как древнее население, как известно, осваивало полностью долины рек. Автоматическое же отсечение правого берега от левого зачастую разъединяет близкие между собой памятники. Например, на Средней Десне Арельское городище расположено на правом берегу Десны и попало на карту (Д — 6, 5), а находящееся на противоположном берегу селище «Арельск пойменный» (открытое нами в 1946 г.), кстати более интересное [3], осталось неотмеченным.

---

[1] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. Працы Сэкцыі Археолегіі, т. III, Менск, 1932, стр. 81—151.

[2] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, 1, стр. 45.

[3] А. А. Величко, В. А. Падин, Р. В. Федорова. О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне. СА, 1960, 2, стр. 241—246.

У дер. Кветунь находится комплекс расположенных рядом и перекрывающих частично друг друга памятников, имеющих важнейшее значение для истории не только местной группы племени северян, но и вообще для всего славянства в изучаемом междуречье. Здесь около сорока лет назад находилось до двух тысяч курганов, покрытых дубовым лесом. Но лес был вырублен, а курганы начали распахиваться. Это урочище до настоящего времени именуется «Гаем», хотя деревьев там нет. У дер. Кветунь находится городище с юхновским культурным слоем. К городищу пристроена вторая площадка с культурным слоем славянского времени. Здесь же, в ближайшем соседстве, находится усадьба бывшего Спасо-Челнского монастыря. Вся эта усадьба и монастырский сад располагаются на огромном древнем селище. Соседние с городищем горки и пойма Десны также имеют следы древних селищ и курганных групп. Эти селища были вскрыты траншеями военного времени 1941—1945 гг. В траншеях прослеживался культурный слой, простирающийся на 400—500 *м* вдоль кромки высокой террасы деснинской долины. Содержание культурного слоя здесь не было однородным. В стенках траншей и выкидах можно было наблюдать материалы юхновского и зарубинецкого времени, амфорную и славянскую гончарную керамику XI—XIII вв., изделия из рога и кости и стеклянные браслеты, глиняную обмазку от плетневых стен и обломки плимф и т. д.

В 1946—1948 гг. в урочище Гай насчитывались уже не тысячи, а сотни курганов, а к 1962 г. их число сократилось до нескольких десятков. Но как бы то ни было, кветунский культурный комплекс по числу насыпей на изучаемой территории являлся вторым после известного Гнездовского могильника у Смоленска. Но гораздо больший хронологический объем его древностей в сравнении с Гнездовым делал его более интересным. М. В. Воеводский видел в нем один из древнейших русских городов, имя которого случайно не сохранилось на страницах русских летописей [4]. В данной связи обращает на себя внимание интересное сообщение Иордана Готского, в котором этот историк очерчивает границу области обитания склавинов и антов. Эта территория, по Иордану, как можно представить себе, в VI в. была близкой к некоему огромному треугольнику. Начало границы славянских земель Иордан помещал где-то к северо-востоку от Днестра, т. е. в Среднем Поднепровье, возможно, на берегах Десны. Отсюда линия спускалась к юго-западу до устья Днестра. Затем Иордан поворачивал ее на север к р. Висле. Чтобы замкнуть треугольник, нужно было вернуться к исходной точке, которая могла лежать только к востоку от Вислы. Сам Иордан писал, что очерчиваемая им граница начинается «от города Новиетуна...» [5]. Среди наименований древнерусских летописных городов нет ни одного с названием, более или менее похожим на приведенное Иорданом. Лингвистическая реконструкция, с учетом перевода с древнерусского на византийский или готский языки, с переогласовкой согласных букв, с точки зрения языковедения, вполне допускает следующую транскрипцию: «Новиетун — Ковиетун — Кветун», т. е. реальный Кветун оказался переведенным как Новиетун.

В связи с изложенным выше значение упомянутого памятника следовало бы в своде подчеркнуть. В описании исследований кветунских древностей в своде указаны лишь раскопки Л. В. Артишевской в 1957 г. и В. А. Падина в 1948 и 1958 гг. (стр. 61), тогда как еще задолго до этих работ в 20—30-е годы здесь проводились раскопки Г. М. Поршняковым, П. Н. Гоголевым и мною [6]. К частным замечаниям относятся некоторые неточности маршрутной карты (табл. I). План большого славянского городища в Трубчевске вообще не соответствует действительности (табл. II, *1*). В алфавитном указателе отсутствует упоминание городища «Макча», имеющего большое значение для понимания соотношений культур позднеюхновской и раннеславянской. А в описании этого памятника (стр. 63, § 116) не указаны мои довоенные раскопки, вскрывшие на городище круглые в плане жилища старшекашпирского типа и древнюю печь-смолокурку на селище у этого городища [7]. И совсем непонятно странное отношение к памяти замечательного краеведа-энтузиаста, бывшего заведующего Бежицким Домом пионеров, учителя Николая Ивановича Лелянова, который в рецензируемом своде более десяти раз обозначен как «Леляков» (стр. 20, 47) и ни разу правильно. Но именно под его руководством еще в школьные годы нашли свое призвание археологи Ф. М. Заверняев и Е. А. Шмидт.

Однако замеченные погрешности ни в какой мере не могут лишить рецензируемый свод его огромного значения в науке. Опубликование этого выпуска выясняет общую картину состояния источников, их количества, состояния и распределения изученных и неизученных памятников на территории Деснинско-Днепровского меж-

---

[4] М. В. Воеводский. Результаты работ Деснинской экспедиции. КСИИМК. XXI, М.— Л., 1947, стр. 46.

[5] Иордан. О готах, III, 34—35.

[6] Рукописный архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, № 1587, 1941 г.; В. П. Левенок. Кветунские курганы (дневники раскопок, планы раскопанных в 1936—1940 гг. курганов, зарисовки могильных инвентарей). Архив Сектора палеолита ЛОИА АН СССР, № 2. Археологический отчет В. П. Левенка за 1936 г.

[7] Архив Сектора палеолита ЛОИА АН СССР, № 13; В. П. Левенок. Археологический отчет за 1940 год. Там же, полевая книжка за 1941 г.

дуречья. Выпуск свода явится незаменимым подручным справочником и руководством при дальнейшем планировании научных исследований. Рецензируемый труд уже сейчас стал настольной книгой всех, кто по условиям своей работы или в силу своих научных интересов связан с изучением древней истории Днепровско-Десненского междуречья.

В. П. Левенок

Ярославское Поволжье X—XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников. Под ред. д-ра историч. наук А. П. Смирнова. Изд. Гос. Историч. музея и Ярославского музея-заповедника. М., 1963. 144 стр. с прил. 10 таблиц на отд. листах. Тираж 1000 экз.

За годы Советской власти, особенно в последние десятилетия широко развернулись археологические исследования важнейших исторических памятников древней Руси IX—XI вв., имеющих первостепенное значение для изучения проблемы формирования классового общества и государства. Однако публикация и научный анализ богатейших материалов, добытых советскими археологами в результате многолетних раскопок, заметно отстают от полевых исследований, что сильно задерживает развитие нашей науки. Достаточно напомнить, что материалы раскопок крупнейших древнерусских могильников — Гнездовского (Д. А. Авдусин), Шестовицкого (П. Смоличев, Я. В. Станкевич, Д. И. Блифельд), Приладожских (А. М. Линевский) — в основной своей массе остаются неопубликованными, и об этих раскопках известно лишь из предварительных отчетов и сообщений, разбросанных по разным изданиям. Поэтому особенно важно, что сотрудники Государственного Исторического музея (Н. Г. Недошивина, В. А. Мальм и др. во главе с М. В. Фехнер), раскопавшие в 1959—1963 гг. три крупных могильника X—XI вв. в окрестностях Ярославля, сразу по окончании полевых работ подготовили большую сводную научную публикацию результатов своих археологических исследований, предоставив в распоряжение ученых материалы одного из важных археологических памятников древней Руси.

Ярославские могильники стали изучаться археологами еще с 1870-х годов, и один из этих могильников — Михайловский — давно уже получил европейскую известность. Однако результаты дореволюционных раскопок были частью опубликованы в малодоступных изданиях (в России и за рубежом), частью остались неизданными, а публикация результатов раскопок Я. В. Станкевич конца 1930-х годов почти полностью погибла в годы блокады Ленинграда. Поэтому очень хорошо, что в рецензируемом издании охватываются не только материалы полевых исследований 1959—1963 гг., но и все сохранившиеся изданные и неизданные материалы и вещевые находки из раскопок предшествовавших десятилетий. Во время полевых исследований 1959—1963 гг. на всех трех ярославских могильниках были полностью раскопаны все оставшиеся курганы; была вскрыта 431 курганная насыпь и использованы при подготовке публикации сохранившиеся материалы по 212 ранее раскопанным курганам. Таким образом, рецензируемое издание охватывает полностью материалы всех трех ярославских могильников X—XI вв.

В издание включены три очерка, посвященные общему обзору каждого из трех могильников, и 12 небольших статей, дающих анализ различных видов археологических находок (в целом по всем трем могильникам). В этих статьях характеризуются найденные в могильниках орудия труда, керамика, бытовые вещи, украшения, предметы вооружения, торговый инвентарь, предметы культа и др. В приложении даны (на основании полевых дневников) краткие описания 643 погребальных памятников.

Исследователи комплексно обработали очень значительный археологический материал. Благодаря богатству и полноте источников им удалось выявить и проследить развитие многих явлений и процессов, связанных с культурной жизнью такого большого русского района, каким являлось Ярославское Поволжье в X—XI вв. Авторы сообщают много нового о костюме, украшениях, керамике, обряде погребения, социальном и этническом облике жителей этого края.

В аннотации и во введении кратко говорится о важном значении, с давних пор придававшемся Михайловскому и Тимиревскому могильникам для решения норманской проблемы. Однако сказанного там недостаточно. В обобщающей публикации по ярославским могильникам следовало полностью показать значение этих памятников в норманистской литературе XX в.

Мнение о скандинавском характере Михайловского и Тимиревского могильников, выдвинутое еще в начале XX в. их исследователем И. А. Тихомировым, получило широкое признание в работах Т. Арне, для которого ярославские могильники стали одним из главных доказательств его теории норманской колонизации России [1]. Считая, что из русских могильников именно Михайловский сулит дать наиболее яркие доказательства его теории. Арне сам предпринимал здесь в 1913 г. раскопки

[1] T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Upsal, 1914, стр. 52—54; его же. Svenska vikingakolonier i Ryssland. В кн.: T. J. Arne. Det stora Svitjod. Stockholm, 1917, стр. 58—60 и др.

курганов[2]. Со времени издания первых работ Арне утверждение о наличии норманской колонии на месте Ярославля является одной из основ современного норманизма в археологии. И более того, тезис о скандинавском характере ярославских могильников способствовал появлению норманистских исторических построений о якобы существовавшем в IX—X вв. на Волжском пути у Ярославля крупном варяжском центре, о возникновении здесь варяжского княжества или варяжского «каганата» (П. П. Смирнов, А. Стендер-Петерсен и др.)[3].

Важное значение ярославских могильников в системе аргументации современного норманизма обусловливает большую научную актуальность произведенного работниками Исторического музея полного исследования этих могильников. Только путем целостного археологического изучения ярославских могильников можно установить действительно ли здесь находилась в X—XI вв. норманская колония.

В этой связи первоочередное значение имеет вопрос об этнической принадлежности могильников. Мнения предшествующих исследователей расходятся: норманисты приписывали эти могильники скандинавам, Я. В. Станкевич — славянам[4], Е. И. Горюнова — племени меря[5].

Авторы рассматриваемой книги, сопоставив вещи и обряд погребения, выделили ряд устойчивых, повторяющихся черт, позволивших с большей или меньшей вероятностью установить этническую принадлежность погребенного. Они учли такую важную черту погребального обряда, как ориентировка покойников. При этом они исходили из того, что для славян типична ориентировка головой на запад, для финских племен — головой на юго-запад или на север. Ориентировку покойников авторам удалось проследить не только для курганов с трупоположениями, но даже в ряде случаев и для курганов с трупосожжениями. При этом выяснилось удивительное соответствие ориентировки, погребенного и набора определенных вещей указывающих на его племенную принадлежность (например в финских погребениях встречались костяные копоушки, крупные бронзовые бусы, а также культовые предметы — глиняные лапы и кольца). В результате авторы книги вполне убедительно доказали, что ярославские могильники оставлены преимущественно местным финским и в меньшей мере пришлым славянским населением; эти могильники свидетельствуют об активной славянской колонизации Ярославского Поволжья в X—XI вв. (стр. 15, 17, 19).

В составе Тимиревского могильника М. В. Фехнер удалось выявить небольшое число погребений, которые «по некоторым деталям погребального обряда и отчасти по инвентарю» определены как скандинавские. Таких курганов всего 12 (из общего числа изучавшихся 358 курганов этого могильника). В Петровском и Михайловском могильниках выявить норманские погребения не удалось. Хотя избранные М. В. Фехнер критерии не во всех случаях убедительны и возможно, что скандинавских погребений было здесь несколько больше[6], в общем основной тезис авторов о местном — финском и славянском (а не скандинавском) — характере ярославских могильников можно считать доказанным. Абсолютное большинство погребальных памятников действительно носит здесь типично местный финский или славянский характер. Этот результат исследований авторского коллектива имеет важное значение: полное и комплексное исследование всех трех ярославских могильников опровергает основывавшееся лишь на отдельных находках утверждение норманистов о наличии в этом месте скандинавской колонии.

Менее удачной нужно считать попытку дать более конкретную атрибуцию основной массе погребальных памятников — «финских погребений», которые, по мнению М. В. Фехнер, следует отнести к племени весь. Автор ссылается на наличие многих «общих черт с курганами Приладожья», но не дает детального обоснования своего мнения (стр. 15). Между тем и по историческим, и по лингвистическим данным

[2] T. J. Arne. Ett svenskt gravfält i guvernementet Jaroslavl, Ryssland. Fornvännen, 1918, стр. 31—64.

[3] П. П. Смирнов. Вользький шлях і стародавні руси. Київ, 1929, стр. 33—35, 101—161. A. Stender-Petersen. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. III, Firenze, 1955, стр. 167, 180—182 (одна из главных исторических концепций современного норманизма).

[4] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в 9—10 ст. МИА, 6, 1941, стр. 82—84.

[5] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 196, 198.

[6] Сведения о характере скандинавских погребальных памятников IX—XI вв. берутся авторами из работы шведского археолога М. Стрёмберга, построенной на материале южношведской области Сконе; между тем для аналогий более важен материал средней Швеции (и особенно — могильника Бирки), ибо именно эта область вела основные сношения Швеции с Восточной Европой. Из инвентаря, типичного для норманов, не учтен такой специфический культовый предмет, как гривны с «молотками Тора». Они найдены в шести курганах, но лишь один из них авторы считают скандинавским. Однако подобные коррективы могут лишь немного изменить намеченное авторами примерное число скандинавских погребений, не меняя общей картины.

это предположение совсем маловероятно[7]. Более правдоподобно мнение Е. И. Горюновой, что эти памятники принадлежали мере[8].

Довольно убедительно предложенное М. В. Фехнер новое объяснение сосуществования в одно и то же время в одном могильнике трупосожжений, произведенных на месте кургана и на стороне. Это явление автор связывает не с этническими различиями, а с климатическими и природными условиями. Автор предполагает, что зимой при сильных морозах и глубоком снеге, когда было трудно насыпать курганы, сожженные кости покойника сохранялись его родственниками до весны, когда уже было легко возвести курган над останками покойника. В остальные времена года курган насыпался сразу после кремации над местом сожжения (стр. 12—13).

Авторы рецензируемой книги смогли уточнить (до 25—75 лет) датировку памятников. Бóльшую часть погребений они относят ко второй половине X — началу XI в. (что соответствует времени наиболее интенсивной славянской колонизации). К установлению более узких дат авторов подтолкнули хорошо датированные и чуткие к веяниям моды принадлежности североевропейского костюма — пряжки и фибулы. Авторы считают, что хронология этих вещей на Севере и Востоке Европы одинакова, и, следовательно, имеются большие возможности для сравнительного привлечения иноземного материала в качестве надежного датирующего средства при обработке отечественных древностей.

Авторы рецензируемой книги показали, что могильники образовались из нескольких курганов, позднее соединившихся в одно кладбище. Эти группы тяготели к каким-то поселениям, и, следовательно, гнездо курганных полей предполагает гнездо близлежащих поселений. Сделав эти важные наблюдения, авторы, однако, далее становятся непоследовательными, ибо полагают, что ярославские некрополи соответствовали каким-то сельским поселениям (теперь, по-видимому, разрушенным).

Поскольку с самим Ярославлем связь могильников отрицается, остается загадкой, что́ представляли собой поселения, соответствовавшие Михайловскому, Тимиревскому и Петровскому некрополям. С нашей точки зрения, эти могильники, содержавшие помимо предметов сельского быта заметное число предметов высокоорганизованной ремесленной продукции (вряд ли все они были привозными), являются не сельскими, а городскими и отражают (как правильно заметили сами авторы) процесс феодализации общества и выделения дружинно-аристократической верхушки.

Авторы справедливо указывают на недружинный характер исследуемых кладбищ, ибо только 8—12% захороненных погребались с оружием. Исследователи реконструируют местную дружину, состоящую из бедных стрельцов-финнов (в их курганах обнаружены наконечники стрел) и состоятельных славян-меченосцев (в этих курганах найдены мечи, копья и др.). Получается, что на примере погребений с оружием социальный и этнический признаки как-то соответствуют друг другу. Такое представление выглядит слишком односторонним и упрощенным. А как быть, например, с Гнездовским могильником, где также имеется аналогичное разделение могил с оружием, но эти могилы не различаются по племенным признакам?

Следует отметить также, что в рецензируемой книге предложена новая трактовка часто встречающихся в могильниках Верхнего Поволжья, Суздальской земли и Аландских островов в Финляндии глиняных изображений звериной лапы. До сих пор исследователи считали, что это изображения медвежьей лапы, и связывали данные предметы с языческим культом медведя[9]. М. В. Фехнер, используя мнение специалистов-зоологов, приходит к выводу, что это были изображения лапы бобра, служившие проявлением древнего культа бобра (стр. 86—89).

Книга о ярославских могильниках в общем хорошо издана и аккуратно оформлена. Но, к сожалению, оставляет желать лучшего документальная сторона исследования. Требуется слишком много усилий, чтобы познакомиться с книгой источниковедчески. Сводные таблицы излишне громоздки и ими трудно пользоваться. Данные этих таблиц можно было бы изложить в приложении, в текстовом описании отдельных курганов. В свою очередь, в последнем отсутствует ряд необходимых паспортных сведений (например когда и кем произведены раскопки) и нет ссылок на рисунки (или типы) вещей.

Изложение местами слишком протокольно и лаконично, некоторые положения высказаны торопливо, без объяснения, иногда с излишней категоричностью (особенно в части этнических и хронологичесих атрибуций). Для ряда комплексов

---

[7] По Начальной летописи весь жила в районе Белоозера; по материалам топонимики сейчас установлено, что весь населяла область между Белоозером, Онежским и Ладожскими озерами, а Белоозеро лежало на краю весьской земли; южнее и восточнее Белоозера (и тем более — в Ярославском Поволжье) весьская топонимика отсутствует.

[8] Начальная летопись прямо указывает, что меря жила на Ростовском озере, в непосредственной близости от Ярославля.

[9] Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. Краеведческие записки, IV, Ярославль, 1960, стр. 49—50; E. Kivikoski. Eisenzeitliche Tontatzen aus Aland. ESA, IX, Helsinki, 1934, стр. 389—391.

даты, приведенные в тексте, по сравнению со сводными таблицами несколько сужены или завышены. К сожалению, исследователи почти полностью обошли вопросы исторической демографии, и читатель так и не получил ответа, какие группы населения в течение 100—150 лет насыпали сотни погребальных сооружений.

Отмеченные недостатки не снижают общей положительной оценки столь своевременно появившейся книги. Это издание будет иметь важное значение для изучения других современных могильников, в первую очередь Гнездовского и Шестовицкого. Несомненно, что появление книги о ярославских могильниках создает новые возможности для расширения деловой дискуссии, посвященной возникновению Русского государства и культурному развитию его северных районов.

Следует пожелать энергичному, трудолюбивому и творчески спаянному коллективу, написавшему рецензируемую книгу, новых раскопок, новых исследовательских успехов.

А. Н. Кирпичников, И. П. Шаскольский

В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI века. Изд-во АН СССР. М., 1962.

Книга В. В. Косточкина — далеко не первый труд, посвященный крепостной архитектуре древней Руси. Крепостные постройки — эти материальные свидетели славы и героизма русского народа — издавна привлекали внимание исследователей. Их список достаточно велик; здесь и знатоки военного искусства: Ф. Ласковский, А. Савельев, Л. Фриман, специалисты-искусствоведы: Ф. Горностаев, М. Красовский и просто любители старины: А. Глаголев, Г. Лукомский и др.

Советские ученые В. Богусевич, Н. Воронин, А. Монгайт, П. Раппопорт и другие посвятили не одно исследование вопросам русского военного зодчества. В последние годы сделано очень много для воссоздания истории отдельных крепостных построек и установления основных этапов развития русской военной архитектуры. Особенно следует отметить серьезный труд П. А. Раппопорта «Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.». И все-таки проблема оборонного зодчества древней Руси во всем ее многообразии фортификационных, технических, градостроительных и художественных вопросов не была исчерпана до конца.

Заслуга автора рецензируемой книги заключается в комплексности метода исследования. Всесторонний анализ явлений с позиций историка, специалиста в области фортификации, архитектора и искусствоведа позволил В. В. Косточкину дополнить имеющиеся данные и создать цельную и убедительную картину развития русского оборонного зодчества с конца XIII по начало XVI в. В исследовании теснейшим образом связаны изменения объемно-пространственной структуры крепостей с развитием военного искусства и фортификационной техники.

Углубленное изучение средневекового военного дела позволило автору книги обосновать этапы развития оборонительных построек требованиями обеспечения их защиты от новых средств нападения, а также использование этих средств для активной обороны. Тесная взаимосвязь утилитарных и технических вопросов с архитектурой оборонных сооружений проходит красной нитью через все исследование, отвечая материалистическому положению Г. В. Плеханова, что «потребительская ценность предшествует эстетической».

Новая постановка ряда вопросов и опровержение отдельных устаревших положений, а также введение в научный обиход ряда неизвестных фактов — несомненный вклад В. В. Косточкина в историю отечественной архитектуры. Огромный фактический материал и выводы исследования бесспорно сослужат пользу в дальнейшем изучении русского оборонного зодчества, а также получат практическое применение при реставрации крепостных сооружений.

Формулируя во введении задачи исследования, В. В. Косточкин подчеркивает, что основной целью было вскрыть характер главнейших изменений в оборонном зодчестве рассматриваемого периода и установить их причины, а не дать свод монографических сведений об отдельных крепостях (стр. 9, 10). Постановка вопроса в историко-теоретическом плане увеличивает ценность работы.

Возможно, следовало бы во введении более четко обосновать хронологическую границу конца исследования. Одной из причин исторических рамок работы выдвигается наступление в начале XVI в. периода «боярского правления», стремившегося «овладеть центральным правительственным аппаратом и превратить его в орудие корпоративных интересов феодальной аристократии» (стр. 9). Однако «боярское правление» начинается после смерти Василия III и охватывает время 40-х и 50-х годов XVI в. Анализ же оборонительных построек заканчивается 1531 г.— строительством укреплений Зарайска — и не включает уже возведенные в 1534—1538 гг. Китайгородские стены.

Первый раздел «Общая картина оборонительного строительства» дает ясное представление о путях развития крепостного зодчества в периоды феодальной раздробленности и сложения русского централизованного государства. В разделе рассматривается стратегическое значение оборонительных сооружений и приводятся

общие данные о крепостях. Автором проведен серьезный анализ исторических условий, в которых развивалось оборонное зодчество. Опубликованный большой фактический материал о строительстве крепостей хорошо документирован в основном по первоисточникам. Следует особо подчеркнуть научную добросовестность и тщательность аргументаций, о чем свидетельствуют 922 ссылки на источники.

Принципиальные положения и выводы этого раздела не встречают возражений. Однако увлеченность автора своей темой сказалась на некоторой односторонности рассмотрения причин строительства городов — под углом в основном стратегических соображений. Вопросы обороны, конечно, являлись в то время решающими, но сбрасывать со счетов факторы экономического развития отдельных княжеств или централизованного русского государства, которые в свою очередь оказывали влияние на строительство укрепленных населенных мест, тоже не приходится.

В выводах совершенно правильно указывается, что «стратегическое значение оборонительных сооружений не ограничивалось задачами обороны ближайшей округи и защитой сконцентрированного за ними населения. В период феодальной раздробленности они охраняли также торговые и стратегические магистрали...» (стр. 93). К сожалению, это положение не получило должного развития в тексте раздела.

Следовало, с нашей точки зрения, также более четко обрисовать роль иностранных мастеров, принимавших участие в строительстве стен и башен Московского Кремля в конце XV в. Сведения, приводимые в летописях, показывают, что новая кирпичная стена в своей основной части повторила планировочное решение белокаменного кремля Дмитрия Донского, сохранив принципиальную схему расположения старых крепостных ворот и башен. Таким образом, иноземные зодчие в значительной мере выполняли более узкую техническую задачу возведения отдельных башен и участков стены с использованием достижений фортификационной техники. В летописях так и говорится, что Антон Фрязин в 1485 г. заложил «стрелницу» у Чешковых ворот, Марко Фрязин в 1487 г. «совръшил Беклемишевскую башню», Петр Антонин Фрязин в 1490 г. построил «стрелницы» у Боровицких и Константино-Еленинских ворот, а Петр Солари в 1491 г. начал возводить «стрелницы» у Фроловских и Никольских ворот и т. д. Это показывает, что общее руководство осуществлялось не иноземными мастерами, а в общегосударственном плане.

На стр. 80 вкралась обидная неточность. Из текста следует, что «древнейшее сохранившееся здание Пскова — церковь Василия с Горки 1413 г.». Достаточно вспомнить храм в Мирожском монастыре, возведенный около 1156 г. (правда, позднее сильно искаженный переделками), собор Иоанновского монастыря в Завеличье, датируемый первой половиной XIII в., или собор Снетогорского монастыря — 1311 г.

Второй раздел «Объемно-планировочная структура оборонительных сооружений» раскрывает принципиальные изменения типологического порядка, происходившие в оборонном зодчестве с конца XIII по начало XVI в. Основываясь на анализе развития военной техники, и в первую очередь артиллерии, В. В. Косточкин рисует эволюцию русских крепостей от однобашенных с криволинейным очертанием стен до многобашенных с более геометрически правильной структурой плана.

Несмотря на то что воздействие артиллерии на формы крепостных сооружений рассматривалось рядом исследователей, в этот вопрос автор книги вносит ряд уточнений и выдвигает достаточно убедительную концепцию. Он полагает, что небольшое разрушительное действие первых пушек вызвало их использование сначала для защиты крепостей, с целью поражения живой силы противника. Этим автор объясняет строительство в конце XIV в. башен, предназначавшихся для размещения пушек на «приступных» стенах. Последующее развитие огнестрельных средств и применение артиллерии для разрушения крепостей обусловило в начале XV в. утолщение стен, а дальнейшее совершенствование «бога войны» повлекло за собой «выпрямление» отрезков стен между башнями и их перегруппировку, приведшую в конце XV в. к появлению оборонительных построек с геометрически правильной объемно-плановой структурой.

Положение автора о тенденции с конца XV в. к строительству геометрически правильных в плане крепостей правильно. Однако трудно согласиться с утверждением, что «по-видимому, в XV в. придание планам городовых сооружений почти правильных прямоугольных очертаний совместно с четкой расстановкой ворот и башен по периметру было уже широко используемым приемом в русской военной архитектуре» (стр. 164). Нам кажется, что для XV в. еще трудно говорить о широком использовании в оборонной архитектуре плановых схем с почти правильным прямоугольным очертанием. Тем более, что даже XVI век дает нам сравнительно немного примеров строительства крепостей правильной прямоугольной формы. С нашей точки зрения, точнее констатировать несомненное стремление к спрямлению участков стен между башнями, связанное с организацией фланкового обстрела вдоль прясел, а также более равномерное расположение башен. Вполне естественно, что это влияло на геометризацию всей композиции, в связи с чем в отдельных случаях план крепости приближался к форме прямоугольника. Строгая геометричность планировки шла в разрез с необходимостью связи фортификационной системы с естественными препятствиями, поэтому она могла применяться в условиях равнинной местности и при относительно небольших размерах крепости.

В сведениях о дальнобойности пушек имеется некоторое противоречие. Из текста на стр. 148 и 149 вытекает, что пушки в начале XV в. стреляли на 400—500 *м*, а на 170 стр. говорится, что «в конце XV — начале XVI в. артиллерия била примерно на 250—300 *м*».

Третий раздел «Составные части оборонительных сооружений» начинается с описания техники строительства стен и башен, за которым следует углубленный анализ архитектурно-строительных деталей крепостных сооружений.

Перед автором стояли очень значительные трудности, связанные с плохой сохранностью оборонительных построек. Многочисленные последующие переделки искажали их облик и затрудняли выявление первоначальных форм крепостей. В отличие от культовых зданий, древние черты которых во время перестроек обычно стремились сохранить, оборонные сооружения всегда обновлялись в соответствии с успехами военного дела. Эволюция архитектурных форм крепостей рассматриваемого периода обрисована весьма убедительно, что является результатом тщательного изучения сохранившихся памятников в натуре, а также материалов археологических исследований.

Положения, выдвигаемые в разделе, хорошо подкреплены иллюстративным материалом. Фотодокументы, в значительной части выполненные автором, представляют несомненную ценность. Скрупулезный анализ деталей крепостных сооружений не помешал автору уделить внимание вопросам художественной выразительности городских стен и башен, по возможности воссоздав их былой облик. Этот раздел логично завершает все исследование и доводит показ особенностей русского оборонного зодчества до отдельных деталей.

К высказанным автором соображениям хочется добавить следующее. Вряд ли можно связывать появление расширенного цоколя только с желанием ослабить действие ударов ядер (стр. 210). Известно, что придание профилю стены излома в нижней части имеет свою традицию. Устройство расширенного покатого цоколя характерно для средневековой западноевропейской военной архитектуры. Такой цоколь делался для рикошетирования сбрасываемых со стен и башен камней и бревен, а также, конечно, для общей устойчивости сооружения. Об этом писал еще О. Шуази, а также другие исследователи средневековых оборонительных построек. В связи с этим вызывает сомнение и утверждение автора об отсутствии практического значения валика, выкладывавшегося в месте излома стены (стр. 211). Нам кажется, что первоначально он также способствовал изменению направления сбрасываемых камней и бревен, откидывая их в сторону наступавших.

Недостаточно точно сформулирован вывод о том, что «плановая форма крепостных башен от их характера (наличия или отсутствия проезда) и места расположения (на углу или в центре стены) также не зависела, как не зависела она и от действия того или иного вида оружия. По-видимому, эта форма предопределялась только той ролью, какую башня должна была играть в системе городовой обороны» (стр. 222). Сам автор несколькими строчками выше совершенно правильно писал, что на углах большей частью ставились круглые башни, которые никогда проезжими не были. Следовательно, в определенной степени форма башен в плане зависела от места их расположения и, безусловно, от наличия в них проезда. В заключение необходимо сказать, что отмеченные незначительные недоработки не умаляют проделанной автором огромной и плодотворной работы.

Рассмотренная книга не скороспелый плод, а результат ряда лет упорного труда, связанного с тщательным обследованием и изучением в натуре памятников военного зодчества и исторических материалов, их касающихся. Автором книги были детально обследованы почти все сохранившиеся оборонительные сооружения рассматриваемого периода и в результате работы воссозданы многие неизвестные фрагменты их истории и архитектуры.

Древнерусские оборонительные постройки неразрывно связаны со всей исторической эпопеей нашей Родины. Создававшиеся народом для защиты своих земель и городов, крепостные постройки проносят сквозь столетия идею патриотизма — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных, по выражению В. И. Ленина, веками и тысячелетиями. Благодаря этому архитектура оборонительных сооружений не теряет своей идеологической актуальности и на сегодняшний день.

А. А. Тиц

Хроника

ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР
в 1961—1962 годах

В 1961 г. Отделом полевых исследований ИА АН СССР было выдано 222 открытых листа на право производства археологических исследований на территории 69 краев, областей и автономных республик РСФСР; а в 1962 г.— 244.

Экспедиция Карельского ИЯЛИ (рук. Г. А. Панкрушев и А. В. Анпилогов) продолжала исследования памятников эпохи неолита и раннего металла в ряде районов республики. В 1961 г. открыто 29 новых стоянок, в 1962 г.— 57 (в том числе эпохи мезолита). Наибольший интерес представляет двуслойная стоянка (эпохи неолита и первой половины I тысячелетия до н. э.) Лахта II, где вскрыто два жилища. На стоянке Кудома X открыты сыродутные горны эпохи раннего металла.

Беломорская экспедиция этого же института (рук. Ю. А. Савватеев) исследовала стоянки эпохи неолита и раннего металла в зоне строительства и затопления Беломорской ГЭС на р. Выг.

В 1962 г. М. Х. Алешковским (ЦНРМ) на территории Кижского музея-заповедника произведена разведка и обнаружен культурный слой XVII—XVIII вв.

В 1961 г. Архангельская экспедиция ИА АН СССР (рук. А. Я. Брюсов) провела разведки пещер по р. Чюрьюге, в которых в 1916 г. К. К. Марковым были отмечены изображения на скалах. Пещеры оказались заваленными при обрушивании береговых скал. Небольшие работы проведены на известной неолитической стоянке в местности Кубенино. Установлено, что рядом со стоянкой, раскапывавшейся в свое время М. Е. Фосс, находится стоянка преддьяковского времени.

В 1961 г. экспедиция Архангельского краеведческого музея (рук. О. В. Овсянников) провела разведку по Северной Двине и ее притокам — Ваге и Вычегде. Исследовались Холмогорские посады XVI—XVIII вв., Орлецкий городок, Емецкое городище (конец XIV—XV в.), обследованы древние слои в г. Шенкурске (XVII в.), место железоплавильного завода XVII в. близ г. Шенкурска. На Северной Двине открыты три городища XIV—XV вв. В Сольвычегодске найдена керамика XV—XVII вв., остатки производства поливной керамики и плиток XVI — начала XVII в.

В 1961 г. Ленинградская неолитическая экспедиция ИА АН СССР (рук. С. И. Руденко) производила опыты по применению естественно-исторических и физических методов при датировке неолитических стоянок. Исследованиям подверглись раннеолитическая стоянка в Выборгском районе Ленинградской обл. (близ пос. Черничного) и две стоянки на р. Вьюн.

В 1962 г. экспедиция школы № 1 г. Тихвина (рук. И. П. Крупейченко) раскопала один курган близ дер. Горелуха.

Оба сезона велись раскопки древнего Белоозера экспедицией ИА АН СССР (рук. Л. А. Голубева). Основные работы были сосредоточены на участке древнего поселения, предшествующего древнерусскому городу XI—XIV вв. В 1961 г. вскрыт двухкамерный дом XII в., хлев со сходнями и впервые найдено писало.

Вологодский отряд ИА АН СССР и Вологодского краеведческого музея (рук. А. В. Никитин) в 1961 г. раскапывал городище XVI—XVII вв. Халезец (Никольский район Вологодской обл.), а в 1962 г.— городище времени не ранее XVI в. Кич-городок (при впадении р. Кипарицы в р. Юг).

Вологодская экспедиция ГИМ (рук. Н. В. Тухтина) и Череповецкого краеведческого музея раскопала в ряде районов Вологодской обл. курганы XI—XII вв. и несколько жальников.

Псковская экспедиция Государственного Эрмитажа, Псковского историко-художественного музея и Псковских реставрационных мастерских (рук. Г. П. Гроздилов)

продолжала раскопки в Довмонтовом городе. Вскрыты остатки четырех каменных храмов XIV в., раскопан ряд построек X—XIII вв., выявлены северный и южный берега древней гребли. В 1962 г. при доследовании храма № 1 снята сохранившаяся на стенах роспись — обломки фресок с изображениями ликов, написанных в псковской манере XIV—XV вв. Найдено более 500 вислых свинцовых печатей (в 1961 г. 432, в 1962 г.— 86). Печати — княжеская, государственные псковские 1425—1469 гг., псковских пригородов, буллы владычных наместников, печати наместников архиепископов. В 1961 г. в слоях X—XI вв. найдена золотая византийская монета императора Константина и Романа (X в.). В 1962 г. найден обрывок грамоты на бересте — остатки многострочечной надписи (XII в.).

В 1962 г. Невельский отряд Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа (рук. А. М. Микляев) при обследовании берегов озер Удвятского, Усвятского, Узмень и Ужанье осмотрел 19 памятников эпохи неолита и более позднего времени.

Новгородская экспедиция ИА АН СССР и МГУ (рук. А. В. Арциховский) в 1961 г. продолжала, а в 1962 г. закончила раскопки на Неревском конце города [1]. В 1962 г. на Торговой стороне древнего Новгорода заложен новый, Ильинский раскоп, доведенный до уровня середины XIII в. Находки аналогичны вещам Неревского раскопа. Здесь также найдены берестяные грамоты. Найдена «Печать Филиксова» с кентавром на другой стороне.

В 1961 г. экспедиция Новгородского педагогического института и Новгородского областного управления культуры (рук. С. Н. Орлов) провела раскопки двуслойного поселения (эпохи поздней бронзы или раннего железа и конца I — начала II тысячелетия) на берегу р. Просвь, близ Перынского скита.

В 1962 г. экспедиция Новгородского областного управления культуры (рук. С. Н. Орлов) проводила раскопки на месте бывшего Аркажского монастыря близ Новгорода. Вскрыты остатки церкви Успения 1188—1189 гг. Аркажского монастыря. Внутри церкви исследованы гробницы и саркофаг. Около нее расчищены еще четыре гробницы и десять саркофагов. Раскопаны также остатки церкви Михаила (1395 г.) и церкви Чуда Михаила (1407 г.).

В 1962 г. Смоленский отряд Среднерусской экспедиции ИА АН СССР и Управления культуры Смоленского облисполкома (рук. Н. Н. Воронин) произвела раскопки большого храма конца XII — начала XIII в. в Смоленске [2].

В 1961 г. экспедиция ЦНРМ (рук. М. Х. Алешковский) предприняла раскопки около и внутри церквей XII в.— Иоанна Богослова и Михаила Архангела [3] в Смоленске.

Верхне-Днепровская экспедиция ИА АН СССР (рук. П. Н. Третьяков) в 1961 г. продолжала изучение памятников второй половины I тысячелетия на территории Смоленской обл.

В 1962 г. проведены работы в бассейне верхнего и среднего течения р. Десны (Брянская обл.). У с. Хотылева обследовано десять поселений, из них восемь относятся к V—VIII вв., одно — юхновское и одно — зарубинецкой и роменской культур.

В 1961 г. экспедиция Смоленского краеведческого научно-исследовательского института (рук. Е. А. Шмидт) раскапывала три городища в Смоленской обл.: у дер. Холм, у с. Карманово и у дер. Демидовки.

В 1961 г. С. И. Борисов (школа г. Вязьмы) продолжал исследование многослойного (с дьяковского времени до XIII в.) Федотковского городища (Смоленская обл.).

В 1961 г. Торопецким отрядом ИА АН СССР (рук. Г. Ф. Корзухина) продолжены раскопки Малого Торопецкого городища в г. Торопце. Изучались строительные горизонты XII в., в которых раскрыто 14 жилых и хозяйственных построек, улица с бревенчатым настилом.

В 1962 г. Верхне-Днепровский отряд (рук. В. В. Седов) Приднепровской экспедиции ИА АН СССР провел разведку памятников второй половины I тысячелетия и времени Смоленской земли (XII в.) в Смоленской обл. и в юго-западных районах Калининской обл.

Верхне-Волжская экспедиция ИА АН СССР (рук. Н. Н. Гурина) продолжала исследования стоянки у дер. Свеклино (на Верхней Волге). В 1962 г. вскрыты остатки двух жилищ-полуземлянок, скопления нуклеусов, отщепов кремня и заготовок для орудий.

В 1961 г. этой же экспедицией в Калининградской обл. обнаружено пять неолитических стоянок (на реках Неман и Анграппа) и проведены работы на неолитической стоянке Цедмар.

Вышневолоцкий краеведческий музей (рук. А. Х. Репман) в 1961 г. продолжал исследования дьяковского городища «Борки».

---

[1] Б. А. Колчин. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции 1951—1962 гг. КСИА АН СССР, 99, 1964, стр. 3—20; А. В. Арциховский. Новые берестяные грамоты. СА, 1962, 2, стр. 178—184.

[2] Н. Н. Воронин. Смоленские граффити. СА, 1964, 2, стр. 171—178; Б. А. Рыбаков. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах». СА, 1964, 2, стр. 179—187.

[3] М. Х. Алешковский, С. С. Подъяпольский. Новые данные о церкви Михаила Архангела в Смоленске. СА, 1964, 2, стр. 231—236.

В том же году Ф. И. Иванов продолжал раскопки неолитических и мезолитических стоянок в районе г. Калинина.

Московская экспедиция ИА АН СССР (рук. А. Ф. Дубынин) продолжала исследования в Москве и Московской обл. В Москве, на территории Зарядья, велись наблюдения за котлованом строительства высотного здания [4].

Отрядом экспедиции (рук. Р. Л. Розенфельдт) в разных районах области за два года осмотрено около 100 стоянок, селищ, городищ и курганных групп. В связи со строительством гидроузла в Рузском районе в 1961 г. полностью раскопаны и изучены оборонительные сооружения городища дьяковского и славянского времени у дер. Неждино. В том же году раскапывалось дьяковское городище у дер. Щербинка [5] (близ г. Подольска). В 1962 г. в Рузском районе раскопано 10 курганов с погребениями XII—XIII вв. у с. Захряпино [6] и исследовалось городище первой половины I тысячелетия у с. Михайловского на р. Озерне.

Талдомская экспедиция ГИМ (рук. В. М. Раушенбах) в 1961—1962 гг. раскапывала стоянку Николо-Перевоз в Талдомском районе Московской обл. Исследованы землянки волосовской культуры, несколько комплексов дьяковского времени, три погребения, причем в 1962 г. при одном из них обнаружены древнерусские вещи XI—XIII вв. При разведках по р. Дубне обнаружены две стоянки у дер. Сущево с льяловской и «гребенчато-штриховой» керамикой.

В 1961 г. Лесостепная экспедиция ГИМ (рук. Т. Б. Попова) провела работы в Шатурском районе Московской обл., на стоянке Коренец II и могильнике позднякovской культуры. Раскопано пять курганов с одновременными стоянке погребениями.

В 1962 г. Окская экспедиция ИА АН СССР (рук. А. Я. Брюсов) обследовала места находок мезолитических орудий на берегах р. Оки между городами Серпуховым и Тарусой.

В 1961 г. А. Н. Воронковым осмотрены местонахождения между деревнями Митино и Бехово, а в 1962 г. ранее открытые стоянки эпохи неолита в Серпуховском районе.

Экспедиция Музея истории и реконструкции Москвы (рук. А. Г. Векслер) продолжала раскопки Одинцовского курганного могильника. В 1961—1962 гг. вскрыто 13 курганов с погребениями XIII—XIV вв. В 1961 г. в группе у с. Спас-Тушино раскопано шесть курганов с погребениями XII — начала XIII в. Небольшие работы проведены также на Боровском и Кунцевском городищах.

Еще один курган у с. Спас-Тушино был раскопан Н. Г. Недошивиной (ГИМ) в 1961 г. Вскрыты женское и детское погребения с большим количеством украшений. Ею же за два года раскопано 10 курганов с погребениями XII—XIII вв. у дер. Акатово.

Школьниками г. Люберцы (рук. Ю. В. Куртов) за два года раскопано восемь курганов с вятическими погребениями XII—XIII вв. у дер. Марусино.

Звенигородским краеведческим музеем (рук. Ю. А. Краснов) оба года велись раскопки Успенского городища (Звенигородский район Московской обл.). Вскрыты славянские и дьяковские жилища. В одном из славянских жилищ обнаружены остатки литейного производства (1961 г.), вскрыта часть гончарного горна домонгольского времени (1962 г.). В XV—XVI вв. на месте городища было кладбище (вскрыт ряд погребений).

Группой школьников г. Ногинска (рук. Е. И. Диков) при обследовании рек Клязьмы, Вохны, Вори, Шерны, Нерской открыт ряд неолитических стоянок, славянских селищ и курганных групп. Исследовалось Богословское селище XI—XIII вв., на котором обнаружены остатки разрушенного металлургического горна. В 1962 г. при раскопках кургана близ ст. Куровской вскрыто женское погребение с вещами XI—XII вв.

В 1961 г. Н. Л. Подвигина (МГУ) раскопала три кургана с вятическими погребениями у с. Борисово. В том же году Т. В. Равдина (ИА АН СССР) вскрыла еще два кургана у ст. Царицыно и в одном обнаружила погребение с тремя гончарными горшками.

В 1962 г. В. П. Воробьев раскопал два кургана близ пос. Черкизово (Мытищинский район Московской обл.). В одном из них найден сосуд XII—XIV вв.

В 1961 г. Московская научно-реставрационная мастерская продолжала работы на территории бывшего Высоко-Петровского монастыря в Москве (рук. В. И. Матвеева).

Верхне-Волжская экспедиция ИА АН СССР, Ярославского и Ивановского областных управлений культуры, Ярославо-Ростовского музея-заповедника, ГИМ (рук. Д. А. Крайнов) в составе нескольких отрядов исследовала разновременные памятники в Ярославской, Ивановской, Калининской и Костромской областях. Раскапывались стоянки: Золоторучье I, Золоторучье III (слои эпохи мезолита, неолита, бронзы и же-

---

[4] А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева. Археологические работы в Зарядье (1957—1961 гг.). КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 55—63.

[5] И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. СА, 1964, 1, стр. 165—177.

[6] Р. Л. Розенфельдт. Захряпинские курганы XII—XIII вв. на р. Рузе. КСИА АН СССР, 99, 1964, стр. 103—105.

леза), Уницкая, Сельцо[7], Рождественский остров (1961 г.), Богоявление, у сел Нестерово, Яковлевское, Шевардино (1962 г.). В 1961 г. продолжались работы (рук. А. Л. Никитин) на многослойной стоянке «Польцо» и на стоянке и могильнике «Дикариха». Основное внимание было сосредоточено на исследовании фатьяновских могильников: Тимофеевского, Скомороховского[8], Милославского, Килчинского, Данильцевского, Пестовского, Олочинского. Ярославским отрядом экспедиции в 1961 г. (рук. М. В. Фехнер) закончено исследование Тимеревского курганного могильника X — начала XI в. Раскопаны оставшиеся 121 курган. Этим же отрядом раскопаны последние 44 кургана в Михайловском могильнике. Палехский отряд (рук. Е. Н. Ерофеева) оба сезона раскапывал Кочкинский могильник меряно-муромского типа V—IX вв. В 1962 г. продолжались раскопки курганов XIII—XIV вв. у дер. Зиново.

В 1961 г. экспедиция Юрьевецкого музея (рук. Е. Н. Ерофеева) раскопала шесть курганов XI—XII вв. у дер. Алешково. Обнаружены погребения костромского типа в колодах или на досках, покрытые берестой. Вокруг погребений — рамка из обгорелых бревен.

В 1962 г. экспедиция ГИМ (рук. М. В. Фехнер) произвела раскопки 45 курганов IX—XI вв. у с. Петровское (близ г. Ярославля). В большинстве курганов обнаружены остатки трупосожжений, в меньшей части — остатки трупоположений.

В 1961 г. Л. В. Кольцов (ИА АН СССР и Владимиро-Суздальский музей-заповедник) продолжал раскопки стоянки эпохи мезолита и неолита Елин Бор (Владимирская обл.).

В том же году Костромской отряд Волжской экспедиции ИА АН СССР (рук. Е. И. Горюнова) при разведках в Сусанском, Галичском и Буйском районах Костромской обл. открыл ряд памятников, в том числе неолитическую стоянку на Сусанинском болоте. Раскапывались два неукрепленных поселения первой половины I тысячелетия до н. э. у деревень Быки и Брюхово.

В 1962 г. И. В. Гаврилова (ИА АН СССР) осмотрела известные ранее памятники на Галичском и Чухломском озерах (Костромская обл.).

Мытским музеем (рук. Н. М. Романов) в 1962 г. в пойме р. Лух (Ивановская обл.) открыты следы четырех стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой.

Владимирский отряд ИА АН СССР, Владимиро-Суздальского музея-заповедника и Вязниковского музея (1961 г.— рук. В. В. Седов; 1962 г.— рук. М. В. Седова) продолжал раскопки древнерусского городища XII—XIII вв. близ дер. Пировы Городища. В 1961 г. во Владимире изучались оборонительные сооружения[9].

Экспедиция ГИМ (рук. А. В. Успенская) оба года вела раскопки древнерусского селища Бениды (Брянская обл.). В 1961 г. около него вскрыт курган X в.

Верхне-Окская экспедиция ИА АН СССР, Орловского и Калужского областных краеведческих музеев (рук. Т. Н. Никольская) продолжала раскопки городища у дер. Слободка[10] в Орловской обл. Большой интерес представляет найденный в 1962 г. в одном из жилищ клад серебряных вещей — два колта, пластинчатый браслет, плетеный браслет, шейная гривна (первая половина XIII в.). Нижний слой городища относится к IV—VI вв., а верхний — к древнерусскому времени. В 1962 г. работы производились еще на трех городищах Калужской обл.— в дер. Вороново, у дер. Ромоданово, у дер. Ждамирово.

В 1961 г. М. Х. Алешковским (ЦНРМ) проведены разведки на территории Пафнутьево-Боровского монастыря с целью установления стратиграфии культурного слоя внутри монастыря, определения абсолютных отметок первоначальной поверхности земли у зданий монастыря и вскрытия отдельных разрушенных и находящихся под землей остатков архитектурных сооружений.

Экспедиция МГУ и Тульского областного краеведческого музея (рук. С. А. Изюмова) продолжала раскопки городища VI—I вв. до н. э. у дер. Сатинки (Тульская обл.).

При работах экспедиции ГИМ и Тульского областного краеведческого музея (рук. Л. В. Грехова) в верхнем течении Оки и по ее притокам обнаружено несколько местонахождений с кремневыми изделиями и керамикой эпохи неолита и бронзы.

Экспедиция ГИМ, Касимовского музея краеведения и Отдела культуры Рязанского облисполкома (рук. И. К. Цветкова) исследовала в 1961—1962 гг. стоянки у с. Ибердус Касимовского района. Нижний горизонт стоянки Ибердус I относится к рязанской неолитической культуре, верхний — к поздняковской культуре. Верхний слой стоянки Ибердус II дает материалы поздняковской культуры, а нижний — волосовской.

Н. И. Панин (Желановская средняя школа Шацкого района Рязанской обл.) оба года вел обследование бассейна р. Цны. На городище у с. Борков найдена городецкая,

---

[7] О. С. Гадзяцкая. Стоянка Сельцо на озере Неро. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 107—112.

[8] О. С. Гадзяцкая. Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области. СА, 1963, 1, стр. 284—289.

[9] В. В. Седов. Из полевых исследований 1961 г. (1) К изучению оборонительных сооружений Владимира; 2) Свищевские курганы). КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 37—43.

[10] Т. Н. Никольская. Работа Верхне-Окской археологической экспедиции в 1960—1961 гг. КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 25—31.

а на поселении у с. Шаморга обнаружена неолитическая и поздняя гончарная керамика.

В 1961 г. начаты Ф. М. Гольдштейн и в 1962 г. продолжены М. Х. Алешковским (ЦНРМ) раскопки в юго-западной части Кремля в Рязани. Полностью вскрыты западная и южная стены постройки XVI—XVII вв. из белого камня и кирпича, начаты работы по раскрытию восточной стены.

В 1962 г. Муромская экспедиция ГИМ (рук. Т. Б. Попова) раскопала у с. М. Акулово (Навашинский район Горьковской обл.) пять курганов. Основной материал относится к поздняковской культуре; некоторые сосуды близки к керамике срубной и фатьяновской культур.

Экспедиция Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника (рук. В. Ф. Черников) производила разведки в южных и юго-западных районах Горьковской обл. В 1961 г. по рекам Велетьме, Тёше, Сереже, Кишме осмотрено 18 памятников, относящихся главным образом к балахнинской и поздняковской культурам. Произведены также раскопки славянского селища у с. Б. Тарка. В 1962 г. в бассейне р. Теши осмотрено 22 новых памятника эпохи бронзы и I — II тысячелетий. В Абрамовском могильнике вскрыто женское погребение VII—XI вв.

В 1961 г. Днепровская Левобережная экспедиция ИА АН СССР (рук. И. И. Ляпушкин) вела работы в бассейнах рек Снови и Ипути (Брянская обл. РСФСР и Черниговская обл. УССР). Обследовано около двадцати поселений радимичей.

Деснинским отрядом ИА АН СССР (рук. Л. В. Артишевская) в 1961 г. завершены раскопки могильника Кветунь-Макорзно (Трубчевский район Брянской обл.). Вскрыто 18 курганов. Наиболее ранние погребения могильника датируются IV—V вв. Близ могильника открыты остатки селища, которое также относится к IV—V вв.

В 1961—1962 гг. продолжались раскопки Брянского областного краеведческого музея (рук. Ф. М. Заверняев) на Хотылевском нижнепалеолитическом местонахождении. На двух раскопах исследована геологическая структура, найдены кремневый материал и кости четвертичных животных.

Экспедиция Трубчевского краеведческого музея (рук. В. А. Падин) продолжала раскопки Кветунского древнерусского могильника. В 1961 г. вскрыто 19 курганов, главным образом XI в., а в 1962 г.— еще 55 курганов. В 1961 г. исследовалось также поселение Лбище.

В 1962 г. экспедиция Института истории АН БССР (рук. В. Д. Будько) продолжила работы К. М. Поликарповича на Юдиновской верхнепалеолитической стоянке (Погарский район Брянской обл.).

Курский отряд Скифской лесостепной экспедиции ИА АН СССР и Курского областного краеведческого музея (рук. А. Е. Алихова) в 1961 г. предпринял разведки по р. Сейму и его притокам и по р. Пслу. Проведены раскопки на городищах Кузина Гора, Кудеярова Гора и Лысая Гора. При разведках на ряде памятников найден материал эпохи бронзы. В 1962 г. начаты раскопки юхновского городища у с. Жадино; исследовалось также городище близ г. Курска, на берегу р. Тускорь со слоями от VI—V вв. до н. э. и вплоть до монгольского времени. В кургане в с. Средние Апочки вскрыто семь захоронений срубной культуры.

В 1962 г. Ю. А. Липкинг (от Курского областного краеведческого музея) произвел разведку в верховьях р. Суджи и обнаружил восемь новых памятников, из которых четыре относятся к середине I тысячелетия. В с. Разиньково исследовано парное погребение VI—VIII вв. и остатки поселения эпохи бронзы.

В том же году П. И. Борисковский (ИА АН СССР) осмотрел место находки костей мамонта и позднепалеолитических кремневых изделий на южной окраине г. Курска и открыл вторую палеолитическую стоянку — Курск II.

Работами Верхне-Донской экспедиции ИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея (рук. В. П. Левенок) в 1962 г. были охвачены несколько районов Липецкой обл. и Куркинский район Тульской обл. Закончены раскопки раннеиеолитической стоянки у с. Долгое. На верхнем Дону открыто еще четыре неолитических местонахождения, 22 поселения и шесть могильников эпохи бронзы, три пункта с остатками материальной культуры скифо-сарматского времени, более 20 пунктов с находками древнеславянской и древнерусской культуры и более поздних. Кроме того, раскопки производились на двух неолитических стоянках близ с. Кветунь и на шести мезолитических стоянках в бассейне Десны. Интересные результаты дали раскопки десяти курганов середины I тысячелетия близ с. Ново-Никольское.

Гагаринский отряд этой экспедиции (рук. Л. М. Тарасов) производил в 1961—1962 гг. работы на известной Гагаринской палеолитической стоянке [11].

Воронежский отряд Лесостепной экспедиции ИА АН СССР (рук. П. Д. Либеров) обнаружил ряд разновременных памятников по рекам Тихой Сосне, Потудани, Битюгу, Ведуге. В 1961 г. раскапывались 22 памятника, в том числе городища скифского времени: Стрелецкое, Кировское, Круглое, Склядненское, Липовское, Сторожевое (на

[11] Л. М. Тарасов. Новые раскопки на стоянке Гагарино. КСИА АН СССР, 92, 1962, стр. 56—60; его же. Конструкция палеолитического жилища в Гагарино. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 20—24; его же. Новая палеолитическая статуэтка из Гагарино. СА, 1963, 4, стр. 179—183.

последнем раскопки были продолжены и в 1962 г.); поселения эпохи бронзы — у сел Русской Тростянки, Губаревка, у хут. Сасовки, у с. Вознесенка (на нем работы продолжались и в 1962 г.). За два года вскрыто девять курганов у с. Мастюгино. Ряд курганов вскрыт у с. Русской Тростянки.

В 1962 г. Г. И. Корнюшин (школа поселка Анна Воронежской обл.) провел разведку в Аннинском, Таловском, Бобровском районах Воронежской обл.— в пойме р. Битюга. Обнаружено 24 поселения и около 80 курганов эпохи бронзы, скифского времени и славянских.

Палеолитическая экспедиция ИА АН СССР (рук. А. Н. Рогачев) продолжала работы в Костенках. В 1961 г. на Аносовской II стоянке расчищены большие ямы рядом с остатками наземного жилища и скопление костей в южной половине жилища. Оба года велись работы по консервации развалин жилища. На Волковской стоянке (Костенки XII) исследован в 1961 г. верхний культурный слой с большим скоплением костей носорога и лошади, а в 1962 г.— нижний. Эта стоянка относится к костенковско-стрелецкой культуре.

Экспедиция Воронежского университета и Воронежского областного Отдела культуры (рук. А. Н. Москаленко) продолжала раскопки городища у хут. Титчиха. Вскрыто более 10 полуземлянок роменско-боршевского времени, исследованы его укрепления. На соседнем с городищем мысу в 1962 г. открыты остатки постройки раннего железного века. В 1961 г. небольшие работы проведены на Воргольском городище (Елецкий район Липецкой обл.). В нижней части культурного слоя здесь найдена керамика эпохи бронзы, в верхней — роменско-боршевский и славянский материал. В 1962 г. по рекам Быстрой Сосне и Воронежу осмотрено более 50 пунктов — городищ, поселений и могильников эпохи бронзы, раннего железа, боршевского и более позднего времени.

Северо-Донецкий отряд ИА АН СССР (рук. С. А. Плетнева) на городище у с. Дмитровского (Белгородская обл.) в 1961 г. установил, что каменные валы были сооружены в VIII—IX вв. Расчищено более 10 хозяйственных ям скифского времени, погреб, остатки жилища с печью. На посаде вскрыто два средневековых жилища — юрта и полуземлянка и несколько хозяйственных ям с находками VIII—IX вв. В 1962 г. на близлежащем могильнике раскопано пять катакомб, одна могила и три тризны. В 1961 г. по притокам Северного Донца обнаружено 25 поселений VIII—X вв. В 1962 г. на Верхнем Дону, Тихой Сосне и Битюгу обследовано более 20 поселений и городищ скифского, хазарского и древнерусского времени. Небольшие разведки были проведены по берегу Таганрогского залива и Миусского лимана, где открыто 10 новых поселений, главным образом хазарского времени.

Мордовско-наровчатская экспедиция ИА АН СССР, Мордовского НИИЯЛИЭ и Министерства культуры РСФСР (рук. А. Е. Алихова) продолжала раскопки летописного города Наручадь (или Мохши, современное с. Наровчат Пензенской обл.). В 1962 г. здесь в урочище Красный Ключ вскрыто шесть татарских бань. В урочище Мизгирь в 1961 г. исследовано четыре мавзолея, а в 1962 г.— семь мордовских погребений XIII в. В 1962 г. на городище у Сиянова монастыря (близ Наровчата) обнаружены материалы раннего железного века и мордовские (VII—IX вв.). В 1961 г. проведено и обследование среднего течения р. Мокши, в результате чего установлена ошибочность мнения о том, что территория Мордовской АССР входила в состав племен городецкой культуры.

Экспедиция Пензенского краеведческого музея (рук. М. Р. Полесских) в 1961 г. раскопала на Армиевском могильнике IV—VI вв. 99 погребений. В 1962 г. раскопаны два кургана близ с. Кевдо-Мельситово, в одном из которых открыто погребение срубной культуры.

Экспедиция Кировского областного краеведческого музея (рук. И. И. Стефанова) в 1961 г. провела разведку в Слободском и Кирово-Чепецком районах Кировской обл. Осмотрены кремли городов Слободского и Шестакова (не ранее XV—XVI вв.) и еще семь разновременных городищ, селищ и отдельных местонахождений. В Котельническом районе осмотрено 11 памятников. Наибольший интерес из них представляют Черняницкое мезолитическое местонахождение, Скорняковское (ананьинская культура) и Кировское (XIV—XV вв.) городища.

Печорский отряд экспедиции Коми филиала АН СССР (рук. В. И. Канивец) оба года вел исследования верхнепалеолитической стоянки в Медвежьей пещере. В 1962 г. открыт участок мастерской для обработки кремня. В 1961 г. небольшие работы производились в пещерах Верхней Печоры — Туфовой и Студеный навес. В 1962 г. в Первокаменной пещере (на р. Унье) открыты культурные остатки эпохи мезолита. В 1962 г. (совместно с В. Е. Лузгиным) выявлено 25 памятников V—IV тысячелетий до н. э.— I тысячелетия н. э.

Вычегодский отряд этой экспедиции (рук. Г. М. Буров) продолжал работы в районе Синдорского озера. На поселении Вис I в 1962 г. исследовано неолитическое жилище. На поселении Вис II исследовано два жилища III—V вв. Из находок на II Висском торфянике представляют интерес: статуэтка человека, полоз саней, весло, кирка, гребень и другие предметы III—V вв. На поселении Вис III в 1961 г. исследована очажная яма; в том же году обследованы стоянки Синдорское озеро I и V. В 1962 г. при проведении подводных работ на дне Синдорского озера и р. Симвы обнаружена стоянка Вис V.

Вымский отряд той же экспедиции (рук. Э. А. Савельева) проводил исследование средневековых памятников в бассейне р. Выми. В 1961 г. в Усть-Вымском и Железнодорожном районах Коми АССР открыто пять стоянок с кремневым инвентарем, обследовано девять могильников XI—XIV вв., обнаружено поселение первой половины II тысячелетия. В 1962 г. на Веслянском могильнике I вскрыт ряд погребений IV—VII вв. На Веслянском II могильнике раскопано 13 погребений XII—XIII вв., а на могильниках Ветью, Часа-Дор и Лялинском — более 20 погребений XI—XIII вв.

В 1962 г. В. Е. Лузгин в составе Печорского отряда этой экспедиции произвел разведочные работы на поселениях в долине Верхней Печоры. Обнаружено четыре стоянки эпохи бронзы, одно поселение I тысячелетия и два пункта отдельных находок.

Экспедиция Марийского НИИЯЛИ и ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (рук. А. Х. Халиков и Г. А. Архипов) в 1961 г. раскапывала две стоянки с неолитическим и энеолитическим слоями в Юринском районе Марийской АССР. В том же году в Кировской обл. исследовалось Ижевское городище VIII—X вв. В 1962 г. основные работы были сосредоточены у с. Ахмылово Горно-Марийского района. Здесь раскапывались поселения конца эпохи бронзы и два могильника. Открыто более 100 погребений. Погребения старшего могильника датируются VIII—VI вв. до н. э., а младшего — V—VII вв. При раскопках Шукшиерского кургана (рук. Г. А. Архипов) в Сернурском районе вскрыто два погребения абашевской культуры.

Экспедиция Удмуртского музея в 1961 г. (рук. Г. Т. Кондратьева) начала обследование левого берега р. Чепцы и ее притоков. Осмотрено 23 памятника, в том числе три полонской культуры (III—IX вв.), 14 — раннего этапа чепецкой культуры (IX—XII вв.), шесть поздних поселений и кладбищ. В Могильнике у дер. Чиргино вскрыто восемь погребений раннего этапа чепецкой культуры; на Сянинском старом удмуртском кладбище — два погребения XVI—XVII вв. Аналогичные погребения раскопаны и на Карасевском могильнике.

Поволжская экспедиция ИА АН СССР, ГИМ, Чувашского НИИЯЛИЭ, Казанского и Мордовского университетов, Ульяновского краеведческого музея (рук. А. П. Смирнов) проводила работы несколькими отрядами. В 1961 г. проведено обследование берегов Большой Волги в районе Казани, Чистополя, Елабуги, Великих Болгар и правого берега от устья р. Вятки до впадения р. Камы. В том же году отряд экспедиции (рук. В. Ф. Каховский) продолжал раскопки болгарского селища у дер. Б. Янгильдино. Исследовано семь жилых и три хозяйственных сооружения; кроме болгарского, обнаружен материал эпохи бронзы и позднегородецкий. Близ дер. Чурачики раскопан курган [12]. В 1962 г. Ульяновский отряд (рук. А. П. Смирнов) проводил раскопки двух могильников в с. Андреевка. На первом могильнике вскрыто захоронение салтовского времени, на втором — шесть болгарских мусульманских погребений. Ряд курганных могильников и поселений срубной культуры открыт в районе деревень Елховый Куст, Щербаковки, городище и селище домонгольского времени между деревнями Малиновка и Красный Яр. В Татарской АССР осмотрено городище Великие Болгары и раскопаны погребения середины I тысячелетия. В Тетюшском и Буинском районах ТАССР обследовано семь селищ эпохи поздней бронзы и средневековых. Стационарные работы были поставлены на городище Хулаш (рук. В. Ф. Каховский), где вскрыли напластования начальной стадии срубной культуры, раннего железного века (городецкой культуры) и X—XII вв. Отряд экспедиции (рук. Н. В. Трубникова) в 1961 г. исследовал городище у дер. Тиханкино (Чувашская АССР). На стоянке эпохи бронзы близ этой же деревни открыта часть жилого сооружения с очагом. В Сундырском районе, на городище Арату прослежены остатки жилых строений первых веков нашей эры и более раннего времени. В 1962 г. этим отрядом проведены раскопки на городище Укся Сют у дер. Малые Яуши (Чувашская АССР). Близ дер. Костюмеры работы велись на городище № 1 (рубеж и первые века нашей эры). На холме Хула сирми близ этой же деревни открыты остатки двух наземных жилищ I тысячелетия. При разведках в Шумерлинском районе выявлены два городища и курганная группа. Сарайский отряд экспедиции (рук. Г. А. Федоров-Давыдов) продолжал исследования столицы Золотой Орды — Сарая Берке [13].

Экспедиция ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР, Государственного музея Татарии и Казанского университета (рук. А. Х. Халиков) вела работы в составе нескольких отрядов. В 1961 г. обследовано более 150 разновременных памятников — от эпохи палеолита до позднего средневековья. Отряд экспедиции (рук. А. Х. Халиков) раскапывал Кабы-Копрынскую стоянку, где открыты позднемезолитический и ранненеолитический слои. При работах на Ново-Мордовском могильнике (под водой) обнаружено семь стел [14]. Оба года велись работы на Маклашеевском могильнике: в 1961 г. рас-

---

[12] В. Ф. Каховский. Чурачикский курган в Чувашии. СА, 1963, 3, стр. 169—177; М. С. Акимова. Черепа из Чурачикского кургана в Чувашии. СА, 1963, 3, стр. 178—179.

[13] Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, 1, стр. 248—271.

[14] А. Х. Халиков. Стелы с изображением оружия раннего железного века. СА, 1963, 3, стр. 180—190.

копано два кургана с погребениями срубной и приказанской культур; в 1962 г. в двух курганах вскрыты погребения приказанской культуры. На Танкеевском могильнике за два года работ расчищено 241 погребение VIII—X вв. В 1962 г. в Полянском могильнике вскрыто 27 погребений IX—VII вв. до н. э. В 1961 г. отряд (рук. Е. А. Халикова) провел разведки в Куйбышевском районе ТАССР и раскопки Балымерских курганов. Другой отряд экспедиции (рук. Р. Г. Фахрутдинов) в 1961 г. при обследовании берегов Волги осмотрел 58 памятников. В 1962 г. этот же отряд зафиксировал в Куйбышевском районе 27 разновременных памятников. В 1961 г. несколько отрядов (рук. Е. П. Казаков, С. В. Морозова, Г. Р. Ишмуратова) обследовали по берегам рек Волги, Камы и Бездны стоянки, селища, городища и могильники различного времени. В 1962 г. отрядами экспедиции (рук. Р. Г. Фахрутдинов и П. Н. Старостин) по Волге, Ахтаю и М. Черемшану обследовано более 50 памятников эпохи бронзы и железа.

Основные работы Уральской палеолитической экспедиции (рук. О. Н. Бадер) в 1961—1962 гг. были сосредоточены на изучении изображений палеолитического времени в Каповой пещере. В 1961 г. открыта новая группа рисунков [15]. В 1962 г. закончена работа по фиксации рисунков верхнего этажа, произведены раскопки на обоих этажах пещеры, позволившие установить горизонт, соответствующий моменту нанесения рисунков на стенки. При разведках 1961 г. в окрестностях пещеры следы палеолита обнаружены еще в двух пещерах. В 1962 г. исследовались еще четыре пещеры (три в Челябинской обл. и одна в Свердловской). В 1961 г. отряд экспедиции (совместно с ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР, рук. А. П. Шокуров) по р. Белой выявил 45 памятников эпохи мезолита, неолита, бронзы, железа. В том же году другой отряд этой экспедиции (рук. М. А. Бадер) провел небольшие работы в пещере Ямазе-Таш (Челябинской обл.). Обнаружены кремневые отщепы и керамика эпохи железа.

В 1962 г. Башкирский неолитический отряд (рук. Г. Н. Матюшин) в БАССР обследовал 25 памятников и на некоторых из них произвел раскопки [16].

В 1961 г. Экспедиция ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР, Башкирского университета и Министерства культуры Башкирской АССР (рук. К. В. Сальников) работала в составе нескольких отрядов. Один из отрядов (рук. К. В. Сальников) на Ильмурзинской стоянке вскрыл три напластования — домезолитического, мезолитического и более позднего времени. Исследовались три разновременных селища близ с. Романовки. В г. Уфе раскопано семь курганов IV—V вв. Другой отряд экспедиции (рук. Н. А. Мажитов) раскапывал Камышлы-Тамакский могильник. Вскрыто 101 погребение, которые можно сгруппировать в две хронологические группы: раннюю — II—I вв. до н. э. и позднюю — I в. до н. э. — I в. н. э.— самую многочисленную, относящуюся к пьяноборской культуре. Отрядом вскрыто еще десять погребений рубежа нашей эры и V—VII вв. в Галановском могильнике в г. Уфе. Нугушский отряд экспедиции (рук. А. Х. Пшеничнюк) обследовал берега рек Нугуш и Урюк и выявил две курганные группы и два селища срубной культуры. Неолитический отряд (рук. Г. Н. Матюшин) провел раскопки поселений эпохи неолита и I тысячелетия до н. э. в Белорецком районе.

В 1962 г. Экспедиция ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР (рук. К. В. Сальников) производила работы также несколькими отрядами. Отряд экспедиции (рук. К. В. Сальников) раскопал два кургана срубной культуры у с. Ново-Балтачево. Поселения с керамикой этого же времени выявлены на селищах Нижний Тюкуп, Туманча, Тюбяк и др. Выразительный комплекс северо-андроновской культуры получен при исследовании селищ Нижней Тюкуп и Тюбяк, культуры курман-тау — на селище Ибрагимово I (в верхних слоях этого селища вскрыты остатки романовской культуры — вторая половина I тысячелетия). Караабызовская культура (IV—II вв. до н. э.) представлена на Биктимировском городище и близлежащих могильниках. На ряде памятников обнаружены материалы абашевской культуры. Другой отряд экспедиции (рук. А. Х. Пшеничнюк) произвел охранные раскопки нескольких памятников, в том числе селища Воронки (конец V—III в. до н. э.) и селища Дудкино (IV—III вв. до н. э.). Следующий отряд экспедиции (рук. Н. А. Мажитов) продолжал работы на Бирском могильнике. Вскрыто 30 погребений, наиболее поздних в этом могильнике, т. е. V—VI вв. (бахмутинская культура). На Бирском городище обнаружена ананьинская, пьяноборская, бахмутинская керамика. На Кушулевском могильнике вскрыто 19 погребений IX—X вв. Ряд погребений расчищен на Рязановском (позднее средневековье), Кувыковском (V—VII вв.), на втором Кувыковском и Куяновском могильниках пьяноборской культуры, на могильниках у селений Именлекулово и Верхний Аташ (срубная культура). При раскопках поселений Кувыковского, Старо-Калмашевского, Дуванейского, у пос. Яблочкино обнаружены материалы эпохи бронзы, ананьинской, пьяноборской и бахмутинской культур. Последний отряд экспедиции (рук. М. Х. Садыкова) провел разведки в Хайбулинском, Баймакском, Стерлибашевском, Федоровском и Залаирском районах БАССР и выявил 58 памятников. В четырех могильниках

---

[15] О. Н. Бадер. Палеолитические рисунки Каповой пещеры (Шульган-Таш) на Урале. СА, 1963, 1, стр. 125—134.

[16] Г. Н. Матюшин. Стоянки с микролитическим инвентарем в Горной Башкирии. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 66—74.

раскопано шесть курганов. Большинство погребений относится к сарматскому и савроматскому времени, а остальные к более раннему времени.

В 1961 г. С. М. Васюткин (Башкирский университет) при разведках в Архангельском и Иглинском районах обнаружил три селища середины I тысячелетия.

В том же году отряд экспедиции Башкирского университета (рук. Г. Н. Матюшин) провел разведки по берегам озер в Абзеллиловском районе [17].

В 1962 г. А. П. Шокуров (школа г. Октябрьского) провел разведки по рекам Сюнь, Ик и Белой (в составе экспедиции О. Н. Бадера). Выявлено 34 памятника — эпохи неолита, бронзы и железа.

В том же году экспедиция Башкирского университета (рук. Г. И. Матвеева) обследовала 33 памятника главным образом срубной культуры по рекам Уршаку и Деме. Раскопочные работы были поставлены на Кара-Якуповском городище V—VII вв., Давлекановском многослойном поселении (конец III — начало II тысячелетия до н. э., срубная культура и V—VII вв.). В Давлекановском (срубная культура) и Нижне-Чуракаевском (абашевская культура) могильниках раскопано шесть курганов.

Экспедиция Пермского университета производила исследования оба года в составе нескольких отрядов. В 1961 г. отряд экспедиции (рук. В. А. Оборин) изучал памятники в Гайнском районе Коми-Пермяцкого национального округа. На Плесинском могильнике вскрыто 42 погребения. Обнаружены погребения неволинского этапа ломоватовской культуры (VII—VIII вв.) — наиболее ранние в данном могильнике. Большинство же погребений датируется IX—X вв. Плесинский могильник — самый северный из известных сейчас раннеродановских могильников. Близ могильника обнаружено синхронное ему поселение. В окрестностях с. Плес выявлены две стоянки и одно селище VII—IX вв. В 1962 г. по рекам Каме и Колве обследовано 11 памятников. Раскапывалось четыре селища, один могильник, пять стоянок эпохи неолита и бронзы и родановской культуры. В Мелехинском могильнике обнаружено 14 погребений с материалами, типичными для позднеломоватовских и родановских могильников Верхнего Прикамья. В 1961 г. Верхне-Муллинский отряд (рук. В. П. Денисов) провел раскопки Заосиновских (IV) селища и могильника. Выяснено, что дюна, на которой расположено селище, была заселена в первой половине II тысячелетия до н. э. В середине I тысячелетия до н. э. здесь возникает селище ананьинской культуры, на рубеже II—I вв. до н. э. появляется грунтовой могильник, в котором было вскрыто около 60 погребений. При разведке по рекам Нижней Муллянке и Заюрчим обследовано 14 селищ, одно городище и одно местонахождение эпохи поздней бронзы, ананьинской и гляденовской культур. Другим отрядом экспедиции (рук. А. Д. Вечтомов) в 1961—1962 гг. велись раскопки Гремячанского поселения середины V—II вв. до н. э. Вероятно, в конце II—I вв. до н. э. поселение здесь превращается в жертвенное место. В 1961 г. небольшие работы велись на Гремячанских I, II и III селищах различных этапов развития ананьинской культуры. По р. Сидяхе обследовано девять селищ позднеананьинского и гляденовского времени. В 1961 г. Чердынский отряд экспедиции (рук. Ю. А. Поляков, от Управления культуры Пермского Облисполкома) изучал памятники, входящие в зону затопления проектируемой Верхне-Камской ГЭС. Осмотрено 27 новых памятников и 11 ранее известных (Чердынский район) — от эпохи мезолита до позднего средневековья. Большинство памятников относятся к родановской и ломоватовской культурам. Небольшие раскопки были предприняты на Петуховском городище родановской культуры (XI—XIII вв.). В 1962 г. Ю. А. Поляков провел разведочные работы в Гайнском районе. Обследовано 52 памятника. Бóльшая часть их относится к родановской культуре, а некоторые — к харинскому этапу ломоватовской культуры. В 1962 г. Чердынский отряд (рук. И. С. Поносова) по р. Вишере осмотрел 26 памятников и мест находок предметов. Они относятся в основном к родановской культуре и к XIV—XV вв.

В 1962 г. Косинский отряд Верхне-Камской экспедиции Пермского университета и Коми-Пермяцкого краеведческого музея (рук. В. П. Денисов) провел работы в Косинском районе Коми-Пермяцкого округа. Обследован ряд ранних памятников: Лёльское местонахождение эпохи мезолита или неолита, три Косинские неолитические стоянки, Большеречинское городище VI—VIII вв.

В 1961 г. Уральская экспедиция Уральского университета, Свердловского и Курганского краеведческих музеев и Свердловского областного управления культуры (рук. В. Ф. Генинг) проводила работы тремя отрядами. Тобольский отряд (рук. В. Ф. Генинг) исследовал ряд памятников на р. Исети. На Прыговском городище (Курганская обл.) вскрыты три землянки. Первоначальное заселение городища относится к раннему железному веку, вторичное заселение происходило в I и II тысячелетиях. В расположенном рядом с городищем могильнике раскопано десять курганов III—II вв. до н. э. Близ г. Шадринска исследовались Большое и Малое Бакальские городища IX—XIV вв. Там же раскопаны (рук. М. С. Акимова) шесть курганов с погребениями VI—IV вв. до н. э. По рекам Исети, Ику, Миасу и Тоболу отрядом обнаружен ряд курганов, городищ, селищ различного времени. В 1962 г. этот отряд раско-

---

[17] Г. Н. Матюшин. Новые неолитические памятники Башкирии. КСИА АН СССР, 92, 1962. стр. 91—96; его же. Стоянки с микролитическим инвентарем в Горной Башкирии. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 66—74.

пал четыре кургана у дер. Шмаково (Курганская обл.) с погребениями III в. до н. э. Исетский отряд экспедиции (рук. В. Е. Стоянов) в 1961—1962 гг. исследовал Воробьевское городище (вторая половина I тысячелетия до н. э.— начало I тысячелетия н. э.). Этим же отрядом в 1961 г. раскапывалось селище андроновской культуры Лужки I и обследовано семь поселений по р. Исети (Свердловская обл.). В Курганской обл. в том же году исследовались еще: Катайское селище эпохи бронзы и раннего железа, селище Речкино I (эпоха бронзы, раннего железа и рубеж I и II тысячелетий), курганы в двух Воробьевских могильниках (вскрыто 11 курганов с погребениями V—III вв. до н. э.). Туринский отряд (рук. В. Д. Викторова) в 1961 г. раскапывал могильник и поселение у дер. Мыс (Свердловская обл.). Вскрыто 12 погребений с вещами XII—XIV вв. Позже, в XIV—XVII вв. на месте могильника существовало поселение, на котором открыты остатки нескольких жилищ. Пять курганов с погребениями IX—XI вв. раскопано в Макушинском могильнике на р. Нице. В том же могильнике в 1962 г. расчищено два погребения V—IV вв. и одно III—II вв. до н. э. В 1961 г. на многослойном Юдинском поселении вскрыты жилища эпохи ранней бронзы и раннего железа. В 1962 г. на расположенном рядом с поселением городище изучены остатки семи жилищ и исследованы оборонительные сооружения. В 1961 г. несколько жилищ было раскопано отрядом на Кашинском селище и несколько погребений в Шушарском могильнике. Две стоянки (эпохи неолита и бронзы), семь селищ (эпохи раннего железа и более поздних), три городища (конца I и середины II тысячелетия) и пять курганных групп обследовано в 1961 г. в ряде районов Свердловской обл.; пять городищ в бассейне р. Тавды — в 1962 г. Кроме этих отрядов, в 1962 г. работало несколько групп (рук. М. К. Позднякова, Т. Г. Бушуева, В. И. Неживых, В. П. Викторов, Ю. М. Кутаков, В. А. Швечикова, А. Г. Дегтярев, В. Н. Фролов), производивших разведочные работы. По рекам Ишиму, Тоболу, Иртышу, Тавде, Пышме, Туре зафиксировано более 100 разновременных памятников — стоянок, селищ, городищ, могильников.

Исследования Южно-Уральского отряда ИА АН СССР (рук. Л. Я. Крижевская) в 1961—1962 гг. были сосредоточены главным образом на раскопках стоянок Чебаркуль II и IV (Челябинская обл.) [18]. Кроме того, в 1962 г. отрядом осмотрен ряд стоянок на озерах Суртанды, Чебаркуль, Учалы, Карагайлы — в Учалинском и Абзеллиловском районах Башкирской АССР.

В 1961 г. экспедиция Челябинского краеведческого музея и ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР (рук. К. В. Сальников) производила исследования Нижне-Спасского селища в зоне затопления Верхне-Уральского водохранилища (Челябинская обл.). Вскрыты остатки жилищ-землянок и обнаружена керамика трех стадий развития андроновской культуры. Другой отряд экспедиции (рук. В. И. Фомина) раскапывал селища у Спасского моста в этом же районе. Открыты остатки полуземляночного и наземного жилищ, очаги, зольник, скорченное женское погребение андроновского времени. Следующий отряд этой экспедиции (рук. В. С. Стоколос) раскопал девять курганов эпохи бронзы в окрестностях с. Спасского.

В 1962 г. экспедиция Челябинского краеведческого музея (рук. В. С. Стоколос) на средства УКС Челябинского металлургического завода производила работы в зоне сооружения Шершневского водохранилища на могильниках и селищах Черняки I и II. Раскопано 25 курганов эпохи бронзы.

В 1961 г. экспедиция Троицкого краеведческого музея (рук. Г. И. Матвеева) раскопала два кургана в Бобровском могильнике (Челябинская обл.). В одном из них найден комплекс вещей, имеющий аналогии в курганах Северного Казахстана савроматского времени.

Оренбургская экспедиция ИА АН СССР и Оренбургского краеведческого музея (рук. К. Ф. Смирнов) в 1961 г. раскопала семь курганов в могильнике Мечет-Сай (Соль-Илецкий район). В двух из них исследовано несколько погребений алакульского этапа андроновской культуры. Большинство курганов связано с прохоровской культурой (III—II вв. до н. э.). Добыт разнообразный и богатый материал. В этом же районе у с. Ветлянка обнаружен грунтовой могильник андроновской культуры.

Оренбургская экспедиция ИА АН СССР (рук. М. Г. Мошкова) в 1962 г. продолжала раскопки Ново-Кумакского могильника, близ г. Орска. Исследовано 22 кургана с погребениями эпохи бронзы, сарматскими, раннепрохоровскими и позднекочевническими. Особый интерес представляет раннепрохоровское погребение в большой могильной яме с дромосом и шатровым перекрытием. Из находок в погребениях следует отметить красноглиняные гончарные сосуды, подтвердившие торговые связи с Средней Азией.

Еленовский отряд этой экспедиции (рук. Е. Е. Кузьмина) оба полевых сезона вел исследования поселений и могильников Еленовского микрорайона (Домбаровский район Оренбургской обл.) [19].

---

[18] Л. Я. Крижевская. Новые данные по неолиту Южного Урала. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 75—87.

[19] Е. Е. Кузьмина. Купухта — могильник андроновской культуры. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 96—105; ее же. Андроновские могильники на р. Байту. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 39—49; его же. Андроновское поселение и могильник Шандаша. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 100—106.

Экспедиция Саратовского университета, Элистинского музея и Калмыцкого НИИЯЛИ (рук. И. В. Синицын) в 1961 г. провела раскопки могильника у пос. Лала (Калмыцкая АССР). Раскопано 16 курганов, в которых открыто 50 погребений. Основная часть их относится к эпохе бронзы (катакомбная культура) и только шесть — к сарматскому времени.

Астраханская экспедиция ИА АН СССР, Волгоградского и Астраханского краеведческих музеев (рук. В. П. Шилов) в 1961 г. продолжала раскопки Старицкого курганного могильника. Исследовано 68 курганов, содержавших более 150 погребений различного времени. В районе ст. Глазуновской найдена древняя лодка-однодеревка хорошей сохранности. В 1962 г. эта экспедиция раскопала полностью четыре курганные группы. В могильнике у хут. Кузина (Астраханская обл.) исследовано 45 курганов с погребениями главным образом позднесарматского времени. У хут. Хохлацкого раскопано два кургана с погребениями савроматского и прохоровского времени, близ хут. Балкина (Калмыцкая АССР) вскрыто 10 курганов с основными захоронениями ямной культуры. В группе у с. Цаца (Волгоградская обл.) в 10 курганах исследованы захоронения ямной и катакомбной культур.

Астраханская экспедиция Государственного Эрмитажа (рук. Л. Н. Гумилев) в 1961—1962 гг. исследовала хазарский могильник на бугре Степана Разина. Некоторые погребения имеют сходство с трупосожжениями в оградках Алтая. В 1961 г. экспедицией исследовалась также подводная часть стены в г. Дербенте (Дагестанская АССР). В 1962 г. при обследовании протоков дельты Волги открыто несколько поселений и могильников — татарских (XIV—XVII вв.), хазарских и дохазарских.

В 1962 г. Г. Н. Шендаков (Камышинский краеведческий музей) в районе г. Камышина обнаружил остатки большого поселения эпохи бронзы и золотоордынского времени.

Нижне-Донская экспедиция ИА АН СССР и Ростовского областного краеведческого музея (рук. Д. Б. Шелов) оба сезона продолжала раскопки городища и некрополя древнего Танаиса. Исследованы жилые и хозяйственные комплексы III—I вв. до н. э. и первых веков нашей эры [20].

В 1962 г. на Нижне-Гниловском и Подазовском городищах раскопаны слои первых веков нашей эры, открыты глинобитные жилища, очаги, хозяйственные ямы, несколько раннесредневековых погребений. На Подазовском городище прослежены остатки сырцовой оборонительной стены.

В 1962 г. Южно-Донская экспедиция ИА АН СССР и Ростовского краеведческого музея (рук. В. П. Шилов) раскапывала курганы у хуторов Усмань и Алитуб (Ростовская обл.). Основные захоронения относятся к ямной культуре.

Кобяковская экспедиция ИА АН СССР и Ростовского краеведческого музея (рук. С. И. Капошина) продолжала раскопки Кобякова городища и его некрополя. Открыты жилища эпохи бронзы и первых веков нашей эры и другие объекты. В некрополе в 1961 г. вскрыто 43 погребения, в 1962 г.— 29. Продолжены работы и на территории строящейся Новочеркасской ГРЭС. В 1961 г. здесь в двух курганах расчищено 47 погребений, 45 из которых относятся к эпохе бронзы, а два — к сарматской эпохе. В том же году в Багаевском районе раскопано четыре кургана эпохи бронзы и сарматского времени. В одном из сарматских курганов обнаружены части деревянной колесницы и богатый инвентарь. В кургане эпохи бронзы найдена уникальная деревянная четырехколесная повозка.

В 1962 г. на территории строительства Новочеркасской ГРЭС и Института виноградарства (на окраине г. Новочеркасска) раскопано шесть курганов с погребениями ямной, катакомбной и срубной культур и сарматского времени. Один из сарматских курганов содержал чрезвычайно интересный инвентарь, в том числе восемь серебряных чаш, италийскую вазу, 14 фаларов и др. На фаларах изображены пантеры, терзающие животных, они инкрустированы цветными камнями. Серебряные чаши, очевидно, италийского происхождения, фалары носят следы сарматского звериного стиля. Приазовский отряд этой экспедиции (рук. А. В. Гадло) в 1962 г. на первой надпойменной террасе р. Дон в ряде пунктов нашел салтовскую керамику. Близ ст. Заплавской открыты следы стойбища или кочевья X в. и могильника. У ст. Елизаветовской обследовано трехслойное поселение [21].

Экспедиция Таганрогского краеведческого музея (рук. Н. Д. Праслов) оба сезона продолжала работы по изучению культур каменного века в северо-восточном Приазовье. В 1961 г. в бассейне р. Крынки открыты неолитические поселения. Наиболее важное открытие этого года — обнаружение мустьерских стоянок близ хут. Рожок. На поселении Рожок I раскопки велись оба года: вскрыты шесть культурных горизонтов среднемустьерского возраста. В 1961 г. близ этих стоянок расчищены остатки трех погребений срубного времени (кроме того, одно погребение здесь было вскрыто С. А. Плетневой). В 1962 г. при разведках по побережью Таганрогского залива в ряде пунктов собраны палеолитические находки. На побережье Миусского лимана,

---

[20] Д. Б. Шелов. Исследования Танаиса в 1961 г. КСИА АН СССР, 95, 1964, стр. 91—96.

[21] А. В. Гадло. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона. КСИА АН СССР. 99, 1964, стр. 40—45.

у с. Герасимовки найдены палеолитические остатки разного возраста. Осмотрены два энеолитических местонахождения у ст. Багаевки.

Мокро-Чалтырская экспедиция Ростовского краеведческого музея (рук. В. М. Жибура) в 1961 г. провела раскопки некрополя Мокро-Чалтырского городища и двух курганов эпохи бронзы между хуторами Мокрый Чалтырь и Сафьянов.

Нижне-Донская экспедиция ЛГУ и Новочеркасского музея донского казачества (рук. Т. Д. Белановская) в 1961—1962 гг. продолжала раскопки неолитического поселения Ракушечный Яр у ст. Раздорской.

Экспедиция Института антропологии МГУ и Ростовского краеведческого музея (рук. М. Д. Гвоздовер) оба года вела раскопки стоянки Каменная балка II у хут. Недвиговка Ростовской обл. При разведках по Каменной балке найдены кремни палеолитического возраста, в долине р. Чалтырь в 1961 г. обследовано открытое Н. К. Алексеевым местонахождение каменного века.

Экспедиция Азовского историко-краеведческого музея (рук. Л. М. Казакова) проводила наблюдения за земляными работами в г. Азове. В 1961 г. в разных частях города обнаружен слой золотоордынского времени. Найдены курительные трубки, печные изразцы, облицовочные плиты, водопроводные трубы, светильники, около 20 костяных коньков, каменные ручные жернова. В 1962 г. было заложено два раскопа в турецкой крепости Азов, близ Генуэзских ворот. Выявлены вновь остатки материальной культуры с золотоордынского времени и до XX в.

Таманская экспедиция ИА АН СССР и ГИМ (рук. Н. И. Сокольский) продолжала раскопки городища и некрополя Кеп [22]. В 1962 г. на городище вскрыт ряд строений античного и средневекового времени. Найден клад более чем из 600 позднебоспорских монет. Раскопано 57 погребений VI в. до н. э.— I в. н. э. Исследовано также шесть курганов различного времени, в том числе эпохи бронзы. В 1961—1962 гг. раскапывались также городища-крепости у селений Батарейка, Красноармейское, у ст. Запорожской, у колхоза «За родину». На них найдены остатки материальной культуры рубежа нашей эры. В 1962 г. на окраине ст. Сенной вскрыт каменный склеп II в. до н. э., относящийся к курганному некрополю Фанагории.

В 1962 г. Фанагорская экспедиция ИА АН СССР (рук. М. М. Кобылина) начала исследование на новом участке Фанагории [23].

В том же году Новороссийский отряд ИА АН СССР и Новороссийского историко-краеведческого музея (рук. Н. А. Онайко) возобновил раскопки Раевского городища. В слоях конца IV — начала III в. до н. э. зафиксированы остатки дома. Дом был большим, имел каменные стены, оштукатуренные и расписанные. Открыты строительные остатки римского периода. Средневековый материал представлен кусками глиняной турлучной обмазки и керамикой.

Экспедиция ГМИИ им. А. С. Пушкина (рук. И. Д. Марченко) продолжала раскопки на Майской Горе [24].

Анапский отряд ИА АН СССР и Анапского краеведческого музея (рук. И. Т. Кругликова) оба года вел раскопки в Анапе [25].

В 1962 г. в одном из раскопов вскрыты остатки керамической мастерской III в. до н. э.— III в. н. э., в другом расчищены мощные фундаменты больших зданий, найдены обломки статуй и надписей, в третьем раскрыта часть жилого района II—IV вв.

Северо-Кавказский палеолитический отряд ИА АН СССР (рук. Е. А. Векилова) продолжал работы С. Н. Замятнина в Ахштырской пещере. Исследовалась пятиметровая толща культурных отложений от эпохи мустье до позднего средневековья включительно [26]. В 1961 г. произведена шурфовка I и II Хостинских пещер. В 1962 г. в пещере на берегу р. Мзымты добыты находки периода бронзы, а на террасах этой реки, близ с. Ахштырь, в пяти пунктах найдены изделия палеолитического облика и более поздние.

Северо-Кавказская экспедиция Государственного Эрмитажа (рук. А. Д. Столяр) в 1962 г. продолжала работы на энеолитическом поселении Мешоко (Краснодарский край). Исследовались оборонительные сооружения, открыты остатки жилищ, каменная выкладка, ямы.

Экспедиция ГМИИ им. А. С. Пушкина (рук. А. К. Коровина) начала в 1961 г. раскопки городища древней Тирамбы (пос. Пересыпь Краснодарского края). Прослежено пять культурных напластований с конца VI в. до н. э. до III в. н. э. Имеются и более поздние слои. В 1961 г. в некрополе вскрыто двенадцать, а в 1962 г. шесть погребений III—II вв. до н. э.

---

[22] Н. И. Сокольский. Раскопки городища Кепы в 1961 г. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 52—59; Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. Там же, стр. 60—65; Н. И. Сокольский. Курос из Кеп. СА, 1962, 2, стр. 134—141.

[23] М. М. Кобылина. Исследования Фанагории в 1959—1960 и 1962 гг. СА, 1963, 4, стр. 129—138.

[24] И. Д. Марченко. Некоторые итоги раскопок на Майской Горе. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 86—90.

[25] И. Т. Кругликова, Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 66—71.

[26] М. З. Паничкина, Е. А. Векилова. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. КСИА АН СССР, 92, 1962, стр. 37—43.

Экспедиция Ярославского педагогического института, Московского педагогического института им. В. И. Ленина и Саратовского университета (рук. А. С. Башкиров) возобновила изучение античного и средневекового города Патрэя на Таманском полуострове. В 1961—1962 гг. работы производились на двух участках — в «нижнем городе» и в акрополе. Найдено 36 монет IV—III вв. до н. э.— III—IV вв. н. э.

Экспедиция Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (рук. Ю. С. Крушкол) за два года раскопала два кургана на территории хут. Рассвет. Они содержали погребения эпохи бронзы и раннежелезного века.

Экспедиция Адыгейского НИИ работала в 1961—1962 гг. в составе двух отрядов. Один из них (рук. П. А. Дитлер) в 1961 г. раскопал курган близ аула Ходзь (Адыгейская автономная область). Материал относится к северокавказской культуре эпохи бронзы.

В 1962 г. этим отрядом производились раскопки поселения майкопской культуры Ясеновая Поляна, могильника близ этого поселения, относящегося к VII—VI вв. до н. э. и первым векам нашей эры, могильника Колосовка I IX—XI вв.

Второй отряд экспедиции (рук. П. У. Аутлев) в 1961 г. провел разведки по рекам Лаба, Фарс, Псефир, Ходзь и Губс и открыл ряд нижнепалеолитических стоянок (наибольший интерес среди них представляет позднемустьерская Гумрыхинская стоянка близ ст. Баракаевской). Находки на Губских и Псефирских местонахождениях датируются поздним ашелем — ранним мустье. В 1962 г. при разведках в Кавказском, Ново-Кубанском, Крымском и Лабинском районах Краснодарского края открыто пять нижнепалеолитических местонахождений и девять пещерных стоянок. В пещерах Борисовского ущелья обнаружены материалы эпохи палеолита и раннего средневековья. В Борисовском ущелье обнаружены и наскальные изображения отпечатков человеческих рук.

В 1961 г. экспедиция Ставропольского педагогического института и Ставропольского краеведческого музея (рук. Т. М. Минаева) раскапывала городище Гиляч VIII—XII вв. близ г. Карачаевска (Ставропольский край).

В том же году А. Л. Нечитайло (Ставропольский краеведческий музей) провела разведки по р. Калаус и обследовала 23 курганные группы, три поселения (эпохи раннего средневековья и времени Золотой Орды), одно кочевническое становище.

В 1962 г. Н. Д. Праслов (от Адыгейского НИИ) произвел разведочные работы на известной Ильской стоянке мустьерского времени и установил, что часть ее территории пригодна для исследований.

Северо-Кавказская экспедиция ИА АН СССР, Государственного Эрмитажа, Северо-Осетинского и Чечено-Ингушского научно-исследовательских институтов, Республиканских краеведческих музеев городов Грозного и Орджоникидзе (рук. Е. И. Крупнов) в 1961—1962 гг. вела работы в составе нескольких отрядов. Сержень-юртовский отряд (рук. Е. И. Крупнов) исследовал поселения у сел. Сержень-Юрт. В 1961 г. работы велись на трех поселениях, верхние слои которых датируются началом I тысячелетия до н. э. Важна находка на поселении Сержень-Юрт III каменной литейной формы для отливки топоров кобанского типа. В нижних слоях двух поселений обнаружены остатки сооружений и материал эпохи энеолита. В 1962 г. работы на поселении Сержень-Юрт I были продолжены [27]. Нагорный отряд экспедиции (рук. В. И. Марковин) исследовал восточные районы Чечено-Ингушетии, а в 1962 г., кроме того, провел разведки в Северной Осетии [28]. Бамутский отряд (рук. Р. М. Мунчаев) продолжал раскопки Бамутских курганов эпохи бронзы [29]. Северо-осетинский отряд (в 1961 г.— рук. О. В. Милорадович, в 1962 г.— В. А. Кузнецов) раскапывал городище Верхний Джулат [30]. Зеленчукский отряд (рук. В. А. Кузнецов) исследовал Нижне-Архызское и Хумаринское городища [31]. Кубанский отряд (рук. А. А. Формозов) оба года исследовал поселение майкопской культуры у хут. Веселого в Прикубанье (Краснодарский край). В 1962 г. здесь найдена льячка. В том же году обнаружено три новых поселения майкопской культуры — у пос. Колосовка, у ст. Ахметовской и хут. Красный Гай.

---

[27] В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 73—80.

[28] В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 63—68; его же. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 81—89.

[29] Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, 3, стр. 176—198; Р. М. Мунчаев, В. И. Сарианиди. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА АН СССР, 98, 1963, стр. 90—99.

[30] О. В. Милорадович. Раскопки средневекового городища Верхней Джулат (1961 г.). КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 94—100; В. А. Кузнецов. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 107—115.

[31] В. А. Кузнецов. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.). КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 86—93; его же. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 107—115; его же. Надписи Хумаринского городища. СА, 1963, 1, стр. 298—305.

Кроме того, продолжались работы на стоянке Мешоко (совместно с А. Д. Столяром) и исследовались пещеры [32].

В 1961 г. Палеолитический отряд (рук. В. П. Любин) провел разведки памятников каменного века в Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. В Северной Осетии продолжены раскопки пещерной стоянки Шау-Легет, в которой открыты энеолитический и ранненеолитический комплексы. При разведках обнаружены: ашельское местонахождение у хут. Попова, четыре новых мустьерских местонахождения в долинах рек Терека и Камбилеевки, две кремневые неолитические мастерские в Дигории [33]. А в Чечено-Ингушетии открыто первое для этой области Кавказа мустьерское местонахождение близ с. Гамурзиево, следы мезолита и неолита в долине р. Хулхулау.

А. П. Рунич (Пятигорский музей) продолжал разведочные работы в районе Кавказских Минеральных Вод [34]. В 1962 г. на ряде могильников (Римгорские I и III, Бермомытский, Лермонтовские I и II, Березовский № 1, у Кисловодского вокзала) вскрыты погребения в катакомбах и каменных ящиках. Находки в могильниках датируются ранним и поздним средневековьем.

В 1962 г. экспедиция Кабардино-Балкарского университета (рук. Н. А. Шафиев) в Эльбрусском районе осмотрела ряд разновременных поселений, могильников, пещер и Кызбурунское городище.

Экспедиция ИЯЛИ Дагестанского филиала АН СССР производила в 1961—1962 гг. работы тремя отрядами. Южный отряд (рук. М. И. Пикуль) оба сезона вел раскопки на Мугерганском и Шаракунском могильниках. На первом из них, датируемом VIII—VI вв. до н. э., в 1961 г. вскрыто восемь погребений, в 1962 г.— десять. На Шаракунском могильнике в 1961 г. раскопан курган, содержавший 67 погребений. Погребения датируются временем от V в. до н. э. до II в. н. э. В 1962 г. в Шаракуне вскрыто еще 14 погребений. Установлено наличие на площади этого могильника культурного слоя энеолитической эпохи. В 1961 г. М. И. Пикуль провела еще раскопки на Макинском могильнике (VIII—IV вв. до н. э.) и синхронном ему поселении. На поселении раскопаны части жилища из нескольких отделений, с печами и очагами. Приморский отряд (рук. В. Г. Котович) проводил оба года раскопки Урцекских городища и могильника. На городище продолжено изучение цитадели, культового места, начаты работы по исследованию въезда в цитадель и городской периферии. В цитадели вскрыт ряд помещений, участок оборонительной стены. Раскапывался один из участков городского некрополя: расчищены каменные ящики, скопления человеческих костей, склепы, грунтовые погребения, отдельные черепа.

Гинчинский отряд (рук. М. Г. Гаджиев) продолжал раскопки Гинчинского могильника эпохи бронзы. В 1961 г. вскрыто четыре склепа, в одном из которых расчищено более 40 погребений. В 1962 г. раскопано еще шесть склепов, две детские гробницы и пять кувшинных погребений. Установлено, что могильник расположен на месте более древнего поселения. На этом поселении (№ 1) вскрыта часть круглой полуземлянки эпохи энеолита. На Гинчинском поселении № 2 эпохи раннего железа исследованы три помещения. Небольшие работы произведены были также на Гинчинском поселении № 3 эпохи бронзы и раннего железа.

В 1961 г. экспедицией Кабардино-Балкарского НИИ (рук. Г. И. Ионе) были завершены в основном работы на средневековом (рубеж VI—VII—XIII вв.) поселении Лыгыт. Изучена оставшаяся часть бастиона близ грота Кала-Тюбю и часть круглой боевой башни около Гитчи-Битикле (и то и другое датируется VI—X вв.). В храме раскапывалась алтарная часть, а близ него остатки двух помещений, входящих в храмовый комплекс. Недалеко от поселения обнаружены развалины бассейна. На могильнике вскрыто еще 11 погребений раннехристианского типа с аланской керамикой VI—VIII вв. В местности Байрым раскопано 14 погребений XIII—XIV вв. В верховьях р. Этоко открыты три поселения и три могильника эпохи поздней бронзы, раннего железа и аланского времени. При доследовании кургана близ с. Советское открыты погребения II тысячелетия до н. э.

В том же году экспедиция Кабардино-Балкарского университета (рук. В. И. Горемыкина) провела доследование Этокского поселения эпохи бронзы и раннего железа. Близ поселения раскопан курган с пятью погребениями сарматского времени. В окрестностях ст. Зольской, на Соленом кургане открыто два погребения VI—VII вв., обнаружен очаг и материал эпохи бронзы и раннего железа.

В 1961 г. Западно-Сибирская экспедиция ИА АН СССР работала двумя отрядами. Андреевский отряд (рук. С. В. Зотова) проводил раскопки на второй перейме Андреевского озера (Тюменская обл.) — на стоянках эпохи неолита и энеолита. Рядом с энеолитическим поселением раскапывался вновь открытый грунтовой могильник (Второй Перейминский). Вскрыто пять одновременных поселению коллективных могил. Обнаружены также могила карасукского времени и погребение сарматского

---

[32] А. А. Формозов. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 9—16.

[33] В. П. Любин. Неолитические кремневые мастерские в Дигории (Северная Осетия). КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 43—46.

[34] А. П. Рунич. Катакомбные могильники в районе Кисловодска. СА, 1963, 3, стр. 241—244.

времени. Иртышский отряд (рук. В. А. Могильников) проводил раскопочные работы на двух городищах и разведки [35]. В 1962 г. этим отрядом изучались три городища конца I — начала II тысячелетия в Тарском районе Омской обл. Кроме того, раскопано несколько курганов, в одном из которых вскрыто богатое погребение IX—X вв. с удилами, стременами, железным топором, ножом, большим количеством бус, бисера и медных украшений.

Экспедиция Музея истории материальной культуры Томского университета и Омского педагогического института (рук. В. И. Матющенко) производила исследование памятников близ дер. Еловки. В 1961 г. было закончено изучение поселения конца II тысячелетия — VII в. до н. э. В могильнике расчищено в 1961 г. две, а в 1962 г. пять могил карасукского времени. В 1961 г. раскопан один курган в Еловском могильнике. Открыты две могилы карасукского времени и эпохи железа. В 1962 г. здесь раскопано еще четыре кургана. В 1961 г. в Батуринском могильнике раскопан курган без следов костяка, с круглодонным сосудом и двумя бронзовыми кольцами. В устье р. Кинды раскопан средневековый курган. В Воронцовском могильнике вскрыт курган с тремя могилами II тысячелетия. В 1962 г. на Кижировском городище (вторая половина I тысячелетия) вскрыты четыре землянки. В могильнике у дер. Могильники раскопано четыре кургана и грунтовые могилы с погребениями эпохи неолита, бронзы (карасукские) и различных периодов эпохи железа. На Могильницком I поселении вскрыты две землянки середины I тысячелетия. На Могильницком II поселении раскопаны две землянки середины II тысячелетия, в ранних слоях обнаружена неолитическая керамика. В Тарском районе Омской обл. раскопано несколько курганов.

В 1961 г. М. Ф. Косарев (ИА АН СССР и Томский краеведческий музей) произвел раскопки на Десятовском поселении эпохи бронзы [36].

Экспедиция краеведческого музея г. Прокопьевска (рук. М. Г. Елькин) продолжала раскопки курганов в окрестностях дер. Ур-Бедари Гурьевского района Кемеровской обл. В 1961—1962 гг. раскопано три кургана с погребениями IX—X вв. В некоторых могилах открыты конские захоронения.

Экспедиция Новосибирского краеведческого музея и Новосибирского педагогического института (рук. Т. Н. Троицкая) в 1961 г. у с. Красный Яр Новосибирской обл. раскопала пять курганов с погребениями фоминского времени. На поселении Пляж (в с. Красный Яр) обнаружена керамика карасукская, андроновская и второй половины I тысячелетия. На городище Крутоборка II частично раскопана землянка. Работы проведены и на двух городищах у дер. Черный Мыс. Два кургана вскрыты на Каменном Мысу; в одном из них найдена хорезмийская монета VII в. Отряд этой экспедиции (рук. В. А. Дремов) провел разведку по р. Уень и обнаружил 45 различных памятников. В 1962 г. экспедицией раскопано несколько курганов и проведены работы на комплексе памятников — Чучка I, II, VII. На поселении Красный Яр III раскопана землянка конца I тысячелетия. В группе Красный Яр I вскрыт еще один курган. На городище второй половины I и начала II тысячелетия Щелганушка проведены небольшие раскопки. Работы проводились также на городище Черный Мыс II (середина I тысячелетия) и на поселении Черный Мыс IV (найдена карасукская керамика). У с. Умна вскрыто более 20 курганов с погребениями VI—VII вв. На поселении Умна IV найдена неолитическая, карасукская и более поздняя керамика.

Экспедиция Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (рук. А. П. Окладников) в 1961 г. изучала древние писаницы на горе Адырган (Алтайский край). В пункте Адырган I изучено 23 разновременных изображения животных (верблюдов, лошади, оленя, козлов), человеческие и антропоморфные фигуры.

В том же году экспедиция школы № 12 г. Мыски и студентов Кемеровского педагогического института (рук. В. И. Кац) провела разведку с целью учета археологических памятников в долине р. Чумыш. Обследовано 10 курганных групп и отдельных курганов. В могильнике близ с. Кытманово вскрыто восемь могил, большинство которых датируется федоровским этапом андроновской культуры и одно погребение — эпохой неолита.

Красноярская экспедиция ИА АН СССР (рук. М. П. Грязнов) продолжала исследования в зоне затопления Красноярской ГЭС. Палеолитический отряд (рук. З. А. Абрамова) в 1961 г. раскапывал многослойные палеолитические стоянки Забочка и Кипирный Лог и провел разведочные раскопки на стоянке Каменный Лог. В Новоселовском районе открыты еще две палеолитические стоянки. В 1962 г. этот отряд основные работы сосредоточил на раскопках стоянки Кокорево I. Небольшие работы проводились также на палеолитических стоянках Кокорево II, IV, Новоселово, Янова, Аешка, Улазы. Неолитический отряд (рук. Н. Н. Гурина) исследовал многослойную стоянку Бирюса I [37]. В 1961 г. Карасукский отряд (рук. М. Н. Комарова) исследовал памятники эпохи бронзы. Раскапывались два могильника афанасьевской

[35] В. А. Могильников. Работы Иртышского отряда. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 94—97; его же: Новоникольское IV городище. СА, 1964, 1, стр. 242—247.

[36] М. Ф. Косарев. Десятовское поселение. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 82—87.

[37] Н. Н. Гурина. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 88—97.

культуры — Карасук III и Малые Копены. В грунтовом могильнике на р. Карасук раскопаны две могилы андроновской культуры, небольшие работы произведены на стоянке этого же времени в Белоярске. В могильнике карасукской культуры Карасук I раскопано 18 семейных групп могил, содержащих 50 оград. Обнаружено первое в Минусинской котловине поселение карасукской культуры в урочище Каменный Лог. В 1962 г. Карасукский отряд (рук. М. П. Грязнов) основные работы сосредоточил близ селений Батени и Новоселово на левом берегу Енисея и селений Потрошилово и Бузуново на его правом берегу. Всего отрядом в 17 пунктах было исследовано 19 могильников и шесть поселений. Небольшие раскопки производились на двух неолитических поселениях (Ярки и Карасук V), вскрыто энеолитическое погребение близ с. Новоселово. Раскопано пять оград с 11 погребениями афанасьевской культуры (Каменный Лог II, Карасук III и VIII). В пяти пунктах исследовались поселения и могильники андроновской культуры. В трех пунктах раскапывались памятники карасукской культуры (Карасук I, Ярки I, Бузуново). Большое внимание уделялось изучению памятников позднего этапа карасукской культуры. На поселении Каменный Лог I исследована большая землянка, в могильнике Карасук IV вскрыто 18 оград, в могильниках Карасук VI, VIII, Каменный Лог II вскрыто шесть оград. В могильнике подгорновского этапа (VI—V вв. до н. э.) раскопано пять оград. На поселении близ с. Потрошилово найден ряд предметов таштыкской культуры. В 1961 г. Подгорновский отряд (рук. Г. А. Максименков) раскопал 33 кургана. В 1962 г. Курганный отряд (рук. Г. А. Максименков) исследовал девять разновременных памятников в долине р. Черновой. Таштыкский отряд (рук. Е. Ф. Седякина) продолжал работы близ горы Барсучиха. В пункте Барсучиха IV раскопано 11, а в пункте Барсучиха III — четыре могилы таштыкской культуры. Этим же отрядом вскрыто четыре кургана с погребениями VI—V вв. до н. э. в могильнике Барсучиха V. В том же году отряд экспедиции (рук. Л. П. Зяблин) вел раскопки чаа-таса VI—X вв. в Гришкином Логу II. Раскопано три кургана со сложными каменными надмогильными сооружениями и около них 32 малые могилы. В 1962 г. этот отряд раскопал три раннетагарские оградки в Волчьем Логу, курган с 12 афанасьевскими погребениями в могильнике Копены II, 23 ограды карасукского времени в могильнике Копены III, две аналогичные ограды в могильнике Медведка. В 1962 г. Чулымский отряд (рук. Н. Л. Членова) близ ст. Ужур раскопал 16 курганов — пять карасукских и 11 андроновских. Близ этого могильника обнаружена неолитическая стоянка. У дер. Изык-Чуль раскопан тагарский курган VI в. до н. э. При разведках в Балахтинском и Ужурском районах обнаружено восемь тагарских курганных групп и одно поселение позднего железного века. В том же году Саяно-тувинский отряд (рук. А. Д. Грач) проводил работы в зоне водохранилища Саянской ГЭС. Обнаружены памятники различного времени — от эпохи палеолита до XVII—XVIII вв. Осмотрено большое число разновременных могильников. В нескольких пунктах осмотрены петроглифы и обследованы уйгурские города. В могильнике Саглы-Бажи II в четырех курганах доследованы камеры-срубы.

Работа экспедиции Красноярского краеведческого музея (рук. Р. В. Николаев) была сосредоточена на трассе строительства железной дороги Абакан — Тайшет. В 1961 г. на могильнике Минусинск I вскрыто 14 курганов с погребениями первой и второй стадий тагарской культуры и переходного периода от карасукской к тагарской культурам. В двух курганных группах в районе ст. Минусинск раскопано 25 курганов с захоронениями VIII—X вв. В 1962 г. эта экспедиция вела работы у с. Стойба.

Тувинская комплексная экспедиция Института этнографии АН СССР (рук. Л. П. Потапов) проводила археологические работы двумя отрядами. В 1961 г. первый отряд (рук. А. Д. Грач) в Овюрском районе Тувинской АССР раскопал 34 объекта: погребения в камерах-срубах скифского времени, погребения в валунно-плитовых камерах (I тысячелетие до н. э.), погребения эпохи гяньгуньской экспансии, ритуальные памятники, погребения кыргызского времени, погребения XVI—XIX вв. Второй отряд (рук. В. П. Дьяконова) проводил раскопки и разведки в Эрзинском районе. Несколько курганов было раскопано близ пос. Морен в местности Педыг-Хавак. Курганы содержали погребения от скифского времени до XVIII—XIX вв. В могильнике Хондей в 1961 г. начаты и в 1962 г. закончены раскопки кургана, в котором обнаружено погребение XVII—XVIII вв. В 1961 г. при разведках по рекам Эрзин. Сольгджер, Нарын и в долине Хондей обнаружены главным образом каменные курганы пяти типов. В 1962 г. отряд этой экспедиции (рук. С. И. Вайнштейн) продолжал раскопки могильника Кокэль. Раскопано еще 10 курганов и грунтовых могил. За исключением одного погребения в срубе (скифского времени), все остальные захоронения относятся к гуннскому времени.

Я. И. Сунчугашев (от Тувинского НИИЯЛИ) в 1961 г. провел фиксацию выработок в районе пос. Хову-Аксы. Осмотрены открытые выработки, щелевидные и штольни. Результаты работы свидетельствуют о массовой добыче меди в этом районе в эпоху бронзы. В 1962 г. в верховьях р. Бурен обнаружены штольня, восемь отвалов медных шлаков, плавильная яма. В бассейне р. Бай-Сют обследовано около 20 сыродутных горнов — плавильни с двумя ямами-горнами и одиночные ямы-горны. Эти сооружения относятся, по-видимому, к шурмакской культуре (I в. до н. э. — V в. н. э.).

Экспедиция Тувинского НИИЯЛИ (рук. М. Х. Маннай-оол) в 1961 г. проводила работы в Бий-Хемском районе. Раскопано 50 курганов с погребениями афанасьевской культуры. Вскрыты и погребения уюкской культуры, древнетюркские и кыргызского времени. Раскопано также несколько древнетюркских оградок и каменных колец. В 1962 г. экспедиция провела исследования курганов в Каа-Хемском и Дзун-Хемчикском районах.

В 1962 г. А. Н. Липским (Хакасский краеведческий музей) осмотрены наскальные рисунки у устья р. Сосновки Джойской и у впадения р. Джой в Енисей.

В 1962 г. археологическая группа, организованная Управлением культуры Алтайского крайисполкома (рук. А. П. Уманский), проводила работы в Белоглазовском и Шипуновском районах Алтайского края. Исследованы три могилы II—V вв. близ пос. Новосельский, осмотрено семь курганных могильников у сел. Комариха, Эстония, Новосельский, учтен ряд курганных групп в других местностях.

Экспедиция Иркутского университета (рук. П. П. Хороших) проводила исследования на оз. Байкал. В 1961 г. в бухте Песчаной и в соседних с ней районах сделаны находки эпохи неолита, бронзы и курыканского времени (VI—X вв.). В 1962 г. на скале у входа в бухту Ая осмотрены рисунки различного времени. К наиболее древним, вероятно, к VI—II вв. до н. э., относятся глубоко высеченные изображения нерпы, осетра, лося, птиц, стрелков из лука, всадника на олене, антропоморфные фигуры. Вторая группа — рисунки оленей, собак, лошадей, шаманов, высеченные по контуру,— датируется VI—X вв. К древнебурятским относятся слабо высеченные рисунки — фигуры коз, выдры и др. В южной части бухты Ая осмотрена неолитическая стоянка. Две неолитические стоянки, пещера городище курыканского времени осмотрены в бухте Узур. В окрестностях г. Иркутска обнаружено скорченное погребение VII—IX вв.

Ангаро-Илимский отряд этой экспедиции (рук. Г. И. Медведев) продолжал исследования поселения Усть-Белая. В 1961 г. выявлены новые формы мезолитического инвентаря. Кроме того, обнаружены и находки эпохи неолита, бронзы и курыканского времени. В 1962 г. (рук. Г. И. Медведев, М. П. Аксенов, Г. М. Зайцева) обнаружено несколько кострищ, установлена точная стратиграфия мезолитических напластований, найдено неолитическое погребение. На раннемезолитической стоянке Черемушник вскрыты остатки округлой постройки с очагом. При разведках 1961 г. от пос. Илимск на р. Илиме до пос. Невон на Ангаре осмотрен 31 разновременный памятник, 23 из них открыты впервые.

В 1961 г. экспедиция Иркутского университета и Восточно-Сибирского отделения Географического общества (рук. В. В. Свинин) обнаружила семь неолитических стоянок в окрестностях г. Алмазая, десять неолитических стоянок и три поселения курыканского времени на р. Ие между г. Тулуком и с. Бурхун. В местности Икимовка близ с. Иннокентьевского обнаружено два антропоморфных изображения. Впервые на реках Ие, Уде и Куде открыты памятники железного века: поселения, остатки железоплавильного производства, писаницы.

В 1961 г. Ононский отряд (рук. Ю. С. Гришин) Монгольской экспедиции ИА АН СССР продолжал раскопки стоянки эпохи ранней бронзы у с. Будалан (Читинская обл.). Вскрыт ряд сооружений и три плиточные могилы (на территории стоянки). У с. Дурой (на Аргуни) открыта стоянка со своеобразным кремневым инвентарем. При разведках по берегам озер в южной части Агинской степи обнаружено несколько групп плиточных могил и две стоянки.

В том же году экспедиция Якутского филиала СО АН СССР (рук. С. А. Федосеева) проводила исследования в зоне затопления и строительства Вилюйской ГЭС. В неолитическом могильнике на горе Туой-Хая вскрыто четыре погребения, на поселении в местности Мохсоголлох найдены кремневые орудия и отщепы. Небольшие работы проведены на неолитическом поселении на горе Туой-Хая и на стоянках эпохи неолита и бронзы в устье р. Чоны.

Дальневосточная экспедиция ИА АН СССР и СО АН СССР (рук. А. П. Окладников) в 1961 г. проводила работы тремя отрядами. Читинский отряд (рук. В. Е. Ларичев) продолжал раскопки многослойного поселения каменного века на Титовской сопке (окрестности г. Читы). Зейский отряд произвел обследование верховьев р. Зеи в районе будущего водохранилища. В ряде пунктов обнаружены остатки поселений эпохи неолита, бронзы, железа. На Среднем Амуре обследованы поселения неолитического времени, на Урильском острове исследовалось поселение эпохи бронзы. Эпоха железа представлена мохэсскими поселениями, даурскими селищами и городищами и памятниками чжурчженьского времени. Прибрежный отряд (рук. Г. И. Андреев) основные работы проводил на поселении Валентин-перешеек (Приморский край) [38].

В 1962 г. экспедиция СО АН СССР, ИА АН СССР, Благовещенского и Комсомольского педагогических институтов, Хабаровского краеведческого музея (рук. А. П. Окладников) проводила работы в районе городов Благовещенска и Комсомольска. На поселении на оз. Осиновом вскрыто три неолитических жилища. На

---

[38] Г. И. Андреев. Исследования в бухте Валентин. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 98—103.

поселении у дер. Ново-Петровки раскопано жилище эпохи неолита, синхронное жилище открыто и в с. Кондон. На многослойном поселении Сарголь (в с. Кондон) вскрыты остатки четырех жилищ раннего железного века и семи жилищ эпохи неолита.

Экспедиция Дальневосточного филиала СО АН СССР (рук. Ж. В. Андреева) в 1961 г. проводила разведку в Чугуевском и Кавалеровском районах Приморского края. Обследовано около 60 памятников различного времени. В 1962 г. экспедиция вела работы в Ольгинском, Тетюхинском и Тернейском районах. На побережье залива Рында обнаружено пять поселений — два средневековых, а остальные более ранние. На побережье залива Опричник открыто несколько стоянок и одно поселение.

В том же году другой отряд этой экспедиции (рук. Э. В. Шавкунов) продолжал исследование остатков парадной арки на Николаевском городище. Очевидно, это сооружение — остатки храмового комплекса, разрушенного при нападении монголов в 1234 г.

Чукотский отряд Северной экспедиции Института этнографии АН СССР (рук. М. Г. Левин и Д. А. Сергеев) производил работы на побережье Берингова моря. В 1961—1962 гг. велись работы на вновь обнаруженном могильнике у пос. Эквен. В 1961 г. вскрыто 18 погребений, в 1962 г.—38.

Экспедиция Северо-Восточного комплексного института СО АН СССР (рук. Н. Н. Диков) в 1961 г. начала изучение Камчатки. Разведками обнаружены три неолитические стоянки на р. Камчатке, около 50 городищ и поселений более позднего времени — на р. Камчатке и на смежных озерах. Небольшие раскопки в том же году были произведены на городище на р. Николке, на Старой (Школьной) сопочке и в Камаках. В 1962 г. завершены полностью раскопки многослойной стоянки Ушки I (четыре слоя). На стоянке Ушки II также обнаружены четыре культурных слоя. На стоянке в Култухе в 1962 г. раскопана землянка с большим костром в центре и с шестью малыми кострищами вокруг него. В том же году при разведках в низовьях р. Пенжины обнаружены две неолитические стоянки (на Зеленом и Большом Мысах).

В результате археологических исследований на территории РСФСР в 1961—1962 гг. наука обогатилась новыми ценными и интересными сведениями о многочисленных новых, различных по времени и значению памятниках, получила дополнительные важные данные об уже известных объектах.

Н. К. Лисицына

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ПЛЕНУМ ИА АН СССР

С 30 марта по 4 апреля 1964 г. в Москве проходили сессия Отделения истории Академии наук СССР, пленум Института археологии и расширенное заседание Ученого совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященные итогам полевых исследований 1963 г.

В работе сессии приняли участие более 700 представителей научных учреждений АН СССР, академий наук союзных республик, научно-исследовательских институтов автономных республик и областей, высших учебных заведений и музеев СССР. На сессионных, пленарных и секционных заседаниях были прочитаны и обсуждены более 200 докладов и сообщений [1]. В Институтах археологии и этнографии АН СССР были организованы выставки новых археологических и этнографических материалов.

Сессию открыл академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков. Он характеризовал круг общеисторических проблем, решение которых зависит от совместных комплексных исследований археологов, этнографов, антропологов и историков. Е. М. Жуков отметил также важность проведения сессии перед началом VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве.

Доклад Л. П. Потапова «250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого» был посвящен истории музея со дня его основания.

С докладом «Исторические проблемы археологии» выступил директор Института археологии академик Б. А. Рыбаков. В докладе освещалось общее состояние основных проблем советской археологии, новые направления в исследованиях, а также вопросы применения естественных и технических методов для решения историко-археологических проблем.

В докладе Г. Ф. Дебеца «Об изучении физического развития древних народов» был предложен метод изучения на основании анализа скелета, прежде всего — его длинных костей, степени физического развития и направления ее изменений у ряда народностей Евразии.

---

[1] В информации освещается работа археологической части сессии.

Доклад Н. Я. Мерперта «Бронзовый век севера Балканского полуострова в свете работ Болгаро-Советской археологической экспедиции» был посвящен изучению многослойных «жилых холмов» Болгарии, в которых вскрыты мощные напластования культурных слоев эпохи бронзы.

Большой интерес вызвал доклад А. П. Смирнова «Понятие археологической культуры». Докладчик выдвигает положение о необходимости разграничить археологические культуры по характеру их содержания на два основных периода: культуры вплоть до эпохи бронзы и культуры, начиная с железного века. Если для первых возможны прямые соответствия между набором инвентаря, обрядами погребения, этносом и языком, то для последних это соответствие нарушается. Выступавшие по докладу Ю. Н. Захарук, Б. А. Рыбаков, Л. Н. Терентьева, Г. Ф. Дебец отмечали важное значение поставленных А. П. Смирновым вопросов.

Роль охотничьего хозяйства в становлении человеческого общества, в развитии социально-экономических отношений, начиная с эпохи палеолита, была охарактеризована в докладе С. А. Семенова «Закономерности развития охоты в первобытном обществе».

Доклад С. П. Толстова и М. А. Итиной «Могильник Тагискен» развивает на новом материале положение о происхождении скифской культуры. На материале этого могильника можно проследить постепенный переход культуры эпохи поздней бронзы в культуру скифо-сарматских племен. Намечается возможность считать комплекс ранних могил Тагискена «протоскифским». Кроме того, на основе новых раскопок подтверждается связь савроматского и сако-массагетского населения. В курганах V в. до н. э., расположенных в южной части могильника Тагискен, наблюдается большая близость конструкций и погребальных ритуалов с памятниками одного из сарматских племен — роксоланов.

Докладывая о результатах работ Таманской экспедиции, Н. И. Сокольский остановился на исследованиях города Кеп. Основанный переселенцами из Милета во второй четверти VI в. до н. э., этот город существовал до IV в. н. э. В 1963 г. здесь была найдена статуя Афродиты II—I в. до н. э. Раскопки городищ-крепостей Фанталовского полуострова выявили сложную систему оборонительных сооружений, которую можно отождествлять с известным по эпиграфическим данным военно-административным округом Боспорского царства. В конце I — начале II в. н. э. крепости были уничтожены пожаром. Нумизматические данные подтверждают предположение докладчика о том, что в этот период происходили какие-то значительные военные действия, не зафиксированные никакими историческими источниками. Новый расцвет, начавшийся здесь в III в. н. э., завершается гибелью всех городов в середине IV в., очевидно, от нашествия гуннов.

А. И. Тереножкин в докладе «Общественный строй у скифов» рассмотрел сложную и нерешенную до сих пор проблему об общественных отношениях в Скифии VII—III вв. до н. э. Выясняется, что социально-экономический строй Скифии определяется не племенем, родом, патриархальной семейной общиной, а малой семьей, что порождало глубокую имущественную дифференциацию. В то же время родоплеменная структура сохраняет у скифов, как и у других кочевых народов, большое значение в качестве готовой формы военной организации общества. Рабство имело большое значение в хозяйственной жизни скифов. По своему устройству скифское государство напоминает более всего фракийское государство одрисов.

В докладе Д. Б. Шелова «Итоги археологического исследования Танаиса» была нарисована яркая картина жизни Танаиса на всем протяжении его существования, от III в. до н. э. и до конца IV в. н. э.

В. И. Цалкин в докладе «Хозяйство лесостепных племен раннего железного века в свете остеологических данных» подвел итоги изучения костного материала из археологических памятников лесостепных племен Европейской части СССР. Рассмотрены в основном материалы скифской и черняховской культур. Лишь у наиболее северных племен преобладала охота, тогда как у более южных было распространено животноводство.

В докладе М. П. Грязнова «Археологические раскопки на Енисее» были обобщены результаты работ Красноярской экспедиции в 1963 г. Наряду с изучением памятников палеолита, большим достижением было открытие второго на Енисее неолитического погребения. Раскопки афанасьевских могильников дали много нового для изучения конструкций погребальных сооружений и характеристики культуры в целом. Благодаря полным раскопкам могильника Черновая VIII стало возможно выделить из числа других культур раннебронзового века на Енисее — особую, окуневскую культуру со специфическим инвентарем и обрядом захоронения. Значительный материал получен при раскопках андроновских, карасукских и тагарских могильников.

Вопросы древнейшей этнической истории Европы нашли отражение в докладе Д. Я. Телегина «Об этнической принадлежности днепро-донецкой культуры». Докладчик включает эту культуру эпохи неолита и энеолита в круг культур, принадлежащих балто-славянской группе.

В докладе «Семантика трипольского орнамента» Б. А. Рыбаков, опираясь на связь между земледельческими культурами и крашеной керамикой, на древнейшие космогонические представления, зафиксированные архаичными слоями индоевропей-

ского фольклора, рассмотрел основные схемы трипольской орнаментации в их связи с идеологией, бытом, аграрной экономикой и культами древнейших земледельцев.

С. Н. Бибиков в докладе «Новые исследования трипольской культуры в Среднем Поднепровье» предложил опыт реконструкции экономики земледельческо-скотоводческого населения этапа «Триполье В». На основании анализа плотности заселения отдельных одновременно существующих поселков, докладчик устанавливает для Среднего Поднепровья примерную общую численность населения в 7500 человек. Докладчик приходит к убеждению о наличии у трипольцев пашенного земледелия и развитого скотоводства с зимне-весенним стойловым содержанием скота. Отсюда появляется возможность для выяснения норм потребления земледельческих и скотоводческих продуктов, определения размеров посевных площадей и ряда других экономических вопросов, пути для разрешения которых докладчик лишь еще наметил.

Доклад Д. А. Крайнова «Итоги работы Верхневолжской экспедиции и некоторые спорные вопросы древнейшей истории Верхнего Поволжья» показал, что заселение человеком территории Верхнего Поволжья произошло в позднем плейстоцене. Многое сделано для разработки и уточнения хронологической колонки верхневолжского мезолита. В сложной системе напластований, относящихся к неолитическому и энеолитическому времени, а также к эпохе бронзы, в настоящее время намечается основа для построения периодизации и выявления узловых моментов этнической и культурной истории большого массива племен, населявших Верхнее Поволжье в древности.

На заключительном заседании сессии ОИН АН СССР были сделаны три доклада. Б. Б. Пиотровский доложил об итогах 25-летних исследований урартской крепости Тейшебаини, являвшейся в течение VII — начале VI в. до н. э. основным центром Урарту в Закавказье.

В свете новейших исследований А. М. Беленицкий осветил в своем докладе важные вопросы топографии и социально-экономической структуры раннефеодального города Средней Азии.

М. М. Герасимов в докладе «Новые документальные портреты исторических лиц» сообщил о реконструкции облика Ивана Грозного.

На заседаниях секций палеолита, неолита, энеолита и бронзового века, раннего железа, античной археологии, славяно-русской археологии, нумизматики, археологии и этнографии Средней Азии и Кавказа было зачитано и обсуждено около 150 докладов.

Секция палеолита. А. Н. Рогачев (Ленинград) в докладе «Основные вопросы хронологии палеолита Русской равнины», опираясь на новые геологические и археологические данные, предложил свою систему построения относительной хронологии памятников. О. Н. Бадер и В. И. Громов (Москва) сделали информацию о Международном симпозиуме по палеолиту, проходившем в Москве в сентябре 1963 года. И. Г. Шовкопляс (Киев) доложил о результатах раскопок на Радомышльской стоянке. Полностью раскопанный пункт Радомышль I относится к начальной поре позднего палеолита. Доклад В. И. Бибиковой (Киев), прочитанный П. И. Борисковским, был посвящен выяснению происхождения мезинского орнамента. Докладчик объясняет его возникновение тем, что первоначально с помощью резьбы лишь подчеркивали структуру бивней мамонтов, служивших материалом для художественных поделок.

В докладе А. П. Черныша (Львов) была предложена номенклатура позднепалеолитических орудий, на базе которой, по мнению докладчика, может широко внедряться в исследование вопросов хронологии статистический метод. Обсуждение доклада показало, что предлагаемая номенклатура является лишь предварительным опытом, нуждающемся в разработке и уточнениях.

Доклад В. Д. Будько (Минск) был посвящен раскопкам Елисеевической верхнепалеолитической стоянки, где вскрыто несколько небольших жилых комплексов. О новых раскопках в Ахштырской пещере (в Крыму) доложила Е. А. Векилова (Ленинград). А. А. Зубов (Москва) на основании находки человеческого зуба в нижних слоях Ахштырской пещеры уточнил данные о физическом типе позднемустьерского населения. В. П. Любин (Ленинград) доложил о нижнепалеолитических находках, сделанных Нубийской экспедицией в 1962—1963 гг. Результатам раскопок палеолитических стоянок под Красноярском был посвящен доклад З. А. Абрамовой (Ленинград). Д. Н. Лев (Самарканд) доложил о продолжении раскопок на Самаркандской стоянке. Н. Д. Праслов (Ленинград) сообщил о новых раскопках в Приазовье. М. Р. Касимов (Ташкент) доложил о новых исследованиях среднепалеолитических мастерских Бухарского оазиса, Ф. М. Заверняев (Брянск) сообщил о новых исследованиях верхнепалеолитического местонахождения Хотылево.

Проблемам археологии Вьетнама был посвящен обобщающий доклад П. И. Борисковского (Ленинград). Докладчик провел статистическую обработку подъемного материала, обнаруженного на горе До. Комплекс базальтовых изделий из этого местонахождения может быть признан единым, древнепалеолитическим.

На секции обсуждался доклад С. А. Семенова «Закономерности развития охоты в первобытном обществе». Выступавшие в прениях А. Н. Рогачев, Б. Ф. Поршнев, В. П. Любин и другие отмечали необходимость более широкого привлечения биологических данных.

Секция неолита. Доклад Г. А. Панкрушева (Петрозаводск), прочитанный Ю. А. Савватеевым, был посвящен описанию нового неолитического могильника на берегу Онежского озера. О новых группах наскальных изображений, обнаруженных при исследовании стоянки Залавруга, доложил Ю. А. Савватеев (Петрозаводск). О петрографическом изучении кремневых орудий со стоянок Карелии сообщил А. В. Анпилогов (Петрозаводск). А. А. Куратов (Архангельск) доложил о разведках, проводившихся Архангельским краеведческим музеем. В докладе П. П. Хороших (Иркутск) «Следы неолитической культуры в пещерах Байкала» рассмотрены случаи обнаружения в пещерных отложениях следов поздненеолитической культуры. В докладе Г. И. Андреева, Ю. М. Фомина, П. П. Пашкина (Москва) говорилось о новых памятниках неолита, обнаруженных на Подкаменной Тунгуске и ее притоках. В. А. Голубев (Южно-Сахалинск) доложил о разведках на островах Курильской гряды. Н. Н. Гурина (Ленинград) сделала доклад «Шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии». Исследовано около 60 шахт и кремневых мастерских, относящихся, вероятно, к концу неолита и началу эпохи бронзы. А. М. Микляев (Ленинград) доложил о работах на неолитическом поселении Удвяты I (Псковская область). И. А. Лозе и Ф. А. Загорский (Рига) доложили о новых неолитических памятниках Лубанской низменности (Латвийская ССР). Доклад Г. Ф. Коробковой (Ленинград) был посвящен функциональному определению орудий труда джейтунской культуры (Туркмения). В докладе В. М. Раушенбах (Москва) «Раскопки поселения Чащиха» рассмотрен новый памятник, расположенный на берегу Горбуновского озера. Т. Д. Белановская (Ленинград) доложила о раскопках неолитического поселения Ракушечный Яр у ст. Разоренной Ростовской области. И. К. Цветкова (Москва) сделала доклад «Неолитическое поселение и могильник в местности Черная Гора Рязанской области».

Секция энеолита и бронзы. В докладе Т. С. Пассек и Е. К. Черныш (Москва) «Работы Молдавской экспедиции в 1963 году» наиболее подробно рассматривались поселения, содержащие слои культуры Гумельница. О классификации керамики культуры Гумельница из поселения у г. Болград доложила Е. В. Бесфамильная (Одесса). И. Т. Черняков (Одесса) сообщил о раскопках слоя поздней бронзы на том же поселении. О раскопках на поселении Новые Русешты I доложил В. И. Маркевич (Кишинев). Здесь вскрыты слои, относящиеся к неолиту, раннему триполью и триполью А—BI. Доклад С. С. Березанской (Киев) «Тшинецкая культура на Украине» был посвящен общей характеристике этой культуры. О кладе бронзовых мечей из деревни Негрово (Закарпатье), относящихся к IX—VII в. до н. э., доложил С. И. Пеняк (Ужгород). Доклад Б. А. Латынина (Ленинград) «Некоторые вопросы изучения древнего скотоводства» касался изучения животноводства на материалах памятников энеолита и ранней бронзы. О. С. Гадзяцкая (Москва) сообщила о новых раскопках неолитических стоянок Сахтыш I и II и фатьяновских могильников на Верхней Волге. И. В. Синицын (Саратов) сделал доклад о новых памятниках катакомбной культуры близ г. Элисты (Калмыкская АО). Выясняется, что катакомбная культура существовала в степях северо-западного Прикаспия с конца III тысячелетия и на протяжении всего II тысячелетия до н. э.

С. Н. Братченко (Ростов-на-Дону) доложил о раскопках многослойного поселения эпохи бронзы Ливенцовка I. Доклад «Периодизация и хронология памятников древнеямной эпохи в лесостепной части бассейна Северского Донца» сделал Е. В. Пузаков (Харьков). Т. Б. Попова (Москва) доложила о поздняковских могильниках в районе г. Мурома. Доклад И. И. Артеменко (Москва) был посвящен исследованию поздненеолитической стоянки и могильника среднеднепровской культуры в урочище Стрелица Гомельской области. В докладе А. М. Лескова сообщено о памятниках эпохи бронзы на Херсонщине.

Доклад В. В. Бобина и А. А. Щепинского (Симферополь) был посвящен исследованию трепанированных черепов из могильников эпохи бронзы, К. В. Сальников (Уфа) доложил о новых памятниках эпохи бронзы, исследованных в Башкирии.

А. Н. Липский (Абакан) доложил о раскопках новых карасукских могил на р. Абакане. М. Г. Елькин (Прокопьевск) доложил о раскопках андроновского могильника на р. Ур в Кемеровской области. В докладе Я. А. Шера (Ленинград), помимо описания раскопок разновременных памятников, производившихся на правом берегу Енисея, в зоне затопления Красноярской ГЭС, была рассмотрена методика копирования наскальных изображений с помощью пластиковых матриц. Г. М. Зайцева (Иркутск) сделала доклад «Новые материалы по культуре таежной бронзы». В докладе Г. А. Максименкова (Ленинград) основное внимание было уделено могильнику Черновая VIII. Этот памятник дал значительный материал для характеристики специфического комплекса. В прениях широко обсуждался вопрос о возможности применения к этому комплексу названия «окуневская культура», а также о месте памятников этого типа в хронологической шкале культур Минусинской котловины. Кроме того, Г. А. Максименков сообщил о раскопках нового андроновского могильника у Сухого озера. С. Рахимов (Ленинград) доложил о новых раскопках андроновских могильников; А. А. Гаврилова (Ленинград) — о раскопках карасукских памятников Минусинской котловины. В докладе Я. И. Сунчугашева (Москва) подведены итоги изучения древних рудных копей Тувы. А. П. Уманский (Барнаул) доложил о новых раскопках андроновского могильника на р. Чумыш (Алтай),

Секция раннего железного века. В докладе П. Д. Либерова (Москва) «Гелоны и будины на Среднем Дону» приводится большой археологический материал, относящийся к скифскому времени и эпохе бронзы. Докладчику удалось отождествить культуру скифского времени, распространенную на Среднем Дону, с культурой племен гелонов и будинов. Многочисленные памятники эпохи бронзы с той же территории проливают яркий свет на вопросы происхождения скифской культуры Среднего Подонья. В. А. Ильинская (Киев) сделала доклад «Северный ареал Скифии в Поднепровье». Доклады П. Д. Либерова и В. А. Ильинской, а также А. И. Тереножкина широко обсуждались (выступления Б. А. Шрамко, А. И. Мелюковой, П. Н. Шульца, А. П. Смирнова и др.). Особенно разноречивые взгляды высказывались по вопросу о времени образования скифского государства и его устройстве.

В докладе И. К. Свешникова (Львов) «О символике вещей Михалковских кладов» (Западная Подолия) рассмотрена семантика изображений на культовых предметах VII в. до н. э. (золотые диадемы, браслеты, гривны, фибулы, навершия кинжалов и др.). Б. А. Шрамко (Харьков) доложил об итогах раскопок скифского Люботинского городища (VI—III вв. до н. э.) в Харьковской области. Об исследованиях могильника VIII—VII вв. до н. э. у села Красногвардейского в Прикубанье доложил Н. В. Анфимов (Краснодар). О раскопках могильника у с. Заветное (I—III вв. н. э.) доложила Н. А. Богданова (Бахчисарай). И. С. Винокур и Л. В. Вакуменко (Каменец-Подольский) сообщили о раскопках Киселевского могильника первой половины I тысячелетия до н. э. (Черновицкая обл.). Доклад П. Н. Шульца (Симферополь) «О рельефах и антропоморфных стелах сарматского круга» вызвал оживленное обсуждение. Е. А. Хамзина (Улан-Удэ) сделала доклад о Телятниковском могильнике позднего железного века на р. Баргузин. А. Д. Грач (Ленинград) доложил о раскопках могильников Туран I и II в Туве. М. Н. Пшеницына (Ленинград) доложила о раскопках двух курганов тагарской культуры. Т. И. Троицкая (Новосибирск) рассказала о работах на севере Новосибирской области, где исследованы памятники от неолита до позднего железного века. Большие работы на Иволгинском могильнике (Забайкалье) освещались в докладе А. В. Давыдовой (Улан-Удэ). Исследовано 120 гуннских могил, которые по обряду захоронения могут быть разделены на две группы. А. П. Уманский (Барнаул) доложил о находке погребений середины I тысячелетия н. э. на р. Чарыш (Алтай). А. Х. Пшеничнюк (Уфа) сообщил о Биктимировском могильнике III—II вв. до н. э. в Башкирии. А. И. Рассадович (Нижний Тагил) сделала доклад «К вопросу о древней металлургии Тагильского края». Об изучении курганных погребений первых веков нашей эры у с. Андреевки Мордовской АССР доложил П. Д. Степанов (Саратов). Большой интерес представлял доклад В. Е. Стоянова (Свердловск) «О периодизации зауральских поселений эпохи раннего железа».

Секция античной археологии. Л. М. Славин (Киев) доложил о новых раскопках юго-западного угла Ольвийской агоры. Здесь вскрыт ряд домов, относящихся к IV—II вв. до н. э. В южном квартале раскапывался жилой дом III—II вв. до н. э., под которым обнаружено святилище IV в. до н. э. с мраморным изображением богини. О раскопках в северо-восточной и южной частях агоры доложил А. Н. Карасев (Ленинград). Вскрыты торговые помещения, относящиеся к VI—II вв. до н. э. Продолжалось исследование большого общественного здания III в. до н. э., оформлявшего вход на агору. О новых надписях, обнаруженных при последних раскопках Ольвии, доложила Е. И. Леви (Ленинград). Найдены обломки декрета в честь жителя Синопы. Эта надпись является древнейшей проксенией Северного Причерноморья. О раскопках в XXV квартале Херсонеса доложил Г. Д. Белов (Ленинград). Здесь вскрыты памятники различного назначения, относящиеся к эллинистическому и более позднему времени. А. Н. Карасев доложил о продолжении охранных раскопок на городище у санатория «Чайка» под Евпаторией, где находилась крупная торговая фактория (IV—II вв. до н. э.). О раскопках городища Беляус (в 40 *км* к северо-западу от Евпатории) доложила О. Д. Дашевская (Москва). Городище было вначале греческим укреплением, возникшим на рубеже IV—III вв. до н. э. М. М. Михельбертас (Вильнюс) сделал доклад «Торговые связи жителей территории Литвы с римской империей в I—IV в. н. э.». О раскопках городища I в. до н. э.— III в. н. э. у с. Михайловки (Керченский полуостров) сообщил Б. Г. Петерс (Москва). О раскопках некрополя Кеп в 1963 г. доложила Н. П. Сорокина (Москва). Е. Г. Кастанаян (Ленинград) сообщила, что в Мирмекии были исследованы постройки V—IV вв. до н. э. Вскрыты крупные зольники, которые можно связывать с известными в Греции зольными алтарями, посвященными женским божествам. Доклад о раскопках в Пантикапее сделала И. Д. Марченко (Москва). О новых раскопках в Армавире и находках в Гарни доложил Б. Н. Аракелян (Ереван). П. Ф. Закарая и В. А. Лекванадзе (Тбилиси) доложили о раскопках на вилле в Шухути (Колхида), где вскрыта баня с мозаикой (IV в. н. э.) О свинцовых разновесках из Вана доложил О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси). Доклад Ю. С. Крушкол (Москва) был посвящен раскопкам курганов на хуторе Рассвет (Анапский район).

Секция славяно-русской археологии. И. П. Русанова (Москва) в докладе «Ранние поселения у села Корчак» рассмотрела район, густо заселенный раннеславянским населением в VI—VII вв. Здесь, в зоне затопления Житомирской ГЭС, вскрыто большое количество поселений с полуземлянками. Ю. А. Липкин

(Курск) доложил о памятниках середины I тысячелетия до н. э. в районе Суджанских кладов. И. А. Рафалович (Кишинев) сообщил о раскопках одного из наиболее ранних славянских селищ Молдавии — Хуга (VI—VII вв.). О раскопках средневековых памятников у с. Верхний Салтов доложил Д. Т. Березовец (Киев). О раскопках Маяцкого городища на Северском Донце сообщил В. К. Михеев (Харьков). Г. Ф. Чеботаренко (Кишинев) сделал доклад «Балкано-Дунайская культура и ее ареал». А. Н. Москаленко (Воронеж) докладывала об укреплениях на поселениях боршевской культуры. Были прочитаны доклады об археологических исследованиях Пскова (В. Д. Белецкий, Ленинград), о находке каменного изваяния в Стовчаны (И. П. Винокур), о древнерусских городищах XI в. на Днепре (В. И. Довженок, Киев). Об антропологических материалах XI—XIII вв. из различных городов древней Руси доложила Т. И. Алексеева (Москва). Доклад П. П. Толочко (Киев) «Об исторической топографии Киева до X в.» вызвал решительные возражения. М. К. Каргер (Ленинград) в докладе «Новый памятник зодчества XII в. в Турове» рассмотрел историю археологического изучения города и охарактеризовал вновь открытый храм. Об исследованиях в Архангельском соборе Нижегородского кремля доложил С. Л. Агафонов (Горький). Раскопкам храма XII в. в Смоленске был посвящен доклад Н. Н. Воронина (Москва). О методике снятия стенных росписей в этом храме рассказала Е. Г. Шейнина (Ленинград).

А. Л. Якобсон (Ленинград) предложил реконструкцию социального строя сельских поселений средневекового Крыма. М. С. Великанова (Москва) доложила о результатах палеоантропологического изучения населения Прутско-Днестровского междуречья. Доклад Л. А. Голубевой (Москва) был посвящен древнейшему поселению веси на Белом озере (середина X — начало XI в.). О раскопках Леясбитенского могильника, принадлежавшего общине латгалов, доложил В. А. Уртан (Рига). О памятниках начала II тысячелетия н. э. на западно-эстонских островах Саарема и Муху докладывал А. Э. Кустин (Таллин). В. В. Даугудис (Вильнюс) доложил о находке клада XII—XIV вв. в местности Сталкинщекес (Литовская ССР). Я. Я. Граудонис (Рига) сделал доклад об изучении феодальных замков Латвийской ССР. И. С. Вайнер (Казань) доложил о вооружении и экипировке золотоордынских воинов.

Секция археологии и этнографии Средней Азии. В докладе Г. А. Пугаченковой (Ташкент) «Халчаян» подведены итоги исследований этого великолепного памятника, давшего образцы бактрийско-тохаристанской фортификации, архитектуры и скульптуры IV в. н. э. Доклад Б. Я. Стависского (Ленинград) был посвящен результатам исследования единственного в СССР пещерного буддийского монастыря на холме Кара-Тепе в Старом Термезе (I—III вв. н. э.). В докладе Н. В. Дьяконовой и О. И. Смирновой (Ленинград) «К вопросу о культе Анахиты в Согде» установлен иконографический облик и формы культа этого божества. Н. Г. Горбунова (Ленинград) доложила о раскопках ферганских поселений, датирующихся по керамике преимущественно II—V вв. н. э. З. И. Усманова (Ташкент) доложила о раскопках фортификационных сооружений Эрк-Калы (Старый Мерв). Выявлены мощные оборонительные сооружения сасанидского времени (III—IV и V—VII вв.). Н. Н. Негматов (Душанбе) в докладе «Комплекс Чил-Духтарон как историко-культурный памятник» дал оценку этого сложного ансамбля и выявил в нем следы борьбы местной культуры с распространяющейся идеологией ислама. П. Н. Кожемяко (Фрунзе) доложил о раскопках на Краснореченском городище в Киргизской ССР. Ю. Ф. Буряков (Ташкент) в докладе «Города Илака» проверил данные по датировке (VI—XIII вв.) и топографии древних городов восточных районов Мавераннахра. К. А. Акишев (Алма-Ата) доложил о больших работах на поселении и могильниках I—V вв. Актасты. М. К. Кадырбаев (Алма-Ата) в докладе «Памятники Центрального Казахстана сакского времени» дал обобщающую характеристику тасмолинской культуры VII—III вв. до н. э. О продолжении работ на одном из древнейших сакских могильников (Уйгарак) доложила О. А. Вишневская (Москва). Доклад Т. А. Трофимовой (Москва) «Ранние саки Приаралья» посвящен исследованию большой серии краниологического материала VII—V вв. до н. э. из могильников Тагискен и Уйгарак. О раскопках курганного комплекса III—V вв. Чаш-Тепе в Северной Туркмении доложил Ю. А. Раппопорт (Москва). С. С. Сорокин (Ленинград) сообщил о раскопках Катонского могильника (II—I вв. до н. э.). В докладе И. К. Кожембердыева (Фрунзе) освещены результаты исследования памятников от эпохи бронзы до позднего железного века в долине Кетмень-Тюбе в Киргизской ССР. Изучению расписной керамики Средней Азии на материалах из Чуйской долины (III—I вв. до н. э.) посвятила доклад А. К. Абетекова (Ленинград). Доклад Ю. А. Заднепровского (Ленинград) «Основные этапы освоения Центральной Ферганы» содержал периодизацию культур Ферганы. Об изучении памятника джейтунской культуры Чагыллы-Тепе (Туркмения) доложил О. Бердыев (Ашхабад). А. Р. Мухамеджанов и У. Исламов (Ташкент) в своих докладах рассмотрели новые памятники эпохи неолита и бронзы в Бухарском оазисе.

Секция археологии и этнографии Кавказа. В докладе М. А. Кашкай и И. Р. Селимханова (Баку) «Олово в археологии Закавказья» рассматривается вопрос о начале применения и источниках оловянной руды на Кавказе. Выступавшие по докладу (Е. Н. Черных, Б. А. Гарданов) отметили, что проникновение олова на Кавказ, очевидно, шло с юга. В докладе Ш. Д. Инал-Ипа (Сухуми) собраны сведения по

истории мореходства в Абхазии в последние века до н. э. В. А. Кузнецов (Москва) в своем докладе выделил на Северном Кавказе по архитектурно-стилистическим особенностям три основные локальные группы памятников церковного зодчества. Выявляются зоны распространения грузинского и византийского влияния, а также памятники самобытного зодчества кавказских народов. Т. А. Бунятов (Баку) сделал доклад на тему «Формы скотоводства в древнем Азербайджане». В. П. Алексеев (Москва) доложил о двух группах населения южного берега Севана в эпоху поздней бронзы и раннего железа на основании новых антропологических данных. В. И. Марковин (Москва) в докладе «Сердолик — камень счастья» выяснил значение находок сердоликовых украшений в погребениях. Доклад М. Г. Гаджиева (Махачкала) был посвящен характеристике древнейшего оседло-земледельческого поселения в горном Дагестане (Советский район). Здесь найден небольшой комплекс крашеной керамики. По-видимому, это поселение относится к более раннему времени, чем памятники так называемого куро-аракского энеолита. Раскопкам вновь открытого могильника середины II тысячелетия до н. э. в Юго-Осетии был посвящен доклад Б. В. Техова (Цхинвали). Г. А. Джидди (Баку) сделал обзор исследований в Иранском Азербайджане в 1947—1960 гг., проводившихся археологами различных стран. Охарактеризованы памятники от III тысячелетия до н. э. по I тысячелетие н. э. Новые данные о применении сферо-конических сосудов сообщил Л. Г. Гюзальян (Ленинград). Об археологических исследованиях в Кутаиси и его окрестностях доложил О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси). Д. А. Халилов (Баку) сделал доклад о раскопках городища античного времени в Хыныслах (АзербССР).

Секция нумизматики. Ю. С. Крушкол (Москва) доложила о кладе бронзовых монет, найденных в 1963 г. у поселка Сукко. Сохранившаяся часть клада состоит из 91 монеты, чеканенных Калигулой, Тиберием, Митридатом VII и др. Д. Г. Капанадзе (Тбилиси) сообщил о новых монетных поступлениях Государственного Музея истории Грузии. И. В. Соколова (Ленинград), докладывая о херсонесских монетах с монограммой, отметила, что они отсутствуют в монетных кладах X в. Их следует датировать XII—XIII вв. Н. И. Волчкова (Мелитополь) рассказала о монетных кладах Мелитопольского музея. Доклад В. Н. Рябцевич (Минск) был посвящен исследованию денежного обращения в XIV—XV вв. на территории западнорусских земель и Литвы. Н. А. Соболева (Москва) доложила о монетах Ольгердовичей, чеканенных в Киевском княжестве. А. С. Мельникова (Москва) на основании исследования архивных материалов предложила описание нового денежного двора в Москве (1654—1663), И. Г. Спасский (Ленинград) в докладе «Необычный нумизматический памятник» рассмотрел икону из монастыря в г. Нежине, на которой имеются изображения монет. По изображениям западно-европейских монет можно датировать икону 1700—1710 гг. С. А. Янина (Москва) сделала доклад «К истории так называемой династии Кунгратских „Суфи“». Об организации производства и технике чеканки монет Бухарского ханства в середине XVIII — начале XX вв. доложила Р. Бурнашева (Ташкент). А. Б. Булатов (Казань) докладывал о чтениях некоторых надписей на монетах Золотой Орды начала XIV в. и о золотых динарах Патанских султанов Индии, найденных на территории Булгарского царства.

П. М. Кожин

ПЯТАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ В ОДЕССЕ

С 15 по 18 апреля 1964 г. в г. Одессе состоялась V объединенная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в 1963 г. Сессия организована историческим факультетом Одесского государственного ун-та им. И. И. Мечникова, правлением Одесского археологического общества и Одесским государственным археологическим музеем. Проведение сессии было приурочено к всенародному празднику — 20-летию освобождения города-героя Одессы от немецко-фашистских захватчиков. К этому же времени была произведена реэкспозиция Одесского государственного археологического музея. Новая экспозиция музея с еще большей полнотой освещает древнюю историю Северного Причерноморья. В нее включены и материалы последнего сезона полевых работ, что позволяет посетителям знакомиться с новейшими достижениями советской археологии. В витринах показаны каменные орудия эпохи верхнего палеолита из раскопок музея, проведенных под руководством П. И. Борисковского. Экспонированы впервые найденные на территории СССР памятники культуры Гумельница — древних земледельцев Нижнего Подунавья, полученные в результате раскопок под руководством Т. С. Пассек. В музее демонстрируется крупнейший для Северного Причерноморья клад эпохи поздней бронзы, найденный в 1962 г. экспедицией под руководством Э. А. Сымоновича. Выставлены в музее и богатые материалы античного времени из разных областей Северного Причерноморья, в том числе из Крыма, где музей

принимал участие в работах экспедиций и отрядов ИА АН СССР, руководимых В. Ф. Гайдукевичем и О. Д. Дашевской.

Доступны для обозрения посетителей новые материалы раскопок из Роксоланского городища, Орловки, Белгород-Днестровского (древнего города Тиры), исследованного совместно одесскими и киевскими археологами. Эти материалы знакомят с малоизученными в археологическом отношении районами. В экспозиции музея большое внимание уделено славянской тематике. Так, в экспозицию музея включены богатые материалы из памятников черняховского типа, в изучении которых одесские археологи занимают заметное место. Еще до Великой Отечественной войны ими начаты исследования поселений этого типа возле с. Киселова под Одессой (раскопки К. А. Раевского). В послевоенные годы М. Ф. Болтенко велись исследования у с. Викторовки на Сасицком лимане. Славянские памятники эпохи Киевской Руси систематически изучаются объединенными усилиями музея, ИА АН СССР и Института истории Молдавской АН на территории Молдавии под руководством Г. Б. Федорова. Находки с раскопанных поселений и городищ существенно дополнили разделы музейной выставки, посвященные той эпохе, когда, по словам летописи, в Поднестровье и Поднепровье «оли до моря» жили славянские племена уличей и тиверцев.

На сессии были отражены новейшие достижения археологов, работающих в Северном Причерноморье. В работе сессии приняли активное участие археологи Одессы, Москвы, Ленинграда, Киева, Херсона, Николаева, Керчи и других городов.

Общие итоги деятельности одесских исследователей были подведены в совместном докладе М. С. Синицына и А. Г. Сальникова (Одесса) «Итоги археологических исследований ОГУ и ОГАМ за 1945—1963 гг.». О результатах археологических работ Херсонского областного исторического музея за 10 лет сообщил И. Д. Ратнер (Херсон) в докладе «Послевоенные полевые археологические исследования Херсонского музея». Древнейшим периодам истории человечества были посвящены доклады В. И. Станко (Одесса) «Археологические исследования мезолитической стоянки Гиржево» и Л. Г. Мацкевого (Керчь) «Археологические разведки в Херсонской области 1961—1962 гг.». Находки на поселении древнейших земледельческих племен культуры Гумельницы нашли отражение в докладе Е. В. Бесфамильной (Одесса) «Опыт классификации керамики из энеолитического слоя поселения у г. Болграда». Об интересной находке каменной стелы эпохи бронзы доложил В. И. Никитин (Николаев) в сообщении «Охранные раскопки кургана у с. Гороховки Николаевской области». Эпоха раннего железа в Причерноморье была освещена в докладах: П. И. Карышковского (Одесса) «Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным»; Н. М. Андруниной, М. С. Синицына, А. Г. Сальникова (Одесса) «Раскопки на городище у с. Роксоланы 1962—1963 гг.»; Е. В. Черненко (Киев) «О панцирном чешуйчатом доспехе у скифов»; Г. А. Дзис-Райко (Одесса) «Раскопки городища у с. Надлиманское»; Г. Д. Бондарь, И. Д. Головко, А. Г. Загинайло (Одесса) «Археологические исследования у с. Орловки»; В. Ф. Гайдукевича (Ленинград) «Раскопки эсхары в Мирмекии». И. Б. Клейманом был прочитан доклад А. И. Фурманской (Киев) «Раскопки Тиры в 1963 г.». Н. П. Сорокина (Москва) посвятила свой доклад классификации стеклянных сосудов из раскопок античных городов и могильников Северного Причерноморья. Материалам I тысячелетия н. э. были посвящены доклады Э. А. Сымоновича (Москва) «К вопросу о проникновении населения черняховской культуры в Причерноморье» и А. А. Кравченко (Одесса) «Славянские памятники Подунавья». О разведках в Одесской области сообщили в своих докладах И. Т. Черняков (Одесса) «Археологические разведки в междуречье Дуная и Днестра в 1963 г.» и Н. М. Шмаглий (Киев) «Археологические разведки в зоне строительства Придунайской оросительной системы в 1963 г.». О работе юных краеведов болградской школы № 2 сообщил Л. В. Субботин (Болград).

В резолюции сессии признана необходимость издания прочитанных докладов. В этой связи следует остановиться на издательской деятельности одесского коллектива археологов, которая далеко не полно была уже отмечена в печати[1]. В обзорной заметке не место разбирать все достоинства и недостатки вышедших из печати книг со статьями по археологии, нумизматике, эпиграфике, истории науки и пр. Однако достаточно привести перечень изданных в Одессе в послевоенные годы книг, появившихся главным образом после 1953 г., чтобы оценить большую работу местных научных сотрудников по сбору, подготовке и редактированию археологической литературы. За послевоенные годы вышли четыре выпуска «Материалов по археологии Северного Причерноморья» каждый объемом до 20 п. л. Опубликованы два выпуска «Кратких сообщений о полевых археологических исследованиях ОГУ и ОГАМ» в 1961 и 1963 гг. общим объемом около 20 п. л. Третий выпуск «Кратких сообщений» опубликован недавно. Изданы научно-популярные брошюры (П. И. Борисковский, В. И. Красковский «Памятники древнейшей человеческой культуры Северо-западного Причерноморья», Одесса, 1961 г.; Д. Б. Шелов «Древний город

[1] См. рецензию Н. И. Сокольского на первые три выпуска «Материалов по археологии Северного Причерноморья», СА, 1961, № 2, стр. 275—282.

Танаис», Одесса, 1962 г.). Кроме того, вышли из печати краткие путеводители по музею.

Особо следует отметить деятельность возобновленного Одесского археологического общества, уже издавшего в 1960 г. I том (34) «Записок Одесского археологического общества». Собран и подготовлен для сдачи в издательство также II том «Записок».

Проведены три собрания Одесского археологического общества, которые привлекли большое количество участников [1].

Очень ценно то, что эти собрания Общества обычно проводятся не только в Одессе, но и в других городах Северного Причерноморья. Это позволяет непосредственно ознакомиться с разнообразными древними памятниками юга нашей Родины. Особенно удачно было проведено третье собрание Общества осенью 1963 г. Заседания начались в Керчи и были продолжены в Симферополе и Севастополе, что позволило участникам собрания посетить наиболее известные места раскопок в Крыму. Несомненно, нужная и разносторонняя деятельность Одесского археологического общества приносит и будет приносить большую пользу не только специалистам археологам, но и широкой общественности. В год юбилея освобождения города-героя от фашистских захватчиков хочется пожелать всему коллективу одесских археологов дальнейших успехов в их культурно-просветительной и научно-издательской деятельности.

Э. А. Сымановичъ

---

[1] А. А. Ашрафиан, Э. И. Диамант. Организационное собрание Одесского археологического общества. ЗОАО, т. I(34), Одесса, 1960, стр. 367—370; Л. И. Гудис. Второе собрание Одесского археологического общества. КС ОГАМ за 1961 г., Одесса, 1963, стр. 143—147.

Журнал «Советская археология» публикует полученное редакцией письмо:

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Вторая конференция по подводной археологии состоится в Торонто, в Канаде, с 15 по 17 апреля 1965 г. Ее устроителем будет Королевский музей провинции Онтарио при соучастии Совета подводной археологии.

На заседаниях будут рассмотрены новые материалы; ожидаются доклады о последних достижениях, таких, как рубидиевый магнетометр и стереофотография, отчеты о новых экспедициях по классической археологии и археологии Нового Света и дискуссии об исследованиях в смежных областях, которые важны для археологов: сюда относятся морская биология (датировка по кораллам и деятельность корабельных червей), геология (поглощение жилых слоев морем) и успехи в датировке стекла. На конференции выступят ученые из Европы, Канады, Мексики и Соединенных Штатов.

Джон Хастон
А. Д. Ташингэм

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки
АИР — Сб.: «Археологические исследования в РСФСР»
АП — Археологічні памъятки УРСР
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВССА — Сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ДГС — Древности Геродотовой Скифии
ДП — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, Киев, 1899—1907
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
Зап. УНТК — Записки Українського наукового товариства, Київ
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН Тадж. ССР, СОН — Известия Академии наук Тадж. ССР, серия общественных наук
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ВНИОРХ — Известия Всесоюзного научно-исследовательского института озерного и речного хозяйства
ИООН АН Тадж. ССР — Известия Отделения общественных наук АН
ИРАИ — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАО — Известия Российского археологического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения Одеского Государственного археологического музея
МАР — Материалы по археологии России
НИС — Новгородский исторический сборник
НПЛ — Новгородская первая летопись
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Сб.: «Проблемы истории докапиталистических обществ»
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТЛСО АН СССР — Труды Лаборатории сапропелевых отложений
Тр. АС — Труды Археологического съезда
» ГИМ — » Государственного исторического музея
» МИРМ — » Музея истории и реконструкции г. Москвы
» ОИГЭ — » Отдела искусства Государственного Эрмитажа
» ОИПКГЭ — » Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
» ТПЭ — » Таджикско-Памирской экспедиции
« ЧИНИИ — » Чечено-ингушского научно-исследовательского института
» ЮТАКЭ — » Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УАН — Украинская Академия наук
Уз. зап. ТПГИ — Ученые записки Томского педагогического института
Уч. зап. МГУ — Ученые записки Московского государственного университета

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
AAH — Acta Archaeologia Hungaricae
AHKb — Acta Archaeologica København
AJA — American Journal of Archaeology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
IOSPE — B. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
JRS — The Journal of Roman Studies
PA — Památky archeologické
PZ — Prähistorische Zeitschrift
RV — Reallexicon der Vorgeschichte herausgegeben von M. Ebert
SA — Slovenská archeológia
SCIV — Studii şi cercetari de iştorie veche
SO — Slavia Occidentalis (Poznań)
SPA — A Survey of Persian Art
WA — Wiadomości archeologiczne
ZOW — Z otchlani wiekow (Posnań)

ПОПРАВКА

В статье К. Маевского «Археологические исследования в Нове в 1963 г.», помещенной в № 4, 1964 г., строку 28 снизу на стр. 200 следует читать:

5,5 *м*, чтобы узнать стра-

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. И. Бибикова (Киев). О происхождении палеолитического мезинского орнамента 3
Г. Н. Лисицына (Москва), **В. М. Массон** (Ленинград), **В. И. Сарианиди** (Москва), **И. Н. Хлопин** (Ленинград). Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса (1956—1962 гг.) . . 9
Б. А. Рыбаков (Москва). Космогония и мифология земледельцев энеолита 24
С. Н. Бибиков (Киев). Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (Опыт изучения первобытной экономики) 48
А. И. Тереножкин (Киев). Основы хронологии предскифского периода . . 63
В. А. Ильинская (Киев). Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля 86
В. Б. Виноградов (Грозный). Сиракский союз племен на Северном Кавказе 108
Т. В. Равдина (Москва). О датировке вятических курганов 122
Памяти Александра Александровича Иессена 130

Публикации

Г. Н. Матюшин (Москва). Стоянка Мурат на озере Узун-Куль 135
Т. Б. Попова (Москва). Коренецкие стоянка и могильник 154
И. И. Саверкина (Ленинград). Портретная скульптура Пальмиры . . . 168
И. Г. Розенфельдт (Москва). Посуда Троицкого городища 180
В. Б. Никитина (Москва) Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине 194
Б. А. Шелковников (Ленинград). Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями 206
Ю. Л. Щапова (Москва). Стеклянные браслеты древнего Полоцка 225
Е. К. Сычевская (Москва). Рыбы древнего Новгорода 236

Заметки

А. Л. Никитин (Москва). Рождественская стоянка на озере Неро 257
А. А. Пошко (Чернигов). Находка латенской фибулы в Чернигове . . . 264
И. Р. Селимханов (Баку). К спектральному определению олова и других элементов в древних медных сплавах путем испарения опилок пробы . 265
Е. Н. Черных (Москва). Результаты изучения химического состава металла Бессарабского клада 270
В. Д. Блаватский (Москва). Подводная археологическая экспедиция 1962 г. 272
В. А. Могильников (Москва). Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации среднего Прииртышья и Барабы 275
Ю. Ф. Буряков (Ташкент). Древний серебряный рудник Лашкерек . . . 282
А. А. Медынцева (Москва). Серебреник из Заречья на Стугне 289
К. В. Кострин (Уфа). Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской 291
Н. Л. Подвигина (Москва). Раскопки курганов в Псковской области . . . 293
М. Д. Полубояринова (Москва). Раскопки церкви Саввы Освященного в Новгороде 297
Д. Е. Харитонов (Пермь). Булгарское медное блюдо из Чердынского района 303
Я. Ф. Штэтылло (Варшава). Деревянная скульптура XIV—XV вв. из Штральзунда 306

Критика и библиография

В. П. Левенок (Ленинград). Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д 1—12. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра 315
А. Н. Кирпичников, И. П. Шаскольский (Ленинград). «Ярославское Поволжье X—XI вв.» 317
А. А. Тиц (Харьков). В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI века 320

Хроника

Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования в РСФСР в 1961—1962 гг. 323
П. М. Кожин (Москва). Сессия Отделения истории и Пленума ИА АН СССР 340
Э. А. Сымонович (Москва). Пятая научная сессия по археологии в Одессе 346
Письмо в редакцию 348

SOMMAIRE

V. I. Bibikova (Kiev): Sur l'origine d'ornement de Mesine 3
G. N. Lisitzyna (Moscou), **V. M. Masson** (Léningrad), **V. I. Sarianidi** (Moscou), **I. V. Khlopine** (Léningrad): Les totals des recherches archéologiques et paléogéographiques de l'oasis de Geoxure (1956—1962) . . . 9
B. A. Rybakov (Moscou): Cosmogonie et mythologie des agriculteurs énéolithiques 24
S. N. Bibikov (Kiev): Complexe économique tripolienne 48
A. I. Terenojkine (Kiev): Principes de la chronologie de la période préscythique 63
V. A. Ilyinskaia (Kiev): Sur quelques motifs du style animal scythique . . 86
V. B. Vinogradov (Grozny): Union des tribus des Sirakes au Caucase du Nord 108
T. V. Ravdina (Moscou): Sur la detation des tumulus des Viatitches . . . 122
Au mémoire d'A. A. Iessen 130

Publications

G. N. Matiouchine (Moscou). Station Mourate au bord du lac Ousoun-Koul . . 135
T. B. Popova (Moscou): Station Korenetskaia et nécropole 154
I. I. Saverkina (Léningrad): Sculpture de portrait de Palmire 168
I. G. Rosenfeldt (Moscou): Céramiques de Troitskoé gorodistché 180
V. B. Nikitina (Moscou): Monuments de la civilisation pomorienne en Biélorussie et Ukraine 194
B. A. Chelkovnikov (Léningrad): Verre russe orné par émail du temps prémongolien 206
J. L. Chtchapova (Moscou): Bracelets en verre de Polotsk 225
E. K. Sytchevskaia (Moscou): Poissons de Novgorod 236

Notes

A. L. Nikitine (Moscou): Station Rojdestvenskaia au bord du lac Nero . . . 257
A. A. Popko (Tchernigov): Trouvaille d'une fibule latenienne à Tchernigov 264
I. K. Selimkhanov (Bakou): Sur la fixation spectrale d'étain et autres éléments en aillages de cuivre anciens par la méthode d'évaporation de limaille d'échantillon 265
E. N. Tchernykh (Moscou): Résultats d'étude du composé chimique du trésor de Bessarabie 270
V. D. Blavatski (Moscou): Expedition archéologique sous-marine en 1962 272
V. A. Mogilnikov (Moscou): Gorodistché d'Ananyevo et la question de la turquisation de la région de l'Irtych Moyen et la Baraba 275
I. F. Bouriakov (Tachkent): Mine ancienne d'argent Lachkerek 282
A. A. Medyntseva (Moscou): Monnaie d'argent de Zarétchyé sur la Stougna . 289
K. V. Kostrine (Oufa): Etude du naphte d'amphores médievales trouvées près du village Prolétarskaia 291
N. L. Podviguina (Moscou): Fouilles des tumulus dans la région de Pskov . 293
M. D. Polouboiarinova (Moscou): Fouilles de l'église de Savva Osvestchenny à Novgorod 297
D. E. Kharitonov (Perm): Plat de cuivre bulgarien, trouvé dans le district de Tcherdyne 303
J. F. Stetyllo (Varsovie): Sculpture en bois des XIVe—XVe siècles de Strahlsund 306

Critique et bibliographie

V. P. Levenok (Léningrad): Archéologie de l'URSS. Corps de sources archéologiques. Livraison D 1—12. Antiquités d'âge de fer sur le territoire entre la Desna et le Dniepr 315
A. N. Kirpitchnikov, I. P. Chaskolski (Léningrad): Région de la Volga prés d'Iaroslav à X^e^—XIe siècles 317
A. A. Titz (Kharkov): V. V. Kostotchkine. Fortification russe de bout de XIIIe — commencement de XVIe siècle 320

Chronique

N. K. Lisitzyna (Moscou): Recherches archéologiques sur le territoire de la République Socialiste Fédérative Soviétique de Russie en 1961—1962 . . 323
P. M. Kojine (Moscou): Session de la Section de l'histoire et Plenum de l'Institut de l'archéologie de l'Académie des Sciences de l'URSS 340
E. A. Symanovitch (Moscou): Cinquième séssion scientifique archéologique à Odessa 346
Etre à la redaction 348